3 1761 08821399 6

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso09koro

LR
K8467

Korolenko, Vladimir Galaktionovic
Polnoe sobranie sochineny

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
В. Г. КОРОЛЕНКО.

v. 9

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ

489682
12. 4. 49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ въ ПЕТРОГРАДѢ. 1914

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1914 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

НЕ СТРАШНОЕ.

(Изъ записокъ репортера. Этюдъ).

I.

„Двадцатому будьте въ N-скѣ. Сессія окружнаго суда. Подробности письмомъ. Редакція“.

Я посмотрѣлъ на часы, потомъ справился въ путеводителѣ. У меня была надежда, что я уже не попаду къ ночному поѣзду на станцію желѣзной дороги, расположенную верстахъ въ 10 отъ города, гдѣ я только что закончилъ другое редакціонное порученіе. Въ умѣ мелькалъ лаконически-дѣловой отвѣтъ: „телеграмма запоздала, двадцатому не могу“. Къ сожалѣнію, однако, путеводитель и часы говорили другое: у меня было три часа на сборы и на путь до станціи. Этого было достаточно.

Около 11 часовъ теплаго лѣтняго вечера извозчикъ доставилъ меня къ загородному вокзалу, свѣтившему издалека своими огнями. Я пріѣхалъ какъ разъ во время: поѣздъ стоялъ у платформы.

Прямо противъ входа оказался вагонъ съ открытыми окнами. Въ немъ было довольно просторно, и какіе-то господа интеллигентнаго вида играли въ карты. Я догадался, что это члены суда, ѣдущіе на сессію, и рѣшилъ искать мѣсто въ другомъ вагонѣ. Это оказалось нелегко, но наконецъ мѣсто нашлось. Поѣздъ уже трогался, когда я, съ легкимъ багажомъ въ рукахъ, вошелъ въ купэ 2-го класса, занятое тремя пассажирами.

Я усѣлся у окна, въ которое вѣяло свѣжестью лунной ночи, и скоро мимо меня понеслись концы шпалъ, откосы, гудящіе мостки, будки, луга, залитые бѣлымъ свѣтомъ луны, — точно уносимые назадъ быстрымъ потокомъ. Я чувствовалъ уста-

лость и печаль. Думалось, что вотъ такъ же быстро бѣжитъ моя жизнь отъ мостка къ мостку, отъ станціи къ станціи, отъ города къ городу, отъ пожара къ выѣздной сессіи... и что объ этомъ никоимъ образомъ нельзя написать въ газетномъ отчетѣ, котораго ждетъ отъ меня редакція... А то, что я напишу завтра, будетъ сухо и едва ли кому интересно.

Мысли были невеселыя. Я отряхнулся отъ нихъ и сталъ слушать разговоръ сосѣдей.

II.

Ближайшій мой сосѣдъ беззаботно спалъ, предоставивъ мнѣ устраиваться, какъ знаю, у него въ ногахъ. Напротивъ одинъ пассажиръ тоже лежалъ, другой сидѣлъ у окна... Они продолжали разговоръ, начатый ранѣе...

— Положимъ,—говорилъ лежащій,—я тоже человѣкъ безъ суевѣрій... Однако всетаки... (онъ сладко и протяжно зѣвнулъ) нельзя отрицать, что есть еще много, такъ сказать... ну однимъ словомъ—непознаннаго, что ли... Ну, положимъ, мужики... деревенское невѣжество и суевѣріе. Но вѣдь вотъ—газета...

— Ну, что-жъ, газета. То суевѣріе мужицкое, а это газетное... Мужику, по простотѣ, является примитивный чортъ, съ рогами тамъ, огонь изъ пасти. И онъ дрожитъ... Для газетчика это уже фигура изъ балета...

Господинъ, допускавшій, что есть „много непознаннаго“, опять зѣвнулъ.

— Да,—сказалъ онъ нѣсколько докторально,—это правда: страхи исчезаютъ съ развитіемъ культуры и образованности...

Его собесѣдникъ помолчалъ и потомъ сказалъ задумчиво:

— Исчезаютъ?.. А помните у Толстого: Аннѣ Карениной и Вронскому снится одинъ и тотъ же сонъ: мужикъ, обыкновенный мастеровой человѣкъ „работаетъ въ желѣзѣ“ и говоритъ по французски... И оба просыпаются въ ужасѣ... Что тутъ страшнаго? Конечно, немного странно, что мужикъ говоритъ по французски. Однако допустимо... И всетаки въ данной-то комбинаціи житейскихъ обстоятельствъ отъ этой ничѣмъ не угрожающей картины вѣетъ ужасомъ... Или вотъ еще у Достоевскаго въ братьяхъ Карамазовыхъ... тамъ есть нашъ городской чортъ... Помните, конечно...

— Н-нѣтъ, не помню... Я вѣдь, Павелъ Семеновичъ, преподаватель математики...

— А, да... Извините... я думалъ... Ну, я напомню: это, говоритъ, былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, из-

вѣстнаго сорта русскій джентльмэнъ лѣтъ уже не молодыхъ, съ просѣдью тамъ, что ли, въ волосахъ и въ стриженой бородкѣ клиномъ... Бѣлье, длинный галстухъ въ видѣ шарфа, все, говоритъ, было такъ, какъ у всѣхъ шиковатыхъ джентльмэновъ, но только бѣлье грязновато, а галстухъ потертый. Словомъ — „видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ“..

— Ну, какой же это чортъ? Просто проходимецъ, какихъ много,—сказалъ математикъ...

— То-то вотъ и есть, что много... Это и страшно... И именно потому страшно, что такъ обыкновенно: и галстучекъ, и манишка, и сюртучокъ... Только что потертые, а то бы совсѣмъ, какъ и мы съ вами...

— Ну, это что-то, Павелъ Семенычъ... это, извините, какая-то у васъ странная философія...

Математикъ слегка какъ будто обидѣлся. Павелъ Семеновичъ повернулся къ свѣту, и мнѣ стало ясно видно его широкое лицо, съ прямыми бровями и сѣрыми задумчивыми глазами подъ крутымъ лбомъ.

Оба помолчали. Нѣкоторое время слышался торопливый стукъ поѣзда. Но затѣмъ Павелъ Семеновичъ заговорилъ опять своимъ ровнымъ голосомъ.

— На N-ской станціи подошелъ я, знаете, къ локомотиву. Машинистъ человѣкъ отчасти знакомый... Хронически сонный субъектъ, даже глаза опухшіе.

— Да?—спросилъ собесѣдникъ равнодушно и не скрывая этого равнодушія.

— Положительно... Явленіе, конечно, естественное. Тридцать шесть часовъ не спалъ.

— М-м-да-а... Это много...

— Я вотъ и думаю: мы заснемъ... Поѣздъ летитъ на всѣхъ парахъ... А правитъ имъ человѣкъ нѣкоторымъ образомъ совершенно осовѣлый...

Собесѣдникъ слегка завозился на своемъ мѣстѣ...

— Да, вы вотъ съ какой стороны!.. Дѣйствительно, чортъ возьми... Вы бы заявили начальнику станціи...

— Что тутъ заявлять...Засмѣется! Дѣло самое обыкновенное, даже можно сказать — система. Въ Петербургѣ въ какомъ-нибудь управленіи сидитъ господинъ... И передъ нимъ таблицы, въ таблицахъ — цифры. Приходъ... Расходъ... И въ одной графѣ расхода есть и машинисты. Жалованье—столько-то. Поверстныхъ—столько-то. Поверстныя, — это пробѣгъ поѣздовъ,—цифра полезная, доходная, твердая, подлежащая увеличенію. А вотъ жалованье людямъ—это уже минусъ... Вотъ

этотъ человѣкъ и ломаетъ голову: взять меньше машинистовъ, а пробѣгъ оставить тотъ же... Если даже немного увеличить... Происходитъ, такъ сказать, стихійная игра цифръ... И занимается ею самый обыкновенный господинъ... И сюртучокъ на немъ, и галстучекъ, и видъ полной порядочности... Товарищъ хорошій, семьянинъ прекрасный... Дѣточекъ любитъ, женѣ къ празднику сувенирчики даритъ... И дѣло его самое безобидное: простѣйшія задачи рѣшаетъ. А въ результатѣ сонъ у людей убываетъ... И по полямъ и равнинамъ нашего любезнаго отечества въ этакія вотъ лунныя ночи мчатся вотъ этакіе же поѣзда, и съ локомотива глядятъ впередъ полусонные, запухшіе глаза человѣка, отвѣтственнаго за сотни жизней... Минута дремоты...

Ноги математика, одѣтыя въ клѣтчатыя брюки, зашевелились; онъ поднялся съ своего мѣста въ тѣни и сѣлъ на скамейкѣ... Его полное мало-выразительное лицо съ толстыми подстриженными усами было встревожено.

— Ну васъ, ей-Богу, съ вашимъ карканіемъ,—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ...—И какъ это у васъ, чортъ возьми, ощутительно выходитъ... Только что хотѣлъ заснуть...

Павелъ Семеновичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да нѣтъ, что вы это?—сказалъ онъ...—Богъ съ вами!.. Доѣдемъ, Богъ дастъ, благополучно. Я вѣдь только къ тому, что вотъ какъ оно перемѣшано: страшное и обычное... Экономія—обыкновеннѣйшее житейское дѣло... А около нея гдѣ-то смерть... И даже подлежитъ учету по теоріи вѣроятностей...

Математикъ, все еще огорченный, вынулъ портъ-сигаръ и сказалъ, закуривая:

— Нѣтъ, это вы вѣрно: дѣйствительно, чортъ его знаетъ: заснетъ каналья и какъ разъ... Скоты эти желѣзнодорожники... Однако, давайте о чемъ-нибудь другомъ. Къ чорту всѣ эти страхи... Итакъ, вы все еще процвѣтаете въ Тиходолѣ?.. Давно что-то застряли...

— Да,—отвѣтилъ немного сконфуженный Павелъ Семеновичъ...—Такой ужъ, знаете, городъ несчастный... Точно въ яму какую проваливаешься. Учитель, судебный слѣдователь, акцизный... Какъ попалъ сюда, такъ, будто, и забыли про тебя и изъ списковъ живущихъ вычеркнули...

— Да, да... Дѣйствительно городъ, чортъ его знаетъ. Глухой какой-то... Даже клуба нѣтъ. И грязь невылазная.

— Клубъ теперь, положимъ, есть... И мостовыя кое-гдѣ завелись... Освѣщеніе тоже, особенно въ центрѣ... Я, положимъ, живу на окраинѣ, такъ мало этими удобствами пользуюсь...

— А вы гдѣ собственно живете?

— Въ домѣ Будникова, на слободкѣ...

— Будниковъ? Семенъ Николаевичъ? Представьте, вѣдь и я жилъ въ этихъ же мѣстахъ: у отца Полидорова... Съ Будниковымъ встрѣчался, какъ же! Прекрасный господинъ, съ образованіемъ и, кажется, немного даже того... съ идеями?..

— Да, съ нѣкоторыми странностями...

— Нѣтъ, что же?.. Я говорю: съ идеями. А странности... Какія же? Кажется, ничего особеннаго.

— Вотъ именно: особеннаго ничего, а всетаки... Цѣнныя бумаги, напримѣръ, хранилъ въ тюфякѣ...

— Ну, я этого не зналъ. А такъ, при встрѣчахъ производилъ отличное впечатлѣніе. Свѣжее такое, оригинальное... Домовладѣлецъ и вдругъ—самъ живетъ въ двухъ комнаткахъ, безъ прислуги. Впрочемъ... постойте... Было, помнится, что-то вродѣ дворника...

— Это вѣрно Гаврило...

— Именно, именно, Гаврило. Низкорослый такой, бѣлобрысый? Да? Ну, вотъ... Помню,—пріятно было смотрѣть на его рожу: добродушнѣйшее этакое мурло... Бывало думаю: въ хозяина и работникъ... Ну, что онъ? Все такой же?..

Павелъ Семеновичъ нѣкоторое время молчалъ. Потомъ посмотрѣлъ на собесѣдника какимъ-то помутнѣвшимъ взглядомъ и сказалъ:

— Д-да... Вы правы... И это было дѣйствительно такъ... И Семенъ Николаевичъ... И Гаврило... И оба они вмѣстѣ...

— Ну, да! Я вѣдь помню...

— Именно свѣжій былъ человѣкъ для нашего города... Образованный, независимый, съ идеями... Былъ въ университетѣ, только не кончилъ изъ-за какой-то исторіи... Самъ онъ мнѣ говорилъ, будто влюбился несчастливо. „Сердце, говоритъ, у меня разбито“. Съ другой стороны, мнѣ извѣстно, что онъ переписывался съ какимъ-то пріятелемъ въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Значитъ, было назади что-то такое... Отецъ у него, говорили, ростовщичествомъ занимался, хотя не особенно злостно. Такъ съ сыномъ у него изъ-за этого ссора нѣкоторая вышла. Молодой студентъ не одобрялъ и не прикасался къ его деньгамъ, перебиваясь грошовыми уроками... Ну, когда отецъ умеръ — Семенъ Николаевичъ пріѣхалъ, вступилъ во владѣніе наслѣдствомъ. Говорилъ кое-кому: „Не для себя... Считаю это долгомъ всему обществу“... Потомъ... дѣла-то оказались запутанными... Дома тамъ, земля, долгосрочные контракты, тяжба какая-то... Разбирался онъ во всемъ этомъ годъ, другой, третій, а тамъ и втянулся. Многіе еще помнили, какъ онъ говорилъ: „Только бы тяжбу закончить съ этими

подлецами, да дѣла устроить... Дня въ этой проклятой трущобѣ не останусь...“ Ну, однимъ словомъ,—исторія обычная... Учитель у насъ одинъ, зоологъ, поступая къ намъ въ гимназію, такъ прямо и говорилъ: только бы, говоритъ, диссертацію написать, и вонъ изъ этого болота!

— А, это Каллистовъ! Ну, что же? — спросилъ живо математикъ. Разсказчикъ только махнулъ рукой.

— До сихъ поръ все пишетъ. Женился. Третьимъ Богъ благословляетъ... Ну, вотъ такъ же и Семенъ Николаевичъ Будниковъ—все свою, такъ сказать, жизненную диссертацію писалъ. Началось, кажется, съ того, что увлекся тяжбой. Отзывы эти, протесты, кассаціи, вся эта игра... И все самъ писалъ, почти не совѣтуясь съ адвокатами. Потомъ,—пока-что—новый домъ сталъ строить. Когда я съ нимъ познакомился,—онъ былъ уже благополучнымъ средняго возраста холостякомъ, съ румянымъ лицомъ и пріятной этакой, спокойной, солидной и сочной рѣчью. И уже тогда были маленькія странности. Приходилъ иногда ко мнѣ, главнымъ образомъ, въ сроки уплаты за квартиру... Мы эти сроки пригнали къ 20-му. Ну, значитъ, двадцатаго онъ и приходилъ въ 8 часовъ вечера, и выпивалъ у меня два стакана чаю съ ромомъ. Не больше, но и не меньше! На каждый стаканъ по двѣ ложечки рому и по сухарю. Я привыкъ смотрѣть на это, какъ бы на нѣкоторую прибавку къ квартирной платѣ. И у другихъ квартирантовъ бывало тоже,—у кого съ ромомъ, у кого безъ рому. Сроки найма были все различные, квартиръ въ четырехъ его домахъ (одинъ въ городѣ довольно большой)—было около 20-ти... Итого, 40 стакановъ чаю... Впослѣдствіи оказалось, что это входило въ его бюджетъ и вписывалось въ книги... Иной разъ такъ и стояло: „не засталъ такого-то, деньги онъ принесъ самъ на слѣдующій день. Въ расходъ сверхъ смѣты два стакана чаю“...

— Неужели?—засмѣялся Илья Петровичъ.—Вотъ не думалъ никакъ! Откуда же вы узнали?

— Пришлось, по одному случаю. Да, это, конечно, черта тоже неожиданная, и вѣроятно въ ваше время ея еще не было. Ну а позже стало замѣтно. Даже обыватели стали поговаривать: дескать г. Будниковъ человѣкъ съ разсчетцемъ. Говорилось это благодушно, даже съ одобреніемъ. Это какъ будто роднило Будникова со средой... Понимаете? Явилась въ непонятномъ человѣкѣ какая-то ниточка своя, бытовая такъ сказать, понятная... Ну, и стала эта черта все болѣе обозначаться. Считалось напримѣръ, что г. Будниковъ не держитъ почти прислуги: Гаврило былъ дворникомъ того

дома, гдѣ была и моя квартира: чистилъ нѣкоторымъ жильцамъ платье, ставилъ самовары, бѣгалъ на побѣгушкахъ. И бывало такъ, что хозяинъ и работникъ сидятъ рядышкомъ и чистятъ сапоги: дворникъ жильцамъ, Будниковъ себѣ... Но потомъ г. Будниковъ завелъ лошадь. Безъ особенной нужды. Маленькая роскошь: ѣздилъ онъ раза два въ недѣлю на загородный хуторъ. Остальное время лошадь была свободна. У Гаврилы тоже не все время было занято... Ну, и вышло естественнымъ образомъ, что лошадь перешла на попеченіе Гаврилы, и онъ съ нею сталъ выѣзжать на биржу. Гаврило противъ этой комбинаціи, повидимому, ничего не имѣлъ, такъ какъ неустанный трудъ считалъ своимъ пріятнымъ назначеніемъ. Есть, знаете, своего рода талантливость на все, и я думалъ иной разъ, что Гаврило своего рода геній въ области мускульнаго труда... Въ движеніяхъ легкость, безтрудность какая-то неутомимая. Иной разъ даже ночью... не спится бывало. Взглянешь въ окно: мететъ мой Гаврило улицу или тамъ канавки подчищаетъ. Это значитъ,—легъ спать, и вдругъ вспомнилъ: не успѣлъ за другими дѣлами мостки дочистить... Идетъ и чиститъ. И была въ этомъ положительно какая-то своя красота...

— Да, да!—сказалъ математикъ.—Вы очень вѣрно изобразили этого человѣка. Вспоминаю именно, что на него вообще было пріятно смотрѣть, благообразіе какое-то.

— Душевное равновѣсіе всегда красиво, а онъ исполнялъ свое назначеніе, не углубляясь въ характеръ своихъ отношеній къ хозяину... И это тоже было пріятное зрѣлище, то есть ихъ взаимныя отношенія. Одинъ красиво играетъ мускулами. Другой придаетъ этой игрѣ смыслъ и разумную цѣлесообразность... Увидѣлъ, что время не заполнено,—и нашелъ новое примѣненіе... Своего рода гармонія интересовъ, почти идиллія... Чуть свѣтъ,—Гаврило ужъ на работѣ. Г-нъ Будниковъ вставалъ тоже рано. Они здоровались съ очевиднымъ взаимнымъ расположеніемъ. Потомъ г. Будниковъ или работалъ въ саду, или обходилъ свое „хозяйство“, разбросанное въ городѣ: бѣднота-то поднимается рано, онъ и заходилъ утромъ въ квартирки, занятыя бѣднотой... Потомъ возвращался и говорилъ:

— Ну, ты теперь, Гаврилушко, запрягай, пожалуй, а я за тебя тутъ дочищу... Какъ разъ чиновники въ канцеляріи идутъ. Можетъ кто и попадется...

Себя онъ считалъ въ то время не то толстовцемъ, не то... опростившимся что ли... Часто заговаривалъ о ненормальности нашей жизни, о необходимости отдать долгъ трудящемуся

народу, о пользѣ физическаго труда.—„Работаю вотъ,—говорилъ онъ, когда кто-нибудь заставалъ его за топоромъ или лопатой.—Помогаю ближнему дворнику трудомъ своимъ“. И трудно было разобрать въ его тонѣ: иронія это или серьезно... Въ серединѣ дня Гаврило возвращался и ставилъ лошадь въ конюшню, а г. Будниковъ опять отправлялся по хозяйству, дѣлалъ жильцамъ вѣжливыя замѣчанія за изломанный палисадникъ или обитую дѣтскими мячами штукатурку... Возвращался онъ порой съ какимъ-нибудь нищимъ, а то и двумя. Они, значитъ, попросили на улицѣ милостыню, а онъ предложилъ „трудовую помощь...“ Ну, конечно, попрошайки обращались въ постыдное бѣгство, а г. Будниковъ съ особеннымъ удовольствіемъ продолжалъ работать одинъ или съ Гаврилой. Вскорѣ его узнали всѣ нищіе въ городѣ и только кланялись съ добродушной улыбкой, а денегъ не просили.—„Какъ это вы, друзья мои, не понимаете своей пользы“,—назидательно говорилъ г. Будниковъ. И надо сказать, что этотъ „трудовой“ образъ жизни ему лично приносилъ очевидную пользу: румянецъ у него былъ прямо завидный, ровный этакой, съ здоровымъ загаромъ. Выраженіе лица всегда спокойное, уравновѣшенное, почти какъ у Гаврилы... И вотъ тоже... ничего вѣдь въ этомъ не было ни зловѣщаго, ни страннаго.

— Ну,—вы опять свернули на прежнее!—сказалъ математикъ, подымаясь и похлопывая собесѣдника по плечу...—Конечно, ничего страшнаго... А между прочимъ, я выйду на этой станціи... Восемь минутъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ, потомъ остановился.

III.

Павелъ Семеновичъ, оставшійся вдругъ безъ слушателя, оглянулся нѣсколько растерянно... Черезъ нѣкоторое время взглядъ его сѣрыхъ глазъ встрѣтился съ моимъ. Въ глубинѣ этого взгляда свѣтилась какая-то упорная мысль, точно у маніака...

— Вы... понимаете?—спросилъ онъ просто, не смущаясь тѣмъ, что говоритъ съ незнакомымъ человѣкомъ...

— Кажется, понимаю,—отвѣтилъ я...

— Ну, вотъ-вотъ, — сказалъ онъ съ удовлетвореніемъ, потомъ сталъ продолжать просто, какъ будто не замѣчая смѣны слушателя...

— Былъ у меня, знаете, товарищъ школьный... Нѣкто Калугинъ, Петръ Петровичъ. Былъ онъ захваченъ тогдашними теченіями въ молодости... а человѣкъ былъ своеобразный. Говорилъ мало. Больше слушалъ, что говорили другіе, и на-

блюдалъ, какъ они суетились, пыталъ, какъ говорится, повернуть колесо исторіи. Но въ самомъ молчаніи чувствовалось восхищеніе и преданность... И пришелъ онъ къ заключенію: „все это хорошо и чрезвычайно благородно, но нѣтъ рычага. А рычагъ—деньги. За эти дѣла, говоритъ, нечего и приниматься безъ ста тысячъ“. И успѣлъ, знаете, убѣдить въ этомъ еще нѣсколько товарищей, которые и составили маленькій кружокъ, накопителей, что ли... Ну,—изъ кружка, положимъ, ничего не вышло: кто просто отсталъ, кого судьба зашвырнула далеко отъ источниковъ добываній. А онъ, Петръ Петровичъ,—выдержалъ и достигъ. Человѣкъ былъ безъ блеска, но съ большимъ характеромъ, такіе въ дѣловыхъ сферахъ очень цѣнятся. Поступилъ для начала въ одно учрежденіе на Волгѣ. Не то, знаете ли, банкъ, не то касса ссудъ. Для великой цѣли не пренебрегъ онъ и этимъ учрежденіемъ, и сразу, какъ говорится, вдохнулъ въ него новую жизнь. Года черезъ три получалъ уже тысячъ что-то около шести... Тогда онъ поставилъ задачу въ такомъ видѣ: пятью двадцать—сто! На себя, значитъ, и на прочее — тысяча въ годъ. Пять тысячъ на великое дѣло. „Черезъ двадцать лѣтъ — рычагъ готовъ“... И что вы думаете: достигъ. Правда, нуженъ былъ характеръ—прямо самоотверженный. И система!.. Во-первыхъ, во избѣжаніе всякихъ глупыхъ случайностей,—„на время“ отошелъ отъ прежнихъ товарищей... тѣхъ, которые голыми руками за колеса исторіи хватаются. „У меня дескать своя задача... Неблагонадежность тамъ... случайное письмецо... сдѣлайте одолженіе, не надо“... И это тоже выдержалъ. Вообще всю жизнь приспособилъ, всѣ подробности разсчиталъ. Ничего—кромѣ накопленія! Вставалъ ежедневно не то, что въ семь часовъ, какъ Будниковъ, а въ семь часовъ безъ 13 минутъ. Секунда въ секунду! Отъ личной жизни отказался... Было у него до того времени увлеченіе одно: сошелся съ одной дѣвушкой и тоже на свободныхъ началахъ. Дали взаимно слово „не связывать другъ друга“. Ну, да вѣдь это глупыя фразы: ребеночекъ-то никому слова не давалъ... Явился на свѣтъ и потребовалъ свое... Она и рада... А онъ насупился. Такъ какъ, говоритъ, эта непріятная случайность можетъ повториться и принимая, говоритъ, въ соображеніе мою великую цѣль, то я, говоритъ, намѣренъ воспользоваться свободой. На ребеночка я, говоритъ, хотя и въ ущербъ великой цѣли... такую-то сумму... Женщина была тоже съ характеромъ: денегъ не взяла ни копѣйки, захватила ребеночка—и прощайте—навсегда... Какъ онъ чувствовалъ себя послѣ этого—неизвѣстно, но накопленію отдался безъ помѣхи... И вотъ, послѣ раз-

ныхъ удачъ и неудачъ, черезъ двадцать лѣтъ, проснувшись по обыкновенію въ семь часовъ безъ 13 минутъ,—онъ поздравилъ себя съ успѣхомъ: сто тысячъ собраны. На службу явился въ обычное время, вошелъ въ кабинетъ своихъ принципаловъ—и говоритъ: „Черезъ два мѣсяца я ухожу“. Тѣ и ротъ разинули. „Да что вы, Богъ съ вами! Можетъ быть прибавить жалованіе? Или процентъ съ дохода?“ Нѣтъ! Сказалъ, какъ отрѣзалъ и черезъ два мѣсяца—былъ въ Москвѣ на прежней жизненной точкѣ... И въ карманѣ сто тысячъ.

— О-го!—сказалъ Петръ Петровичъ, вернувшійся въ эту минуту изъ буфета...—Это у Будникова, что ли?..

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Павелъ Семеновичъ. — Это я о другомъ...

— А! О другомъ? Ну, все равно... Продолжайте о ста тысячахъ... Это уже, надѣюсь, не страшно?..

Въ его голосѣ звучала легкая насмѣшка. Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ на него съ наивнымъ удивленіемъ и повернулся ко мнѣ.

— Да, такъ вотъ... Пріѣхалъ онъ въ Москву, то есть понимаете: къ своему прошлому... Думалъ—жизнь будетъ его ждать, пока онъ выполнитъ великую задачу накопленія... И явится онъ въ тотъ же Газетный переулокъ, и тамъ застанетъ тѣ же споры и тѣхъ же людей, и такъ же будутъ они хвататься голыми руками за колеса исторіи... Тутъ онъ имъ свой рычагъ... „Извольте! У васъ великія идеи... А вотъ мой вкладъ для осуществленія“... Глядь, а предлагать-то уже и некому: въ Газетномъ переулкѣ другіе люди, и говорятъ по другому. Прежніе или погибли подъ колесами исторіи, или отстали... Жизнь—это вѣдь поѣздъ... Отлучился со станціи на время, глядь — поѣзда уже и не видно.. А порой не застанешь и станціи... Понимаете вы, милостивый государь, какая это трагедія?..

— Ну, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Петръ Петровичъ.— Сто тысячъ! Свободенъ!.. Многіе согласятся на этакую трагедію...

— Да?.. Но вѣдь человѣкъ-то, я вамъ говорю, былъ искренній.

— Ну, и что же?

— Да вотъ... Бродилъ онъ среди старыхъ и новыхъ знакомыхъ, все своего поѣзда разыскивалъ... Тоску на всѣхъ навелъ... То, для чего отдалъ жизнь и свою, и чужую—уже непонятно: кажется, что тамъ одна пальба идетъ... а для чего—неизвѣстно. А то, что понятно,—разныя почтенныя дѣла, вродѣ „народнаго дома“, или газеты, или „идейное книго-

издательство“ его, семидесятника, не удовлетворяетъ... На это онъ готовъ пожалуй отдать... проценты съ капитала...

— Ну, что-жъ,—шесть процентовъ, при скромныхъ потребностяхъ... Жить можно!

— Да... конечно... Но если взять исходную точку... Вѣдь это былъ подвигъ... Люди отдавали жизни, и онъ жизнь отдалъ... И не только свою... Неужели это можно сдѣлать для однихъ процентовъ... А на подвигъ-то уже не хватаетъ стимула... Однимъ словомъ, въ одинъ прекрасный день нашли его въ одинокомъ номерѣ гостинницы—съ пулей во лбу... И деньги разсовалъ кое-какъ, наскоро и невнимательно... Наканунѣ еще я его видѣлъ въ одномъ обществѣ. Никто въ немъ ничего особеннаго не замѣчалъ. Здоровались и проходили мимо, почтенный, дескать, человѣкъ. Съ характеромъ, и намѣренія наилучшія. Скучный только необыкновенно!

— Гмъ, да! — сказалъ математикъ, — бываютъ и этакіе чудаки.—И онъ сталъ укладываться. Лицо его съ толстыми подстриженными усами опять потонуло въ тѣни, а наружи были видны ноги въ клѣтчатыхъ брюкахъ...—По моему,—сказалъ онъ изъ своего угла,—ужъ Будниковъ интереснѣе... Вы про него не досказали...

— Да... я вѣдь... извините,—къ тому и случай этотъ привелъ... Сидѣлъ я какъ-то недавно всю ночь... Переписку Будникова съ его этимъ „отдаленнымъ“ пріятелемъ читалъ. Повѣрите: оторваться не могъ... и представить невозможно, что это писалъ тотъ же Семенъ Николаевичъ Будниковъ, который у меня чай съ ромомъ пилъ, Гаврилу на биржу посылалъ и душа котораго незамѣтнымъ образомъ, почти на моихъ глазахъ, въ этомъ вотъ нашемъ дворикѣ выдохлась и опустѣла... И осталась безъ всякой, такъ сказать... ну, однимъ словомъ, безъ всякой святыни.

IV.

Онъ остановился, и посмотрѣлъ на меня застѣнчивымъ и вопросительнымъ взглядомъ, почувствовавъ, какъ будто, что у него вырвалось слово, несовсѣмъ обычное для вагоннаго разговора. И онъ почти вздрогнулъ, когда математикъ, выпустивъ изъ своего темнаго угла густой клубъ дыма, — сказалъ:

— А вы, Павелъ Семенычъ, — я вижу, такой же чудакъ, право!.. Удивительно! У одного—сто тысячъ... Стрѣляться! Другой живетъ себѣ на всей, какъ говорится, своей волѣ: здоровъ, румянъ... Спокоенъ духомъ... Обезпеченъ... Вамъ и это странно?.. Ей-Богу, это невозможно... Ну, спокойной ночи...

Пора спать. Ничего, ничего!.. Вы мнѣ разговоромъ не мѣшаете... Я не стану слушать...

Онъ повернулся къ стѣнкѣ.

Павелъ Семеновичъ стыдливо и вопросительно взглянулъ на меня наивными сѣрыми глазами и заговорилъ тише...

— Есть въ Тиходолѣ улица, называется Болотная. Уже при мнѣ на ней построили домъ... Новый, изъ свѣжаго лѣса... Въ первый годъ такъ и сверкалъ онъ, даже глазъ рѣзалъ этой своей свѣжестью. Потомъ очень быстро сталъ покрываться этимъ особеннымъ бытовымъ налетомъ, этими обомшѣлостями, да побѣжалостями. Такъ слился съ общимъ тономъ старыхъ сараевъ и заборовъ, не отличить. А теперь уже говорятъ, что тамъ завелись привидѣнія... Такъ вотъ и о г. Будниковѣ вдругъ говорятъ, что онъ ограбилъ одну женщину...

— Ну, это, какъ хотите, глупости!—отозвался математикъ.— Никогда не повѣрю, чтобы Будниковъ былъ грабитель... Пустили какую-нибудь глупую сплетню.

Павелъ Семеновичъ улыбнулся грустной и немного растерянной улыбкой:

— Вотъ именно. Какой грабитель!.. Грабитель—слово такое... опредѣленное! А тутъ вышла просто нѣкоторая житейская... запутанность, что ли, съ расплывчатыми очертаніями... Видите... Долженъ сказать, что уже послѣ васъ въ послѣдніе годы поселились во дворѣ мать съ дочерью... Женщины были простыя, очень бѣдныя, и господинъ Будниковъ относился къ нимъ покровительственно и великодушно: задолжали онѣ что-то много, и онъ,—очень аккуратный насчетъ платы,—тутъ терпѣлъ и даже иной разъ помогалъ деньгами. На доктора тамъ, улучшенное питаніе для больной. Потомъ старушка умерла, и осталась эта Елена круглой сиротой... Господинъ Будниковъ и тутъ оказалъ большое участіе: отвелъ ей уютный уголокъ, хлопоталъ насчетъ работы: шила она, — кое-какъ перебивалась... Потомъ стала въ родѣ экономки у г-на Будникова, а тамъ... стали говорить, что отношенія ихъ стали гораздо ближе...

— А-а...—произнесъ математикъ.—Это ужъ дѣйствительно безъ меня... И красивая?

— Да, пожалуй, красивая, полная, съ плавными этакими движеніями и покорными глазами. Говорили, что глупа. Но если и такъ, то вѣдь глупость женская бываетъ порой особенная... Тутъ и наивность, и какая-то дремлющая невинность души. Положеніе свое она чувствовала очень сильно. Какъ это говорится у Успенскаго, кажется,—вся была во стыду... Пробовалъ г. Будниковъ учить ее, подымать, какъ это

говорится, до своего уровня. Она оказалась неспособна. Сидитъ, бывало, надъ книжкой, водитъ по дѣтски указкой, и лицо по дѣтски напряженное. А при Будниковѣ вся какъ-то сожмется и отупѣетъ. Охладѣлъ онъ къ этимъ занятіямъ, а потомъ и къ Еленѣ, тѣмъ болѣе, что возникли нѣкоторые другіе виды. А было, должно быть, время, когда онъ ее начиналъ любить. Были, вѣроятно, и обѣщанія какія-нибудь. Однимъ словомъ,—доставался ему этотъ разрывъ не такъ ужъ легко, — совѣсть, что ли, была задѣта, только онъ старался смягчить разрывъ. И между прочимъ вздумалъ ей подарить билетъ внутренняго займа... Призвалъ ее однажды, вынулъ три билета, разложилъ на столъ, разгладилъ рукой и говоритъ:

— Смотри, Елена. Вотъ на каждую эту бумажку можно выиграть двѣсти тысячъ. Понимаешь?

Она, конечно, понимаетъ плохо. Воображенія не хватаетъ на этакую сумму. А онъ продолжаетъ:

— Ну, вотъ, говоритъ,—одну я дарю тебѣ. Сама бумажка стоитъ, говоритъ, 365 рублей, но ты ее не продавай... Ну, возьми своей рукой на счастье...

Она не беретъ, жмется, точно боится.—Ну, хорошо,—говоритъ г-нъ Будниковъ.—Дай сюда руку. Вотъ, пусть эта будетъ твоя бумага... — Взялъ одинъ изъ этихъ билетовъ и провелъ ея рукой двѣ черты карандашомъ, рѣзко этакъ, съ нажимомъ. Видно, что намѣреніе было у человѣка твердое... Отдалъ безповоротно, со всѣми, такъ сказать, послѣдствіями.—„Видишь,—говоритъ, — это на твое счастье, и если выиграешь 200 тысячъ,—тоже твои будутъ...“ И положилъ опять въ столъ. А у нея изъ-за пазухи вынулъ ладонку и положилъ туда бумажку съ номеромъ билета.

— Ну, и что же?—спросилъ математикъ...

— Ну, и вотъ... Нужно же было случиться, что... работаетъ тамъ эта машина въ Петербургѣ, выкидываетъ, знаете, номеръ за номеромъ. Берутъ ихъ, кажется, дѣтскими руками... И одинъ изъ этихъ билетовъ выигрываетъ...

— Двѣсти тысячъ?—живо спросилъ математикъ, очевидно забывшій о снѣ.

— Двѣсти не двѣсти, а семьдесятъ пять... Смотритъ г. Будниковъ въ мартѣ мѣсяцѣ тиражную таблицу и видитъ: стоитъ крупный выигрышъ противъ его номера. Нуль, опять нуль... триста восемнадцать и 32. И вдругъ вспоминаетъ, что одинъ билетъ подарилъ Еленѣ... Онъ хорошо помнитъ, что двѣ черты поставилъ на первомъ. У него три подъ рядъ: 317, 318 и 319. Значитъ, триста семнадцатый... Достаетъ билеты, смотритъ: двѣ черты стоятъ на триста восемнадцатомъ. Выиграла-то Елена...

— Ахъ, чортъ возьми,—воскликнулъ математикъ и слегка приподнялся.—Вотъ это штука!

— Да, именно штука. И даже довольно глупая. Черты попали на этотъ номеръ, когда онъ думалъ, что даритъ другой... Ошибка, механическій промахъ руки, пустая случайность... И изъ-за этой случайности Елена, глупая женщина, которая ничего не понимаетъ и не съумѣетъ даже распорядиться деньгами, возьметъ у него... именно у него, у г-на Будникова, отыметъ, такъ сказать, крупную сумму! Вѣдь это нелѣпость, не правда ли? У него и образованіе, и цѣли, или тамъ были когда-то цѣли... Ну, и опять могутъ быть. Онъ эти деньги, можетъ быть, на добрыя дѣла назначитъ. Опять напишетъ своему этому пріятелю, попроситъ у него совѣта... А она — что такое? Животное съ округленными формами и красивыми глазами, въ которыхъ даже и не разберешь хорошенько, что въ нихъ: глупость теленка или невинность младенца, еще, такъ сказать, не проснувшагося къ сознательной жизни... Вы понимаете?.. Вѣдь это такъ натурально... Каждый на мѣстѣ Будникова... вы... я... вотъ Илья Петровичъ почувствовалъ бы приблизительно то же...

Со стороны Ильи Петровича послышался какой-то не совсѣмъ внятный звукъ, который можно было истолковать различно.

— Нѣтъ? — сказалъ Павелъ Семенычъ. — Ну, извините... Говорю о себѣ... Мысли или вѣрнѣе поползновенія, что ли, такія у меня были бы, можетъ быть, гдѣ-то тамъ въ подсознательной, какъ говорится, сферѣ... Потому что... сознаніе и всѣ эти сдерживающія силы, это вѣдь какъ земная кора: тонкая пленка, подъ которой ходятъ и переливаются чисто эгоистическія первобытныя, животныя побужденія... Найдутъ мѣсто послабѣе и...

— Ну, хорошо, хорошо, — съ снисходительной усмѣшкой сказалъ Илья Петровичъ, и мнѣ показалось, что онъ подмигнулъ мнѣ изъ своего темнаго угла... — Вернемся къ Будникову. Что же онъ? Отдалъ, — и кончено...

— Да, повидимому, такъ онъ и хотѣлъ разрѣшить этотъ вопросъ, и такъ какъ кажется боялся немного себя, то въ тотъ же день призвалъ къ себѣ Елену и поздравилъ ее съ выигрышемъ. И тутъ же, при семъ случаѣ, желая воспользоваться, такъ сказать, благопріятнымъ случаемъ, намекнулъ: вотъ, дескать, когда мы разойдемся, ты обезпечена. И при этомъ все время сердился...

— За что же сердился?..

— Я думаю, за то и сердился, что вотъ ты какая дура.

Если бы тогда сама выбрала, — навѣрное взяла бы не тотъ номеръ. А теперь изъ-за твоей глупости какая исторія вышла. Порядочный и умный человѣкъ какой суммы лишается. Такъ я, по крайней мѣрѣ, представляю себѣ по разсказу Елены... „Все, говоритъ, бѣгали изъ угла въ уголъ и сердились на меня“...

— Ну, а она что же? Обрадовалась, конечно?

— Н-нѣтъ... Спужалась, говоритъ, очень и ударила изъ нея слеза. Онъ сердится, а она плачетъ, и отъ этого онъ еще больше сердится.

— Дѣйствительно, дура!..

— Д-да... Я уже докладывалъ: умной ея не считаю, но въ слезахъ этихъ... Нѣтъ, это была не глупость... И когда мнѣ послѣ разсказывала... дошла до этого мѣста, взглянула на меня своими чистыми, птичьими глазами и вся всколыхнулась отъ плача... И вотъ теперь я не могу забыть этихъ глазъ... Глупость-то, можетъ быть, и глупость. То есть нѣтъ ни ясности сознанія, ни отчета въ положеніи вещей. Но было что-то въ этихъ голубыхъ глазахъ, особенное въ самой глубинѣ... точно мерцалъ въ нихъ какой-то правильный инстинктъ... Эти ея глупыя слезы были можетъ быть единственнымъ правильнымъ, настоящимъ, пожалуй... позволю себѣ сказать, — самымъ умнымъ во всей этой запутанной исторіи... Гдѣ-то, тутъ недалеко скрывался выходъ, точно потайная дверка...

— Ну, хорошо, хорошо... Дальше-то что же?

— А дальше... Господинъ Будниковъ посмотрѣлъ на глупую женщину долго и внимательно, потомъ подсѣлъ къ ней, потомъ обнялъ, а потомъ... въ первый разъ послѣ значительнаго охлажденія приказалъ ей не уходить къ себѣ, а остаться ночевать у него...

И пошло это такъ на нѣкоторое время. Елена расцвѣла... Любовь ея тоже была „глупая“, то есть очень непосредственная. Сначала, — сама мнѣ говорила, — г-нъ Будниковъ былъ ей противенъ. Потомъ, когда уже взялъ ее, — точно, говоритъ, присушилъ. У такихъ непосредственныхъ женскихъ натуръ нѣтъ раздѣленія, такъ сказать, чувства и факта. Съ какого конца ни затронь, — весь этотъ комплексъ дѣйствуетъ нераздѣльно... Опять вернулся къ ней, значитъ опять полюбилъ... Двѣ недѣли сіяла она такъ радостью и красотой, что всѣ, кто въ это время смотрѣлъ на нее, — тоже радовались безотчетной радостью... Только недѣли черезъ двѣ господинъ Будниковъ опять охладѣлъ... И потянулась у насъ на дворѣ слякоть какая-то... У Елены глаза наплаканы... Сосѣдки судачатъ, жалѣютъ, г. Будниковъ сумраченъ... Двѣ-то

черты эти прошли глубоко по душѣ обоихъ. А тутъ еще и третій подъ нихъ подвернулся... Дворникъ Гаврило...

— Гмъ!.. Цѣлая исторія, — сказалъ Петръ Петровичъ, опять подымаясь съ мѣста и садясь рядомъ съ Павломъ Семенычемъ.—Онъ-то при чемъ?.. Тоже узналъ о выигрышѣ?

— Ничего онъ не зналъ. Я о немъ уже говорилъ. Существо, безхитростнѣе котораго трудно представить, — прямо райская непосредственность... Иной разъ онъ представлялся мнѣ даже не человѣкомъ, а... какъ бы сказать... простымъ собраніемъ мускуловъ, отчасти сознающихъ свое бытіе. Все въ немъ было сложено хорошо, гармонично, правильно, и все въ постоянномъ дѣйствіи. И при этомъ два добрыхъ человѣческихъ глаза смотрѣли на весь міръ съ точки зрѣнія своего физическаго и моральнаго такъ сказать равновѣсія. Порой въ этихъ глазахъ свѣтится, пожалуй, любопытство и такое безсознательное превосходство, что прямо бывало завидно. Порой мнѣ даже казалось, что если не самъ Гаврила, то *что-то* въ немъ отлично понимаетъ и г-на Будникова, и меня, и Елену... Понимаетъ и улыбается именно потому, что понимаетъ... И вдругъ этотъ человѣкъ тоже помутился... Началось это съ той поры, какъ Будниковъ сошелся съ Еленой вторично и опять бросилъ... Для него она стала брошенная „барская барыня“, существо, особаго почтенія не внушающее, и очень вѣроятно, что первые его авансы выразились какъ-нибудь просто, по деревенски. Но она встрѣтила эти авансы съ глубокой враждой и гнѣвомъ. Тогда Гаврило „задумался“, т. е. сталъ плохо ѣсть, уставать за работой, похудѣлъ, вообще сталъ сохнуть...

Такъ это тянулось осень и зиму. Будниковъ окончательно охладѣлъ къ Еленѣ; она чувствовала себя оскорбленной и считала, что онъ надъ ней „надсмѣялся“... У Гаврилы нѣсколько испортился характеръ, и во взаимныхъ отношеніяхъ его и Будникова исчезла прежняя гармонія... А билетъ съ двумя чертами лежалъ въ столѣ и, казалось, всѣ о немъ забыли...

Подошла среди такой ситуаціи и весна... На время я потерялъ изъ виду всю эту маленькую драму, которая разыгрывалась у меня на глазахъ... Подошли у меня и экзамены, уставалъ я сильно, даже сонъ потерялъ. Чуть задремлешь,— вдругъ будто толкаетъ кто-то,—сна какъ не бывало. Зажжешь свѣчу,—на столѣ тетрадки лежатъ,—и станешь править... А тамъ и солнце всходитъ... Выйдешь на крылечко, смотришь на спящую улицу, на деревья въ саду... По улицѣ сонный извозчикъ проѣдетъ, въ саду деревья чуть трепыхаются,

будто вздрагиваютъ отъ утренняго озноба... Позавидуешь извозчику, позавидуешь даже деревьямъ... Покоя хочется и этой сосредоточенной безсознательной жизни... Потомъ пойдешь въ садъ... Сядешь на скамейку и, случится, — задремлешь, пока солнце въ глаза не ударитъ. Скамейка такая была у стѣнки конюшни въ укромномъ уголочкѣ. Солнцекакъ разъ въ семь часовъ на нее свѣтило,—проснешься,чаю наскоро выпьешь—и въ классъ.

Вотъ однажды вышелъ я на зарѣ и задремалъ на этой скамейкѣ. Проснулся вдругъ, точно кто разбудилъ. Солнце недавно поднялось и на скамейкѣ еще тѣнь. Что такое, думаю... Отчего бы мнѣ такъ вдругъ проснуться? И вдругъ слышу у Гаврилы въ конюшнѣ голосъ Елены. Хотѣлъ я встать и уйти: подслушивать я не охотникъ, да и непріятно показалось столь простое разрѣшеніе Елениной драмы. Но пока съ просонокъ-то собрался встать, — разговоръ продолжался, а затѣмъ ужъ я и не ушелъ... Прямо заслушался.

— Ну, вотъ и пришла, — сказала Елена... — Что вамъ?

И потомъ вдругъ, съ глубокой такой, ну, просто захватывающей тоской прибавила:

— Измучилъ ты меня...

И такъ она это сказала... съ такимъ искреннимъ душевнымъ стономъ. И на ты... Прежде всегда, да и послѣ — все вы ему говорила, а тутъ... вся изболѣвшая стыдомъ и любовью женская душа зазвучала — просто, безъ условностей, беззавѣтно...

— И вы меня, Елена Петровна, измучили,—отвѣтилъ Гаврило.—Мочи моей нѣтъ. Сохну. Не работается, куска, говоритъ, не съѣмъ...

— Что жъ теперь, — говоритъ Елена, — будетъ?

— Да, что! — говоритъ, — жениться на тебѣ, видно.

На нѣкоторое время оба замолчали. Елена, кажется, тихонько плакала. И все въ этомъ молчаніи было удивительно ясно, просто, безъ всякихъ недомолвокъ. Вотъ дескать какое положеніе: ты мнѣ, конечно, не пара. Я вотъ поработалъ бы тутъ на Будникова, сколько полагается для моихъ цѣлей, и пошелъ въ деревню, поставилъ бы хозяйство, женился, взялъ бы честную дѣвушку... И все это теперь пошло прахомъ: приходится поневолѣ брать тебя, какая есть...

— Потерянная я... — сказала Елена тихо...

— Что-жъ, Елена Петровна, — отвѣтилъ Гаврило съ какой-то угрюмою лаской.—Не посмотрю я на это, что вы сами себя потеряли... Все одно... Не житье мнѣ... Постыло все... Кусокъ въ ротъ не идетъ. Силы нѣтъ...

Елена заплакала сильнѣе... Плачъ былъ хорошій. Мнѣ казалось—болящій, но исцѣляющій. Гаврило сказалъ строго:

— Ну, что ужъ... будетъ... Пойдешь, что ли?..

Елена видимо сдѣлала усиліе, сдержала слезы и, на повторенный вопросъ, отвѣтила:

— А Бога вы, Гаврило Степанычъ, побоитесь?

— Чего это? — говоритъ Гаврило.

— Попрекать не станете?

— Нѣтъ,—говоритъ.—Попрекать не стану. И другимъ въ обиду не дамъ. А ты, вотъ, сама побожись, что баловство бросишь... Навсегда... Я тебѣ повѣрю...

Стало тихо. Я не слышалъ, что отвѣтила Елена, представляю себѣ только, что она, должно быть, повернулась на востокъ, а можетъ, и иконка въ каморкѣ была... И перекрестилась... Послѣ этого она вдругъ обхватила его голову руками, и я услышалъ поцѣлуй. И тотчасъ же Елена выбѣжала изъ каморки, метнулась было къ дому, но потомъ вдругъ остановилась, открыла калитку и вошла въ садъ...

И тутъ увидѣла меня... Но это ее нисколько не смутило. Она подошла, остановилась, посмотрѣла на меня счастливыми глазами и сказала:

— А ты все гуляешь по зорямъ... Эхъ-ты, сердешный...

И вдругъ, переполненная вся этимъ своимъ чувствомъ, подошла ко мнѣ, взяла руками за плечи, безцеремонно встряхнула меня, посмотрѣла въ глаза и засмѣялась... И такъ это просто вышло. Она поняла, что я все слышалъ, и ничего въ этомъ не видѣла дурного... Только когда Гаврило вышелъ съ метлой и тоже направился въ садъ, она вдругъ вся зардѣлась и быстро пробѣжала мимо него. Гаврило посмотрѣлъ ей вслѣдъ съ спокойной радостью, потомъ его взглядъ упалъ на меня. Онъ поклонился съ прежней стихійной благосклонностью и принялся мести дорожку. И опять была въ немъ та же красивая и безтрудная игра мускуловъ, здоровыхъ и свободныхъ... И помню: какъ разъ въ эту минуту въ монастырѣ ударили къ ранней заутренѣ,—дѣло было въ воскресенье. Гаврило остановился въ широкомъ просвѣтѣ аллеи, снялъ шапку и, придержавъ метлу на лѣвой рукѣ, правой сталъ креститься. И показалось мнѣ это необыкновенно свѣтло и красиво. Стоитъ человѣкъ въ центрѣ своего свѣтлаго міра, гдѣ все у него устроено хорошо: т. е. всѣ эти отношенія—и съ землей, и съ небомъ... Однимъ словомъ, такое это было успокоительное зрѣлище, что я пришелъ къ себѣ въ комнату и въ первый разъ послѣ многихъ безпокойныхъ ночей — заснулъ, какъ убитый... Есть что-то въ хорошемъ человѣческомъ

счастіи исцѣляющее и выпрямляющее душу. И мнѣ, знаете, приходитъ иной разъ въ голову, что, собственно говоря, всѣ мы обязаны быть здоровыми и счастливыми, потому что... видите ли... счастье—это высшая степень душевнаго здоровья. А здоровье заразительно, какъ и болѣзнь... Мы, такъ сказать, открыты со всѣхъ сторонъ: и солнцу, и вѣтру, и чужимъ настроеніямъ. Въ насъ входятъ другіе, и мы входимъ въ другихъ, сами этого не замѣчая... И вотъ почему...

Павелъ Семеновичъ вдругъ остановился, почувствовавъ на себѣ пристально насмѣшливый взглядъ Петра Петровича.

— Да, да!.. Извините,—сказалъ онъ,—у меня это дѣйствительно нѣсколько туманно.

— Есть немножко... Лучше ужъ разсказывайте дальше. Безъ философіи...

— ...Разбудилъ меня уже г-нъ Будниковъ. Это было какъ разъ двадцатое. Пришелъ онъ, какъ всегда, и какъ всегда выпилъ два стакана чаю съ ромомъ, но я видѣлъ, что г. Будниковъ сильно не въ духѣ и даже нервничаетъ... И я невольно поставилъ это въ связь съ утреннимъ эпизодомъ.

И нѣкоторое время онъ все былъ не въ духѣ. Всѣ во дворѣ замѣчали, что между хозяиномъ и работникомъ идетъ что-то неладное и... непростое. Гаврило хотѣлъ уходить. Будниковъ не отпускалъ, хотя при этомъ часто говорилъ мнѣ, что въ Гаврилѣ онъ разочаровался. Однажды я шелъ по дорожкѣ сада и увидѣлъ, какъ они оба стояли у калитки и разговаривали о чемъ-то. Будниковъ былъ возбужденъ, Гаврило спокоенъ. Онъ стоялъ въ свободной позѣ, глядя на свою лопату, которой постукивалъ въ землю. Было видно, что онъ твердо стоитъ на чемъ-то, а г-на Будникова это выводитъ изъ себя... И еще мнѣ показалось, что предметъ разговора устанавливаетъ между ними какое-то странное равенство...

— Это, голубчикъ, дѣло, конечно, ваше, — говорилъ г-нъ Будниковъ. Онъ замѣтилъ меня, но несчелъ нужнымъ прекратить разговоръ. Говорилъ язвительно и съ горечью... — Да-съ... Вы человѣкъ свободный... Но только, имѣйте въ виду, Гаврило Степанычъ... ежели у васъ есть какіе-нибудь утилитарные виды... Я съ своей стороны, конечно, очень скромную сумму...

Г. Будниковъ не умѣлъ говорить просто и иностранныя слова употреблялъ даже въ разговорѣ съ Гаврилой... Гаврило посмотрѣлъ на него спокойно и отвѣтилъ:

— Ничего намъ не надо... Намъ хватитъ своего.

Г. Будниковъ кинулъ на него настороженный взглядъ и сказалъ:

— Ну, хорошо. Помните! А затѣмъ... вотъ я уѣду въ Петербургъ по дѣлу... Дѣлайте, какъ хотите.

Гаврило поклонился и сказалъ:

— Покорно благодаримъ...

— Извините-съ... — съ оттѣнкомъ иронической меланхоліи сказалъ г-нъ Будниковъ. — Я на благодарность не разсчитываю.

И вышелъ изъ сада, хлопнувъ калиткой.

Во дворѣ онъ остановился, подождалъ меня и, взявъ подъ руку, пошелъ къ нашему крыльцу. По дорогѣ и сидя у меня на крылечкѣ, говорилъ что-то запутанное и невнятное. Онъ не скрываетъ, что питалъ нѣкоторое чувство къ нѣкоторой женщинѣ. И это чувство можетъ быть „живо подъ пепломъ"... Съ другой стороны мечталъ о сліяніи и возможности дружбы съ меньшимъ братомъ. И хотя то и другое чувства послужили источникомъ разочарованія, но онъ съ своей стороны что-то докажетъ, и всѣ что-то увидятъ... Но, вообще говоря, великодушіе, какъ и тонкія чувства, свойственны только высоко культурнымъ людямъ...

Онъ нервничалъ и подъ нѣсколько дѣланнымъ паѳосомъ мнѣ слышались ноты искренняго огорченія и волненія.

Впослѣдствіи я имѣлъ случай ознакомиться съ его дневникомъ. Тамъ были отдѣльныя странички въ формѣ какъ бы писемъ къ этому его отдаленному другу... Писемъ онъ, кажется, давно не посылалъ, но эти странички были точно просвѣты среди сумеречной обыденщины. И подъ тѣмъ приблизительно числомъ, когда происходилъ разговоръ съ Гаврилой, стояло горячее изліяніе. Онъ сообщалъ всю эту исторію съ Еленой и писалъ, что ошибся, что любитъ ее и теперь... И что сдѣлаетъ еще одинъ опытъ... И кончалось это внезапнымъ лирическимъ порывомъ: ты, дескать, далекій другъ, не сомнѣваешься, конечно, что я выполню то, что считаю долгомъ великодушія...

И вотъ, однажды, отправивъ Гаврилу съ лошадью за городъ, г. Будниковъ подошелъ къ флигельку, гдѣ по прежнему жила Елена.

— Елена! Вы бы пришли ко мнѣ. Убрать кое-что надо...

Нѣсколько дней передъ этимъ онъ былъ особенно задумчивъ и торжественъ, а теперь одѣлся попараднѣе, подошелъ къ флигелю и вошелъ въ комнату Елены, не стѣсняясь любопытными взглядами.

Никто тогда не зналъ, что происходило въ ея комнатѣ, но черезъ полчаса г. Будниковъ вышелъ оттуда прямой, чопорный и какъ будто растерянный. И всѣ стали говорить, что

г-нъ Будниковъ дѣлалъ Еленѣ формѣнное предложеніе и — Елена отвергла...

Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ у него была тяжба въ сенатѣ. Онъ ее проигралъ, а когда вернулся, то Гаврило и Елена были уже обвѣнчаны...

IV.

Впечатлѣніе все это произвело на него сильное, какъ будто совершился нѣкоторый душевный переворотъ. Особенно поразило его одно на видъ незначительное обстоятельство. Прежде каждую весну въ палисадничкѣ у оконъ г-на Будникова цвѣли цвѣты. Это было у нихъ съ Еленой общее и составляло признанную статью расхода: сѣмена, лейка, кузнецу за ремонтъ лопаты... Съ ранней весны Елена возится бывало въ этомъ цвѣтникѣ, радостная и оживленная, и г-нъ Будниковъ тоже радостный принималъ въ этомъ участіе. Теперь флигелекъ опустѣлъ, цвѣтникъ заглохъ, окна г-на Будникова какъ будто ослѣпли... А у другого флигелька, гдѣ жилъ теперь Гаврило съ женой, все зацвѣло и распустилось. Точно символъ. Когда г-нъ Будниковъ вернулся съ вокзала и кинулъ взглядъ на этотъ неожиданный контрастъ,—лицо его передернулось и на нѣкоторое время онъ потерялъ свой обычный величавый видъ. И мнѣ вдругъ стало его жалко. Я вышелъ и пригласилъ его къ себѣ. Онъ долго сидѣлъ у меня, разсказывая свои столичныя впечатлѣнія,—фразисто, пространно и неискренно. И все время чувствовалось, что въ душѣ г-на Будникова происходитъ что-то далекое отъ столичныхъ впечатлѣній.

Потомъ понемногу все какъ будто вошло въ колею. Г-нъ Будниковъ такъ же ѣздилъ два раза въ недѣлю на загородный хуторъ, ходилъ въ опредѣленные дни по квартирантамъ, готовилъ себѣ обѣдъ на керосинкѣ. Только въ дневникѣ стало больше разныхъ пустяковъ: напримѣръ, онъ сталъ записывать, сколько шаговъ онъ дѣлаетъ ежедневно и, кажется, высчитывалъ по этимъ записямъ выносливость и стоимость подметокъ.

А еще черезъ нѣкоторое время послѣдовала новая перемѣна: г-нъ Будниковъ почувствовалъ склонность къ религіи.

Помню какъ-то былъ осенній вечеръ... Изъ тѣхъ особенныхъ вечеровъ, когда природа особенно внятно трогаетъ душу. На небѣ звѣзды будто шевелятся этакъ и шепчутся, а на землѣ свѣтъ и тѣни... Городокъ у насъ, знаете сами—тихій и весь въ зелени. Выйдешь, бывало, вечеркомъ и сядешь на крылечкѣ у себя. И у другихъ домовъ, вдоль улицы, кто на скамеечкѣ у воротъ, кто на завалинкѣ, кто просто на травкѣ...

Шепчутся гдѣ-то люди о своемъ, деревья о своемъ—и стоитъ какой-то невнятный шорохъ. Ну и въ душѣ тоже шепчетъ что-то... Перебираешь невольно всю свою жизнь. Что было и что осталось, куда пришелъ, и что еще будетъ дальше? И зачѣмъ все... и какой, знаете ли, смыслъ твоей жизни въ общей, такъ сказать, экономіи природы, гдѣ эти звѣзды утопаютъ, безъ числа, безъ предѣла... горятъ и свѣтятся... и говорятъ что-то душѣ. Иной разъ и грустно, и глубоко, и тихо... Кажется, какъ будто не туда направляешься, куда надо. И начинаешь угадывать что-то тамъ, высоко... И хочешь убѣжать отъ этой укоряющей красоты, отъ этого великаго покоя со своимъ смятеніемъ и хочешь слиться съ ними... И уйти некуда... Войдешь въ кабинетъ, посмотришь при лампѣ на эту свою обстановку... учебники... тетрадки съ ученическими письменными отвѣтами... И спрашиваешь: гдѣ тутъ живое-то?..

Петръ Петровичъ пробормоталъ что-то, и разсказчикъ опять спохватился.

— Такъ вотъ... въ этакомъ состояніи сижу на крылечкѣ, и думаю: вотъ люди отъ вечерни идутъ... Что же? Находятъ они въ этомъ свое отношеніе къ безконечному... Или только привычка, пустой автоматизмъ. И такъ хочется, чтобы это было настоящее. И вдругъ вижу: отдѣляется отъ идущихъ одна тѣнь и подходитъ ко мнѣ. Оказывается — это г-нъ Будниковъ. Тоже отъ вечерни. И садится рядомъ.

И я чувствую, что г-нъ Будниковъ ждетъ: дескать—спроси у меня—зачѣмъ я сталъ посѣщать церковь. Все не бывалъ и къ религіи относился иронически, а теперь вдругъ сталъ посѣщать богослуженія. И меня это дѣйствительно интересовало, да и такъ, откровенность подъ вліяніемъ этого вечера нашла... Отчего, думаю, не сказать, что вотъ дескать у меня на душѣ сумракъ какой...

— Вотъ, говорю, Семенъ Николаевичъ... Смотрю я на небо и вотъ что думаю...

Покачалъ онъ головой и говоритъ:

— Мучился и я этимъ... и страдалъ. И вотъ какъ вы же—не видѣлъ выхода. А выходъ—вотъ онъ, подъ руками...

И жестомъ указываетъ въ сторону, гдѣ бѣлѣется за деревьями церковь...

— Насъ, говоритъ, интеллигентныхъ людей, пугаетъ, что это такъ сказать дорога избитая, банальность... А между тѣмъ,—стоитъ отбросить гордость и слиться... или, какъ это Толстой когда-то выразился,—прикоснуться къ общей чашѣ, растворить свои исканія въ смиренной общей вѣрѣ... пере-

стать осуждать основы жизни... Какъ Антей, такъ сказать, прикоснутся къ общей матери...

И такъ онъ это сказалъ какъ-то вкусно. Голосъ такой сочный, журчащій, точно басокъ въ архіерейскомъ хорѣ. Говорю вамъ искренно: я даже позавидовалъ. Вѣдь дѣйствительно: кругомъ тишина и благодать... Стоитъ, какъ говоритъ г. Будниковъ, слиться, и у меня тоже всѣ эти трещинки въ душѣ затянетъ какъ масломъ. И сразу найдется потерянный смыслъ. Я вотъ спрашиваю себя: зачѣмъ тетрадки? А зачѣмъ все это вотъ, вся эта тихая жизнь?.. Почему вотъ тотъ сапожникъ идетъ такой торжественный и довольный?.. Или вонъ Михайло не ищетъ никакого особеннаго смысла, а плыветъ въ общемъ потокѣ жизни, то есть въ ея общемъ значеніи и общемъ смыслѣ. Придутъ люди разъ въ недѣлю въ это бѣленькое зданіе, такъ привѣтливо выглядывающее изъ зелени, побудутъ нѣкоторое время въ общеніи съ какой-то тайной,—и смотришь запасаются на всю недѣлю ощущеніемъ смысла... А вѣдь для многихъ жизнь гораздо тяжелѣе моей...

И вотъ, теперь г-нъ Будниковъ... Неужели и онъ нашелъ для себя *это* и разрѣшилъ свои смятенія... Хотѣлъ было спросить, но тутъ мимо прошелъ сначала нашъ священникъ. Г-нъ Будниковъ съ нимъ раскланялся, и онъ отвѣтилъ привѣтливо. И на меня посмотрѣлъ тоже съ вопросительной благосклонностью... Будниковъ вотъ обратился, можетъ быть, дескать и еще одного заблудшаго приведетъ... Я тоже отвѣтилъ на поклонъ особенно какъ-то тепло и благодарно, и опять хотѣлъ спросить у г-на Будникова, но тутъ появилось еще новое лицо, уже совершенно другого настроенія....

VI.

Павелъ Семеновичъ нѣсколько задумался и потомъ спросилъ у Петра Петровича:

— Учился при васъ нѣкто Роговъ?

— Роговъ... Не припомню... Столько ихъ училось...

— Этотъ былъ замѣтный, и объ немъ приходилось часто разговаривать въ совѣтѣ... Судьба его была особенная... Видите ли. Отецъ этого мальчика былъ злодѣй стараго закала, ябедникъ, пьяница и сутяга, гонимый новыми временами, какъ волкъ охотниками. Типъ, такъ сказать, запоздалый. Способности недюжинныя, а не приспособился къ новымъ порядкамъ. И короталъ онъ свои послѣдніе дни среди невзгодъ, нищеты и пьянства. И все ему казалось, что судьба къ нему несправедлива: люди умѣютъ устроиться отлично, а онъ при томъ же, по его мнѣнію, образѣ дѣйствій—грязенъ, голоденъ

и гонимъ... И представьте, что у этого человѣка — семья... Жена и сынишка...

Жена—существо безотвѣтное, уничтоженное имъ въ полномъ смыслѣ слова, за исключеніемъ одного угла души. Когда дѣло касалось сына,—въ этой, какъ будто совсѣмъ опустошенной, душѣ открывалась какая-то дверка, точно не сдавшаяся цитадель въ занятомъ непріятелями городѣ, и оттуда выступало вдругъ столько женскаго героизма, что порой старый буянъ и пьяница поджималъ хвостъ. Такимъ образомъ, Богъ ужъ ее знаетъ какой цѣной, но ей удалось все-таки дать сыну образованіе. Поступивъ въ Тиходолъ учителемъ, я засталъ этого юношу въ послѣднихъ классахъ. Мальчикъ былъ застѣнчивый, скромный на видъ, поведенія тихаго. Только въ глазахъ было что-то такое, странно-сдержанное, возбуждавшее, пожалуй, нѣкоторую тревогу: какой-то особенный огонекъ, точно блескъ, безпокойное внутреннее горѣніе. Худощавый, тонкое лицо всегда блѣдное, и копна буйныхъ волосъ надъ крутымъ лбомъ. Учился отлично, съ товарищами знался мало, отца, кажется, ненавидѣлъ, мать обожалъ почти болѣзненно...

Теперь... извините... Придется мнѣ нѣсколько словъ сказать о себѣ... Иначе — останется многое непонятно въ дальнѣйшемъ... Я тогда учительствовалъ еще первые годы и переживалъ особенное настроеніе... На призваніе свое смотрѣлъ возвышенно и, такъ сказать, идеально. Товарищи представлялись мнѣ какой-то священной ратью, ну тамъ... гимназія эта— чуть не храмъ... А молодежь вѣдь это чувствуетъ и цѣнитъ... И бѣжитъ на этотъ огонекъ со всей непосредственностью и со всѣми своими запросами... А вѣдь это и есть живая душа нашего дѣла... Что толку, если онъ придетъ къ тебѣ, застегнувши вмѣстѣ съ мундиромъ на всѣ пуговицы и свою юную душонку. Съ своими вопросами и заблужденьями онъ мнѣ, учителю, нужнѣе... Да и ему нужнѣе, пока самъ ищу и учусь... При нѣкоторой искренности бери ихъ прямо руками...

Разсказчикъ помолчалъ и продолжалъ тихо:

— И было это у меня когда-то... Сблизился я тогда крѣпко съ нѣсколькими мальчиками своихъ классовъ, въ томъ числѣ и съ Роговымъ... Книги свои давалъ, сходились ко мнѣ. Ну, тамъ, за самоварчикомъ, запросто, задушевно, понимаете... Вспоминаю объ этомъ, какъ о праздникѣ жизни... Журналъ иной разъ свѣжій откроешь, толки, разсужденія, споры. Слушаю, не вмѣшиваюсь сначала, какъ они колобродятъ тутъ, путаются, потомъ разъяснишь—осторожно, но съ увлеченіемъ...

А тамъ, глядишь, иной разъ родилась мысленка, другая—иной разъ анъ ужъ тебя самого царапнетъ, довольно остро... И чувствуешь: надо держаться на чеку, надо самому думать и учиться. И ростешь вмѣстѣ съ ними... И живешь...

Недолго только шло это у насъ. Какъ-то разъ призываетъ меня директоръ для конфиденціальной бесѣды... Ну, вы знаете сами... Теперь эти „внѣклассныя“ вліянія руководителей юношества покровительствомъ не пользуются. А ужъ журналы!.. Директоръ, вы его знаете,—Николай Платоновичъ Поповъ,—деликатный человѣкъ... Онъ только намекнулъ и затѣмъ сдѣлалъ видъ, что ему, въ сущности, ничего неизвѣстно... Я было погорячился, сначала даже отказался подчиниться, апеллируя къ высшему пониманію своихъ обязанностей. А потомъ... вижу, что ничего не подѣлаешь. Главное — не обо мнѣ одномъ и рѣчь-то идетъ: на мальчикахъ отражается... Трудно было и тяжело, а главное—стыдно, вотъ что всего хуже. Что я могъ сказать своимъ молодымъ собесѣдникамъ? Чѣмъ объяснить? Исполняю приказаніе, явно безсмысленное и оскорбительное, и только! Это былъ для меня первый ударъ жизни, и я тогда не замѣтилъ, что ударъ-то, пожалуй, былъ смертельный...

Подчинился я и прекратилъ свои вечернія бесѣды. По совѣсти скажу, что думалъ больше о нихъ. Ну, молодежь-то, знаете, не такъ легко подчиняется въ этихъ случаяхъ и не все въ нихъ понимаетъ. Однажды вечеромъ — шасть ко мнѣ этотъ Роговъ съ товарищемъ... Тайнымъ образомъ. Лица возбужденныя, глаза горятъ и глядятъ какъ-то этакъ особенно... Ну, я этотъ способъ сношеній отклонилъ. — „Нѣтъ, говорю, господа, лучше это оставить“. Вижу, что мальчики вспыхнули оба... Роговъ этотъ заговорилъ что-то, да только спазма схватила горло, а глаза стали вдругъ злые... Но я нашелъ себѣ оправданіе: за нихъ я, особенно за Рогова и за мать его боялся... Вѣдь если бы открылись наши конспираціи, пожалуй вся его карьера и весь материнскій героизмъ—пошли бы на смарку. Такъ я и отступилъ тогда... въ первый разъ...

Старался за то уроки сдѣлать какъ можно интереснѣе. Вечера у меня остались свободные... Скучно. Привыкать вѣдь уже началъ къ своему молодому кружку. А тутъ—пусто. Ну, я за книги. Работалъ, какъ волъ, и все бывало прикидываешь въ воображеніи: вотъ это должно ихъ заинтересовать, вотъ это будетъ ново, а это отвѣтитъ на такіе-то запросы... Читаю, роюсь въ книгахъ, коллекціонирую все интересное, оживляющее, раздвигающее казенныя стѣны и казенную сушь учебниковъ... И все съ живой мыслью о недавнихъ собесѣдникахъ... И кажется — выходило что-то... Помню, что классъ весь иной

разъ замиралъ, умы вспыхивали... Но тутъ вдругъ сталъ директоръ ходить на уроки. Придетъ, сядетъ, слушаетъ, молчитъ... Знаете сами, какъ это дѣлается. Какъ будто и ничего, а вѣдь и классъ, и самъ я чувствую, что это уже не урокъ, а своего рода дознаніе... Потомъ на сторонѣ — деликатные вопросы: вотъ это, собственно, вы, позвольте узнать, откуда почерпнули? Изъ какого утвержденнаго учебника? И въ какой мѣрѣ, по вашему мнѣнію, это соотвѣтствуетъ программѣ?

Ну, не стану распространяться... Такъ, однимъ словомъ, огонь этотъ понемногу во мнѣ угасалъ... Классъ сталъ именно классомъ: живыя лица стали отдаляться все больше, отошли въ туманъ какой-то... прикосновеніе умственное утратилось. Отмѣтки... планы... перечисленіе стилистическихъ красотъ живого произведенія. Въ данномъ произведеніи 12 красотъ. Красота первая, красота вторая... Ну, и такъ далѣе... Соотвѣтственно требованіямъ программы... То есть, понимаете: и не замѣтилъ, какъ пошла и у меня та же будниковская бухгалтерія.

Какъ бы тамъ ни было, кончилъ этотъ юноша курсъ гимназіи и уѣхалъ въ столицу... Однако, въ университетъ поступить сразу не удалось. Это было уже время этихъ секретныхъ аттестацій... Можетъ, и мои чтенія тутъ были въ игрѣ. Однимъ словомъ — годъ у него пропалъ. Матери-то онъ написалъ, что поступилъ и даже — что получаетъ стипендію, а въ дѣйствительности перебивался кое-какъ, бѣдствовалъ и вѣроятно озлоблялся. Потомъ какъ-то всетаки сталъ выбиваться на дорогу. Но тутъ вдругъ и настигни его горе: мать умерла, не дождавшись. Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ уѣхалъ, таяла все... Исчезла, такъ сказать, съ горизонта путеводная звѣзда всей ея жизни—ну, и сила сопротивленія тоже исчезла. Исчахла, знаете ли, какъ-то быстро, даже какъ будто съ удовольствіемъ. „Я, говоритъ, Ванѣ теперь уже не нужна... На дорогу, слава тебѣ Господи, вывела. Теперь и самъ пойдетъ“. Сказала: „нынѣ отпущаеши“—и умерла. А вскорѣ послѣ этого и почтеннаго родителя въ канавѣ нашли... И остался мой Роговъ круглымъ сиротой...

Однако, старушка-то, видно, поторопилась: теперь-то она, можетъ, всего нужнѣе была сыну. Учился онъ, правда, хорошо и даже какъ-то страстно, такъ сказать, безъ оглядки, будто торопился къ чему-то. А какъ получилъ извѣстіе о смерти матери,—въ душѣ-то, видно, оборвалось что-то... Очевидно, и она для него, въ свою очередь, была единственной мечтой въ жизни. Вотъ, дескать, кончу, стану на ноги и возстановлю нарушенную справедливость: мать, наконецъ, хоть

на закатѣ узнаетъ, что есть еще благость Господня и любовь, и благодарность... Хоть на годъ, хоть на мѣсяцъ, хоть на недѣлю... Пусть хоть на мигъ одинъ, да чтобъ сердце радостью вспыхнуло и оттаяло. И вдругъ. вмѣсто всего могила... Обрывъ—и кончено! И никакой уже благодарности не надо, и ничего уже ни вернуть, ни исправить нельзя... Да, чтобъ выдержать такое испытаніе безъ надлома, нужна сила... нужна вѣра въ общій смыслъ жизни... Чтобы и это казалось не одной глупой случайностью...

Ну, онъ и не выдержалъ. Опоры не было... Оступился, закрутилъ и сталъ виномъ заливать ядовитое чувство оскорбленія и несправедливости судьбы... А тамъ и пошло. Экзамены бросилъ,—дескать, теперь не для кого дипломы добывать... И понесло его случайными теченіями, какъ лодку, брошенную на рѣкѣ... Заявился опять въ нашемъ городѣ... Можетъ быть, думалъ зачалиться какъ-нибудь за материнскую могилку... Да вѣдь что тутъ могила поможетъ... Если бы въ ней отыскался смыслъ какой-нибудь, тогда, конечно, другое дѣло... А такъ... взялъ въ судѣ свидѣтельство „на право хожденія“ по дѣламъ и вступилъ на отцовскую дорожку. Жизнь повелъ безпутную, время проводилъ въ кабакахъ, съ голытьбой, и бралъ дѣла самаго рискованнаго свойства. Годъ такой жизни,—и выработался въ пьянаго и дерзкаго буяна, анфанъ-терибля всего нашего мирнаго городка, грозу мирныхъ гражданъ. И откуда-то, чортъ его знаетъ, въ этомъ застѣнчивомъ юношѣ объявилась вдругъ наглость, а съ нею и остроуміе просто дьявольское: всѣ въ городѣ его боялись... Замѣчательно, что рѣдкій городокъ на Руси обходится безъ своего Рогова. Своего рода должность, полагающаяся по штату. Тихо это всюду, мирная дремота, идиллическое спокойствіе, г. Будниковъ по улицамъ ходитъ, прямой, величавый, собственные шаги считаетъ... По вечерамъ особенно въ праздники, шорохи эти поэтическіе, а тутъ гдѣ-нибудь ухаетъ кабакъ вродѣ нашего, „на Ярахъ“, и бурлитъ какая-нибудь безобразная, изболѣвшая и одичавшая душа... А около нея, конечно, сателлиты. Это уже, такъ сказать, въ порядкѣ вещей, необходимый аксессуаръ глухихъ провинціальныхъ угловъ...

Первое время послѣ своего появленія Роговъ иногда встрѣчался со мною... Робко поклонится и отойдетъ къ сторонѣ, особенно, когда пьянъ. Разъ, встрѣтившись, я заговорилъ съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ. Пришелъ... трезвый, серьезный, даже застѣнчивый... по старой памяти, что ли... Только—какъ-то у насъ не склеилось. Встало между нами,—воспоми-

паніе: я—молодой учитель со свѣжею вѣрой въ свое призваніе, съ живымъ чувствомъ и словомъ. Онъ—юноша, еще чистый, благоговѣющій передъ моимъ нравственнымъ авторитетомъ.,. Теперь онъ—Ванька Роговъ, тиходольскій дебоширъ и ходатай по сомнительнымъ дѣламъ... А я... Ну, однимъ словомъ—точно стѣна какая-то стоитъ между нами и разъединяетъ: о главномъ, о томъ, что всего важнѣе, — не говоримъ. Чувствую, что надо бы разрушить какую-то перегородку, сказать ему что-то такое, что проникло бы въ эту душу и взяло бы ее, какъ когда-то... И онъ, вижу, самъ ждетъ какъ будто со страхомъ: вдругъ ты за это, за самое больное-то всетаки схватишь... Въ глазахъ и боль, и ожиданіе... А у меня силы для этого нѣтъ. Оборвалась... еще, кажется, тогда, давно, когда въ первый разъ со стыдомъ пришлось отступить...

Такъ мнѣ и пришлось наблюдать, въ качествѣ, такъ сказать, сочувствующаго свидѣтеля, какъ опускался этотъ юноша на глазахъ, пошлѣлъ, спивался, грязнѣлъ... Обнаглѣлъ, стыдъ сталъ терять, потомъ слышу: Роговъ вымогаетъ и попрошайничаетъ по мелочамъ. Дѣла беретъ плохія: ходитъ по самой, такъ сказать, границѣ между просто предосудительнымъ и уголовнымъ. Да ходитъ ловко, какъ акробатъ, и надъ всѣми смѣется. Года въ два-три уже совершенно опредѣлился. Фигура мрачная, грязноватая и чрезвычайно непріятная.

Ко мнѣ иной разъ сталъ уже заходить пьяный... И странно: въ этомъ видѣ мнѣ съ нимъ стало, какъ будто, легче... Задача, что ли, упростилась, стала очевидна его вина, и мораль давалась легче. Помню, какъ-то послѣ одной его выходки, до очевидности скверной, говорю я ему:

— Такъ и такъ, Роговъ, нехорошо.

Онъ сначала сжался было, глаза отвелъ, какъ бы боясь нравственнаго удара, а послѣ тряхнулъ лохмами и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, видимо призывая на помощь свою наглость.

— Почему бы, говоритъ, Павелъ Семеновичъ, нехорошо?

— Нечестно, говорю.

— Ну, знаете ли, говоритъ, это вѣдь только замѣна одного спорнаго термина другимъ, не менѣе спорнымъ. То было нехорошо, а теперь стало нечестно. А у меня, говоритъ, на этотъ счетъ своя теорія выработалась. Честность и другое тому подобное есть не что иное, какъ дессертъ. Дессертъ же, какъ извѣстно, подается послѣ обѣда. А если нѣтъ обѣда,— какая же, говоритъ, надобность въ дессертѣ?..

— Но,—припомните, говорю, Роговъ,—отчего у васъ нѣтъ обѣда... Учились вы хорошо, были уже на дорогѣ и вдругъ, уклонились съ пути...

Самому мнѣ въ эту минуту показалось это соображеніе не только убѣдительнымъ, но даже неопровержимымъ... А онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и говоритъ:

— Вы, говоритъ, въ послѣднее время, кажется, на билліардѣ стали иногда вечерами поигрывать?

— Ну, что-жъ, говорю, играю... для отдыха.

— Клапштосъ, говоритъ, знаете?

— И клапштосъ знаю.—А клапштосъ, какъ вамъ извѣстно, ударъ этакой особенный, парадоксальный. Отъ этого удара шаръ сначала идетъ впередъ, а потомъ вдругъ какъ бы произвольно откатывается назадъ... На первый взглядъ непонятно и какъ бы противно законамъ движенія, но въ сущности просто.

— Ну, такъ вотъ, по вашему, говоритъ, это что же: шаръ свою волю обнаруживаетъ? Нѣтъ?.. Просто борются два различныхъ движенія... Одно дѣйствуетъ сначала, другое беретъ верхъ послѣ... Ну, такъ видите ли, говоритъ,—мамаша моя шла всю жизнь прямымъ путемъ, а папаша, какъ вамъ хорошо извѣстно, вертѣлся волчкомъ. Вотъ и я сначала шелъ прямо, пока хватало мамашиныхъ импульсовъ... А потомъ, знаете, и самъ хорошенько оглянуться не успѣлъ, какъ ужъ меня завертѣло по отцовскому... Вотъ вамъ и вся моя біографія...

И такъ онъ это сказалъ искренно какъ-то и безнадежно. Опустилъ голову, закрылъ лицо кудрями, потомъ посмотрѣлъ на меня, и опять мнѣ стало жутко. Боль въ глазахъ. Видали вы когда-нибудь у животныхъ, когда имъ очень больно?.. Собака,—на что ласковая тварь,—а и та въ это время хозяина укусить готова.

— Что же, говоритъ... Кто тутъ, по вашему, виноватъ?

— Не знаю, говорю, Роговъ. Я вамъ, конечно, не судья... Да и не въ виновности дѣло.

— Не въ виновности, такъ въ чемъ же? По моему, тотъ виноватъ, кто меня клапштосомъ въ жизнь пустилъ... Значитъ, судить некому. Вотъ я двигаюсь клапштосомъ по жизненному полю... Исполняю волю пославшаго... Такъ-то вотъ, говоритъ, голубчикъ Павелъ Семеновичъ... Не найдется ли у васъ около двугривеннаго этакъ серебромъ?.. Тоска палитъ, залить надо...

Въ первый разъ онъ у меня тогда двугривенный попросилъ, и я сразу почувствовалъ, что бывшая между нами преграда разрушена. Что онъ и меня теперь можетъ оскорбить, какъ и всѣхъ...

И мнѣ захотѣлось защититься.

— Нѣтъ, говорю, Роговъ. Двугривеннаго я вамъ не дамъ...

Такъ,—хотите приходить,—приходите. Я радъ... А этого не нужно.

Опустилъ онъ свою лохматую голову, посидѣлъ и говоритъ глухо:

— Да, Павелъ Семеновичъ. Простите меня. Я и безъ двугривеннаго стану приходить. Всетаки посидишь съ вами, какъ будто легче и точно минусъ какой изъ обычнаго угара...

Посидѣлъ опять. Помолчали мы оба тяжело и напряженно. Потомъ онъ опять говоритъ:

— Было время... надѣялся я много отъ васъ получить... Вы сами не знаете, что вы для меня значили. Вотъ и теперь иной разъ тянетъ къ вамъ. Ждешь чего-то. Да нѣтъ... безполезно... Клапштосъ,—и кончено...

— Извините, говорю, Роговъ. Но вы положительно злоупотребляете этимъ билліарднымъ сравненіемъ. Вѣдь вы не костяной шаръ, а живой человѣкъ.

— И поэтому, говоритъ, чувствую... Шаръ-то, — куда его ни загони,—въ лузу ли, въ лужу ли, ему, костяному дураку, все равно... А человѣку, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ, въ лужѣ тяжело... Вы думаете, кто-нибудь сознательно и по доброй волѣ откажется отъ дессерта?.. Не отказался бы и я... Человѣкъ я, какъ говорится, съ рефлексомъ. Вижу и обсуждаю свою траекторію до конца... Скоро вѣдь стану свинья свиньей и уже безпросвѣтно. Вотъ порой и думается: а вѣдь можетъ быть... какъ-нибудь... гдѣ-нибудь... какая-нибудь... точка опоры, что ли... вѣдь вотъ порой задѣваетъ еще что-то... настоящее... И есть оно гдѣ-то навѣрное... настоящее-то?.. Есть вѣдь, Павелъ Семеновичъ?

— Есть, говорю, конечно, есть.

— Ну, вотъ, говоритъ, какъ вы это искренно сказали. Да, должно быть, дѣйствительно, есть... Такъ гдѣ же оно? Ну, извините, я вамъ не хочу ловушки ставить... Не знаете вы этого и сами. Искали когда-то, да бросили... Вотъ поэтому-то я только двугривенный у васъ и прошу. Да еще иногда, спасибо, посижу, будто у огонька.. Человѣкъ вы всетаки съ душой... Иной, можетъ быть, съумѣлъ бы и больше взять у васъ...

— Такъ что же, послушайте, говорю я ему. Придумайте: не могу ли быть вамъ, дѣйствительно, полезенъ. — И чувствую: подается въ немъ что-то... растроганность какая-то почувствовалась, наглости нѣтъ... Задумался, опустилъ голову.

— Нѣтъ, говоритъ, не выйдетъ. И не вы, голубчикъ, виноваты. А потому, что... я да всѣ мы такіе... очень требовательны. Сами, какъ свиньи, въ грязи валяемся, а съ другихъ требуемъ, чтобы тѣ, кто руку протянуть хочетъ, сами

были чище снѣга... Много, голубчикъ, силы надо. Не хватитъ ея у васъ... Буря нужна, понимаете ли... Чтобы дохнуло огнемъ... Ну, тогда и чудеса бываютъ... А вы... Вы на меня не сердитесь?..

— Что же, говорю, на что сердиться?

Замолчали мы оба тогда. Я не нашелъ, что сказать ему, а онъ опять сталъ ходить, но понемногу опять къ прежнему тону сталъ возвращаться. Придетъ, сядетъ, и перегаромъ отъ него несетъ. Въ слѣдующую субботу пришелъ такимъ же образомъ и сѣлъ рядомъ на крыльцѣ, и какъ разъ опять къ вечернѣ ударили. И черезъ короткое время выходитъ изъ воротъ г. Будниковъ. Щеголеватый, знаете ли, такой, прямой, какъ всегда, и во всей фигурѣ довольство... Такъ отъ него и разитъ сознаніемъ исполняемаго долга.

Помню, что и на меня тогда его появленіе подѣйствовало непріятно, а у Рогова даже лицо вдругъ измѣнилось... Схватился съ мѣста, сталъ въ театральную позу, шляпу съ головы снялъ и говоритъ:

— Господину Будникову, Семену Николаевичу, къ вечернѣ шествующу—отъ Ваньки Рогова нижайшее почтеніе.

И потомъ отвелъ шляпу широкимъ этакимъ жестомъ и запѣлъ изъ этого... ну, извѣстнаго романса:

„Самъ не въ си-лахъ я боль-ше моли-и-иться...
„Пам-мались, милай друкъ, за м-миня...

Передернуло меня это гаерство... Чувствую, что и мнѣ Будниковъ непріятенъ, но всетаки... Оскорбляетъ человѣка въ такомъ чувствѣ, которое во всякомъ случаѣ и со всякой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго уваженія. А тутъ вскорѣ изъ калитки вышла и Елена и тоже въ церковь идетъ. Онъ и къ ней:

„Офелія! О, нимфа! Помяни
„Меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ“.

Это меня уже окончательно разсердило. Елена сжалась вся подъ наглымъ взглядомъ и наглыми, хоть и непонятными ей словами, опустила голову и скоро-скоро пошла къ церкви.

— Послушайте, говорю, Роговъ. Какъ вамъ не стыдно! И при томъ долженъ вамъ сказать... если хотите ко мнѣ ходить, то попрошу васъ покорно вести себя приличнѣе...

Повернулся онъ ко мнѣ... и вижу, въ глазахъ особенное выраженіе—злой боли: уже и меня укусить собирается...

Захотѣлось мнѣ нѣсколько смягчить эту свою рѣзкость. И говорю:

— Вѣдь, вотъ вы, Роговъ, не знаете ни этихъ людей, ни ихъ отношеній, а позволяете себѣ оскорблять...

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и говоритъ:

— Это вы не насчетъ ли идилліи? Добродѣтельный г-нъ Будниковъ устроилъ счастье двухъ сердецъ. А вотъ, кстати, и Гаврюшенька.

И дѣйствительно, Гаврило какъ разъ вышелъ изъ воротъ. Роговъ какъ-то противно подмигнулъ ему.

— Поздравляю, говоритъ, Гаврюшенька... съ барскими отопочками... Умница! Узналъ, видно, гдѣ раки зимуютъ?.. Въ случаѣ надобности, говоритъ,—можешь разсчитывать на мои юридическія познанія...

Да, удивительное дѣло, какъ эти циники узнаютъ иныя вещи. Повидимому, Роговъ тогда уже зналъ все и вѣроятно заподозрилъ Гаврилу въ корыстныхъ видахъ...

Подошелъ къ нему и хлопнулъ по плечу... Тотъ озлился вдругъ и сильно оттолкнулъ Рогова. Роговъ чуть не упалъ, засмѣялся и съ преувеличенной развязностью пошелъ по панели. Поровнявшись со мной, онъ остановился и говоритъ:

— Вотъ что, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ... Давно хотѣлъ у васъ спросить: не читали ли вы... есть у Ксенофонта... разговоръ Алкивіада съ Перикломъ... Если не читали,—положительно рекомендую. Хоть и на мертвомъ языкѣ, а поучительно.

И пошелъ, напѣвая скверную пѣсенку. А я черезъ нѣкоторое время разыскалъ этотъ діалогъ. Что, думаю, онъ хотѣлъ сказать...

Тяжелая, знаете ли штука, но сильная. Дѣло, собственно, приблизительно вотъ въ чемъ. Приходитъ какъ-то къ Периклу юный Алкивіадъ... Периклъ, представьте себѣ, къ этому времени уже почтенный человѣкъ, окруженный общимъ почетомъ, ну, тамъ... прошлыя заслуги и нѣкоторый ореолъ добродѣтели... И вѣроятно, уже брюшко и прочее. Ну, а Алкивіадъ—повѣса, безобразникъ, кутила, съ дѣвочками аѳинскими скандалы всякіе устраиваетъ, собакамъ, какъ извѣстно, хвосты рубилъ... И насчетъ добродѣтели человѣкъ мало свѣдущій. Ну, такъ вотъ приходитъ къ Периклу этотъ порочный молодой человѣкъ и говоритъ: — Послушай, Периклъ. Вотъ ты человѣкъ полный, можно сказать, добродѣтели до самыхъ макушекъ. А я вотъ путаюсь безъ дороги и отъ бездѣлья даже вотъ столбы выворачиваю. Сограждане недовольны. Научи ты меня добродѣтели и разрѣши сомнѣнія. Я буду спрашивать, а ты мнѣ, говоритъ, разъясняй все по порядку. Ну, Периклъ, разумѣется, согласенъ, даже, пожалуй, радъ: отчего не разъяснить молодому человѣку? Можетъ быть, и остепенится.—Хорошо, говоритъ, спрашивай. Тотъ и спрашиваетъ: что такое добродѣ-

тель? И какъ ей научиться?—Периклъ, конечно, только усмѣхнулся: чти, говоритъ, боговъ, исполняй законы и вся недолга. Законы соблюдать есть первѣйшая обязанность гражданина и человѣка.—Ну, вотъ, отлично, отвѣчаетъ ему юноша. Теперь скажи, пожалуйста, какіе законы я долженъ исполнять: дурные или хорошіе? Тотъ немного даже обидѣлся. Да вѣдь законъ,—значитъ, дескать, хорошъ. Что же тутъ толковать?—Нѣтъ, говоритъ Алкивіадъ, постой, не сердись... А ужъ у нихъ, знаете ли, въ это время въ Аѳинахъ всѣ эти, такъ сказать, основоначала замутились нѣсколько... партіи, борьба, одни другихъ грабятъ, остракизмы эти, своего рода ссылка административнымъ порядкомъ... узурпаторы пошли; временщики тамъ... чуть замѣшательство, — ужъ онъ выскочилъ и свой законъ написалъ, для собственнаго употребленія или тамъ для кумовей и пріятелей. Боги старые сконфузились, оракулы бормочутъ ни вѣсть что, совсѣмъ не къ дѣлу. Однимъ словомъ, ясное-то въ жизни стало ужъ неясно: равновѣсія нѣтъ, всѣми признанная правда затерялась... Обновленіе нужно. Тучи кругомъ заволокли небо, и путеводныя звѣзды, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ онѣ?.. Такъ вотъ Алкивіадъ и спрашиваетъ: какіе же, говоритъ, законы надо исполнять: которые предписываютъ хорошее или дурное?—Конечно, говоритъ, хорошее.—Ну, а почему же мнѣ, говоритъ, узнать, какіе хорошіе? По какому, такъ сказать, признаку? — А ты, говоритъ, исполняй всякіе: законъ, говоритъ, на то и пишется...—Значитъ и тѣ, какіе введены насиліемъ тирановъ?—Ну, этихъ, пожалуй, и не надо... Только, говоритъ, законные, такъ сказать, законы.—Ну, хорошо. Если, напримѣръ, меньшинство насилуетъ большинство въ свою явную пользу, такихъ законовъ не надо? — Пожалуй, не надо. — А если большинство явно насилуетъ меньшинство, противно всякой правдѣ?.. Видите, куда этотъ юноша гнетъ: внѣшнихъ признаковъ ему не надо, а покажи такъ, чтобы душой почувствовать общественную правду, высшую, такъ сказать, правду жизни, святыню... Ну, а Периклъ-то, понимаете, ужъ и не того... И не то, что Периклъ,—весь строй жизни стоитъ на рабствѣ, на сознанной неправдѣ... религія выдохлась, недавняя святыня, освящавшая каждый шагъ, каждое движеніе, весь строй, всѣ людскія отношенія—ужъ ея люди не чувствуютъ... Ну, Периклъ туда-сюда... самому-то передъ собой не хочется признать, что уже ихніе законные законы того... выдохлись... Онъ этакъ снисходительно потрепалъ безпутнаго юношу по плечу и говоритъ:—Да, да!—говоритъ, ты, конечно... мальчикъ съ головой... Мы, говоритъ, и сами въ прежнее время этакіе же трудные вопросы

разрѣшали... Ну, Алкивіадъ видитъ, что ужъ Периклъ—такъ сказать, признанный авторитетъ — одними пустяками отдѣлывается, живого-то въ немъ эти противорѣчія не задѣваютъ,—и махнулъ рукой.—Жалко, говоритъ, почтенный человѣкъ, что я съ тобой не былъ знакомъ въ то время... А теперь пойду отъ скуки опять столбы выворачивать...

И это онъ поднесъ мнѣ, своему бывшему учителю...

. . . . . .

VII.

Разсказчикъ остановился. Поѣздъ замедлялъ ходъ, подходя къ какой-то станціи. Петръ Петровичъ протянулъ руку и, снявъ съ крючка синюю фуражку съ кокардой, сказалъ:

— Пойти опять въ буфетъ... Признаться, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ, не понимаю я, къ чему все это клонитъ... Это, извините, даже и не философія, а Богъ знаетъ къ чему. Начали про Будникова. Ну, это пожалуй: человѣкъ всетаки знакомый... Потомъ этотъ, чортъ его знаетъ, Роговъ, прохвостъ какой-то отпѣтый, а тутъ уже, не угодно ли, и Ксенофонтъ, и Алкивіадъ... хвосты собакамъ рубитъ... Чортъ знаетъ что: какое мнѣ, позвольте спросить, до всего этого дѣло?.. Нѣтъ, какъ хотите... Лучше пойду вторично водку пить...

Онъ надѣлъ фуражку и, придерживаясь за стѣнки отъ толчковъ останавливающагося поѣзда, вышелъ изъ вагона. Но въ это время на другой верхней скамейкѣ зашевелился четвертый пассажиръ. Онъ лежалъ въ тѣни, по временамъ курилъ и проявлялъ признаки вниманія къ разсказу. Теперь онъ сошелъ съ своей скамьи и, сѣвъ рядомъ съ нами, сказалъ:

— Извините, не имѣю чести быть знакомымъ, но... я слышалъ поневолѣ вашъ разсказъ, и мнѣ было бы интересно... Такъ что, если вы ничего не имѣете противъ...

Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ въ лицо новаго собесѣдника. Это былъ культурный человѣкъ, одѣтый аккуратно, съ умными глазами, твердо глядѣвшими изъ-подъ золотыхъ очковъ, которые онъ прилаживалъ обѣими руками...

— Да?—сказалъ Павелъ Семеновичъ...—Вы, значитъ, тоже слышали...

— Да, слышалъ. И меня интересуетъ... ваша точка зрѣнія, которая, признаюсь, мнѣ не вполнѣ ясна...

— Да?.. Дѣйствительно, можетъ быть, я не вполнѣ ясно это... Я хотѣлъ сказать... что въ сущности все такъ связано... И эта взаимная связь...

— Налагаетъ общую отвѣтственность?

Въ лицѣ Павла Семеновича блеснуло радостное оживленіе.

— Вотъ! Вы, значитъ, поняли? Именно—общую... Не передъ Иваномъ или Петромъ... Все, такъ сказать, переплетается... Одинъ по неаккуратности броситъ апельсинную корку... другой споткнулся и, глядишь,—сломалъ ногу.

Новый собесѣдникъ слушалъ съ спокойнымъ вниманіемъ. Но въ это время въ вагонъ вошелъ опять Петръ Петровичъ, который ошибся станціей, и, окинувъ обоихъ нѣсколько ироническимъ взглядомъ, сказалъ, вѣшая на крючокъ фуражку:

— Ну, вотъ, теперь—не угодно ли—корка!

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ,—сказалъ Павелъ Семеновичъ серьезно.—Вы это напрасно такъ... Тутъ, конечно, вопросъ, такъ сказать...

— У васъ, я знаю, все вопросы, въ самыхъ простыхъ вещахъ...—сказалъ Петръ Петровичъ.—Не стѣсняйтесь, пожалуйста. У васъ есть достаточно слушателей.

— Да, пожалуйста,—подтвердилъ господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Извольте... Я охотно, тѣмъ болѣе, что все это мнѣ, все равно, не даетъ покоя. Я остановился...

— Вы остановились,—насмѣшливо помогъ ему Илья Петровичъ,—на Алкивіадѣ... Исторія, такъ сказать, древняя. Теперь послѣдуютъ средніе вѣка...

Павелъ Семеновичъ не обратилъ вниманія на соль этой остроты и обратился къ новому собесѣднику:

— Да, такъ видите ли. Дѣло находится въ такомъ положеніи: Гаврило женился, живетъ себѣ... Въ столѣ у г-на Будникова лежитъ билетъ съ двумя чертами... ходятъ объ этомъ нехорошіе слухи и, какъ всегда, въ преувеличенномъ видѣ. И не знаетъ объ нихъ одинъ только Гаврило,—работаетъ себѣ по прежнему, лѣзетъ, такъ сказать, изъ кожи, старается... Мускульная эта симфонія въ полномъ ходу, глаза такъ и лучатся общимъ довольствомъ и благорасположеніемъ...

И вдругъ, однажды, натыкается на него въ этакую минуту Роговъ. Шелъ по панели мимо двора, остановился, подумалъ о чемъ-то и подозвалъ Гаврилу.

Ну, тотъ русскій человѣкъ, добродушный... Не такъ давно толкался, а тутъ забылъ. Чего, говоритъ, тебѣ?—Поди сюда, дѣло до тебя. Спасибо скажешь.

Признаться, что-то толкнуло меня. Хотѣлъ подозвать къ себѣ этого Рогова и, чувствуя, что затѣваетъ онъ скверность,—остановить его. Но это было уже послѣ Алкивіада... вообще, не надѣялся я уже на себя. Такъ и остался у окна. Гляжу,—оставилъ Гаврило лопату, подошелъ и сталъ слушать. Сначала въ лицѣ его видно было только недоумѣніе,

отчасти даже пренебреженіе. Но потомъ все съ тѣмъ же видомъ колебанія онъ отвязалъ фартукъ, пошелъ къ себѣ во флигелекъ, надѣлъ картузъ и вышелъ къ Рогову... И потомъ они вмѣстѣ пошли по улицѣ и свернули къ береговому откосу... А черезъ минуту вышла къ воротамъ Елена, стала у калитки и долго смотрѣла вслѣдъ двумъ удалявшимся фигурамъ... И въ глазахъ у нея были печаль и испугъ...

И, дѣйствительно, съ этого самаго дня характеръ у Гаврилы круто какъ-то измѣнился. Вернулся онъ нѣсколько, какъ будто, пьяный... Можетъ быть, отъ водки, а можетъ быть, и отъ огромности непосильнаго бремени, которое вдругъ навалилъ на него Роговъ... Во-первыхъ, и сумма совершенно подавляющая: гора денегъ, превышающая самую его способность счета. И потомъ—источникъ этого богатства, возвращающій невольно мысли къ прошлому Елены. Наконецъ, недоумѣніе, почему Елена ему ничего объ этомъ не сказала, и отсюда, можетъ быть, нехорошія подозрѣнія... Въ общемъ, разумѣется, полный душевный сумбуръ... Двѣ черточки, которыя г-нъ Будниковъ провелъ на билетахъ,—по душѣ Гаврилы прошли, очевидно, всего глубже и больнѣе... Ну, соскочилъ простодушный человѣкъ и со своего центра. Вся эта симфонія непосредственности и труда внезапно оборвалась... Заметался мой Гаврило безпорядочно, какъ отравленный...

И начало его ломать... Сначала все ходилъ угрюмый, съ какимъ-то потемнѣвшимъ лицомъ. Работа у него стала валиться изъ рукъ: то топоръ швырнетъ, то лопату сломаетъ... Совершенно какъ хорошо пущенная машина, въ которую вдругъ сунули бревно... Когда же Будниковъ удивленно и кротко сталъ дѣлать ему вполнѣ резонныя замѣчанія, что вѣдь вотъ лопата стоитъ денегъ, и что онъ вынужденъ будетъ вычесть у Гаврилы изъ жалованья,—то этотъ, кроткій прежде человѣкъ, отвѣчалъ невнятными и нерезонными грубостями... А у Елены глаза все заплаканные...

Потомъ Гаврило уже формально запилъ, сталъ пропадать, и преимущественнымъ мѣстопребываніемъ его сталъ довольно грязный вертепъ „Яры“ на берегу, на пескахъ, недалеко отъ пристани... Домишко этакой небольшой, деревянный, съ мезониномъ, темный, покосившійся въ одну сторону и подпертый бревнами. Съ берегового откоса можно было видѣть его: все, бывало, по вечерамъ два оконца и дверь открытая свѣтятся, какой-то бубенъ ухалъ, и пиликало что-то для увеселенія... А по временамъ неслись смѣшанные крики—не то пѣсни, не то драка и караулъ. Вообще—вѣчное безпокойство и какъ будто угроза. Антитеза дремлющей обывательской жизни...

Бурлаки съ нашей скромной и по большей части бездѣйствующей пристани, рабочіе съ кирпичныхъ заводовъ, какъ кроты копавшіеся въ мокрой глинѣ, профессіональные нищіе... однимъ словомъ, народъ бездомный, несчастный, безпутный и злой. Даже и пролетаріатъ-то попорядочнѣе избѣгалъ этого кабака. И вотъ, въ него-то именно и втянулъ Роговъ Гаврилу. А за Гаврилой узнала дорогу въ „Яры“ и Елена, собственно, для того, чтобы мужа оттуда вытаскивать...

Дѣлала она это какъ-то удивительно покорно, безропотно и, право, даже—красиво. Разъ иду съ уроковъ, вхожу въ калитку, глядь, Елена бѣжитъ навстрѣчу, наскоро платокъ на головѣ повязываетъ.

— Куда вы, говорю, Елена?

Застыдилась немного.

— Не видали вы,—спрашиваетъ:—Гаврило Степанычъ въ ту сторону прошли?..

— Кажется, говорю, пошелъ... Да вамъ-то бы, Елена, туда, пожалуй, и не дорога.

Хотѣлъ даже удержать ее... Но она сердито метнулась мимо и, кажется, съ нѣкоторою гордостью кинула на ходу, что дескать Гаврило Степанычъ—ей мужъ, а она ему жена законная... А черезъ полчаса гляжу,—ведетъ Гаврилу Степаныча подъ руку. Тотъ упирается, но идетъ и только смотритъ передъ собой тусклымъ, оловяннымъ и не понимающимъ взглядомъ. И всетаки идетъ. У самой калитки уперся вдругъ ногами, оттолкнулъ ея руку и уставился въ нее... Лицо темное, и въ оловянныхъ глазахъ злая рѣшимость...

— Ты, говоритъ, кто?.. Говори: кто ты?.. А?

Она стоитъ, опустивши руки, убитая какая-то. Вспомнилось мнѣ то весеннее утро и ихъ взаимныя клятвы: „А вы, Гаврило Степанычъ, Бога не забудете?...“ И стало мнѣ страшно: забудетъ, думаю, и именно вотъ сейчасъ... сію минуту и забудетъ... Но вдругъ лучъ нѣкотораго сознанія мелькнулъ въ безсмысленномъ лицѣ, и онъ какъ будто проглотилъ что-то. Не сказалъ ни слова и молча пошелъ къ себѣ... И она пошла за нимъ, испуганная, почтительная и покорная...

И все такъ пошло: мигнетъ Роговъ Гаврилѣ, онъ исчезнетъ со двора и забурлитъ. Власть какую-то пріобрѣлъ этотъ человѣкъ надъ Гаврилой, а Елена ее оспаривала... покорно, почтительно, робко, но настойчиво. Вѣроятно, считала всю эту исторію наказаніемъ, посланнымъ ей для искупленія „грѣха“. Осунулась, пріятная полнота исчезла, глаза впали... Но за то, глядя на нихъ, я бы теперь никакъ не рѣшился назвать ихъ глупыми. Страданіе всегда удивительно умно,

даже у птицы... Въ вертепы является, мужа пьянаго выводитъ, смѣются надъ ней на улицѣ, грубо задѣваютъ...—у нея за себя стыда ни капли... Только иной разъ скажетъ шопотомъ: „Не хорошо, Гаврило Степанычъ, люди на васъ смотрятъ“...

Однажды, при этакомъ же вотъ случаѣ, когда она привела его изъ „Яровъ“, онъ вырвался изъ ея рукъ, кинулся къ дверямъ Будникова и сталъ бѣшено колотить въ нихъ ногой. Елена какъ-то вся помертвѣла и, будто не въ силахъ подойти къ нему, глядѣла только, какъ человѣкъ въ кошмарѣ, когда къ нему приближается что-то давно ожидаемое и страшное, противъ чего нельзя уже бороться... Но тутъ вдругъ дверь открылась, и на порогѣ появился г-нъ Будниковъ... Спокойный, даже величавый, съ чувствомъ полнаго превосходства. Я даже, правду сказать, нѣсколько удивился... Какъ бы ни было, всетаки положеніе щекотливое. Подробностей я еще тогда не зналъ, но всетаки чувствовалась нѣкоторая нечистота и неаккуратность... И вдругъ, ясность взгляда, спокойствіе, достоинство. И не то, чтобы притворство. Нѣтъ,—замѣтно это было бы... Просто—полная невозмутимость.

— Что, говоритъ, тебѣ, Гаврило, нужно? Зачѣмъ стучишь ногой? Не знаешь, какъ надо позвонить... Вотъ, видишь: звонокъ...

И показываетъ ручку звонка. Гаврило посмотрѣлъ на ручку и растерялся... Дѣйствительно, дескать, ручка и, значитъ, ногой совершенно таки не зачѣмъ... А г. Будниковъ съ верхней ступеньки продолжаетъ:

— И вообще, говоритъ, что ты о себѣ думаешь и что тебѣ, поте-рян-ному человѣку, отъ меня нужно? Что, обидѣлъ я тебя, поступалъ съ тобой неправильно, жалованье хоть на день одинъ задержалъ? Ну, вотъ ты стучалъ ногой... Хорошо. Вотъ я къ тебѣ вышелъ... Что же тебѣ надо?

Гаврило—ни слова...

— Ну, такъ вотъ, говоритъ, я тебѣ скажу съ своей стороны: лопата опять сломана, панель не подметена, лошадь не напоена до сихъ поръ... Лошадь безсловесная, ничего сказать не можетъ... но при всемъ томъ, она живая и чувствуетъ... слышишь, ржетъ вотъ...

Этотъ аргументъ подавилъ Гаврилу до такой степени, что онъ, побѣжденный совершенно и окончательно, повернулся и... отправился прямо въ конюшню. И черезъ минуту, даже какъ будто не пьяный, повелъ въ поводу лошадь къ водопою... А г. Будниковъ спокойно заперъ ключомъ свою дверь и пошелъ со двора. Проходя мимо моего палисадника и догады-

ваясь, что я все видѣлъ, онъ остановился и, грустно покачавъ головой, сказалъ:

— Да вотъ, толкуютъ: народъ, народъ... не угодно ли полюбоваться...

VIII.

Скандалы эти стали уже обращать вниманіе. Заговорили въ городѣ. Судили, конечно, разно. Одни стояли за Будникова. Стоитъ ли вѣрить слухамъ? Да и ничего вѣдь, въ сущности, неизвѣстно. Какіе-то, съ одной стороны, глухіе толки, а съ другой—явные скандалы и безобразное нарушеніе общественной тишины... Но было и другое мнѣніе. Люди низшаго званія сочувствовали Гаврилѣ. Должно быть, представлялось имъ, что г-нъ Будниковъ, умный и сильный, похитилъ у Гаврилы какое-то право вродѣ талисмана, что ли, и теперь колдуетъ какимъ-то образомъ, чтобы этотъ талисманъ потерялъ свою силу... И вотъ десятки глазъ поворачиваются къ окнамъ г-на Будникова и смотрятъ на него, когда онъ проходитъ, прямой и спокойный, какъ будто не замѣчая, что за нимъ тянется это облако недоумѣнія, подозрѣнія, осужденія, вопроса... вообще, грѣха. И въ каждомъ взглядѣ отражается нехорошая мысль, и въ каждомъ сердцѣ шевельнется нехорошее чувство... Это, вѣдь, своего рода темная туча... Сотни одинаковыхъ душевныхъ движеній, спутанныхъ, неясныхъ, но злыхъ... И всѣ направляются къ одному центру...

А Будниковъ, надо замѣтить, былъ до извѣстной степени популярный и прежде пользовался общей благосклонностью... Даже Роговъ, когда случалось ему проходить мимо нашего двора, завидя г-на Будникова съ лопатой или граблями, прежде остановится, бывало, и скажетъ:

— Господинъ Будниковъ, Семенъ Николаевичъ, труждается... Трудивыйся да ястъ.

Или:

— Господинъ Будниковъ помогаетъ ближнему дворнику трудами рукъ своихъ. Похвально!

И пройдетъ дальше, какъ мимо явленія безразличнаго или даже пріятно развлекающаго...

А тутъ все это окрасилось иначе... У меня даже физическое ощущеніе какое-то являлось... вродѣ кошмара. Какъ будто эти двѣ черты... или что-то въ личности г-на Будникова пропитали собою всю атмосферу... Даже, представьте, почти до галлюцинаціи... Идешь въ гимназію или изъ гимназіи... Высчитываешь въ умѣ отмѣтки... И покажется вдругъ, что это господинъ Будниковъ идетъ за тебя этимъ размѣреннымъ

шагомъ, довольный отъ сознанія исполненнаго долга... Или задаешь урокъ, или читаешь необходимую нотацію и слышишь, ну вотъ просто-таки слышишь эти будниковскія нотки въ своемъ голосѣ... когда онъ нищимъ внушаетъ трудовыя правила, или читаетъ Гаврилѣ мораль по поводу сломанной лопаты, или мнѣ самому совѣтуетъ „отбросить гордыню и смириться“...

Да, есть въ этомъ обыденномъ, въ этой смиренной и спокойной на видъ жизни благодатныхъ уголковъ свой ужасъ... специфическій, такъ сказать, не сразу замѣтный, сѣрый... Гдѣ тутъ, собственно, злодѣи, гдѣ жертвы, гдѣ правая сторона, гдѣ неправая?.. И такъ хочется, чтобы проникъ въ этотъ туманъ хоть лучъ правды живой, безотносительной, не на чертахъ карандашомъ основанной, дѣйствительно разрѣшающей всю эту путаницу... настоящей, о которой догадывается даже Роговъ... Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю, — серьезно сказалъ господинъ въ очкахъ.

— Г. Будниковъ тоже, кажется, началъ ощущать, что около него неладно что-то. И заметался, но, какъ это часто бываетъ, метнулся не туда, гдѣ настоящій выходъ... Пришелъ разъ ко мнѣ въ обычный срокъ, двадцатаго. Ну, разумѣется, я, какъ всегда, угощаю чаемъ... Выпилъ, какъ обыкновенно, только видъ не совсѣмъ обыкновенный. Не то грустный, не то торжественный. Кончилъ дѣловой визитъ, деньги тщательно уложилъ въ книжечку, отмѣтилъ, и все не уходитъ... Началъ говорить обиняками... вообще о ненормальности жизни, въ частности о своемъ одиночествѣ, о какой-то ошибкѣ, происшедшей отъ предразсудка и гордости... Потомъ свелъ на Елену и Гаврилу. Гаврила оказался полнымъ негодяемъ, а Елена ошиблась и теперь глубоко несчастна... И онъ чувствуетъ себя виновнымъ, что выдалъ ее, но исправить это нелегко... И деньгами исправить всего труднѣе... Что значатъ деньги въ рукахъ пьяницы?.. И такъ далѣе, все обиняками, изъ которыхъ, однако, подъ конецъ мнѣ стало ясно, что г-нъ Будниковъ желаетъ повернуть всю эту запутанность къ исходному, такъ сказать, пункту, то есть развести Елену съ Гаврилой и жениться на ней самому... Тогда, значитъ, двѣ черты сами собой уничтожаются и исчезаютъ... Повидимому, онъ уже успѣлъ посовѣтоваться объ этомъ кое съ кѣмъ и въ томъ числѣ съ о. Николаемъ... Теперь рѣшилъ посовѣтоваться еще со мною...

— А что же, — говорю. — Елену вы объ этомъ спросили?

— Нѣтъ, говоритъ, не спрашивалъ еще... Я къ ней... мо-

жетъ быть, вы изволили замѣтить, даже не подхожу, чтобы не было никакихъ поводовъ... Но я знаю, что ей нужно... И не имѣю основаній сомнѣваться...

Попробовалъ я представить съ своей стороны нѣкоторыя соображенія, но г-нъ Будниковъ не сталъ слушать... Быстро попрощался и ушелъ... Какъ будто опасаясь за цѣльность этой своей системы дѣйствій...

А черезъ нѣкоторое время начали, въ отсутствіе Гаврилы, шастать къ Еленѣ какія-то старушки съ погоста, а къ Будникову какіе-то консисторскіе субъекты. Раза два, подъ вечеръ, гляжу: идетъ отъ Будникова и Роговъ... Вотъ оно, думаю, что: молодой-то мой человѣкъ дошелъ уже до своего предѣла, и теперь понятно, зачѣмъ онъ спаиваетъ Гаврилу: подготовляетъ нужную для г-на Будникова бракоразводную обстановочку...

И показалось мнѣ все это, въ цѣломъ, до такой степени безобразнымъ и безвыходнымъ, что я задумалъ перемѣнить квартиру, чтобы просто-на-просто уйти отъ этого всего... Безсонница замучила... Опять по саду шатаюсь. И однажды, застаю въ немъ Елену. Лежитъ на той самой скамейкѣ, гдѣ я сидѣлъ въ то утро, весной... А теперь осень... Умираетъ это все, обнажается... Осень, вѣдь, большой циникъ... Вѣтеръ треплетъ опавшіе листья, смѣется... Лежатъ они на грязной, мокрой землѣ. А на мокрой скамейкѣ лежитъ женщина лицомъ книзу и плачетъ... такъ и бьетъ всю ее плачемъ... Впослѣдствіи я узналъ: комбинація г-на Будникова, разумѣется, была совершенно неосуществима. Услыхавъ объ этомъ предположеніи, она только всплеснула руками: „пусть, говоритъ, подо мной земля провалится, пусть высохну, какъ щепка... Ну, и такъ далѣе... Лучше заройте меня живую въ землю вмѣстѣ съ Гавриломъ Степановичемъ“... А Гаврило Степанычъ и дома ужъ не ночуетъ. И угасаетъ недавнее чистое счастье, а она и понять не можетъ, въ чемъ дѣло, и не умѣетъ себя отстоять. Билетъ... двѣ черты... кумушки съ паперти, Будниковъ, Роговъ. А она глупа и покорна, и боится, что надъ ней сдѣлаютъ что-то безъ ея воли...

Подошелъ было я къ ней... хотѣлъ какъ-нибудь утѣшить. Но, когда дотронулся до нея, и подъ рукой затрепетало это бабье тѣло... такимъ оно мнѣ показалось тогда глупымъ, что я даже содрогнулся, точно отъ безсильной жалости...

И ушелъ... Забылъ все, и захотѣлось мнѣ все бросить и отгородиться отъ всего. Идетъ мимо господинъ Будниковъ... Пусть идетъ... Роговъ дѣлаетъ гадости, пусть дѣлаетъ! Глупая Елена пьянаго мужа ведетъ... Пусть ведетъ... какое мнѣ

дѣло? И кому попадетъ билетъ съ двумя чертами, и кому эти глупыя черты дадутъ умное право... не все ли равно?.. Все разрознено, все случайно, все безсвязно, безсмысленно и гнусно... . . . . .

. . . . . .

IX.

Павелъ Семеновичъ остановился и сталъ глядѣть въ окно, какъ будто забылъ о разсказѣ...

— Ну, что же, чѣмъ же всетаки кончилось? — осторожно спросилъ новый спутникъ.

— Кончилось?.. — очнулся расказчикъ. — Конечно, все на свѣтѣ чѣмъ-нибудь кончается. И это кончилось глупо и просто. Однажды, ночью... звонокъ ко мнѣ. Рѣзкій, тревожный, нервный... Вскочилъ я въ испугѣ, туфли надѣлъ... выхожу на крыльцо... никого. Только показалось мнѣ, что Роговъ за угломъ мелькнулъ. Ну, думаю: шелъ мимо пьяный и злой и захотѣлъ лишній разъ досадить мнѣ... Напомнить, что вотъ я сплю, а онъ, Ваничка Роговъ, любимый ученикъ, на улицѣ дебоширитъ и хочетъ, чтобы объ этомъ довести до моего свѣдѣнія. Заперъ я дверь, легъ опять, засыпать началъ. Вдругъ—опять звонокъ. Я не встаю. Пускай, думаю... Только опять звонокъ и въ другой разъ, въ третій... Нѣтъ, думаю, тутъ, видно, что-то другое. Накинулъ опять пальто... Отворяю дверь. Стоитъ ночной сторожъ. Борода въ инеѣ. „Пожалуйте“, говоритъ.

— Куда, говорю, что ты, братецъ?

— Къ Семену Николаевичу, говоритъ, къ господину Будникову... У нихъ... непріятность...

Я какъ-то такъ, не понимая ничего, машинально, одѣлся, иду. Ночь свѣтлая, холодно, поздно... У господина Будникова въ окнахъ огни, на улицѣ гдѣ-то свистки... ночное движеніе... Подымаюсь по лѣсенкѣ, вхожу. И первое, что мнѣ кинулось въ глаза—было лицо Семена Николаевича, господина Будникова... Только не прежняго, а совсѣмъ новаго. Лежитъ на подушкѣ и смотритъ куда-то, въ какое-то пространство невѣдомое... Странно такъ... Остановился я на порогѣ и подумалъ: „Какъ же это? Такой былъ знакомый человѣкъ и вдругъ... совсѣмъ другой... Совсѣмъ не тотъ, который приходилъ разъ въ мѣсяцъ и выпивалъ два стакана чаю. И не тотъ, который хлопоталъ о разводѣ Елены, а нѣкто, занятый другими мыслями. Лежитъ неподвижно, важный, и на насъ ни на кого не глядитъ и видитъ, какъ будто, совсѣмъ другое... И никого не боится, и всѣхъ судитъ: и себя, то есть прежняго Семена

Николаевича, и Гаврилу, и Елену, и Рогова, и.. ну, и меня тоже... И такъ это, понимаете, стало мнѣ ясно...

А затѣмъ я увидѣлъ Гаврилу. Стоитъ у окна, въ углу, жалкій, но спокойный. И такъ какъ я многое въ ту минуту понималъ какъ-то сразу, то я подошелъ къ нему и говорю:

— Ты это сдѣлалъ?

— Такъ точно, говоритъ, Павелъ Семенычъ. Я-съ.

— Какъ же ты рѣшился?

— Не знаю, Павелъ Семенычъ...

Потомъ я уже замѣтилъ доктора, который сказалъ мнѣ, что всякая помощь безполезна... Потомъ приходили, пріѣзжали, входили, сидѣли и писали протоколы... И такъ мнѣ показалось тогда странно, что молодой слѣдователь, такой аккуратный человѣкъ и такой увѣренный, распорядился не отпускать Гаврилу и Елену и производить какіе-то розыски... И помню, какъ онъ усмѣхнулся, когда я спросилъ: зачѣмъ это?.. Вопросъ, конечно, странный, но тогда мнѣ казалось, что не нужно это... И когда стали уводить Гаврилу и Елену, я какъ-то невольно поднялся съ своего мѣста и спрашиваю: „И меня тоже?“ Послѣ явились слухи, будто у меня не все въ порядкѣ. Но это невѣрно. Никогда такъ ясно не было въ головѣ... Слѣдователь удивился. „Если смѣю, говоритъ, посовѣтовать, то—вамъ надо воды выпить и успокоиться“.— „А Елена? — спрашиваю: — зачѣмъ?“ — „Будемъ, говоритъ, надѣяться, что все разъяснится въ благопріятномъ для нея смыслѣ, но теперь... при первоначальномъ дознаніи... печальная обязанность“... А мнѣ все кажется, что дѣлаетъ онъ не то...

Увели ихъ, а я пошелъ къ себѣ и сѣлъ на крыльцѣ. Было холодно... Ночь была ясная, осенняя, спокойная, съ бѣлымъ и чистымъ инеемъ... Въ небѣ звѣзды мерцаютъ и шепчутъ. И такъ много во всемъ какого-то особеннаго выраженія и смысла... Вотъ прямо слышишь таинственный шопотъ, только разобрать не можешь... Не то какая далекая тревога, не то спокойное и близкое участіе...

Я какъ-то вовсе не удивился, когда ко мнѣ тихонько подошелъ Роговъ и робко сѣлъ на крыльцѣ рядомъ. И долго сидѣлъ молча... И я даже не помню, говорилъ ли онъ что-нибудь, но я зналъ все... Онъ не думалъ объ убійствѣ. Онъ хотѣлъ по своему „выиграть у г-на Будникова дѣло Елены“. Для этого нужно было овладѣть билетомъ, на которомъ, какъ онъ полагалъ, была передаточная надпись... И ему нравилась эта остроумная комбинація: овладѣть незаконными путями доказательствомъ законнаго права. Видѣлъ въ этомъ нѣчто даже юмористическое... Незаконное овладѣніе законными до-

казательствами въ видѣ предполагаемой передаточной надписи... Для этого онъ и втерся къ Будникову въ довѣренность по бракоразводному дѣлу... Развѣдалъ все въ квартирѣ и послалъ одного изъ своихъ послушныхъ кліентовъ, изъ „Яровъ“ этихъ, съ приказомъ захватить намѣченную шкатулку. А Гаврило долженъ былъ открыть дверь г-на Будникова вторымъ ключомъ, котораго, по странной оплошности, Будниковъ у него не отнялъ. Но Гаврило, вмѣсто того, чтобы остаться у дверей, пошелъ сразу наверхъ. И мнѣ казалось, что я самъ видѣлъ, какъ онъ шелъ тяжелой походкой, съ омраченной головой, съ темною враждой въ душѣ... И какъ онъ всталъ на порогѣ, и какъ г-нъ Будниковъ проснулся и, кажется, даже не испугался, а все вдругъ понялъ.

А у меня въ головѣ все стоялъ тотъ моментъ изъ прошлаго, когда въ мою квартиру такой же свѣтлой ночью прибѣжали два гимназиста, а я стоялъ передъ ними, охваченный стыдомъ и безсиліемъ... И какъ у одного впервые вспыхнулъ въ глазахъ огонь... злой и насмѣшливый...

И показалось мнѣ, что я сейчасъ разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокія мерцающія звѣзды, и этотъ живой шорохъ вѣтра въ вѣтвяхъ, и мои воспоминанія, и то, что случилось... Въ юности это ощущеніе бывало у меня часто... Когда свѣжій умъ искалъ разгадки всѣхъ вопросовъ и большой правды. И когда казалось иной разъ, что вотъ-вотъ уже стоишь у порога, и что все становится ясно... А потомъ все исчезаетъ.

Сидѣли мы долго. Потомъ Роговъ всталъ.

— Что же вы теперь?—спросилъ я.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ,—что тутъ нужно... Но пока, кажется мнѣ, надо идти туда, гдѣ теперь Гаврило и Елена...

А самъ стоитъ. Такъ какъ многое понималъ я тогда яснѣе, чѣмъ обыкновенно, то и тутъ понялъ, что онъ ждетъ, чтобы я протянулъ ему руку. Я протянулъ, и онъ вдругъ припалъ къ ней, страстно и долго...

А потомъ оторвался и пошелъ... прямо по улицѣ. А я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока была видна тонкая фигура моего бывшаго ученика... . . . . .

. . . . . .

Нѣкоторое время въ купэ стояло молчаніе, нарушаемое только клокотаніемъ поѣзда, сквозь которое доносился протяжный свистокъ. Хлопнула дверь, по корридору прошелъ кондукторъ, объявляя на ходу:

— Станція П—скъ. Десять минутъ.

Павелъ Семеновичъ торопливо всталъ, взялъ въ руки не-

большой чемоданчикъ и, кивнувъ съ какою-то грустною лаской своимъ собесѣдникамъ, вышелъ изъ вагона на площадку. Я тоже сталъ собираться къ выходу, такъ же, какъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ. Петръ Петровичъ оставался одинъ. Посмотрѣвъ вслѣдъ Павлу Семеновичу, когда за нимъ закрылась дверь, онъ улыбнулся господину въ золотыхъ очкахъ, покачалъ головой и, помотавъ пальцемъ около своего лба, сказалъ:

— Всегда былъ чудакъ... А теперь, кажется, не всѣ дома. Слышалъ я, что службу онъ бросилъ. Бѣгаетъ по частнымъ урокамъ...

Господинъ въ золотыхъ очкахъ пристально посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ.

Мы вышли.

Дѣло съ точки зрѣнія репортажа оказалось малоинтереснымъ. Присяжные оправдали Гаврилу (Елену не судили), а Рогова признали виновнымъ въ подстрекательствѣ, но заслуживающимъ снисхожденія. Предсѣдателю много разъ пришлось останавливать свидѣтеля Павла Семеновича Падорина, бывшаго учителя, то и дѣло уклонявшагося отъ фактическихъ показаній въ сторону отвлеченныхъ и не идущихъ къ дѣлу разсужденій...

1903 г.

ПТИЦЫ НЕБЕСНЫЯ.

(Разсказъ).

I.

...Въ этотъ день монастырщина праздновала встрѣчу иконы. Долго, мѣсяца два уже странствовала „владычица“ по разнымъ мѣстамъ, и теперь возвращалась домой.

Первыми пріѣхали на троечныхъ тарантасахъ, съ колокольцами и бубенцами, сопровождавшіе ее отцы, привезшіе въ монастырь собранную за время странствій казну. Видъ у нихъ былъ здоровый, сытый и довольный. Потомъ изъ лѣсу повалили пестрыя кучи передовыхъ богомольцевъ, все гуще и гуще, пока, наконецъ, не сверкнулъ надъ головами золоченый окладъ иконы, переливаясь на солнцѣ.

Звенѣли колокола, блестѣли и колыхались хоругви, пѣніе хора и топотъ тысячной толпы, точно прибывающая рѣка, заполнили тихую монастырскую слободку.

Монастырщина ожила. Въ церкви пѣли молебны, на площади выкрикивали подъ холщевыми навѣсами торговцы и торговки, изъ „заведенія“ слышались звуки гармоники и бубна, въ избахъ слободки одна партія богомольцевъ смѣняла другую за столами, на которыхъ пыхтѣли огромные самовары.

Передъ вечеромъ вдругъ пошелъ густой дождь, разогнавшій съ базара и толпу, и торговцевъ. На площади и на улицахъ стало тихо, только частыя крупныя капли плескались въ лужахъ, да вѣтеръ метался и хлопалъ промокшими навѣсами, да изъ церкви слышалось стройное пѣніе, а въ глубинѣ храма мелькали желтые огоньки свѣчей.

Когда туча вдругъ снялась и поплыла на востокъ, волоча за собой надъ полями и надъ лѣсомъ изорванную пелену тумановъ,—на западѣ выглянуло солнце и ласково тронуло сво-

ими послѣдними лучами окна слободки и кресты монастыря. Но оживленіе уже не вернулось на базарную площадь: богомольцы внесли за собой тихую жажду отдыха послѣ труднаго пути, и день угасалъ, вмѣстѣ съ послѣдними нотами отходящей церковной службы. Даже бубенъ за стѣной „заведенія“ громыхалъ изнеможенно и глухо.

Служба кончилась. Въ глубинѣ храма свѣчи гасли одна за другой. Богомольцы расходились. У монастырскаго странноприимнаго дома стояли кучки странниковъ и богомолокъ, ожидавшихъ, пока отецъ гостиникъ разрѣшитъ входъ просящимъ ночлега. На крыльцо вышелъ толстый монахъ и два послушника, и принялись отдѣлять овецъ отъ козлищъ. Овцы входили въ дверь, козлища изгонялись и ворча выходили въ ворота. Когда эта процедура закончилась, у входа осталась кучка мордовокъ и фигура странника. Повидимому ихъ участь еще рѣшалась отцомъ гостиникомъ, который ушелъ внутрь зданія.

Черезъ минуту вышли послушники и, сосчитавъ мордовокъ, пустили ихъ въ женское отдѣленіе. Къ одинокому страннику подошелъ старшій послушникъ и, поклонившись, сказалъ:

— Прости, Христа ради, братъ Варсонофій... Отецъ гостиникъ не благословляетъ тебѣ остаться... Иди съ миромъ.

По лицу молодого странника прошла болѣзненная улыбка, поразившая меня какимъ-то особеннымъ драматизмомъ и значительностью. Лицо у него было тоже замѣчательное: очень горбоносое, худое, съ горящими большими глазами. Острый шлыкъ и чуть замѣтная заостренная бородка придавали этому лицу что-то необыкновенно характерное. Вся сухая фигура въ старомъ подрясникѣ, съ тонкой шеей и выдающимся профилемъ, обращала невольное вниманіе. Впечатлѣніе было рѣзкое, тревожащее и безпокоящее.

Выслушавъ слова послушника, странникъ поклонился и сказалъ:

— Богъ спасетъ и на томъ...

Онъ повернулся, чтобы уйти, и вдругъ пошатнулся. Видно было, что онъ боленъ и смертельно усталъ. Добродушный послушникъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и заколебался.

— Постой мало, братъ Варсонофій... Схожу еще.

Странникъ облокотился на палку и застылъ въ ожиданіи. Но черезъ минуту послушникъ опять вышелъ изъ двери и, смущенно подойдя къ нему, сказалъ съ видимымъ сожалѣньемъ:

— Нѣтъ, не благословляетъ... Отецъ Нифонтъ донесъ ему, яко-бы тутъ странникъ одинъ... вродѣ тебя... глаголетъ неподобная... смущаетъ народъ.

Въ лицѣ странника мелькнуло что-то... Глаза его блеснули, какъ будто онъ хотѣлъ возразить, но потомъ поклонился и сказалъ:

— Благодарствуйте, отцы...

И онъ устало побрелъ со двора.

Послушникъ вопросительно посмотрѣлъ на меня. Я понялъ, что онъ собирается закрывать ворота, и тоже вышелъ на передній дворъ. Здѣсь было уже пусто. Молодой продавецъ монастырскихъ калачей стоялъ за ларемъ, къ которому никто не подходилъ.

Вратарь закрылъ за мною одну воротину, потомъ, тяжело упираясь ногами, сталъ закрывать и другую. Въ это время за воротами послышалась возня, затоптались нѣсколько паръ ногъ, щель опять раздвинулась, и въ ней показалась невзрачная фигура въ странницкомъ костюмѣ, рыжемъ и полинявшемъ. Ея невольными движеніями управляла дюжая рука, державшая ее за шиворотъ. Крѣпкій толчокъ... Странникъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и упалъ, а за нимъ вдогонку полетѣла котомка, потомъ другая... Небольшая книжечка въ истрепанномъ кожаномъ переплетѣ шлепнулась въ грязь, шелестя по вѣтру листами.

— Вотъ эдакъ...—сказалъ за воротами жирный басъ. — Не озоруйте...

— А что?—спросилъ голосъ вратаря.

— Какъ же,—отвѣтилъ басъ... — Изъ-за него вотъ отецъ гостиникъ согрѣшилъ... человѣка прогналъ... И человѣкъ-то хорошій. Ох-хо... истинно грѣхи...

И говорившій удалился. Отецъ вратарь сомкнулъ ворота, но не вполнѣ: въ щелку любопытно выглянули его маленькіе глазки, толстый носъ и свѣтлые усы. Онъ съ видимымъ интересомъ слѣдилъ за дальнѣйшими намѣреньями извергнутаго странника.

Послѣдній успѣлъ подняться, взялъ котомки, вскинулъ ихъ одну на спину, другую черезъ плечо и потомъ, поднявъ книгу, старательно сталъ очищать ее отъ грязи. Кинувъ быстрый взглядъ по двору, онъ замѣтилъ меня и калашника. Изъ-за наружныхъ воротъ, съ площади маленькое происшествіе наблюдала кучка мужиковъ. Какъ будто сообразивъ что-со, странникъ пріосанился, съ демонстративнымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ переплетъ книги и отвѣсилъ саркастическій поклонъ по направленію къ внутреннимъ воротамъ...

— Спасибо, отцы святые... Яко страннаго мя пріясте, и алчущаго накормисте...

И вдругъ, замѣтивъ въ щели воротъ усы и носъ вратаря, онъ сказалъ другимъ тономъ:

— Что смотришь? Или призналь?

— Что-то будто... того... признавательно, — сказалъ привратникъ.

— Какъ же, какъ же!.. Пріятели! Къ свиридовскимъ мордовкамъ вмѣстѣ бѣгали... Узналъ теперь?..

Привратникъ громко и съ негодованьемъ плюнулъ, сдвинулъ ворота и задвинулъ засовъ. Но ноги его въ грубыхъ сапогахъ еще нѣкоторое время виднѣлись изъ-подъ воротъ...

— Ѳеньку вспоминаешь ли, отче?..

Ноги стыдливо скрылись...

Странникъ поправилъ грязную мурмолку и опять оглянулся. Привлеченные пикантнымъ разговоромъ, человѣкъ шесть мужиковъ вошли въ ворота. Это были ближайшіе сосѣди монастыря, старообрядцы изъ ближнихъ деревень, толкавшіеся по базару съ видомъ равнодушнаго, пожалуй нѣсколько враждебнаго любопытства. Монастырь, далеко простирающій свое вліяніе,—вблизи охваченъ, точно кольцомъ, „самымъ злющимъ", по выраженію монаховъ, расколомъ. Среди окрестныхъ жителей сложилась опредѣленная легенда, что въ самомъ недалекомъ будущемъ монастырю грозитъ участь Содома и Гоморры... Но пока монастырь живетъ и привлекаетъ въ свои праздники тысячныя толпы народа. Въ такіе дни фигуры сосѣдей-старообрядцевъ какъ-то угрюмо выдѣляются въ ликующей толпѣ, и на ихъ лицахъ виднѣется отчужденность и досада. Подобно пророку Іонѣ,—они ропщутъ, что Господь медлитъ совершить предреченную судьбу обреченной Ниневіи.

Теперь они съ злораднымъ любопытствомъ смотрѣли на сцену у воротъ обители нечестивыхъ.

— Что? Видно не пущаютъ...—сказалъ одинъ насмѣшливо.— Самимъ тѣсно... съ мордовками-то...

Странникъ повернулся и кинулъ на говорящаго острый взглядъ. Но вдругъ лицо его приняло смиренное выраженіе и, опять повернувшись къ воротамъ,—онъ трижды, истово и широко перекрестился,

Мужики переглянулись съ недоумѣніемъ: странникъ крестился не щепотью, а старымъ двуперстнымъ крестомъ.

— Господь, видящій всяческая, да воздастъ мнихамъ по милосердію ихъ,—сказалъ онъ со вздохомъ.—Мы же, братіе, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ,—послушаемъ здѣсь, во храмѣ нерукозданномъ (онъ указалъ красивымъ и спокойнымъ движеніемъ на вечернее небо)—поучительнаго слова о покаяніи...

Мужики сомкнулись; на ихъ лицахъ виднѣлось радостное и отчасти недовѣрчивое недоумѣніе. Обращеніе было слишкомъ ужъ неожиданно... Мысль устроить на чуждомъ празд-

никѣ свое собесѣдованіе и у самыхъ воротъ монастыря послушать странствующаго проповѣдника, знаменующагося старымъ крестомъ,—видимо нравилась людямъ старой вѣры. Проповѣдникъ стоялъ у подножія колокольни. Вѣтеръ шевелилъ его запыленные свѣтлые волосы.

Это былъ человѣкъ неопредѣленнаго возраста, но очевидно еще не старый. На лицѣ у него лежалъ сильный загаръ, а волосы и глаза какъ будто выцвѣли отъ солнца и непогоды.

При каждомъ даже незначительномъ движеніи головы на шеѣ у него рѣзко выступали и шевелились сухожилія. Невольно чуялось въ этомъ человѣкѣ что-то несчастное, чутко настороженное и, пожалуй, злое.

Онъ сталъ громко читать свою книгу. Читалъ хорошо, просто, убѣдительно и, по временамъ останавливаясь, вставлялъ собственные комментаріи. Однажды онъ быстро взглянулъ на меня, но тотчасъ же отвелъ глаза. Казалось, мое присутствіе было ему непріятно. Послѣ этого онъ обращался больше къ одному изъ слушателей.

Это былъ широкоплечій приземистый мужикъ съ фигурой, точно вырубленной двумя-тремя ударами топора. Не смотря на эту топорность фигуры, онъ оказался чрезвычайно экспансивнымъ. За каждымъ словомъ проповѣдника онъ слѣдилъ съ увлеченіемъ и снабжалъ ихъ собственными репликами, въ которыхъ неизмѣнно звучала какая-то почти дѣтская радость.

— Ахъ, братія... милые мои,—говорилъ онъ, оглядываясь...— Ахъ, премудро это насчетъ покаянія... Стало быть выходитъ лѣствица?.. Вотъ-вотъ... А мы грѣшные по ей... съ приступочки да на приступочку?.. Такъ, такъ...

— И все значитъ кверху, да кверху...—пробасилъ другой...

— Вѣрно... Глядишь и того... А?..

И онъ сіяющими глазами окидывалъ собраніе...

Однако, его шумное вмѣшательство и его радость повидимому не понравилась проповѣднику. Онъ вдругъ остановился, слегка повернулъ голову, и сухожилія на его шеѣ заходили, какъ веревки... Онъ какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но сдержался и перевернулъ страницу.

Оказалось, что слушатели возрадовались преждевременно. Въ то самое время, когда они находятся на вершинѣ ликованія,—гордыня и излишнее упованіе отягчаютъ лѣствицу. Она трещитъ, на лицахъ слушателей отражается испугъ, лѣствица подламывается...

— Теперичe кончено!—говоритъ басистый мужикъ мрачно.

— Теперича, ау, братъ! — подхватываетъ первый. И странное дѣло: онъ опять оглядываетъ всѣхъ сіяющими гла-

зами, а въ его голосѣ слышится та же радость...—Теперича нѣтъ намъ ходу... И на первую приступочку не пустютъ.

Странникъ закрываетъ книгу и нѣсколько секундъ смотритъ на говорящаго упорнымъ взглядомъ. Но мужикъ встрѣчаетъ этотъ взглядъ съ тѣмъ же радостнымъ и довѣрчивымъ благодушіемъ.

— Вы такъ... полагаете?—спрашиваетъ проповѣдникъ.

— Полагаемъ, — отвѣчаетъ спрошенный. — Самъ посуди, милый человѣкъ... До кеихъ же поръ терпѣть на насъ?..

— Вы такъ полагаете?—опять говоритъ проповѣдникъ съ натискомъ, и въ голосѣ его звучитъ что-то, вызывающее на лицѣ спрошеннаго признаки безпокойства...

— То есть полагаете предѣлъ долготерпѣнію Всевышняго. А извѣстно ли вамъ, братіе, что есть православная каѳолическая церковь...

Онъ перевертываетъ нѣсколько страницъ и начинаетъ читать о духовномъ могуществѣ православной церкви. Лица слушателей темнѣютъ. Проповѣдникъ останавливается и говоритъ:

— Православная каѳолическая церковь... Не она ли сія спасительная лѣствица?.. Кто прибѣгаетъ къ ней—не можетъ отчаяться. А вотъ... ежели...

На нѣсколько секундъ водворяется напряженное молчаніе. Странникъ стоитъ противъ кучки мужиковъ, и чувствуется, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ ихъ настроеніе. Еще недавно они радостно слѣдовали за нимъ, и нетрудно было предвидѣть послѣдствія проповѣди: люди старой вѣры готовы были пригласить къ себѣ монастырскаго изгнанника. Теперь они смущены и не знаютъ что думать...

— А вотъ ежели, — продолжаетъ странникъ, отчеканивая слова,—кто отвержеся единой матери церкви... кто полагаетъ спастись въ подпольяхъ, съ крысами... кто уповаетъ на стриженыя гуменца...

Басистый мужикъ рѣзко повернулся и пошелъ прочь...

Его благодушный сотоварищъ оглянулся съ видомъ разочарованности и недоумѣнія и кинулъ тономъ полувопроса:

— Оканфузилъ?... Ишь ты... Ай-ай-ай...

И послѣдовалъ за другими. Раскольники угрюмо направились къ воротамъ. Странникъ остался одинъ. Его фигура рѣзко выдѣлялась на фонѣ колокольни и въ выцвѣтшихъ, когда-то синихъ глазахъ стояло странное выраженіе. Повидимому онъ думалъ своей проповѣдью обезпечить себѣ ночлегъ, въ которомъ ему отказали монахи. Почему же онъ вдругъ измѣнилъ тонъ?..

Теперь во дворѣ насъ было только трое: странникъ, я и молодой парень подъ калашнымъ навѣсомъ. Странникъ кинулъ быстрый взглядъ въ мою сторону, но тотчасъ отвернулся и подошелъ къ калашнику. Лицо молодого парня сіяло отъ удовольствія...

— А ловко ты ихъ, — сказалъ онъ... — Ужъ именно что оканфузилъ. Вишь,—у всѣхъ на макушкахъ-те гуменца выстрижены... Черти горохъ молотили. Хо-хо-хо!

Парень залился веселымъ молодымъ смѣхомъ и принялся убирать съ прилавка товаръ внутрь ларя.

Окончивъ это, онъ закрылъ раздвижныя дверцы и заперъ ихъ на замокъ. Ларь былъ устроенъ удобно, въ разсчетѣ на передвиженіе,—на колесикахъ и съ нижнимъ помѣщеніемъ. Парень очевидно намѣревался ночевать тутъ же, у хозяйскаго добра...

— Одначе, пора и на спокой,—сказалъ онъ, поглядѣвъ на небо.

На дворѣ и за воротами было тихо и пусто. На базарѣ тоже убирались съ товаромъ. Парень покрестился на церковь и, открывъ немного дверку, полѣзъ подъ ларь.

Вскорѣ оттуда показались его руки. Онъ старался изнутри приладить небольшую заслонку къ отверстію.

Странникъ тоже оглянулся на небо, подумалъ нѣсколько секундъ и рѣшительно подошелъ къ ларю.

— Постой, Михайло! Я тебѣ, добрый человѣкъ, помогу.

Бѣлецъ убралъ руки и выглянулъ снизу вверхъ изъ своего убѣжища.

— Антонъ я,—сказалъ онъ простодушно.

— Ну, Антоша, давай помогу тебѣ.

— Инъ помоги, спасибо скажу. Вишь отседа трудно.

Простодушное лицо Антона скрылось.

— Убери-ко-сь ноги-то маленько.

Антонъ исполнилъ и это распоряженіе. Тогда странникъ спокойно отставилъ дверку, проворно наклонился, и я съ удивленіемъ увидѣлъ, какъ онъ быстро юркнулъ въ отверстіе. Началась возня: Антонъ двинулъ ногами, и часть странической фигуры показалась-было на мгновеніе наружи, но тотчасъ же втянулась опять.

Заинтересованный этимъ неожиданнымъ оборотомъ, я почти инстинктивно подошелъ къ ларю.

— А я закричу, прà закричу, — услышалъ я оттуда гнусаво-жалобный голосъ Антона.—Вотъ ужò отцы опять накладутъ тебѣ въ загорбокъ!

— А ты не кричи, Миша, зачѣмъ кричать, — убѣждалъ странникъ.

— Какой я тебѣ Миша... говорю, меня Антономъ кстили...

— Въ монашествѣ нареченъ будешь Михаиломъ. Помяни тогда мое слово... Тс-с-съ! Тише, Антоша, помолчи-ко-сь.

Въ ларѣ водворилось молчаніе.

— Чего?—спросилъ Антонъ.—Чего слухаешь?

— Слышь, стучитъ... Дождикъ вѣдь.

— Ну такъ что?...—Стучитъ... Закричать вотъ,—отцы тебѣ лучше того настукаютъ.

— Ну, что ты все заладилъ одно: закричу, да закричу. А ты лучше не кричи. Что я тебя съѣмъ, что ли? Я вотъ тебѣ еще про монашку сказку хорошую разскажу...

— Скрадешь, смотри, чего-нибудь.

— Грѣхъ тебѣ, Антоша, на страннаго человѣка клепать. Одинъ-то калачъ и самъ дашь. Не ѣлъ ныньче,—вѣришь ты Богу...

— На, вотъ, кусай черствый... Самъ не съѣлъ...—И Антонъ зѣвнулъ съ такимъ аппетитомъ, что всякая мысль о дальнѣйшемъ противодѣйствіи устранилась.

— А и ловко ты ихъ, кулугуровъ-то, оканфузилъ, — добавилъ онъ, доканчивая апетитный зѣвокъ: — ужъ это именно, что обличилъ.

— А отцовъ?

— Отцы на тебя плевать хотѣли... Обѣщалъ сказку сказать... Что-жъ не сказываешь?

— Въ нѣкоторыемъ царствѣ, въ нѣкоторыемъ государствѣ,—началъ странникъ, — въ монастырѣ за каменной стѣной, жила-проживала, братецъ ты мой, Антошенька, монашка... Ужъ такая проживала монашка-а, охо-хо-оо...

— Ну...

— Ну, жила-проживала, сохла-горевала...

Молчаніе.

— Ну?.. Сказывай, что ли.

Опять молчаніе.

— Ну! Да ты что же? О комъ горевала-то?..—приставалъ заинтересованный Антонъ.

— Ступай ты ко псу, что присталъ! Что я тебѣ за сказочникъ дался! Чай за день-то я тридцать верстъ отмахалъ. Объ тебѣ дуракѣ и горевала, вотъ о комъ. Не мѣшай спать!

Антонъ испустилъ какой-то звукъ, выразившій крайнее изумленіе.

— Н-ну, и жохъ ты, посмотрю я на тебя, — сказалъ онъ съ упрекомъ.

— Право, лукавый,—послышалось еще черезъ минуту тише и какъ-то печально... — Н-ну-у, лукавецъ... Эдакого лукавца я и не видывалъ...

Въ ларѣ все смолкло. Дождь все чаще стучалъ по наклонной крышкѣ, земля почернѣла, лужи исчезали въ темнотѣ; монастырскій садъ шепталъ что-то, а зданія за стѣной беззащитно стояли подъ дождемъ, который журчалъ, стекая по водосточнымъ трубамъ. Сторожъ за оградой стучалъ въ промокшую трещетку.

II.

На слѣдующій день я съ Андреемъ Ивановичемъ, товарищемъ многихъ моихъ путешествій, вышли въ обратный путь. Шли мы не безъ приключеній, ночевали въ селѣ, и оттуда опять тронулись не рано. Дорога совсѣмъ уже опустѣла отъ богомольцевъ, и трудно было представить себѣ, что по ней такъ еще недавно двигались толпы народа. Деревни имѣли будничный видъ, въ поляхъ изрѣдка бѣлѣли фигуры работающихъ. Въ воздухѣ было душно и знойно.

Мой спутникъ, человѣкъ длинный, сухопарый и нервный, былъ сегодня нарочито мраченъ и раздражителенъ. Это случалось съ нимъ нерѣдко подъ конецъ нашихъ общихъ экскурсій. Но сегодня онъ былъ особенно не въ духѣ и выказывалъ недовольство мною лично.

Послѣ полудня, въ жару, мы уже совершенно надоѣли другъ другу. Андрей Ивановичъ почему-то считалъ нужнымъ отдыхать безъ всякой причины въ самыхъ неудобныхъ мѣстахъ или, наоборотъ, желалъ непремѣнно идти дальше, когда я предлагалъ отдохнуть.

Такъ мы достигли мостика. Небольшая рѣчка тихо струилась среди сырой зелени, шевеля на поверхности головками кувшинокъ. Рѣчка вытекала изгибомъ и терялась за выступомъ берега, среди волнующихся нивъ.

— Отдохнемъ,—сказалъ я.

— Идти надо,—отвѣтилъ Андрей Ивановичъ.

Я сѣлъ на перила и закурилъ, а долговязая фигура Андрея Ивановича пронеслась дальше. Онъ поднялся на холмикъ и исчезъ.

Я наклонился къ рѣчкѣ и задумался, считая себя совершенно одинокимъ, какъ вдругъ почувствовалъ на себѣ чей-то взглядъ и увидѣлъ на холмѣ, подъ группою березокъ, двухъ человѣкъ. Лицо одного показалось мнѣ совсѣмъ маленькимъ, почти дѣтскимъ. Оно тотчасъ же стыдливо скрылось за гребнемъ холмика, въ травѣ. Другой былъ вчерашній проповѣдникъ. Лежа на землѣ, онъ спокойно смотрѣлъ на меня своими беззастѣнчивыми, сѣрыми глазами.

— Пожалуйте къ намъ, веселѣй вмѣстѣ,—сказалъ онъ просто.

Я поднялся и съ удивленіемъ усмотрѣлъ ноги Андрея Ивановича изъ-за хлѣбовъ у дороги: онъ сидѣлъ невдалекѣ на межѣ, и дымъ его цыгарки поднимался надъ колосьями. Сдѣлавъ видъ, что не замѣтилъ его, я подошелъ къ странникамъ.

Тотъ, котораго я принялъ за ребенка, — представлялъ изъ себя маленькое, тщедушное существо, въ полосатой ряскѣ, съ жидкими косицами около узкаго желтаго лица, съ вытянувшимся по птичьи носомъ. Онъ все запахивалъ свою хламиду, безпокоился, ерзалъ на мѣстѣ и видимо стыдился собственнаго существованія.

— Садитесь, гости будете,—предложилъ мнѣ проповѣдникъ, слегка подвигаясь; но въ это время долговязая фигура Андрея Ивановича, какъ тѣнь Банко, поднялась надъ хлѣбами.

— Идемъ, что ли! — произнесъ онъ не особенно ласково, далеко швыряя окурокъ.

— Я посижу,—отвѣтилъ я.

— Съ дармоѣдами видно веселѣе...—И Андрей Ивановичъ кинулъ на меня взглядъ полный горечи, какъ будто желая вложить въ мою душу сознаніе неумѣстности моего предпочтенія.

— Веселѣе,—отвѣтилъ я.

— Ну, и наплевать. Счастливо оставаться въ хорошей кампаніи.

Онъ нахлобучилъ шапку и широко шагнулъ впередъ, но, пройдя немного, остановился и, обернувшись, сказалъ съ негодованіемъ:

— Не зовите никогда! Подлый человѣкъ—не пойду съ вами больше. И не смѣйте звать! Отказываю.

— Звать или не звать — это дѣло мое... а идти или не идти—ваше.

— Сурьезный господинъ! — мотнулъ странникъ головой въ сторону удаляющагося.

— Не одобряютъ насъ,—какъ-то горестно не то вздохнулъ, не то пискнулъ маленькій человѣчекъ.

— Не за что и одобрять, пожалуй,—равнодушно замѣтилъ проповѣдникъ и обратился ко мнѣ:

— Нѣтъ ли папиросочки, господинъ?—пожалуйста.

Я протянулъ ему портсигаръ. Онъ взялъ оттуда двѣ папироски, одну закурилъ, а другую положилъ рядомъ. Маленькій странникъ истолковалъ это обстоятельство въ смыслѣ благопріятномъ для себя и не совсѣмъ рѣшительно потянулся за свободной папироской. Но проповѣдникъ совершенно спокойно убралъ папиросу у него изъ-подъ руки и переложилъ ее на дру-

гую сторону. Маленькій человѣчекъ сконфузился, опять что-то стыдливо пискнулъ и запахнулся халатомъ.

Я подалъ ему другую папироску. Это сконфузило его еще болѣе,—его худые прозрачные пальцы дрожали: онъ грустно и застѣнчиво улыбнулся.

— Не умѣю просить-съ...—сказалъ онъ стыдливо,— Автономовъ и то меня началитъ, началитъ... Не могу-съ...

— Кто это Автономовъ?—спросилъ я.

— Я это — Геннадій Автономовъ,—сказалъ проповѣдникъ, строго глядя на маленькаго сотоварища. Тотъ потупился подъ его взглядомъ и низко опустилъ желтое лицо. Жидкія косицы свѣсились и вздрагивали.

— По обѣщанію здоровья ходили, или такъ?—спросилъ у меня Автономовъ.

— Такъ, изъ любопытства... А вы куда путешествуете?

Онъ посмотрѣлъ въ пространство и отвѣтилъ:

— Въ Парижъ и поближе, въ Италію и далѣе...—И, замѣтивъ мое недоумѣніе, прибавилъ:

— Избаловался... шатаюсь безпутно, куда глаза глядятъ. Одиннадцать лѣтъ...

Онъ сказалъ съ оттѣнкомъ грусти, тихо выпуская табачный дымъ и слѣдя глазами, какъ синія струйки таяли въ воздухѣ. Въ лицѣ его мелькнуло что-то новое, незамѣченное мною прежде.

— Испорченная жизнь, синьоръ! Загубленное существованіе, достойное лучшей участи.

Грустная черта исчезла, и онъ докончилъ высокопарно, поводя въ воздухѣ папиросой:

— И однако, милостивый государь, странникъ не согласится промѣнять свою свободу на роскошныя палаты.

Въ это время какая-то смѣлая маленькая пташка, пролетѣвъ надъ нашими головами, точно брошенный комокъ земли, усѣлась на нижней вѣткѣ березы и принялась чиликать, не обращая ни малѣйшаго вниманія на наше присутствіе. Лицо маленькаго странника приподнялось и замерло въ смѣшномъ умиленіи. Онъ шевелилъ въ тактъ своими тонкими губами и при удачномъ окончаніи какого-нибудь колѣна—поглядывалъ на насъ торжествующими, смѣющимися и слезящимися глазами.

— Ахъ, Боже ты мой! — сказалъ онъ, наконецъ, когда пташка, окончивъ пѣсню, вспорхнула и улетѣла дальше.— Твореніе Божіе. Воспѣла сколько ей было надо, воздала хвалу и улетѣла во свояси. Ахъ, ты, миляга!.. Ей-Богу, право.

Онъ радостно посмотрѣлъ на насъ, потомъ сконфузился,

смолкъ и запахнулъ ряску, а Автономовъ сдѣлалъ опять жестъ рукой и прибавилъ въ поучительномъ тонѣ:

— Воззрите на птицы небесныя. И мы, синьоръ, — тѣ же птицы. Не сѣемъ, не жнемъ и въ житницы не собираемъ...

— Вы учились въ семинаріи?—спросилъ я.

— Учился. А впрочемъ объ этомъ, синьоръ, много говорить, а мало, какъ говорится, слушать. Между тѣмъ, что-то, какъ видится, затягиваетъ горизонтъ облаками. Ну, Иванъ Ивановичъ, вставай, товарищъ, подымайся! Жребій странника — путь-дорога, а не отдохновеніе. Позвольте пожелать всякаго благополучія.

Онъ кивнулъ головой и быстро пошелъ по дорогѣ. Шагалъ онъ размашисто и ровно, упираясь длиннымъ посохомъ и откидывая его съ каждымъ шагомъ назадъ. Вѣтеръ развѣвалъ полы его рясы, спина съ котомкой выгнулась, бородка клиномъ торчала впередъ. Казалось, вся эта обожженная солнцемъ, высушенная и обвѣтрѣлая фигура создана для бѣднаго русскаго простора съ темными деревушками вдали и задумчиво набирающимися на небѣ тучами.

— Ученый!—грустно махнулъ головой Иванъ Ивановичъ, подвязывая дрожащими руками котомку.—Умнѣйшая голова! Но между тѣмъ пропадаетъ ничтожнымъ образомъ, какъ и я же. На одной степени... Мы и странники-то съ нимъ, Господи прости, самые послѣдніе...

— Почему это?

— Помилуйте! Какъ же можно. Настоящій странникъ,—у него котомка хорошая, подрясничекъ или кафтанъ, сапоги напримѣръ... однимъ словомъ — окопировка наблюдается во всякомъ, позвольте сказать, сословіи. А мы! Чай ужъ видите сами. Иду, иду, Геннадій Сергѣичъ, иду-съ. Сію минуту!

Маленькій человѣчекъ вскорѣ догналъ на дорогѣ своего товарища. Думая, что у нихъ были свои причины не приглашать меня съ собой, я посидѣлъ еще на холмѣ, глядя, какъ изъ-за лѣса тихо, задумчиво и незамѣтно, точно крадучись, раскидывалась по небу темная и тяжелая туча, и затѣмъ поплелся одинъ, съ сожалѣніемъ вспоминая объ Андреѣ Ивановичѣ.

Было тихо, грустно. Колосья колыхались и сухо шуршали... Гдѣ-то очень далеко за лѣсами ворчалъ громъ и по временамъ пролетала въ воздухѣ крупная капля дождя.

Но угрозы были напрасны. Подъ-вечеръ я подходилъ уже къ деревнѣ К., а дождя все еще не было, только туча все такъ же тихо надвигалась, нависала и ползла дальше, уменьшая дневной свѣтъ, и громъ погромыхивалъ ближе.

III.

Къ моему изумленію, на завалинкѣ одной изъ крайнихъ избъ деревни я увидѣлъ Андрея Ивановича. Онъ сидѣлъ, протянувъ длинныя ноги чуть не до середины улицы, и при моемъ приближеніи придалъ своему лицу выраженіе величаваго пренебреженія,

— Что вы тутъ дѣлаете, Андрей Иванычъ?

— Чай пилъ. Думаете, васъ дожидался? Не воображайте. Пройдетъ туча,—отправлюсь дальше.

— И отлично.

— А хваленые-то ваши...

— Кто это мои хваленые?..

— Странники-то, божьи люди... Полюбуйтесь, чего дѣлаютъ вонъ въ сосѣдней избѣ! Нѣтъ, вы посмотрите, ничего, не стыдитесь, пожалуйста...

Я подошелъ къ окну. Изба была полна. Мужики изъ этого села въ это время всѣ на промыслахъ, поэтому тутъ было одно женское населеніе. Нѣсколько молодокъ и дѣвушекъ прошмыгнули еще мимо меня. Окна были открыты и освѣщены, и изъ нихъ слышался ровный голосъ Автономова. Онъ поучалъ раскольницъ.

— Пожалуйте къ намъ,—услышалъ я вдругъ тихій голосъ Ивана Ивановича. Онъ стоялъ въ темномъ углу у воротъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Народъ обманываютъ. Чего дѣлаютъ,—рѣзко отозвался Андрей Ивановичъ.

Маленькій странникъ закашлялся и, покосившись на Андрея Ивановича, сказалъ:

— Что дѣлать-съ, господинъ...

Онъ наклонился ко мнѣ и зашепталъ:

— Раскольницы-бабы Геннадія Сергѣича за попа считаютъ, за бѣглаго. Темнота-съ. Что дѣлать-съ... Можетъ не взыщется. А между прочимъ, нечего дѣлать-съ. Не войдете ли?

— Войдемте, Андрей Ивановичъ.

— Чего я тамъ не видалъ?—отвѣтилъ онъ, отворачиваясь.—Идите,—цѣлуйтесь съ ними. А я объ себѣ такъ понимаю, что мнѣ и быть-то тамъ не для чего, потому что на мнѣ крестъ.

— Чай и мы не безъ крестовъ,—съ тихимъ упрекомъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Андрей Ивановичъ презрительно свистнулъ и вдругъ, сдѣлавъ очень серьезное лицо, подозвалъ меня.

— Сонму нечестивую знаете?

И, загадочно посмотрѣвъ на меня, онъ добавилъ тише:

— Поняли?

— Нѣтъ, не понялъ. До свиданія. Хотите,—дожидайтесь.

— Нечего намъ дожидаться. Которые люди не понимаютъ...

Я уже не слышалъ конца фразы, потому что входилъ вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ въ избу.

При нашемъ входѣ произошло легкое движеніе. Проповѣдникъ замѣтилъ меня и остановился.

— А! Милости просимъ,—сказалъ онъ, раздвигая бабъ.— Пожалуйте. Не чайку ли захотѣли испить? Здѣсь самоварчикъ найдется, даромъ что раскольничья деревня.

— Я вамъ помѣшалъ?

— Какая помѣха. Хозяйка, ну-ко самоварчикъ! Живѣе!

— А ты нѣшто потребляешь чайную травку? — спросила стоявшая впереди полногрудая молодка съ бойкими, черными какъ уголь глазами.

— Если господинъ пожелаетъ угостить,—съ удовольствіемъ... и другого чего выпью...

— Пожалуйста,—сказалъ я.

— Позвольте папиросочку.

Я подалъ. Онъ закурилъ, насмѣшливо оглядывая удивленныхъ женщинъ. Въ избѣ прошло негодующее шушуканье.

— А ты видно сосешь-таки?—язвительно спросила та же молодка.

— Сосу... по писанію. Разрѣшаётся.

— А въ коемъ это писаніи,—научи-ко-сь.

Онъ докурилъ и черезъ головы молодицъ бросилъ папироску въ лохань съ водой.

— Еще кидатца, — съ неудовольствіемъ сказала хозяйка, возившаяся около самовара.

— Не кидай, озорной, пожару надѣлашь, — поддержала другая.

— Пожару? У васъ поэтому изъ колодцевъ не выкидывало ли, огнемъ изъ печи не тушите ли?

— А ты што думашь? Нонѣ все бывать. Нонѣ вонъ и попы табакъ жрутъ.

— Бывать, бывать. Ишь голосъ, что колоколъ. Тебѣ бы въ пѣвчія, въ монастырь. Пойдемъ со мной.

Онъ потянулся къ ней. Она ловко увернулась, изогнувшись красивымъ станомъ, между тѣмъ какъ другія бабы, смѣясь и отплевываясь, выбѣгали изъ избы.

— Н-ну и попъ, — съ наивнымъ ужасомъ сказала худая бабенка, съ дѣтски-открытыми глазами.—Учи-и-тель!

— Онъ те научитъ.

— Научи-ко насъ,—опять насмѣшливо сказала солдатка, выступая впередъ и подпирая щеку полной рукой. — Научи такой заповѣди, котора лёгка и милослива.

— Ну-ну! Мы за тебя до плечъ воздохнемъ.

— И научу. А какъ тебя зовутъ, красавица?

— Зовутъ зовутицёй, величаютъ сѣрой утицёй. Тебѣ нашто?

— А ты вотъ что, сѣрая утица. Достань намъ водочки, — небось, вотъ они заплатятъ.

— Достать что ли? Мы достанемъ.

Она вопросительно и лукаво посмотрѣла на меня.

— Пожалуй, немного,—сказалъ я.

Солдатка шмыгнула изъ избы. За ней, смѣясь, хихикая и толкаясь, выбѣжало еще двѣ-три женщины. Хозяйка съ мрачнымъ видомъ уставила на столъ самоваръ и, не говоря ни слова, сѣла на лавку и принялась за работу. Съ полатей, свѣсивши русыя головы, глядѣли на насъ любопытныя дѣтскія лица.

Солдатка, смѣясь и запыхавшись, поставила на столъ бутылку съ какой-то зеленоватой жидкостью и, отойдя отъ стола, насмѣшливо и вызывающе посмотрѣла на насъ. Иванъ Ивановичъ конфузливо кашлялъ, оставшіяся въ избѣ безмужницы смотрѣли на насъ съ затаеннымъ ожиданіемъ. Послѣ первыхъ рюмокъ, недавній проповѣдникъ, поднявъ полы своей ряски, ходилъ притопывая вокругъ сѣрой утицы, которая змѣей извивалась, уклоняясь отъ его любезностей.

— Поди ты!—отмахнулась она и, кинувъ на меня задорно вызывающій взглядъ, подошла къ столу.

— А ты что же самъ-то не пьешь? Гляди на нихъ,—они, пожалуй, и все вылакаютъ. Испей-ко-сь.

Улыбаясь и играя плечами, она налила рюмку и поднесла мнѣ.

— Не пейте...—вдругъ раздался совсѣмъ неожиданно зловѣщій голосъ изъ-за окна, и изъ темноты появилось скуластое лицо Андрея Ивановича.

— Водки не пейте,—я вамъ говорю!—проговорилъ онъ еще мрачнѣе и опять исчезъ въ темнотѣ.

Рюмка у солдатки дрогнула и расплескалась. Она глядѣла въ окно испуганными глазами.

— Съ нами крестная сила,—это что такое?

Всѣмъ стало неловко. Водка приходила къ концу и вопросъ состоялъ въ томъ, — потребуемъ ли мы еще и развернемся окончательно, или на этомъ кончимъ. Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на меня съ робкой тоской, но у меня не было ни

малѣйшаго желанія продолжать этотъ пиръ. Автономовъ сразу понялъ это.

— Дѣйствительно, — не пора ли въ путь, — сказалъ онъ, подходя къ окну.

— Чать на дворѣ-те дождикъ,—произнесла солдатка, глядя какъ-то въ сторону.

— Нѣтъ. Облака порядочныя... да видно сухія... Собирайся, Иванъ Ивановичъ.

Мы стали собираться. Первымъ вышелъ Иванъ Ивановичъ. Когда, за нимъ, я тоже спустился въ темный крытый дворъ,— онъ тихо сказалъ, взявъ меня за руку:

— А тотъ-то, долговязый. Вонъ у воротъ дожидается.

Я дѣйствительно разглядѣлъ Андрея Ивановича у калитки. Автономовъ съ котомкой и своимъ посохомъ вышелъ на крыльцо, держа за руку солдатку. Обѣ фигуры виднѣлись въ освѣщенныхъ дверяхъ. Солдатка не отнимала руки.

— Только отъ васъ и было?—говорила она разочарованно.— Мы думали—разгуляетесь.

— Погоди, въ другой разъ пойду,—разбогатѣю.

Она посмотрѣла на него и покачала головой.

— Гдѣ-поди! Не разбогатѣть тебѣ. Такъ пропадешь, пусто...

— Ну, не каркай, ворона... Скажи лучше: дьячекъ Ириней все на погостѣ живетъ?..

— Щуровской-то? Живетъ. Нонѣ на базаръ уѣхалъ. Тебѣ на што?

— Такъ. А... дочь у него была, Грунюшка.

— Взамужъ она выдана.

— Далеко?

— Въ село, въ Воскресенское, за діакономъ... Одна нонѣ старушка-те осталась.

— Ириней, говоришь, не возвращался?

— Не видали что-то.

— А живетъ богато?

— Ничего, ровненько живетъ.

— Ну прощай!.. Эхъ ты, Глаша-а!

— Ну-ну! Не звони... Видно, хороша Глаша да не ваша. Ступай ужо,—нечего тутъ понапрасну.

Въ голосѣ деревенской красавицы слышалось ласковое сожалѣніе.

За воротами темная фигура Андрея Ивановича, отдѣлившись отъ калитки, примкнула къ намъ, между тѣмъ какъ Автономовъ обогналъ насъ и пошелъ молча впередъ.

— Вы бы до утра сидѣли,—угрюмо сказалъ Андрей Ивановичъ.—А я тутъ дожидайся!

— Напрасно,—отвѣтилъ я холодно.

— Это какъ понимать? Въ какомъ смыслѣ?

— Да просто:—шли бы, если вамъ непріятно...

— Нѣтъ ужъ. Спасибо на добромъ словѣ, — я товарища покидать не согласенъ. Лучше самъ пострадаю, а товарища не оставлю... Этакъ же въ третьемъ годѣ Иванъ Анисимовичъ. Ничего да ничего, выпивалъ да выпивалъ въ хорошей кампаніи...

— Ну и что же?

— Жилетку сняли, вотъ что!.. Денегъ три рубля двадцать... портмонетъ новый...

— Ежели вы это на счетъ насъ съ Геннадіемъ намекъ имѣете,—заговорилъ Иванъ Ивановичъ, торопясь и взволнованнымъ голосомъ,—то это довольно подло. Это что же-съ?.. Ежели у васъ сомнѣніе,—мы можемъ впередъ или отстанемъ...

— Пожалуйста, не обращайте вниманія, — сказалъ я, желая успокоить бѣгнягу.

— Что̀ такое? — спросилъ вдругъ Автономовъ, остановившійся на дорогѣ.—Изъ-за чего разговоръ?.

— Да вотъ они все... сомнѣваются. Господи помилуй! Неужто мы какіе-нибудь, прости Господи, разбойники.

Геннадій вглядѣлся въ темнотѣ въ лицо Андрея Ивановича.

— А! долговязый господинъ!.. Ну что̀-жъ! — сказалъ онъ сухо. — „Блаженъ, кто никому не вѣритъ и всѣхъ своимъ аршиномъ мѣритъ“... Дорога широкая...

И онъ опять быстро пошелъ впередъ, а за нимъ побѣжалъ трусцой маленькій товарищъ. Андрей Ивановичъ нѣсколько секундъ стоялъ на мѣстѣ, ошеломленный тѣмъ, что странникъ отвѣтилъ ему въ риѳму. Онъ было двинулся вдогонку, но я остановилъ его за руку.

— Что̀ это вамъ неймется, право!—сказалъ я съ досадой.

— А вамъ хорошихъ товарищей жалко?—сказалъ онъ язвительно... — Не безпокойтесь пожалуйста. Сами далеко не уйдутъ...

И дѣйствительно, за послѣдними избами на дорогѣ зачернѣла фигура. Это былъ Иванъ Ивановичъ, но одинъ...

Онъ стоялъ по серединѣ дороги, тяжело дышалъ и кашлялъ, держась за грудь.

— Что̀ это съ вами?—спросилъ я съ участіемъ.

— Ох-хо! Смерть моя... Ушелъ... Геннадій-то... Не велитъ вмѣстѣ идти... Велитъ съ вами. Не поспѣваю за нимъ.

— Сдѣлайте одолженіе. А дорогу вы знаете?

— Дорога пока большая. Да онъ гдѣ-нибудь догонитъ...

— Ну, и отлично.

Мы пошли въ темноту... Назади тявкнула собака; оглянувшись, я увидѣлъ въ темнотѣ два-три огня деревни, которая скоро скрылась изъ виду.

IV.

Ночь была беззвѣздная, тихая. Горизонтъ еще выдѣлялся гдѣ-то неясной чертой, блуждающей подъ облаками, но ниже клубилась лишь густая мгла, безконечная, неопредѣленная, безъ формъ и очертаній...

Мы довольно долго шли молча. Странникъ то и дѣло робко вздыхалъ и старался подавить кашель.

— Автономова-то не видно...—говорилъ онъ по временамъ и безпомощно вглядывался въ темную ночь...

— Мы-то его не видимъ... Онъ насъ видитъ, небось, — сказалъ Андрей Ивановичъ зловѣще и значительно.

Дорога казалась какой-то смутной полоской, точно мостъ, кинутый черезъ пропасть... Все кругомъ было черно и смутно. Была или нѣтъ свѣтлая полоска на горизонтѣ?—Теперь отъ нея нѣтъ и слѣдовъ. Неужели такъ еще недавно мы были въ шумной избѣ, среди смѣха и говора?.. Будетъ ли конецъ этой ночи, этому полю? Подвинулись мы впередъ, или это только дорога уходитъ у насъ изъ-подъ ногъ, точно безконечная лента, а мы все толчемся на мѣстѣ, въ этомъ заколдованномъ клочкѣ темноты? И невольная робкая радость зарождалась въ душѣ, когда впереди начиналъ вдругъ тихо журчать невидимый ручей, когда это журчаніе усиливалось и потомъ замирало сзади, за нами, или вѣтеръ, внезапно поднявшись, шевелилъ чуть замѣтные кусты ивняка въ сторонѣ отъ дороги и потомъ опадалъ, указывая, что мы ихъ миновали...

— Ну, и ночка выдалась, — сказалъ Андрей Ивановичъ, противъ своего обыкновенія, тихо.—Дуракъ и тотъ, кого въ этакія ночи нелегкая носитъ по дорогамъ. И чего, спрашивается, нужно намъ? Поработалъ день, отдохнулъ, чаю попилъ, Богу помолился,—спать. Нѣтъ, не нравится вишь... — давай по дорогамъ шататься. Это намъ благопріятнѣе. Поздѣ вотъ ужъ полъ-ночи, а мы и лба не перекрестили. Молельщики!..

Я не отвѣтилъ. Въ головѣ Андрея Ивановича очевидно продолжали тянуться покаянныя мысли.

— Мало насъ бабы учутъ, — сказалъ онъ мрачно...—Не живется намъ дома. А чего бы, кажись, и надо...

— А что, Автономова-то не видно?—раздался опять тоскливый голосъ маленькаго странника.

— Нѣтъ, не видать,—буркнулъ Андрей Ивановичъ.

— Бѣда моя, — сказалъ странникъ въ глубокой тоскѣ. — Бросилъ меня мой покровитель...

Въ его голосѣ было столько отчаянія, что мы оба невольно стали глядѣть впередъ, стараясь разыскать потеряннаго Автономова. Вдругъ, довольно далеко въ сторонѣ что-то стукнуло,—точно доска на дырявомъ мостикѣ подъ чьей-то ногой.

— Тамъ онъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Влѣво пошелъ.

— Надо полагать, дорога повернула.

Дѣйствительно, невдалекѣ дорога раздвоилась. Мы тоже пошли влѣво. Иванъ Ивановичъ вздохнулъ съ облегченіемъ.

— Да что ты сокрушаешься? — спросилъ Андрей Ивановичъ.—Что онъ тебѣ, братъ что ли? Вотъ невидаль, съ позволенія сказать...

— Пуще брата. Безъ него долженъ пропасть: потому собственно просить не умѣю. А въ нашемъ состояніи безъ этого— прямо погибель...

— Зачѣмъ же таскаешься?

Странникъ помолчалъ, какъ будто ему трудно было отвѣтить на вопросъ.

— Пріюту ищу. Куда-нибудь въ монастырь... Съ младыхъ лѣтъ приваженъ къ монастырской жизни.

— Такъ и жилъ бы въ монастырѣ.

— Слабость имѣю... — чуть слышно и застѣнчиво сказалъ Иванъ Ивановичъ...

— Пьешь небось горькую...

— То-то вотъ. Испорченъ съ младыхъ лѣтъ.

— Порча!..—все небось бѣсъ виноватъ...

— Бѣсъ, говорите... Оно конечно... Прежде, когда въ народѣ крѣпость была... *ему* много работы было: который, напримѣръ, скажемъ, подвижникъ неослабнаго житья... Въявѣ видѣли... И то подумайте, состязались всетаки... А нынѣ слабость наша... Ныньче такая въ народѣ преклонность.

— Д-да...—согласился Андрей Ивановичъ.—Ныньче ужъ и нечистому много легче... Житье ему съ нами, ей-Богу. Лежи, миляга, на печкѣ... Сами къ тебѣ придемъ, другъ друга приведемъ... Принимай только.

Странникъ глубоко вздохнулъ...

— Ахъ, какъ вы это вѣрно говорите!..—сказалъ онъ печально.—Вотъ о себѣ скажу,—зашепталъ онъ, будто не желая, чтобы его слова слышалъ кто-то тамъ въ темнотѣ ночи, въ сторонѣ отъ дороги:—отъ кого погибаю? Отъ родной матери, да отъ отца-настоятеля.

— Ну-у?—изумился Андрей Ивановичъ, тоже тихо.

— Вѣрно!.. Грѣшно, конечно, родительницу-покойницу осу-

ждать, царствіе ей небесное! (онъ снялъ шляпенку и перекрестился), а все думаю: отдай она меня въ ремесло, — можетъ человѣкъ былъ бы, какъ и прочіе... Нѣтъ. Легкаго хлѣба своему дитяти захотѣла, прости ее Господи...

— Ну, ну?—поощрилъ Андрей Ивановичъ.

— Именно-съ...—продолжалъ Иванъ Ивановичъ печально,— въ прежнія времена, пишутъ вотъ въ книгахъ, родители всячески противились, отроки тайно въ кельи уходили для подвига... А моя родительница сама своими руками меня въ монастырь предоставила: можетъ дескать даже во дьячки произойти.

— Такъ-такъ!

— А прежде, надо вамъ сказать, подлинно—было это, производили изъ монастырей во псаломщики и далѣе... только къ моему-то времени и отмѣнили!

— Вотъ-те и чинъ!

— Да!.. Вотъ матушка опять: оставайся, когда такъ, въ монастырѣ вовсе... Дескать и то хлѣбъ легкій. При томъ и настоятель тебя любитъ... Ну это правда: возлюбилъ меня отецъ настоятель, къ себѣ въ послушники взялъ. Но только ежели человѣку незадача, то счастіе на несчастіе обернется. Воистину скажу: не отъ діавольскаго искушенія-съ... черезъ ангела погибаю...

— Что ты говоришь!—удивился Андрей Ивановичъ.

— Истинную правду... Настоятель у насъ былъ добрѣйшей души человѣкъ, незлобивый, ну и при томъ строгой жизни... Ну, только имѣлъ тайную слабость: отъ времени до времени запивалъ. Тихо, благородно. Запрется отъ всѣхъ и пьетъ дня три и четыре. Не больше. И потомъ сразу броситъ... Твердый былъ человѣкъ... Но однако... въ такомъ своемъ состояніи... скучалъ. И потому призоветъ меня и говоритъ: при скорби душе моя... Возьми, Ваня, подвигъ послушанія. Побудь ты, младенецъ невинный, со мною окаяннымъ грѣшникомъ. Ну, я бывало и сижу, слушаю, какъ онъ, въ слабости своей, говоритъ съ кѣмъ-то, и плачетъ... Дѣло мое, конечно, слабое: когда не возмогу, и засну. Вотъ онъ разъ и говоритъ: выпей, Ваня, для ободренія. И налилъ рюмочку наливки... Только, говоритъ, поклянись, что безъ меня никогда не станешь пить, ниже єдина...

— Вотъ оно что-о-о?—протянулъ Андей Ивановичъ многозначительно...

— Я, конечно, поклялся. И налилъ онъ мнѣ рюмочку наливки... Такъ и пошло. Сначала понемножку, а потомъ... Отецъ настоятель мощный былъ человѣкъ: сколько бывало ни пьетъ,

все крѣпокъ. А я, извѣстно... съ трехъ-четырехъ рюмокъ — съ ногъ долой... Спохватился онъ и запретилъ мнѣ великимъ прещеніемъ. Ну, да ужъ поздно. При немъ не пью, а ключи-то отъ шкапа у меня... Сталъ я тайнымъ образомъ потягивать... Дальше да больше... Ужъ иной разъ и на ногахъ не стою. Онъ сначала думалъ,—это я отъ прежняго похмѣлья, по слабости своей, маюсь. Но однажды посмотрѣлъ на меня проницательно и говоритъ: — Ванюша... хочешь рюмочку?.. — Я такъ и затресся весь отъ вожделѣнія. Догадался онъ. Взялъ посохъ, сгребъ меня за волосы и поучилъ съ разсужденіемъ... Здоровый былъ, боялся изувѣчить... Ну, это не помогло. Дальше да больше... Видитъ онъ, что я отъ его слабости погибаю... Призываетъ меня и говоритъ: — Прости ты меня, Ванюшка, но нужно тебѣ искусъ пройти. Иначе погибнешь... Иди, постранствуй... Примешь горя, можетъ исцѣлишься. Я тутъ о тебѣ буду молиться... А черезъ годъ, говоритъ, въ это самое число приходи обратно... Приму тя, яко блуднаго сына... Благословилъ. Заплакалъ. Призвалъ руфальнаго... Это значитъ завѣдующаго монашеской одежей... Велѣлъ снарядить меня на дорогу... Самъ напутственный молебенъ отслужилъ... И пошелъ я, рабъ божій, августа 29-го, въ день усѣкновенія главы, на подвигъ странствія...

Разсказчикъ опять замолчалъ, переводя духъ и кашляя. Андрей Ивановичъ участливо остановился, и мы втроемъ стояли на темной дорогѣ. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ отдышался, и мы опять тронулись дальше...

— Вотъ и ходилъ я лѣто и зиму. Тяжело было, горя принялъ — и-и! въ разные монастыри толкался. Гдѣ я не ко двору, гдѣ и мнѣ не по характеру. Нашъ монастырь—штатный, богатый, привыкъ я къ сладкой жизни. А послѣ-то ужъ въ штатный не принимали, а въ общежительномъ, Кирилло-Новоезерскомъ, и приняли, такъ и самому черно показалось: чаю мало, табачку и вовсе нѣтъ; монахи одни мужики... Послушаніе тяжелое, работа черная...

— А вѣдь это не любо, послѣ легкой жизни, — сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Истинно говорю: не подъ силу вовсе,—смиренно вздохнулъ Иванъ Ивановичъ.—Бремена неудобносимыя... При томъ и святость въ черномъ видѣ. Благолѣпія нѣтъ... Народу много, а на клиросѣ нѣтъ некому... Истинно козлогласованіе одно...

— А тутъ-то вотъ святость и есть!—сказалъ Андрей Ивановичъ съ убѣжденіемъ...

— Нѣтъ, позвольте вамъ сказать, — не менѣе убѣжденно возразилъ Иванъ Ивановичъ... — Это вы не такъ говорите...

Монастырское благолѣпіе не въ томъ-съ... Монахъ долженъ быть истонченный, головка у него, что былинка на стебелькѣ... еле держится... Это есть украшеніе обители... Ну, такихъ малое число. А рядовой монахъ бываетъ гладкій, съ лица чистый, голосъ бархатный. Такихъ и благодѣтели и женскій полъ уважаютъ. А мужику, позвольте сказать, ни въ коемъ званіи почета нѣтъ...

— Ну, ладно... Что же дальше-то?—сказалъ Андрей Ивановичъ, немного сбитый съ толку увѣреннымъ заявленіемъ компетентнаго человѣка.

— Да что дальше!—съ грустью сказалъ странникъ...—Ходилъ я годъ. Отощалъ, обносился... Пуще всего страдаю отъ совѣсти, просить не умѣю... Ждалъ, ждалъ этого сроку,—вотъ домой, вотъ домой, въ свою келійку. Про отца-настоятеля ужъ именно какъ про отца родного вспоминалъ, за любовь за его. Наконецъ, какъ-разъ августа 29-го прихожу. Вхожу, знаете, во дворъ, и что-то у меня сердце смущается. Идутъ по двору служки наши, монастырскіе... Узнали... — „Что-молъ, вернулся, странниче Іоанне?“—Вернулся, говорю. Живъ ли благодѣтель мой?..—„Опоздалъ ты,—говорятъ,—благодѣтеля давно схоронили. Сподобился: съ воскреснымъ тропаремъ отыде. Вспоминалъ про тебя, плакалъ... хотѣлъ наградить... А теперь новый настоятель... Варваръ. И не являйся“. А что,—опять спохватился онъ тревожно,—Автономова-то не видно?

И въ его голосѣ слышались испугъ и тоска.

V.

Андрей Ивановичъ вглядѣлся въ темноту и вдругъ, схвативъ меня за руку, сказалъ:

— Постойте, не туда пошли мы...

— Что такое?

— Да ужъ вѣрно я говорю:—не туда!.. Подождите меня... Я сбѣгаю, посмотрю...

И онъ быстро исчезъ въ темнотѣ. Мы съ Иваномъ Ивановичемъ остались одни на дорогѣ. Когда шаги сапожника стихли, слышался только тихій шорохъ ноги. Гдѣ-то шелестѣла трава, по временамъ коростель хрипло „дергалъ“, тревожно перебѣгая съ мѣста на мѣсто. Гдѣ-то еще, очень далеко, мечтательно звенѣли и ухали въ болотѣ лягушки. Тучи, чуть видныя, тянулись въ вышинѣ.

— Вотъ... Любитъ мой товарищъ ходить по ночамъ,—жалобно произнесъ Иванъ Ивановичъ... А что хорошаго? То ли дѣло днемъ?

— А онъ тоже въ монастырѣ былъ?

— Бывалъ,—отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ и потомъ прибавилъ со вздохомъ...—Изъ хорошей семьи—отецъ діакономъ былъ въ городѣ N-мъ. Можетъ слыхали... Братъ письмоводителемъ въ полицейскомъ правленіи, невѣста была сосватана...

— Отчего же не женился?

— Видите ли... Онъ ужъ въ это время сбился съ пути... былъ въ бѣгахъ... Ну только еще не на странницкомъ положеніи. Одежонка была, не обносился... И выдалъ себя, будто, за жениха. Приняли; дѣвица взирала благосклонно, отецъ дьячекъ тоже не препятствовалъ... Охъ... хо... Грѣхъ, конечно... обманулъ... Какъ начнетъ иной разъ разсказывать, заплачешь, а другой разъ смѣшно-съ...

Съ Иваномъ Ивановичемъ случилось что-то странное. Онъ прыснулъ и сталъ какъ-то захлебываться, закрывая рукою ротъ... Сначала трудно было разобрать, что это смѣхъ. Но это былъ дѣйствительно смѣхъ... истерическій, застѣнчивый, какими-то взрывами, который перешелъ въ приступъ кашля... Успокоившись, Иванъ Ивановичъ прибавилъ съ полусожалѣніемъ:

— Только разсказываетъ каждый разъ по иному-съ... Не поймешь: не то правда... не то...

— Не то вретъ?

— Не то, чтобы... А только не вполнѣ достовѣрно... Есть, видно, и правда...

— Что же именно онъ разсказываетъ?

Видите ли... Дьячекъ-то, говоритъ, хитрый. Видитъ, что молодой человѣкъ проводитъ время, а между тѣмъ настоящаго дѣла не предпринимаетъ,—онъ подъ видомъ базару,—поѣхалъ въ городъ, а въ дому старушку бабушку оставилъ, приказалъ строго-на-строго съ глазъ не спускать. Автономовъ — не у нихъ, конечно, жилъ... На селѣ у просвирни... Ну въ гости захаживалъ. Каждодневно... На бережку сиживали... И бабушка тутъ... Да гдѣ же, конечно, услѣдить... Молодежь... Только разъ, видитъ мой Автономовъ, ѣдутъ изъ города двое въ телѣгѣ... и пьяные при томъ. Подъѣхали, глядь, а это дьячекъ да съ братомъ, съ Автономовымъ старшимъ, съ письмоводителемъ. Не успѣлъ онъ и оглянуться,—ужъ они на него навалились, давай тузить. Понятное дѣло: братъ обижается за побѣгъ изъ семинаріи, дьячекъ — за обманутіе и безчестіе...

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ.

— Еле живъ тогда остался, говоритъ... Потому что ожесточившись и при томъ пьяные... Бросился къ просвирнѣ, схва-

тилъ котомку, да въ лѣсъ... Съ тѣхъ поръ, говоритъ, и пошелъ странствовать... Ну, другой разъ, дѣйствительно... иначе разсказываетъ...

Онъ подошелъ ко мнѣ и, приподнявшись на цыпочки, хотѣлъ сказать что-то особенно конфиденціальное... Но вдругъ около насъ, прямо изъ темноты вынырнула фигура Андрея Ивановича. Онъ подошелъ быстро съ нарочито зловѣщимъ видомъ.

— Подите-ка сюда.—Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ тихо:

— Попали мы съ вами въ дѣло!

— Что такое?

— Автономовъ-то этотъ... Монахъ... На воровство, кажется, пошелъ... Будетъ намъ въ чужомъ пиру похмѣлье...

— Полноте, Андрей Ивановичъ.

— Вотъ вамъ и полно. Слыхали вы, какъ онъ въ селѣ допрашивалъ? У солдатки-то? Про дьячка-то? дескать, дьячекъ дома ли, или уѣхалъ?

— Ну, помню.

— А гдѣ этотъ дьячекъ-то живетъ, помните?

— На погостѣ, кажется.

— Самый погостъ!—сказалъ Андрей Ивановичъ злорадно, махнувъ рукой впередъ, въ темноту.

— Ну, такъ что же?

— А то, что... Старуха, слыхали вы, одна осталась... А онъ ужъ тутъ, какъ тутъ... Ходитъ кругомъ двора, высматриваетъ. Сами увидите... Вотъ вы на кого товарища давняго промѣнять согласны... Кабы на мостикѣ да не доска подъ нимъ скрипнула, мы бы тогда и пошли дальше дорогой... А ужъ это я своротилъ... Пойдемъ, пойдемъ тихонько...

Сзади кто-то жалобно кашлянулъ. Андрей Ивановичъ оглянулся и сказалъ:

— Ну, иди и ты съ нами, настоятельскій послушникъ... Что съ тобой дѣлать. Полюбуйся на товарища.

Пройдя черезъ мостикъ, мы поднялись круто по дорожкѣ и подошли къ погосту. На пригоркѣ изъ-за листвы ровно свѣтилъ огонекъ... Я разглядѣлъ чуть бѣлѣвшія стѣны небольшого домика, выдвинувшагося на край обрыва, и изъ-за его крыши грузно вырѣзались темныя очертанія колокольни. Вправо, внизу скорѣе можно было угадать, чѣмъ увидѣть рѣчку.

— Вотъ онъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ.—Видите?

Невдалекѣ отъ насъ, между палисадникомъ и обрывомъ, около бесѣдки, обвитой зеленью, мелькнула фигура. Человѣкъ

точно прилипалъ и жался къ забору, заглядывая черезъ кусты. На фонѣ свѣтлаго окна, въ глубинѣ садика, я увидѣлъ острую мурмолку, вытянутую шею и характерный профиль Автономова. Свѣтъ разсыпался по листьямъ кустовъ и по цвѣтамъ сирени. Подойдя нѣсколько ближе, я разглядѣлъ въ окнѣ голову старухи, въ чепцѣ и роговыхъ очкахъ. Голова покачивалась, какъ у человѣка, работающаго отъ безсонницы, и спицы проворно бѣгали въ рукахъ. Старуха вѣроятно ждала возвращенія хозяина.

Вдругъ она насторожилась... Изъ темноты послышался нерѣшительный окликъ:

— Олимпіада Николаевна!

Старушка наклонилась къ окну, но никого не было видно.

Прошла минута въ молчаніи, и опять изъ темноты раздался тотъ же окликъ:

— Олимпіада Николаевна!

Я не узнавалъ теперь голоса Автономова. Онъ звучалъ мягко и робко.

— Кто тутъ?—встрепенулась вдругъ старуха...—Кто меня зоветъ?..

— Я это... Автономова не припомните ли?.. Когда-то были знакомы...

— Какого тебѣ, батюшка, Автономова... Нѣтъ у насъ такого... Не знаю я... Я, батюшка, сейчасъ людей позову. Федосья, а Федосья!.. Бѣги сюда...

— Не зовите, матушка... я васъ не побезпокою... Неужто Автономова забыли?.. Генашей звали когда-то...

Старуха поднялась съ мѣста и, взявъ свѣчу, высунулась съ нею изъ окна. Вѣтра не было. Пламя стояло ровно, освѣщая кусты, стѣны дома и морщинистое лицо старухи съ очками, поднятыми на лобъ...

— Голосъ-то будто знакомый... Да гдѣ-жъ ты это?.. Покажись, когда добрый человѣкъ...

Она подняла свѣчу надъ головой, и лучъ свѣта упалъ на Автономова. Старуха сначала отшатнулась, но... Въ это время дверь открылась и въ комнату вошла другая женщина. Старуха ободрилась и опять освѣтила Автономова...

— Хорошъ,—сказала она безжалостно...—Женишокъ, нечего сказать... Зачѣмъ же это ты тутъ подъ окнами шатаешься?..

— Мимоходомъ, Олимпіада Николаевна...

— Мимоходомъ, такъ и шелъ бы мимо... Смотри, хозяинъ вернется, собакъ спуститъ.

Она захлопнула окно и спустила занавѣску... Кусты сразу погасли... Фигура Автономова исчезла въ темнотѣ.

Намъ тоже не мѣшало подумать объ отступленіи, и мы быстро спустились съ пригорка... Черезъ нѣсколько минутъ съ колокольни послышались удары... Кто-то повидимому хотѣлъ показать, что на погостѣ есть люди...

Андрей Ивановичъ шелъ молча и въ раздумьи. Иванъ Ивановичъ бѣжалъ задыхаясь въ припрыжку и сдерживая приступы кашля... Когда мы удалились на порядочное разстояніе, онъ остановился и опять произнесъ съ невыразимой тоской:

— Автономова-то потеряли...

Въ его голосѣ слышалось такое отчаяніе, что мы съ Андреемъ Ивановичемъ приняли въ немъ невольное участіе и, остановившись на дорогѣ, стали тоже вглядываться въ темноту.

— Идетъ,—сказалъ Андрей Ивановичъ, обладавшій чисто рысьими глазами...

И дѣйствительно, вскорѣ сзади на насъ стала надвигаться странная фигура, точно движущійся кустъ. За поясомъ, на плечахъ и въ рукахъ у Автономова были цѣлые пучки сирени, и даже мурмолка вся была утыкана цвѣтами. Поровнявшись съ нами, онъ не задержался и не выразилъ ни радости, ни удивленія. Онъ шелъ дальше по дорогѣ, и вѣтки странно качались кругомъ него на ходу.

— Хорошо идти ночью, синьоръ, — заговорилъ онъ напыщенно, точно актеръ. — Поля одѣты мракомъ... А вотъ въ сторонкѣ и роща... Смотрите, что за покой за такой! И соловей заводитъ пѣсню...

Онъ говорилъ точно декламируя, но въ его голосѣ всетаки слышались ноты растроганности...

— Не угодно ли, синьоръ, вѣтку изъ моего садика?..

И театральнымъ жестомъ онъ протянулъ мнѣ вѣтку сирени...

Въ сторонѣ отъ дороги робко и нерѣшительно щелкнулъ соловей. Откуда-то издалека, въ отвѣтъ на звонъ съ погоста медленно понесся отвѣтный звонъ и звуки трещетки... Гдѣ-то на темной равнинѣ лаяли собаки... Ночь сгущалась, начинало пахнуть дождемъ...

— Жаль, — рязвязно заговорилъ вдругъ Автономовъ. — Я вотъ тутъ отлучался, къ погосту... Знакомый у меня на этомъ погостѣ живетъ, пріятель... Былъ бы дома, — всѣмъ намъ былъ бы ночлегъ и угощеніе... Старуха звала ночевать... да что... безъ хозяина...

Иванъ Ивановичъ поперхнулся. Сапожникъ иронически фыркнулъ...

Автономовъ вѣроятно догадался, что мы видѣли нѣсколько больше, чѣмъ онъ думаетъ,—и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Не судите, синьоръ, да не судимы будете... Чужая душа, синьоръ, потемки... Когда-нибудь, — прибавилъ онъ рѣшительно, — повѣрьте, я всетаки побываю въ этомъ мѣстѣ.. И буду принятъ... И тогда...

— Что же тогда?

— Ахъ... Было бы только чѣмъ угостить... Напьемся мы тутъ до потери образа... И учиню я тогда надъ нимъ безобразіе...

— А это зачѣмъ?

— Такъ! Сравнялось бы для меня это мѣсто съ другими. А то все еще, синьоръ, за душу тянетъ... Прошлое-съ...

И онъ пошелъ впередъ быстрѣе...

Мы миновали стороной небольшую деревнюшку и поровнялись съ послѣдней избой. Маленькія окна слѣпо глядѣли въ темное поле... Въ избѣ всѣ спали...

Автономовъ вдругъ направился къ окну и рѣзко постучалъ въ раму... За стекломъ неясно мелькнуло чье-то лицо.

— Кто тамъ? — послышался глухой голосъ, и испуганное лицо прилипло изнутри къ оконницѣ... — Кого по ночамъ носитъ?..

— Ши-ши-и-и-га,—крикнулъ Автономовъ протяжно, рѣзко и зловѣще и наклонилъ къ окну голову, убранную вѣтками... Лицо за окномъ испуганно исчезло.. На деревнѣ залаяли собаки, сторожъ застучалъ въ трещетку, темный просторъ, казалось, робко насторожился... И опять гдѣ-то, невидимыя во мглѣ, заговорили протяжными звонами спящія церкви, какъ будто защищая мирный просторъ отъ чего-то невѣдомаго и зловѣщаго. Точно зачуявъ, что гдѣ-то надъ ними проносятся съ угрозой чьи-то темныя, чьи-то безнадежно-испорченныя жизни...

VI.

Болѣе часу мы шли опять темными полями. Усталость брала свое; не хотѣлось ни говорить, ни слушать. Вначалѣ я еще думалъ и старался представить себѣ въ этой тьмѣ физіономіи моихъ спутниковъ. Это удавалось относительно Андрея Ивановича, котораго я зналъ хорошо, и относительно маленькаго странника, но физіономію Автономова я забылъ и, глядя теперь на его темную фигуру, не могъ возстановить его лица... Автономовъ у дьячковой избы и вчерашній проповѣдникъ казались мнѣ двумя различными людьми.

Потомъ мысли мои все болѣе путались; нѣсколько дней уже на ногахъ... глухая ночь, тишина, тяжелая перепаханная дорога или вѣрнѣе бездорожье,—все это сказалось сильной усталостью, и я сталъ забываться на ходу. Это было какое-то

полусознаніе, допускавшее фантастическія грёзы, которыя витали въ безформенной тьмѣ, странно переплетаясь съ дѣйствительностью. А дѣйствительность для меня вся была темная муть и три туманныя фигуры, то остававшіяся позади, то обгонявшія меня на дорогѣ... Я слѣдовалъ за ними совершенно почти безсознательно.

Когда я какъ-то очнулся,—они стояли на дорогѣ и о чемъ-то спорили.

— Разуй глаза-то,—говорилъ сапожникъ сердито, но вяло.

— Спасибо, что вразумили,—я бы и не догадался,—отвѣтилъ странникъ. — Не знаете ли ужъ кстати, синьоръ, какъ отсюда выйти на дорогу?..

Я лѣниво вглядѣлся въ темноту. Громадный черный вѣтрякъ поднялъ надъ нами крылья, терявшіяся гдѣ-то высоко въ облакахъ; за нимъ по бокамъ, назади—виднѣлись другія. Казалось, все поле усѣяно мельничными крыльями, поднятыми кверху съ безмолвной угрозой...

— Всю ночь теперь проплуталъ изъ-за этого дьявола,—со злостью сказалъ Андрей Ивановичъ.

— Ну-ко, помолчите маленько, долговязый синьоръ,—сказалъ Автономовъ.—Слышите?

— Толчея, что ли?.. — сказалъ Андрей Ивановичъ вопросительно...

— Вѣрно,—отвѣтилъ Автономовъ весело.—Колеса это работаютъ. Эхъ, и рѣчушка же рѣзвая!

— Далеко это?..

— По дорогѣ далеко. А мы прямикомъ.

— Въ болото, смотри, заведешь, дьяволъ...

Ноги опять несли меня куда-то въ темноту за тремя темными фигурами. Я спотыкался на пашнѣ или по кочкамъ, меня кидало то впередъ, то въ стороны... Если бы на пути встрѣтился оврагъ или рѣка—я вѣроятно очнулся бы только на днѣ... По временамъ странные обрывки сновидѣній вспархивали и улетали изъ головы въ неопредѣленную мглу...

Наконецъ, меня перестало кидать по кочкамъ. Подъ ногами чувствовалась ровная дорога, а въ ушахъ ровный, пріятный шумъ. Вода струилась, звенѣла, бѣжала куда-то, плескалась и бурлила, разсказывая о чемъ-то очень занимательномъ, но слишкомъ смутномъ... потомъ шумъ остался позади, но вдругъ онъ сталъ сильнѣе, какъ будто вода прорвала плотину... Я совсѣмъ очнулся и оглянулся съ удивленіемъ... Сзади меня догналъ Андрей Ивановичъ и, взявъ за руку, потащилъ впередъ...

— Проснитесь... будетъ вамъ спать-то на ходу... Вотъ

связались мы съ дьяволомъ, прости Господи!.. Выскочатъ мужики, шеи намъ наломаютъ... Скорѣе, скорѣе... Вишь Иванъ-то Иванычъ деретъ, ряску подобралъ...

Дѣйствительно маленькій странникъ пробѣжалъ мимо насъ съ удивившей меня быстротой...

— Сюда... сюда...

Не отдавая себѣ еще полнаго отчета въ происходящемъ, я очутился подъ прикрытіемъ густыхъ ветлъ на берегу рѣчки. Рядомъ Иванъ Ивановичъ тяжело переводилъ духъ... Автономова не было. Невдалекѣ мельница точно взбѣсилась. Вода ревѣла и бурлила въ открытые шлюзы. Одно колесо тяжело ворочалось по прежнему, другое, вѣроятно, удержанное запоромъ,—трещало и стонало подъ ударами воды. Цѣпная собака рвалась на цѣпи и выла отъ злости...

Въ мельницѣ вспыхнуло оконце, точно она проснулась и открыла глазъ. Скрипнула дверь и старый мельникъ, въ бѣлой рубахѣ и портахъ, вышелъ съ фонаремъ на помостъ. За нимъ, почесываясь и зѣвая, показался другой.

— Плотину что ли прорвало?—сказалъ онъ.

— Гдѣ прорвало,—слышь въ шлюзахъ шумитъ, не сломало ли затворы... Неладно, гляди... Ахъ, батюшки...

— Гляди-ка: вѣдь поднято.

— Что ты! Кому подымать.

Мужики подошли къ шлюзамъ. Вскорѣ шумъ затихъ: они опустили оба затвора и мельница смолкла. Огонь фонаря тихо проползъ назадъ по плотинѣ и опять исчезъ. И вдругъ рѣзко загремѣла трещетка, Одинъ мужикъ очевидно остался караулить...

Необычный шумъ на мельницѣ, разносясь по полямъ, опять будилъ спящія деревни. Казалось даже удивительнымъ, сколько ихъ засѣло въ этой темнотѣ. Съ разныхъ сторонъ, спереди, сзади, даже откуда-то снизу онѣ отвѣчали на тревогу стукомъ досокъ и трещетокъ. Изъ дальняго села или съ погоста опять несся медленный звонъ. Невдалекѣ крикнула какая-то ночная птица.

— Пойдемъ, — сказалъ Андрей Ивановичъ, когда около мельницы все стихло...—Вотъ изъ-за одного подлеца сколько тревоги народу.

— Что это случилось?—спросилъ я.

— Спросите вотъ у него,—со злостью сказалъ сапожникъ, указывая на Ивана Ивановича.

— Что-же-съ. — грустно отвѣтилъ странникъ. — Конечно, озорство... Я этого не похвалю...

— Да въ чемъ дѣло? Гдѣ Автономовъ?

— Вотъ онъ—по птичьи кричитъ, признакъ намъ подаетъ... Сюда дескать идите, милые мои товарищи... И какъ онъ, подлецъ, шлюзу успѣлъ открыть,—я и не замѣтилъ. А вы тоже!.. Идете за нимъ, да спите. Поспали бы еще... Выскочили бы мужики раньше,—были бы у праздника. Н-ну! Догоню подлеца, ужъ вы и не заступайтесь. Наизнанку каналью выверну, ноги черезъ глотку продѣну!..

И онъ рѣшительно двинулся впередъ.

VII.

Однако. Андрей Ивановичъ не привелъ въ исполненіе своихъ свирѣпыхъ намѣреній и черезъ полчаса мы опять молча шагали по дорогѣ... Солнце еще не всходило, но бѣлые молочные тоны все больше просачивались сверху, сквозь облака,—а внизу подъ нашими ногами на далекое разстояніе волновался бѣловатый туманъ, покрывшій обширную равнину. Изъ этого тумана вынырнула лошадиная морда, потомъ обозначилась телѣга съ мѣшками, на которыхъ спалъ мужикъ, и за ней другая, порожняя.

— Дядя, а дядя... — сказалъ Андрей Ивановичъ заднему мужику,—не подвезешь ли насъ?

Мужикъ протеръ заспанные глаза и съ удивленіемъ оглядывалъ обступившую его компанію.

— Откеда Богъ несетъ?

— Съ богомолья.

— Ну, ну. Садитесь,—да вѣдь недалече подвезу я, мы ближніе.

— Не съ мельницы ли?

— Они вотъ были на мельницѣ, а я вишь порожнемъ. Садитесь, что ли.

Мы усѣлись по сторонамъ телѣги, свѣсивъ ноги.

— А дозвольте спросить, — сказалъ нашъ возница, нахлеставъ лошаденку,—вы всю ночь что ли идете?

— Всю ночь.

— Ничего не слыхали ночью?

— Собаки что-то лаяли, да только далеко. А что?

— Такъ! На мельницѣ, слышь, затворы ночью подняло. Колеса чуть не поломало вовсе.

— Кто поднялъ?

— Понимай! Кто ночью-то у омутовъ озоруетъ?.. У насъ въ деревнюшкѣ по сусѣдству, сказываютъ, на ночлегъ просился. Мужикъ выглянулъ, а *онъ* и говоритъ: шишига — я, пусти.

— Бываетъ,—сказалъ Автономовъ, давно сбросившій свои украшенія...

— Никогда этого не бываетъ... Не повѣрю ни въ жизнь... И тебѣ не приказываю вѣрить,—горячо и рѣшительно сказалъ мужику Андрей Ивановичъ...—Обманываютъ васъ, деревенскихъ, прохвосты разные... Простота ваша...

— Бываютъ, которые и въ Бога и во святыхъ не вѣрютъ,—сказалъ Автономовъ въ высшей степени поучительно и хладнокровно.

Андрей Ивановичъ скрипнулъ зубами и незамѣтно для мужика показалъ Автономову кулакъ...

VIII.

Около полудня на такой же, случайно встрѣченной подъ самымъ городомъ мужицкой телѣгѣ, мы подъѣхали къ моей квартирѣ. Телѣга остановилась у воротъ. Наша живописная компанія обратила вниманіе нѣсколькихъ прохожихъ, что видимо стѣсняло Андрея Ивановича... Я пригласилъ своихъ товарищей отдохнуть у меня и напиться чаю.

— Спасибо,—до дому недалече,—холодно отвѣтилъ сапожникъ, вскидывая за плечо котомку, и потомъ спросилъ безцеремонно, ткнувъ пальцемъ по направленію Автономова:

— И этого тоже зовете?

— Да, прошу и Геннадія Сергѣевича,—отвѣтилъ я.

Андрей Ивановичъ круто повернулся и, не прощаясь, зашагалъ по улицѣ.

Иванъ Ивановичъ имѣлъ отчаянно испуганный видъ, точно мое приглашеніе захлопнуло его, какъ западня птицу. Онъ смотрѣлъ умоляющимъ взглядомъ на Автономова, и стыдъ собственнаго существованія мучительно сказывался во всей фигурѣ. Автономовъ спросилъ просто:

— Куда идти-то?..

Пока ставили самоваръ, я попросилъ домашнихъ собрать сколько было лишней одежды и бѣлья и предложилъ моимъ спутникамъ переодѣться. Автономовъ легко согласился, свернулъ все въ одинъ узелъ и сказалъ:

— Потому надо въ баню...

Я разумѣется не возражалъ. Изъ бани оба странника вернулись преображенными. Иванъ Ивановичъ въ слишкомъ широкомъ пиджакѣ и слишкомъ длинныхъ брюкахъ, со своими жидкими косицами, удивительно походилъ на переодѣтую женщину. Что касается Автономова, то онъ не удовольствовался необходимымъ количествомъ одежды, а надѣлъ все, что было предложено для выбора. Такимъ образомъ на немъ оказалась синяя косоворотка, блуза, два жилета и пиджакъ. Косоворотка виднѣлась надъ воротомъ блузы и внизу,—такъ какъ она

была длиннѣе. Надъ нею выступали края блузы, а пиджакъ составлялъ какъ бы третій ярусъ... За чайнымъ столомъ Иванъ Ивановичъ страдалъ до такой степени, что изъ жалости мы разрѣшили ему удалиться со своей чашкой въ кухню, гдѣ онъ усѣлся въ уголку и немедленно пріобрѣлъ жалостныя симпатіи нашей кухарки. Автономовъ держался развязно, называлъ мою мать синьорой и схватывался съ мѣста при всякомъ случаѣ, чтобы чѣмъ-нибудь услужить...

Послѣ чаю онъ самодовольно оглядѣлся съ ногъ до головы въ зеркало и сказалъ:

— Въ эдакомъ костюмѣ зять мною не пренебрежетъ... Пойду навѣстить сестру... Она тутъ живетъ недалечко. Котомочку позвольте, синьора, оставить у васъ въ передней.

Когда онъ шелъ черезъ дворъ къ воротамъ, за нимъ испуганно выбѣжалъ Иванъ Ивановичъ. Послѣ короткаго разговора Автономовъ позволилъ бѣднягѣ слѣдовать за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи.

Черезъ короткое время Иванъ Ивановичъ вернулся одинъ... Птичье лицо его сіяло изумленіемъ и восторгомъ.

— Приняли-съ,—сказалъ онъ, радостно захлебываясь.— Истинная правда-съ. Дѣйствительно-съ... сестра, настоящая. И зять... Можетъ угодно вамъ самимъ пройти, будто ненарочно... Сами увидите-съ... Истинный Богъ: въ палисадничкѣ сидятъ... Угощаютъ... по родственному. Сестра плачетъ отъ радости...

И изъ груди маленькаго странника понеслись странные звуки, похожіе и на истерическій смѣхъ и на плачъ.

Черезъ часъ явился и Автономовъ, преображенный и торжественный. Подойдя ко мнѣ, онъ горячо схватилъ мою руку и до боли сжалъ ее...

— Черезъ васъ я пріобрѣлъ опять родныхъ... Кажется... то-есть вотъ! До гроба...

Онъ еще крѣпче сжалъ мою руку, потомъ судорожно отбросилъ ее и отвернулся. Оказалось, что, повѣривъ преображенію Автономова, зять, человѣкъ не безъ вліянія въ консисторіи, рѣшилъ похлопотать о немъ. Оставалось только добыть изъ Углича какія-то бумаги и...

— И сюда, обратно! Кончено странствіе, синьоръ... И тебя, Ваня, не оставлю... Получишь у меня уголъ и пищу... Живи... Я въ должность... Ты уберешь квартиру, то... другое...

Я слушалъ эти разговоры и невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу, тѣмъ болѣе, что Автономовъ опять вернулся къ высокопарному стилю и все чаще употреблялъ слово синьоръ...

Передъ вечеромъ оба ушли „въ Угличъ, за бумагами“. Автономовъ далъ торжественное обѣщаніе явиться черезъ недѣлю „для начатія новой жизни“...

— Неужто для этого „чуда“ нужно было такъ немного?— съ большимъ сомнѣніемъ думалъ я...

IX.

Погода круто измѣнилась... Чудесная ранняя весна, казалось, смѣнилась вдругъ поздней холодной осенью... Дождь лилъ цѣлые дни и вѣтеръ метался среди ливня и тумановъ.

Въ одно такое холодное утро, проснувшись довольно поздно и стараясь сообразить время, я услышалъ легкую возню и странный пискъ въ сѣняхъ у дверей. Открывъ ихъ, я увидѣлъ въ темномъ углу что-то живое. Увы! это былъ Иванъ Ивановичъ. Онъ весь издрогъ, посинѣлъ и смотрѣлъ на меня умоляющими, робкими глазами. Такъ смотритъ только запуганное и близкое къ гибели животное.

— Слабость опять?—спросилъ я кратко.

— Слабость, — отвѣтилъ онъ покорно и кротко, стараясь запахнуться. На немъ была опять невозможная хламида, голова была не покрыта, а на ногахъ лапти на босу ногу...

Вскорѣ явился и Автономовъ. Онъ былъ пьянъ и непріятно развязенъ. Говорилъ изысканными высокопарными оборотами, держался, какъ давній пріятель, и по временамъ въ воспоминанія о нашихъ похожденіяхъ вставлялъ пикантные намеки относительно нѣкоей солдатки... Въ глазахъ проступало злое страданіе, по которому я опять узнавалъ оратора монастырскаго двора, — и готовность на злыя дерзости. О визитѣ къ сестрѣ не было и рѣчи...

— Послушай... Любезная... — обратился онъ къ прислугѣ...—Тотъ разъ я тутъ у васъ оставилъ хламидку... Хламидка еще годится... Несчастливъ вашъ подарокъ, — прибавилъ онъ, нагло глядя на меня...—Подъ Угличемъ ограбили насъ... все, какъ есть, сняли. А валенками васъ видно надулъ торговецъ... Кислый товаръ, кислый... всѣ развалились...

И онъ снисходительно потрепалъ меня по плечу...

Иванъ Ивановичъ съ жалобной укоризной смотрѣлъ на своего покровителя. Разстались мы довольно холодно и только на Ивана Ивановича всѣ у насъ смотрѣли съ искреннимъ сочувствіемъ и жалостью...

Послѣ этого отъ времени до времени я получалъ извѣстія о своихъ случайныхъ спутникахъ. Приносили ихъ по большей части люди въ хламидахъ и подрясникахъ, и съ болѣе или менѣе явственными признаками „слабости“ передавали

поклоны или записки и, получивъ малую мзду, выражали разочарованіе. Однажды во время ярмарки ввалился субъектъ совершенно пьяный, очень зловѣщаго вида, который подалъ записку съ такой таинственной фамиліарностью, точно она была отъ нашего общаго друга и сообщника.

Въ запискѣ было нацарапано очень нетвердымъ и неровнымъ почеркомъ:

„Милый другъ. Прими сего подателя, яко меня лично. Онъ нашъ и можетъ тебѣ все разсказать, а между прочимъ помоги деньгами и одежей. Наипаче бѣдствуетъ брюками... Геннадій Автономовъ“.

Достаточно было одного взгляда, чтобы убѣдиться, что посланный дѣйствительно брюками бѣдствовалъ очень сильно... Но, не смотря на опьяненіе, глаза его быстро и пытливо, очевидно по профессіональной привычкѣ, изучали обстановку моей квартиры...

При удаленіи его произошелъ нѣкоторый непріятный шумъ и пришлось прибѣгнуть къ помощи добрыхъ сосѣдей...

X.

Года черезъ два я опять встрѣтилъ моихъ бывшихъ спутниковъ.

Въ жаркій лѣтній день я переѣхалъ на паромѣ черезъ Волгу и пара лошадей потащила насъ береговыми песками къ въѣзду на гору. Солнце садилось, но было еще невыносимо жарко. Казалось, даже отъ сверкающей рѣки неслись цѣлыя волны зноя. Оводы тучей носились надъ лошадьми, колокольчикъ бился неровно, колеса шуршали въ глубокомъ пескѣ... Сверху, въ полугорѣ, окруженный зеленью монастырь глядѣлъ на рѣку изъ-за рѣющаго тумана и казался парящимъ въ воздухѣ.

Вдругъ ямщикъ остановилъ у самаго подъема усталую тройку и побѣжалъ по берегу. Въ четверти версты отъ насъ, на обрѣзѣ, усѣянномъ галькой и камнями, грузно чернѣла, прямо на солнцепекѣ, группа людей.

— Происшествіе какое-нибудь,—сказалъ мой товарищъ.

Я вышелъ изъ телѣги и пошелъ туда же.

На пустомъ берегу, въ который лѣниво плескалась рѣка, оказалось мертвое тѣло. Подойдя ближе, я узналъ въ немъ моего знакомаго: маленькій странникъ лежалъ въ своей ряскѣ, грудью на пескѣ, съ раскинутыми руками и неестественно повернутой головой. Онъ былъ смертельно блѣденъ, черныя косицы слиплись на лбу и на вискахъ, а ротъ полуоткрылся. Мнѣ невольно вспомнилось это лицо, оживленное дѣтскимъ

восторгомъ отъ пѣнія пташки на холмикѣ. Самъ онъ, съ своимъ длиннымъ, заострившимся носомъ и раскрытымъ ртомъ, — удивительно напоминалъ теперь замученную и раздавленную птицу.

Автономовъ сидѣлъ надъ нимъ, покачиваясь, и въ его взглядѣ виднѣлся испугъ. Явственный винный запахъ стоялъ въ воздухѣ...

Окинувъ взглядомъ подошедшихъ людей и не узнавъ меня, онъ вдругъ затормошилъ лежащее тѣло.

— Вставай, товарищъ, пора въ путь... Участь странника— вѣчное странствованіе.

Онъ говорилъ опять напыщеннымъ тономъ и нетвердо поднялся...

— Не хочешь?.. Смотри, Ваня, брошу! Уйду одинъ...

Староста, съ медалью на груди, спѣшно подошедшій къ группѣ, положилъ ему руку на плечо.

— Погоди уходить... Протоколъ надо составить... Что за люди?..

Автономовъ съ иронической покорностью снялъ свою мурмолку и отвѣсилъ поклонъ.

— Сдѣлайте одолженіе, ваше сельское превосходительство...

Сверху послышался ударъ колокола. Въ монастырѣ призывали къ вечерней молитвѣ. Ударъ прозвенѣлъ, всколыхнулъ жаркій воздухъ, пронесся поверхъ кудрявыхъ верхушекъ дубовъ и осокорей, лѣпившихся по склонамъ, и, замирая уже, коснулся сонной рѣки. На мгновеніе звукъ опять окрѣпъ, ложась на воду, и, казалось, чуткое ухо ловитъ его полетъ къ другому берегу, къ синѣющимъ и подернутымъ мглою лугамъ.

Всѣ сняли шапки. Только Автономовъ повернулъ голову на звонъ и погрозилъ кверху кулакомъ.

— Слышишь, Ваня,—сказалъ онъ,—зоветъ тебя отецъ настоятель... Благодѣтель твой... Теперь чай приметъ...

Ударъ за ударомъ, густо и часто, звеня и колыхаясь, падалъ сверху на рѣку торжественно и спокойно...

1889 г.

ВЪ КРЫМУ.

I.

Емельянъ.

Въ началѣ девяностыхъ годовъ я прожилъ мѣсяца два въ Крыму.

Поселился я въ маленькомъ имѣніи Карабахѣ. Небольшой домикъ стоитъ невысоко на мысу, омываемомъ моремъ. На востокѣ плавной излучиной берегъ уходитъ къ туманнымъ скаламъ Судака. На западъ—видъ Ялты закрытъ Аюдагомъ, съ его крутыми обрывами, на которыхъ, по преданію, стоялъ храмъ, гдѣ была жрицей Ифигенія. Отсюда нѣкогда предусмотрительные аборигены кидали въ море пришельцевъ, загнанныхъ къ нимъ бурей или иными случайностями, и еще теперь временами послѣ сильной зыби волны выкидываютъ на берегъ куски мраморныхъ колоннъ. Одна такая глыба, древняя капитель, сильно сглаженная прибоями и почти потерявшая форму, лежитъ на крылечкѣ скромнаго карабахскаго дома...

Кругомъ усадьбы, по уступамъ горъ зеленѣютъ сады и виноградники. Снизу, даже въ тихую погоду, доносится протяжный плескъ и вздохи моря...

На склонѣ яснаго дня чудесной крымской осени я бродитъ съ однимъ изъ молодыхъ хозяевъ по тропамъ, отъ сада къ саду и отъ виноградника къ винограднику. Было тихо и пусто, гроздья винограда рдѣли подъ ласковыми косыми лучами, и отовсюду была видна синяя громада моря, по которому, безъ вѣтра, тихо вставали и падали бѣлые гребни.

Мы говорили о впечатлѣніи, которое Крымъ производитъ на меня, пріѣзжаго человѣка... Основнымъ ихъ фономъ было ощущеніе какой-то загадочной тоски, которая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди всей этой захватываю-

щей, ласкающей и манящей красоты и все жужжала мнѣ въ ухо что-то навязчивое и непонятное.

Мнѣ казалось, что это было ощущеніе безлюдья. Даже въ Ялтѣ и даже въ разгарѣ сезона вы чувствуете именно отсутствіе человѣка. Народу, правда, много, но все это народъ чужой этой странѣ и этой природѣ, не связанный съ ними ничѣмъ органическимъ. Просмотрите картины русскихъ художниковъ, посвященныя Крыму: волна, песокъ, мглистое, затуманенное или сверкающее море, Аю-дагъ, утопающій въ золотисто-лиловыхъ отсвѣтахъ, Ай-Петри, угрюмо выступающій надъ туманами... А если къ этому прибавлены гдѣ-нибудь человѣческія фигуры,—то это только дамское платье и зонтикъ надъ грядами волнъ, или пара туалетовъ — мужской и дамскій, подобранные въ гармоніи съ основными тонами моря.

А мѣстная жизнь? Татары?.. Ихъ мы не видимъ и не понимаемъ. Кромѣ того это было въ разгаръ эпидеміи татарскаго выселенія изъ Крыма. Въ то самое время, когда мы вели этотъ разговоръ, въ легкой мглѣ виднѣлся на морѣ далекій парусъ. Какое-то судно держалось уже нѣсколько часовъ въ виду берега, и мой спутникъ высказывалъ предположеніе, что это турецкая фелюга изъ Анатоліи. Быть можетъ, въ эту самую минуту на дальній парусъ изъ горныхъ ущелій смотрѣли жадными глазами группы крымскихъ татаръ, недовольныхъ своей чудной родиной и готовыхъ пуститься на опасные поиски новой родины и новаго счастья... Безлунною ночью фелюга пристанетъ къ условленному мѣсту, гдѣ-нибудь подъ прикрытіемъ скалъ, а разсвѣтъ встрѣтитъ ее далеко въ обманчивомъ морѣ... Говорили, что хищные анатолійскіе шкипера вывозили такимъ образомъ цѣлыя партіи людей, грабили ихъ въ открытомъ морѣ и кидали за бортъ. А потомъ возвращались за новыми искателями счастья..

Незадолго передъ тѣмъ, большой веселой компаніей мы отправились въ экскурсію на вершину Чатырдага. Вершина эта, красивымъ маленькимъ шатромъ рисующаяся снизу, въ дѣйствительности представляетъ настоящую каменную область, съ дикими оскалинами, съ лѣсами, хаосами камней и горными пастбищами. Въ ней есть двѣ пещеры, уходящія на сотни саженъ въ глубину горы. Одна изъ нихъ носитъ названіе „Бимъ-башъ-коба“, что значитъ: „Пещера тысячи головъ“. Наклонясь подъ очень низкимъ сводомъ, съ пучками свѣчъ въ рукахъ, — мы пробрались въ ея глубину. Свѣчи плохо разгоняли густой, почти осязаемый мракъ этого под-

земелья. Вверху онъ висѣлъ непроницаемый и тяжелый, а внизу на каменномъ полу свѣтилась передъ нами фосфорической бѣлизной груда человѣческихъ череповъ, въ которыхъ зіяли черныя впадины глазъ. Говорятъ, въ послѣдніе годы ихъ осталось уже немного: человѣческое любопытство не останавливается ни передъ чѣмъ, и скоро безпечные туристы окончательно растащутъ эту печальную достопримѣчательность Чатырдага. Но въ это время ихъ было еще поразительно много... Послѣ яркаго дня, послѣ сверкающихъ переливовъ безграничнаго моря, послѣ безпечныхъ разговоровъ и смѣха, — это обиліе молчаливой смерти въ темномъ подземельи захватывало мрачнымъ трагизмомъ тайны... Сколько ихъ было и какой предсмертный ужасъ пережили эти люди, загнанные сюда невѣдомой грозой невѣдомой, темной старины?..

— Татаръ это! — съ угрюмой увѣренностью сказалъ кто-то за нами. Повернувшись въ сторону говорившаго, — мы увидѣли загорѣлаго, почти обугленнаго солнцемъ татарина пастуха. Онъ пасъ овецъ по сосѣдству съ пещерой и пробрался за нами.

— Нѣтъ, такъ это онъ... болтаетъ, — сдержанно сказалъ одинъ изъ проводниковъ, но пастухъ посмотрѣлъ на него черными глазами, въ которыхъ сквозило что-то вродѣ спокойнаго презрѣнія, и повторилъ:

— Татаръ это, татаръ... Урусъ пещера гонялъ... Ашай нѣту, вода нѣту... Всѣ кончалъ...

— И давно это было? — спросилъ одинъ изъ нашей компаніи, въ надеждѣ услышать народное преданіе, связанное съ этой невѣдомой трагедіей...

Въ глубокихъ глазахъ татарина, казалось, мелькнуло что-то, какъ смутная тѣнь. Онъ постоялъ молча, уставившись на груду костей... Но затѣмъ лицо его вдругъ сдѣлалось апатичнымъ.

— Э! — сказалъ онъ коротко, махнувъ съ пренебреженіемъ рукой, и отвернулся. Черезъ нѣсколько секундъ высокая фигура въ бараньемъ тулупѣ утонула въ густомъ сумракѣ пещеры...

Въ этомъ короткомъ восклицаніи и въ пренебрежительно-печальномъ жестѣ было что-то особенное, смутно выразительное, запавшее мнѣ въ память... Какая-то скрытая горечь непоправимой обиды, безпредметная и безпомощная жалоба намъ, потомкамъ тѣхъ урусовъ, на жестокость нашихъ предковъ, а можетъ быть и пренебреженіе фаталиста и къ намъ, и къ самой судьбѣ, которая съумѣла такъ ужасно распорядиться съ этими безвѣстно погибшими людьми.

Когда мы вышли изъ пещеры и проѣзжали горной лужайкой, на которой овцы щипали сухую сѣрую траву, — этотъ пастухъ сидѣлъ на камнѣ, сшивая куски овчины, и пѣлъ горловымъ голосомъ какую-то дикую, мало внятную пѣсню... Навѣрное это была пѣсня о „тысячѣ головъ", а въ мотивѣ мнѣ слышалась опять презрительная, безнадежная и унылая покорность...

Впослѣдствіи, когда я спросилъ объ этой коллекціи пещерныхъ череповъ у знатока Крыма, профессора Головинскаго, онъ засмѣялся и отвѣтилъ:

— Если бы вы спросили у генуэзца сто лѣтъ спустя послѣ татарскаго нашествія, то онъ, вѣроятно, сказалъ бы вамъ, что это черепа генуэзцевъ, которые спасались отъ татаръ. А еще ранѣе греки могли бы пожаловаться на генуэзцевъ или митридатовы понтійцы на грековъ...

Не изъ этой ли пещеры, думалось мнѣ, увязалась за мной та особенная крымская тоска, которая, какъ назойливая муха, преслѣдовала меня среди этихъ чудесныхъ ущелій и виноградниковъ, жужжа о чемъ-то загадочно печальномъ и непонятномъ... Чудесный южный берегъ, находящійся нынѣ въ счастливомъ обладаніи курсовиковъ, проводниковъ, дачевладѣльцевъ и туристовъ, — представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ отмели, черезъ которую, на разстояніи столѣтій, какъ волны перекатываются чередой людскія поколѣнія — тавры, скиѳы, греки, генуэзцы, татары, русскіе — въ поискахъ счастья...

Здѣсь, подъ этимъ солнцемъ, вблизи этого моря, оно какъ будто ближе, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Ласкаетъ, обѣщаетъ, манитъ... И волны перекатываются одна за другой, одна прогоняя другую...

А счастье?..

Среди этого разговора о крымскихъ впечатлѣніяхъ и о пещерѣ „тысячи головъ" — мы шли узкой дорожкой межъ двухъ виноградниковъ.

— А вотъ, постойте, — сказалъ мнѣ мой спутникъ, — я вамъ покажу кстати одного мѣстнаго жителя... Эй, дѣдъ Емельянъ!

Никто не отозвался. Онъ открылъ деревянную калитку, вдѣланную въ ограду изъ дикаго камня, и мы вошли въ виноградникъ.

Навстрѣчу намъ раздался хриплый лай собаки... Собака видимо была очень старая. Она даже не лаяла, а какъ-то

взвизгивала и хрипѣла, поднимая голову кверху и затрудняясь встать на ноги. Лежала она у плохонькаго сарая, кое-какъ сооруженнаго изъ камней, старыхъ кривыхъ бревенъ и вѣтвей, и прикрытаго сухими лозами. Дверь сарая была открыта, и въ нее зіяла густая прохладная тьма, какая бываетъ въ знойные дни въ помѣщеніяхъ съ толстыми стѣнами и безъ оконъ... Кругомъ рядами разстилался виноградникъ съ созрѣвающими гроздьями...

Повидимому, кромѣ собаки, здѣсь никого не было, по крайней мѣрѣ никто не отозвался на окликъ моего спутника. Однако, когда мы подошли къ широкимъ дверямъ или, вѣрнѣе, къ входному отверстію сарая, то замѣтили, что тамъ было живое существо: въ темномъ углу робко притаилась молодая татарка.

Около нея стоялъ горшокъ, завязанный бѣлымъ платкомъ, нѣсколько баклажанъ и нѣсколько кочней кукурузы. Повидимому, дѣвушка принесла дѣду ужинъ. Въ сараѣ было непривѣтливо и пусто. Пахло сыростью и дымомъ отъ холоднаго очага, сложеннаго изъ дикихъ камней. На двухъ доскахъ, служившихъ, очевидно, лежанкой, былъ кинутъ пучокъ соломы и какое-то тряпье въ изголовьи.

— А, это ты, Биби! — привѣтливо сказалъ мой спутникъ, разглядѣвъ въ полутьмѣ свою сосѣдку изъ Біюкъ-Ламбата.— А гдѣ же дѣдъ?

— По воду пошла,—отвѣтила дѣвушка, все еще недовѣрчиво сверкая глазами въ мою сторону. И потомъ, какъ будто успокоившись, прибавила, смѣясь:

— Долго ходитъ: одинъ часъ ходитъ, одинъ ведро несетъ...

Собака опять залаяла какъ-то особенно, съ перерывами и хрипомъ, повернувъ голову къ тропинкѣ, горбомъ спускавшейся книзу. Надъ ея обрѣзомъ показалась голова и плечи стараго человѣка, который тихо поднимался въ гору. Голова у него была красивая, круглая, густые кудрявые волосы были не сѣдые, а какіе-то сѣрые, и завитки кудрей точно были присыпаны пылью. Тотъ же оттѣнокъ какой-то тусклости лежалъ на сильно загорѣломъ лицѣ, на толстыхъ бровяхъ, даже на зрачкахъ глазъ, глядѣвшихъ прямо, ровно и безучастно. Плечи были широкія, сложеніе очень крѣпкое. Но во всѣхъ движеніяхъ сквозило что-то особенное. Не усталость, не болѣзненное старческое одряхлѣніе, а какая-то равнодушная медлительность. Казалось, этому человѣку было совершенно безразлично, какое именно мѣсто въ природѣ занимать въ данное время. И теперь, поднявшись на ров-

ную дорожку, онъ поставилъ ведро и совершенно равнодушно смотрѣлъ передъ собою: на насъ, на сарай, на виноградникъ, на бѣлую тучу, тихо клубившуюся надъ обрѣзомъ горы, на свою собаку... Старый песъ тявкнулъ ему навстрѣчу съ жалобнымъ выраженіемъ, какъ будто спрашивая: видишь? Старикъ посмотрѣлъ въ его сторону, какъ бы отвѣчая: „вижу... ну, что-жъ изъ этого“. И вновь поднялъ ведро.

Казалось опять — ему не было тяжело: ни старческаго вздоха, ни кряхтѣнія, ни напряженнаго усилія. Движенія были свободны, только очень медленны. Мнѣ вспомнились часы, заводъ которыхъ кончается, но колеса все еще отбиваютъ обычныя секунды... Онъ вошелъ въ сарай, поставивъ ведро у входа и, подойдя къ Биби, взялъ принесенные ею припасы.

— Здравствуй, дѣдъ Емельянъ, — сказалъ мой спутникъ. Мнѣ показалось, что въ тонѣ его чувствуется какая-то неловкость. Какъ будто подошедшій сейчасъ человѣкъ, обратившій на насъ такъ мало вниманія,—имѣетъ право за что-то сердиться, или, по крайней мѣрѣ, можетъ чувствовать за собой такое право, хотя его основанія присутствующимъ неизвѣстны.

— Здравствуйте и вы,—отвѣтилъ дѣдъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Можно напиться?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Вода,—вотъ.

Мы напились холодной воды, и наступило опять неловкое молчаніе, которое почувствовала повидимому даже Биби. Она стала собирать принесенную ранѣе посуду и какъ будто собиралась уходить. Но что-то ее всетаки удерживало. Она стояла въ темномъ мѣстѣ сарая, но нѣсколько яркихъ лучей свѣта, прорываясь въ щели, испещрили свѣтлыми пятнами ея фигуру, а одна полоса скользнула вкось по ея лицу. Мнѣ было видно въ этомъ лицѣ выраженіе почти дѣтскаго любопытства, яркаго и непосредственнаго. Ей было лѣтъ семнадцать. Движенія ея были эластичны и упруги, въ каждомъ движеніи чувствовалась сдержанная юная сила, которая можетъ вдругъ неожиданно развернуться, какъ крѣпкая пружина... Она искоса кидала на дѣда и на насъ пытливые взгляды, и мнѣ казалось, что я понимаю ихъ выраженіе: она органически не могла понять этого тусклаго старческаго равнодушія, и то обстоятельство, что дѣдъ „одинъ часъ ходитъ“ за неполнымъ ведромъ воды,—интересовало ее, какъ явленіе природы, которое она, быть можетъ, видѣла много разъ, но теперь хотѣла знать, что думаемъ объ этомъ мы...

И она слѣдила за каждымъ шагомъ старика глазами любопытнаго молодого звѣрька, готоваго юркнуть въ свою норку...

Дѣдъ по прежнему не обращалъ вниманія ни на нее, ни на насъ. Онъ сѣлъ противъ входа, на обрубкѣ, въ пространствѣ, освѣщенномъ солнцемъ, и, разставивъ ноги, повѣсилъ голову. Казалось, онъ будетъ сидѣть такъ до ночи... Биби опять отмѣтила это быстрымъ взглядомъ въ направленіи моего спутника.

— Что, дѣдъ, не можется тебѣ?—спросилъ тотъ.

— Э!

Дѣдъ махнулъ рукой, какъ будто признавая, что предметъ, о которомъ заговорили, совершенно не стоитъ вниманія.

— Что тамъ!.. Не можется... Э!.. Ничего... Старость пришла, вотъ и не можется...

— А вамъ, должно быть, много лѣтъ?—спросилъ я, тоже чувствуя какую-то непонятную неловкость и въ то же время стараясь поддержать разговоръ, готовый утихнуть.

Опять тотъ же отмахивающійся жестъ и то же пренебрежительное восклицаніе...

— Э! Много лѣтъ!.. Конечно, много лѣтъ. Стараго графа хорошо помню... Конечно, лѣтъ много...

— Вы не здѣшній?

— Э-э! Не здѣшній? Конечно, не здѣшній. Черниговскій.

— Значитъ съ Украйны.

— Не помню я ничего... Тутъ выросъ.

— А сюда зачѣмъ попали?

— Э! Зачѣмъ?...

Онъ какъ будто усмѣхнулся. Одеревенѣвшія черты тронулись странной гримасой, точно отъ горечи.

— Зачѣмъ попалъ... Э! Когда взяли маленькаго отъ отца-матери и отправили у Крымъ... То и попалъ.

Онъ опять замолчалъ, опустивъ круглую голову съ завитками сѣдыхъ кудрей... Но черезъ нѣкоторое время, точно какія-то колеса опять задвигались въ старомъ механизмѣ, началъ говорить все тѣмъ же тономъ горькаго полунасмѣшливаго пренебреженія.

— Набирали тогда... малыхъ дѣтокъ. Для климату... Потому что видите: лихорадка... Такая лихорадка была... крымськая... Дюже народъ валила... Карла Людвиговичъ былъ, управляющій... И говоритъ грахву: надо малыхъ брать... Малые попривыкаютъ, то и не будетъ валить...

— Такъ вы, значитъ, и попали сюда?

— А какъ же? Такъ и попалъ... Когда малаго взяли и

повезли... То и попалъ... Э!.. Возьмутъ и повезутъ, то и попадешь...

Подобіе улыбки прошло опять по застывшему лицу,—улыбки надъ моимъ непониманіемъ простого закона, что если повезутъ, то и попадешь, или надъ самымъ фактомъ, что его взяли отъ отца и матери „для климату“...

— Малый былъ хлопчикъ... отъ такой...

Онъ показалъ рукой аршина полтора надъ землей, и улыбка проступила на лицѣ дѣда яснѣе. Казалось, ему самому было странно вспомнить, что и онъ когда-то былъ маленькимъ хлопчикомъ „вотъ этакого роста“. Еще болѣе страннымъ показалось этой юной Биби, которая при этомъ удивительномъ сообщеніи вся какъ-то даже подалась впередъ...

— Люди говорили: все плакалъ я... Къ матери просился, у Черниговщину... Тамъ, у Черниговщинѣ, мѣсто ровное, хорошее... А тутъ куда ни глянь,—гора та море... Да, плакалъ все. Не съ привычки... Э!

Старая голова опять наклонилась, и лучи солнца заиграли на сѣдыхъ кудряхъ; серебряныя нити засвѣтились точно изъ-подъ сѣрой золы...

— А потомъ? — спросилъ я, видя, что старикъ совсѣмъ замолкъ.

Дѣдъ какъ будто удивился моему настойчивому любопытству, но все же отвѣтилъ:

— Э! Потомъ!.. Что-жъ потомъ... Извѣстно, — выросъ. До дѣла приставили.

— И сталъ дѣдъ лучшимъ садовникомъ у графа,—прибавилъ К., видимо желая подбодрить лѣниваго разсказчика лестью. Но дѣдъ все такъ же отмахнулся пренебрежительнымъ жестомъ и сказалъ вяло:

— Э!.. Конечно, научился... таки и хорошо научился. Правда. Нарядчикъ приставитъ на виноградникъ... скажетъ: такъ и такъ дѣлайте всѣ. А я сдѣлаю по своему... Придетъ Карла Людвиговичъ... Кто такъ сдѣлалъ? Это, говорятъ, Незамутывода Омелько такъ сдѣлалъ... самовольно... Хорошо, говоритъ, пускай же такъ и мы будемъ дѣлать по Омелькиному. Э!..

— Это васъ такъ звали: Незамутывода?..

— Э! Звали и Незамутывода... А потомъ стали звать Гайдамакою...

— Это почему?

— Э!

На этотъ разъ его восклицаніе было особенно выразительно. Дѣдъ какъ будто начиналъ сердиться на что-то, нестоющее

вниманія, но назойливо встающее въ памяти, подъ вліяніемъ нашихъ приставаній...

— Назовутъ, какъ захочутъ... Одинъ назоветъ, а люди за нимъ... Такъ и пойдетъ... То былъ Незамутывода сроду... Родъ нашъ такъ прозывался въ Черниговщинѣ. А потомъ Карла Людвиговичъ говоритъ: какой онъ Незамутывода, когда онъ разбойство дѣлаетъ... Его у Сибирь надо загнать. Э!.. Загоняй куда хочешь...

— А всетаки не загнали?...

— Э!.. Хочь бы и загнали... Все одно...

— Все одно... — повторилъ онъ, опуская голову, — и пробормоталъ совсѣмъ тихо, начиная дремать:

— Все одно... Чи такъ, чи сякъ... все одно...

— Дѣдъ не любитъ разсказывать объ этомъ, — тихо сказалъ мой спутникъ,—а кажется, была какая-то исторія, чуть ли не несчастный романъ... Сверстники его перемерли. Осталось только смутное воспоминаніе. Говорятъ,—если бы графъ не дорожилъ отличнымъ садовникомъ,—быть бы Емельяну въ Сибири... Ничего,—прибавилъ онъ на мой вопросительный взглядъ,—дѣдъ глуховатъ, не все слышитъ.

Но дѣдъ услышалъ слово Сибирь. Онъ опять поднялъ свои красивые сѣрые глаза и сказалъ съ признаками раздраженія въ голосѣ:

— Э! У Сибирь!.. А что такое у Сибирь? Не все одно?..

— Отъ такая была,—неожиданно прибавилъ онъ, кивнувъ въ сторону Биби, которая при этомъ какъ-то испуганно сжалась.—„Умру, говоритъ, зарѣжуся, а то со скели кинуся у море“... Э!.. Что тамъ! Не утопилася, пошла себѣ за другого... Отдали, то и пошла... Когда насильно отдадутъ,—всякая пойдетъ... И хорошо сдѣлала. Дѣтей вывела, унуки пошли... Одинъ у Оріандѣ въ садовникахъ, другой пошту зъ Алушты гоняетъ... А мнѣ въ то время Карла Людвиговичъ и говоритъ: что ты это, Емельянъ, здурился или какъ? Развѣ можно на васъ тутошнихъ невѣстъ напасти. Тутошнія дѣвки потому што очень дорогія... тутъ отъ татаръ такой обычай узялся, — калымъ за дѣвокъ платить... А мы для васъ, для молодыхъ, своихъ дѣвокъ повыпысуемъ съ Черниговщины. Этыя будутъ дешевше, потому что свои, крѣпачки. Только за провозъ... Отъ выпишемъ, говоритъ, и тебѣ дружыну, потерпи...

Дѣдъ поднялся со своего обрубка и сталъ у дверей. Спокойный закатъ освѣтилъ его бронзовое лицо и сѣрые кудри. Золотое огромное солнце, точно сверля туманную мглу, опускалось къ морю. Зыбь томно шевелилась по всему морскому

простору, точно основа гигантскаго станка со снующими золотыми нитями... Тончайшая золотистая пыль перекрыла ялтинскія горы и уступы далекаго Ай-Тодора.

Казалось, природа, довольная собственной красотой, свѣтилась мягкою лаской и примиряющимъ покоемъ. Но глаза Емельяна были равнодушны и тусклы, какъ будто онъ не видѣлъ чарующей прелести заката или видѣлъ за этой золотистою мглой что-то другое: давно угасшія жизни, важнаго графа, управляющаго Карла Людвиговича, его неисполненное обѣщаніе. Помолчавъ нѣсколько секундъ, онъ повернулъ ко мнѣ свои выцвѣтшіе глаза и сказалъ съ удивительнымъ выраженіемъ, переходя къ чистому малорусскому языку...

— Э!.. Такъ и дòси выпысуе. Царство небесне. Вже сорокъ литъ у могыли лежыть...

И опять пренебрежительно махнулъ рукой...

Я чувствую, что черными значками на бѣлой бумагѣ нѣтъ возможности передать всю выразительность и силу этого короткаго восклицанія и этого жеста, освѣщенныхъ ослѣпительно-прекраснымъ священнодѣйствіемъ природы. Этотъ человѣкъ какъ будто зналъ что-то объ этой обольстительной картинѣ... Что-то такое, что, собственно, не стоило ни горячаго негодованія, ни ненависти, ни злобы, о чемъ не стоитъ пожалуй и разговаривать... Да, все это блеститъ, ласкаетъ, обѣщаетъ и манитъ. А онъ всетаки знаетъ свое... И онъ знаетъ также, что все это *могло бы* быть именно тѣмъ, чѣмъ кажется. И для этого нужно только еще что-то, не очень многое и не трудное. Стоило во-время сказать какое-то слово, сдѣлать какое-то движеніе... Во-время выписать невѣсту... что ли... И стало бы свѣтло, и ярко, и радостно, и правдиво, и значительно. Все было бы спокойствіемъ и счастьемъ... Но это что-то не сказано, не сдѣлано, не написано въ свое время. И *никогда* это не дѣлается, не говорится, не пишется во-время. И графы, и Карлы Людвиговичи умираютъ раньше, невѣсты остаются не выписанными. И не можетъ быть, чтобы когда-нибудь выписывались во-время... хотя и возможно, и не трудно, и разумно...

Э!.. Онъ это знаетъ рѣшительно и безповоротно...

Э!.. Тутъ не о чемъ и толковать, и онъ удивляется, что намъ нужно отъ него въ этотъ обманчиво-красивый вечеръ и что намъ за охота разспрашивать и толковать о томъ, что было, что должно было быть по иному, но иначе быть всетаки не могло... Онъ отмахнулся и ушелъ въ свою темную, сыроватую конуру и легъ, заложивъ руки за голову, на низкій тапчанъ, прикрытый соломой и негодною рухлядью. Онъ

закрылъ глаза и лежалъ не то усталый, не то просто равнодушный къ намъ и къ закату, и къ рѣжущимъ полосамъ свѣта, все еще пробиравшимся въ щели сарая... Не чувствовалось, чтобы онъ горевалъ или сердился, но онъ явно не видѣлъ основаній для продолженія разговора. Все уже было сказано этимъ пренебрежительнымъ восклицаніемъ и жестомъ, все — объ этомъ вечерѣ, и объ остальныхъ вечерахъ, и обо всей природѣ, и о насъ, быть можетъ еще ожидающихъ своихъ невѣстъ, и о Биби, которая напоминаетъ такую же дѣвушку, жившую полстолѣтія назадъ, и обо всѣхъ, кто интересуется всѣмъ этимъ, что должно быть иначе, но иначе не будетъ... Не будетъ, не смотря на то, что лишь какая-то тоненькая перегородка отдѣляетъ этотъ міръ, заслуживающій только пренебреженія, отъ другого, яркаго, и сверкающаго, и дѣйствительно прекраснаго, и исполняющаго свои обѣщанія. Но никогда и никто не пробьетъ эту ничтожную перегородку. И толковать нечего, и незачѣмъ его дальше разспрашивать, потому что онъ все сказалъ, и больше ему сказать нечего... И если мы будемъ всетаки еще чѣмъ-то интересоваться и продолжать свои допросы, то онъ все равно не отвѣтитъ и, можетъ быть, вдобавокъ, если ему будетъ не лѣнь, — насъ обругаетъ...

Хотя, конечно, и этого не стоитъ...

Э!.. Въ сараѣ уже не видно свѣтлыхъ полосъ... Сыровато и прохладно. Скоро ночь. . . . . .

Такъ мы оба поняли и короткое восклицаніе, и пренебрежительный жестъ стараго дѣда и переглянулись съ недоумѣвающимъ и отчасти растеряннымъ видомъ. Повидимому, такъ же поняла его и семнадцатилѣтняя татарка съ глазами, которые еще такъ недавно безсознательно свѣтились солнцемъ и красотой этой природы. Теперь она ихъ потупила и стала быстро завязывать платкомъ посуду. Сдѣлавъ это, она надвинула на лицо чадру и тихо, какъ кошка, прошмыгнула въ дверь. Стройная фигурка, вся полная жизни и ея обѣщаній, замелькала межъ рядами виноградныхъ лозъ, скрылась въ калиткѣ, зарисовалась на короткое время на высокой горной тропинкѣ и исчезла за поворотомъ.

Мы тоже пошли изъ виноградника, не тревожа дѣда прощаніемъ. Мой молодой спутникъ чувствовалъ себя, повидимому, какъ-то раздраженно и неспокойно. Поднявъ съ дорожки кусокъ шифернаго сланца, онъ швырнулъ его такъ сильно, что камень черною точкой долго летѣлъ надъ уходящими внизъ уступами.

— Чортъ знаетъ.. — сказалъ онъ раздраженно, когда ка-

мень, еще не успѣвъ упасть, исчезъ въ золотистыхъ сумеркахъ.—Чортъ знаетъ, что за глупая исторія... „Выпысуе и доси“... Шопенгауэръ какой-то...

— Однако,—прибавилъ онъ, быстро пройдя нѣкоторое разстояніе и опять сердито останавливаясь. — Вѣдь пришла же потомъ воля... Могъ бы, кажется, устроить жизнь по своему.

— А сколько ему лѣтъ?—спросилъ я.

— Много что-то. Говорятъ, около девяноста.

— А воля въ шестьдесятъ первомъ. Когда она пришла... жизни пожалуй уже не было...

Поздно вечеромъ послѣ ужина я вышелъ къ морю.

Спать не хотѣлось. Какія-то смутныя, но неотвязныя мысли лѣзли въ голову, незаконченныя, неразрѣшимыя, скучныя. Мѣсяца не было. Закатъ давно угасъ, звѣзды поглотила слѣпая, широкая мгла. Море стало невидимо и плескалось о берегъ непривѣтливо и сердито. Чудились въ этомъ плескѣ какія-то невнятныя рѣчи, мелькали фантастическіе паруса, уплывающіе въ безвѣстную даль съ искателями новой родины, слышался ропотъ, напоминанія, требованія, жалобы, домогательства, гнѣвъ и печаль... И потомъ все на время смолкало и только короткій, отрывистый, апатичный доносился усталый вздохъ прибоя, странно напоминавшій мнѣ пренебрежительное восклицаніе Емельяна.

Это становилось невыносимо, и я пошелъ отъ моря. Горы высились передо мной сплошною безформенною массой, въ которой глазъ не различалъ уже ни уступовъ, ни виноградниковъ, ни деревьевъ. Въ одномъ только мѣстѣ на неопредѣленной высотѣ горѣлъ огонекъ, какъ будто повисшій надъ темною пропастью. Порой онъ угасалъ и опять разгорался. Я угадывалъ, что это въ шалашѣ у старика Емельяна...

Меня потянуло туда. Болтливый голосъ прибоя все еще лѣзъ въ уши, приставая со своими невнятными и безсмысленными, хотя всетаки живыми рѣчами, а тамъ у этого огня я какъ будто оставилъ что-то неразрѣшенное и недосказанное, что нужно и легко было додумать и досказать. И тогда назойливая тоска этого вечера разрѣшится для насъ обоихъ: для меня и для Емельяна...

Хриплая собака опять затянула свой жалобный прерывистый вой. Емельянъ не спалъ. Онъ медленно поднялся съ лежанки, взялъ ружье и, неторопливо подойдя къ выходу, вглядѣлся въ темноту.

— Кто тутъ? Какой человѣкъ ходитъ? — спросилъ онъ своимъ ровнымъ старчески-безстрастнымъ голосомъ...

То, что мнѣ нужно было сказать и что казалось такъ легко

было найти, — не приходило. Чтобы выиграть время, я сказалъ, что запоздалъ въ горахъ и пошелъ на его огонекъ.

Емельянъ не удивился. Онъ повѣсилъ ружье на гвоздь, вбитый въ столбъ у лежанки, сѣлъ и подбросилъ нѣсколько вѣтокъ съ сухими листьями.

— Такъ вы тутъ и живете?—спросилъ я, оглядываясь на задымленныя стѣны, освѣтившіяся недолгимъ свѣтомъ.

— Э! Такъ и живу, — отвѣтилъ Емельянъ благодушно. — Какъ-же-жъ иначе? Всякій человѣкъ живетъ, какъ ему Богъ дастъ... Спасибо хочъ татарину Алію: живи, каже, у меня, съ собакою. Собака старая и дидъ старый, а всетаки выходитъ калавуръ. Добрый, дармà что татаринъ... Ну, и то еще сказать: лестно ему... Первый графскій садовникъ у него за виноградникомъ доглядуетъ...

Въ голосѣ старика пробилась замѣтная нотка юмора, но тотчасъ онъ прибавилъ съ обычнымъ выраженіемъ:

— Э!..

То, что я хотѣлъ сказать, не приходило, но я всетаки началъ говорить, чувствуя сразу, что ни слова, ни тонъ моего голоса неспособны пробить ту тонкую пленку, за которой скрывалось наше взаимное человѣческое пониманіе...

— Слушайте, Емельянъ, — сказалъ я. — Вотъ я человѣкъ пріѣзжій. Черезъ недѣлю уѣду, и больше мы не увидимся...

— Ну?—сказалъ Емельянъ безстрастно, и тонъ этого вопроса подчеркнулъ для меня неудачность и ненужность того, что я собирался сказать.

— Ну, однимъ словомъ... все равно, — продолжалъ я съ досадой на себя: — я хотѣлъ спросить у васъ: можетъ вамъ что-нибудь нужно или чего-нибудь хочется...

— Э!..

— И если бы я могъ что-нибудь сдѣлать для васъ, то былъ бы радъ сдѣлать...

— Э!

Онъ равнодушно легъ на лавку и заложилъ руки за голову.

— Чего мнѣ хочется?—заговорилъ онъ безстрастно.—Ничего не хочется. Живу, слава Богу, хочъ у татарина... Чего хочется? Заснулъ бы, такъ и сна что-то нема. Э!..

Сухіе листья и тонкія вѣтки догорѣли. Тлѣли только кривые корни виноградныхъ чубуковъ, плохо освѣщая темноту шалаша... И въ этой тьмѣ меня охватило странное, безпокойное ощущеніе. Я не могъ вспомнить лица Емельяна, и мнѣ показалось, что вмѣсто него лежитъ на лежанкѣ кто-то другой, мало знакомый, но памятный. Да, вѣрно: это мнѣ вспомнился вдругъ татаринъ-чабанъ у пещеры „тысячи го-

ловъ“... Тотъ же характерный жестъ и то же восклицаніе, и тотъ же тонъ: безполезной и безпомощной, давно погребенной жалобы и покорнаго пренебреженія... И мнѣ казалось, что надо мной сомкнулись темные своды подземной пещеры, и вспышка огня должна освѣтить фосфорическую груду бѣлыхъ костей...

Ощущеніе было такъ сильно, что я даже удивился, когда опять раздался ровный голосъ Емельяна, какъ будто вспоминавшаго что-то совершенно стороннее:

— Холодно... Оттого вѣрно и сна нема. Кожухъ развалился, а новаго Алій не справитъ. Бо таки не за что! Ночи холодныя другой разъ... То оно и того... Оно бы можетъ другой разъ и заснулъ, а не заснешь... Вотъ и палю старые чубуки... Алій ничего не говоритъ, а оно таки того... оно таки татарину убытокъ...

Онъ замолчалъ, можетъ быть даже задремалъ... Я больше не спрашивалъ. Это всетаки было похоже на желаніе, и съ этимъ открытіемъ я осторожно вышелъ изъ сарая. Было тихо, даже собака не сочла нужнымъ тявкнуть при моемъ проходѣ.

Черезъ недѣлю я уѣхалъ изъ Карабаха. Когда пароходъ вечеромъ огибалъ гору Біюкъ-Ламбата, я взглянулъ кверху, отыскивая мѣсто Аліева шалаша. Огня тамъ не было.

Емельяну, кажется, къ тому времени уже справили кожухъ, и чубуки татарина Алія оставались въ сохранности.

II.

Рыбалка Нечипоръ.

Передъ заходомъ солнца нашъ пароходъ прошелъ черезъ проливъ и издали огибалъ керченскія горы.

Керчь расположена у подножія высокаго мыса, надъ которымъ господствуетъ полукруглая большая гора. На самой ея верхушкѣ виднѣется еще холмъ, рисующійся въ небѣ своеобразнымъ, какъ будто искусственнымъ силуэтомъ. Самое положеніе этого кургана порождаетъ невольную идею о комъ-то, стоящемъ на его вершинѣ и обозрѣвающемъ съ наиболѣе возвышеннаго пункта плоскій просторъ Азовскаго моря, Кубанскія степи, проливъ, перешеекъ и за нимъ — безконечную даль Черноморья.

— Видите вы этотъ курганъ? — сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ по пароходу. — Существуетъ преданіе, будто на немъ стоялъ когда-то золотой тронъ Митридата, царя понтійскаго, который обозрѣвалъ отсюда свои владѣнія...

— Нѣтъ, не тронъ, — вмѣшался другой. — Тутъ стояла золотая статуя самого Митридата...

— Вѣрно, — подтвердилъ еще кто-то изъ пассажировъ попроще. — Теперь эту самую статую ищутъ въ горѣ. Всю гору изрыли эти... какъ ихъ: археологи, что ли.

Такъ простодушная молва объясняла въ то время, а можетъ объясняетъ еще и теперь знаменитыя керченскія раскопки.

Солнце сильно склонилось уже къ Митридатовой горѣ, когда пароходъ, обогнувъ молъ, подошелъ къ пристани. Синія тѣни сползали съ горы, укутывая бывшую столицу понтійскаго царства, и въ этомъ освѣщеніи еще усиливалось странное, не вполнѣ современное впечатлѣніе отъ этого скифско-греко-татарско-русскаго города.

Мнѣ предстояло здѣсь ночевать, и, наскоро нанявъ плохонькій номеръ въ какомъ-то двухъэтажномъ домѣ изъ сѣраго камня съ плоскою крышей, я поспѣшилъ окунуться въ эту своеобразную атмосферу, насыщенную запахомъ моря, известковою пылью и смутными историческими воспоминаніями.

Улицы мѣстами круто всползали на бока Митридатовой горы, такъ что порой подошва одного дома стояла въ уровень съ крышей другого. Въ перспективѣ одной изъ такихъ улицъ, прямо передо мной виднѣлась широкая лѣстница, раздваивающимися плавными уступами подымавшаяся на гору. Это было нѣчто въ стилѣ афинскихъ пропилеевъ, и я поспѣшилъ къ бронзовой доскѣ съ надписью, водруженной въ стѣнѣ, ожидая встрѣтить указаніе на какую-нибудь реставрированную понтійскую древность. Но меня ждало разочарованіе. На доскѣ было написано, что сія лѣстница сооружена въ 187... году, „иждивеніемъ купеческаго брата такого-то“. Во всякомъ случаѣ, лѣстница была очень удобна, а за ней, въ полугорѣ меня манило какое-то зданіе въ строго античномъ греческомъ стилѣ, съ портикомъ и колоннадой. На темной крышѣ еще горѣлъ въ одномъ углу послѣдній лучъ уходящаго за гору солнца. Прохладная синяя тѣнь скрывала издали жалкую облупленность потрескавшихся старыхъ стѣнъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что и сіе сооруженіе тоже новѣйшаго происхожденія, воздвигнутое въ память севастопольской кампаніи иждивеніемъ россійской казны, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его сравнительно быстрое разрушеніе. Но въ часъ наступавшихъ южныхъ сумерекъ и особенно въ томъ моемъ настроеніи, эта новѣйшая древность имѣла, казалось, видъ почтенной мечтательной старины, и я съ жадностью празднаго туриста поднялся по ея покосившимся каменнымъ ступенямъ...

Видъ отсюда еще расширился. Смягченный разстояніемъ, гулъ пристанской жизни долеталъ снизу какъ будто приглушенный, мечтательный, смутный. Нижнія улицы задернулись тѣнью и пылью, современный городъ какъ будто уходилъ куда-то, уступая мѣсто сумеречнымъ фантазіямъ. Мое „историческое“ настроеніе охватывало меня все полнѣе, вызывая смутныя тѣни прошлаго. Не отдавая себѣ полнаго отчета въ своихъ намѣреніяхъ, я задумчиво отвернулся отъ города и пошелъ вдоль восточной стѣны храма, прислушиваясь къ гулкимъ отголоскамъ собственныхъ шаговъ по камню...

Но черезъ минуту мнѣ пришлось остановиться. Обогнувъ еще одинъ уголъ, я очутился позади храма, въ пространствѣ, довольно тѣсно ограниченномъ уступами горы, и здѣсь иллюзія одиночества была разрушена самымъ неожиданнымъ образомъ, — сѣверный портикъ оказался населеннымъ.

Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза фигура старика, сидѣвшаго подъ одной изъ колоннъ въ пространствѣ, нѣсколько лучше освѣщенномъ, и занятаго дѣломъ: снявъ рубаху, онъ что-то искалъ въ ней съ сосредоточеннымъ видомъ... Нѣсколько далѣе, подъ стѣной группа грязно одѣтыхъ людей расположилась очевидно на ночлегъ. Двое или трое уже спали, какъ будто торопясь выспаться до наступленія ночи, другіе лежали на каменномъ полу... Еще дальше нѣсколько человѣкъ играли въ карты. Тутъ были люди въ фескахъ, и люди въ широкополыхъ шляпахъ и въ какихъ-то грязныхъ повязкахъ, напоминавшихъ чалмы...

Мое появленіе, повидимому, удивило ихъ такъ же, какъ удивился я, такъ неожиданно выведенный изъ своего иллюзорнаго одиночества. Старикъ безъ рубахи прекратилъ свое занятіе и уставился въ меня наивными круглыми глазами... Въ группѣ вставшихъ двое или трое приподнялись на локти. Одинъ изъ играющихъ занесъ руку съ картой, которая должна была энергично прихлопнуть карту партнера — и остановился, слегка разинувъ ротъ отъ удивленія. Другой вскочилъ на ноги и смотрѣлъ то на меня, то на уголъ, изъ-за котораго я появился, какъ будто не вѣря, что я забрелъ сюда одинъ, и ожидая появленія болѣе многочисленной компаніи...

Я тотчасъ, разумѣется, сообразилъ всѣ выгоды этого предположенія для меня, одинокаго фланера, такъ безпечно забредшаго сюда съ биноклемъ въ рукахъ и дорожной сумкой черезъ плечо, въ которой вдобавокъ были деньги. Поэтому, не прибавляя шагу, съ видомъ заинтересованнаго, отчасти даже дѣлового человѣка поглядывая на колонны, потолокъ и стѣны, — я прошелъ вдоль колоннады, свернулъ за уголъ и опять вы-

шелъ на сѣверный порталъ. Спустившись съ нѣсколько жуткимъ ощущеніемъ по гулкимъ каменнымъ ступенямъ и отойдя на нѣкоторое разстояніе, я оглянулся назадъ... Старый храмъ стоялъ въ прежнемъ почтенномъ безмолвіи, ничѣмъ не обнаруживая присутствія своихъ обитателей или ихъ дальнѣйшихъ намѣреній по отношенію къ моей особѣ. Только впереди, надъ первой площадкой лѣстницы, сооруженной иждивеніемъ купеческаго брата, — стояла одинокая фигура. Какой-то человѣкъ, повидимому только что поднявшійся снизу, стоялъ въ недоумѣлой позѣ и оглядывался, какъ будто разыскивая кого-то среди этихъ пустырей и обрывовъ...

Видъ у незнакомца былъ нѣсколько какъ бы потускнѣвшій, но совершенно приличный и далеко не напоминавшій живописныхъ лохмотьевъ только что покинутой мною почтенной компаніи. На немъ былъ стеганный на груди кафтанъ, изрядно выцвѣтшій на плечахъ, но совершенно цѣлый. На ногахъ виднѣлись грубые сапоги, какіе бываютъ у рыбаковъ, слегка потрескавшіеся отъ морской воды или известковой пыли, широкіе штаны въ голенища и порыжѣлый суконный картузъ. Судя по всему, и эта одежда, и ея хозяинъ видѣли когда-то, быть можетъ еще недавно, лучшіе дни... Когда я, сойдя съ лѣстницы храма, подходилъ къ нему по мягкой пыльной тропинкѣ, — онъ стоялъ ко мнѣ спиной и все продолжалъ разыскивать кого-то глазами. Заслышавъ мои шаги совсѣмъ близко, онъ вздрогнулъ и повернулся.

Лицо у него было еще не старое, загорѣлое и обвѣтренное Бѣлокурые небольшіе усы выдѣлялись на этомъ загарѣ, точно присыпанные свѣтлою пылью. Въ сѣрыхъ глазахъ на мгновеніе мелькнуло что-то вродѣ безпокойнаго испуга и тотчасъ же исчезло.

— А, — это вы, — сказалъ онъ, съ какимъ-то лѣнивымъ любопытствомъ оглядывая мою фигуру. — А я ужъ думаю себѣ: куда дѣвался?..

— Да вы развѣ меня видѣли раньше? — спросилъ я, удивленный догадкой, что повидимому незнакомецъ именно меня искалъ глазами.

— Видѣлъ, — отвѣтилъ онъ, кивая головой по направленію лѣстницы. — Идетъ человѣкъ у гору. Думаю: навѣрно до Мытрыдата... До его? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ... Такъ, просто пошелъ на гору. Я пріѣзжій...

— А сейчасъ гдѣ были?

— Вонъ тамъ... Церковь это, что ли?..

— Кто его знаетъ... Церква вѣрно была. Теперь такъ стоитъ... пустка... А вы что же... и кругомъ ходили?

— Ходилъ и кругомъ...

Онъ быстро взглянулъ на меня, но тотчасъ опять отвелъ глаза... — Что же тамъ... никого не было?

— Нѣтъ, были какіе-то люди... Что за народъ?..

— Такъ... народъ усякій... Которые по прыстанямъ... Ну, больше тутъ шукаютъ усё... на горѣ...

— Чего?..

— Э!

Онъ махнулъ рукой и отвѣтилъ, немного помолчавъ и какъ-то неохотно:

— Вчерашняго дня шукаютъ... извѣстно... До Мытрыдата пойдете?.. Или назадъ, у городъ?..

Я вышелъ изъ гостинницы безъ опредѣленнаго плана, но теперь перспектива подняться на вершину и взглянуть на широкія понтійскія дали съ того самаго кургана, съ котораго, быть можетъ, обозрѣвалъ ихъ давно умершій владыка давно исчезнувшаго царства — показалась мнѣ довольно заманчивой. Правда, становилось поздно. Тѣнь отъ горы, укутавшая городъ, ползла все дальше по морю. Но вдали, за ея предѣлами море еще сверкало, и на его синевѣ свѣтились три-четыре паруса. До вершины казалось не далеко. Къ тому же судьба, повидимому, посылала мнѣ спутника.

Я опять взглянулъ на незнакомца. Онъ показался мнѣ человѣкомъ довольно пріятнымъ. Я люблю вообще задумчивыя лица, а на грубоватомъ лицѣ этого человѣка лежалъ отпечатокъ какой-то глубоко засѣвшей, затаенной заботы, мысли, быть можетъ даже мечты. Сѣрые глаза глядѣли тускловато, точно изъ-подъ завѣсы... Или будто вглядывались во что-то дальше того предмета, на который были направлены... Къ тому же по манерѣ, съ какой онъ оглядывалъ гору и спрашивалъ меня,—мнѣ показалось, что онъ какъ будто имѣетъ къ этимъ мѣстамъ какое-то дѣловое отношеніе. Быть можетъ сторожъ?.. Или надсмотрщикъ надъ раскапываемыми могильниками,—подумалъ я и сказалъ:

— Пожалуй, я бы пошелъ. А развѣ вамъ туда же?

— Не то, что туда... А такъ... — отвѣтилъ онъ съ своимъ печально-лѣнивымъ спокойствіемъ...—Отчего не пойтить. Пойтить можно...

— Не поздно?—усумнился я еще, оглядываясь на море, все дальше захватываемое тѣнью. Нѣкоторые изъ стайки парусовъ, еще недавно сверкавшіе надъ волнами, теперь погасли, слившись съ холодными тонами воды, и только одинъ еще убѣгалъ отъ тѣни на сѣверъ, въ дальней полоскѣ земли... Съ юга, изъ пролива выбѣгалъ пароходъ.

— Рыбаки это, на Тузлу, — сказалъ незнакомецъ, слѣдившій взглядомъ за парусомъ, и потомъ, какъ бы вспомнивъ о моемъ вопросѣ, онъ сказалъ:

— Не... чего поздно?.. Не поздно. А то, какъ себѣ хочете...

Мой пароходъ долженъ былъ уйти завтра на разсвѣтѣ, и я приказалъ уже въ гостиницѣ разбудить меня въ 4 часа. Значитъ, утромъ я не успѣю побывать на Митридатовомъ курганѣ... Поэтому я рѣшительно двинулся по тропѣ кверху... Незнакомецъ еще постоялъ, глядя на море, и затѣмъ послѣдовалъ за мною своей неторопливой, развалистой и нерѣшительной походкой...

Тропинка вилась на гору, то пролегая по большимъ горизонтальнымъ площадкамъ, то круто взбираясь на уступы или спускаясь въ широкія углубленія. Въ одномъ мѣстѣ намъ пришлось пройти черезъ раскрытый и раскопанный могильникъ. Повидимому онъ былъ расхищенъ уже давно: размытыя дождями стѣны обвалились, по кое-гдѣ были свѣжія выемки... Мѣстами виднѣлись темныя круглыя отверстія, точно стрижиныя гнѣзда, очевидно продѣланныя щупами. Все указывало на продолжающіеся дѣятельные поиски въ нѣдрахъ исторической горы.

Выйдя изъ этого могильника, я остановился. Здѣсь опять было видно море, далеко сливавшееся съ небомъ, на которомъ тихо клубились мглистыя облака... Направо, точно на планѣ, виднѣлся анапскій перешеекъ, а сѣвернѣе тянулась еще полоска земли, неподвижная на зыблющемся морскомъ просторѣ... Пароходъ, недавно выбѣжавшій изъ перешейка, торопливо поворачивалъ, оставляя за собой широкій кругъ и разстилая длинный хвостъ дыма...

Моего спутника рядомъ со мной не было, но, взглянувъ внизъ, я увидѣлъ его подъ своими ногами въ могильникѣ. Онъ стоялъ у одного изъ круглыхъ отверстій, продѣланныхъ щупомъ въ стѣнѣ, и, засунувъ руку, шарилъ тамъ медлительно и лѣниво, какъ человѣкъ, который не знаетъ, умно или глупо то, что онъ дѣлаетъ, слѣдуетъ ли ему продолжать или бросить. Обшаривъ одно отверстіе, онъ подошелъ къ другому, къ третьему, потомъ пропустилъ два или три, потомъ опять вернулся къ нимъ, постоялъ, подумалъ и опять засунулъ руку...

Замѣтивъ, что я стою надъ нимъ на краю обрыва, онъ оборвалъ свое занятіе, какъ будто стыдясь его, и сталъ неторопливо подниматься ко мнѣ.

— Что вы тамъ дѣлали?—спросилъ я, заинтересованный его таинственными манипуляціями.

— Э! Такъ... ничего,—отвѣтилъ онъ неохотно,—глупости усё...—И затѣмъ, видимо съ цѣлью перемѣнить разговоръ,—кивнулъ головой въ направленіи къ морю.—Это вонъ самая Тузла синѣетъ... Народу тамъ много... рыбалки усё копошатся, рыбу ловлять. Лѣто и зиму, однымъ словомъ круглый годъ.

— Хорошо зарабатываютъ?

— Кто? Рыбалки?.. Чорта лысого... Греки хорошо зарабатываютъ, конечно, и изъ нашихъ которые хозяева. Имѣетъ, напримѣрно, свою снасть, то и зарабатываетъ... А рыбалки... Э!..

Однако безучастно пренебрежительное выраженіе на мгновеніе сбѣжало съ его лица...

— Бываетъ другому счастье, если котораго человѣка рыба полюбитъ. Ну тогда уже одинъ такой попадется,—уся артель разбогатѣетъ... Что ни закинь,—идеть и идеть... А другой, который безсчастный, на томъ же мѣстѣ закинетъ—нѣтъ ему ничего...

Онъ говорилъ на томъ своеобразномъ нарѣчіи, въ которомъ русскій говоръ смѣшивается съ малорусскимъ въ своеобразную новороссійскую смѣсь... Русскія окончанія онъ часто смягчалъ на украинскій ладъ, и казалось тонъ его рѣчи становился отъ этого еще мягче и печальнѣе...

— Вы родомъ не изъ Украйны?..—спросилъ я.

— Изъ Полтавщины... можетъ знаете?..

— Знаю. Хорошая сторона.

— Хорошая,—повторилъ онъ.—Лучше этой стороны нѣтъ на свѣтѣ... Во снѣ приснится, — день не свой ходишь... На свѣтъ здѣшній не глядѣлъ бы: гора да море, только и всего.

— Что же? Собираетесь домой?

Онъ опять посмотрѣлъ на меня тѣмъ же тусклымъ взглядомъ и сказалъ грубовато:

— На какого чорта я пойду?.. Ни земли, ничего... Пашпорта не бралъ годовъ можетъ десять... Вернешься,—за всѣ десять годовъ недоимку подавай...

— За что же? Если вы землей не пользовались!..

— Ну, не пользовался... То всетаки она моя?.. Или какъ?.. Если землю не отдадуть,—чего я тамъ не видѣлъ?.. А землю дадуть,—чѣмъ за ее взяться. Э!..

Онъ опять посмотрѣлъ куда-то дальше Тузлы и дальше туманнаго горизонта,—и потомъ сказалъ:

— Хлопцемъ я былъ, подросткомъ... Батько взялъ съ собою у Крымъ,—счастья шукать... Нашелъ счастье: подъ Тузлою, у сынимъ мори... Я остался годовъ восемнадцати. Было-бъ мнѣ домой идти, такъ не захотѣлъ: думалъ,—батько не на-

шелъ долю, а я таки найду, со дна моря достану проклятую... Вернусь до дому съ деньгами, хату новую построю, воловъ куплю, тогда буду жениться... Э!..

— Ну, пойдемъ до Мытрыдата, а то поздно дѣлается, — оборвалъ онъ вдругъ какимъ-то новымъ, рѣзкимъ тономъ.

До вершины оказалось дальше, чѣмъ я думалъ. Мы опять поднимались на крутизну, опять переходили черезъ разрытые могильники, и опять мой спутникъ порой отставалъ и совалъ руки въ круглыя отверстія... Наконецъ мы взошли на гору и стояли у кургана, который мнѣ показывали снизу. Только здѣсь, вблизи, трудно было охватить взглядомъ его очертанія: онъ былъ разрѣзанъ и разметанъ. Кругомъ сохранились неровные слѣды глубокой канавы, и въ центрѣ — круглое возвышеніе, служившее, быть можетъ, основаніемъ башни...

Если легенда о Митридатѣ не пустая сказка, то нужно признать, что древній царь обладалъ вкусомъ. Видъ былъ широкій, необозримый и прекрасный. Внизу сквозь фіолетовую мглу прорѣзались кое-гдѣ огоньки города... Они мерцали также на мачтахъ судовъ, стоявшихъ въ бухтѣ. Жизнь пристаней уже почти затихла. Порой еще громыхнетъ гдѣ-то якорная цѣпь и изнеможенно прошипитъ въ вечерней мглѣ и пыли тяжелый домкратъ, заканчивающій дневную работу. Пароходъ, описывая большой кругъ и оставляя фосфорическій слѣдъ, огибалъ молъ, направляясь къ пристани... Свистокъ его, смягченный разстояніемъ, звучалъ, какъ рожокъ или флейта... А дальше за гладью моря скорѣе угадывался, чѣмъ виднѣлся просторъ засыпающихъ черноморскихъ степей...

Солнце уже совсѣмъ сѣло, но на вершинѣ горы было свѣтлѣе. Подъ нами, нѣсколько въ сторону виднѣлась крыша стараго храма, и мнѣ показалось, что подъ портикомъ я вижу нѣсколько снующихъ маленькихъ людскихъ тѣней. Быть можетъ имъ тоже была видна моя фигура на вечернемъ небѣ, и они слѣдили за страннымъ туристомъ, разъ уже нарушившимъ ихъ вечерній покой.

Мой спутникъ опять отсталъ, и я увидѣлъ его во рву, окружавшемъ курганъ. Онъ шарилъ по прежнему рукой въ норѣ такъ ожесточенно, что, казалось, вывернетъ плечо. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялся изъ темноватой ямы на свѣтъ и подошелъ ко мнѣ. Въ рукахъ у него былъ какой-то продолговатый, темный предметъ. Онъ скоблилъ его короткимъ ножомъ, и на его лицѣ виднѣлось выраженіе странной заинтересованности и любопытства.

— Это никуда негодный шлакъ,—сказалъ я, приглядѣвшись къ его находкѣ. —Смѣло можете бросить. Да что вы это тутъ ищете?

— Э!—отвѣтилъ онъ, продолжая всматриваться въ темный предметъ. Потомъ, подумавъ и пытливо взглянувъ на меня,—бросилъ его внизъ, но глаза его слѣдили за паденіемъ шлака съ выраженіемъ нерѣшительности и сомнѣнія.

— Глупости, вѣрно... А только такъ люди болтаютъ, что будто тутъ, у горѣ гдѣ-то...

Онъ понизилъ голосъ, оглянулся и закончилъ:

— Будто золотой Мытрыдатъ лежыть закопаный. Правда?

— Пустяки!—отвѣтилъ я, невольно улыбаясь.

— Пустяки?—переспросилъ онъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.—Э!.. Да я-жъ и самъ думаю такъ, что глупости. Ну, когда же опять ученые люди копаютъ. Зачѣмъ? Неужели же дурно? Сколько можетъ тысячъ извели, усю какъ есть гору ископали.

— Ну, вотъ и судите сами: все же не нашли никакого Митридата.

— Ну, не нашли. Правда.

— А то, что имъ нужно—находятъ.

Онъ поднялъ на меня тяжеловатый взглядъ и сказалъ опять съ признаками раздраженія:

— Такъ... Вотъ вы говорите; что имъ нужно... Это значитъ плошечки да мисочки и тому подобное?.. Никогда не повѣрю! Глаза отводятъ... Ну, только опять и Мытрыдата имъ не найтить. Ни-икогда! Не дастся онъ имъ у руки...

— То-есть, постойте, кто же это не дастся?

— *Онъ!* Говорю же я вамъ, Мытрыдатъ самый. Значитъ, сколько сотъ лѣтъ у горѣ этой лежитъ... все своего человѣка дожидается. Ученые, можетъ, коло него сколько разовъ проходили... можетъ и руками трогали: земля и земля, или вотъ такой камень... А придетъ такой себѣ простой человѣкъ, что никакой и науки не учился. И можетъ его узять голыми руками.

— Постойте,—остановилъ я:—вѣдь вы же говорите,—онъ, Митридатъ этотъ, золотой. Значитъ все равно, что чурбанъ, бревно, камень... Какъ же онъ можетъ хотѣть, не хотѣть, даваться, не даваться?

— Золотой, вѣрно... Ну, однако, всетаки: когда-то царь былъ...

Мнѣ показалось, что лицо его поблѣднѣло, а сѣрые глаза, пытливо всматривавшіеся въ меня, стали темнѣе и глубже. Видя, что я опять улыбнулся, онъ махнулъ рукой и сказалъ, переходя къ своему обычному тону задумчивой апатіи и сомнѣнія:

— Э!.. Вы вотъ, конечно, смѣетесь. Не вѣрите. Отецъ мой,

царство небесное, тоже не вѣрилъ. Никакъ. Бывало на Тузлѣ, на островѣ съ рыбалками у огня лежимъ, на гору эту смотримъ... А какъ солнце сядетъ, то гору эту черезъ море дуже хорошо видать. Небо свѣтлое, а гора темная... Вотъ бывало рыбалка какой-нибудь и скажетъ: „Э! работаемъ, работаемъ, море холодное вымочитъ, вѣтеръ холодный обсушитъ, а толку ничего нѣтъ. Только одну хворобу наживешь... Было бы другое счастье, пошелъ бы золотого Мытрыдата шукать... Навѣкъ можно отъ одного разу счастливымъ сдѣлаться". То, бывало, батько ругается: „Дурные вы, дурные, чему вѣрите!.. Это-жъ, говоритъ, грѣхъ. Усякій человѣкъ знай свое дѣло: кидай снасть у море, тамъ себѣ лучшаго Мытрыдата зловишь"... Чорта зловилъ лысого! Бурею снасть раскидало... А снасть своя была: жалко. Поѣхалъ въ вѣтеръ снасть у моря отнимать, оно его и самого зловило!.. Э!.. видно — чи такъ, чи сякъ, усе одно: кому нѣту счастья, тотъ и будетъ несчастливый... Значитъ—такая его доля... Этые вонъ, что тамъ у церквы ночуютъ, тоже самое,—шукаютъ усё...

Въ голосѣ его зазвучало враждебное пренебреженіе.

— Бездѣльный народъ, мошенники, лантрыги... Такой хошъ Мытрыдата бы нашелъ, что ему: недѣлю пьянствовать, больше ничего... Такому и доли не надо... А мой-же-жъ отецъ,— продолжалъ онъ съ внезапной вспышкой горькаго озлобленія,— человѣкъ былъ... Какой человѣкъ! Настоящій!.. Работникъ. Всѣхъ раньше встанетъ, всѣхъ позже спать ляжетъ. Все доглядитъ,—не то что за себя—и за другихъ... А не имѣлъ себѣ счастья... И сыну видно свою долю покинулъ... Отъ уже и я...

Онъ остановился... Слова у него вырывались глухо, съ видимымъ усиліемъ...

— Отъ уже... вторую недѣлю съ ними же, съ лантрыгами этими у церквы ночую... Э!..

Онъ замолчалъ и отвернулся. Какое-то невольное, почти жгучее участіе къ этому чужому, случайному для меня человѣку проникло мнѣ въ душу... Хотѣлось сказать что-то нужное, но... вмѣсто этого у меня только вырвался вопросъ:

— А рыбалить вы бросили? Почему?

— Э! Рыбалить... Я уже послѣ рыбалки на какой работѣ не былъ...

И, повернувъ ко мнѣ еще болѣе поблѣднѣвшее лицо, съ расширившимися глазами, онъ сказалъ какимъ-то новымъ голосомъ, жесткимъ и злымъ:

— Я-жъ вамъ кажется объяснялъ... по русски: нѣту счастья... Вы этого не понимаете?

Онъ остановился. Нѣсколько времени мы оба молчали, и вдругъ я почувствовалъ, что его глаза впились въ меня съ какимъ-то особеннымъ, какъ будто недоумѣвающимъ вниманіемъ. Тяжелый взглядъ незнакомца какъ будто прилипъ къ моей фигурѣ, къ моему приличному костюму, къ моей дорожной сумкѣ. Такъ прошло два-три жуткихъ мгновенія, въ теченіи которыхъ на старой Митридатовой горѣ между двумя равнодушными другъ къ другу случайно встрѣтившимися людьми, казалось, зарождается что-то новое, неожиданное, не совсѣмъ понятное для обоихъ... Быть можетъ подъ вліяніемъ моего пристальнаго, удивленнаго взгляда, незнакомецъ отвернулся и махнулъ рукой.

— Э! — послышалось его восклицаніе, сразу напомнившее мнѣ что-то знакомое, и его большая, тяжелая фигура стала удаляться, опускаясь въ новую рытвину... Глинистый обрывъ чуть-чуть свѣтился, какъ будто изъ красной глины лучился еще не совсѣмъ ушедшій дневной свѣтъ, и темныя круглыя норы выдѣлялись съ назойливой гипнотизирующей ясностью. Онъ опять сталъ совать въ нихъ руки, но, казалось мнѣ,— онъ дѣлаетъ это какъ-то разсѣянно, захваченный другими мыслями. Черезъ минуту мнѣ не стало его видно.

Я стоялъ на мѣстѣ, охваченный странными ощущеніями. Да, несомнѣнно, — этотъ жестъ и это восклицаніе мнѣ уже знакомы. Въ первый разъ я встрѣтилъ ихъ у пещеры тысячи головъ на Чатырдагѣ, у стараго татарина пастуха. Это была безпредметная жалоба и безнадежно-покорное пренебреженіе къ судьбѣ. Но еще яснѣе вспоминался мнѣ виноградникъ Алія и Емельянъ Незамутывода, онъ же Гайдамака, которому управляющій Карлъ Людвиговичъ забылъ выписать изъ Черниговской губерніи его человѣческую долю... Теперь этотъ третій... Тотъ же жестъ, то же восклицаніе, то же изумительное выраженіе безнадежнаго пренебреженія къ жизни, ея смыслу, къ цѣли и значенію всякихъ исканій. Только здѣсь, на Митридатовомъ пустырѣ я еще яснѣе почувствовалъ что „онъ“, этотъ собирательный образъ встрѣчнаго несчастливца, кромѣ жалобы на урусовъ, на Карла Людвиговича, на свою долю,—готовъ предъявить какія-то претензіи и ко мнѣ лично. Какъ будто и я долженъ имъ отвѣтить за что-то, заложенное давно, таинственно и глубоко еще этимъ миѳическимъ Митридатомъ, притаившимся въ пустыхъ обрывахъ, чтобы напрасно манить людей и никому никогда не даваться... И я опять почувствовалъ, что мнѣ нужно что-то сказать, можно и должно сказать что-то, что легко разрушило бы какую-то тонкую роковую перегородку... Но настоящія слова таились гдѣ-то да-

леко, забросанныя, загороженныя, заглушенныя, точно скрытый смыслъ назойливаго и невнятнаго морского прибоя.

Кругомъ меня было пусто. Я стоялъ на Митридатовомъ курганѣ одинъ среди сильно сгустившихся сумерекъ. Только гдѣ-то по близости шуршала и падала земля...

Все это было похоже на какой-то странный фантастическій сонъ... Однако, я понималъ всетаки, что при данныхъ обстоятельствахъ пробужденіе можетъ быть очень непріятно. Кругомъ пустырь, не видный изъ города, могильники, ямы, буераки... Рядомъ озлобленный человѣкъ съ не совсѣмъ понятнымъ настроеніемъ. Что, если этому странному искателю невозможной фантастической доли придетъ вдругъ въ голову, что я-то и есть тотъ самый золотой Митридатъ, котораго онъ такъ жадно ищетъ въ горѣ и который носитъ его долю вотъ въ этой дорожной сумкѣ... А тамъ, недалеко, внизу, между мною и городомъ дремлетъ молчаливая старая постройка, гдѣ десятокъ такихъ же искателей, быть можетъ, приглядываются снизу къ моей фигурѣ на верхушкѣ кургана. Мнѣ показалось даже, при взглядѣ внизъ, что по склону горы, въ направленіи отъ храма, точно вереница муравьевъ, ползутъ темныя пятнышки... Тихо, лѣниво, раздумчиво, — какъ будто сомнѣваясь: стоитъ или не стоитъ... И кто-нибудь тоже говоритъ такое же э! — и отмахивается рукой. Никто въ городѣ не видѣлъ, куда я ушелъ, и никто не догадывается, что я теперь стою здѣсь, на горѣ, окруженный густыми сумерками и странными людьми, которые ищутъ не совсѣмъ обычными путями несбыточной доли... Къ нѣсколько жуткому ощущенію отъ этого сознанія присоединилась небольшая доля довольно печальнаго юмора: я невольно вспомнилъ о Митридатѣ... Сколько вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, быть можетъ, стоялъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ стою теперь я, ничтожная единица милліоновъ людскихъ поколѣній, и мой незнакомый спутникъ, тоже вѣроятно думающій что-нибудь о нашемъ положеніи, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня... И какой въ сущности пустякъ — кто изъ насъ двухъ сойдетъ съ этой горы болѣе довольнымъ этой случайною встрѣчей...

Но, конечно, это только въ масштабѣ вѣковъ и съ философской точки зрѣнія... Въ обстоятельствахъ данной минуты я рѣшилъ, что мнѣ пора уходить и при томъ лучше одному, чѣмъ вдвоемъ. Не окликая поэтому моего незнакомца, я сталъ спускаться по неудобной тропинкѣ, едва виднѣвшейся на другомъ склонѣ кургана. Нѣсколько минутъ я шелъ еще довольно нерѣшительными шагами, но затѣмъ пошелъ скорѣе, внутренно смѣясь надъ своимъ страннымъ приключеніемъ и

можетъ быть ненужнымъ и безпричиннымъ побѣгомъ. Тропинка сначала обошла винтомъ у подножія широкаго кургана, потомъ привела меня къ краю раскопки, въ которую— только значительно ниже—спустился съ другой стороны мой незнакомецъ, потомъ она свела меня на нижележащую террасу. Здѣсь было уже темно, и мнѣ приходилось внимательно вглядываться подъ ноги, чтобы не сорваться съ какого-нибудь обрыва. Вверху небо было свѣтлѣе и, оглянувшись, я увидѣлъ силуэтъ моего спутника. Онъ выбрался изъ карьера и опять, какъ въ первую минуту нашей встрѣчи, оглядывался кругомъ, разыскивая меня глазами. Мое сѣрое платье совершенно сливалось съ сѣрыми обрывами и, невидимый ему въ своей затѣненной лощинѣ, я съ интересомъ слѣдилъ за его поисками. Онъ обошелъ небольшой выступъ, потомъ появился опять, постоялъ немного въ одномъ мѣстѣ и не громко окликнулъ:

— Господинъ, а господинъ... Гдѣ же вы заховались?..

И затѣмъ, прислушавшись къ молчанію пустыря, онъ махнулъ рукой...

— Э! — послышалось мнѣ пренебрежительное восклицаніе, и онъ тихо двинулся въ противоположную сторону.

Мнѣ вдругъ стало такъ стыдно моего побѣга, что я уже хотѣлъ отликнуться и попрощаться хоть издали со своимъ случайнымъ спутникомъ. Но въ эту минуту на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ только что, — показалась новая фигура. Другая, третья... Очевидно, я не ошибался: вереница темныхъ мурашей, которые, какъ мнѣ казалось, тянулись къ намъ на гору отъ старой церкви, теперь достигла вершины. Они такъ же лѣниво сновали у подножья кургана, останавливаясь и вглядываясь въ темноту, какъ будто безъ всякой опредѣленной цѣли, съ единственнымъ намѣреніемъ посмотрѣть, что изъ этого можетъ выйти. Одинъ изъ нихъ остановился на краю могильника, и я услышалъ нѣсколько хриплый, но довольно пріятный басокъ:

— Нечипоръ... Рыбалка! Гдѣ ты тутъ?

— Ну, тутъ я,—отозвался глухо мой незнакомецъ.

— А той гдѣ?..—Рѣчь очевидно шла обо мнѣ...

— Чортъ его знаетъ... Былъ, и нѣту. Какъ скрозь землю провалился.

— Ну?..

— Вотъ тебѣ и ну?

— А что за птица такая?

— Кто-жъ его знаетъ... Можетъ тоже шукать пріѣхалъ... Сумка у него и трубка...

— Дурень ты, Нечипоръ, насмѣшливо сказалъ басокъ.— Ходитъ вотъ такое по горѣ, вечеромъ. А ты и не догадался. Можетъ самый Мытрыдатъ скинулся.

На эту остроту отвѣтилъ смѣхъ нѣсколькихъ человѣкъ. Нечипоръ не отозвался.

— А видно тутъ уже и ночевать,—сказалъ басокъ, благодушно зѣвая.—Поздно...

Вечеръ былъ ласковый и теплый. Юго-восточный вѣтеръ, слабо огибая склоны мыса, — только слегка навѣвалъ прохладу. Очевидно, безпечная компанія немного теряла, смѣнивъ ночлегъ на жесткихъ камняхъ стараго портика мягкими рытвинами горы...

Во всякомъ случаѣ, ея появленіе прогнало остатки моей щепетильности, и я тихо двинулся внизъ, пользуясь тѣмъ, что моя сѣрая одежда совершенно сливалась съ темными склонами. Подъ моими ногами кое-гдѣ срывалась земля, въ одномъ мѣстѣ я очутился надъ отвѣсной каменной стѣной, покрытой дикимъ виноградомъ. Но за то прямо подъ ней бѣлѣла известковая лента мощеной улицы, на которую невдалекѣ свѣтился огонекъ духана...

На порогѣ духана сидѣла старая женщина, съ характернымъ античнымъ лицомъ, точно послѣдній пережитокъ митридатовыхъ временъ. Она предложила зайти къ ней, выпить меду. Въ горлѣ у меня пересохло и потому я принялъ предложеніе. Старуха подала кружку и съ удивленіемъ смотрѣла на страннаго посѣтителя въ запыленной одеждѣ, неожиданно появившагося съ горнаго пустыря и чему-то улыбавшагося за своей кружкой...

Ночью въ своемъ маленькомъ номерѣ я долго не могъ заснуть и сидѣлъ у открытаго окна. Въ одну сторону мнѣ было видно море съ спящими судами, въ другую — темные массивы горы. Море, какъ и тотъ разъ, въ Карабахѣ, плескалось протяжно и шумно, набѣгая на камни со своею невнятною, но живою немолчною рѣчью. Казалось, стоитъ понять что-то одно, одну только фразу этой неугомонной рѣчи,— и все остальное станетъ доступно и понятно. Но ключа все не находилось...

А отвернувшись отъ моря, я видѣлъ массивы горы, изъ-за которой разливалось лунное сіяніе, отчетливо, точно рѣзцомъ выдѣляя гребни. Все остальное сливалось въ смутномъ сумракѣ... Склоны, лѣстница, сооруженная иждивеніемъ купеческаго брата, старая церковь, обрывы, подъемы — все закуталось глубокой непроницаемой мглой, и только въ нѣсколь-

кихъ мѣстахъ, на неопредѣленной вышинѣ мерцали живые огоньки...

Одинъ изъ нихъ можетъ быть развелъ тамъ, у вершины, кто-то мнѣ хорошо знакомый... Кто? Пастухъ-татаринъ, пасущій овецъ у пещеры Бимъ-баш-коба, или садовникъ Емельянъ, или рыбалка Нечипоръ... Впечатлѣнія и воспоминанія путались, покрывая одно другое. Порой я совсѣмъ забывался, и мнѣ чудились въ дремотѣ то темные своды пещеры, то тропинки виноградниковъ, то тронъ золотого Митридата, то невѣдомая черниговская невѣста... И кто-то надъ всѣмъ этимъ безнадежно махалъ рукой и говорилъ:

Э!.. Неужели вы не поймете?.. Никогда, никогда не поймете того, что море своимъ языкомъ говоритъ вамъ о людяхъ, которымъ нѣтъ счастья... А вы все не слышите... А, впрочемъ... Э!.. все судьба...

Когда я очнулся, — надо мной стоялъ номерной и трогалъ за плечо. Въ окно несся протяжный и рѣзкій свистокъ парохода, какъ будто охрипшій отъ предутренней сырости и морскихъ брызговъ.

Черезъ часъ или полтора мы опять были въ морѣ. На востокѣ, за сѣрой морской гладью и кубанскими степями поднималось солнце. Тузла тянулась недалеко темной полоской земли, и рыбачьи паруса уже сновали около нея, какъ раннія чайки.

Митридатову гору всю затянуло бѣлыми облаками...

1907 г.

УДАРЪ ГОСПОДЕНЬ.

Ударилъ Господь-батюшка. По всему народу ударилъ... Присмирѣли православные подъ гнѣвомъ-то Господнимъ. Потуснѣлъ нашъ народъ, такъ потуснѣлъ—смотрѣть жалко.

Такъ говорилъ мнѣ умный мужикъ, зажиточный сельскій торговецъ, съ которымъ мнѣ довелось ѣхать по снѣжной дорогѣ въ зиму голоднаго 1891-го года. Самъ онъ отъ голода не страдалъ, пожалуй, наоборотъ: запасы его хлѣба пошли по хорошей цѣнѣ. Но онъ „чувствовалъ“ за другихъ то, что говорилъ, чувствовалъ такъ непосредственно и сильно, что и теперь еще, вспоминая его слова и ихъ выраженіе, я испытываю странное ощущеніе: точно на печальныя поля съ холмами и перелѣсками надвигаются тѣни, а небо заволакивается тяжелыми сумрачными туманами. Вѣроятно, подъ такими впечатлѣніями евреи временъ Давида видѣли на своемъ небѣ ангела, который летѣлъ надъ страной, изливая „фіалъ Божьяго гнѣва“.

Не знаю, какъ въ послѣдніе годы... Ко всему, говорятъ, можно привыкнуть. Но въ тѣ годы, когда широкая голодовка была еще вновѣ, — мистическая нотка испуга и тревожнаго раздумья слышалась въ народѣ отчетливо и ясно. Встрѣчалось много безпечныхъ, а иногда и злобныхъ „отрицателей голода“ среди „господъ“ и среди начальства. Но ни разу я не встрѣчалъ этого отрицанія среди людей простыхъ, еще не потерявшихъ общихъ ощущеній съ кореннымъ деревенскимъ населеніемъ. И тутъ были разныя сужденія и разныя отношенія къ факту:

— „Народъ сталъ подлецъ“. — „Мужикъ въ конецъ излѣнился и избаловался“.—„Забыли Бога. Привыкли къ роскоши. Завели сапоги и самовары“. И порой слѣдовалъ выводъ:

„Такъ и надо! За грѣхи. Доколѣ же терпѣть-то Господу-Батюшкѣ“. Но ощущеніе, что надъ страной разстилается,

ползетъ, охватываетъ ее что-то стихійно-грозное, непонятное и величавое, — чувствовалось всюду.

„Ударилъ Господь“. И сердца людей, не потерявшихъ способность читать на лицѣ своей многотерпѣливой родины и чувствовать ея покорное страданіе — сжимались подъ ощутительнымъ полетомъ великой невзгоды. Казалось, будто по русскому небу тихо, но неудержимо ползетъ чудовище молчаливое, но полное близкаго ужаса и сдержанныхъ до времени громовъ...

И совѣсть такихъ непосредственно чувствующихъ людей тревожно вздрагивала и просыпалась... Я знаю два случая. На имя земскаго начальника пришелъ пакетъ съ 70-ю, кажется, рублями. Неизвѣстный отправитель писалъ: „Отдайте, ваше благородіе, эти деньги голодающимъ мужикамъ изъ такого-то села. Я у нихъ въ молодые годы взломалъ хлѣбный амбаръ. Согрѣшилъ разъ въ жизни. Теперь слышу: Господь посѣтилъ ихъ“.

Однихъ Господь посѣтилъ грозой. Другимъ отблески этой грозы заглянули въ душу, освѣщая тайники совѣсти.

Этотъ случай разсказывалъ при мнѣ Анатолій Львовичъ Пушкинъ, племянникъ поэта, одинъ изъ самыхъ безпечныхъ „отрицателей голода“. Разсказъ былъ холоденъ и проникнутъ ироніей: „вотъ, дескать,—жертвуютъ добрые люди“, подламывавшіе чужіе амбары... Былъ и еще такой же разсказъ, и на этотъ разъ герой его не скрылся за анонимомъ. Разсказывалъ тоже земскій начальникъ Костинъ, командированный изъ другого уѣзда. Къ нему еще на прежнемъ мѣстѣ явился знакомый мужикъ, не изъ богатыхъ, и принесъ пожертвованіе на голодающихъ. Денегъ оказалось, по состоянію жертвователя, несоразмѣрно много, и сумма была не круглая; заключалась копѣйками.

— Послушай, Прохоръ Семенычъ,—сказалъ г. Костинъ:— почему ты принесъ такъ много? Вѣдь ты человѣкъ не богатый.

— Извольте принять, ваше благородіе... Дѣло такое. Надобно мнѣ.

— Что же ты, подлецъ этакой, — шутя возражалъ добродушный начальникъ, — со мной-то дѣлаешь? Сколько же я тогда долженъ дать на голодающихъ?.. И, наконецъ, постой, за тобой, кажется, еще и недоимка.

— Потерпите, ваше благородіе. Христомъ Богомъ прошу. А мнѣ иначе невозможно.

И, краснѣя, онъ разсказалъ, что когда-то, именно въ этой голодающей мѣстности, онъ совершилъ кражу. Кажется, угналъ съ базара лошадь съ телѣгой и продалъ въ другомъ мѣстѣ

именно за ту сумму, которую теперь жертвовалъ. Давно было. Никто не узналъ, и съ тѣхъ поръ самъ онъ „не грѣшилъ больше". Женился, завелся небольшимъ дѣломъ, ходилъ въ церковь, давно сдалъ попу старый грѣхъ и получилъ разрѣшеніе. Язва совѣсти затянулась, и сталъ Прохоръ Семенычъ совсѣмъ „хорошимъ человѣкомъ". А вотъ услышалъ о голодѣ и какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ согрѣшилъ когда-то. Господь заглянулъ въ душу:

— „Помнишь, дескать, Прохоръ Семеновъ?"

— Помню, молъ, Господи!

— „То-то же".

Съ этихъ поръ лишился спокойствія. Продалъ что могъ изъ небогатаго хозяйства, въ долгъ еще залѣзъ, собралъ столько-то рублей и столько-то копѣекъ. Думалъ было о процентахъ, но Богу это не нужно. Существуетъ всетаки представленіе, что процентъ дѣло не вполнѣ чистое, и Богу его предлагать нельзя.

Старый добродушный „земскій", бывшій мировой судья, разсказывалъ эту исторію съ тѣмъ теплымъ юморомъ, которымъ человѣкъ иной разъ защищается отъ невольной растроганности...

Откуда бы ни происходили такія проявленія просыпающейся совѣсти, какими бы наивными разсчетами съ Богомъ порой ни сопровождались,—они показываютъ живую душу... И много вздрагиваетъ такимъ образомъ сердецъ, можетъ быть грѣшныхъ и темныхъ, но чувствующихъ не только за себя, а за свою страну. И чувство это—тревога, исканіе вины и оправданія.

„Ударилъ Господь"... И опять повторилъ ударъ, и теперь повторяетъ все чаще. Мы въ городахъ чувствуемъ это не такъ живо. А тамъ — это виднѣе, и ближе, и ощутительнѣе. Да, я до сихъ поръ помню и эти смирныя дороги, и примолкшія деревни, и даже просто выраженіе этихъ полей съ пятнами крышъ, плетней и перелѣсковъ... Точно великая равнина, охваченная жгучимъ страданіемъ для однихъ, тревожными движеніями совѣсти для другихъ,—раскинулась подъ туманнымъ небомъ и мечется въ бреду и грезитъ смутными образами кошмаровъ.

Было бы любопытно записать „голодныя легенды", бродящія вотъ уже сколько лѣтъ по оскудѣвшей странѣ. Воображеніе напугано, сердца сжаты, умъ подавленъ. И встаютъ воспоминанія о пережитомъ или слышанномъ, преломленныя, искаженныя, какъ призраки долгой и тяжкой ночи... То и дѣло рождаются въ разныхъ мѣстахъ странные младенцы съ

зубами и даромъ предвѣщанія. Скажетъ грозное пугающее слово—и исчезнетъ. Свое дѣло сдѣлалъ. А вскорѣ рождается другой и говоритъ новое слово,—глупое, наивное, но непремѣнно грозное. На нынѣшнюю Пасху одинъ. кажется, такой младенецъ предсказывалъ великую стужу „въ тыщу градусовъ". И люди впередъ уже дрожали и зябли.

Видѣнія являются русскимъ, чувашамъ, татарамъ. Вѣры разныя, страхъ одинъ. И русскіе трепетно ловятъ татарскія и черемисскія откровенія. Вотъ двѣ такія легенды,—одна отъ перваго крупнѣйшаго голода (1891), другая родилась только на дняхъ.

Было это въ Вятской губерніи. Мулла деревни Усть-Нурминской поѣхалъ въ гости къ черемисамъ. Вернулся весь потрясенный и тотчасъ же созвалъ сходъ. На сходѣ, обливаясь слезами, разсказалъ: На половинѣ пути къ дому увидѣлъ какую-то громаду, которая надвигалась по дорогѣ, какъ гора. Оказался это великанъ, аршинъ пятнадцати роста. Руки и ноги у муллы тряслись, лишился мулла голоса, думалъ—смерть идетъ. Но громада тихо просунулась мимо и не тронула муллы. Только проговорила тихо, глухо, невнятно: такъ могла бы говорить земля или кто-то подъ землею:

„Смотри на меня. Разскажи народу. Насъ такихъ родилось семь братьевъ: четверо уже умерли. Трое еще живы. Ходимъ мы по вашей землѣ, и до тѣхъ поръ, пока ходимъ, будетъ и голодъ ходить за нами"... Сказалъ и вдругъ зашагалъ быстро и скоро скрылся на краю земли въ той сторонѣ, гдѣ сѣло солнце... А мулла принесъ свой ужасъ къ людямъ. И люди слушали, склоняясь головами къ землѣ, и никто не могъ понять видѣнія: кто это встрѣтился муллѣ на дорогѣ? И почему ихъ было семеро? И почему четверо уже погибли? И кто и какими средствами согналъ четверыхъ со свѣта? И почему трое осталось? И надолго ли остались? И кто ихъ сумѣетъ согнать?.. Никто не могъ отвѣтить на эти вопросы, даже самый умный. Но даже самый глупый понималъ, что голоду 1891 года не суждено быть послѣднимъ голодомъ въ странѣ, по которой еще ходятъ три брата, безформенныхъ, огромныхъ, тихо и печально предостерегающихъ: будетъ вамъ отъ насъ ужасъ.

Разсказъ муллы былъ точенъ и ясенъ, какъ точны наши разсказы о затменіи; самъ онъ ѣхалъ изъ татарской деревни Усть-Нурминской въ деревню Б. Китякъ, гдѣ живутъ черемисы. И было это такого-то числа, такого-то мѣсяца, въ такомъ-то часу. А встрѣтилъ печальнаго великана на половинѣ дороги, тамъ-то, и разсказъ его слушали такіе-то и

такіе-то, люди все извѣстные. И все это даже напечатано въ газетахъ. И, можетъ быть, мулла еще живъ, и живы тѣ, кто отъ него слышалъ. Подите, спросите у нихъ. Впрочемъ—зачѣмъ и спрашивать: съ этихъ поръ прошло 10 лѣтъ. И развѣ печальный великанъ не сказалъ чистую правду? Развѣ тотъ голодъ оказался послѣднимъ? Нѣтъ. Должно быть, таинственные братья ходятъ все быстрѣе, и голодъ, какъ вихрь, носится кругами все шире и чаще...

Есть великанъ и для русскихъ. Старый. Давно, — то появляется онъ клубящимися очертаніями, то исчезаетъ, то является въ самыхъ неожиданныхъ формахъ. Называется антихристъ. Онъ не такъ уныло простодушенъ, какъ знакомый муллы. Онъ хитеръ, у него есть печати, онъ собирается клеймить ими весь народъ, а непокорныхъ будетъ морить голодомъ или кормить одной золою... Для этого, пожалуй, войдетъ въ стачку съ опытными „поставщиками". Это тѣмъ легче, что и самъ онъ служилъ „въ какомъ-то вѣдомствѣ большимъ начальникомъ". И служилъ бы до сихъ поръ, да стали непомѣрно рости четыре рога на головѣ и когти на рукахъ и ногахъ. По формѣ это не полагается, и „большому начальнику" пришлось выйти въ отставку. Теперь къ чему-то готовится, а пока, какъ и татарскіе великаны,—ходитъ по свѣту, являясь въ разныхъ мѣстахъ. Порой взбирается на колокольни, и колокола звонятъ зловѣщимъ, набатнымъ звономъ.

Я привелъ только двѣ легенды, связавшія начало и конецъ труднаго десятилѣтія. А между ними, за десять лѣтъ, сколько еще разъ возникали, разсѣивались, какъ пыль, и опять возникали тѣ же призраки въ разныхъ видахъ и формахъ. Это были цѣлые рои вѣщающихъ младенцевъ, и говорящія коровы или лошади, и таинственныя старухи, и невѣдомо отколь бредущіе и невѣдомо гдѣ исчезающіе старцы. Всѣ темные, всѣ глупые (и потому-то отлично все знающіе), юродивые, нечленораздѣльные, смѣшные...

Вотъ только не смѣшные! Подумайте въ самомъ дѣлѣ: мы признаемъ достовѣрность нашихъ теорій по вѣрности предсказаній, которыя дѣлаемъ на ихъ основаніи. Предсказали затменіе, и пришло затменіе. Ну, а эти вотъ „нечленораздѣльные", темные, которые гудятъ, и стонутъ, и бормочутъ, и кричатъ разными криками, грозя народу, что придутъ на него глады и моры, и болѣзни—развѣ они не предсказывали? Или предсказывали невѣрно? Десять лѣтъ назадъ унылый великанъ сказалъ усть-нурминскому муллѣ: голодъ у васъ не послѣдній. И что же? Онъ не солгалъ... До сихъ поръ ходитъ онъ по странѣ, а за нимъ ходитъ голодъ, тоскуютъ

смертной тоской старики, плачутъ и мрутъ по деревнямъ голодныя дѣти.

Народъ чувствуетъ эту тоску и находитъ для нея свои образы. Для него они—реальность, для насъ—темная и смѣшная легенда. Народъ чувствуетъ, но не знаетъ причинъ и слѣдствій. Тѣ, кто могутъ знать причины и слѣдствія,—не чувствуютъ вмѣстѣ съ народомъ. То-есть, въ сущности, тоже ничего не знаютъ... Наконецъ, можетъ быть есть и такіе, что и знаютъ, и чувствуютъ, но не могутъ...

И мнѣ опять вспоминается дорога, и мой спутникъ, простой и необразованный сельскій человѣкъ, такъ живо чувствовавшій то, что онъ называлъ Божіимъ ударомъ. И опять мнѣ чудится, что надъ полями сгущаются сумраки и надъ безотвѣтной равниной по русскому небу ползетъ молчаливое чудовище, полное близкаго ужаса...

Но изъ всѣхъ страховъ самый страшный — безпочвенная и себялюбивая самоувѣренность. Самое жуткое въ надвигающейся ночью грозѣ—радостное чириканіе воробьевъ, принимающихъ отблески синихъ зарницъ за пріятное сіяніе дня...

1912 г.

СОВРЕМЕННЫЯ КАРТИНКИ.

I.

2500 часовъ.

Манифестъ 6 августа (или такъ называемая „булыгинская конституція“) застигъ меня въ одной деревнѣ Полтавской губерніи. Съ ближайшей почты принесли газеты, изъ которыхъ мы узнали, что у насъ будетъ-таки „Государственная Дума“, и что „лучшіе люди по избранію всего населенія“ будутъ призваны къ участію въ управленіи страной...

Я читалъ въ исторіи, что въ другихъ странахъ при извѣстіяхъ о „конституціи“ люди радостно поздравляли другъ друга, и незнакомцы обнимались на улицахъ... У насъ и въ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, послѣ 6-го августа никто никого не поздравлялъ, и никто ни съ кѣмъ не обнимался, а въ деревняхъ и подавно. Не то мы не такъ порывисты, не то наша конституція не похожа на другія. Какъ бы то ни было,—и нашъ поселокъ, и окружающія села и деревни жили обычною жизнью, какъ будто ничего важнаго не произошло въ Россіи.

Протекла недѣля, другая... Народъ все такъ же уходилъ на работы и возвращался съ нихъ. Кончали жнитво, возили хлѣбъ и съ тревогой поглядывали на небо: какъ бы дождь не помѣшалъ уборкѣ. А по вечерамъ, въ лощинѣ, гдѣ засѣла наша деревенька, тихо разгорались въ окнахъ огоньки и такъ же тихо, одинъ за другимъ, угасали... Очень вѣроятно, что тамъ, у этихъ огней, подъ этими соломенными крышами шли какіе-нибудь разговоры о „выборахъ“, и нѣтъ также сомнѣнія, что они тотчасъ же сводились на единый и неизмѣнный вопросъ о „землѣ“,—настоящій роковой вопросъ сфинкса, говорящаго нашему времени: „разрѣши или погибни“.

По старужи, въ нашей деревенькѣ все было, повторяю, обычно, буднично и тихо, какъ будто деревенское настроеніе еще не устанавливало никакой связи между россійскою булыгинской конституціей и своею деревенскою жизнью...

Прошло еще нѣсколько дней. На небѣ по вечерамъ скоплялись тучи, начали накрапывать дожди... Уборка кончалась, но еще не кончилась... Подошелъ праздникъ. Я сидѣлъ на приступочкѣ у дома, разговаривая съ сосѣдями, когда ко мнѣ подошелъ знакомый крестьянинъ, который взялся въ этотъ день сдѣлать для меня небольшую работу. Онъ остановился около насъ, нѣкоторое время послушалъ наши разговоры и потомъ сказалъ полу-вопросительно, полу-утвердительно:

— Сегодня треба мені у волость иты.

— Зачѣмъ?

Онъ не зналъ въ точности,—зачѣмъ именно, но земскій начальникъ приказалъ собраться тому обществу, къ которому онъ принадлежалъ, и хотѣлъ пріѣхать самъ.

— Ото-жъ, должно быть, насчетъ тѣхъ самыхъ выборовъ,— догадался одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Такъ и люди балакаютъ, что „нащетъ выборівъ“. Такъ видно идти?—опять полу-вопросительно сказалъ онъ.

Общее мнѣніе было за то, что идти необходимо: работа не убѣжитъ, а выборы—дѣло всетаки интересное. Оно какъ будто еще и рано для самыхъ выборовъ, а вѣрно будетъ какое-нибудь разъясненіе,—что оно такое и къ чему идетъ.

— Таки и пойду!

Поговорили еще немного о выборахъ, о томъ, кого выбирать мужикамъ малоземельнымъ и кого слѣдовало бы выбрать болѣе зажиточнымъ казакамъ,—и мой знакомый тихо поплелся по дорогѣ къ волости. Остальные собесѣдники, жители другого конца поселка, принадлежали къ другому обществу и на этотъ день не вызывались.

На слѣдующій день я увидѣлъ того же крестьянина уже за работой во дворѣ. Поздоровались, поговорили о томъ, о семъ, и я спросилъ:

— Ну, что же вчера было?

— Гдѣ?

— Да въ волости.

— А! въ волости? Да ничего въ волости не было.

— Зачѣмъ же васъ звали? Разъяснили что-нибудь насчетъ выборовъ?

— Ничего и не объясняли.

— А народъ сошелся?

Народъ-таки сошелся. Человѣкъ сотъ, можетъ, пять

пришло. Лежали около правленія, дожидались часовъ пять... Таки немного и помокли, потому что подъ конецъ пошелъ дождь.

— Ну, и что же?

— Ничего... Земскій не пріѣхалъ.

— Почему?

— А кто-жъ его знаетъ почему? Говорятъ, въ гостяхъ засидѣлся, а можетъ просто раздумалъ... Попъ подходилъ, вычитывалъ что-то. Никто и не разслышалъ...

— Такъ и разошлись?

— Подождали еще трошки и порасходились... А дождь будетъ и сегодня,—перебилъ онъ себя, поглядывая на небо,— а хлѣба еще много не убрано.

Дождь пошелъ еще передъ вечеромъ. Стемнѣло быстро, огоньки въ деревнѣ позажигались раньше, деревенскія улицы опустѣли. Знакомецъ мой тоже ушелъ въ свою хату „вечерять“.

Я провожалъ глазами его скромную фигуру, расплывавшуюся въ сумеркахъ, и думалъ:

„Пятьсотъ человѣкъ по пяти часовъ... Положимъ, въ праздникъ... Но всетаки это двѣ тысячи пятьсотъ часовъ! Какая сила времени и какъ это легко дѣлается: „можетъ въ гостяхъ засидѣлся, а можетъ и такъ“... И двѣ тысячи пятьсотъ часовъ народнаго времени связано и выброшено безъ надобности... И это уже послѣ объявленія конституціи, которая должна же, въ концѣ концовъ, кое-что измѣнить въ нашемъ отечествѣ... Что именно? Да немногое, только народъ изъ слуги долженъ стать хозяиномъ въ странѣ, а всевластные хозяева должны стать его слугами. И между тѣмъ... Издаются широковѣщательные акты, объявляются „конституціи“, а въ жизни стоитъ все по старому: и старая безпечность однихъ, старое презрѣніе къ народу и произволъ,—встрѣчаетъ какъ будто все то же извѣчное смиреніе... И можетъ быть поэтому тамъ, вверху, такъ легко играютъ словами манифестовъ, не думая о томъ, что слова обязываютъ къ дѣйствіямъ...“

Дождь дня на три-четыре пересталъ, а потомъ зарядилъ опять,—но поля почти всюду уже были убраны. Августовскіе вечера становились темнѣе и дольше, времени для деревенскихъ разговоровъ довольно... О чемъ шли эти разговоры? Говорили ли люди о томъ, что 2500 часовъ пропали напрасно по небрежности земскаго начальника? Едва ли... Въ этомъ отношеніи начальство можетъ еще не безпокоиться. Но за то много говорили о землѣ... И тутъ уже, пожалуй, было надъ чѣмъ задуматься самому безпечному человѣку... И именно по-

тому, что народъ нашъ до сихъ поръ былъ слишкомъ покоренъ, государство слишкомъ безпечно, а грозный вопросъ встаетъ сразу во всемъ своемъ страшномъ объемѣ и надъ покорнымъ народомъ, и надъ безпечнымъ государствомъ...

А между тѣмъ, очень можетъ быть, что исторія будетъ рѣшать эти вопросы въ обратномъ порядкѣ. Сначала уваженіе къ народному труду и личности... И уже послѣ—о землѣ для народа, уважающаго себя и умѣющаго отстоять свое право...

II.

Разговоръ съ „землемѣромъ".

Я купилъ въ Полтавской губерніи треть десятины земли, построилъ на ней жилье, и такимъ образомъ сталъ деревенскимъ обывателемъ. Однажды мнѣ понадобилось по разнымъ причинамъ вымѣрить свой участокъ. То же понадобилось и моему сосѣду-крестьянину, и онъ предложилъ на общій счетъ пригласить землемѣра.

— А у васъ тутъ есть землемѣръ?

— А какъ же! Тутъ недалечко, на хуторѣ.

— Дорого возьметъ?

— Съ усадебнаго участка полтинникъ.

— Недорого.

Въ одинъ прекрасный день землемѣръ появился. Это былъ человѣкъ небольшого роста, съ русою зарослью на загорѣломъ лицѣ, съ пріятнымъ и умнымъ выраженіемъ. На головѣ у него былъ городской картузъ, на спинѣ легкій, сильно порыжѣвшій пиджакъ, очевидно, не первый годъ уже принимающій участіе въ землемѣрныхъ трудахъ своего обладателя. Цѣпь изъ желѣзной проволоки съ мѣтками саженей и футовъ, эккеръ на простой палкѣ съ острымъ наконечникомъ и маленькая книжечка съ изложеніемъ простѣйшихъ пріемовъ вычисленія площадей,—вотъ все его профессіональное вооруженіе. Въ серединѣ крестовины на эккерѣ была тщательно вдѣлана въ дерево маленькая буссоль, вродѣ брелока, какія иногда попадаются въ качествѣ „сюрприза" при нѣкоторыхъ покупкахъ, всего чаще въ коробкахъ съ гильзами. Распоряжался онъ всѣмъ этимъ увѣренно и быстро. Воткнувъ въ землю свою палку съ угольникомъ и поставивъ на нордъ стрѣлку буссоли,—онъ взмахами руки указывалъ мѣста для установки шестовъ, перетаскивалъ цѣпь, мѣрилъ, записывалъ и шелъ дальше. Черезъ часа два-три оба участка были обойдены по гранямъ, и, усѣвшись на бревнѣ, землемѣръ по своей книжечкѣ опредѣлялъ размѣры усадебъ. Цифры онъ писалъ, держа карандашъ какъ-то особенно скрюченными мозолистыми

пальцами, но вычисленія подвигались быстро, и результатъ довольно близко соотвѣтствовалъ предположеніямъ. За трудъ съ меня онъ взялъ рубль, а мой сосѣдъ съ радушнымъ видомъ позвалъ его къ своей хатѣ, показывая небольшую, пріятную на видъ и хорошо всѣмъ знакомую посудинку.

Я протянулъ землемѣру руку на прощаніе.

— Что же, выгодна ваша работа?—спросилъ я у него.

— Да ничего, слава Богу,—кормитъ,—отвѣтилъ онъ, слегка измѣняя чистый украинскій говоръ на городской полу-русскій ладъ.

И, оглянувшись, онъ махнулъ рукой на сосѣда, который нетерпѣливо звалъ его, помахивая въ воздухѣ сверкавшей на солнцѣ бутылкой.

— Зàразъ... Шичасъ приду!

— У меня до васъ есть маленькій секретъ,—сказалъ онъ тихо, отходя за уголъ моей хаты.—Вы того... человѣкъ, какъ бы ни было, письмѐнный и городской, то и знаете... А мы тутъ не знаемъ.

Я подумалъ, что онъ хочетъ завести рѣчь о предстоящихъ реформахъ и о томъ, чего отъ нихъ ждать народу. А такъ какъ наша „политическая свобода“ подкрадывалась къ деревнѣ какъ-то осторожно, бочкомъ и шепоткомъ, какъ нищенка, которую можетъ прогнать первый урядникъ, то я не очень удивился, что онъ отзываетъ меня за уголъ: россійская конституція не любитъ, чтобы ее называли по имени даже послѣ ея обнародованія, а въ то время заговорить объ ней въ деревнѣ значило почти навѣрное угодить въ кутузку. Итакъ, мы отошли за уголъ, и я приготовился къ секретному разговору.

— Что же вы хотите узнать отъ меня?

— Насчетъ того, что... какъ же оно теперь будетъ?

— Съ выборами?

— Съ выборами само собою, ну, и прочее... У насъ тутъ балакаютъ много разнаго. Такой разговоръ по народу пошелъ, не дай Господи... Вотъ я и думаю: дай, спрошу у человѣка, чтобы уже знать, гдѣ оно... настоящее.

— Я охотно вамъ скажу, что знаю... Что именно вы хотите?

Онъ помолчалъ, почесалъ въ головѣ и сказалъ:

— Видите: я человѣкъ работающій... Заработалъ-таки немного своимъ землемѣрствомъ, то хотѣлъ бы того... однимъ словомъ сказать: хочу купить земли.

— Такъ что же?

— Можно это?

— Почему же нельзя? Вотъ вѣдь и я купилъ...

— Э! Вы купили... Что вы купили? Нѣтъ и полъ-десятины.

— А вы хотите много?

— То-то вотъ и оно, что много.

И, опять помолчавъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— Пять десятинъ... Вотъ сколько.

— А теперь у васъ сколько земли?

— Одна усадьба, какъ и у васъ...

Я началъ понимать...

Года два назадъ у насъ въ губерніи были аграрные безпорядки: крестьянство заволновалось, грабили хлѣбъ въ усадьбахъ, говорили о передѣлѣ земли. Пришли войска, казаки... Крестьяне становились на колѣни, а ихъ кидали на землю и сѣкли до полусмерти. Потомъ еще сажали въ тюрьмы; потомъ сказали, что они должны слушаться своихъ предводителей и никакихъ перемѣнъ не ждать... Все успокоилось, все пошло по старому, ничто не измѣнилось, нигдѣ не исчезли хищническія путы безпечнаго землевладѣнія... Но народная мысль упрямо шла своимъ путемъ, какъ будто не было ни усмиреній, ни властныхъ предводителей, ни земскихъ начальниковъ... И въ этой благополучной тишинѣ народъ создавалъ свои собственныя понятія о земельной реформѣ.

Передо мной стоялъ теперь не заурядный крестьянинъ, неграмотный и темный, а въ нѣкоторомъ родѣ деревенскій ученый спеціалистъ. И я понималъ его настроеніе: онъ боялся, что вотъ онъ купитъ на свои кровныя деньги, заработанныя въ теченіи многихъ лѣтъ при помощи эккера, цѣпи и буссоли,—пять десятинъ земли, а тутъ идутъ какія-то реформы... А какія же реформы безъ земли? А земельная реформа,—это „уравненіе". Вотъ тутъ и покупай... Выйдетъ, напримѣръ, на человѣка по $4^1/_2$ десятины, а онъ купилъ пять... Значитъ у него полъ-десятины отнимутъ. А если выйдетъ по $5^1/_2$, то ему прибавятъ сверхъ купленной только полъ-десятины... Какую же роль при этомъ будутъ играть его трудовыя деньги, добытыя потомъ и кровью?..

Онъ стоялъ передо мною и пытливо вглядывался въ мое лицо, а я тоже стоялъ и думалъ. Я—не экономистъ и не землевладѣлецъ, и эти вопросы интересовали меня, какъ всякаго образованнаго человѣка, такъ сказать, въ нѣкоторомъ отвлеченіи, на извѣстномъ разстояніи. Тридцать лѣтъ мы обсуждаемъ земельную реформу, и тридцать лѣтъ вопросъ остается въ области теоріи. Но вотъ теперь онъ стоялъ совсѣмъ рядомъ, въ лицѣ этого деревенскаго „землемѣра", и пытливо глядѣлъ на меня сѣрыми внимательными глазами

изъ-подъ козырька порыжѣлой шапки. Я напрягъ свое воображеніе, чтобы представить себѣ всѣ дѣйствительныя соотношенія, и затѣмъ съ полной искренностью сказалъ, что думаю. Я не знаю, что будетъ, но полагаю, что земельный вопросъ непремѣнно будетъ поставленъ и при томъ широко *). Безъ этого всякая реформа не будетъ имѣть значенія (онъ утвердительно махнулъ рукой). Надѣлы, навѣрно, увеличатъ за счетъ государственныхъ и удѣльныхъ земель.

— А панская земля какъ?—спросилъ онъ живо.

Въ газетахъ и журналахъ тогда уже писали о необходимости принудительнаго частичнаго отчужденія и частновладѣльческихъ земель. Кое-гдѣ резолюціи въ этомъ смыслѣ принимались и въ собраніяхъ, но мысль казалась еще въ то время „смѣлой". Я разсказалъ объ этомъ моему собесѣднику и прибавилъ, что „когда-нибудь" земля вся будетъ составлять собственность государства. Но мнѣ казалось, что я вхожу въ область „теорій".

— А теперь какъ?—спросилъ онъ. Землю онъ уже высмотрѣлъ, и ее легко могутъ перекупить другіе. При этомъ въ его глазахъ проглянуло ясно выраженіе тоски...

Мы продолжали обсуждать вопросъ вмѣстѣ на основаніи житейскихъ вѣроятностей. Деньги и послѣ реформы не потеряютъ своего значенія во всѣхъ областяхъ жизни... Конечно нѣтъ... Потеряютъ ли его деньги, затраченныя въ землю?.. Она одна будетъ изъята изъ денежнаго обращенія?..

— Выходитъ такъ, что можно куплять...—закончилъ онъ весело. Все время онъ и слушалъ, и разсуждалъ, какъ человѣкъ, уже заранѣе склонявшійся къ тому же выводу, и теперь принялъ его даже съ большей увѣренностью, чѣмъ я...

— Мы съ братомъ и сами такъ думали, что не можетъ быть... ну все-жъ оно того... еще лучше спытать у городского человѣка... Прощайте пока что.

И онъ ушелъ къ сосѣду, который опять выглянулъ изъ-за своей хаты въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Черезъ полчаса землемѣръ веселый прошелъ черезъ мой дворикъ и, привѣтливо поклонившись мнѣ, сказалъ:

— Такъ я думаю, значыть... можно—куплять...

Это было въ августѣ. Не знаю, купилъ ли онъ облюбованную землю или нѣтъ, а если купилъ, то не жалѣлъ ли... Въ ноябрѣ люди знающіе говорили, что владѣльцы, требовавшіе еще недавно по 260 рублей за десятину, готовы отдать ту же землю по полтораста... Долго и искусственно под-

*) Каюсь въ своей наивности.

держиваемыя цѣны на землю и безобразныя аренды, казалось, сразу рухнули... И это потому, что тѣ самыя идеи, которыя въ теченіи десятилѣтій витали надъ жизнью въ области теорій,— теперь стали быстро опускаться на „землю“...

1905 г.

P. S. Мнѣ теперь часто вспоминается, какъ мы съ землемѣромъ разрѣшили въ деревнѣ аграрный вопросъ... И кажется мнѣ, что въ немъ былъ рычагъ всего тогдашняго деревенскаго движенія. Деревня сама испугалась того объема, въ которомъ она, — одинаково богатые и бѣдные, — ставила этотъ коренной вопросъ своей жизни, и отступила передъ нимъ... И это оказалось сильнѣе, чѣмъ всѣ карательныя экспедиціи и выстрѣлы...

1905 г.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Покушеніе на генерала Баранова въ 1890 году.

(Картинка изъ недавняго прошлаго).

Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ Нижнемъ-Новгородѣ губернаторомъ былъ знаменитый Николай Михайловичъ Барановъ, бывшій морякъ, герой проблематическаго эпизода съ „Вестой“ въ русско-турецкую войну и громкаго процесса, связаннаго съ этимъ эпизодомъ; затѣмъ—петербургскій градоначальникъ, губернаторъ виленскій, архангельскій, наконецъ, нижегородскій. Это былъ человѣкъ интересный во многихъ отношеніяхъ, фигура яркая, колоритная, выдѣлявшаяся на тускломъ фонѣ бюрократическихъ бездарностей. Человѣкъ даровитый, но игрокъ по натурѣ,—онъ основалъ свою карьеру на быстрыхъ, озадачивающихъ проявленьяхъ „энергіи“, часто рискованно выходившихъ за предѣлы бюрократической рутины, всегда яркихъ и почти всегда двусмысленныхъ. Уже будучи нижегородскимъ губернаторомъ, во время памятнаго голода,—онъ сначала отрицаетъ его дѣйствительные размѣры, поддерживаетъ лукояновскихъ дворянъ, борется съ печатью и частной благотворительностью. Потомъ дѣлаетъ вдругъ блестящую и шумную диверсію, ознаменованную эффектной рѣчью противъ князя Мещерскаго (съ памятнымъ изреченіемъ о „бутафорской тряпкѣ“ вмѣсто патріотическаго знамени), пользуется данными либеральной печати и статистики, которыя самъ недавно опровергалъ, а лукояновскимъ крѣпостникамъ объявляетъ войну. Въ холерные годы—этотъ парадоксальный человѣкъ продѣлываетъ эволюцію совершенно обратную: въ первую холеру развиваетъ необыкновенную дѣятельность, отдаетъ подъ холерныхъ больныхъ „дворецъ“, призываетъ полную гласность, печатаетъ списки умершихъ, допускаетъ родныхъ на похороны и отпѣванія. Послѣ

блестящихъ результатовъ этой политики—на другой годъ, когда холера была значительно меньше,—вдругъ мѣняетъ тактику, принимаетъ систему замалчиванія, помѣщаетъ первыхъ заболѣвшихъ въ общую больницу, преслѣдуетъ сообщенія печати о холерѣ, врачамъ грозитъ высылкой и вызываетъ почти паническое бѣгство съ ярмарки... Въ концѣ концовъ эта рискованная игра административныхъ парадоксовъ не удалась, и карьера Баранова угасла въ сравнительной безвѣстности. Послѣ всероссійской выставки Барановъ былъ сданъ въ архивъ, называемый первымъ департаментомъ сената, гдѣ и закатилась среди административныхъ инвалидовъ эта звѣзда, сіявшая перемѣннымъ, но порой яркимъ свѣтомъ.

Эпизодъ, служащій предметомъ настоящей замѣтки, относится къ 1890 году. 21 августа, то есть до окончанія нижегородской ярмарки,—по Нижнему разнесся поразительный слухъ о покушеніи на жизнь губернатора. Сынъ скромнаго столоначальника полицейскаго управленія и самъ еще болѣе скромный участковый писецъ, нѣкто Владиміровъ, явившись въ обычное время на пріемъ и принятый въ кабинетѣ губернатора, внезапно произвелъ въ генерала Баранова выстрѣлъ изъ револьвера. Пуля пролетѣла на „два пальца“ отъ груди его превосходительства, которымъ „злодѣй“ былъ затѣмъ обезоруженъ.

Таковы были первыя извѣстія, распространившіяся по городу и на ярмаркѣ; весьма понятно, что городъ и ярмарка кинулись съ поздравленіями.

Поздравлять, пожалуй, было съ чѣмъ, такъ какъ въ это время карьера блестящаго генерала попала, выражаясь старымъ морскимъ терминомъ, „въ полосу мертваго штиля“. Губернаторствовалъ онъ уже около десяти лѣтъ и, казалось, надолго застрялъ въ нижегородской гавани. По временамъ онъ издавалъ яркіе приказы, публично сѣкъ на ярмаркѣ „смутьяновъ“, приглашая для присутствія на экзекуціяхъ корреспондентовъ, но все это были сравнительно мелочи. Между тѣмъ—выстрѣлъ, покушеніе, опасность. Въ тѣ времена это не было еще такъ „обыкновенно“, какъ въ наши дни, и потому обращало вниманіе всей Россіи (а также, конечно, высшихъ сферъ) на этого Алкивіада въ губернаторскомъ мундирѣ. Къ квартирѣ губернатора съ грохотомъ подъѣзжали извозчики, лихачи, кареты, изъ которыхъ выходила мундирная и немундирная публика. Пріѣхалъ архіерей, жандармскій генералъ, начальники разныхъ вѣдомствъ, а какой-то изъ видныхъ военныхъ начальниковъ явился даже въ сопровожденіи хора военной музыки, которая подъ балкономъ губернатора грянула

„народный гимнъ“. Слово „чудесное избавленіе“ повторялось то и дѣло, сыпались поздравительныя телеграммы со всѣхъ концовъ Россіи отъ поклонниковъ героя „Весты“ и т. д.

Однимъ словомъ, „выстрѣлъ“ Владимірова отдался по всей Россіи гулко, широко и шумно. Въ мотивахъ покушенія никто не сомнѣвался: конечно—политика. Изъ источниковъ, близкихъ къ губернатору, стало извѣстно, что, при обыскѣ въ квартирѣ стрѣлявшаго, найдена переписка съ „Женевой“.

Генералъ Барановъ въ рѣчи, произнесенной на обычномъ обѣдѣ 26 августа, красивой по обыкновенію, хотя по обыкновенію же нѣсколько въ тонѣ расхожаго уличнаго патріотизма, говорилъ о томъ, что „въ храмѣ торговли, а слѣдовательно мира и покоя, онъ слышитъ слова: „покушеніе, выстрѣлъ, убійца“... Но—жалокъ не тотъ, кто падаетъ подъ ударомъ убійцы, а тотъ, кто, не справляясь съ условіями жизни, подъ личиной той или иной звонкой идеи, берется за ножъ или пистолетъ“. „Всероссійское купечество“ громомъ аплодисментовъ встрѣтило рѣчь губернатора-героя, а въ отвѣтныхъ спичахъ много говорилось о „Вестѣ“, о борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ и о вѣрномъ царскомъ слугѣ, не жалѣющемъ жизни на отвѣтственномъ посту. Телеграммы „агентства“ разносили отголоски этого краснорѣчія во всѣ концы Россіи, гдѣ только есть газеты.

И вдругъ, среди этого шумнаго чествованія, подъ гулъ рѣчей и при потокѣ всякихъ поздравленій „герою“—въ городѣ начинаютъ циркулировать слухи, что въ сущности никакого „выстрѣла съ политической цѣлью“ не было, а было загадочное нападеніе, едва ли не романическаго свойства, сводящееся въ концѣ концовъ къ довольно прозаическому рукопашному единоборству...

Уже 24 августа редакторъ мѣстной газеты „Нижегородскій Биржевой Листокъ“, купецъ Жуковъ, писалъ: „къ сожалѣнію, есть много малодушныхъ (sic) людей, которые ищутъ въ этомъ происшествіи нѣчто подобное семидесятымъ годамъ“, между тѣмъ, какъ „благоразумные люди... остаются одного мнѣнія, что злодѣй Владиміровъ продѣлалъ свое преступленіе не болѣе, какъ съ цѣлью покончить съ собою какимъ-нибудь способомъ, не прибѣгая къ самоубійству“. Въ одномъ изъ послѣдующихъ номеровъ почтенный купецъ-редакторъ меланхолически объяснялъ происшествіе „избыткомъ просвѣщенія“. На это другая газета „Нижегородская Почта“ привела ироническую справку: Владиміровъ окончилъ только уѣздное училище. „Избыткомъ“ это могло казаться только г-ну Жукову.

То время было очень глухое для печати, и потому публика

умѣла ловить „оппозицію между строкъ“. Читатель отмѣтилъ, что Жуковъ, не отрицая „злодѣйскаго выстрѣла“, не желаетъ придавать дѣлу политическаго значенія. А уже это было все-таки знаменательно.

Въ то время въ Нижнемъ было три газеты (не считая „Епархіальныхъ Вѣдомостей“). Первая — указанный выше „Нижегородскій Биржевой Листокъ“, издаваемый бывшимъ рыбинскимъ мучнымъ торговцемъ, разорившимся на мучномъ дѣлѣ и потому отдавшимъ себя служенію провинціальной прессѣ *). Почти всю газету онъ наполнялъ самъ. Писалъ онъ полуцерковнымъ стилемъ, передовыя статьи начиналъ ирмосами и кондаками, а продолжалъ такъ витіевато и запутанно, что порой нельзя было добраться до смысла. Поволжскія газеты любили цитировать эти туманно-загадочные періоды для развлеченія своихъ читателей и смѣялись надъ „безграмотнымъ редакторомъ“. Жуковъ, впрочемъ, относился къ этимъ насмѣшкамъ съ величавымъ простодушіемъ.

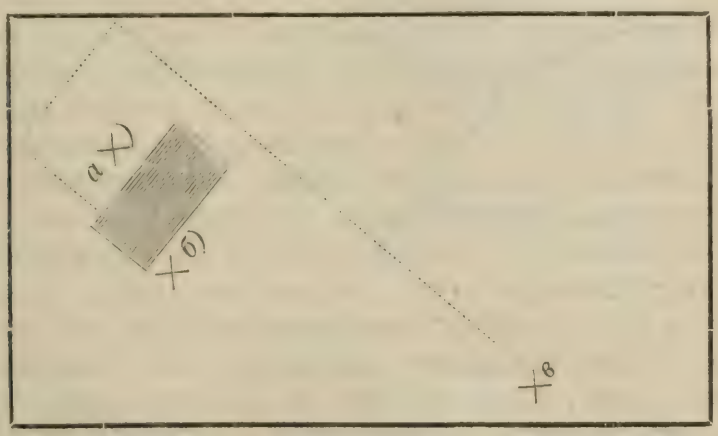
Ген. Барановъ придавалъ значеніе печатному слову, но онъ понималъ, что слово Жукова ничего не можетъ прибавить къ его лаврамъ, и относился къ „Листку“ съ нескрываемымъ пренебреженіемъ.

Полной благосклонностью губернатора и его канцеляріи пользовалась другая газета „Нижегородская Почта“, издававшаяся только во время ярмарки и являвшаяся филіальнымъ отдѣленіемъ пастуховскаго „Московскаго Листка“. Велась она бойко, живо, даже прямо талантливо, что станетъ понятно, если прибавить, что главной рабочей силой въ этой газетѣ былъ г-нъ Дорошевичъ. Фельетоны его сверкали тѣмъ же остроуміемъ, которое впослѣдствіи стало знакомо болѣе широкимъ и болѣе интеллигентнымъ кругамъ читателей, но въ то время оно было направлено въ другую сторону, если впрочемъ было вообще куда-нибудь направлено. Газета щеголяла ежедневнымъ фельетономъ и хроникой ярмарочной жизни, свѣдѣнія для которой получала изъ первыхъ источниковъ и всегда ранѣе „Листка“. Этимъ объяснялась отчасти нѣкоторая склонность къ оппозиціи со стороны Жукова и то обстоятельство, что среди запутанныхъ шарадъ съ текстами изъ священнаго писанія порой читатель улавливалъ (можетъ быть и не всегда основательно) непріятные для ген. Баранова намеки, хотя, конечно, не было недостатка и въ явно раболѣпныхъ панегирикахъ.

*) Объ этой несомнѣнно оригинальной фигурѣ разсказывалъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. М. Скабичевскій (въ „Новостяхъ“). Въ свое время имъ много занималась поволжская пресса.

„Нижегородская Почта“, а за нею „Московскій Листокъ“ первые дали обстоятельное и подробное описаніе покушенія и выстрѣла. Описаніе было составлено очень бойко и живо, основывалось, очевидно, на самыхъ компетентныхъ источникахъ, но хроникеръ видимо такъ стремился дать его читателямъ газеты поскорѣе, что совершенно не позаботился объ устраненіи бьющихъ въ глаза странностей. Между прочимъ, въ одной изъ этихъ газетъ былъ приложенъ и планъ губернаторскаго кабинета, гдѣ произошло покушеніе, съ точнымъ обозначеніемъ положенія дѣйствующихъ лицъ и мѣста, куда попала револьверная пуля.

Вотъ этотъ планъ *).



Зачерченный прямоугольникъ представляетъ столъ, за которымъ (буква *а*) сидѣлъ губернаторъ Барановъ. Буквою *б* обозначено положеніе стрѣлявшаго. Буква *в* поставлена въ томъ мѣстѣ, гдѣ пуля вошла въ толстую дубовую настилку паркета. Такъ какъ очевидно, что Владиміровъ, мѣтя въ губернатора, сидѣвшаго за столомъ, не могъ всадить пулю въ паркетъ въ противуположномъ концѣ комнаты (пуля при томъ вошла очень глубоко и почти вертикально), то хроникеръ построилъ собственную гипотезу, объяснявшую эту странность. По его мнѣнію, губительная пуля, пролетѣвъ у самой груди губернатора, ударилась въ стѣну, отразилась отъ нея, ударилась въ другую, опять отразилась и, пролетѣвъ черезъ большую комнату, вонзилась съ огромною еще силою въ паркетъ... Эту траекторію—вѣроятно неслыханную въ баллистикѣ, особенно для свинцовой револьверной пули, которая тутъ прыгаетъ и отражается точно костяной шаръ на билліардѣ,—хроникеръ изобразилъ для наглядности пунктирной линіей...

*) Воспроизвожу по памяти, ручаясь, однако, за точность существенныхъ деталей.

Совершенно понятно, что даже въ читателѣ не особенно внимательномъ это описаніе должно было вызвать нѣкоторое скептическое недоумѣніе. Эти чувства еще усилились, когда появился въ свѣтъ № 35 третьей нижегородской газеты, оффиціальныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, которыя, конечно, по самому своему положенію органа губернской власти, должны были знать всѣ подробности событія по „офиціальнымъ даннымъ“.

Оказалось, однако, что оффиціальный органъ далъ сообщеніе, образцово безсмысленное и полное самыхъ нелѣпыхъ противорѣчій. „21 августа (20?),—писалъ хроникеръ „Вѣдомостей“,—Владиміровъ, пользуясь доступностью генерала, обратился къ послѣднему съ просьбой принять его. На другой день (т. е. 22?) онъ былъ принятъ въ кабинетѣ, какъ обыкновенный посѣтитель. Долгое молчаніе преступника заставило генерала обратить на него вниманіе. Николай Михайловичъ взглянулъ на него и, увидя, что тотъ въ рукахъ держитъ револьверъ, направленный ему въ голову,—схватилъ преступника за руку“.

Итакъ, первый моментъ покушенія рисуется такъ, что генералъ Барановъ, погруженный вѣроятно въ дѣла, не обращаетъ вниманія на посѣтителя. Когда же „долгое молчаніе“ вошедшаго становится уже страннымъ,—онъ поднимаетъ глаза и видитъ револьверъ, направленный ему въ голову. Загадочный посѣтитель чего-то ждетъ въ этой эффектной позѣ. Онъ ждетъ даже, пока губернаторъ выйдетъ изъ-за стола и схватитъ его за руку. Дальше идетъ описаніе борьбы, для характеристики котораго достаточно привести слѣдующую замѣчательную фразу: „Злодѣй *не выпускалъ изъ рукъ* намѣченной жертвы, *стараясь схватить* ее (!!)“, и все завершается новой ошеломляющей неожиданностью: „Преступникъ говорилъ, что успѣху его злодѣянія *помѣшалъ разорванный карманъ его шароваръ,* въ которомъ находился револьверъ, что и помѣшало ему совершить преступленіе“. Итакъ, „преступнику“, стоявшему „въ долгомъ молчаніи“ съ револьверомъ, нацѣленнымъ прямо въ голову губернатора,—помѣшалъ выстрѣлить... разорванный карманъ его шароваръ!

Понятно, что эти изумительные варіанты сообщенія о фактической сторонѣ покушенія, данныя при томъ двумя газетами, черпавшими свѣдѣнія изъ непосредственныхъ источниковъ,—вызывали въ читающей публикѣ недоумѣнія и вопросы: что же собственно происходило 21 августа въ пріемной губернатора Баранова? И былъ ли въ дѣйствительности этотъ выстрѣлъ, отдавшійся такимъ громкимъ эхомъ по всей странѣ, или, какъ говорили уже нѣкоторыя лица, „склонныя къ оппозиціонному образу мыслей“,—никакого выстрѣла въ дѣйствительности не было.

Это послѣднее мнѣніе получило вскорѣ поддержку со стороны, тоже въ своемъ родѣ „компетентной". Осторожно, въ партикулярныхъ разговорахъ „по секрету" и „между нами", начальникъ жандармскаго округа, генералъ И. Н. Познанскій, сообщилъ кое-кому изъ знакомыхъ, что никакого выстрѣла не было.

Генералъ Познанскій — это была фигура тоже въ своемъ родѣ примѣчательная. Въ 70-хъ годахъ много писали о сенсаціонномъ процессѣ француженки-гувернантки Маргариты Жюжанъ, обвинявшейся въ отравленіи на романической почвѣ сына жандармскаго полковника, гимназиста Познанскаго. Присяжные дважды вынесли Маргаритѣ Жюжанъ оправдательный вердиктъ, въ обществѣ много говорили о жандармско-семейной драмѣ, по обыкновенію украшая ее мрачно-мелодраматическими атрибутами, чему отчасти способствовало оглашеніе дневника погибшаго загадочной смертію гимназиста. Такимъ образомъ, назначенный (уже въ чинѣ генерала) въ Нижній-Новгородъ,—Познанскій принесъ туда свою широкую и нѣсколько загадочную извѣстность. Впрочемъ, ничего особенно выдающагося и трагическаго въ этой обще-жандармской фигурѣ не замѣчалось. Это былъ довольно тучный старый человѣкъ, съ полными оранжеваго цвѣта губами и одутлымъ лицомъ привычнаго морфиниста. Особеннаго злопыхательства по своей должности онъ не проявлялъ, хотя полагающуюся по штату долю доносовъ, обысковъ и арестовъ выполнялъ неукоснительно. У него было нѣсколько „коньковъ", на которыхъ онъ выѣзжалъ съ упорствомъ маніака. Прежде всего— онъ считалъ и кричалъ объ этомъ повсюду, что нижегородская полиція „не стоитъ на высотѣ" и не способна оказывать ему содѣйствіе въ борьбѣ съ крамолой. Затѣмъ онъ считалъ себя ученымъ и по временамъ читалъ даже публичныя лекціи по гальванизму. Лекціи были совершенно бездарныя и скучныя по содержанію, но оригинальныя по обстановкѣ: въ качествѣ ассистентовъ выступали расторопные жандармскіе фельдфебели и унтеры, помогавшіе „начальнику округа" устанавливать и демонстрировать приборы. Порою ранніе посѣтители, приходившіе въ залъ всесословнаго клуба задолго до начала лекціи, натыкались на оригинальное зрѣлище: на театральной аренѣ съ приподнятымъ занавѣсомъ, имѣвшей при скудномъ освѣщеніи видъ нѣкоей пещеры, — суетился толстый генералъ на коротенькихъ ножкахъ, а по его командѣ молчаливые унтеры, позвякивая шпорами, разставляли какіе-то треножники и цилиндры, опутывая все это проволоками. Въ общемъ зрѣлище напоминало нѣчто фантастически-инквизиціонное. Мѣстные

корреспонденты приволжскихъ газетъ, народъ все болѣе или менѣе неблагонадежный, для которыхъ однако ненавистная служебная дѣятельность лектора была предметомъ недосягаемымъ,—пользовались случаемъ и накидывались на эти лекціи съ ожесточеніемъ, далеко непропорціональнымъ самому предмету. Вслѣдъ за лекціей, въ газетахъ Казани, Самары, Саратова являлись язвительные фельетоны, а иногородніе цензоры, не подозрѣвая „крамолы", пропускали ихъ, думая, что рѣчь идетъ о выступленіяхъ какого-нибудь заурядного „любителя". Познанскій, конечно, отлично чувствовалъ, въ чемъ тутъ дѣло, и употреблялъ всѣ усилія, чтобы раскрыть псевдонимы крамольниковъ, нападавшихъ такимъ лукаво-прикровеннымъ способомъ на самую „идею" жандармской власти. Если ему удавалось (иногда и ошибочно) узнать фамилію автора, то — совершенно bona fide онъ причислялъ его къ „неблагонадежнымъ элементамъ".

Наконецъ — была у Познанскаго еще одна слабость: онъ покровительствовалъ „кустарной промышленности". Вслѣдствіе этого жандармскіе нижніе чины, назначенные, напримѣръ, въ знаменитое кустарное село Павлово, кромѣ прямыхъ обязанностей—слѣдить за проявленіями „образа мыслей" — выполняли и другія болѣе мирныя функціи: скупали образцы издѣлій для кустарнаго музея, помѣщавшагося въ Нижнемъ на Б. Покровкѣ и тоже не свободнаго въ то время отъ частаго присутствія синихъ мундировъ. Это, конечно, вело къ разнымъ нежелательнымъ смѣшеньямъ, и я помню, что довольно приличнаго на видъ молодого человѣка, завѣдывавшаго въ то время музеемъ,—многіе—вѣроятно неосновательно — считали политическимъ сыщикомъ. И это понятно: трудно было разобрать, — кустарная ли промышленность диллетантски поощряется сыскными властями или, наоборотъ: профессіональный сыскъ пользуется видимостью кустарнаго диллетантства.

Этотъ жандармскій генералъ былъ въ сильныхъ „контрахъ" съ губернаторомъ. Во 1-хъ, они являлись соперниками по мѣстной „внутренней политикѣ". Во 2-хъ, Баранова, вѣроятно, задѣвали нападки Познанскаго на „подвѣдомую" губернатору полицію, а такъ какъ Барановъ былъ человѣкъ остроумный, то Познанскаго въ свою очередь бѣсили остроты губернатора, направленныя на его „ученую дѣятельность". Трудно опредѣлить въ точности, какъ это, въ конечномъ счетѣ, отражалось на судьбѣ обывателей. Съ одной стороны, — кто умѣлъ намекнуть въ просьбѣ губернатору, что онъ является жертвой жандармскихъ преслѣдованій, тотъ нерѣдко пользовался дѣятельной защитой Баранова; съ другой стороны,—тотъ же Ба-

рановъ, чтобы досадить Познанскому, изображалъ, напримѣръ, извѣстнаго иниціатора павловской артели А. Г. Штанге насадителемъ крамолы, которую, благодаря своей слабости къ кустарнымъ промысламъ, не видитъ окружной жандармскій начальникъ. Познанскій, конечно, аттестовалъ, съ своей стороны, и г-на Штанге, и артель съ наилучшей стороны, уже изъ противорѣчія Баранову. Петербургскія власти олимпійски взирали на эти диспуты представителей мѣстной администраціи, склоняясь то на ту, то на другую сторону. Барановъ, пользуясь правами усиленной охраны, выслалъ г-на Штанге за предѣлы губерніи, но аттестаціи Познанскаго помогли ему вернуться въ Павлово, какъ только окончилась ярмарка, а съ ней и охрана... Да, — то были счастливыя времена, когда охрана ограничивалась трехмѣсячнымъ срокомъ!

Итакъ, — этотъ жандармскій генералъ, если не самъ руководившій первоначальнымъ дознаніемъ о покушеніи, то во всякомъ случаѣ очень къ нему близкій, вскорѣ же, пожимая плечами, сообщилъ кое-кому (конечно, конфиденціально), что Владиміровъ вовсе не стрѣлялъ въ губернатора и что ничего „политическаго“ въ этомъ случаѣ нѣтъ. Была рукопашная, въ которой побѣдителемъ оказался Владиміровъ. Когда прибѣжавшіе на шумъ швейцаръ и прислуга схватили Владимірова, то, дѣйствительно, въ карманѣ послѣдняго оказался револьверъ. Генералъ Барановъ, взявъ этотъ револьверъ, отошелъ въ уголъ комнаты и со словами: „да онъ еще заряженъ ли?“ — выстрѣлилъ въ паркетъ. Этотъ-то выстрѣлъ и отдался затѣмъ по всей Россіи, какъ „покушеніе на нижегородскаго губернатора“!..

Сначала это казалось маловѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что ген. Барановъ совершенно недвусмысленно поддерживалъ версію о выстрѣлѣ *въ него* (даже во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о минувшей ярмаркѣ). Черезъ нѣсколько дней послѣ покушенія я встрѣтилъ на улицѣ покойнаго Александра Серафимовича Гацискаго, возвращавшагося отъ губернатора, у котораго онъ часто бывалъ по разнымъ дѣламъ. Онъ хорошо зналъ Баранова, но признавался близкимъ знакомымъ, что, даже зная „всѣ его фокусы“, не можетъ не питать къ нему какой-то труднообъяснимой слабости. Этой слабостью Барановъ пользовался совершенно безпощадно, и впослѣдствіи Гацискому пришлось за нее поплатиться тяжелыми нравственными страданіями *).

*) Между прочимъ, А. С. Гацискій былъ лѣтописцемъ Нижегор. края, и, если онъ довелъ свои дневники до 90-хъ годовъ, то вѣроятно въ нихъ можно найти и подробное описаніе покушенія 21 августа 1890 г. Я привожу ниже лишь съ памяти нѣкоторыя черты событія, какъ мнѣ разсказалъ ихъ А. С. при случайной встрѣчѣ.

Увидѣвъ на Студеной улицѣ характерную прямую фигуру Гацискаго, я подошелъ къ нему и, поздоровавшись, спросилъ:

— Скажите, Александръ Серафимовичъ,—что же въ концѣ концовъ: стрѣлялъ Владиміровъ въ Баранова, или не стрѣлялъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня, улыбнулся своей особенной добродушно-тонкой улыбкой и сказалъ:

— Вы это для „Русскихъ Вѣдомостей"?

— Для исторіи, Александръ Серафимовичъ, для исторіи!—отвѣчалъ я,—развѣ о такихъ вещахъ можно напечатать что-нибудь щекотливое въ газетахъ.

— Ну, извольте.—И онъ разсказалъ мнѣ, что ему удалось узнать изъ первыхъ рукъ.

Услыхавъ въ городской управѣ о „покушеніи", Гацискій тотчасъ же отправился къ губернатору „поздравить съ избавленіемъ отъ опасности", а также (опять таки не для газетъ, а „для исторіи") собрать точныя свѣдѣнія.

Пріѣхалъ онъ однимъ изъ первыхъ, когда очевидцы еще разсказывали по первому впечатлѣнію то, что видѣли, и не успѣла еще сложиться хоть сколько-нибудь стройная оффиціальная версія (она, впрочемъ, такъ и не успѣла сложиться до конца и попала въ печать „несобранной"). Первымъ подѣлился съ Александромъ Серафимовичемъ своими впечатлѣніями губернаторскій швейцаръ. Сей простодушный служитель сообщилъ, во-первыхъ, что Владиміровъ пришелъ 21 августа уже не въ первый разъ: онъ приходилъ и ранѣе, губернаторъ принималъ его въ кабинетѣ и, повидимому, за что-то сердился. Этотъ разъ вскорѣ послѣ того, какъ за посѣтителемъ закрылась дверь кабинета, послышался крупный разговоръ, а затѣмъ еще черезъ нѣкоторое время что-то запищало, „вродѣ какъ заяцъ". Швейцаръ и дежурный чиновникъ сохранили при этомъ полнѣйшее спокойствіе, такъ какъ думали, что это генералъ „учитъ" просителя.

— А развѣ бываетъ?—спросилъ Гацискій.

— Бываетъ,—просто отвѣтилъ швейцаръ (и этому кажется легко повѣрить, если прочитать хотя бы восторженную статью Дѣдлова въ „Недѣлѣ", озаглавленную „Электрическій генералъ" *) и разсказывающую объ обращеніи ген. Баранова съ чиновниками). Однако, черезъ нѣкоторое время звуки, доносившіеся сквозь запертую дверь, стали напоминать предсмертное хрипѣніе. Тогда швейцаръ съ дежурными чиновниками, опасаясь чего-нибудь экстренно дурнаго для „проси-

*) Книжки „Недѣли", кажется, 1895 года.

теля“, — вбѣжали въ кабинетъ. Здѣсь ихъ поразило совершенно неожиданное зрѣлище. Головой къ кушеткѣ, стоявшей у стола, на полу лежалъ ген. Барановъ, а на немъ сидѣлъ „проситель“, сжимавшій его за воротникъ съ такой силой, что—еще двѣ-три минуты—и жизни генерала Баранова грозила явная опасность...

— Ну, а когда же онъ стрѣлялъ?—спросилъ у швейцара Гацискій.

— Да онъ не стрѣлялъ вовсе. Когда Владимірова стащили съ его пр-ва, то обшарили у него карманы и нашли револьверъ.—„Ваше превосходительство,—у него револьверъ“,—сказалъ швейцаръ губернатору.—„Ну, что-жъ такое,—отвѣтилъ генералъ. — Да онъ еще можетъ быть и не заряженъ“. И, отойдя въ уголъ кабинета, генералъ выстрѣлилъ въ полъ.

Впослѣдствіи ген. Барановъ, бывшій предсѣдателемъ архивной комиссіи и заботившійся о матеріалахъ для мѣстной исторіи,—велѣлъ вынуть квадратъ паркета съ пулей и отдалъ его въ музей комиссіи. Тамъ онъ находится, если не ошибаюсь, и понынѣ. Слѣдъ пули почти вертикальный. Для того, чтобы, пролетѣвъ на два пальца отъ груди, пуля могла подобнымъ образомъ войти въ половицу,—выстрѣлъ долженъ бы быть сдѣланъ развѣ съ потолка.

Такъ эта исторія и осталась неразъясненной. Кажется, что комиссія въ секретномъ донесеніи отрицала выстрѣлъ, генералъ Барановъ настаивалъ, что въ него стрѣляли. Въ одномъ высоко-оффиціозномъ донесеніи онъ нарисовалъ даже психологію „покусителя“. По словамъ губернаторскаго доклада, Владиміровъ, живя въ Арзамасѣ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ ссыльныхъ. Въ своихъ „докладахъ“ Барановъ вообще съ истиной церемонился мало. Въ данномъ случаѣ, напримѣръ, любой критикъ доклада могъ бы доказать документально, что съ шестидесятыхъ годовъ, когда въ Арзамасъ былъ сосланъ извѣстный писатель Гирсъ, находившійся тамъ подъ надзоромъ полиціи, и до начала девяностыхъ—въ Арзамасъ никто не ссылался. Но въ шестидесятыхъ годахъ Владиміровъ былъ развѣ груднымъ младенцемъ, а въ концѣ 80-хъ жилъ уже въ Нижнемъ и служилъ въ полицейскомъ участкѣ. Такимъ образомъ, вся психологическая часть доклада, указывавшая на „развращающее вліяніе политическихъ ссыльныхъ“, въ данномъ случаѣ являлась совершенной и, конечно, завѣдомой „беллетристикой“.

О самомъ Владиміровѣ представленіе составить очень трудно. Это былъ, во всякомъ случаѣ, юноша загадочный и странный. Говорили, между прочимъ, о какой-то романиче-

ской исторіи и „соперничествѣ“, но это мало вѣроятно. Говорили также о мести за семейную честь, но также, кажется, безъ всякихъ основаній. Говорили наконецъ, будто при обыскѣ у Владимірова нашли цѣлую переписку съ какими-то женевскими „комитетами“, которая, будто нарочно, была уложена въ столѣ, въ полномъ порядкѣ пачками, перевязанная ленточками. Экспертиза признала, что всѣ эти письма написаны самимъ Владиміровымъ.

О судьбѣ Владимірова гадали различно. Предполагали военный судъ и смертную казнь. Жуковъ писалъ, какъ мы видѣли, о покушеніи, какъ объ особой формѣ самоубійства. Другіе говорили, что Владимірова увезли въ Петербургъ, что тамъ онъ сдѣлалъ какія-то разоблаченія, вслѣдствіе которыхъ его помилуютъ, а губернатора отдадутъ подъ судъ. Матеріалы слѣдствія были сбивчивы и противорѣчивы.

Мудрое начальство разрубило гордіевъ узелъ. Для суда, даже военнаго, данныхъ очевидно не было, да едва ли было удобно съ точки зрѣнія „престижа власти“ судебное разбирательство въ столь загадочномъ и фантастическомъ дѣлѣ. Но, предполагая даже и наименьшее, всетаки несомнѣнно, что человѣкъ, позволявшій себѣ сидѣть на губернаторѣ и душить его за горло,—обнаружилъ непочтительность къ власти и преступный образъ мыслей. Почему, не предавая виновнаго суду, дѣло разрѣшили келейно, въ „административномъ порядкѣ“.

Вскорѣ появились въ газетахъ краткія извѣстія о томъ, что по Высочайшему повелѣнію сынъ канцелярскаго служителя Владиміровъ отдается на 5 лѣтъ въ Оренбургскій дисциплинарный баталіонъ.

Газеты поневолѣ воздержались отъ комментаріевъ. Общество было предоставлено въ жертву разныхъ болѣе или менѣе фантастическихъ догадокъ и слуховъ. „Пуля“, кажется, до сихъ поръ хранится въ музеѣ, и „выстрѣлъ“ занесенъ въ лѣтопись безъ возраженій *).

1908 г.

*) Р. S. Впослѣдствіи г-нъ М. П. Б-въ сообщилъ мнѣ, что въ 1898 г. въ старой Самарской одиночной тюрьмѣ онъ во время прогулки столкнулся съ Владиміровымъ. Это, по его словамъ, былъ худой, изможденный человѣкъ, о которомъ надзиратели сообщали, что онъ пересылается изъ Крестовъ, гдѣ просидѣлъ 5 лѣтъ. „Я,—пишетъ г-нъ Б-въ,—перекинулся съ Влад. нѣсколькими словами и пришелъ къ заключенію, что пребываніе въ Крестахъ вѣроятно подѣйствовало на него очень тяжело... Онъ сильно заикался и вообще производилъ впечатлѣніе человѣка не совсѣмъ здороваго“. О пребываніи Владимірова въ дисциплинарномъ баталіонѣ я слышалъ отъ человѣка вполнѣ достовѣрнаго и полагаю, что г. Б. видѣлъ вѣроятно другого Владимірова.

Легенда о царѣ и декабристѣ.

(Страничка изъ исторіи освобожденія).

I.

10 сентября 1856 года губернаторомъ въ Нижній-Новгородъ былъ назначенъ генералъ-маіоръ Александръ Николаевичъ Муравьевъ.

Послужной списокъ новаго губернатора былъ не совсѣмъ обыкновенный. Родился въ 1792 году, девятнадцати лѣтъ участвовалъ въ отечественной войнѣ, получилъ знакъ отличія за кульмское сраженіе. Двадцати четырехъ лѣтъ былъ уже полковникомъ, но въ 1816 году, заразившись заграничными идеями, внезапно бросилъ службу и, вмѣстѣ съ Никитой Муравьевымъ, основалъ первое въ Россіи тайное общество „Союзъ благоденствія". Еще шагъ—и онъ очутился въ средѣ декабристовъ.

Въ „Росписи государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ" по дѣлу о возстаніи 14 декабря, А. Муравьевъ значится въ разрядѣ VI, гдѣ о немъ сказано такъ:

„Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго совершенно удалился, но о цѣли онаго не донесъ" *).

По приговору суда, государственные преступники этого разряда (которыхъ, впрочемъ, было только двое: полковникъ Муравьевъ и дворянинъ Люблинскій) подлежали ссылкѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ и поселенію въ Сибири. Но, въ виду „чистосердечнаго раскаянія", участь А. Н. Муравьева была смягчена. Онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь безъ лишенія чиновъ и орденовъ, а черезъ два года

---

*) См. „Декабристы" (оффиціальные документы). Изд. В. М. Саблина.

получилъ право опредѣлиться на государственную службу. Бывшій полковникъ, основатель „Союза благоденствія“ и декабристъ, сталъ въ 1828 году иркутскимъ городничимъ.

Съ этихъ поръ онъ проходилъ разныя ступени чиновничьей іерархіи, былъ послѣдовательно предсѣдателемъ — сначала иркутскаго, потомъ тобольскаго губернскаго правленія, исправлялъ временно должность тобольскаго губернатора, затѣмъ въ 1834 году возвратился въ Европейскую Россію, въ качествѣ предсѣдателя вятской уголовной палаты. Потомъ занималъ ту же должность въ губерніи Таврической, потомъ сталъ губернаторомъ въ Архангельскѣ. Въ 1854 году опять поступилъ на военную службу и участвовалъ въ севастопольской кампаніи. Здѣсь застала его перемѣна царствованія.

Молодой императоръ не скрывалъ своего желанія приступить къ освобожденію крестьянъ. Искренность этихъ его тогдашнихъ намѣреній обнаружилась, между прочимъ, въ томъ, что онъ окружилъ себя людьми, настроенными освободительно: параллельно съ оживленіемъ въ обществѣ и народѣ, въ бюрократіи тоже происходили соотвѣтственныя перемѣщенія и перемѣны. Муравьевъ рѣшилъ опять бросить военную службу и отдать великому дѣлу свою административную опытность, пріобрѣтенную въ сибирскихъ, вятскихъ и архангельскихъ чиновничьихъ дебряхъ.

Такимъ-то образомъ, въ тревожные, какъ грозовое весеннее утро, годы наканунѣ реформы, когда въ воздухѣ уже рѣяли всевозможные слухи и превратныя толкованія, когда въ народѣ разносились крамольныя вѣсти о предстоящей свободѣ, а дворянство и власти растерялись и не знали, какъ отнестись ко всему происходящему, — Нижній-Новгородъ былъ осчастливленъ вѣстью о назначеніи губернаторомъ основателя перваго въ Россіи тайнаго общества, бывшаго участника „въ замыслѣ цареубійства“, декабриста, приговореннаго нѣкогда къ каторгѣ.

Что же представлялъ онъ на самомъ дѣлѣ, и каково то „искреннее раскаяніе“, которое позволило „каторжнику“ подвигаться по ступенямъ службы и занять, наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ послѣ Петербурга и Москвы губернаторскихъ постовъ? Да еще въ такое тревожное время?

Естественно, что этотъ вопросъ, очень важный, пожалуй, трагическій для тогдашнихъ „командующихъ классовъ“ нижегородскаго губернскаго міра, занималъ всѣхъ при этомъ назначеніи. Ждать его разрѣшенія пришлось недолго. Губернаторъ-крамольникъ обнаружилъ свою личность выразительно и ярко, надолго оставивъ по себѣ память въ Нижегородскомъ краѣ.

II.

Въ то время, когда я поселился въ Нижнемъ, то есть въ половинѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, тамъ еще сохранялись кое у кого списки многочисленныхъ сатиръ и пасквилей, въ которыхъ поэты, главнымъ образомъ дворянскаго сословія, пытались воспроизвести фигуру Муравьева въ томъ видѣ, какъ она представлялась съ дворянской точки зрѣнія. Лѣтописецъ Нижегородскаго края, извѣстный въ свое время „областникъ", А. С. Гацискій тщательно собралъ и сохранилъ отъ забвенія эту рукописную литературу, передавъ ее въ мѣстную архивную комиссію. Въ 1897 году нѣкто г. Юдинъ извлекъ изъ архивныхъ нѣдръ и напечаталъ въ „Русской Старинѣ" (сентябрь) самое объемистое изъ произведеній этого „муравьевскаго цикла", такъ и озаглавленное: „Муравіада". Нужно сказать съ нѣкоторымъ прискорбіемъ, что это поэма очень грязная, написанная неуклюжимъ стихомъ и вообще бездарная до оскорбленія вкуса. Но для характеристики Муравьева въ ней всетаки есть интересныя черты. Г. Юдину показалось даже, что она выражаетъ отрицательное отношеніе къ Муравьеву всего населенія. Это — наивность тѣмъ большая, что „всего населенія" тогда, пожалуй, вовсе и не было. Были мужики, нетерпѣливо ждавшіе свободы и глухо волновавшіеся въ этомъ своемъ нетерпѣніи; было образованное общество, съ восторгомъ встрѣчавшее всякій шагъ на пути освобожденія, и было большинство дворянъ, растерянныхъ и испуганныхъ реформой. И у каждаго изъ этихъ элементовъ было свое отношеніе ко всему, въ томъ числѣ, конечно, и къ Муравьеву. Не трудно было разглядѣть, что „Муравіада" отражала губернатора-декабриста въ крѣпостническомъ зеркалѣ. Вся она проникнута острой, но безсильной враждой, вынужденной питаться пошловатыми мелкими сплетнями, направленными вдобавокъ (не совсѣмъ поджентльмэнски) не столько даже противъ самого Муравьева, сколько противъ жившей у него племянницы, фрейлины Муравьевой.

Надо, однако, отдать справедливость дворянской музѣ. Она не ограничилась одной „Муравіадой" и въ нѣкоторыхъ, не столь объемистыхъ ея произведеніяхъ видны, пожалуй, и искренность, и одушевленіе. Искренность вражды, одушевленіе ненависти, но все же эти чувства подымаютъ тонъ, диктуютъ порой яркіе, гнѣвные, иной разъ даже слишкомъ выразительные эпитеты.

Напримѣръ:

И отъ злости ты ревѣлъ,
Лиходѣй лукавый,
Что въ крестьянахъ не успѣлъ
Бунтъ возжечь кровавый.

Или:

Ты хитрѣйшій санкюлотъ,
Хуже всѣхъ французскихъ.
Девяносто третій годъ
Готовилъ для русскихъ.

Самые мягкіе изъ этихъ отзывовъ обвиняютъ Муравьева въ томъ, что онъ

...популярности искалъ,
Свободы духъ распространялъ,
Прогрессомъ бредилъ и народъ
На бунтъ подталкивалъ впередъ.

Особенно часто и злорадно дворянская сатира останавливается на такъ называемой „Муравьевской башнѣ". Въ 80-хъ и даже девятидесятыхъ годахъ остатки ея еще можно было видѣть на высокомъ берегу Оки, противъ ярмарки, и нужно признать, что сооруженіе вышло не изъ удачныхъ. Предполагалось водрузить на ней огромный циферблатъ, видный „со стрѣлки", который, повидимому, долженъ былъ напоминать всероссійскому купечеству обязательные часы открытія и закрытія лавокъ, во избѣжаніе законнаго штрафованія. Оказалось, однако, что часы видны плохо. Башня, кромѣ того, дала трещины, и верхній ея этажъ пришлось для безопасности проходящихъ снять. Дворянская сатира нашла въ этомъ предметѣ обильную пищу, и около „муравьевской дылды" зароились стишки, остроты, обвиненія, какъ грачи около старой колокольни. Много неуклюжихъ строкъ посвящено этой башнѣ въ „Муравіадѣ". Другой поэтъ видитъ въ ея постройкѣ скрытую цѣль:

— Ты башню здѣсь соорудилъ...
...Чтобъ поколѣнія земли
Въ виду ея съ почтеньемъ шли,
Воспоминая каждый разъ,
Какъ ты господствовалъ у насъ,
Какъ вольность здѣсь возстановилъ,
Вопросъ крестьянскій въ ходъ пустилъ.

Здѣсь дворянская муза непосредственно простодушна и искренна: она ставитъ вопросъ прямо, не прибѣгая къ мелкой сплетнѣ. Для нея преступленіе Муравьева состоитъ въ томъ, что онъ „возстановилъ вольность" и „пустилъ въ ходъ крестьянскій вопросъ", что и было на самомъ дѣлѣ.

Однако,—много было на Руси губернаторовъ, которые, по

приказу свыше и по долгу службы, „возстановляли вольность“ и содѣйствовали, по мѣрѣ силъ и усердія, рѣшенію крестьянскаго вопроса, однако, сколько извѣстно, ни одинъ не вдохновлялъ въ такой степени и такое количество дворянскихъ сатириковъ, какъ Муравьевъ. Вѣроятно потому, что въ нихъ видѣли просто исполнителей; на Муравьева же смотрѣли иначе: старый мечтатель и заговорщикъ,—

Тайнымъ дѣйствуя путемъ,
Съ молоткомъ масона,
Онъ хотѣлъ быть палачомъ
И дворянъ, и трона.

Крѣпостническое дворянство чувствовало въ Муравьевѣ не простого, хотя бы даже энергичнаго и умѣлаго исполнителя реформы. Въ его лицѣ, въ тревожное время, передъ испуганными взглядами явился настоящій представитель того *духа*, который съ самаго начала столѣтія призывалъ, предчувствовалъ, втайнѣ *творилъ* реформу и, наконецъ, накликалъ ее. Старый крамольникъ, мечтавшій „о вольности“ еще въ „Союзѣ благоденствія“ въ молодые годы, пронесъ эту мечту черезъ крѣпостные казематы, черезъ ссылку, черезъ иркутское городничество, черезъ тобольскія и вятскія губернскія правленія и, наконецъ, на склонѣ дней сталъ опять лицомъ къ лицу съ этой „преступной“ мечтой своей юности. Только теперь,—съ горечью говоритъ дворянскій поэтъ,—

...все измѣнилось:
За что онъ погибалъ,
За то теперь возвысился,
Въ чести и въ славѣ сталъ.

И былъ это уже не мечтатель изъ романтическаго „Союза благоденствія“, а старый администраторъ, прошедшій всѣ ступени дореформеннаго строя, не примирившійся съ нимъ, изучившій взглядомъ врага всѣ его извороты, вооруженный огромнымъ опытомъ. Вообще противникъ убѣжденный, страстный и—страшный!.. Научившійся выжидать, притаиваться, скрывать свою вѣру и выбирать время для удара. Когда, — говоритъ авторъ „Муравіады“, —

...на губернаторство
Къ намъ прибылъ Муравьевъ,
Скрывалъ свое онъ варварство,
Покуда здѣсь былъ новъ.

Скоро, однако, онъ выпустилъ когти и, прежде всего, по свидѣтельству того же поэта, — „*верхушки сталъ ломать*“. Поэма съ нескрываемымъ сочувствіемъ называетъ (иниціалами) нѣсколькихъ крупныхъ дѣятелей откупного и чинов-

ничьяго міра, которыхъ „сломалъ“ сбросившій маску декабристъ, и затѣмъ продолжаетъ съ негодованіемъ:

Да развѣ мы причиною,
Что съ нѣкоторыхъ поръ
Идетъ здѣсь подъ сурдиною
Всѣмъ людямъ переборъ.
Помѣщиковъ, сановниковъ
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей,
И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Къ статьѣ А. А. Савельева („Р. Старина“, іюнь 1898 г.), изъ которой я заимствовалъ нѣкоторыя изъ цитированныхъ фрагментовъ дворянской сатиры, приложенъ и портретъ Муравьева. Въ широкомъ, нѣсколько скуластомъ лицѣ сѣдого человѣка въ генеральскомъ мундирѣ сразу можно уловить типичныя муравьевскія черты; близкое родственное сходство съ его печально знаменитымъ виленскимъ братомъ сказывается ясно: та же энергія, тотъ же властный, только болѣе спокойный взглядъ, тотъ же отпечатокъ суровой угрюмости, только болѣе одухотворенный и благородный. Губы энергическаго склада, густыя брови надъ выразительными молодыми глазами. И мнѣ кажется теперь, когда я знаю основныя черты этого характера, что, спокойные на портретѣ, эти глаза должны легко вспыхивать, а около губъ ютится предчувствіе угрюмо насмѣшливой улыбки...

Еще характерная черточка бывшаго заговорщика.

Въ 80-хъ годахъ въ одномъ изъ журналовъ (кажется, въ „Вѣстникѣ Европы“) печатались записки крестьянина кустарнаго села Павлова, Сорокина. Это былъ мечтатель, человѣкъ безпокойный, типическій „ходокъ“, много и успѣшно воевавшій съ могущественнымъ крѣпостникомъ Шереметевымъ за интересы крестьянъ знаменитаго села Павлова. Дѣло это было сложное и запутанное, Шереметевъ—противникъ опасный. Когда однажды Сорокинъ явился къ Муравьеву, тотъ принялъ его, выслушалъ очень внимательно, а затѣмъ подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ дѣйствительно стоитъ только за интересы міра и не отступитъ передъ гоненіями. Послѣ этого до конца своей (недолговременной, впрочемъ) службы Муравьевъ горячо поддерживалъ Сорокина.

Мнѣ извѣстенъ и другой случай. Въ Нижнемъ я былъ знакомъ съ Василіемъ Михайловичемъ Воронинымъ (о которомъ мнѣ еще придется говорить дальше). Въ годы своей юности онъ служилъ при Муравьевѣ чиновникомъ особыхъ порученій и тоже былъ приведенъ старымъ декабристомъ къ

такой сепаратной присягѣ. Муравьевъ нѣкоторое время присматривался къ нему, давалъ разныя порученія. Однажды, оставшись съ нимъ наединѣ въ своей канцеляріи, онъ посмотрѣлъ на него особеннымъ, глубокимъ и, какъ показалось Воронину, растроганнымъ взглядомъ и затѣмъ сказалъ:

— Молодой человѣкъ. Вотъ вы только начинаете жизнь, прямо со школьной скамьи. Вы — не изъ дворянъ. Ваши отцы были мужики. Хотите вы дѣйствительно послужить дѣлу народа?

Удивленный и озадаченный этимъ необычнымъ обращеніемъ суроваго начальника, внушавшаго всѣмъ трепетъ, молодой чиновникъ отвѣтилъ утвердительно. Муравьевъ поднялся съ кресла, взялъ его за руку, подвелъ къ иконѣ и заставилъ поклясться, что онъ будетъ служить народу, не отступая ни передъ приманками, ни передъ угрозами.

Воронинъ былъ уже старикъ, когда я съ нимъ познакомился, но и по прошествіи четверти вѣка объ этой минутѣ вспоминалъ съ волненіемъ... Старый декабристъ, очевидно, не вполнѣ довѣрялъ устойчивости реформаторскихъ теченій, зналъ, что старое еще постоитъ за себя, и, кромѣ оффиціальныхъ сотрудниковъ, вербовалъ для предстоящей борьбы своего рода членовъ тайнаго союза благоденствія.

Къ такимъ своимъ присяжнымъ приближеннымъ Муравьевъ и относился особенно. Для остального чиновничьяго міра это была гроза. „При проклятомъ Мурашѣ,—говорилъ А. С. Гацискому одинъ изъ тогдашнихъ чиновниковъ,—никто покоенъ не былъ. Того и гляди, бывало, ляжешь спать судьей, а проснешься свиньей“ *).

III.

— Да, страшный былъ, — говорилъ тотъ же В. М. Воронинъ. — Хватка, понимаете, мертвая. Все въ немъ было необычайное какое-то, непривычное, приноровиться было трудно. Мужикамъ былъ доступъ къ губернатору чуть не во всякое время. Въ важныхъ случаяхъ — уводилъ ходоковъ въ канцелярію и тутъ опрашивалъ часами. Потомъ, обдумавъ, начинаетъ дѣйствовать.

Для характеристики муравьевской „мертвой хватки“ Воронинъ очень одушевленно, почти художественно разсказывалъ разные эпизоды, которые я тогда же, — къ сожалѣнію, слишкомъ краткими чертами, — набросалъ на клочкахъ. Постараюсь возстановить здѣсь одинъ такой случай.

---

*) А. С. Гацискій. „Люди Нижегородскаго Поволжья“.

Являются однажды ходоки отъ N-ской волости (Воронинъ назвалъ одну изъ волостей, кажется, Семеновскаго уѣзда). Волость заволжская, богатая, промышленная. Завелись въ ней издавна крупныя злоупотребленія. Застарѣлыя, такъ сказать, освященныя обычаемъ... традиціи! При назначеніи въ уѣздъ, такъ и считалось: жалованья столько-то, ну тамъ квартирныя, разъѣздныя, да еще въ N-ской волости. Кромѣ уѣздныхъ властей, перепадало и губернскимъ чиновникамъ, и такъ эта традиція укрѣпилась, что никому и въ голову не приходило посягать на нее. Куда тамъ! Твердыня и только. Мужичишки и жаловались, особенно новымъ губернаторамъ, на всякіе сверхъестественные поборы и растраты, да сами же всегда оставались виновны. Прослышавъ о Муравьевѣ, не въ долгомъ времени по его назначеніи, опять послали ходоковъ. Служили молебны, снаряжали, точно на войну. Знали уже по опыту, что дѣло это опасное.

Принялъ ихъ „Мурашъ", долго и секретно бесѣдовали. Потомъ зоветъ меня:—„Займитесь, молодой человѣкъ, разсмотрѣніемъ дѣлъ по прежде бывшимъ жалобамъ мужиковъ N-ской волости. Потребуйте изъ канцеляріи дѣлопроизводство". Черезъ нѣсколько дней спрашиваетъ:—„Ну, что? Разобрались? Поняли, въ чемъ дѣло?"—Нѣтъ, ничего не понялъ, ваше превосходительство. По документамъ, какъ будто, все правильно.—„Ну, конечно, говоритъ. Конечно".

Черезъ нѣсколько дней, такъ уже передъ вечеромъ, прибѣгаетъ за мной курьеръ.—„Пожалуйте, спѣшно требуетъ губернаторъ". Бѣгу во дворецъ *). У крыльца стоитъ уже тройка, запряженная въ простой крытый тарантасъ. Являюсь.—„Ну, молодой человѣкъ, собирайтесь въ дорогу".

— Когда прикажете?—„Сейчасъ прикажу. Видѣли: лошади уже поданы. Со мной поѣдете. Сбѣгайте домой, захватите важнѣйшія бумаги по N-ской волости и черезъ двадцать минутъ чтобъ уже были здѣсь".—Слушаю!—Повернулся я, бѣгомъ пустился на квартиру, захватилъ кое-какія бумаги и одѣлся. Прибѣжалъ раньше, чѣмъ черезъ двадцать минутъ. Смотрю: старикъ уже готовъ. Ни дать, ни взять — сибирскій прасолъ. Ничего сановнаго.

Сѣли въ тарантасъ.—„Куда прикажете ѣхать?"—Къ перевозу за Волгу.—Подъѣхали къ Борскому перевозу. Темнѣетъ уже, дождь моросить, дѣло осенью. Паромъ на той сторонѣ. Я было засуетился, хотѣлъ прикрикнуть:—„Не знаете, дескать,

---

*) Губернаторскій домъ въ Нижнемъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству и называется „дворцомъ".

кто дожидается!"—Но старикъ остановилъ: „Ничего, молодой человѣкъ. Подождемъ, люди небольшіе!"... Сидимъ въ тарантасѣ, дождикъ на рѣку падаетъ, паромщики не торопятся. Не узнали или прикидываются канальи, что не узнали, кто ихъ тамъ разберетъ. А только вѣрнѣе, что прикидываются. Исправникъ орелъ былъ, молодчина. Давно уже прослышалъ, что и мужичишки-то нажаловались, и бумаги затребованы... Все бросилъ. Днюетъ и ночуетъ на той сторонѣ у перевоза, чтобы встрѣтить, если командируютъ какую-нибудь внезапную ревизію. Сидимъ мы, вдругъ это лодочка отъ берега шасть... Черезъ минуту уже и не видно, — на серединѣ рѣки! Я и вниманія не обратилъ, а старикъ высунулъ голову, смотритъ вслѣдъ.—„Понимаете, молодой человѣкъ?"—Никакъ нѣтъ, ваше-ство... Не понимаю.—„Скоро поймете. Учитесь все понимать. Простота, молодой человѣкъ, хуже воровства!.."

Подошелъ, наконецъ, и паромъ. Такъ же, не торопясь, ввели нашъ тарантасъ, двинулись мы за Волгу. Это былъ первый выѣздъ не то и самого Муравьева, не то мой съ Муравьевымъ. Не помню. Холодно, дождь подъ навѣсъ забиваетъ, рѣка черная. Тихо. Пароходовъ тогда было еще мало, да и время глухое. Подошелъ паромъ къ берегу, свели нашу тройку.— Трогай! — Только было лошади взяли на взвозъ, вдругъ — стопъ! Остановка. Прямо на дорогѣ стоитъ большая фигура.

— Что такое?—спрашиваетъ старикъ. Ямщикъ наклонился и говоритъ:—„Исправникъ".—Ну, что, молодой человѣкъ?—говоритъ губернаторъ.—Теперь поняли? Лодочка-то? А? Спросите, пожалуйста, у г-на исправника, что ему нужно.

Только успѣлъ я соскочить, а исправникъ ужъ тутъ. Вытянулся и руку подъ козырекъ держитъ, по военному; фигура бравая, заглядѣнье.—„Съ рапортомъ,—шепчетъ мнѣ,—по должности... На границѣ уѣзда..." Только было началъ: „Честь имѣю"...—какъ губернаторъ не далъ ему докончить и зоветъ меня:

— Молодой человѣкъ!

— Слушаю-съ.

Наклонился ко мнѣ изъ повозки и тоже шепчетъ: — Скажите ему, пожалуйста, что я подъ надзоромъ полиціи давно не состою...

Исправникъ такъ и поперхнулся, скосивши на меня глаза. А старикъ опять:

— Спросите, молодой человѣкъ: приказъ онъ читалъ?

А дѣйствительно, былъ приказъ: никакого начальства на границахъ уѣздовъ и становъ не встрѣчать, а ждать вызова. Положимъ... и послѣ этого много такихъ приказовъ было, а

и до сихъ поръ встрѣчаютъ. Да и невозможно это, правду сказать, то есть, чтобы не встрѣчать... Самъ я потомъ исправникомъ былъ, понимаю. Вѣдь что, подумайте только: пытка. Знаешь, что начальство уже вступаетъ въ твои предѣлы, вродѣ, такъ сказать, переправы черезъ Березину. А ты сиди у себя въ канцеляріи, жди вызова. А вдругъ тамъ какое-нибудь неблагополучіе... Долго ли, въ самомъ дѣлѣ, до грѣха? Ну, тогда еще молодъ былъ, въ исправникахъ не служилъ и, кромѣ того, воспламененъ былъ до извѣстной степени. Сочувствія къ положенію бѣдняги не ощущалъ.—„Такъ и такъ,— говорю довольно даже строгимъ голосомъ:—согласно приказу отъ такого-то числа, потрудитесь отправиться въ свою канцелярію и ждать приказаній". Щелкнулъ бѣдняга каблуками въ грязи, откозырялъ, повернулся и пошелъ. Скоро и колокольцы забрякали.

— Уѣхалъ?—говоритъ мой старикъ.—Ну, слава-те Господи! Садитесь, молодой человѣкъ. Поѣдемъ и мы. Ямщикъ, — валяй въ N—ское село...

Зѣвнулъ, перекрестился и, кажется, заснулъ...

Поздно ночью подъѣхали къ волости. Соскочилъ я, стучу въ запертую ставню. Долго не могъ добудиться... Спятъ себѣ крѣпкимъ деревенскимъ сномъ, и не снится имъ, что гроза на носу. Наконецъ, засвѣтили огонь. — Кого, дескать, Богъ принесъ?

— Отворяйте.

— Кто тамъ?

— Губернаторъ!

Ну, легко представить, какой это произвело эффектъ. Писарь не знаетъ, одѣваться ему или такъ выскочить. Глаза безумные,—все еще не проснулся, и душитъ его кошмаръ. Однако, ничего. Вошли мы. Старикъ поздоровался. Видитъ писарь, что тотъ на него не кидается, и даже на губернатора не похожъ. Ободрился. Самоварчикъ поставилъ, обогрѣлись мы. А ужъ тутъ и старшина явился. Стоитъ у двери, глядитъ непонимающими этакими глазами, вздыхаетъ.

Послѣ чаю, разумѣется, предлагаютъ его превосходительству отдохнуть: постели готовы. Утро, дескать, вечера мудренѣе. Я, было, признаться, уже и потянулся. Хорошо вѣдь это, послѣ долгой дороги, да по грязи, да въ слякоть. А старикъ, какъ будто, и не замѣчаетъ.—„Ну, говоритъ, теперь, молодой человѣкъ, приступимъ къ ревизіи".—Господи, — думаю,—что это такое? — Не прикажете ли говорю, ваше превосходительство, отложить до завтра? — „Нѣтъ, говоритъ, не прикажу. Приступайте къ обозрѣнію дѣлопроизводства".

Дѣлать нечего. Разложилъ я на столѣ бумаги, принялся обозрѣвать. Тутъ и днемъ-то чортъ ногу сломитъ, а тутъ не угодно ли: ночью. Спать хочется. Сижу, хлопаю глазами, дѣлаю видъ, что читаю, листы поворачиваю. А онъ, злодѣй, закурилъ трубку. Съ длиннымъ этакимъ чубукомъ трубку все, бывало, куритъ... И ходитъ изъ угла въ уголъ, какъ ни въ чемъ не бывало... Еще посмѣивается. Остановился, показываетъ на меня чубукомъ:

— Видите? — говоритъ. Тѣ вскинули на меня глазами и говорятъ:—„Видимъ, ваше-ство".—Вотъ, вѣдь, и молодой, а дока! Сквозь бумагу и то все досмотритъ.

И опять ходитъ... Вы только представьте, господа, эту картинку. У порога писарь и старшина стоятъ, поднятые со сна точно трубой архангела. Я за столомъ, уткнулся въ дѣла и строчекъ не вижу. Только бы носомъ не клюнуть. На дворѣ дождь все шумитъ этакъ томительно, часы тикаютъ, сверчокъ свиститъ... Вздохнетъ кто-нибудь... А онъ все ходитъ. Остановится, посмотритъ на писаря и старшину и опять зашагаетъ.

И вдругъ... точно промчалось что-то среди этой томительной тишины... Прокинулся я,—сна, какъ не бывало. Гляжу, стоитъ мой старикъ противъ двери, даже ростомъ выше сталъ. Глаза, какъ свѣчки. Голосъ рѣзкій, точно по желѣзу ударяетъ:

— Ну, будетъ! Что тутъ играть. Все равно разберемъ. Говори прямо: воровали?

Писарь-бѣдняга, до сихъ поръ какъ съ креста снятый, тутъ вдругъ будто даже обрадовался.

— Такъ точно, — говоритъ, — ваше-ство... Воровали. Искони-бѣ...

— Ну, вотъ и отлично. Поди, показывай, въ чемъ дѣло.

Кинулся писарь къ столу, самъ листы переворачиваетъ, показываетъ мнѣ, разъясняетъ... И даже старшина нѣтъ-нѣтъ, слово вставитъ. Съ меня и сонъ долой... Рука такъ и бѣгаетъ по бумагѣ... Часа въ три вся суть этихъ долголѣтнихъ махинацій была какъ на ладонкѣ.

Къ вечеру слѣдующаго дня, не заѣзжая въ уѣздный городъ, опять были мы на перевозѣ. А тамъ пошло: „Потребовать исправника! Потребовать того, другого..." Началась переборка, пошелъ по губерніи трезвонъ: новый губернаторъ въ одинъ день раскопалъ всю N-скую твердыню, стоявшую, можно сказать, съ незапамятныхъ временъ... Да... вотъ какой былъ нашъ старикъ. Рѣзвый... Одно, два, понимаете, такихъ дѣла,— по канцеляріямъ пошла паника. Ужасъ почти суевѣрный.

Отъ „проклятаго Мураша“, дескать, не скроешься. Все видитъ насквозь... Ну, а такъ какъ, извѣстно, кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ, то всякій только молитъ Господа: помилуй и заступи! Всѣ, дескать, подъ Мурашомъ ходимъ. Зато ужъ, — приказалъ... изъ кожи вылѣзутъ. Мы, молодые чиновники, за совѣсть, по клятвенному обѣщанію. Старые служаки изъ страха. Знаютъ, что Мурашъ своими зоркими глазами видитъ ихъ насквозь и значитъ, чуть что... Кончено!

. . . . . .

Образъ, который рисуется въ этомъ разсказѣ современника, выступаетъ въ такомъ же видѣ и въ „Муравіадѣ“. Авторъ дворянской сатиры свидѣтельствуетъ, что ненавистный Мурашъ дѣйствовалъ такъ же неожиданно и въ другихъ случаяхъ, когда приходилось имѣть дѣло не съ одними писарями. Вскорѣ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, онъ

...по всѣмъ вѣдомствамъ
Верхушки сталъ ломать
камуфлеты ловкіе
сюрпризомъ задавать...
...Помѣщиковъ, сановниковъ,
Всѣхъ гонитъ нашъ кащей,
И душитъ онъ чиновниковъ,
Какъ жирный котъ мышей.

Но, разумѣется, старый крамольникъ, которому, вѣроятно, надоѣло гоняться за хищниками въ Сибири и Архангельскѣ,— не затѣмъ попросился опять на гражданскую службу, чтобы играть роль кота въ чиновничьемъ подпольѣ. Онъ только готовился такимъ образомъ къ предстоящей реформѣ, которая должна была повернуть въ корнѣ самые устои дореформеннаго порядка... Ему нужно было укрѣпиться, сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть. И скоро это было достигнуто. — То диво-ль, — съ горечью спрашиваетъ авторъ „Муравіады“, —

...что полицію,
Имущества, удѣлъ,
Финансы и юстицію
Дѣдъ все къ себѣ поддѣлъ.

И далѣе:

...Къ несчастью,—это такъ:
Давно ужъ всю губернію
Зажалъ нашъ дѣдъ въ кулакъ.

Теперь у стараго заговорщика все уже было готово для генеральной битвы...

IV.

Извѣстно, что императоръ Александръ II, готовясь нанести ударъ главнѣйшей изъ дворянскихъ привилегій—владѣнію людьми,—въ то же время желалъ непремѣнно, чтобы дворянство само потребовало этой реформы. Такъ порой родители, придя къ убѣжденію, что любимому ребенку необходима операція,—стараются убѣдить его, что, въ сущности, и самъ онъ желаетъ, чтобы ему сдѣлали больно. Дворянство не очень-то желало, чтобы ему сдѣлали больно, и дворянская Россія молчала, не понимая очень ясныхъ намековъ.

Наконецъ, въ октябрѣ 1857 года въ Петербургъ прибылъ виленскій ген.-губернаторъ Назимовъ и привезъ довольно скромное по существу ходатайство дворянъ трехъ литовскихъ губерній: Виленской, Гродненской и Ковенской. Хотя по этому проекту освобожденіе предполагалось безъ земли, и заявленіе исходило отъ поляковъ, но все же въ Петербургѣ схватились за него, какъ за первое открытое выраженіе „дворянскихъ желаній". Послѣдовалъ историческій рескриптъ на имя Назимова, разосланный затѣмъ при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского черезъ губернаторовъ всѣмъ предводителямъ дворянства русскихъ губерній. Ждали, что великорусское дворянство, въ свою очередь, поддастся патріотическому порыву...

Отъ этого зависѣло многое. Если бы это не удалось,—кто знаетъ, рѣшился ли бы Александръ II на эту тяжелую операцію.

„Первоначальное впечатлѣніе циркуляра отъ 24 ноября,—писалъ Муравьевъ Ланскому, съ которымъ состоялъ въ дѣятельной перепискѣ,—заключалось въ общемъ недоумѣніи. Дѣло было слишкомъ новое, никто его не ожидалъ въ такой скорости". Пока большинство пребывало въ этихъ недоумѣнныхъ чувствахъ, дѣло, какъ это бываетъ часто,—рѣшилъ героическій порывъ небольшой кучки. Въ Нижнемъ въ то время была либеральная группа дворянъ-ополченцевъ, вернувшихся изъ похода, наслушавшихся въ Москвѣ пылкихъ рѣчей славянофиловъ. На губернскомъ собраніи 17 декабря эта молодежь, выслушавъ прочитанный предводителемъ рескриптъ Назимову,—закричала, что дворяне „желаютъ не только улучшить, но и покончить навсегда съ крѣпостнымъ правомъ". Эти же ополченцы-дворяне, не давъ опомниться другимъ, тотчасъ же составили постановленіе, заставили подписать его и избрали А. Х. Штевена для поднесенія своего акта отреченія государю.

Такъ разсказываетъ объ этомъ моментѣ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ участниковъ, дворянинъ Н. И. Русиновъ. „Все это, — продолжаетъ онъ, — было дѣломъ чуть не минуты". Прямо изъ собранія восторженно настроенная молодежь явилась съ копіей адреса къ Муравьеву. Это было въ три часа ночи. Русиновъ говоритъ, что „старый революціонеръ, какъ его втихомолку называли, громко зарыдалъ". Въ ту же ночь, съ 17 на 18 декабря, онъ экстренно отправилъ правителя канцеляріи Разумова въ Москву, чтобы сообщить о событіи телеграммой (въ Нижнемъ телеграфа еще не было). А на слѣдующій день спѣшно выдалъ Штевену курьерскую подорожную и всѣми мѣрами спѣшилъ отправить его въ Петербургъ съ подлиннымъ постановленіемъ. „Тогда только,— прибавляетъ Русиновъ (то есть увидѣвъ радость „стараго революціонера" и его торопливость),—многіе и многіе почесали свои затылки, но было уже поздно" *).

Дѣло было сдѣлано. Въ Петербургѣ тоже торопились ковать желѣзо, пока горячо, и уже 24 декабря, т. е. наканунѣ Рождества, въ сочельникъ, былъ подписанъ Высочайшій рескриптъ нижегородскому дворянству на имя губернатора. Онъ пришелъ въ Нижній на святкахъ, и 1-го января новаго 1858 года губернаторъ препроводилъ его губернскому предводителю, разумѣется со всякими поздравленіями. Такимъ образомъ, въ видѣ новогодняго подарка, старый декабристъ поднесъ дворянству пріятное признаніе, что оно первое заявило желаніе не только улучшить, „но и совсѣмъ уничтожить" крѣпостное право.

Плотина была прорвана, пауза кончилась. За нижегородскимъ адресомъ послѣдовали другіе... Во исполненіе этихъ „горячихъ желаній" самого дворянства, стали одинъ за другимъ возникать „комитеты".

И вмѣстѣ съ этимъ патріотическое одушевленіе схлынуло, уступая мѣсто отрезвленію. Едва начались засѣданія нижегородскаго губ. комитета подъ предсѣдательствомъ либеральнаго предводителя Болтина, едва комитетъ, такъ сказать по инерціи, — составилъ нѣсколько пунктовъ своего проекта, болѣе или менѣе „согласно съ видами правительства", какъ поднялась рѣзкая оппозиція большинства. Всѣ предложенія „либераловъ" были отвергнуты, и Болтинъ увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить предсѣдательство представителю реакціоннаго большинства, Я. И. Пятову.

---

*) А. С. Гацискій. „Люди Нижегородскаго Поволжья". — „Дѣйствія Нижегор. Арх. Комиссіи", т. III, Ст. Спѣхневскаго.

Такимъ образомъ, дворянство, „первымъ откликнувшееся на великодушный призывъ монарха“ — теперь первое ударило отбой, и къ нему обратились взоры всѣхъ крѣпостниковъ Россіи. Съ Пятовымъ заодно оказались теперь многіе, радостно кричавшіе „ура“ и украсившіе своими подписями первый адресъ. Впослѣдствіи тѣ же подписи стояли подъ проектомъ контръ-адреса, гдѣ „отреченіе“ объяснялось непониманіемъ значенія реформы и зложелательностью нѣкоторыхъ дворянъ къ своему сословію.

V.

Положеніе Муравьева стало очень труднымъ. Пятовъ въ дворянствѣ былъ человѣкъ новый, выскочка, до тѣхъ поръ не пользовавшійся особымъ значеніемъ. Но за нимъ стояла фигура, гораздо болѣе значительная и опасная: Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ.

Это имя памятно еще и до сихъ поръ въ Нижегородскомъ краѣ. Спускаясь на пароходѣ внизъ по Волгѣ отъ Нижняго къ Василь-Сурску, на лѣвой луговой сторонѣ можно видѣть издали грузныя постройки довольно мрачнаго вида. Это шереметевское имѣніе Юрино. Если вы спросите о немъ какого-нибудь стараго лоцмана, онъ разскажетъ вамъ, что это мѣсто называлось въ старину „Шереметевской Сибирью“. Домъ, который теперь виднѣется надъ заволжскими лугами, сравнительно новый. Прежде здѣсь было нѣчто вродѣ феодальнаго замка, впослѣдствіи сгорѣвшаго. Надъ этимъ пепелищемъ носятся до сихъ поръ мрачные разсказы о казематахъ и даже подземельяхъ, въ которыхъ томились шереметевскіе ослушники. Полиція едва смѣла показываться въ шереметевскихъ владѣніяхъ, и никто не могъ вмѣшаться въ отношенія Шереметева къ его рабамъ.

Главныя имѣнія С. В. Шереметева были въ другомъ мѣстѣ, — село Богородское, съ прилегающими 28-ю деревнями. Богородское и теперь славится кожевеннымъ производствомъ, которое повелось тамъ изстари, и шереметевскіе крѣпостные, народъ предпріимчивый, промышленный, жили зажиточно. Они купили на имя помѣщика (еще отца или дѣда Сергѣя Васильевича) собственную землю, нѣкоторые изъ нихъ гоняли по Волгѣ баржи, торговали кожами, хлѣбомъ и лѣсомъ. Большая часть изъ нихъ жили на оброкѣ, выплачивая помѣщику огромные платежи за право торговли и промысловъ. Въ дѣлахъ нижегородской архивной комиссіи есть окладныя книги села Богородскаго за 1858 годъ, изъ которыхъ видно, что девять такихъ крѣпостныхъ платили въ годъ оброка отъ 500

до 1.500 рублей, 24 человѣка отъ 200 до 375, сто человѣкъ до 95 рублей... Устанавливалось это понемногу, и можно думать, что при прежнихъ Шереметевыхъ суровый режимъ казался всетаки переносимымъ. Это было настоящее царство патріархальнаго феодализма. Получая огромные доходы, владѣльцы проявляли нѣкоторую заботу о своихъ „оброчникахъ“: въ Богородскомъ былъ докторъ, аптека, богадѣльня для престарѣлыхъ съ отдѣленіемъ для роженицъ, три школы.

Въ переходное время отношенія всегда обостряются. Мракъ часто сгущается передъ разсвѣтомъ, привидѣнья снуютъ передъ крикомъ пѣтуха. Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, подъ вліяніемъ толковъ о волѣ, которая, конечно, должна была прекратить эти источники небывалыхъ доходовъ, — задумалъ сразу выжать изъ своего владѣльческаго права все, что возможно, хотя бы и путемъ полнаго разоренія крестьянъ. Онъ выработалъ планъ „добровольнаго выкупа“, назначивъ за каждый рубль оброка по 25 рублей выкупной суммы. По этому плану, съ одного, напримѣръ, богатаго крестьянина помѣщикъ долженъ бы получить 38.250 рублей. Совершенно понятно, что крестьяне „оказали упорство“ и отъ добровольной сдѣлки отказались. Тогда Шереметевъ созвалъ выборныхъ, которые въ шереметевскихъ вотчинахъ назывались „думчими“, и потребовалъ, чтобы они подписали актъ соглашенія отъ лица всѣхъ. Думчіе тоже отказались. Шереметевъ пришелъ въ совершенное неистовство: онъ лично избивалъ упрямцевъ, отсылалъ ихъ на расправу къ становымъ, сажалъ въ тюрьмы, сдавалъ въ рекруты и ссылалъ въ свою Сибирь, — Юрино, захватывая на мѣстѣ дома и усадьбы ссыльныхъ.

Призракъ умирающаго крѣпостного строя всталъ передъ зарей надъ шереметевскими владѣньями, кидая свою мрачную тѣнь на весь край, наводя ужасъ на однихъ и ободряя другихъ. Губернія наполнилась чудовищными разсказами, воплями, жалобами. Было извѣстно, что Шереметевъ „лично извѣстенъ“, что при дворѣ у него огромныя связи, близкая дружба съ Адлербергами и другими высокопоставленными противниками реформы. Его примѣръ ободрилъ остальныхъ. Пошли слухи, что „правительство перемѣнило намѣреніе, и все останется по старому“. Члены губернскаго комитета перестали собираться, надѣясь сбить всѣ эти проекты изморомъ. Когда же Муравьевъ объявилъ, что постановленія комитета будутъ считаться дѣйствительными при наличности хотя бы трехъ членовъ, то комитетъ возобновилъ свои засѣданія, но вскорѣ принялъ рѣшеніе—„уничтожить все доселѣ сдѣланное и начать всю работу снова на началахъ выкупа личности“...

Муравьевъ почувствовалъ, что наступаетъ рѣшительная минута, и выступилъ противъ Шереметева. Понятно, съ какимъ захватывающимъ вниманіемъ всѣ слѣдили за исходомъ этой борьбы бывшаго декабриста съ властнымъ крѣпостникомъ. Молва еще усиливала драматизмъ этой схватки. Говорили, будто 14 декабря, когда Муравьевъ стоялъ на площади вмѣстѣ съ бунтовщиками и когда исходъ возстанія былъ еще сомнителенъ,—Шереметевъ, тогда еще молодой артиллеристъ, первый направилъ въ бунтовщиковъ пушечный выстрѣлъ, рѣшившій дѣло. Это, разумѣется, была фантастическая легенда, но она придавала борьбѣ особую окраску: вѣрный царскій слуга и усмиритель бунта отстаивалъ интересы крѣпостническаго дворянства; бывшій заговорщикъ, участвовавшій въ умыслѣ на цареубійство, и бунтовщикъ стоялъ за дѣло крестьянъ и реформы... Легко представить себѣ, что было бы съ Муравьевымъ при такой постановкѣ вопроса въ наше время?

Тогда не такъ боялись страшныхъ словъ, но все же положеніе Муравьева поколебалось. Ланской, человѣкъ убѣжденный и искренно связавшій свою судьбу съ дѣломъ реформы, находилъ всетаки, что декабристъ-губернаторъ дѣйствуетъ слишкомъ круто. Муравьеву все казалось просто: онъ принималъ крестьянъ, выслушивалъ ихъ жалобы и обѣщалъ защиту. Большинству комитета грозилъ даже народной местью. „Прошу размыслить о томъ, — писалъ онъ, — что укоръ въ сопротивленіи Высочайшей волѣ можетъ быть произнесенъ тѣмъ сословіемъ, надъ устройствомъ быта котораго дворянство трудится. Страшно можетъ выразиться приговоръ и пробужденіе народа, признавшаго себя по произволу лишеннымъ права и надежды выкупомъ пріобрѣсти то, *что ему всенародно обѣщано словомъ монаршимъ*". Что же касается Шереметева, который все усиливалъ свои жестокости и къ этому времени затѣялъ захватить въ свои руки всѣ вотчинныя бумаги, — то губернаторъ послалъ въ шереметевскую столицу своихъ чиновниковъ, и они (дѣло небывалое)—въ центрѣ его владѣній опечатали бумаги. У Ланского Муравьевъ требовалъ немедленнаго назначенія формальнаго слѣдствія надъ Шереметевымъ, чтобы сразу сломить центръ крѣпостническаго упорства, при чемъ указывалъ даже и слѣдователя, вице-губернатора, „на котораго одного можно положиться".

Противники тоже не остались въ долгу. Комитетъ составилъ постановленіе, въ которомъ жаловался, что бумага губернатора „есть ничто иное, какъ „*слово и дѣло*", оффиціальною властью пущенное въ народъ" и угрожающее страшными послѣдствіями. Шереметевъ прямо обвинялъ губернатора въ

подстрекательствѣ къ бунту. Жалуясь на опечатаніе вотчинныхъ бумагъ, онъ писалъ ядовито, что это, какъ извѣстно, „дѣлается только съ государственными преступниками, къ числу которыхъ я не могу быть причисленъ... Въ родѣ Шереметевыхъ (мы всѣ гордимся этимъ) измѣнниковъ никогда не бывало и, съ Божіей помощью, не будетъ“, а „подстреканіе крестьянъ къ бунту врядъ ли можетъ обезпечить общественное спокойствіе“... „Въ такомъ случаѣ строгой отвѣтственности должны подвергаться не крестьяне, а тѣ, которые ихъ поджигаютъ“... Еще яснѣе: „тѣ злоумышленные люди..., которые, пользуясь своимъ *вліяніемъ и властью*,—побуждаютъ ихъ къ противозаконнымъ дѣйствіямъ“.

Вліяніе Шереметева въ высшихъ кругахъ было такъ сильно, что Ланской не посмѣлъ своей властью поддержать губернатора. Онъ доложилъ обо всемъ Государю, и 28 марта Муравьевъ получилъ извѣщеніе: по Высочайшему повелѣнію въ Нижегородскую губернію командируется флигель-адъютантъ гр. Бобринскій, который долженъ истребовать у Шереметева объясненій и, если окажется нужнымъ, убѣдить его къ прекращенію неблаговидныхъ дѣйствій“.

Графъ Бобринскій и понялъ, и исполнилъ порученіе очень своеобразно. На свою миссію онъ посмотрѣлъ, какъ на командировку для приведенія шереметевскихъ крестьянъ къ повиновенію. Пріѣхавъ въ Богородское, онъ вскорѣ извѣстилъ Муравьева, что крестьяне къ повиновенію приведены, „чему лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что передъ отъѣздомъ моимъ они служили молебенъ за милости, оказанныя имъ помѣщикомъ“. Самыя милости состояли въ томъ, что Шереметевъ обѣщалъ сбавить по 25 копѣекъ съ оброчнаго рубля.

Игра стараго декабриста казалось проигранной. Шереметевъ торжествовалъ, и, конечно, вскорѣ крестьяне почувствовали, что его рука стала еще тяжелѣе. Дворянство шумно ликовало и демонстративно проводило Бобринскаго обѣдомъ, на которомъ произносились тосты и рѣчи со всякими намеками. Надежды на то, что правительство „перемѣнило намѣреніе“, росли. Могло казаться, что и вся реформа сведется къ „шереметевской милости“.

VI.

Все, что я написалъ до сихъ поръ, основано на достовѣрныхъ письменныхъ матеріалахъ и документахъ. Теперь, при описаніи заключительныхъ актовъ борьбы крамольнаго губернатора съ его противниками, мнѣ придется прибѣгнуть къ разсказу уже упоминавшагося раньше В. М. Воронина.

Долженъ сказать, къ сожалѣнію, что въ нѣкоторыхъ чертахъ разсказъ этотъ имѣетъ характеръ почти легендарный, и я не рѣшился бы стоять за его историческую точность во всѣхъ деталяхъ. Но все же это, во-первыхъ, разсказъ современника и очевидца, а во-вторыхъ, самъ по себѣ онъ чрезвычайно характеристиченъ и рисуетъ во весь ростъ фигуру Муравьева. Если кое-что и было бы опровергнуто фактически, то легендѣ нельзя отказать въ большой колоритности и своего рода художественной правдѣ.

Нѣсколько словъ о самомъ разсказчикѣ. Я познакомился съ нимъ въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія, поселившись въ Нижнемъ послѣ своей ссылки, и сначала онъ казался мнѣ самой заурядной, неинтересной обывательской фигурой.

Происходилъ изъ мѣщанъ. Отецъ — мелкій довѣренный по откупу; сына опредѣлилъ въ гимназію, гдѣ тотъ учился съ А. С. Гацискимъ и П. Д. Боборыкинымъ. Затѣмъ юноша поступилъ въ Демидовскій лицей, по окончаніи котораго опредѣлился на службу чиновникомъ особыхъ порученій... Послѣ этого, въ концѣ шестидесятыхъ и въ семидесятыхъ годахъ, служилъ на разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ даже и по полиціи. Какъ исправникъ, считался полицейскимъ стараго типа: рукоприкладствовалъ и по уѣзду возилъ съ собой верзилу десятскаго, извѣстнаго чисто физическими дарованіями: огромнымъ ростомъ и пудовыми кулаками. Взятокъ, кажется, не бралъ или, если и касался, то безъ излишества, ниже, такъ сказать, средняго исправницкаго положенія. По крайней мѣрѣ когда умеръ, то имущество оставилъ умѣренное. Отличился на службѣ поимкой нѣкоего Рузаева, долгое время свирѣпо и дерзко разбойничавшаго въ окружностяхъ Нижняго и считавшагося неуловимымъ. Рузаева разстрѣляли въ полѣ за острогомъ,—происшествіе тогда рѣдкое и страшное, о которомъ долго вспоминали старожилы, соединяя имя разстрѣляннаго съ именемъ удалого исправника Воронина. Рузаева зарыли тамъ же, въ полѣ, надъ оврагомъ. А Воронинъ подвинулся по службѣ. Получивъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ Владиміра, сынъ бывшаго довѣреннаго по откупу сталъ и самъ нижегородскимъ дворяниномъ, чѣмъ очень гордился.

Выйдя въ отставку, служилъ по выборамъ мировымъ судьей, былъ гласнымъ, вступалъ на этой почвѣ въ разные союзы и конфликты. Особую идейную руководящую нить въ этихъ земско-политическихъ комеражахъ Воронина замѣтить было трудно. Одни и тѣ же лица бывали попеременно то его союзниками, то врагами. Выдвинулъ его нѣкто Андреевъ, че-

ловѣкъ сильный, ловкій, безсовѣстный, по убѣжденіямъ крѣпостникъ, по нравственному складу хищникъ и растратчикъ. Одно время Воронину показалось, что Андреевъ зарвался слишкомъ неосторожно, и онъ попытался свалить его на выборахъ, нацѣлившись на его предсѣдательство. Разсчетъ оказался ошибочнымъ. Времена не назрѣли, хищническая звѣзда уѣзднаго генія стояла высоко. Андреевъ уцѣлѣлъ еще на нѣсколько лѣтъ и сильной хваткой выбилъ заговорщика изъ позиціи, проваливъ на всѣ выборныя должности. Послѣ этого бывшій исправникъ перешелъ въ оппозицію, выступалъ, гдѣ могъ, противъ своего бывшаго покровителя. Дворянская ретроградная партія его ненавидѣла. Либералы принимали: это былъ всетаки „выборный голосъ“ и при томъ человѣкъ ловкій, знавшій отлично слабыя стороны противниковъ. Бывалъ онъ и на предвыборныхъ совѣщаніяхъ, и запросто на карточныхъ вечерахъ. Разсказывалъ разные любопытные случаи изъ дворянскаго и монашескаго быта, которые собралъ за время своей полицейской службы, ненавидѣлъ дворянъ двойной ненавистью: какъ бывшій мѣщанинъ и какъ новый дворянинъ, выскочка, отвергнутый дворянской средой. Однажды, получивъ афронтъ на какомъ-то торжественномъ дворянскомъ обѣдѣ (гдѣ для него „случайно“ не поставили прибора)—довольно громко назвалъ губернскаго предводителя „жбанной затычкой“. Вообще фрондировалъ.

Въ этотъ періодъ я съ нимъ и познакомился въ средѣ, которая мнѣ въ Нижнемъ была наиболѣе близкой. Мои нижегородскіе знакомые, хотя и водились съ Воронинымъ, какъ съ бывшимъ школьнымъ товарищемъ и нынѣшнимъ союзникомъ, но „своимъ“ его не считали, памятуя и его исправницкое прошлое, и десятскаго съ природными физическими дарованіями, и то, что на земской службѣ онъ дебютировалъ подъ покровительствомъ Андреева... Вообще это были отношенія „тонкія“, такія, при которыхъ чувствуется, что могутъ встрѣтиться всякіе новые перевороты, и неизвѣстно еще, какая сторона этой „сложной натуры“ опредѣлится, какъ коренная и настоящая. Будетъ ли это демократъ, ненавидящій нынѣшнихъ вершителей губернскихъ судебъ (это несомнѣнно въ немъ было), или же, наоборотъ, воспрянетъ бывшій полицейскій, обогащенный опытомъ за время своего пребыванія въ либеральномъ станѣ.

Наружности Воронинъ былъ довольно типичной. Средняго роста, съ расположеніемъ къ округленности, но не рыхлый, волосы стригъ ежомъ, подстригалъ сѣдую бороду и отпускалъ усы. Костюмы носилъ широкіе, изъ солиднаго матеріала, по

большей части въ крупную клѣтку. Былъ подвиженъ, говорилъ оживленно, либеральничалъ желчно и нѣсколько безпокойно: желчь была настоящая, безпокойство истекало изъ инстинктивнаго сознанія, что искренности его либерализма, быть можетъ, не всѣ вѣрятъ.

Однимъ словомъ,—фигура, какихъ и въ „затишные“ восьмидесятые годы, и въ наше время можно встрѣтить не мало, т. е. полинявшая и неинтересная. Однако...

Въ жизни почти каждаго человѣка есть свой героическій періодъ. И, какъ бы далеко впослѣдствіи превратности жизни или еще чаще—ея тихое теченіе ни унесли его отъ прежнихъ путей, онъ будетъ постоянно возвращаться мыслью къ этому періоду. Будетъ вспоминать о немъ, будетъ о немъ разсказывать, будетъ, можетъ быть, слегка украшать его и расцвѣчивать. И въ такія минуты такой человѣкъ преображается: изъ-подъ будничнаго житейскаго налета просвѣчиваетъ что-то далекое, необычное, точно отсвѣтъ далекихъ праздничныхъ огней.

Былъ такой именно героическій періодъ и въ жизни Воронина, и относился онъ къ тому времени, когда, прямо со школьной скамьи, онъ попалъ въ чиновники особыхъ порученій къ губернатору-декабристу. Къ сожалѣнію, онъ не писалъ мемуаровъ, а только по временамъ разсказывалъ разные эпизоды этой своей ранней службы. Разсказывалъ съ любовью, съ увлеченіемъ, вспыхивая и вдохновляясь. И каждый разъ это было не простое повтореніе, а своего рода творчество: онъ постепенно обрабатывалъ детали, какъ поэтъ совершенствуетъ черновые наброски поэмы, пока она не пріобрѣтетъ художественной законченности. Въ такія минуты Воронина можно было заслушаться. Забывалось и послѣдующее исправничество, и десятскій съ природными дарованіями, и сомнительные земско-дворянскіе союзы. Полинявшій человѣкъ становился поэтомъ, воспѣвавшимъ свою молодость и своего героя. Правда, быть можетъ, именно вслѣдствіе этого одушевленія нѣкоторыя детали этой поэмы не вполнѣ совпадаютъ съ оффиціальными реляціями о тѣхъ же событіяхъ. Впрочемъ, кому неизвѣстно, что оффиціальныя реляціи часто тоже являются продуктомъ творчества, только въ направленіи обратномъ: тамъ, гдѣ поэзія стремится расцвѣтить и украсить жизненную правду,—реляція изсушаетъ ее, превращая въ сухой остовъ. И очень можетъ быть, что поэма Воронина о царѣ и декабристѣ не дальше отъ исторической истины, чѣмъ оффиціальные отчеты Правительственныхъ Вѣстниковъ... Я постараюсь, какъ могу, возстановить ее, безъ всякой, впрочемъ, надежды сравняться съ устнымъ оригиналомъ...

VII.

Однажды, придя къ своимъ знакомымъ, я засталъ тамъ цѣлое общество, центромъ котораго былъ опять В. М. Воронинъ со своими разсказами о Муравьевѣ. Онъ былъ особенно въ ударѣ: разсказы касались побѣдъ его героя въ трудной борьбѣ.

Въ августѣ 1858 года Александръ, какъ извѣстно, предпринялъ поѣдку по губерніямъ средней Россіи, чтобы оживить движеніе реформы. Въ разныхъ городахъ, принимая представителей дворянства, онъ произносилъ рѣчи, въ которыхъ призывалъ дворянъ къ содѣйствію.

Появленію государя въ Нижнемъ предшествовали самые противорѣчивые толки. Въ концѣ іюля получено было предписаніе Ланского, въ которомъ сообщалось Высочайшее повелѣніе, неблагопріятное для реакціоннаго большинства комитета: Пятову, позволившему себѣ въ изложеніи своего отзыва неумѣстныя выраженія, объявить строгій выговоръ. Меньшинству изъявлялось Высочайшее благоволеніе. „Дворянамъ же, подписавшимъ ни съ чѣмъ несообразное мнѣніе Пятова, сдѣлать строгое замѣчаніе“. Эти послѣднія слова Государь на докладѣ Ланского написалъ собственноручно.

Повидимому, ни эта резолюція, ни рѣчи, которыя Государь произносилъ въ разныхъ городахъ, направляясь къ Нижнему, не могли обѣщать ничего хорошаго реакціонерамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было извѣстно, что крѣпостническая партія при дворѣ не сдавалась, и Ланской уже просилъ у Государя отставки по вопросу о введеніи генералъ-губернаторовъ. Отставка не была принята, но Государь сдѣлалъ на докладѣ Ланского нѣсколько гнѣвныхъ замѣчаній. Шереметевъ и нижегородскіе крѣпостники получали ободряющія письма. Муравьевъ, по словамъ Воронина, одно время сталъ мраченъ. Потомъ, получивъ письма Ланского, перемѣнился. Для постороннихъ эта перемѣна не сказалась ни въ чемъ, но мы-то, близкіе, говорилъ Воронинъ,—видимъ: въ глазахъ у старика забѣгали какіе-то огоньки... Значитъ, можно думать, готовится какая-нибудь неожиданность.

А всетаки... положеніе было сомнительное. Все время носились, какъ вихри, самые различные слухи, и каждый день могло повернуться по иному... Газетъ тогда было мало, извѣстія о Высочайшихъ пріемахъ и рѣчахъ сначала печатались въ оффиціальныхъ органахъ и потомъ уже развозились въ провинцію. Частныя письма и пріѣзжіе, какъ это бываетъ всегда, распространяли самые противорѣчивые слухи.

Наконецъ, 18 августа царскій поѣздъ появился въ виду Нижняго и переправился черезъ Оку. „Дворецъ“ наполнился блестящей придворной свитой. Утромъ 19-го предстоялъ въ большомъ дворцовомъ залѣ пріемъ дворянства.

Залъ уже заранѣе сталъ наполняться: кто только могъ пріѣхать изъ самыхъ дальнихъ уѣздовъ,—всѣ, конечно, явились: случай увидѣть Государя, да еще въ такую историческую минуту, представлялся не часто. Скоро въ залѣ стало тѣсно отъ дворянскихъ мундировъ. Особенно выдѣлялась фигура Шереметева. Къ нему подходили, жали руки, съ тревогой или надеждой смотрѣли ему въ глаза. Видъ у Шереметева въ это утро былъ самоувѣренный и великолѣпный.

— Потомъ вышелъ и „старикъ“, — разсказывалъ Воропинъ.—Посмотрѣлъ я на него,—сердце такъ и упало: узнать нельзя,—сгорбился, опустился весь, даже ростомъ сталъ меньше. Точно его въ эту ночь расшибло параличемъ, и онъ едва поднялся, чтобы встрѣтить Государя. А послѣ, дескать,—хоть въ могилу. Идетъ, на палочку опирается. Велѣлъ поставить себѣ стулъ у стѣнки, недалеко отъ входа, сѣлъ, опустилъ голову на посошокъ... Чисто сирота казанская. Мы, муравьевцы, стали около него, стоимъ, какъ отверженные. Что будетъ? Только разъ подозвалъ меня старикъ распорядиться о чемъ-то, по надобности, и встрѣтился я съ его глазами. Лицо удрученное, а въ глазахъ огонь бѣгаетъ...

Нѣтъ, думаю, что-нибудь не такъ. Что-то, должно быть, знаетъ.

Вернулся я,—въ залѣ становится тише. Скоро Государь долженъ выйти. Одинъ за другимъ входятъ свитскіе. И какъ войдетъ, взглянетъ кругомъ, — сейчасъ къ Шереметеву. Все вѣдь друзья старинные, пріятели,—всякій прежде всего къ нему и подходитъ. Губернатора на стульчикѣ у двери никто не замѣчаетъ. Адлербергъ,—великолѣпная тоже фигура, огромнаго роста, весь въ регаліяхъ,—кажется, и замѣтилъ, но посмотрѣлъ этакъ вскользь сверху и тоже прошелъ къ Шереметеву. Кругомъ Сергѣя Васильевича сразу точно цвѣтущій островъ образовался: эполеты, ленты, звѣзды, живой, веселый разговоръ, французскія фразы, со всѣми почти на ты. Однимъ словомъ, потентатъ, такъ сказать, олицетвореніе силы... Ну, а вокругъ нашего старика — пустота. Подойдетъ кто-нибудь изъ „либераловъ“, поздоровается съ озабоченнымъ этакимъ видомъ и отходитъ... Вдругъ, все затихло. „Государь!..“

Сталъ въ дверяхъ. Молодой, красивый, точно въ сіяніи какомъ-то. Бросилъ быстрый взглядъ и увидѣлъ „старика“. Тотъ,—все такъ же, разслабленный, незначительный, при самомъ

уже входѣ Государя, поднялся со стула. Царь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, остановившись противъ него, спросилъ:

— Это у васъ крестъ за что?

— За сраженіе при Кульмѣ, Ваше Величество.

— Вы были ранены? Вамъ трудно стоять? Пожалуйста, садитесь.

И потомъ повторилъ опять милостивымъ, но настойчивымъ голосомъ: „Садитесь!“. Старикъ съ такимъ же убитымъ и покорнымъ видомъ сѣлъ. Въ залѣ наступила такая тишина, что можно было слышать полетъ мухи. Государь повернулся и началъ рѣчь...

VIII.

Рѣчь Александра II въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ она напечатана въ оффиціальныхъ изданіяхъ, теперь звучитъ довольно блѣдно.

„Господа. Я радъ, что могу лично благодарить васъ за усердіе, которымъ нижегородское дворянство всегда отличалось. Гдѣ отечество призывало, тамъ оно было изъ первыхъ. И въ минувшую тяжкую войну вы откликнулись первыми и поступали добросовѣстно: ополченіе ваше было изъ лучшихъ. И нынѣ благодарю васъ за то, что вы первые отозвались на мой призывъ въ важномъ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго быта. По этому самому я хотѣлъ васъ отличить и принялъ вашихъ депутатовъ... Вы знаете цѣль мою: общее благо. Ваше дѣло согласить въ этомъ важномъ дѣлѣ частныя выгоды съ общей пользой. *Но я слышу съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности. А личности всякое дѣло портятъ. Это жаль. Устраните ихъ.* Я надѣюсь на васъ, надѣюсь, что ихъ больше не будетъ, и тогда это общее дѣло пойдетъ... Я полагаюсь на васъ, я вѣрю вамъ, вы меня не обманете... Путь указанъ, не отступайте отъ началъ, изложенныхъ въ моемъ рескриптѣ“...

И затѣмъ—нѣсколько заключительныхъ фразъ въ томъ же родѣ...

Такъ передана эта рѣчь въ оффиціальныхъ отчетахъ, но въ изложеніи Воронина она звучала совершенно иначе.

— Да что тутъ говорить,—горячо отмахнулся онъ, когда кто-то изъ присутствующихъ напомнилъ, что рѣчь была напечатана въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, и текстъ ея есть у А. С. Гацискаго.—Что тамъ оффиціальные отчеты! Небо и земля. Напечатано, какъ было заранѣе заготовлено, а царь говорилъ не по ихъ бумажкамъ. До сихъ поръ вотъ... Закрою глаза, — вижу эту фигуру. Прямой этакой, голова откинута,

брови сжаты, и каждый звукъ летаетъ въ затихшемъ залѣ, точно въ колоколъ бьетъ.

Дойдя до того мѣста, что вотъ шло хорошо, царь остановился. Стало еще тише, не дохнетъ никто. Точно вотъ всѣмъ сейчасъ съ крутой горы спускаться. Ждутъ, что-то будетъ за этой паузой. Прошла, можетъ, секунда, другая, а повѣрите, мнѣ показалось, что прошелъ часъ...

Вдругъ выпрямился еще больше, брови сдвинулись...

— Теперь узнаю, что среди васъ завелась... измѣ-на...

Пролетѣло это слово, какъ громъ среди яснаго неба... И весь залъ, все мундирное и расшитое дворянство повалилось сразу на колѣни... А надъ колѣнопреклоненной толпой неслись слова царской рѣчи, возбужденныя, гнѣвныя...

Кончилъ, повернулся и вышелъ...

И какъ только вышелъ, дворяне, какъ одинъ человѣкъ, кинулись къ Муравьеву, который подъ конецъ рѣчи всталъ со своего стула, даже роль свою забылъ. Кругомъ поднялся гулъ: — Ваше сіятельство. Верните Государя! Увѣрьте его: здѣсь нѣтъ измѣнниковъ... Мы всѣ готовы... Ваше сіятельство... Дворянство васъ умоляетъ...

Но старикъ опять опустился, одряхлѣлъ и сталъ меньше ростомъ. Махнулъ рукой. Помолчалъ минутку, потомъ покачалъ этакъ прискорбно головой и говоритъ:

— Нѣтъ, господа. Не могу. Не рѣшаюсь... Подумайте сами: какъ мнѣ теперь явиться къ Государю на глаза? У меня... въ губерніи... измѣна! Господи Боже!

Опять поднялись крики и просьбы. Старикъ опять махнулъ рукой... Гляжу, въ глазахъ искорки такъ и бѣгаютъ, бѣгаютъ...

— Ну, что дѣлать... Для васъ, господа, попробую.

Посмотрѣлъ въ толпу, намѣтилъ нѣсколько „своихъ“ изъ меньшинства разгромленнаго комитета, и говоритъ:

— Прошу васъ, господа, ко мнѣ, надо посовѣтоваться. А вы, господа, погодите. Я сейчасъ...

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается, совсѣмъ убитый, еще болѣе сгорбившійся, чѣмъ прежде, и говоритъ почти шопотомъ:

— Нѣтъ... Не м-могу. Государь въ страшномъ гнѣвѣ... У себя... Можетъ быть, отдыхаетъ. Скоро депутаціи отъ горожанъ и крестьянъ. Теперь вамъ всего лучше на время уйти. Поѣзжайте въ свое собраніе, ждите тамъ, а я, можетъ быть, осмѣлюсь... Сдѣлаю, что могу.

Потомъ повернулся ко мнѣ глазами и говоритъ:

— А пока, чтобъ не тревожить Государя... молодой человѣкъ! Проводите, пожалуйста, господъ дворянство по другой лѣстницѣ... Знаете?

У меня по спинѣ даже мурашки прошли... Вѣдь, это, значитъ, мнѣ придется проводить ихъ чернымъ ходомъ. Посмотрѣлъ я на старика умоляющимъ этакимъ взглядомъ: дескать,—что вы со мной-то дѣлаете?.. Но встрѣтился съ его глазами: гижу—ничего не подѣлаешь,—сталь. Повернулся я, ни живъ ни мертвъ.—„Пожалуйте, господа“.

И повелъ. Вы, господа, знаете этотъ ходъ? Дворецъ—постройка довольно старая: съ лица—парадъ, широкая лѣстница, колонны,—а съ изнанки — тѣснота, темнота, вообще весьма непривлекательно. Иду впереди, дворяне, ошеломленные, еще ничего не соображающіе — за мной. Повѣрите: какъ сталъ спускаться съ лѣстницы впереди этой толпы,—ощущеніе такое: будто валится на меня обвалъ какой-то, лавина. Сейчасъ вотъ хлынетъ и задавитъ. И прямо за собой слышу,—грузные шаги... Шереметевъ. Дошли до половины лѣстницы,—смотрю—чья-то рука, большая, сильная, схватилась за перила... Дрожитъ, и перила дрожатъ. Оглянулся я: Шереметевъ стоитъ, покачивается. Вотъ-вотъ—кондрашка. И говоритъ сквозь стиснутые зубы:—„Кат-торжникъ... Проклятый!..“

Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа Воронинъ, иллюстрировавшій его очень выразительными жестами, остановился въ волненіи. Было ли это волненіе отъ воспоминанія дѣйствительно пережитой минуты, или это было волненіе „творчества“ — сказать трудно. Никогда больше я не слышалъ подтвержденія этой драматической легенды, изображающей какъ бы апоѳеозъ „демократическаго самодержавія“. И нигдѣ она не встрѣчается въ письменныхъ мемуарахъ. Несомнѣнно только, что Воронинъ въ ту минуту вѣрилъ въ свои видѣнія или воспоминанія, и мы, его слушатели, вѣрили тоже. Все было здѣсь закончено, цѣльно, согласовано. Вопросъ о кульмскомъ крестѣ, забвеніе освободительныхъ увлеченій изъ-за освободительныхъ заслугъ есть указаніе, что настоящая измѣна — въ козняхъ противъ великаго дѣла свободы...

Въ концѣ концовъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что этого не было, по крайней мѣрѣ, въ такой полнотѣ... Что, загораясь воспоминаньями о героическомъ періодѣ своей жизни, Воронинъ черта за чертой создавалъ свою легенду и, въ концѣ концовъ, завершилъ ее апоѳеозомъ самодержавія, твердой рукой, въ сознаніи своей силы и власти, направлявшаго дѣло освобожденія черезъ рифы сословныхъ и иныхъ препятствій... Хотя несомнѣнно также, что въ періодъ великой реформы еще мелькали эти черты измечтаннаго славянофилами самодержавія... И что безъ нихъ колесо исторіи повернулось бы иначе... Къ худшему или къ лучшему, но—иначе...

IX.

То, что Воронинъ разсказывалъ дальше, — опять можетъ быть слегка прикрашено фантазіей, но въ главномъ совпадаетъ съ фактами, установленными мѣстной исторіей. Комитетъ былъ возстановленъ, либеральное меньшинство вновь пріобрѣло значеніе въ союзѣ съ прогрессивной администраціей. Но въ жизни продолжалась борьба упорная, страстная. Шереметевъ не сдавался. Надежды остановить ходъ надвигавшейся катастрофы не умирали. Въ народѣ росло нетерпѣніе и глухія темныя вспышки. Исправники и становые почти не жили въ своихъ квартирахъ, то и дѣло вызываемые жалобами помѣщиковъ на непокорство и бунты. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы въ то время существовало могучее орудіе нынѣшнихъ ретроградовъ — провокація, то вскорѣ на мѣсто освобожденія съ землей выступилъ бы лозунгъ: „прежде успокоеніе"...

Но провокаціи не было, а народное нетерпѣніе, глухое и темное, сдерживалось надеждой. Не смотря на жалобы помѣщиковъ, недвусмысленно обвинявшихъ декабриста-губернатора въ подстрекательствѣ, въ Нижегородскомъ краѣ народныхъ вспышекъ и бунтовъ было менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Особенно жестокихъ помѣщиковъ начали удалять изъ имѣній...

Однажды, уже въ 1859 году, Муравьевъ опять передъ вечеромъ позвалъ Воронина. У крыльца стояла наготовѣ почтовая тройка. Губернаторъ ждалъ въ своемъ кабинетѣ и при входѣ Воронина заперъ дверь.

— Ну, молодой человѣкъ, послужите. Садитесь къ столу. Вотъ подорожная. Впишите въ нее свою фамилію... съ будущимъ. Теперь возьмите вотъ этотъ приказъ. Впишите фамилію: „тайный совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ".

Это былъ приказъ губернскому секретарю Воронину отправиться немедленно въ село Богородское и, предъявивъ тайному совѣтнику Сергѣю Васильевичу Шереметеву, на основаніи ст. такой-то, распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ за номеромъ такимъ-то,—предложить немедленно съ нимъ же, Воронинымъ, прибыть въ Нижній-Новгородъ, гдѣ и проживать безвыѣздно.

Воронинъ дрожащей рукой вписалъ грозную фамилію и спросилъ:

— Съ кѣмъ прикажете мнѣ отправиться?

— Одному.

— Ваше превосходительство... — взмолился бѣдняга.

— Ну, что?

— Какъ же это... Кто онъ, а кто я?

— Онъ—тайный совѣтникъ Шереметевъ, а вы—чиновникъ, исполняющій порученіе.

Въ глазахъ его засверкалъ огонекъ, и онъ прибавилъ:

— Вы поѣдете одинъ, чтобы не огорчать его превосходительство излишней оглаской. Не бойтесь, молодой человѣкъ, не бойтесь... Я вамъ говорю: поѣдетъ! Ну, а...

И глаза Мураша загорѣлись...

— Поѣзжайте съ Богомъ. Надо служить, молодой человѣкъ. Я на васъ надѣюсь.

По правиламъ, слѣдовало сообщить жандармской власти и требовать содѣйствія. Но, такъ какъ были примѣры, что жандармскій полковникъ затягивалъ свой отъѣздъ, а подъ рукой предупреждалъ пріятелей-помѣщиковъ, то Мурашъ приказалъ своему чиновнику выѣхать немедленно, не дожидаясь „содѣйствія“. Извѣщеніе жандарму было послано уже передъ утромъ.

— Никогда я не забуду этой ночи, — говорилъ Воронинъ.

— Струсили?—спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Подите вы! Какъ тутъ не струсить... Правду сказать: проклиналъ Мураша. Ему что. Игра у него крупная, и козыри въ рукахъ... А мнѣ каково! Вотъ, думалъ, въ клубъ сходить, въ картишки переметнуться, потомъ въ постель. А тутъ — не угодно ли. Ночь, темнота, колокольчикъ. И какъ подумаю, что придется одному, съ мужикомъ-старостой явиться передъ грознымъ взглядомъ магната... Бр... пропалъ ты, думаю себѣ, Василій Михайловъ, ни за грошъ. Гдѣ тебѣ, губернскому секретаришкѣ, этакій дубъ голыми руками вырвать... Ну, а всетаки, не ослушаешься. Не доѣзжая до села, — велѣлъ колокольцы подвязать, потомъ разбудилъ старосту, подъѣзжаемъ къ барскому дому. — Кто такой? Что нужно?—„По указу Его Императорскаго Величества!“ Сначала не смѣли и подумать будить барина, но я настоялъ. Самому, положимъ, страшновато, но за спиной чувствую Мураша. Подняли. Семья уже поднялась, дворня... точно муравейникъ, растревоженный среди ночи... Вышелъ мрачный, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Жутко, но всетаки взглядъ выдержалъ, подаю бумаги. Взялъ онъ, распечаталъ пакетъ и опять, какъ тогда, на лѣстницѣ, схватился рукой за столъ. Закрылъ глаза, лицо то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. И опять слышу: „кат-торжникъ проклятый“... Такъ прошло съ минуту... Я стараюсь храбриться, вспоминаю про Мураша, а чувствую: точно надо мной скала повисла. Вотъ-вотъ обрушится. Вдругъ Шереметевъ раскрылъ глаза, точно отъ сна очнулся... „Ѣдемъ!“ И сразу опустился, какъ Мурашъ передъ царской рѣчью. Мѣ-

шокъ мѣшкомъ! Собираться даже не сталъ, самъ торопитъ. Снарядили его домашніе наскоро, одѣли... Вышли мы, сѣли въ тарантасъ. „Гони!"—Взвилась наша тройка!.. Ѣду я обратно, шевельнуться не смѣю: самъ себѣ не вѣрю, что это рядомъ со мной сидитъ самъ Шереметевъ. А на душѣ все-таки гордое чувство... Завтра по всему Нижнему грянетъ, какъ громъ. И кто это исполнилъ? Воронинъ! Передъ самымъ городомъ, совсѣмъ разсвѣло,—глядимъ: мчится, сломя голову, жандармскій полковникъ. Запоздалъ бѣдняга. До сихъ поръ еще передъ глазами стоятъ его выпученные глаза и испуганная физіономія, когда мы съ громомъ и звономъ пронеслись мимо...

Послѣ этого Шереметевъ выхлопоталъ разрѣшеніе выѣхать за границу, и столпъ нижегородскаго крѣпостничества исчезъ съ горизонта.

X.

Теперь, послѣ этой неполной, конечно, характеристики губернатора-декабриста, читателямъ понятны причины той глубокой ненависти, которая такъ вдохновляла крѣпостную музу. Понятно также, съ какой жадностью большинство дворянъ ловило всякій слухъ объ удаленіи Муравьева.

Вотъ новость первоклассная,
Вотъ новость на расхватъ,
Газетная, прекрасная,
И кто же ей не радъ.

Такъ начинается „Муравіада".

Конецъ долготерпѣнію!
Нашъ прѐфектъ, нашъ тиранъ,
По царскому велѣнію
Переведенъ въ Рязань.

Оказалось, что ликованіе было преждевременно: переведенъ былъ другой Муравьевъ, племянникъ Александра Николаевича, вятскій губернаторъ. Вскорѣ, однако, пришла очередь и декабриста.

Въ апрѣлѣ 1861 года Ланской увидѣлъ себя вынужденнымъ подать въ отставку, уступая мѣсто Валуеву. Это былъ первый ударъ начинавшейся реакціи. Муравьевъ понялъ, что и его роль кончена, написалъ Валуеву замѣчательное по откровенной прямотѣ письмо и въ октябрѣ тоже подалъ въ отставку. Либеральная часть дворянства и общества провожала его торжественнымъ обѣдомъ. Губернскій предводитель Болтинъ отмѣтилъ твердость и тактъ, съ которымъ якобинецъ и заговорщикъ съумѣлъ предупредить обычныя въ то время

крестьянскія волненія. Онъ достигъ этого, внушивъ крестьянству, что и для тѣхъ, „кто въ теченіи двухъ столѣтій терпѣлъ притѣсненія и насилія, — есть правосудіе, есть законъ“. Благодаря только этому, „въ то самое время, какъ въ большинствѣ другихъ губерній потребовалось содѣйствіе войскъ для прекращенія безпорядковъ, въ Нижегородской губерніи для этого было достаточно личнаго появленія и устныхъ разъясненій губернатора“ *).

Въ отвѣтной рѣчи Муравьевъ сказалъ, между прочимъ, что въ этомъ „много содѣйствовали ему сами крестьяне, которые съ глубокою благодарностью къ великимъ милостямъ императора приняли новое положеніе и въ совершенномъ порядкѣ, тишинѣ и спокойствіи исполнили всѣ требованія онаго... Тѣмъ самымъ, — закончилъ растроганный декабристъ, — равно, какъ и дарованными имъ правами гражданства, они удостоились участія въ настоящемъ обѣдѣ“.

Дѣйствительно, за столомъ, среди дворянскихъ и чиновничьихъ мундировъ, виднѣлись мужичьи кафтаны. Какъ они чувствовали себя въ этомъ положеніи, — вопросъ другой, но въ газетныхъ статьяхъ по поводу знаменательнаго обѣда указывалось на это „явленіе“, какъ на символъ новаго строя, воплощеніе наступившаго равенства и братства...

Съ этихъ поръ о Муравьевѣ ничего уже не слышно. За праздникомъ освобожденія наступили будни. Вверху на мѣстѣ Ланскихъ и Милютиныхъ водворились Валуевы и Толстые. Внизу — пережившіе свой героическій періодъ Воронины становились исправниками обычнаго типа. И только порой, въ глухіе восьмидесятые годы, проносились воспоминанія о героическомъ подъемѣ освободительной эпохи...

А. С. Гацискій, историкъ и знатокъ Нижегородскаго края, въ статьѣ, посвященной Муравьеву, находитъ, что онъ ушелъ во время. Это, можетъ быть, правда. Революціонеръ и мечтатель въ юности, прошедшій долгую школу дореформеннаго режима, — самъ онъ стоялъ на грани двухъ періодовъ русской жизни. Свободолюбецъ мечтой, всѣми привычками и пріемами, — онъ принадлежалъ къ старому типу самовластнаго дореформеннаго чиновничества. Необыкновенно даровитая натура, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ этими пріемами и направилъ ихъ, какъ новый Валленродъ, на разрушеніе основъ этого строя.

Но когда стѣна вѣкового рабства, наконецъ, рухнула, увлекая за собою и многое другое, — старый декабристъ и

*) А. А. Савельевъ. „Р. Старина“, іюнь, іюль 1898 г.

бывшій городничій очутился лицомъ къ лицу съ новыми требованіями жизни, къ которымъ примѣниться ему уже было трудно. Мы видѣли пріемы его борьбы. Они были старые и годились только въ примѣненіи къ старому...

А стремился онъ къ новому до конца. И черезъ всѣ человѣческіе недостатки, тоже, можетъ быть, крупные въ этой богатой, сложной и независимой натурѣ, свѣтится всетаки рѣдкая красота ранней мечты и борьбы за нее на закатѣ жизни.

1911 г.

Къ исторіи отжившихъ учрежденій*).

1768—1771 гг.

I.

Раннимъ осеннимъ утромъ 1768 года, выборные изъ балахонскаго купечества, судьи словеснаго суда Михайло Сыромятниковъ стоварыщи приведены были въ немалое смятеніе. У дверей земской избы, опершись о косякъ и руки держа на рукояткѣ своего палаша, стоялъ нижегородскаго баталіона сержантъ Митрофанъ Масловъ, въ выжидательномъ положеніи, а на столѣ лежали нѣкіе документы, на которые судьи взирали съ неохотою и сумнительствомъ.

Нужно сказать, что и вообще, когда въ купеческомъ магистратѣ или въ подвѣдомственномъ магистрату словесномъ судѣ появлялись изъ Нижняго солдаты, то это не предвѣщало ничего хорошаго. Это значило, что по поводу какой-нибудь волокиты и кляузы высшая нижегородская команда, т. е. губернскій магистратъ, губернская канцелярія или какая-нибудь изъ многочисленнихъ „канторъ" рѣшились прибѣгнуть къ наивящшему купеческихъ судей принужденію, дабы, оставивъ лакомство и къ одной сторонѣ поноровку, они не чинили бы на другую сторону посягательства и притѣсненій, а дѣло рѣшили бы всеконечно въ указные сроки. Въ тѣ времена не церемонились относительно средствъ къ такому понужденію. „Для сего, писалось въ указахъ, посылается штатной команды сержантъ по инструкціи: доколѣ то дѣло рѣшеніемъ произведено не будетъ, дотолѣ того магистрата присутствующихъ и повытчика держать при ихъ мѣстахъ безъ выпуску". Порой, когда высшая команда приходила во всеконечное нетерпѣніе или когда въ дѣлѣ замѣшаны были интересы сильныхъ персонъ,—на бѣднаго повытчика приказывали, вдобавокъ, надѣвать кандалы; приходившіе по дѣламъ въ маги-

*) Очеркъ этотъ составленъ на основаніи подлинныхъ дѣлъ бывшаго балахонскаго городового магистрата.

стратъ обыватели имѣли тогда случай видѣть своего выборнаго подьячаго *) за письменнымъ столомъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ, съ кандалами на ногахъ.

Немудрено поэтому, что и на сей разъ, когда, послѣ оживленной бѣготни изъ земской избы (гдѣ засѣдали словесные судьи) въ магистратъ и обратно, сержантъ Масловъ, позвякивая палашомъ, прошелъ черезъ канцелярію и „впущенъ былъ передъ присутствіе“, то между пищиками и канцеляристами пошелъ говоръ и разныя догадки: по какому дѣлу явился сержантъ и кого будетъ понуждать? Случаевъ для этого, конечно, всегда было въ изобиліи. То „бывшій балахонскій посадникъ, что нынѣ города Алаторя публичной нотаріусъ“, Андрей Щуровъ, давно и съ великимъ успѣхомъ боровшійся съ магистратомъ, подносилъ магистратскимъ законникамъ какую-нибудь неожиданную затѣйную кляузу, то другой исконный магистратскій врагъ, соляной промышленникъ, а стеклянной фабрики содержатель, Ѳилипъ Городчаниновъ, человѣкъ богатый и со связями, требовалъ себѣ, черезъ высшія команды, законнаго удовольствія, обвиняя магистратскихъ судей въ неправедныхъ къ сторонѣ купечества послабленіяхъ, а ему, промышленнику, въ утѣсненіи, „отчего уже и приходитъ во всеконечное разореніе“... Вообще, трудно было бы перечислить всѣ случаи, которые могли подать поводъ къ той или другой невзгодѣ, и, поистинѣ, безъ традиціонной подьяческой пронырливости, ставшей притчею во языцѣхъ, приказныя дѣла вести въ тѣ времена было бы „весьма невозможно“.

II.

Дѣло, по которому сержантъ Масловъ утруждалъ словесныхъ судей, а теперь, по сумнительству, впущенъ былъ передъ ясныя очи бургомистра Латухина и ратмановъ, было очень просто и, повидимому, не требовало особыхъ соображеній; въ маѣ 1768 года титулярный совѣтникъ Колокольновъ, застигнутый трудными обстоятельствами, занялъ 70 рублей 50 копѣекъ и выдалъ вексель. Въ августѣ наступилъ срокъ, титулярный совѣтникъ платежа не учинилъ, почему нижегородскій публичный нотаріусъ, во охраненіе вексельнаго права, сыскивалъ его въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, приходя къ его дому съ понятыми. Но дома его не изошелъ, а домашніе объявили, что имѣется оный должникъ въ Балахнѣ. Вотъ почему протестованный вексель и появился на столѣ балахонскаго магистрата.

*) Въ магистратахъ подьячіе и канцеляристы выбирались купечествомъ.

Въ тѣ времена сословныя разграниченія были чрезвычайно рѣзки, и каждое сословіе судилось особымъ судомъ. Ратуши и таможенные суды, а съ половины прошлаго столѣтія магистраты сосредоточили въ себѣ въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ всѣ дѣла, относившіяся до купечества, какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Промышленники и фабриканты вѣдались еще въ мануфактуръ-коллегіи, крестьяне, помѣщики и разночинцы—въ воеводскихъ канцеляріяхъ, духовенство — въ своихъ духовныхъ правленіяхъ. Вотъ почему у словесныхъ судей и возникло первое сумнительство: какъ отвѣтчикъ, такъ и истцы по векселю, предъявленному сержантомъ Масловымъ, были персоны не купеческаго званія, и словесный судъ охотно отослалъ бы и сержанта и его векселя въ воеводскую канцелярію, какъ это и дѣлалось прежде.

Въ присутственной комнатѣ магистрата, за столомъ, обильно закапаннымъ чернилами, засѣдали выборные изъ купечсства, бургомистръ съ двумя ратманами. Бургомистръ Петръ Семеновъ сынъ Латухинъ крѣпко держалъ бразды градскаго правленія въ теченіи цѣлой четверти вѣка. За это время онъ переполнилъ магистратъ своими сродниками, свойственниками, кумовьями и крестниками до такой степени, что, казалось, въ балахонскомъ магистратѣ на вѣки вѣчные водворилась латухинская династія. Одинъ изъ ратмановъ, Михайло Рукавишниковъ, былъ ему родной племянникъ. Другой — Ѳедоръ Ряхинъ, человѣкъ совершенно безличный и подавленный, ограничивался подписью бумагъ. Пищики, подканцеляристы и канцеляристы, подьячіе просто и подьячіе съ приписью ожидали только мановенія латухинской главы, чтобы разорвать кого угодно въ переносномъ и даже въ буквальномъ смыслѣ.

Осмотрѣвъ вексель и выслушавъ молчаливо „сумнительство“ словесныхъ судей, Латухинъ подалъ знакъ канцеляристу Побѣдимцову. Латухинскій кумъ, человѣкъ невзрачный и потертый, нерѣдко „обращавшійся въ пьянственномъ случаѣ“, во хмѣлю строптивый и даже буйный, канцеляристъ этотъ былъ въ то же время великій законникъ, видавшій всякія передѣлки. Поэтому ему многое прощалось, и балахонское купечество много лѣтъ содержало его „на изрядномъ отъ себя трактаментѣ“. Никто лучше Сергѣя Побѣдимцова не могъ разобраться въ хаосѣ уложеній, регламентовъ, морскихъ и военныхъ артикуловъ и указовъ, загромождавшихъ огромный черный шкапъ, изъ коего магистрату приходилось почерпать свои аргументы. Мигомъ найдя что было нужно, подканцеля-

ристъ вынулъ изъ нѣдръ шкапа вексельные уставы и прочиталъ:

„Когда кто изъ воинскихъ, статскихъ, духовныхъ или иныхъ чиновъ самъ себя привяжетъ въ купечествѣ, въ переводѣ денегъ векселями или другими какими домовными книгами подъ образомъ векселя, такимъ нигдѣ индѣ, но точію... какъ на купцахъ, такъ и купцамъ на нихъ просить и удовольствіе чинить въ ратушахъ и таможняхъ, не смотря ни на какія ихъ представленія, что они не того суда, понеже купцамъ несносно есть потерянiе времени и поврежденіе купечества... И для того, кто не хочетъ себя подвергать подъ судъ ратушной и таможенной, то да не дерзаетъ самъ себя векселями и другими письмами подъ образомъ векселя съ купечествомъ привязывать или неисправнымъ показывать“ *).

Выдержка эта сразу разрѣшила всѣ сомнѣнія: словесные судьи покорно взяли со стола принесенныя Масловымъ бумаги и, вмѣстѣ съ сержантомъ, пошли опять въ земскую избу „для начатія тому дѣлу разбирательства и указнаго рѣшенія“, что, какъ увидимъ, сопряжено было для нихъ съ немалыми трудностями.

III.

Вексель! Едва ли есть еще какой-либо документъ, который и въ наше время пользовался бы меньшею симпатіею, чѣмъ эта нѣмецкая выдумка, занесенная къ намъ реформою Петра. Сколько на этихъ клочкахъ бумаги, въ этихъ немногихъ словахъ заключено человѣческаго горя, слезъ, нужды и даже крови,—объ этомъ могутъ и теперь разсказать судебные пристава, печальная обязанность которыхъ состоитъ въ „осуществленіи“ скрытаго въ этой бумажкѣ реальнаго смысла. Поистинѣ, за одно это нѣмецкое словечко „вексель“, вошедшее въ обиходъ русской жизни, память великаго преобразователя **) заслуживала бы всѣхъ тѣхъ проклятій, которыми отягчаютъ ее славянофилы, если бы... если бы это нѣмецкое слово не замѣнило собою нѣкоторыхъ чисто русскихъ, имѣвшихъ обращеніе въ допетровской патріархальной Руси. Эти самобытныя, но страшныя слова: кабала, кабальная запись, правежъ!

Какъ бы то ни было, слово вексель было въ прошломъ столѣтіи гораздо страшнѣе нынѣшняго. Въ случаѣ неплатежа

---

*) Вексельнаго устава пунктъ 38.

**) Вексельный уставъ изданъ въ 1729 году, т. е. послѣ смерти Петра. Однако, какъ и многія мѣры того времени, начало свое онъ получилъ при Петрѣ.

или спора должника сыскивали и для разбирательства отсылали подъ карауломъ по мѣсту жительства истца, напримѣръ, изъ города Балахны въ С.-Петербургъ, Москву или Астрахань, гдѣ въ такихъ случаяхъ сторонамъ давался „судъ по формѣ суда“, и это порою изъ-за десятка рублей. Во второй половинѣ столѣтія процедура является уже значительно упрощенною... векселя предъявлялись по мѣсту жительства отвѣтчика въ словесные суды, въ которыхъ разбирательство происходило исключительно устное. Въ случаѣ же спора и, вообще, когда дѣло доходило до письменнаго разбирательства, описей и продажи имущества, оно поступало въ магистраты.

Такимъ образомъ выборные изъ балахонскаго купечества словесные судьи состояли „по апелляціи“ непосредственно въ вѣдѣніи магистрата. Словесный судъ помѣщался въ одномъ съ магистратомъ зданіи, его колодники сидѣли въ магистратской тюрьмѣ, и вообще, наравнѣ со всѣмъ магистратомъ и со всею купеческою Балахною, словесный судъ являлся покорнымъ орудіемъ всевластнаго купеческаго бургомистра. Выбранный въ 1749 году Петръ Семеновъ Латухинъ правилъ Балахною около 30 лѣтъ. Только уже въ 1770-хъ годахъ, когда, послѣ пугачовской грозы, въ воздухѣ появились какія-то новыя вѣянія, когда Екатерина писала, что теперь, сломавъ рога Пугачова, мысли множествомъ вдругъ приходятъ *), а губернаторы стали разсылать во всѣ учрежденія невиданные прежде указы и письма, дабы „всѣ мѣста старались не сильнымъ чинить потакательство, но наипаче слабымъ и обидимымъ защищеніе“, только тогда Латухинъ, еще крѣпкій и бодрый, долженъ былъ покинуть насиженное мѣсто. И послѣ этого передъ гуманными губернаторами стали вскрываться удивительныя обстоятельства. Оказалось, напримѣръ, что одинъ балахонскій посадникъ явился къ губернатору Ступишину, бѣжавъ изъ тюрьмы, гдѣ его содержали семь лѣтъ словесные судьи за долгъ Латухину, — долгъ, который вдобавокъ давно былъ покрытъ, такъ какъ въ теченіи этого времени Латухинъ держалъ у себя въ работѣ двухъ сыновей должника. Когда же губернаторъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, требуя объясненія, чего для толь долговременное задержаніе учинено, то оказалось, что по справкѣ въ дѣлахъ не найдено никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было постановленія объ арестѣ.

Вотъ какова была власть купеческаго бургомистра П. С. Латухина въ уѣздномъ городѣ Балахнѣ и вотъ что могли

---

*) Дубровинъ. Пугачовъ и его время, III, 324.

учинить съ балахонцемъ, выдавшимъ заемное письмо или вексель. И если теперь простое предъявленіе векселя ко взысканію поставило въ тупикъ словесныхъ судей, и самъ бургомистръ Латухинъ измышлялъ средства, дабы неоффиціально склонить обѣ стороны къ уступкамъ и примиренію, то это объясняется только тѣми „персонами", которыя являлись тяжущимися въ этомъ несложномъ дѣлѣ.

Прежде всего это былъ нижегородскій комендантъ Трофимъ Степановичъ Іевлевъ.

Въ замѣчательномъ историческомъ документѣ,—язвительной „бумажкѣ", которую комиссаръ Лодыженскій послалъ бравому саратовскому коменданту Бошняку наканунѣ пугачовскаго разгрома, — такъ охарактеризована роль коменданта: „Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые... по справедливости, могутъ назваться комендантами крѣпостей. Другой же сортъ комендантовъ опредѣляется для сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста и до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, тако-жъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ" *).

Мы не можемъ теперь сказать, къ какому „сорту" комендантовъ причислилъ бы Лодыженскій „нижегородскаго коменданта Трофима Іевлева". Въ командованіи и защитѣ нижегородской крѣпости, сохранившей понынѣ свои старыя стѣны и башни, въ то время едва ли уже предстояла какая-нибудь надобность. Ничего также неизвѣстно о трудахъ его по искорененію воровъ и разбойниковъ. Несомнѣнно, однако, что у него подъ командою было немалое число солдатъ и сержантовъ, которыхъ онъ разсылалъ въ разныя учрежденія съ довѣренностями по всякимъ кляузнымъ искамъ. Когда дѣло затягивалось и становилось сомнительнымъ, то нерѣдко истцы считали выгоднымъ уступить свои права коменданту, который имѣлъ сильныя связи въ губернскомъ магистратѣ. Такимъ образомъ, въ Нижнемъ Новгородѣ возникла въ комендантскомъ управленіи своеобразная дисконтная контора, и когда губернскій магистратъ прибѣгалъ къ мѣрамъ „понужденія присутствующихъ", о которыхъ говорилось выше, то комендантъ Іевлевъ давалъ для исполненія этихъ мѣръ солдатъ своей команды. Поистинѣ, чѣмъ-то юпитеровскимъ отзываются краткія напутствія, которыми комендантъ снабжалъ при этомъ свою команду. Въ дѣлахъ балахонскаго магистрата сохрани-

*) Тамъ, же, III, 191.

лось, напримѣръ, слѣдующее „вѣрющее письмо“, предъявленное сержантомъ Заварзинымъ 18-го декабря 1777 года:

„Ѳедоръ Заварзинъ

по посылке твоси в балахну о взысканиі долговъ нотариуса Щурова имеи крепкое старание, а не такъ какъ сержантъ Масловъ, дабы на васъ какой в поноровке жалобы не произошло. Пишу тебѣ я Трафимъ Иевлевъ“.

Итакъ, если Петръ Латухинъ являлся въ Балахнѣ представителемъ власти несомнѣнно сильной, то и комендантъ Іевлевъ олицетворялъ ее въ своей особѣ въ степени отнюдь не меньшей. За нимъ, на той же сторонѣ, т. е. въ качествѣ истцовъ, являлись еще двѣ персоны съ очень длиннымъ и неуклюжимъ титуломъ: „Нижегородскихъ питейныхъ и протчихъ сборовъ коронныхъ повѣренныхъ господинъ оберъ-директоръ Михайло Гусятниковъ и таковыхъ же сборовъ коронныхъ повѣренныхъ директоръ Григорій Лихонинъ“. Въ нашемъ столѣтіи, отказавшемся отъ длинныхъ и кудреватыхъ наименованій, персоны эти носили бы не менѣе, однако, внушительное названіе откупщиковъ, и уже по тому, что видѣло отъ нихъ наше столѣтіе, мы легко можемъ судить, какова была ихъ сила въ провинціальной средѣ прошлаго вѣка.

И, однако, обѣ эти персоны предпочли перевести вексель на имя коменданта Іевлева, повидимому, плохо надѣясь на своего повѣреннаго Василья Теремнова, не обладавшаго никакими уже титулами. Кто же былъ противникъ, противъ котораго сплачивались такія солидныя силы, на предметъ простого взысканія съ него 70 рублей съ указными рекамбіею и процентами?

Мы уже видѣли, что это былъ просто титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ. Титулъ, конечно, не изъ особенно еще знатныхъ, и если всетаки словесный судъ и магистратъ такъ неохотно принимали его векселя, то на это были особыя причины: у Колокольцова были связи и, что самое главное, онъ былъ въ данное время „града Балахны воеводскимъ товарищемъ“. Нужно прибавить, что незадолго передъ тѣмъ господинъ Колокольцовъ имѣлъ уже немалую прю съ балахонскимъ купечествомъ по вопросу объ отводѣ ему приличной званію квартиры, и мы легко поймемъ, какая туча нависала надъ балахонскимъ купеческимъ управленіемъ въ лицѣ сержанта Маслова, за коимъ виднѣлись персоны директоровъ и коменданта съ одной стороны и воеводскаго товарища съ другой. Всѣмъ до послѣдняго пищика было ясно, что тутъ предстоятъ немалыя затрудненія, чреватыя всякими огорчительными неожиданностями и „репремантами“.

IV.

Какъ бы то ни было, сержанту отведена на коштѣ купечества квартира, а словесный судъ приступаетъ къ предварительнымъ по щекотливому иску мѣропріятіямъ.

Обыкновенно мѣры принимались въ такихъ случаяхъ самыя простыя. Двумъ дюжимъ магистратскимъ „розсылщикамъ", (тоже выбиравшимся изъ купечества) давали сыскную, и они сыскивали должника въ дому или гдѣ „улучить было возможно". Если это удавалось, то они, не пріемля отговорокъ, волокли искомаго къ разбирательству и объявляли „при доѣздѣ". Если же проницательный должникъ укрывался, то розсылщики „получали" кого-либо изъ домашнихъ: мать, отца, жену или сына (малолѣтки женска полу отъ привода избавлялись), и волокли ихъ въ судъ, который подвергалъ ихъ задержанію подъ карауломъ, доколѣ „винный не являлся собою", на выручку своихъ близкихъ. Въ данномъ, однако, случаѣ процедура эта признана была не совсѣмъ удобною, и потому словесный судъ возлагаетъ тонкое порученіе на одного изъ своихъ судей Ѳедора Рукавишникова, человѣка хорошей балахонской фамиліи и потому знавшаго обращеніе съ персонами знатнаго ранга. Рукавишниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, ходилъ къ господину Колокольцову троекратно, и по тому троекратному хожденію принесъ отъ его благородія обѣщаніе, что онъ по дѣлу имѣетъ выслать въ словесный судъ своего повѣреннаго.

„Точію за многопрошествіемъ времени того довѣреннаго не выслалъ". Между тѣмъ, по вексельскому уставу, въ дѣла по вексельнымъ искамъ строго повелѣвалось рѣшать „конечно, въ двухъ-недѣльный срокъ", подъ опасеніемъ взысканія всего иску съ самихъ судей. Такъ какъ вдобавокъ и сержантъ Масловъ о „удовольствіи" своего начальника требовалъ неотступно, угрожая непремѣннымъ по командѣ доношеніемъ, то словесный судъ усиливаетъ первую мѣру: онъ посылаетъ къ Колокольцову двухъ розсылщиковъ, Ѳедора Мартюшева и Дмитрія Неслухтина, которые привыкли къ рѣшительнымъ поступкамъ и не боялись суроваго отпора. Оба эти розсылщика къ его благородію неоднократно ходили и получали его видѣть на квартирѣ, точію его благородіе отвѣтствовалъ, яко-бы онъ на тотъ вексель сочиняетъ нѣкакой документъ. Такъ какъ никакихъ документовъ словесный судъ принимать былъ отъ отвѣтчиковъ не вправѣ, то розсылщикамъ дается еще болѣе рѣшительная инструкція: „его благородія въ словесной судъ требовать имъ неотступно, а ежели самъ не пой-

детъ и повѣреннаго не отдастъ (sic!), то взять изъ людей его, кого улучить можно".

Его благородіе принялъ свои мѣры и розсылщики, за конечнымъ невпущеніемъ ихъ въ квартиру для взятія людей его и за неполученіемъ ихъ нигдѣ въ городѣ, никого при доѣздѣ объявить были не въ состояніи. Но за то 29-го октября того же года въ земскую избу, гдѣ словесный судъ имѣлъ засѣданія, явился съ превеликою надменностію балахонской воеводской канцеляріи подканцеляристъ Поповъ (одинъ изъ безчисленныхъ Поповыхъ, которыми кишѣли всѣ канцеляріи), который „бросилъ на столъ гербовой бумаги, повидимому, листъ одинъ", и затѣмъ удалился, сказавши только, что это и есть „его благородія на вексельный искъ объявленіе".

Въ объявленіи было написано просто, что хотя тѣ по векселю деньги имъ, Колокольцовымъ, и подлинно взяты, точію къ уплатѣ виннымъ себя не признаваетъ, ибо-де уже уплатилъ, отославши оную сумму сестры своей родной Татьяны Толстой съ крестьяниномъ. Ни платежной расписки, ни свидѣтелей уплаты при этомъ не представлено и показаніе относительно уплаты (впослѣдствіи совершенно опровергнутое) ничѣмъ не подтверждалось. А такъ какъ, кромѣ того, письменныя объясненія, по инструкціи словеснаго суда, не подлежали даже разсмотрѣнію,—то судьи вновь посылаютъ розсылщика. Злополучный Мартюшевъ, возвратясь, показалъ, что его благородіе окончательно ему отказалъ, „дабы розсылщикамъ болѣе къ нему въ домъ ни за чѣмъ не ходить, а словесному суду производить по тому объявленію". Словесный судъ записалъ слова розсылщика въ протоколъ, закончивъ его слѣдующими словами: „а онъ, Мартюшевъ, въ семъ доѣздѣ, показалъ чистую правду, подвергая себя въ противномъ случаѣ законному истязанію", и затѣмъ рѣшилъ, что теперь дѣло словеснаго суда кончено, такъ какъ довелось уже до письменнаго разбирательства, подлежащаго вѣдѣнію магистрата. Почему 3-го ноября дѣло и препровождено при доношеніи на усмотрѣніе господъ балахонскаго магистрата.

Такимъ образомъ, первый актъ борьбы кончился и господину Колокольцову, титулярному совѣтнику и воеводскому товарищу, не пришлось предстать передъ низшею инстанціею выборнаго суда балахонскихъ купчишекъ. Теперь ему предстояло имѣть дѣло съ самимъ магистратомъ.

V.

Разсмотрѣвъ препровожденное отъ словеснаго суда объявленіе, магистратъ, конечно, не могъ усмотрѣть въ немъ ника-

кого здраваго резону, кромѣ развѣ намека на родство съ Толстыми (изъ коихъ одинъ, служившій прежде въ Нижнемъ, былъ оберъ-кригсъ-комиссаромъ), тѣмъ болѣе, что ежели бы подлинно тѣ деньги имъ, Колокольцовымъ, отдаваны были, то бы могъ имѣть каковой-либо документъ. Въ виду этого магистратъ начинаетъ противъ воеводскаго товарища военныя дѣйствія съ своей стороны.

3-го ноября „правящему по выбору отъ балахонскаго купечества полицейскую должность", а въ торжественныхъ случаяхъ называемому „выборнымъ балахонскимъ полицы-мейстеромъ", купцу Якову Щепетильникову вручена отъ магистрата инструкція: „Идти тебѣ въ домъ, гдѣ г. Колокольцовъ жительство имѣетъ, и оному Колокольцову объявя, требовать, дабы по имѣемому на него векселю и по приносимой имъ спорности въ балахонской магистратъ явился бы собою въ неукоснительномъ времени или бы прислалъ повѣреннаго", о чемъ особо составленную промеморію онъ же, Щепетильниковъ, имѣетъ объявить въ балахонской воеводской канцеляріи воеводѣ или же секретарю. Посылка эта увѣнчалась столь же малымъ успѣхомъ, какъ и предъидущія: Колокольцовъ не являлся, а воевода съ секретаремъ магистратскую промеморію не приняли, „яко гласящую по вексельному дѣлу, каковыя дѣла по регламенту до воеводы не принадлежательны".

Тогда магистратъ обращается въ высшую команду, а именно въ губернскую канцелярію, требуя доношеніемъ, дабы благоволено было тому Колокольцову о явкѣ въ магистратъ, а воеводской канцеляріи о взятіи съ него подписки подтвердить указами. Кромѣ того, магистратъ проситъ наложить запрещеніе на имущество Колокольцова или, наконецъ, о вычетѣ изъ его жалованія, сообщая, что иначе балахонскій магистратъ, за упорной неявкой Колокольцова „и какъ оной находитца здѣшняго града воеводскимъ товарыщемъ", — ко взысканію приступить собою не можетъ.

Этотъ вопль магистрата, признававшагося въ своемъ безсиліи, встрѣченъ очень холодно: указавъ сухо на 38 пунктъ вексельнаго устава, въ силу коего оный Колокольцовъ подлинно надлежитъ быть отосланъ въ магистратъ, Петръ Рагозинъ (подписавшій указъ губ. канцеляріи) говоритъ затѣмъ, что до рѣшенія дѣла (!) ни удержанія жалованія, ни запрещенія на имущество и требовать не надлежало, почему на предбудущее время рекомендуется магистрату отъ таковыхъ недѣльныхъ предложеній себя воздержать.

Тогда, 22-го декабря, правящій полицейскую должность снабжается отъ магистрата новою инструкціею, составленною

въ выраженіяхъ тонкихъ, но еще болѣе рѣшительныхъ: „Идти тебѣ въ домъ къ г-ну Колокольцову и, во-первыхъ, объявить учливымъ образомъ, требуя ево въ балахонской магистратъ собою, если-жъ не пойдетъ и воспослѣдуетъ отъ нево какое тебѣ препятствіе, тогда какъ возможно къ тому позыву и взятью приложить тебѣ усильное стараніе“.

VI.

Время было выбрано магистратомъ въ высшей степени удачно, и если бы купеческій полицеймейстеръ оказался на высотѣ своей задачи, то его экспедиція на сей разъ могла бы разрѣшиться или торжествомъ магистрата, или крупною катастрофою. Въ первомъ случаѣ воеводскій товарищъ былъ бы объявленъ „при доѣздѣ“ въ купеческое судилище „усиліемъ“, во второмъ—балахонская воеводская канцелярія во всемъ составѣ вынуждена была бы нарушить нейтралитетъ и вступить въ рукопашную, защищая своего „воеводскаго товарища“ отъ купеческой посылки. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ дней передъ Рождествомъ и до 8-го января обыкновенно прекращались въ присутствіяхъ текущія дѣла и даже,—трогательная черта среди жестокихъ нравовъ того вѣка,—раскрывались двери тюремъ, и колодники распускались по домамъ, на подписку и поруки, дабы могли провести святой праздникъ дома и слушать въ церквахъ божіихъ молебнаго пѣнія. Въ тюрьмахъ на это время оставались лишь тѣ, относительно которыхъ состоялись постановленія: „держать неисходно безъ выпуску“ (что, замѣтимъ кстати, далеко не всегда сообразовалось съ важностью преступленія).

Колокольцовъ, понятно, не думалъ, что въ такіе дни, передъ самымъ праздникомъ, магистратъ откроетъ рѣшительныя дѣйствія, и потому спокойно отправился въ воеводскую канцелярію и такъ же безпечно оттуда вышелъ. Но на выходѣ былъ встрѣченъ отрядомъ изъ пяти балахонцевъ, подъ предводительствомъ Щепетильникова, которые уже были въ его квартирѣ и теперь ко взятію его намѣревались приложить усильное стараніе. Застигнутый такимъ образомъ, его благородіе сильно сбавилъ тонъ: ссылаясь на самонужнѣйшія дѣла по воеводской канцеляріи, онъ самымъ учливымъ образомъ сталъ увѣрять, что нынѣ уже за наступленіемъ праздничныхъ дней тому дѣлу производенія чинить не можно, но что за то на 8-е число января имѣетъ быть въ присутствіи магистрата неотмѣнно.

Купеческій полицеймейстеръ на эти, многократно уже не сдержанныя, обѣщанія сдался. Подѣйствовало ли на купца

обаяніе барской любезности, а можетъ быть, онъ просто струсилъ вблизи воеводской канцеляріи, команда которой нерѣдко вступала съ представителями магистрата въ смертный бой и даже разбивала магистратскія двери: какъ бы то ни было, но и на этотъ разъ онъ отступилъ. Воеводскій товарищъ избѣгъ „приводу", хотя и не безъ урону своей надменности, послѣ любезно тонкихъ отговорокъ на улицѣ, при собраніи народу немалаго числа, сбѣжавшагося поглазѣть на взятіе купцами воеводскаго товарища. „За приведенными резоны, репортовалъ малодушный Щепетильниковъ, я его благородія взять не отважился".

VII.

Повидимому, воеводскій товарищъ Колокольцовъ поставлялъ свою честь въ томъ, чтобы по векселямъ своимъ не платить и пренебречь магистратскимъ судилищемъ. Иначе трудно объяснить, почему онъ рѣшился такъ упорно выносить все послѣдующее. Понятно, что ни 8-го января, ни послѣ онъ въ магистратъ не являлся, а такъ какъ Щепетильниковъ, устыженный неудачею, теперь ходилъ около дому со своею командою, стараясь его улучить всемѣрно, то Колокольцовъ прекратилъ ходить даже въ присутствіе. Между тѣмъ, подканцеляристъ Побѣдимцовъ, тщательно порывшись въ своемъ арсеналѣ, изъ самой глубины чернаго шкапа извлекъ противъ Колокольцова грозное оружіе, какъ кажется, давно уже не бывшее въ употребленіи.

„Соборнаго уложенія главы десятой въ пунктѣ третьемъ изображено: „Будетъ которой ответчикъ учнетъ у пристава укрыватися и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и приставу, взявъ съ собою товарищей, сторожить у двора ево день, и два, и три, доколь тотъ ответчикъ самъ или человѣкъ ево или дворникъ со двора сойдетъ, и того ответчика или человѣка его или дворника взявъ, привести въ приказъ".

На основаніи этого пункта, нынѣ извлеченнаго изъ пыльнаго забвенія противъ необычно храбраго противника, сформированъ, подъ начальствомъ Щепетильникова, въ маѣ 1769 года, настоящій отрядъ изъ двѣнадцати балахонскихъ „посадниковъ" и купцовъ, которые, расположась у дома Колокольцова, непрестанно его стерегли, чиня денно и нощно засаду.

Домъ превратился въ осажденную крѣпость. Ни г. Колокольцовъ, ни его домашніе не отваживались теперь выходить на улицу, гдѣ ихъ ждали балахонцы со своимъ „третьимъ пунктомъ". Изъ купечества никто, конечно, также не осмѣ-

ливался навѣрное входить къ осажденнымъ, такъ какъ надъ своими-то гражданами у магистрата было достаточно власти. Квартира Колокольцова оказалась такимъ образомъ блокированною и, пожалуй, храбрый воеводскій товарищъ увидѣлъ бы себя вынужденнымъ сдаться магистратской арміи, если бы блокаду не нарушали то и дѣло солдаты воеводской канцеляріи, которыхъ это дружественное Колокольцову учрежденіе откомандировало на помощь и которые то и дѣло проходили въ ворота и обратно, не обращая вниманія на осаждающихъ. Такъ какъ это не были ни „люди“ Колокольцова, ни его дворники, то, конечно, соборное уложеніе не уполномочивало Щепетильникова брать ихъ и приводить въ приказъ.

VIII.

Такъ прошло около мѣсяца.

13-го іюня того же 1769 года, на базарѣ города Балахны учинился немалый крикъ и смятеніе. Дѣло въ томъ, что предводитель магистратскаго отряда, оставивъ подчиненныхъ въ обычной засадѣ, отлучился для своихъ нуждъ и во время той отлучности ходилъ по базару. Въ то же время изъ дома Колокольцова, обманувъ бдительность отряда, остававшагося безъ предводителя (и, конечно, не всегда сторожившаго съ одинаковымъ усердіемъ), вышелъ для покупки солоду и соли дворовый человѣкъ Наумъ Козьминъ. Послѣдній, закупивъ припасы, хотѣлъ уже было отправляться обратно, не чая напасти и не подозрѣвая, что купеческій полицеймейстеръ уже усмотрѣлъ его своимъ бдительнымъ окомъ. Собравъ наскоро летучій отрядъ изъ четырехъ балахонцевъ, Щепетильниковъ обошелъ врага, окружилъ его и быстрымъ натискомъ взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ солодомъ и солью.

Это была еще первая добыча магистрата. Понятно, что Наумъ Козьминъ былъ встрѣченъ въ магистратѣ съ немалымъ торжествомъ и немедленно сданъ за руки земской тюрьмы сторожамъ, для содержанія въ оной тюрьмѣ безъ выпуску. Козьминъ, такъ неожиданно попавшій съ базара за рѣшетку, конечно, подчинился своей участи съ тѣмъ фатализмомъ, съ какимъ привыкъ подчиняться подобнымъ невзгодамъ русскій человѣкъ, въ особенности же русскій человѣкъ добраго стараго времени, когда, напримѣръ, его, Козьмина, могли продать съ публичнаго торгу, какъ движимое имущество. Очень можетъ быть, что дѣло и получило бы этотъ натуральный по обстоятельствамъ исходъ и Козьминъ пошелъ бы въ продажу для уплаты Трофиму Іевлеву хотя бы одной только рекамбіи, если бы противная сторона не изобрѣла

такого способа, который заставилъ магистратъ поскорѣе отказаться отъ своей добычи.

Попавъ за рѣшетку, Козьминъ могъ бы, конечно, совершенно успокоиться, если бы не одно обстоятельство: на рукахъ у него остались хозяйскіе солодъ и соль. Мысль, что его хозяйка тщетно ожидаетъ теперь этихъ припасовъ, доставляла вѣрному холопу великое огорченіе, и поэтому, увидя въ окно проходившаго мимо балахонца посадскаго человѣка Михайла Оголихина, онъ подозвалъ его и повѣдалъ ему свое рабье горе.

Михайло Оголихинъ былъ именно такой человѣкъ, какого нужно было Козьмину въ данную минуту; дѣло было не только въ томъ, чтобы найти сочувствіе къ заточенію хозяйскаго солода, нужна еще была храбрость, чтобы пойти противъ магистрата и проникнуть съ вѣстью во враждебный лагерь. А къ этому именно, то есть къ учиненію магистрату всякой противности, былъ во всякое время охочъ Михайло Оголихинъ.

У него съ магистратомъ были старые и весьма непріятные счеты. Начиная съ горькой жалобницы подканцеляриста Попова, котораго Оголихинъ называлъ „здѣшняго града посадскихъ людей разорителемъ“, въ архивѣ сохранилось немало дѣлъ, съ перечисленіемъ многихъ того Оголихина великихъ продерзостей: однажды, во время собранія купечества, схватя составленный купечествомъ приговоръ, Оголихинъ его сверху донизу разодралъ „и въ томъ числѣ ея императорскаго величества въ титулѣ букву (в) разодралъ же“. Такая продерзость въ тѣ времена „касалась уже важности“ и потому Михайла Оголихина, по доношенію магистрата, требовали для изслѣдованія въ высшія команды. Чѣмъ кончилось это изслѣдованіе—неизвѣстно. Извѣстно только, что „знатный купецъ“ въ концѣ 1740-хъ годовъ, въ описываемое время онъ уже былъ раззоренъ, озлобленъ и имѣлъ свое кормленіе отъ красильнаго мастерства; изъ-за этого мастерства, вдобавокъ, онъ вступалъ въ неоднократные бои съ городецкими и иными окрестными крестьянами, которые тоже занимались, вопреки указамъ, красильнымъ дѣломъ въ городѣ Балахнѣ... Понятно, что такой воинственный образъ жизни еще болѣе способствовалъ развитію строптивости и духа противленія.

Когда Козьминъ кликнулъ его въ окошко, то Оголихинъ тотчасъ же взялъ у него солодъ и соль, отправился съ ними къ Колокольцову, безстрашно прошелъ мимо стражи во дворъ и не преминулъ разсказать обо всемъ, постигшемъ вѣрнаго холопа. Послѣ этого онъ, вдобавокъ, небрежа магистратскимъ гнѣвомъ, вернулся обратно и успокоилъ узника извѣстіемъ, что солодъ и соль попали, наконецъ, въ хозяйскія руки.

IX.

А въ домѣ Колокольцова закипѣла работа. Какъ нѣкогда князь Курбскій, хозяинъ знаменитаго Васьки Шибанова, такъ теперь хозяева злополучнаго Козьмина гораздо больше думали о томъ, какъ бы покрѣпче насолить магистрату, чѣмъ объ участи вѣрнаго холопа. Изъ воеводской канцеляріи былъ позванъ опытный пищикъ, который тотчасъ же сочинилъ, отъ имени Марьи Дмитріевны Колокольцовой, весьма затѣйное явочное челобитье, присланное воеводою на другой же день въ магистратъ.

„Отъ брата-де родного Колокольцовой жены, прапорщика Козлова, отданъ ей былъ на время крестьянинъ, который и находился при домѣ ея во услуженіи...“

Уже изъ этихъ первыхъ словъ бумаги, упавшей въ магистратъ, какъ разрывная бомба изъ осажденной крѣпости,—и бургомистръ, и оба ратмана, и самъ законникъ Побѣдимцовъ тотчасъ же усмотрѣли, что они дали маху: захватили собственность прапорщика, совсѣмъ непричастнаго дѣлу. Но дальше было нѣчто, отъ чего лица присутствующихъ вытянулись еще болѣе.

„...А нынѣ, продолжала Марья Дмитріевна, со означеннымъ человѣкомъ послано было собственныхъ ея денегъ для розмѣну къ здѣшнему купечеству на мелкія деньги пять десятирублевыхъ имперіаловъ, который-де (т. е. Козьминъ) и посейчасъ съ тѣми деньгами въ домъ не бывалъ и гдѣ находитца, о томъ она, Колокольцова, неизвѣстна“. Коварный документъ кончается невинною просьбою: „дабы о сыску онаго двороваго брата ея человѣка и о публикованіи о томъ всенародно въ балахонской магистратъ сообщить“.

Получивъ такую неожиданную „промеморію“, магистратъ увидѣлъ, что дѣло его и на сей разъ проиграно. Правда, злополучный Козьминъ, столь неблагодарно оклеветанный хозяйкою въ похищеніи яко-бы знатной суммы, будучи того-жъ часу позванъ къ допросу, простодушно объяснилъ, что онъ подлинно данъ госпожѣ своей отъ ея брата, „а на базаръ не для чего другого посыланъ былъ, какъ для взятія солоду и отъ казенной продажи соли“, послѣ чего прилучился еще быть на базарѣ, какъ на него нагрянули Щепетильниковъ стоварыщи и увели въ магистратъ.

Такимъ образомъ, показаніе Колокольцовой насчетъ имперіаловъ не подтвердилось. Но магистрату было хорошо извѣстно, что̀ значитъ въ такомъ случаѣ показаніе холопа. При томъ же дальнѣйшіе разспросы Козьмину будутъ произ-

водиться „по вѣдомству его, въ воеводской канцеляріи“, а магистрату было также извѣстно, какія показанія можно порой добыть изъ человѣка при умѣломъ „устращиваніи“, которое тогда все еще было „за обычай“. Понятно, что въ этомъ случаѣ бѣднягѣ Козьмину не осталось бы ничего болѣе, какъ показать, что-де „тѣ монеты взяты у него при задержаніи того балахонскаго магистрата присутствующими“. Правда, это была бы ложь... Но не отъ всѣхъ же можно ждать нибановской твердости, да къ тому же интересы раба совпали бы въ этомъ случаѣ съ интересами господина...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Козьминъ тотчасъ же отправленъ съ розсылщикомъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ и сданъ подъ расписку...

X.

Бываютъ нравственныя побѣды, которыя мѣняютъ сразу взаимное отношеніе воюющихъ сторонъ. Такую именно побѣду одержалъ теперь титулярный совѣтникъ Николай Потановичъ Колокольцовъ надъ купеческимъ магистратомъ. Послѣ этого эпизода, дѣйствія магистрата идутъ нерѣшительно и вяло. Новая инструкція розсылщикамъ, новыя бумаги въ воеводскую канцелярію, и изъ Нижняго новый „репремантъ“: „а ежели и затѣмъ произойдетъ упущеніе, то уже неотмѣнно взыскано быть имѣетъ съ самихъ того магистрата присутствующихъ“.

Однако, до іюля 1771 года деньги съ воеводскаго товарища оставались не взысканы. Дальше дѣло сильно попорчено сыростью и такимъ образомъ продолженіе этой борьбы магистратскаго правосудія съ совѣтницкою надменностью погружено во мракѣ вѣчнаго забвенія. Впрочемъ, одна, хотя и сильно истлѣвшая страница, кидаетъ небольшой еще лучъ свѣта. Тутъ видимъ мы воюющія стороны въ слѣдующемъ положеніи: правящій полицейскую должность съ посадскими людьми вновь нерѣшительно подступаютъ къ дому... „но оного Колокольцова вороты содержатца завсегда заперты... Напослѣдокъ же, вышедъ изъ полатъ на крылецъ и паки не впуская ихъ, балахонцевъ, на дворъ, отвѣтствовалъ его благородіе съ немалымъ крикомъ, что онъ въ магистратъ иттить не долженъ, и устращивалъ ихъ, балахонцевъ, бить дубьемъ. За каковыми его крикомъ и устращиваніемъ ко взятью ево, Колокольцова, отважитца никакъ невозможно“.

Ветхая страница разсыпается въ рукахъ, послѣдній лучъ угасаетъ и фигура дерзновеннаго воеводскаго товарища на крыльцѣ, вмѣстѣ съ робкою кучкою защитниковъ магистратскаго авторитета, тонутъ безвозвратно въ туманѣ минувшаго...

Миръ твоимъ тѣнямъ, доброе старое время!

Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII вѣка.

(Изъ балахонской старины).

17 октября 1740 года умерла „блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти“ императрица Анна Іоанновна. На престолъ вступилъ младенецъ государь Іоаннъ, во всѣ концы Россіи были посланы указы, и въ числѣ прочихъ уѣздный городъ Балахонскъ тоже принялъ присягу Іоанну и регенту, пресвѣтлѣйшему герцогу Курляндскому. Затѣмъ жизнь городка потекла своимъ чередомъ. Балахонцы занимались своимъ дѣломъ, строили суда, производили на своемъ усольѣ вареніе соли немалаго числа, которую отправляли на судахъ въ разные города и села, судились въ ратушахъ и у воеводъ, посягали въ бракъ и замужество, плодились и умирали, мало тревожимые новыми политическими бурями, которыя происходили вверху.

Въ теченіи кратковременнаго царствованія Іоанна была выпущена монета и печатные листы съ его именемъ и портретомъ, а можетъ быть (точно не знаю) съ именемъ и портретомъ регентши. Отъ Балахны до Петербурга не близко, особенно если принять въ соображеніе тогдашніе пути сообщенія и медленность торговыхъ сношеній. Монета новаго образца едва ли успѣла, выйдя въ Петербургѣ, достигнуть до Балахонска, какъ уже совершился при помощи лейбъ-кампанцевъ новый переворотъ, и во всѣ концы Россіи опять поскакали курьеры. „попы разныхъ церквей“ въ Балахнѣ со причетомъ пѣли благодарственные молебны, а посадскіе и другіе разнаго званія вольные люди приносили новую присягу. И опять гор. Балахонскъ на берегу Волги зажилъ прежнею своею жизнію, готовясь къ новой зимней выварке соли на варницахъ, сводя счеты по лѣтнимъ наемкамъ и становя суда на зимовки. Бургомистры и ратманы, подьячіе, канцеляристы и пищики съ 6 часовъ утра собирались въ присутствіе, и въ

застѣнкахъ отъ утренней зари раздавались стоны и записывались разспросныя и пыточныя рѣчи...

Судьба брауншвейгской фамиліи совершалась извѣстной печальной чредой. Добродушная, по тогдашнему, и счастливая Елизавета имѣла сначала намѣреніе отпустить „фамилію“ за границу, но ее запугали, и доброе побужденіе осталось неосуществленнымъ. Потомъ заговоръ Турчанинова и громкое дѣло Лопухиныхъ вселили въ Елизавету почти суевѣрный ужасъ передъ именемъ Иванушки, и она ссылала „фамилію“ все дальше и дальше. Сначала ихъ помѣстили въ Дюнамюнде, потомъ перевели въ Раненбургъ въ 1744 и въ томъ же году повезли въ Архангельскъ. Въ октябрѣ несчастная Анна Леопольдовна глядѣла на холодныя льдины, угрюмо сшибавшіяся у бѣломорскаго берега и загородившія дорогу въ Соловецкій монастырь, а затѣмъ, по представленію Корфа, фамилія оставлена въ Холмогорахъ подъ строгимъ, мелочнымъ, порой добродушнымъ, порой безчеловѣчнымъ досмотромъ приставовъ. Корфа смѣнилъ Гурьевъ, Гурьева—капитанъ Вымдонскій, послѣдняго—Миллеръ, который писалъ, между прочимъ, своему начальнику: „г. капитанъ вамъ напишетъ, что я морю безъ кофею *извѣстныхъ персонъ*“... (Соловьевъ).

Пока, такимъ образомъ, для несчастной фамиліи весь міръ замкнулся тѣснымъ холмогорскимъ горизонтомъ или даже стѣнами бывшаго архіерейскаго дома, а вопросъ о кофе отмѣчалъ въ ту или другую сторону перемѣны въ ихъ политическомъ положеніи,—въ военныхъ кружкахъ, привыкшихъ смотрѣть на себя, какъ на творцовъ переворота, — продолжало кое-гдѣ тлѣть глухое броженіе неудовлетворенныхъ честолюбій, и имя бѣднаго Иванушки отъ времени до времени пробѣгало, какъ искорка. За Турчаниновымъ послѣдовалъ заговоръ Лопухиныхъ, и Елизавета, испуганная, оскорбленная, какъ царица и какъ женщина, — проявила по отношенію къ замѣшаннымъ несвойственную ей до тѣхъ поръ жестокость.— Пытка, плеть, отрѣзаніе языка... Красавицу Ягужинскую-Бестужеву, обнаженную до пояса, палачъ держалъ на себѣ за руки, и народъ смотрѣлъ, какъ изъ-подъ плети брызжетъ кровь великосвѣтской львицы...

Все это, разумѣется, совершалось въ центрахъ, у вершинъ политической жизни. Правда, и въ остальной Россіи, особенно на окраинахъ, среди казачества и вольницы уже и въ то время вставали отъ времени до времени неясные еще, мимолетные призраки самозванства, которому суждено было впослѣдствіи разразиться такой страшной грозой надъ всею Русью. Однако, можно сказать съ полной увѣренностью, что

имя Іоанна Антоновича изъ брауншвейгской фамиліи играло здѣсь меньшую роль, чѣмъ другія. Тѣмъ не менѣе, было бы ошибкой думать, что „тамъ, въ глубинѣ Россіи“ всѣ эти перевороты проходили безслѣдно, и что глухіе городишки, а порой и села не имѣли своихъ жертвъ политическихъ перемѣнъ и событій. Правда, ни Турчаниновъ, ни Лопухины не могли имѣть въ какомъ-нибудь гор. Балахонскѣ ни сообщниковъ, ни связей. Однако, и въ городъ Балахонскъ приходили манифесты отъ имени Иванушки и регентовъ и привозились монеты,—которыя потомъ отбирались *); и въ гор. Балахонскѣ давалась присяга, которая потомъ ломалась; и въ городѣ Балахонскѣ происходило извѣстное движеніе совѣсти, которое вызывали толки въ убогихъ хижинахъ со слюдяными окнами, на баркахъ, тихо плывущихъ по Волгѣ, на усольѣ за вываркою соли... Приходили и въ городъ Балахонскъ изъ Петербурга купецкіе и торговые люди, подрядчики казенныхъ работъ или поставщики въ петербургскіе магазины казеннаго провіанта и соли, записные кирпичники и лопатники, которыхъ наряжали и посылали на казенныя работы. А черезъ Нижній, черезъ верховые и низовые города, гдѣ десятками работали балахонскіе посадскіе люди, тянулись команды солдатъ и офицеровъ, сопровождавшихъ секретныхъ колодниковъ, съ исполосованными спинами, клейменыхъ, съ урѣзанными языками... И за всѣмъ этимъ, точно невидимая зараза за поѣздомъ чумныхъ мертвецовъ, тянулся цѣлый хвостъ разговоровъ и сужденій, простодушныхъ и опасныхъ, къ которымъ тогдашнее петербургское правительство, по жестокой традиціи конца удѣльнаго періода и татарщины, относилось необыкновенно ревниво и чутко. А гербовые листы и монета, не смотря на публикаціи, продолжали тоже ползти по Россіи все дальше и дальше,—и съ каждымъ листомъ, съ каждымъ рублемъ, отмѣченнымъ именемъ павшаго правительства, связана была смертельная, роковая, чисто стихійная опасность. И кто знаетъ, если сосчитать послѣ любого переворота число его жертвъ въ губернскихъ, уѣздныхъ и „провинціальныхъ“ городахъ, жертвъ безсознательныхъ, простодушныхъ, невѣдомыхъ и не вѣдавшихъ, за что именно они погибаютъ,—то не померкнутъ ли передъ этой необъятной массой разбитыхъ жизней, маленькихъ, незамѣтныхъ и безвѣстныхъ, яркія драмы болѣе видныхъ дѣятелей политической жизни, отмѣченныхъ историками.

*) Полное Собр. Законовъ 1745 г., № 9192 и 9197 объ отобраніи указовъ, въ правленіе герцога Курляндскаго и принцессы Брауншвейгъ-Люнебургской изданныхъ, и о храненіи ихъ за печатью въ Тайной Канцеляріи.

II.

Двѣ изъ такихъ почти стихійныхъ драмъ, служащихъ лишь запоздалымъ*) отголоскомъ въ маленькомъ городѣ крупнаго политическаго переворота, уцѣлѣли случайно въ дѣлахъ балахонскаго городового магистрата, и теперь я предлагаю ихъ вниманію читателя.

Какъ извѣстно, въ гор. Балахнѣ еще въ настоящемъ столѣтіи дѣйствовали соляныя варницы, отъ которыхъ теперь, на бывшемъ усольѣ, уцѣлѣла лишь одна варница да остатки нѣсколькихъ разсольныхъ трубъ, съ высокими столбами, окованными желѣзомъ и производящими странное впечатлѣніе среди пустыря, изрытаго ямами и покрытаго буграми... Говорятъ, выварка соли начата еще предпріимчивыми новгородцами, поселившимися здѣсь послѣ разгрома новгородскаго вѣча, и долгое время балахонское усолье играло видную роль въ промышленной жизни Поволжья. Впослѣдствіи пермская и эльтонская соль вытѣсняла балахнинскую изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ, но ближайшіе города и села: Юрьевецъ, Семеновъ, Лухъ, Галичъ получали соль исключительно изъ Балахны... У соляной продажи въ этомъ городѣ сложилась цѣлая своеобразная организація, состоявшая изъ соляного головы, цѣловальниковъ и ларечныхъ, по выбору изъ купечества городовъ Нижняго, Арзамаса, Юрьевца, которые, смѣняя другъ друга, жили въ Балахнѣ „по присяжной должности", принимали соль отъ промышленниковъ въ „важенный анбаръ" и отпускали ее „въ кулевую" торговцамъ и „въ розничную продажу"—обывателямъ.

Довѣріе къ личной честности было въ доброе старое время очень незначительно и потому соляная торговля, составлявшая монополію правительства, обставлялась самыми строгими и мелочными правилами, почти обрядами. Между прочимъ, въ каждомъ амбарѣ ставился запертый и запечатанный ящикъ, съ небольшимъ отверстіемъ, въ которое ларечные и цѣловальники обязаны были опускать получаемыя за соль деньги тотчасъ же, „безъ всякаго времени продолженія, подъ страхомъ за неисполненіе указнаго истязанія". Такіе же ящики давались тѣмъ изъ цѣловальниковъ, которые отправлялись для соляной продажи въ Городецъ и Семеновъ. Разъ въ мѣсяцъ всѣ они привозились въ Балахну, гдѣ одинъ изъ ратмановъ магистрата, обще съ головой соляной продажи, снималъ пе-

*) За первое десятилѣтіе по вступленіи Елизаветы Петровны на престолъ въ нашемъ архивѣ дѣлъ не сохранилось.

чати и производилъ „высыпку“ денегъ, свѣряя ихъ съ составляемой ежемѣсячно „высыпочной вѣдомостью“, въ которой голова стоварыщи писалъ, „коликое число надлежитъ за принятую соль въ прошедшемъ мѣсяцѣ высыпать денежной казны“.

3 октября 1751 года такимъ же порядкомъ были представлены три денежныхъ ящика, изъ коихъ ратманомъ Рукавишниковымъ обще съ головой Вольяшниковымъ и произведена „высыпка“, которая, какъ значится въ составленномъ по этому случаю протоколѣ,—съ высыпочной вѣдомостью явилась во всемъ сходственна. Только у арзамасца Степана Павлова, продававшаго соль въ Городцѣ, по разсмотрѣніи денежной казны, явилась монета, которую ратманъ Рукавишниковъ въ своемъ донесеніи магистрату аттестуетъ съ зловѣщей краткостью: „въ числѣ тысячи двенатцети рублевъ двенатцати копѣекъ счетью явился *одинъ рублевой манетъ известной персоны*“. Хотя дальше въ дѣлѣ нигдѣ нѣтъ указанія на то, что это за персона, однако, кажется, нельзя сомнѣваться, что злополучный арзамасецъ принялъ отъ продавца и „безъ всякаго времени промедленія“ опустилъ въ ящикъ одинъ изъ рублевиковъ, выпущенныхъ въ короткое царствованіе злополучнаго Іоанна Антоновича. И вотъ, нечаянно-негаданно, мрачная судьба царевича, точно зараза, черезъ „рублевой манетъ“ передается арзамасцу Степану Павлову и разбиваетъ его жизнь.

Безъ всякаго сомнѣнія, среди членовъ магистрата, среди ларечныхъ и цѣловальниковъ, видѣвшихъ внезапное появленіе грознаго „рублеваго манета“, не было ни одного человѣка, который бы могъ вывести изъ этого заключеніе, что арзамасецъ Степанъ Павловъ въ какой бы то ни было мѣрѣ причастенъ къ заговору и желаетъ возстановленія брауншвейгской фамиліи на россійскомъ престолѣ. И однако, отъ самыхъ буквъ стариннаго дѣла, отмѣчающихъ появленіе „манета“, повидимому, вѣетъ какимъ-то мистическимъ ужасомъ, и воображеніе невольно рисуетъ оторопѣлость, испугъ и пустоту, внезапно окружившую несчастнаго Павлова, который, быть можетъ, мечталъ уже о скоромъ возвращеніи въ домъ свой, къ женѣ и дѣтямъ. Не смотря на то, что всѣ, рѣшительно всѣ признавали его совершенно невиннымъ,—всѣ также смотрѣли на него, какъ на уличеннаго и приличившагося къ „нѣкоторой тайности“, поступавшаго отнынѣ въ распоряженіе стихійной силы, состоявшей изъ бумажныхъ указовъ, высшихъ командъ и изъ орудій „разспроса“ подъ пристрастіемъ... И всякій, вѣроятно, считалъ себя несчастнымъ изъ-за того, что онъ

еще недавно имѣлъ сношенія съ обреченнымъ человѣкомъ— и такимъ образомъ самъ рискуетъ приличиться къ тайности, жестокой, безсмысленной и бездушной, какъ стихія...

Степана Павлова она захватываетъ тотчасъ же руками людей, убѣжденныхъ въ его невинности. Магистратъ составляетъ опредѣленіе, коимъ прежде всего, для соблюденія Ея Величества казеннаго интересу, надлежитъ за явльшійся „рублевой манетъ“ извѣстной персоны взыскать съ Павлова другую ходячую монету по силѣ указовъ. „А оного цѣловальника и тотъ манетъ при доношеніи отослать вніжегородскій губернскій магистратъ въ немедленномъ времени“, для чего онъ отдается магистратскому „рассыльщику“ Ѳедору Ряхину стоварыщемъ.

Все дѣло, изъ котораго мы извлекаемъ этотъ эпизодъ, велось съ какой-то торопливою краткостью и поэтому въ немъ не сохранилось копіи съ инструкціи, которою снабжены были Ѳедоръ Ряхинъ стоварыщемъ, препровождавшіе въ Нижній-Новгородъ злополучнаго арзамасца. Однако, изъ многихъ другихъ дѣлъ того же рода мы легко можемъ возстановить эту инструкцію, которая стремилась внушить розсыльщикамъ понятіе о важности возложеннаго на нихъ порученія. „Понеже арзамасецъ а городецкой соляной продажи целовальникъ Степанъ Павловъ приличился къ секретному дѣлу, — того ради предписывается тебѣ Ѳедору Ряхину стоварыщемъ учинить слѣдующее: 1) взявъ запечатанной пакетъ и при немъ онаго Степана Павлова ѣхать вамъ въ Нижній и представить оной пакетъ и показаннаго Павлова въ губернскій магистратъ въ самой скорости и въ пріемѣ требовать росписку; 2) будучи при той присяжной должности никому никакихъ обидъ и налоговъ ни подъ какимъ предлогомъ не чинить и взяткамъ не касатца подъ опасеніемъ жесточайшаго по указомъ истязанія. 3) А ежели что при томъ исполненіи въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ тайности, оного отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ не писать, ниже къ тому, отъ кого отправлены, кромѣ настоящихъ реляцей... А ежели въ чемъ будетъ вашему дѣлу отъ кого препятствіе, то писать... токмо упоминая о врученномъ вамъ генерально“...

Интересно, что между появленіемъ „манета“ и отправленіемъ Павлова въ Нижній всетаки проходятъ 3 дня. Очень можетъ быть, что въ это время магистратъ еще колебался и члены его совѣщались о томъ, — нельзя ли спасти невинно погибающаго человѣка, нельзя ли скрыть „явльшійся манетъ“ и ограничиться замѣной его другою ходячею монетою безъ огласки.

Но — таково уже свойство этихъ дѣлъ, что остановить ихъ всякій „имѣетъ опасность“, также какъ оставить въ домѣ чумного больного. Магистратъ, вѣроятно, чувствовалъ, что слухъ о „манетѣ“ уже разнесся и если бы члены присутствія оставили дѣло безъ послѣдствій, „манетъ“, какъ непохороненный мертвецъ, постучится въ ихъ собственныя двери, потребуетъ себѣ новыя жертвы. И вотъ, 7 числа розсыльщикъ Ѳедоръ Ряхинъ отдаетъ Павлова въ Нижнемъ губернскаго магистрата копеисту Луковникову подъ росписку. Губернскій магистратъ, въ свою очередь, отправляетъ его въ губернскую канцелярію, а черезъ мѣсяцъ въ Балахнѣ становятся извѣстны и первые результаты дѣла. Оказалось, что въ губернской канцеляріи Степанъ Павловъ „въ пріемѣ оного манета съ натретомъ извѣстной персоны допрашиванъ, токмо-де въ *томъ умыслу отъ него никакова не оказалось*. Однако... по резолюціи оной канцеляріи ему, Павлову, за неосмотрительный пріемъ въ казну показаннаго рублевика спатретомъ извѣстной персоны въ той канцеляріи учинено наказаніе *битъ плетьми* и по наказаніи оного же октября 28 дня присланъ при промеморіи въ нижегородскій магистратъ *по прежнему*“. Нижегородскій же магистратъ, тоже по прежнему, посылаетъ его къ соляной продажѣ, продолжать опасное служеніе.

„По прежнему“ — это значитъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. „Битъ въ канцеляріи“ (а не на торгу) — это значило, что наказаніе не имѣло публичнаго характера, произведено, такъ сказать, келейно, не дѣлало Павлова шельмованнымъ, подозрительнымъ, „публичнымъ“ человѣкомъ, котораго нельзя было бы приставить къ дальнѣйшему служенію, а слѣдовало сдать въ рекруты или отослать за общество въ крѣпостныя работы. Такимъ образомъ, въ этомъ удивительномъ постановленіи, которое такъ поражаетъ насъ теперь при чтеніи этихъ старыхъ страницъ, слѣдуетъ видѣть, пожалуй, черты извѣстной снисходительности и даже можно думать, что въ губернской канцеляріи хотѣли спасти и выгородить арзамасца Павлова,— плетьми защитить его отъ худшей грозы высшихъ командъ, сохранить обществу человѣка для житья и служенія по прежнему.

Но „по прежнему“ арзамасцу Павлову быть уже не доводилось. Машина, безпощадная и ужасная, была уже въ полномъ ходу, отъ губернской канцеляріи и магистрата бумаги съ изложеніемъ дѣла летѣли все выше, и чѣмъ дальше отъ живого человѣка, отъ знакомаго арзамасца Павлова, еще недавно жившаго, какъ и всѣ, въ средѣ своихъ ближнихъ,— тѣмъ отвлеченнѣе и безпощаднѣе становились рѣшенія. Каждая

инстанція въ такихъ случаяхъ смотрѣла только на указы и очищала себя на бумагѣ отъ „понорожки“ и послабленія, которыя, по наивно сильному выраженію тогдашнихъ людей,— „могли быть причтены къ безвинному насъ присутствующихъ истязанію“. И вотъ, по рѣшенію одной изъ такихъ инстанцій, оказалось, что, выдравъ плетьми явно безвиннаго человѣка и отдавъ его въ Балахну по прежнему, - губернская канцелярія поступила еще слабо и не по указамъ. Монетная контора 16 декабря требуетъ, чтобы оного цѣловальника Павлова сыскать вторично, опять привезти въ Нижній и здѣсь „отдать на знатныя поруки, съ росписками впредь, съ поставкою до указу“, - такъ какъ монетная контора въ свою очередь будетъ еще изслѣдовать, и можетъ быть разспрашивать подъ пристрастіемъ, и можетъ быть—еще бить плетьми или кнутомъ...

Но арзамасецъ Павловъ не сталъ дожидаться своей участи. Указъ полученъ въ Балахнѣ 24 декабря, наканунѣ Рождества Христова и, можетъ быть, пользуясь тѣмъ, что наступали неприсутственные дни, — магистратъ не приступаетъ къ немедленному сыску. Справка отъ соляной продажи дается магистрату лишь въ январѣ мѣсяцѣ, а въ это время Вольяшниковъ съ товарыщи извѣщаетъ, что „оной Павловъ безъ вѣдома ихъ сборщиковъ бѣжалъ изъ Балахны въ домъ свой, въ городъ Арзамасъ, — и въ томъ они сказали сущую правду подъ опасеніемъ законнаго истязанія“.

Дальше о Павловѣ ничего уже неизвѣстно. Бѣжалъ ли онъ въ домъ свой лишь затѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ обнять жену и дѣтей и отдаться во власть безсмысленной и грозной судьбы; или, быть можетъ, ушелъ совсѣмъ, отрекшись отъ семьи, куда-нибудь въ украинныя степи, гдѣ казаки охотно принимали безпаспортныхъ съ темнымъ прошлымъ. Или присоединился на Волгѣ къ какой-нибудь шайкѣ воровскихъ людей, съ которыми стакався чинилъ воровства и пожоги, церковную татьбу и убивства, пока не былъ пойманъ командами и замученъ палачами. Или наконецъ—дождался семидесятыхъ годовъ, когда много безъ вины виноватыхъ присоединялись къ отчаяннымъ людямъ и отводили свои душеньки, справляя свой пиръ, кровавый и короткій... Все это вопросы, на которые „дѣло о рублевомъ манетѣ“ не даетъ прямыхъ отвѣтовъ, предоставляя ихъ воображенію читателя...

III.

Другое дѣло этого же рода, повидимому, кончилось не такъ трагически, но зато начинается очень бурно. На усольѣ была своя церковь,—„Николая чюдотворца, что въ варницахъ“, а

въ той церкви имѣлся „попъ Василей Ивановъ“, человѣкъ жизни непорядочной и почасту „обращавшійся въ пьянствѣ“. 27 августа 1752 года попъ Василей, повидимому, тоже находился „въ пьянственномъ случаѣ“ и „въ исходѣ послѣдняго часа дня пришедъ ко двору балахонца посадскаго человѣка Костянкина Андреева Торговкина съ рогатиною и притомъ его Торговкина и жену ево Агафью Петрову дочь бранилъ непорядочною бранью и отбивалъ у избы его окна“. Хозяинъ, Костянкинъ Торговкинъ, видя тое брань и оконъ отбиваніе, ко оному попу вышелъ на дворъ „и сталъ разговаривать“. Въ результатѣ этого „разговора“ оказалось, что рогатина перешла изъ рукъ пастыря въ руки его духовнаго чада. Надо думать, что при этомъ было и еще что-нибудь болѣе для оного попа непріятное, хотя, по словамъ Торговкина, дѣло ограничилось тѣмъ, что попъ Василей „сухватя ево Торговкина за воротъ началъ было бить, на что онъ Торговкинъ едва могъ у нево попа вырваться. И послѣ того оной попъ, еще бранясь всячески-жъ, пошелъ въ домъ свой, а онъ Торговкинъ взошелъ въ свою избу“.

Здѣсь, однако, побѣдителя ждалъ неожиданный сюрпризъ: на лавкѣ лежалъ какой-то полулистъ печатной, неизвѣстно откуда взявшійся,—„а въ какой силѣ тотъ печатной полулиста обстоитъ“—того ни онъ Торговкинъ, ни его семейные знать не могли, понеже всѣ неграмотны. „Однако, признаваетъ онъ, что тотъ полулистъ не инако, только во время объявленнаго штурму въ избное окно опустилъ реченный попъ Василей Ивановъ“,—и ужъ, конечно, не для чего иного, какъ для причиненія ему какого-либо вредительства...

Легко представить себѣ, что происходило дальше. Въ избу Торговкина входили сосѣди, стояли, качали головами, вздыхали,—а въ какой силѣ оной полулистъ обстоитъ,—того, конечно, тоже не знали. Знали только, что если послѣ штурму попъ, человѣкъ грамотный и „знающій“—этотъ листокъ подкинулъ, то уже, конечно, въ листѣ обстоитъ какая-нибудь особенная сила.

Какъ ее сдѣлать безвредной, какъ отвести это попово „насланіе“? Когда въ полѣ, на полосѣ созрѣвающаго хлѣба появляется невѣдомо кѣмъ сдѣланная „закрута“, то надъ нею также стоятъ и качаютъ головами жнецы, но раздѣлать закруту можетъ только человѣкъ, знающій „слово“. Очевидно, такого знающаго человѣка не было въ тотъ вечеръ въ избѣ Костянкина Торговкина. Иначе, онъ бы сказалъ, что ему Торговкину надлежитъ учинить въ немедленномъ времени. А надлежало учинить слѣдующее: бѣжать тотчасъ же во всѣ ло-

патки въ магистратъ или, если присутствіе кончилось, — къ „правленію полицейской должности“, гдѣ обрѣтались во всякое время выборные изъ купечества къ тому правленію „полицыместеръ“ и его команда,—и объявить извѣтъ о явившемся полулистѣ прежде, чѣмъ попъ въ свою очередь добѣжитъ до воеводской канцеляріи или до своего духовнаго правленія. Ибо въ соборномъ уложеніи главы 21 въ статьѣ 8 напечатано ясно: „которые люди приведутъ въ губу татя или разбойника, а тѣ разбойники или тати учнутъ на техъ людей, которые ихъ въ губу приведутъ, говорить разбои или татьбу или иное воровство,—и тому не вѣрить, чтобы всякимъ людямъ безстрашно было воровъ имать и въ губу приводить“.

Такимъ образомъ, исходъ дѣла зависѣлъ отъ быстроты ногъ и своевременности заявленія. Если бы Торговкинъ принесъ свой извѣтъ ранѣе, то Василей Ивановъ становился тѣмъ самымъ „воромъ“, котораго Торговкинъ привелъ въ губу и коего извѣтамъ уже не надлежало вѣрить; наоборотъ, если извѣтъ попа опередилъ бы заявленіе Торговкина, то уже никакія его свидѣтельства не имѣли силы, дабы тому попу и впредь такихъ воровъ имать и въ губу приводить было безстрашно.

Константинъ Торговкинъ сдѣлалъ большую неосторожность: листъ, повидимому, ночевалъ у него въ домѣ и только на слѣдующее утро онъ его сволокъ въ магистратъ и объявилъ при словесномъ извѣтѣ, сославшись на сосѣдей... Магистратъ оной извѣтъ принялъ и листъ осмотрѣлъ. „Которой по усмотрѣнію того магистрата оказался напечатанной *сыменемъ извѣстной персоны*“. Того-жъ часу Торговкинъ отданъ розсыльщику Макару Смолникову съ товарыщи при запечатанномъ пакетѣ и въ крайней скорости отправленъ въ Нижній, откуда черезъ двѣ недѣли присланъ къ слѣдствію въ воеводскую канцелярію...

Изъ этого видно, что попъ Василей вѣроятно донесъ о листѣ воеводѣ. Когда? Если того-жъ дня,—то надо думать, что спина Торговкина до конца его жизни носила слѣды плетей, какъ и спина арзамасца Степана Павлова. Изъ дѣла, которое было у меня въ рукахъ—окончанія не видно. Оно кончается только вызовомъ свидѣтелей и депутата отъ купечества въ воеводскую канцелярію. Можетъ быть, однако, на счастіе Торговкина, и попъ Василей, находившійся въ пьянственномъ случаѣ,—не успѣлъ довести до конца своего вредительнаго умысла, а дойдя нетвердыми стопами до своего дому, завалился спать и принесъ извѣтъ на слѣдующій день, одновременно съ Торговкинымъ. Во всякомъ случаѣ, былъ ли Торговкинъ битъ плетьми или не былъ,—но „публичнымъ чело-

вѣкомъ“ и онъ не сдѣлался; это явствуетъ изъ того обстоятельства, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ почтенъ отъ балахонскаго купечества и посадскихъ людей выборной должностью: въ 1758 году мы встрѣчаемъ его имя въ разныхъ дѣлахъ,— въ скромномъ, правда, званіи магистратскаго розсыльщика, которому, почему-то, преимущественно передъ другими, отдавались для погребенія „неизвѣстно кому принадлежащія“ мертвыя тѣла, повсягодно находившіяся въ разныхъ города Балахнинска урочищахъ, въ большомъ изобиліи...

Что касается до другого дѣйствующаго въ этомъ эпизодѣ лица, то о немъ имѣются въ дальнѣйшихъ дѣлахъ свѣдѣнія болѣе печальнаго свойства. Попъ Василей продолжалъ обращаться въ повсядневномъ пьянствѣ и однажды, отлучившись изъ дому вечеромъ, домой на ночь не вернулся. „Котораго попа Василья дочь его, а бываго посадскаго человѣка Мотохова вдова Параскева Иванова по улицамъ и въ протчихъ мѣстахъ искала напрасно. А на утро вблизости варницы директора Осокина называемой Соболья, въ варничномъ чану, усмотрила плавающую шляпу. И по признанію той шляпы съ прилучившимися тутъ балахонцами стали ево попа Василья въ томъ чану искать, котораго багромъ едва и вытащить могли“.

По этому поводу воеводская канцелярія опять вступила въ переписку съ магистратомъ: „отъ полицейской должности,— спрашивалъ воевода,—въ ночные времена обходы бываютъ ли и для чего таковыхъ непорядковъ не усмотрено и какихъ ради притчинъ находящиеся при варницахъ чаны, которые состоятъ самые опасные,—незасыпаны“. Впрочемъ по учиненіи надлежащаго тому мертвому тѣлу осмотра боевыхъ знаковъ не явилось. „Кое и похоронено при церкви божіи“.

И можетъ быть тотъ же Костянкинъ Торговкинъ помогалъ предавать землѣ мертвое тѣло своего бывшаго врага и „обносителя“.

1895 г.

Русская пытка въ старину.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Современникъ Алексѣя Михайловича, русскій человѣкъ и эмигрантъ семнадцатаго вѣка, Григорій Карповичъ Кошихинъ, среди другихъ учрежденій допетровской Руси, такъ описываетъ простые пріемы тогдашняго „изслѣдованія истины“ по уголовнымъ дѣламъ:

„Разбойный приказъ. А въ немъ сидитъ бояринъ или окольничій да стольникъ, да два дьяка. И въ томъ приказѣ вѣдомы всего московскаго государства разбойные, татинные и приводные дѣла и мастеры заплечные... Также и въ городахъ для разбойныхъ и татинныхъ дѣлъ устроены приказныя и губныя избы, и вѣдаютъ такія дѣла выборные дворяне за вѣрою и крестнымъ цѣлованіемъ, которые за старостью полковыхъ службъ служити не могутъ... И кто будетъ былъ на разбоѣ и учинилъ убійство или поджогъ и татьбу, а товарищи ихъ разбѣжались и не пойманы, и такихъ злочинцовъ *въ праздника* (!) и въ иные дни пытаютъ и мучатъ безъ милосердія, для того, что воръ и самъ, не разбирая дней, воровства свои и убійства дѣлаетъ, да и для того, чтобъ по ихъ сказкѣ сыскать и товарищей ихъ. Также и иныхъ злочинцовъ потому-жъ пытаютъ смотря по дѣлу, однажды и дважды, и трижды и послѣ пытокъ указъ чинятъ къ чему доведется“... ...„И будетъ съ пытокъ не повинятся (были, значитъ, такіе терпѣливые люди), и такихъ сажаютъ въ тюрьму, доколѣ на нихъ поруки будутъ... А какъ они отсидятъ въ тюрьмѣ года два и больше, а порукъ не будетъ, и такихъ изъ тюремъ освобождаютъ и ссылаютъ въ дальніе городы, въ Сибирь и въ Астрахань на вѣчное житье“.

Самые пріемы пытки Григорій Карповичъ описываетъ съ такимъ же эпическимъ спокойствіемъ:

„А устроены для всякихъ воровъ пытки: сымутъ съ вора рубашку, и руки его назадъ завяжутъ подлѣ кисти веревкою, обшита та веревка войлокомъ; и подымутъ его кверху, учинено мѣсто что и висѣлица, а ноги его свяжутъ ремнемъ. И одинъ человѣкъ, палачъ, вступитъ ему въ ноги на ремень своею ногою и тѣмъ его стягиваетъ, и у того вора руки станутъ противъ головы его, а изъ суставовъ выйдутъ вонъ; и потомъ сзади палачъ начнетъ бити по спинѣ кнутомъ изрѣдка: въ часъ боевой ударовъ бываетъ тридцать или сорокъ... А учиненъ тотъ кнутъ ременной, толстой, на концѣ ввязанъ ремень толстой, шириною на палецъ, а длиною будетъ въ 5 локтей...“

„...И будетъ съ первыхъ пытокъ не винятся, и ихъ, спустя недѣлю времени, пытаютъ вдругорядь и втретіе. И жгутъ огнемъ, свяжутъ руки и ноги, и вложатъ межъ рукъ и межъ ногъ бревно, и подымутъ на огонь, а инымъ, разжегши желѣзные клещи накрасно,—ломаютъ ребра...“

„...Женскому полу бываютъ пытки противъ того же, что и мужскому полу, окромѣ того, что на огнѣ (не) жгутъ и ребра (не) ломаютъ...“ *)

Впослѣдствіи, черезъ сто лѣтъ послѣ временъ Алексѣя Михайловича и его историка, императрица Екатерина II пожелала узнать, что такое россійская пытка, и сдѣлала по этому предмету запросъ. Ей были доставлены любопытныя свѣдѣнія, озаглавленныя:

„обрядъ како обвиненный (sic) пытается“ **). „Въ застѣнкѣ,—говорится, между прочимъ, въ этомъ „обрядѣ“,—для пытки сдѣлана дыба, состоящая въ трехъ столбахъ, изъ которыхъ два вкопаны въ землю, а третій сверху, поперекъ“...

...„Палачъ долгую веревку перекинетъ черезъ поперечной въ дыбѣ столбъ и, взявъ подлежащаго къ пыткѣ, руки назадъ заворотитъ и, положа ихъ въ хомутъ черезъ приставленныхъ для того людей, вытягивается, дабы пытаемой на землѣ не стоялъ, у котораго и руки выворотитъ совсѣмъ назадъ, и онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги и привязываетъ къ сдѣланному нарочно впереди дыбы столбу. И растянувши симъ образомъ, бьетъ кнутомъ, гдѣ и

---

*) Исторія Кошихина: „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Спб. 1840. Гл. VII, 34.

**) „Русская Старина“, іюль 1873 г.—Цѣликомъ приведенъ г. Мережковскимъ въ романѣ „Петръ“. Къ петровскому времени, пожалуй, болѣе подходило бы описаніе Кошихина.

спрашивается о злодѣйствахъ, и все записывается, что таковой сказывать будетъ".

По сравненію съ тѣмъ, что разсказываетъ Кошихинъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго прогресса: во времена Григорія Карповича была та же дыба, но руки пытаемаго связывали простой веревкой („обшита та веревка войлокомъ"). Ко временамъ Екатерины пыточная техника уже придумала хомутъ.

Въ обоихъ случаяхъ, однако, — прежде всего пытаемаго поднимали на воздухъ; эту подробность не мѣшаетъ запомнить: она,—увы!—встрѣчается еще и въ наше время.

Подвѣшиваніе и сѣченіе составляли первый актъ розыска. Если обвиняемый послѣ него не сознавался, то, по словамъ „обряда", для дальнѣйшаго „изысканія истины" употреблялись еще:

1) „Тиски, сдѣланныя изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, въ которые кладутся злодѣя персты сверху большіе два изъ рукъ, а внизу ножные два и свинчиваются отъ палача до тѣхъ поръ, пока или повинится, или не можно будетъ больше жать перстовъ, и винтъ не будетъ дѣйствовать".

2) „Наложа на голову веревку и просунувъ кляпъ, вертятъ такъ, что оный изумленнымъ бываетъ. Потомъ простригаютъ волосы до тѣла и на то мѣсто льютъ холодную воду, отчего также въ изумленіе приходитъ".

3) „Для изысканія истины пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень, которымъ онѣ связаны, бревно и на оное палачъ становится затѣмъ, дабы болѣе истязанія чувствовалъ"... Если пытаемый упорствуетъ,—его снимаютъ съ дыбы, „правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ же образомъ поднимаютъ для того, что и черезъ то боли бываетъ больше".

Снѣгиревъ въ своей работѣ о пыткахъ, приводимой г. П. Б. въ „Русскомъ Архивѣ" *), прибавляетъ, что „висящаго на вискѣ не только били кнутомъ, но еще водили по спинѣ зажженнымъ вѣникомъ, стряхивая искры. Кромѣ того пытали „шиною", т. е. разожженнымъ желѣзомъ, водимымъ „съ тихостію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шкварились и вздымались". Пыточныя рѣчи, по словамъ того же автора, записывались въ три пріема: первый—съ подъему, когда пытаемый поднятъ съ вывихнутыми суставами; второй—съ „пытки", когда подвѣшеннаго били кнутами, и третій—„съ огня", когда его снимали и жгли огнемъ (какъ описано въ „обрядѣ").

*) „Русскій Архивъ", 1877 г., кн. 7, статья „Русскія пытки".

„Маловажныхъ преступниковъ, — говоритъ Снѣгиревъ о позднѣйшихъ временахъ, — допрашивали въ полиціяхъ подъ кошками (?) или плетьми или кормили селедкой и не давали пить“. Тутъ ужъ, конечно, никакихъ особыхъ обрядовъ не полагалось, и все сводилось къ личной изобрѣтательности полицейскихъ. Сомнительно, чтобы при этомъ употреблялись кошки. По словамъ М. И. Пыляева, кошка, это—кнутъ съ желѣзными лапами. Для „изысканія истины“ онъ не годился, такъ какъ убивалъ слишкомъ быстро. „Батожьемъ“ назывались простыя палки, которыми били по голой спинѣ, самымъ примитивнымъ образомъ растянувъ человѣка на землѣ и сѣвъ на ноги и на голову. Шелены были длинные узкіе мѣшки, наполненные мокрымъ пескомъ. Признаются „удобными“ (еще и въ наши дни), потому что оставляютъ мало наружныхъ слѣдовъ.

Такъ дѣтски-наивная и варварская сѣдая старина „обыкла розыскивать самую правду“ въ уголовныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, на пыточное дѣло наши предки XVI и XVII вѣковъ смотрѣли очень просто. Сохранился, напримѣръ, документъ, рисующій слѣдующую яркую картинку бюрократическихъ нравовъ. Въ 1641 году, мая въ двадцатый день, на Москвѣ, въ Трубницахъ, во дворѣ Сибирскаго приказа приставъ Яковъ Китаевъ вопилъ во всю голову... Когда на оный неистовый крикъ сбѣжался народъ, то приставъ разсказалъ, „что-де онъ Яковъ сейчасъ привезенъ изъ застѣнка пытанъ. А пыталъ-де его Большаго приказу дьякъ Иванъ Дмитріевъ въ томъ, что у Сибирскаго приказу они, приставы, въ Господскіе праздники и въ воскресные дни на правежѣ государевы долговые и пеновые иски правятъ ли?“ Такимъ образомъ дьякъ Иванъ Дмитріевъ примѣнилъ къ Якову Китаеву пытку единственно для снятія съ него достовѣрнаго показанія: достаточно ли ревностно Сибирскій приказъ взыскиваетъ казенные и частные долги. А между тѣмъ,—на той пыткѣ „его Якова испортили, руки ему на дыбѣ вывертѣли, и палачи-де у него шапку и опоясь кушачную сняли“ *).

II.

Въ „обрядѣ“, который мы приводили выше, очень характерно, что пытаемый называется уже „обвиненнымъ“ („како обвиненный пытается“). Старинное производство плохо различало понятія: подозрѣваемый, обвиняемый и обвиненный.

*) Н. Н. Оглоблинъ: „Бытовыя черты XVII вѣка“. „Русская Старина“, 1892 г. Октябрь. Стр. 1721.

Въ старину „всякая вина была виновата“, и разъ человѣкъ „доводился пыткѣ“, то само собой разумѣется, что вина почти неизбѣжно подтверждалась вынужденнымъ признаніемъ. Хорошо ли различаетъ эти понятія практика нашего пореформеннаго дознанія и слѣдствія,—это мы постараемся указать въ другомъ мѣстѣ, какъ и то, насколько наши обычные слѣдственные порядки въ самое мирное и тихое время свободны отъ пытокъ. А пока скажемъ, что опасная сторона и вредъ послѣднихъ теоретически сознавались уже давно.

Уже Петръ Великій, одержимый лично странной, вѣроятно, болѣзненной склонностью присутствовать при самыхъ страшныхъ истязаніяхъ, а иногда и принимавшій въ нихъ участіе—все же своимъ яснымъ умомъ оцѣнивалъ недостатки пытокъ, какъ средства „изысканія истины“, и стремился ихъ ограничить. Онъ первый воспретилъ пытки въ малыхъ дѣлахъ, страшныя своей многочисленностью и тѣмъ, что пыткой распоряжались мелкіе приказные ярыги.

Нѣкоторые изъ сподвижниковъ Петра раздѣляли эти взгляды и, въ свою очередь, стремились ограничить судебныя истязанія. Такъ, извѣстный В. Н. Татищевъ во время своего управленія сибирскими заводами запретилъ земскимъ людямъ (иначе „земскимъ ярыжкамъ“) производить пытки безъ согласія главнаго заводскаго управленія *), что, конечно, вело къ значительному сокращенію истязаній уже вслѣдствіе связанной съ этой процедурой проволочки. То же встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Между прочимъ, до насъ дошло интересное предписаніе архіепископа холмогорскаго Афанасія (ум. въ 1702 г.), увѣщавшаго иноковъ Соловецкой обители, въ лицѣ архимандрита — не производить у себя въ монастырѣ пытокъ **), къ коимъ эта обитель, какъ увидимъ, питала склонность, неискоренимую ни увѣщаніями, ни даже указами.

Но мѣры эти имѣли характеръ частичный. Каждая изъ нихъ была лишь попыткой изъять изъ пыточнаго производства ту или другую категорію дѣлъ, запретить пытки въ низшихъ учрежденіяхъ. Наступало другое время, и кровавыя истязанія возвращались съ прежней силой. Реакціонная бироновщина была вмѣстѣ и страшнымъ рецидивомъ жестокости. Людей жгли живьемъ за волшебство и поджоги, а пытка принимала ужасающія формы. Въ началѣ царствованія Екатерины Н. И. Панинъ однажды замѣтилъ, что онъ „недавно читалъ дѣло Волынскаго, и чуть его параличъ не убилъ. Такія мученія

---

*) Соловьевъ, XX, 203 (1-е изданіе).
**) „Русская Старина“, LV, 338 (1887 г.).

претерпѣлъ несчастный Волынскій и такъ очевидна его невинность“ *). Тотъ же Панинъ говорилъ Порошину, что онъ „съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и въ ссылки посланы были, за которыя бы только выговоромъ строгимъ наказать было достаточно, и что по тому нѣкоторымъ образомъ можно было разсуждать о правахъ тѣхъ временъ“ **).

Въ 1742 году новгородскій архіепископъ Амвросій вновь вынужденъ былъ обратиться къ архангельскому архіепископу Варсонофію съ увѣщаніями относительно все той же святой Соловецкой обители ***).

Нравы XVIII вѣка подъ вліяніемъ европейскихъ идей постепенно мѣнялись; уже елизаветинцамъ казались дикими пріемы бироновскаго времени. Извѣстный публицистъ и историкъ кн. Щербатовъ разсказываетъ, между прочимъ, что составители уложенія елизаветинскихъ временъ „свой проектъ наполнили неслыханными жестокостями пытокъ и истязаній“... „Когда, по сочиненіи, оное было, безъ чтенія сенатомъ и другими государственными чинами, поднесено къ подписанію государыни, и уже готова была сія добросердечная монархиня, не читая (!), подписать,—перебирая листы, — вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать“...

Собственныя мѣры Елизаветы въ направленіи ограниченія ужаснувшаго ее тиранства были благожелательны, но не особенно выдержаны, такъ какъ „сія добросердечная монархиня“, при всемъ благодушіи, была лѣнива и безпечна. Впрочемъ, противъ бироновскихъ временъ чувствовалось значительное облегченіе. Въ 1742 году отмѣнена пытка для провинившихся... въ опискѣ императорскаго титула. До этого указа злополучныхъ пищиковъ и канцеляристовъ, повинныхъ въ этомъ ужасномъ посягательствѣ на самодержавіе, пытали, чтобы узнать: „не съ вымыслу ли и не по чьему ли наученію они сдѣлали таковую описку, дабы нанести высочайшему титулу умаленіе и чести великой государыни поруху“. При Елизаветѣ сенатъ ограничилъ также „розыски“ надъ крестьянами, причастными къ самовольнымъ порубкамъ лѣса и къ бунтамъ, а въ проектѣ комиссіи по составленію уложенія предполагалось постановить, что „дворянство имѣетъ надъ людьми и крестьянами своими... полную власть безъ изъятія, кромѣ

---

*) „Записки Порошина“. Изд. „Русск. Стар.“ 69, 70.

**) Ib. 428—429.

***) Чтеніе въ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1880, кн. I, стр. 7—10.

отнятія живота, наказанія кнутомъ и произведенія надъ оными пытокъ".

Въ это же царствованіе отмѣнена пытка для малолѣтнихъ. Впрочемъ, — по настоянію святѣйшаго синода, малолѣтними постановлено считать только дѣтей до 12 лѣтъ. Тринадцатилѣтнихъ въ царствованіе сей добросердечной монархини продолжали пытать, какъ взрослыхъ. Въ 1751 году пытку отмѣнили въ дѣлахъ корчемныхъ. Историкъ С. М. Соловьевъ, питавшій вообще нѣкоторую слабость къ Елизаветѣ, ставитъ ей въ заслугу, что съ ея царствованія „Россія уже не знала пытокъ въ дѣлахъ политическихъ". Это не совсѣмъ вѣрно. Не говоря уже о нашихъ счастливыхъ временахъ, когда запросы о рижскихъ и иныхъ застѣнкахъ доходили до Государственной Думы,—Россія знала пытки по дѣламъ политическимъ и при Елизаветѣ, и при Екатеринѣ.

Наконецъ, можно ли говорить о томъ, что Россія съ Елизаветы не знала пытокъ по дѣламъ политическимъ, когда въ теченіи всего ея царствованія свирѣпствовало еще „ненавистное израженіе слово и дѣло" и Тайная Канцелярія. Произнесеніе этой волшебной государственной формулы сопровождалось немедленнымъ закованіемъ въ кандалы, какъ произнесшаго, такъ и обвиняемаго, а иногда и свидѣтелей, и отправленіемъ всѣхъ присутствующихъ для слѣдствія въ высшія инстанціи. Изъ разсмотрѣнныхъ мною когда-то старинныхъ дѣлъ балахнинскаго магистрата видно, что всѣ такіе случаи „розыскивались" съ примѣненіемъ кнута и истязаній.

Вообще, съ добросердечной Елизаветой повторялась обычная исторія многихъ самодержавныхъ царствованій. Вначалѣ провозглашались гуманныя идеи, потомъ онѣ ослаблялись, урѣзывались и пускались въ забытіе. Благодушіе Елизаветы, напримѣръ, совершенно ее покинуло, когда былъ открытъ бестужевскій заговоръ. По окончаніи этого дѣла Петербургъ видѣлъ на эшафотѣ изящнѣйшихъ фрейлинъ Елизаветинскаго двора, обнаженными до пояса; палачи грубо схватывали ихъ за руки, вскидывали себѣ за плечи, и кнутъ полосовалъ нѣжное тѣло придворныхъ красавицъ, вырѣзывая, точь въ точь какъ разсказывалъ когда-то Кошихинъ: „ремни чуть не до самыхъ костей". Послѣ этого палачъ хваталъ рукой языки, вытягивалъ ихъ и рѣзалъ ножомъ, дабы впредь никому не повадно было злословить „добросердечную монархиню". Въ застѣнкахъ съ „сообщниками" тоже не церемонились. Относя извѣстную долю этихъ жестокостей за счетъ того времени, нужно всетаки сказать, что значительная часть остается и на долю мстительности и мелкаго женскаго тщеславія самой

Елизаветы... Кажется, что эти свирѣпыя казни въ угоду самодержицѣ не соотвѣтствовали уровню взглядовъ и понятій тогдашняго общества. Въ елизаветинское время были уже люди, далеко опередившіе ее въ своихъ взглядахъ на пытку. Такъ, извѣстенъ случай, когда новгородскій губернаторъ Орловъ,—отецъ будущаго екатерининскаго фаворита,—запретилъ примѣнить пытку въ уголовномъ дѣлѣ, высказавъ принципіальное осужденіе этого „весьма ненадежнаго способа для открытія истины“ *).

Начало царствованія Петра III-го, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ его совѣтниковъ (главнымъ образомъ, Волкова), ознаменовалось нѣсколькими прогрессивными указами, въ томъ числѣ и въ интересующей насъ области. Первой изъ этихъ мѣръ было уничтоженіе Тайной Канцеляріи и „ненавистнаго израженія слово и дѣло“, изъ-за котораго лилось столько крови. Кромѣ того, сенату было повелѣно снабдить всѣ присутственныя мѣста—особенно отдаленныя—приказомъ, чтобы доносы, какъ свидѣтелей, такъ и доносителей, производились *сколь возможно* безъ пытки **). Пожеланіе очень скромное, если принять въ соображеніе, что это *сколь возможно* относилось даже не къ обвиняемымъ, а къ доносителямъ („доказчику первый кнутъ“) и... къ свидѣтелямъ, ни мало уже ни въ чемъ не повиннымъ! И, конечно, указъ, сопровождаемый словомъ „по возможности“, имѣлъ характеръ чисто платоническаго пожеланія, къ исполненію необязательнаго***).

Царствованіе Екатерины сразу отразилось замѣтными смягченіями противъ временъ Елизаветы. На русскомъ престолѣ была молодая государыня, не имѣвшая на него никакихъ законныхъ правъ и считавшая, что можетъ удержаться только „любовью народа“. Личные взгляды ея были тоже прогрессивны. Въ свое время она дала Вольтеру разрѣшеніе, въ его протестѣ противъ инквизиціонныхъ пріемовъ въ дѣлахъ Калласа и Сирвена, поставить ея имя „во главѣ тѣхъ, кто помогалъ ему раздавить фанатизмъ и сдѣлать людей болѣе снисходительными и человѣчными“. Она вела переписку съ энциклопедистами и звала въ Россію Беккаріа, знаменитаго автора „Преступленія и наказанія“. Взгляды эти раздѣлялись уже многими изъ ея приближенныхъ (начиная съ Григорія

*) Чтеніе въ О-вѣ Нестора Лѣтописца, 1891, кн. V.

**) „Полное собраніе законовъ“, т. XV, № 11445.

***) Въ 1761 году обнаружилось, что въ городѣ Шацкѣ, въ частномъ домѣ канцеляриста Петаковскаго, существуетъ застѣнокъ. Его велѣно сломать (изъ „Чт. въ О-вѣ Нестора Лѣт.“ 1891, кн. V).

Орлова, унаслѣдовавшаго традиціи своего отца), проникали въ науку, въ литературу, въ общество. 28 іюня 1767 г. въ Москвѣ профессоръ естественнаго народнаго права К. І. Лангеръ произнесъ рѣчь, въ которой открыто нападалъ на институтъ судебныхъ пытокъ.

Въ 1769 году нѣкто Каринъ издалъ основанную на идеяхъ Беккаріа книгу „Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденія о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переводъ съ французскаго языка". Появленіе такой книги въ то время имѣло относительное значеніе гораздо большее, чѣмъ мы можемъ объ этомъ судить въ наши времена. 23 іюня 1777 года директоръ Академіи наукъ, Домашневъ, говорилъ на торжественномъ актѣ: „Наша эпоха почтена прекраснымъ названіемъ философской не потому, чтобы многіе имѣли право на званіе философовъ или чтобы увеличилось количество познаній, а потому, что философскій духъ сдѣлался духомъ времени, священнымъ началомъ законовъ и нравовъ. Онъ освятилъ правосудіе человѣколюбіемъ, обычаи — чувствомъ. Онъ легъ въ основаніе двухъ важныхъ предметовъ—законодательства и нравственности" *). Люди, которые покровительствовали такимъ ученымъ, какъ Лангеръ, участвовали сами въ созданіи новыхъ законовъ. Книга Карина была посвящена А. И. Бибикову, просвѣщенному маршалу комиссіи по составленію уложенія. Идеи Монтескье и Беккаріа, которыя владѣли умомъ императрицы, отразились очень замѣтно въ наказѣ. Такъ, въ главѣ X этого наказа впервые еще въ Россіи оффиціально высказанъ принципъ, что „человѣка не можно считать виновнымъ прежде приговора судей, и законы не могутъ лишать его защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные".

Этимъ пытка была безповоротно осуждена въ идеѣ, и это осужденіе высказывалось съ высоты престола. Практика приглашалась слѣдовать этимъ общимъ указаніямъ.

Первые практическіе шаги Екатерины въ направленіи полнаго упраздненія пытокъ были, однако, нерѣшительны. Присутствуя однажды въ сенатѣ въ 1763 году, она произнесла рѣчь, въ которой еще не отрицала пытки цѣликомъ, а повелѣла только „стараться какъ возможно уменьшить кровопролитіе: если же всѣ средства будутъ истощены, тогда уже пытать **). Такимъ образомъ, пытка еще признавалась прин-

*) „Акты Акад. Наукъ" за 1777. I. 12—20.

**) Чтеніе въ Историч. О-вѣ Нестора Лѣтоп. Кн. V (1891). Ст. В. С. Иконникова: „Страница изъ исторіи Екатер. Наказа".

ципіально („если всѣ средства будутъ истощены"), но тутъ же Екатерина вводила и важное практическое ограниченіе; указомъ 15 января 1765 г. повелѣвалось: „въ приписныхъ городахъ пытокъ не производить, а отсылать преступниковъ въ провинціальныя и губернскія канцеляріи, чтобы какъ-нибудь съ виновными и невинные не понесли напраснаго истязанія" *). Застѣнки же и заплечныхъ мастеровъ въ этихъ городахъ упразднить. Въ томъ же году, когда вновь возникъ вопросъ, съ какого возраста считать совершеннолѣтіе для пытки, возрастъ этотъ опредѣленъ уже въ 17 лѣтъ. Черезъ два года Екатерина дѣлаетъ шагъ уже въ направленіи полной отмѣны пытки: указомъ отъ 13 ноября 1767 года повелѣно всѣмъ губернаторамъ послать по одному экземпляру наказа, съ тѣмъ, чтобы они, впредь до новаго указа, „въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи и изысканія доказательствъ и облики на правилахъ X главы упомянутаго наказа". Иначе сказать, губернаторамъ во всѣхъ дѣлахъ, которыя имъ будутъ присылаться изъ „приписныхъ городовъ", предписывалось совсѣмъ устранить пытки.

Это была новая побѣда „духа времени". Повидимому, такія побѣды доставались не безъ борьбы разныхъ вліяній. Одинъ изъ видныхъ екатерининскихъ дѣятелей, Сиверсъ, принципіальный и горячій противникъ пытокъ, принялъ изъ рукъ императрицы эту инструкцію съ восторгомъ, ставъ на колѣни. Но, по свидѣтельству современника, въ придворныхъ кругахъ говорили съ неудовольствіемъ, что теперь, ложась спать, никто не можетъ до утра ручаться за свою жизнь **)... Придворнымъ господамъ не трудно было осуждать „смѣлое" новшество. Грубыя времена, когда (какъ, напримѣръ, при Петрѣ Великомъ) сенатъ грозилъ даже вицъ-губернаторамъ за служебныя упущенія „черевы на кнутьяхъ вымотать", уже прошли. По отношенію къ дворянству и чиновничеству, вообще къ лицамъ привилегированнымъ, пытка на практикѣ уже вышла изъ употребленія. Еще въ февралѣ 1763 года, вскорѣ по вступленіи на престолъ, Екатерина, признававшая еще пытку въ случаяхъ, когда другія средства будутъ истощены, приказала всетаки дѣлать и въ этомъ различіе между людьми „подлаго и неподлаго званія" ***). Это сказалось очень оригинальнымъ образомъ въ дѣлѣ кровожадной Салтычихи, замучившей самымъ звѣрскимъ образомъ десятки своихъ

---

*) Соловьевъ. XXV, 273 (цит. по 1-му изд.).

**) В. С. Иконниковъ. Чт. въ Общ. Нестора Лѣтоп., 1891, кн. V.

***) С. М. Соловьевъ, XXV, 273 (цит. по старому изданію).

крѣпостныхъ. Когда „по дѣлу она довелась до пытки“, то ее, въ виду ея дворянскаго званія, не пытали, а только „для устрашенія показывали жестокость розыска надъ приговореннымъ (!) преступникомъ“ *). То есть, въ поученіе злодѣйкѣ дворянскаго сословія производили примѣрный розыскъ надъ приговореннымъ преступникомъ „подлаго званія“, хотя, казалось бы, Салтычиха была отлично знакома съ истязаніями всякаго рода, и едва ли даже приговоренный преступникъ могъ сравняться съ нею въ звѣрской жестокости.

Такимъ образомъ нѣкоторые „придворные круги“ вполнѣ безопасно для себя и близкихъ могли роптать на смѣлыя новшества императрицы. Въ широкихъ слояхъ тогдашняго общества указъ 1767 года вызвалъ, однако, живѣйшую радость. Впрочемъ, этотъ указъ былъ еще составленъ въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ (предписывалось руководствоваться идеями X главы наказа, т. е. давалось общее руководство, изъ котораго лишь вытекали извѣстныя заключенія). И притомъ указъ этотъ оставался строго секретнымъ. Еще семь лѣтъ спустя, 15 ноября 1774 года (наканунѣ пугачовщины!) послѣдовалъ обѣщанный еще въ сиверсовской инструкціи новый указъ „о недѣланіи въ присутственныхъ мѣстахъ *ни по какимъ дѣламъ, ни подъ какимъ видомъ, никому, никакихъ* при допросахъ тѣлесныхъ истязаній для познанія въ дѣйствіяхъ истины“ **).

III.

Собственно говоря, съ этого указа слѣдовало бы, повидимому, считать отмѣну пытокъ въ Россіи. Здѣсь не было уже ни оговорки Петра III („по возможности“), ни екатерининской формулы: „когда всѣ средства истощены“, ни разрѣшенія пытокъ губернаторскою властью. Здѣсь говорилось просто и категорично, что пытки *нигдѣ и ни подъ какимъ видомъ* примѣняться не должны.

Но и этотъ указъ былъ изданъ „весьма секретно“. Это было нѣчто вродѣ щедринскаго „подметнаго закона“, тайно кинутаго по губернаторскимъ канцеляріямъ. Правящему чиновничеству предписывалось прекратить въ судахъ пролитіе крови, но такъ, чтобы народъ этого не могъ замѣтить. Если бы губернаторъ не захотѣлъ исполнить гуманнаго указа, то заинтересованный обыватель не имѣлъ законной точки опоры для борьбы съ этимъ злоупотребленіемъ: нельзя ссылаться на тайный законъ...

*) „Русск. Старина“, окт. 1874, 500 — 541.
**) „Русск. Старина“, 1874, окт.

И, однако, уже эти общія идеи, пущенныя въ обращеніе съ высоты престола въ прогрессивные годы царствованія Екатерины, — оказали свое вліяніе. Фраза „сколь возможно уменьшить пролитіе крови“—стала часто попадаться въ бумагахъ и мотивахъ даже уѣздныхъ учрежденій.

Я имѣлъ случай, работая въ нижегородской архивной комиссіи, просмотрѣть нѣсколько сотъ архивныхъ дѣлъ балахнинскаго городового магистрата, разыскивая тамъ не крупные историческіе факты, которые, конечно, отражались въ центральныхъ учрежденіяхъ, а тѣ мелкія черточки, которыя являются характерными для самой глубины народной жизни. При этомъ мнѣ попадались также и дѣла, въ которыхъ отмѣчалось производство пытокъ при „разспросахъ“ и „розыскахъ“. Пытка еще во времена Елизаветы была явленіемъ широко распространеннымъ. Заплечные мастера жили въ малыхъ городахъ и при переписи такъ и отмѣчалось ихъ званіе: „заплечный мастеръ“. Въ одномъ дѣлѣ 1756 года есть смутное указаніе на личную драму одного изъ этихъ „мастеровъ“. Можетъ быть, тяготясь жестокимъ и гнуснымъ занятіемъ, заплечный мастеръ Петръ Ивановъ сынъ Животовскій сбѣжалъ изъ Балахны въ Унженскіе Рымовскіе починки, гдѣ „жилъ въ дикихъ лѣсахъ“. Съ нимъ вмѣстѣ удалилась въ дикіе лѣса посадская женка Авдотья Иванова. Попытка эта уйти отъ жестокой жизни въ дремучіе лѣса, заселенные только бѣглыми да раскольничьими скитами, не увѣнчалась успѣхомъ: оба были пойманы и биты плетьми. Злополучному заплечному мастеру пришлось на себѣ испытать искусство какого-нибудь изъ своихъ сотоварищей *).

Еще въ 1763 году, при поискѣ фискаломъ въ Балахнѣ порубленнаго казеннаго лѣса, отмѣченъ также обыскъ во дворѣ палача Петра Волкова **).

Но уже въ 1767 году (послѣ цитированнаго указа Екатерины) мѣстные заплечные мастера и палачи въ Балахнѣ не встрѣчаются, и когда въ этомъ году пришлось привести въ исполненіе приговоръ магистрата о *наказаніи кнутомъ* преступника, то магистрату пришлось просить о присылкѣ въ Балахну заплечнаго мастера отъ нижегородской губернской канцеляріи. На этотъ разъ требованіе было исполнено, и въ Балахну присланъ заплечный мастеръ Коноваловъ...

Вообще есть не мало указаній на довольно замѣтный переломъ въ пыточной практикѣ, происшедшій вслѣдствіе указовъ Екатерины. Въ Елизаветинское время пытка произво-

*) Дѣла балахенскаго гер. магистрата, № 327.
**) Ib. № 188.

дилась съ удивительной простотой и какой-то прямо простодушной свирѣпостью. Благодаря тому, что при воеводской канцеляріи былъ свой палачъ, — даже частныя лица пользовались услужливымъ „пристрастіемъ“ этой канцеляріи для взысканія своихъ партикулярныхъ и при томъ часто неосновательныхъ исковъ. Сохранилась, напримѣръ, жалоба вдовы посадскаго человѣка Ульяны Якимовой, которую купецъ Лоушкинъ дважды „усиліемъ“ водилъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ ее сѣкли и „пристрастіемъ“ вынуждали платить деньги, которыя ей „платить весьма не надлежало“ *). Точно также частныя лица, приводя въ магистратъ заподозрѣнныхъ въ воровствѣ людей, простодушно заявляли, что они уже до привода чинили имъ допросъ съ „пристрастіемъ“. Такъ, въ 1758 году посадскій человѣкъ Баташевъ заявилъ, что онъ „допрашивалъ съ пристрастіемъ“ свою дворовую дѣвку, которая отъ этого пристрастія зарѣзалась, заявивъ передъ смертію, что ее мучили невинно. Магистратъ не обратилъ на это дѣло особаго вниманія и запросилъ только, есть ли у Баташева на оную дѣвку купчая (№ 377).

Въ одномъ дѣлѣ, относящемся къ началу царствованія Екатерины, этотъ старый елизаветинскій порядокъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ новыми теченіями. Въ маѣ 1764 года былъ пойманъ съ вещами, покраденными у посадскаго человѣка Мизгирева,—нѣкій Трубниковъ. Онъ чистосердечно во всемъ сознался, но въ его показаніи вышло нѣкоторое разногласіе съ показаніями потерпѣвшаго: по словамъ Мизгирева у него пропало денегъ серебромъ 5 рублей и мѣдью 15 копѣекъ, а Трубниковъ утверждалъ, что онъ взялъ 4 рубля серебромъ, а мѣдью одинъ рубль 10 копѣекъ. Показанія не сошлись въ пятакѣ и въ родѣ монеты. Магистратъ сначала примѣнилъ „пристрастіе“. Потомъ призывали „ученаго попа“ для увѣщанія. Трубниковъ стоялъ на прежнемъ показаніи. Магистратъ нашелъ, что теперь его „надлежало бы пытать“, но, принимая во вниманіе новые указы,—пытки Трубникову не чинили. Очевидно, до этихъ новыхъ указовъ человѣка вздернули бы на дыбу и вывернули бы суставы для точнѣйшаго удостовѣренія—мѣдью или серебромъ онъ укралъ одинъ рубль десять копѣекъ (№ 515).

Любопытно, что въ первую (прогрессивную) половину екатерининскаго царствованія, у мѣстныхъ губернскихъ властей является стремленіе толковать ея указы въ расширительномъ гуманномъ смыслѣ. Такъ, 5 марта 1772 года балахнинскій

*) Ib. № 400.

магистратъ приговорилъ нѣкоего Латышева за покражу двухъ кулей пшеницы къ наказанію кнутомъ. Такъ какъ въ то время собственнаго заплечнаго мастера въ Балахнѣ уже не было,— то магистратъ препроводилъ приговоръ въ нижегородскую губернскую канцелярію, прося прислать палача. Отвѣтъ этой канцеляріи, подписанный Макшеевымъ, очень интересенъ: такъ какъ-де, въ силу указовъ, „въ приписныхъ городахъ пытокъ производить не велѣно и потому заплечныхъ мастеровъ не опредѣлено, то означенному магистрату, яко городовому, и къ *наказанію* кнутомъ приступать не должно“. Этотъ скромный Макшеевъ, ничѣмъ въ исторіи не отмѣченный, являлся, очевидно, однимъ изъ маленькихъ маяковъ, свѣтившихъ въ суровыя и темныя времена свѣтомъ своей личной человѣчности. Онъ, очевидно, жертвовалъ буквой указовъ ихъ гуманному смыслу, находя совершенно справедливо, что наказаніе кнутомъ, по своей жестокости, ничѣмъ не уступаетъ жестокостямъ пытки (д. № 704). Отсюда онъ заключалъ уже къ отмѣнѣ жестокихъ наказаній. На этотъ разъ подсудимый отдѣлался плетьми.

Однако, жизнь не всюду и не такъ ужъ податливо слѣдовала за гуманными указами. Палачи въ приписныхъ городахъ упразднены, орудія пытки предписано было уничтожить. Но самая пытка еще притаилась подъ видомъ „пристрастія“. Подъ этимъ словомъ этимологически слѣдовало бы разумѣть угрозу: допрашиваемому показывали, что его ожидаетъ въ случаѣ запирательства. Однако, изъ многихъ дѣлъ видно, что на практикѣ „пристрастіе“ не ограничивалось угрозами, а состояло въ предварительномъ примѣненіи въ болѣе легкихъ формахъ предстоящей пытки. Мы видѣли уже, каково оказалось „пристрастіе“ для дворовой дѣвки Баташева. И до указовъ Екатерины, и послѣ нихъ въ дѣлахъ часто упоминается объ этихъ допросахъ съ пристрастіемъ, сила и жестокость которыхъ зависѣла совершенно отъ усмотрѣнія людей, привыкшихъ къ истязательной практикѣ. Порой, конечно, они переходили даже за предѣлы форменныхъ пытокъ.

Нужно было продолжительное и неослабное напряженіе власти, чтобы поощреніемъ гуманныхъ Сиверсовъ и Макшеевыхъ, обузданіемъ рутинеровъ-истязателей выводить изъ практики закоренѣлыя истязательскія привычки. Макшеевы и Сиверсы были далеко не всюду, а благожелательныя реформы Екатерины, не опиравшіяся на признанное содѣйствіе широкихъ общественныхъ слоевъ, висѣли въ воздухѣ. Многіе губернаторы,—самодержцы въ своихъ губерніяхъ,—смотрѣли на гуманные указы, какъ на нѣкую „невмѣстимую“ странность

слишкомъ любвеобильной монархини, — странность, которую имъ, практикамъ, приходится исправлять, ограничивать или просто оставлять втунѣ. Поэтому во многихъ мѣстахъ пытки продолжались по старому и даже наивно отмѣчались въ дѣлахъ, доходившихъ до сената. Такъ, въ 1774 году, то есть, семь лѣтъ спустя послѣ указа 1767 года, въ дѣлѣ о поджогахъ въ Луганской станицѣ сенатъ усмотрѣлъ, что обличаемые жестоко пытаны, почему „виновные“ (?) совсѣмъ освобождены отъ дальнѣйшаго наказанія. А въ 1778 году, т. е. четыре года спустя послѣ рѣшительнаго указа 1774 года, воронежскій губернаторъ навлекъ на себя взысканіе сената за то, что примѣнялъ жестокія истязанія „для отысканія паспортовъ и денегъ убитыхъ людей“. Но все это, конечно, открывалось только случайно и рѣдко. Въ сущности же благожелательные, но секретные указы скорѣе давали возможность гуманнымъ губернаторамъ избѣгать у себя пытокъ, чѣмъ удерживали отъ нихъ губернаторовъ жестокихъ. И когда какое-нибудь дѣло обращало на себя вниманіе Екатерины, особенно же, если оно могло стать „извѣстно въ Европѣ“, то государынѣ приходилось еще сепаратно требовать, чтобы оно производилось безъ пытокъ.

Такія требованія она предъявляла въ дѣлѣ о попыткѣ Мировича освободить бѣднаго Иванушку, законнаго наслѣдника россійскаго престола, заключеннаго въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ дѣлѣ о Яицкомъ бунтѣ и о возстаніи Пугачова (1773 и 1775 годы) эта настойчивость уже измѣнила напуганной Екатеринѣ. Комиссія генерала Фреймана, производившая за два года до появленія Пугачова разслѣдованіе о бунтѣ яицкихъ казаковъ „войсковой стороны“, производила всѣ свои допросы „съ пристрастіемъ“, и около 130 человѣкъ умерло среди страшныхъ истязаній *). Во время самой пугачовщины, вызвавшей большой интересъ въ Европѣ (гдѣ газеты называли Пугачова „Prince Pougacheff“), Екатерина особенно опасалась, что Европа „причтетъ насъ ко временамъ Ивана Васильевича“ **). Поэтому, назначая гр. П. И. Панина начальникомъ войскъ для подавленія бунта (послѣ Бибикова, которому такія напоминанія были излишни), — императрица требовала, „чтобы *суровыя* казни нигдѣ мѣста не имѣли, а прочія нигдѣ, кромѣ крайности, употреблены не были“. Она запретила также производить пристрастные допросы“ ***). Все это, однако, болѣе назначалось для Европы,

*) Витевскій. „Яицкое войско“.—„Р. Архивъ“, 1879 г., III—455.
**) Записки А. И. Бибикова.
***) „XVIII-й вѣкъ“, изд. Бартенева, I—129.

чѣмъ для внутренняго употребленія. Въ Москвѣ, гдѣ на казни Пугачова и его сообщниковъ присутствовали иностранные корреспонденты,—даже самозванцу палачъ (яко-бы по ошибкѣ) сразу отрубилъ голову, не прибѣгая къ предварительному четвертованію (т. е. ему учинена казнь простая и не *суровая*). Но въ глубинѣ уфимскихъ и оренбургскихъ степей даже второстепенныхъ пугачовцевъ (въ томъ числѣ несчастнаго башкирскаго поэта Салавата) казнили мучительною смертью. Назначенный для производства слѣдствія въ Казани, низкій и бездарный кузенъ временщика Павелъ Потемкинъ, несомнѣнно, примѣнялъ пытки и къ Пугачову, и его сообщникамъ. При всѣхъ его допросахъ присутствовали палачи и по временамъ (по свидѣтельству Рунича) онъ удалялъ изъ присутствія всѣхъ чиновниковъ. Онъ не скрывалъ этого даже отъ самой Екатерины, конечно, смягчая дѣйствительность. Въ одномъ изъ писемъ къ государынѣ онъ говоритъ прямо, что для открытія тайны „учинено ему было малое наказаніе, и по доводамъ тѣмъ (!) убѣждаемъ былъ злодѣй и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ“ *).

Легко представить, что въ дѣйствительности скрывалось за этими „доводами“ и „малыми наказаніями“ еще до суда. На всемъ пугачовскомъ дѣлѣ лежитъ несомнѣнная печать пыточнаго производства, и, если исторія останавливается въ недоумѣніи передъ нѣкоторыми недомолвками и „тайнами“ пугачовскаго бунта, то, конечно, потому, что показанія диктовались бездарнымъ родственникомъ временщика изъ-подъ кнута. Тотъ же Потемкинъ создалъ совершенно небывалое преступленіе казанскаго епископа Веніамина, на котораго показали „съ разспросу“ нѣкоторые мелкіе участники бунта. Веніамину долгое время было очень трудно опровергнуть эту пыточную клевету.

Пыточныя привычки были до такой степени въ нравахъ тогдашней чиновничьей среды, что даже служитель музъ, пѣвецъ Фелицы, Гаврила Романовичъ Державинъ не былъ чуждъ этой „слабости“ своего вѣка. Будучи командированъ въ Мечетную слободу „для сыску и поимки воровскихъ самозванцевой партіи людей“, выбѣгавшихъ на Волгу съ Яика и отъ Узеней, — онъ тоже прибѣгалъ къ допросу съ нѣкоторымъ „пристрастіемъ“. Самъ поэтъ, не безъ нѣкотораго даже юмора, разсказываетъ въ своихъ запискахъ о томъ, какъ, поймавъ одного бѣглаго солдата и заподозривъ въ немъ виднаго сообщника самозванца, вынудилъ у него побоями при-

*) „Чтенія въ Моск. О-вѣ исторіи“, 1858 г., II (стр. 39). В. С. Иконниковъ (20).

знаніе, будто онъ есть „первый секретарь онаго государственнаго злодѣя, Емельки Пугачова“. Поэтъ уже радовался своей удачѣ, строя въ воображеніи воздушные замки насчетъ отличій и наградъ за поимку столь важной уголовной персоны, пока пріѣзжіе яицкіе купцы не разрушили уголовно-фантастическую поэму, которую Гаврила Романовичъ сочинилъ при помощи суковатой трости, ударяя оною по головѣ и спинѣ злополучнаго бѣглаго солдата. „Первый секретарь“ оказался довольно безобиднымъ пьяницей и балагуромъ.

Дворянство тоже примѣняло пытки по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ и кое-гдѣ по усадьбамъ бывали настоящіе застѣнки. Такъ, въ селѣ Рузаевкѣ, Саранскаго уѣзда, по словамъ проф. Ключевскаго, жилъ „просвѣщенный“ помѣщикъ, поклонникъ великія Екатерины и даже поэтъ, у котораго въ усадьбѣ была „судебная изба“. Въ ней онъ лично производилъ „судъ по формѣ суда“ и если дѣло доводилось до пытки, то истязанія въ этомъ застѣнкѣ производились по всѣмъ правиламъ заплечнаго мастерства. Объ этомъ отлично знали мѣстныя губернскія власти, но никто не смѣлъ вмѣшаться въ „патріархальныя отношенія“ между помѣщикомъ и крестьянами. Этотъ помѣщикъ-истязатель былъ человѣкъ просвѣщенный; имѣлъ въ своемъ имѣніи вольную типографію, въ которой, впрочемъ, печаталъ только собственныя весьма нелѣпыя стихотворенія, и умеръ, какъ говорили, отъ горести, узнавъ о смерти „великія Екатерины“. Другую фигуру въ томъ же родѣ рисуетъ г. Грибовскій *). Это—орловскій помѣщикъ Шеншинъ, владѣлецъ с. Шумова, гдѣ у него тоже былъ устроенъ застѣнокъ „со всѣми новѣйшими усовершенствованіями“. Впрочемъ, по описанію, застѣнокъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ того, какъ онъ изображенъ еще у Кошихина. Это была дыба или „виска“. Къ ногамъ пытаемаго привѣшивалось бревно, палачъ нажималъ его, постепенно усиливая давленіе, и встряхивалъ. Допросы производились часто по *вымышленнымъ преступленіямъ!* Это была своего рода „игра въ пытки“. Надъ женщинами производились утонченныя истязанія, соединенныя съ садизмомъ.

Безъ сомнѣнія, такихъ помѣщиковъ и такихъ застѣнковъ было не мало въ крѣпостной Руси. Имя Салтычихи осталось въ народѣ мрачнымъ символомъ крѣпостного самовластія и, конечно, маленькихъ Салтычихъ въ то время насчитывалось сотнями. Быть можетъ, ярче всѣхъ этихъ разсказовъ небольшой эпизодъ чисто бытового характера, который рисуетъ

*) „Вѣстникъ Всемірной исторіи“, февр. 1900 года.

въ своихъ замѣчательныхъ мемуарахъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ. Въ домѣ одного изъ его сосѣдей долгое время и завѣдомо всѣмъ истязали молодую дѣвушку-кружевницу, которая пыталась убѣжать въ Москву. Ее заставляли цѣлые дни работать въ особомъ ошейникѣ съ щипцами, вонзавшимися въ тѣло, когда усталая голова наклонялась... Бѣдная кружевница, мечтавшая, подобно чеховскимъ сестрамъ, о тогдашней Москвѣ, — такъ и умерла отъ этихъ истязаній, безъ всякихъ послѣдствій для мучителей. И только самъ Андрей Тимофеевичъ, человѣкъ по тому времени исключительно гуманный, выразилъ свой протестъ тѣмъ, что пересталъ ѣздить въ гости въ семью сихъ варваровъ...

IV.

Можно бы ожидать, такъ сказать, a priori, что церковь во имя христіанской любви станетъ смягчать эти жестокости. Исторія говоритъ другое: самыя жестокія пытки на Западѣ примѣняла именно духовная монашеская инквизиція. Греческіе епископы требовали у своихъ духовныхъ дѣтей, кіевскихъ князей, примѣненія смертной казни, которая не была въ нравахъ славянъ (Ключевскій). Въ вопросѣ о постепенномъ смягченіи судебныхъ пытокъ оффиціальная церковь наша шла даже позади свѣтской власти. Въ монастыряхъ были и казематы, и застѣнки. Я уже приводилъ выше указаніе на грамоту холмогорскаго архіепископа Аѳанасія соловецкому архимандриту, въ которой онъ увѣщаетъ не производить пытокъ *). Кроткіе иноки не спѣшили подчиняться увѣщаніямъ, и въ 1742 году мы встрѣчаемъ новое увѣщаніе такого же рода: новгородскій епископъ Амвросій Юшкевичъ увѣщеваетъ архангельскаго епископа Варсонофія (дѣло касается опять Соловецкой обители **). Очевидно, и это увѣщаніе осталось безъ результатовъ. Надо думать, что даже на екатерининскій указъ объ упраздненіи мелкихъ застѣнковъ и о передачѣ пыточныхъ дѣлъ въ губернскія и провинціальныя канцеляріи — соловецкіе иноки обратили не больше вниманія. По крайней мѣрѣ, въ 1774 году, послѣ указа, запрещающаго производить пытки гдѣ бы то ни было, архангельскій губернаторъ счелъ необходимымъ извѣстить объ этомъ и соловецкаго настоятеля: „Во исполненіе сего всевысочайшаго повелѣнія,—писалъ свѣтскій чиновникъ крот-

---

*) Колчинъ. „Русск. Стар.“ 1887 г. Ноябрь.

**) Чт. въ общ. Нестора лѣтоп. „Страница изъ исторіи Екат. Нак.“ 1891, кн. V. Ссылка на „Чт. въ Моск. О-вѣ Ист.“ 1880, кн. I, 7—10.

кому монаху, — предписавъ во всѣ вѣдомства моего присутственныя мѣста,—за должное нашелъ, *въ разсужденіи могущихъ иногда быть и въ Соловецкомъ монастырѣ такихъ дѣлъ*, сообщить о томъ вашему высокопреподобію, прося содержать оное въ строжайшемъ секретѣ". Губернатору, разумѣется, хорошо было извѣстно существованіе въ Соловецкомъ монастырѣ застѣнка, который впослѣдствіи краснорѣчиво описанъ Снѣгиревымъ. „Въ 184... году,—писалъ г. П. Б. въ цитированной уже выше статьѣ, — я два раза былъ въ Соловецкомъ монастырѣ и видѣлъ тюрьмы, описанныя Снѣгиревымъ. Въ сѣверо-западномъ углу находится башня, называемая „Корожня", въ которой въ прежнее время содержались узники. Въ нижнемъ этажѣ былъ застѣнокъ: сохранился еще крюкъ въ сводѣ, служившій, вѣроятно, для подъема на дыбу" *). Тотъ же Снѣгиревъ осматривалъ въ башняхъ Прилуцкаго монастыря въ Вологдѣ ужасные „каменные мѣшки", куда сажались арестанты. Снѣгиревъ (едва ли основательно) относитъ это сажаніе ко временамъ еще Іоанна Грознаго.

Всего лучше, быть можетъ, роль оффиціальной россійской церкви въ вопросѣ о пыточномъ варварствѣ обрисована покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ своей книгѣ „Историческія изслѣдованія и другія статьи" онъ разсказываетъ, между прочимъ, что въ 1742 г. состоялось соединенное собраніе сената и синода по вопросу о смягченіи судебнаго „розыска". Рѣчь шла объ опредѣленіи возраста, съ котораго можно подвергать пыткѣ. Свѣтскіе сенаторы предлагали признавать малолѣтними всѣхъ, недостигшихъ еще семнадцати лѣтъ. Но представители правящаго россійскою церковію чернаго духовенства находили, что сенаторы слишкомъ снисходительны. Ссылаясь на то, что церковь въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволяетъ вступать въ бракъ (!) и ранѣе 17 лѣтъ, православные іерархи сдѣлали выводъ, что, значитъ, и съ пыткой незачѣмъ дожидаться этого возраста. Мнѣніе это взяло верхъ **) и... хотя тринадцатилѣтнихъ дѣтей ни въ какихъ уже случаяхъ женить не дозволялось, но относительно пытокъ они до 1765 года приравнивались къ женихамъ и пытались наравнѣ съ совершеннолѣтними.

Такимъ образомъ, если въ теченіи почти четверти вѣка послѣ этого знаменательнаго собранія сената и синода въ русскихъ застѣнкахъ все еще лилась порой кровь тринадцати и че-

---

*) „Р. Архивъ", 1867, кн. 7-я.
**) К. П. Побѣдоносцевъ. „Историч. изслѣдов. и статьи". Стр. 288.

тырнадцатилѣтнихъ дѣтей, то этимъ наше отечество, по компетентному указанію К. П. Побѣдоносцева, — обязано было суровой непреклонности монашествующихъ вождей оффиціальной россійской церкви...

V.

Екатерина умерла. Короткое царствованіе Павла пронеслось нелѣпымъ ураганомъ — среди истязаній въ рядахъ близкой къ царю гвардіи, но мало отразившись на остальной Россіи. На престолъ вступилъ молодой императоръ Александръ I, окружившій себя на первое время молодежью, раздѣлявшей его восторженныя и „свободолюбивыя“ стремленія.

Въ это время, въ Казани вспыхнула эпидемія пожаровъ, вызвавшая сильное волненіе въ народѣ. Администрація, повидимому, тоже потеряла спокойствіе, и вотъ — къ одному изъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ была примѣнена „тайно запрещенная“ Екатериной пытка. Подсудимый, не выдержавъ мученій, призналъ себя виновнымъ, но затѣмъ взялъ это сознаніе обратно. Тѣмъ не менѣе, пыточное дознаніе было признано достаточнымъ, и приговоръ состоялся. Несчастнаго подвергли „торговой казни“ и онъ умеръ подъ кнутомъ.

Повидимому, случай произвелъ глубокое впечатлѣніе, и о немъ стало извѣстно въ Петербургѣ. 27 ноября 1801 г. послѣдовалъ замѣчательный указъ сенату, который приводимъ полностью:

„Съ крайнимъ огорченіемъ дошло до свѣдѣнія моего, что, по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани, взятъ былъ, по подозрѣнію въ поджигательствѣ, одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не сознался, но пытками и мученіями исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу — осудили на казнь *). Въ серединѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причины искать во лжи спасенія, онъ призвалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Жестокость толико вопіющая, злоупотребленіе власти стель притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ толико существенно важномъ заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего, подполков-

*) Рѣчь идетъ „о торговой казни“, т. е. битіи кнутомъ или плетьми на эшафотѣ.

ника Альбедиля, чтобъ съ извѣстнымъ мнѣ безпристрастіемъ обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему, не только утвердило свѣдѣнія, до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что *не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры.* Препровождая при семъ въ оригиналѣ донесеніе сіе и всѣ доказательства, на коихъ оно основано, повелѣваю Правительствующему Сенату, немедленно войдя въ разсмотрѣніе его, всѣхъ, кои окажутся виновными въ семъ дѣлѣ по злоупотребленію власти, какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ исполненіи онаго, по отступленію отъ порядка въ производствѣ и ревизіи слѣдствія и суда и по неуваженію его гласности и явныхъ слѣдовъ пристрастія, — судить по всей строгости и нелицепріятности закона и по отрѣшеніи подсудимыхъ отъ должности поступая по точной силѣ онаго, — на мѣста, зависящія отъ утвержденія моего, представить кандидатовъ, прочія же наполнить достойными чиновниками по установленному порядку. Правительствующій сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно по всей имперіи строжайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ низшихъ правительствахъ и судахъ, — никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставляется ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ, наконецъ, самое названіе пытка, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, — изглажено было навсегда изъ памяти народной" *).

Трудно, быть можетъ, найти другой актъ, въ которомъ чувства, одушевлявшія „дней александровыхъ прекрасное начало", сказались бы съ бо̀льшей выразительностью и силой. Каждое слово какъ будто проникнуто одушевленіемъ, негодованіемъ и печалью. Юный монархъ, еще до глубины души потрясенный своимъ воцареніемъ послѣ насильственной смерти отца, — искалъ нравственной опоры въ стремленіяхъ къ высшей правдѣ, чело-

*) „Р. Архивъ", 1887 г., кн. IV. Полное Собр. Зак. 20222.

вѣчности и счастію своего народа. Это была короткая, но прекрасная идиллія просвѣщеннаго и благожелательнаго самодержавія. Ни противорѣчія въ самомъ характерѣ Александра I-го, ни утопизмъ его стремленій, ни трезвая проза управленія огромнымъ полу-азіатскимъ государствомъ — еще не успѣли вскрыться,—и казанское варварство стало лицомъ къ лицу съ гуманнымъ одушевленіемъ царя и его приближенныхъ. Флигель-адъютантъ Альбедиль, вѣроятно, тоже раздѣлялъ прогрессивныя идеи тогдашняго общества,—и въ его докладѣ кровавая нелѣпость всей этой исторіи встала въ ея настоящемъ неприкрашенномъ видѣ. Пыточная рутина была поставлена на очную ставку съ просвѣщенными взглядами вѣка.

Въ указѣ прямо говорится, что провинціальнымъ „правительствомъ не въ первый разъ допущены таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры“... Самое явленіе было, значитъ, не ново. Ново и свѣжо было отношеніе къ нему молодого правительства. Тайный указъ Екатерины выдохся, и жизнь притерпѣлась къ тому, что власти вновь пытаютъ, какъ въ старинныхъ приказахъ, не скрывая этого даже въ оффиціальныхъ отчетахъ. И вдругъ съ высоты престола заявляется всенародно, что пытка есть злоупотребленіе, „противное самымъ основаніямъ правосудія и притѣснительное правамъ гражданскимъ“. Еще робкіе и „весьма секретно“ издававшіеся указы Екатерины, покрытые пылью въ архивахъ,—теперь встаютъ изъ забвенія, окруженные грозой закона: казанская администрація отдана подъ судъ и разсѣяна, мѣста истязателей „наполнены достойными чиновниками“, готовыми слѣдовать новымъ началамъ правосудія. Передъ подсудимыми не только не скрываютъ, что пытка запрещена, но отъ нихъ требуютъ удостовѣренія, что слѣдствіе производилось безъ истязаній.

Все это направляется къ тому, „чтобы самое слово *пытка*, позоръ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было изъ памяти народной“.

Со времени этого указа прошло сто десять лѣтъ... Въ какой мѣрѣ это пожеланіе Александра I-го, высказанное на зарѣ XIX вѣка, осуществилось къ началу XX-го, — это мы, быть можетъ, увидимъ въ слѣдующихъ очеркахъ.

1912 г.

ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ.

Въ успокоенной деревнѣ.

(Картинки подлинной дѣйствительности).

I.

Я уѣхалъ изъ столицы на рождественскіе праздники далеко въ глушь, въ саратовскую деревню. Уединенный помѣщичій хуторъ, бѣлыя поля, купы деревьевъ, всѣ въ бѣломъ инеѣ. Почта—въ 12-ти верстахъ, ближайшая желѣзнодорожная станція—въ 16-ти. Газеты привозятся не каждый день, да вѣдь и читать ихъ необязательно. Однимъ словомъ,—отдыхъ среди природы! Въ одной сторонѣ изъ-за снѣжныхъ сугробовъ видны крылья мельницы. Въ другой, надъ оврагомъ, выстроились въ рядъ избы съ соломенными крышами. Двѣ деревеньки. Онѣ теперь, какъ извѣстно, уже „успокоены". Ѣдешь по дорогѣ,—попадется крестьянскій меренокъ съ розвальнями, сидящіе въ саняхъ снимаютъ шапки.

Вспоминаются старые деревенскіе мотивы: „Вы — наши, мы—ваши"...

Какъ-то, послѣ Крещенія, въ ясное морозное утро къ хутору подъѣхала пара саней. Шесть мужиковъ вошло въ переднюю, отряхаются, натоптали снѣгу. Пріѣхали по своему дѣлу къ хозяину хутора. Посовѣтоваться.

— Въ чемъ дѣло?

Они разсказываютъ. И я хочу теперь въ свою очередь разсказать читателямъ про это небольшое, довольно обычное въ успокоенной деревнѣ „дѣло", не новое, не оригинальное, но всетаки поразительное. Вы читали это десятки разъ, и я тоже. Но мнѣ хочется дать вамъ хоть разъ полную и законченную картину того, о чемъ и вы, и я читаемъ ежедневно. Я буду передавать именно такъ, какъ мнѣ разсказано, не прибавляя ни одной черты отъ себя. Только, во избѣжаніе

длинноть и повтореній, сведу шесть разсказовъ въ одинъ и прибавлю къ нимъ еще нѣсколько, слышанныхъ отъ „стороннихъ свидѣтелей“ впослѣдствіи.

II.

Ихъ шестеро: три отца, да три сына. Чубаровской волости, Сердобскаго уѣзда, деревни Кромщины, крестьяне: Семенъ Устиновъ Трашенковъ, да Семенъ Мироновъ Коноплянкинъ, да Созонъ Макаровъ Еткаренковъ.

Это—отцы. Съ ними—сыновья: Трашенковъ Павелъ, почти еще юноша, съ красивымъ правильнымъ лицомъ, да Коноплянкинъ Абрамъ (скуластое лицо общедеревенскаго типа), да еще Еткаренковъ Василій (лицо умное, выразительно-печальное).

Съ ними произошла вотъ какая непріятная случайность.

Въ дер. Кромщинѣ живетъ богатый мужикъ Дмитрій Евдокимовъ Шестерининъ. Мужикъ—хозяйственный, крѣпкій, изъ тѣхъ „сильныхъ“, на которыхъ теперь держится правительственная ставка. Между прочимъ и ростовщикъ. Въ ночь съ 27-го на 28-е октября истекшаго года у него случилась покража: взломали кладовую и вытащили два сундука. На-утро сундуки нашлись въ оврагѣ, разбитые. Большая часть содержимаго оказалась на-лицо: воры, очевидно, искали денегъ и цѣнныхъ вещей. Шестерининъ сначала показалъ убытки на 300 рублей (въ томъ числѣ долговыя расписки разныхъ лицъ), потомъ свелъ до 90 рублей. Бабы жаловались на пропажу холстинъ да миткаля.

Кто укралъ,—неизвѣстно. Надо узнавать.

Въ роду у Шестерининыхъ есть свой мудрецъ, Василій Вонифатьевичъ Шестерининъ, который гадаетъ о покражахъ. Позвали его, и долго вечерами въ избѣ Шестерининыхъ шло колдовство. „Канифатычъ“ раскрываетъ Псалтирь и читаетъ „каку-то псалму“. На лѣвой рукѣ у него на палецъ намотана нитка отъ клубка. На клубокъ надѣты замокъ (или ключъ) и ножницы. По прочтеніи „псалмы“ Канифатычъ начинаетъ называть разныя имена. На чьемъ имени ножницы задрожатъ и повернутся, тотъ и есть воръ. Признакъ: съ этихъ поръ онъ начнетъ чернѣть.

Колдовали нѣсколько дней; ножницы указывали нѣсколько именъ, особенно часто вздрагивали онѣ при имени нѣкоего Григорія Чикалова, который, надо замѣтить, былъ въ ссорѣ съ Шестериниными. Но Григорій чернѣть не чернѣетъ...

Въ это время по деревнямъ много свадебъ. Въ началѣ ноября на одной изъ такихъ свадебъ къ Шестеринину подсѣлъ

Никифоръ Кожинъ, мужичонко изъ такихъ, которые смотрятъ въ глаза богатымъ мужикамъ. Зналъ ли онъ, что на Чикалова указываютъ ножницы съ клубкомъ, а тотъ упорно не чернѣетъ, или просто ждалъ угощенія и съ этой цѣлью хотѣлъ сказать богатею что-нибудь пріятное, только подсѣлъ этотъ Кожинъ и говоритъ:

— Позови меня, Митрій Евдокимычъ, къ себѣ. Угостишь, я тебѣ вѣсточку скажу, о пропажѣ объ твоей.

Кожина позвали, угостили. Въ благодарность услужливый человѣкъ сообщилъ, что онъ живетъ въ экономіи помѣщика Жданова и тамъ же есть работникъ Григорій Чикаловъ. Такъ вотъ ему, Кожину, извѣстно, что этотъ Чикаловъ въ ночь кражи куда-то отлучался. И знаетъ объ этой отлучкѣ Абрамъ Коноплянкинъ. Все это Кожинъ безсовѣстно лгалъ. Впослѣдствіи оказалось, что въ ту ночь Чикаловъ долго игралъ въ карты съ другимъ работникомъ. Это видѣли всѣ рабочіе и даже староста... Но „вѣсточка“ всетаки была пріятная: подтверждались указанія клубка и ножницъ, и свидѣтелемъ назывался Абрамъ Коноплянкинъ, состоявшій въ отдаленномъ родствѣ съ Шестерининымъ. Значитъ подтвердитъ.

Послѣ этого Шестерининъ обратился къ уряднику, и на сцену выступаютъ три доморощенныхъ Шерлока Холмса. Первый изъ нихъ — самъ урядникъ, носящій странное имя Гая. Гай Владиміровичъ, господинъ Ивановъ. Съ нимъ—два стражника, имена которыхъ мнѣ сообщить не могли. Впрочемъ фамилія одного изъ нихъ—Борисовъ. Человѣкъ — грубый, грузный, тяжелый. Извѣстенъ уже ранѣе производимыми „дознаніями“. Особенно говорятъ о дознаніи въ селѣ Алемасовѣ. Розыскные таланты его покоятся главнымъ образомъ на природныхъ дарованіяхъ: огромный кулакъ и очень грузное тѣлосложеніе. „Ударитъ, — съ ногъ долой. Послѣ этого вскочитъ на человѣка, топнетъ разъ—другой,—человѣкъ дѣлается безъ памяти“...

Эта полицейская тройка приступила немедленно къ „слѣдственнымъ дѣйствіямъ“. Было это вечеромъ съ 13-го на 14-е ноября, передъ самымъ, значитъ, крещенскимъ постомъ; „сильная власть“ любезно явилась въ домъ потерпѣвшаго Шестеринина. Въ этомъ домѣ — три избы. Передняя, въ которой производились первые допросы. Во второй (средней) стоялъ самоваръ, водка и обычныя деревенскія закуски: курятина и яйца. За столомъ происходило обильное угощеніе: шестерининскія бабы то и дѣло мѣняли самовары и подавали новыя бутылки. Въ комнатѣ было людно: кромѣ трехъ полицейскихъ и хозяевъ, тутъ присутствовалъ староста (двоюрод-

ный братецъ хозяина, тоже Шестерининъ) и двое десятскихъ, которыхъ потребовалъ урядникъ. Черезъ нѣкоторое время явились еще двое понятыхъ, которыхъ пригласили въ серединѣ вечера, и два подводчика *). Очевидно, господа полицейскіе и не думали облекать свои дѣйствія покровами какой бы то ни было тайны. Они были увѣрены и въ себѣ, и въ силѣ своей власти, и въ своемъ „полномъ правѣ“.

Была еще третья изба, задняя. Окна въ ней были тщательно занавѣшены...

Прежде всего позвали предполагаемаго свидѣтеля, Абрама Коноплянкина. Я сказалъ выше, что онъ—дальній родственникъ Шестерининыхъ. Предполагалось, что „по родственному“ онъ сразу же сдѣлаетъ всѣмъ удовольствіе и подтвердитъ извѣтъ Кожина (который былъ тутъ же).

Этотъ Абрамъ, рыжеватый парень съ широкимъ простодушнымъ лицомъ, такъ передавалъ мнѣ о своихъ „свидѣтельскихъ показаніяхъ“:

„Позвалъ меня десятскій. Я пришелъ. Въ передней избѣ у Шестерининыхъ встрѣтилъ меня урядникъ и говоритъ добромъ: „Вотъ Абрамъ, скажи, ты видалъ, что Григорій Чикаловъ уходилъ въ ту ночь, какъ случилась кража?“ — „Нѣтъ, говорю, я этого не видалъ“. Урядникъ вышелъ въ середнюю комнату. Тамъ чай пили. Поговорили что-то между собой. Потомъ зовутъ меня. Выходятъ урядникъ и два стражника изъ-за стола, губы обтираютъ. Урядникъ опять спрашиваетъ: „Говори, Абрамъ, ты видалъ, что Григорій уходилъ?“—„Никакъ нѣтъ, говорю, не видалъ“.—„А какъ же вотъ Кожинъ говоритъ, видѣлъ ты. Говори, Кожинъ: онъ видѣлъ?“ Кожинъ говоритъ: „Видалъ. Онъ съ нёмъ спалъ вмѣстѣ“.—„Нѣтъ, я говорю, я не съ нёмъ спалъ. Я на нижнихъ нарахъ спалъ съ Мироновымъ. Спросите у людей. Всѣ знаютъ“.

При видѣ такого „упорства“ урядникъ размахнулся и ударилъ Абрама; потомъ принялись бить его втроемъ со стражниками. „Говори, что видалъ“. — „Я, говорю, не видалъ“. Урядникъ—опять по щекѣ. Я упалъ. Онъ меня давай ногами топтать. Всталъ съ полу. Тутъ стражникъ одинъ ткнулъ нагайкой въ бокъ, черенокъ сломался. Потомъ давай раздѣвать меня... Я вижу, бѣда будетъ. Не дался раздѣвать, спугался. И говорю: „Ну, видалъ. Уходилъ Григорій. А зачѣмъ уходилъ, не знаю. Можетъ, до-вѣтру“... Меня отпустили. Сѣлъ

---

*) Фамиліи „понятыхъ“: Митрофанъ Степановичъ Плюшинъ и Василій Филипповичъ Таинъ. Одинъ изъ подводчиковъ — Григорій Варламовичъ Хохловъ.

я рядомъ съ Кожинымъ. Сидимъ. Онъ ничего не говоритъ, и я ничего. Я весь избитый, морда въ крови, болитъ все“...

Такимъ необыкновенно искуснымъ и остроумнымъ путемъ получено второе свидѣтельское показаніе противъ Григорія Чикалова. Теперь, значитъ, противъ него уже — ножницы, извѣтъ Кожина и показаніе Абрама. Позвали самого Григорія. Его ввели прямо въ среднюю избу и поставили передъ всей компаніей, у стола съ самоваромъ и закусками.

— Ну, Григорій, говори, ты куда ходилъ въ ту ночь, когда у нихъ вотъ кража случилась?

— Да я никуда не ходилъ.

— А, ты отказываешься?

Хвать Григорія по лицу кулакомъ, и опять принялись бить втроемъ. Били уже не такъ, какъ Абрама, который, какъ-никакъ, Шестеринину родня. Григорій „не сознавался“.

— Ну, веди его въ заднюю комнату!

То, что должно было происходить въ задней комнатѣ, очевидно, уже входило въ область профессіональной тайны и совершалось „при закрытыхъ дверяхъ“. Григорія ввели туда, и тотчасъ Шестерининъ родитель и его взрослый сынъ навалились снаружи на двери. Оттуда послышались нечеловѣческіе крики. Черезъ нѣкоторое время дверь открылась. Вышелъ Григорій, шатаясь, весь избитый. Рубашка на немъ была вся изсѣчена нагайками. Его заставили умыться. Увидя въ первой избѣ подводчика Григорія Варламова Хохлова, Григорій подошелъ къ нему и сказалъ:

— Тезка, сходи къ женѣ, принеси другую рубаху. Вишь эту „всю изсѣкли“.

Тотъ пошелъ.

Жена рубаху принесла, просится въ избу, плачетъ. Ее не пустили, а Григорія опять повели въ заднюю комнату, откуда опять понеслись удары и крики. Такъ его три раза выволакивали въ безпамятствѣ, обливали водой и принимались опять. Били, душили за глотку, рвали губы (мужики говорятъ: „дѣлали исчезаніе“ до трехъ разъ)... За третьимъ разомъ Григорій повинился: Уходилъ,—говоритъ,—ночью воровать.

Тогда его вывели, умыли опять, посадили на лавку; урядникъ поднесъ ему двѣ чашки водки.

— Вотъ видишь, сразу бы такъ. Ну, теперь говори: кто съ тобой былъ еще, кому отдали добро на храненіе?

Григорій отъ водки немного ободрился и говоритъ:

— Господа, сдѣлайте божескую милость: какъ же я на людей буду говорить, когда и самъ я не бывалъ и ничего не знаю.

Тогда его повели въ заднюю комнату въ четвертый разъ. Когда его оттуда опять выволокли и умыли, онъ признался окончательно и назвалъ еще двухъ: Павла Трашенкова и Еткаренкова, Василія.

III.

Разсказъ этихъ двухъ молодыхъ людей (и нѣкоторыхъ стороннихъ свидѣтелей) прибавляетъ новыя черты къ картинѣ. Урядникъ и стражники устали. За столомъ они сидѣли уже потные, взопрѣвшіе, въ однѣхъ рубахахъ. Угощались. Когда выволакивали избитаго, то кричали: „Проходную, хозяинъ!“ И имъ приносили водки. Павла урядникъ ударилъ сразу, не говоря еще ни слова, и свалилъ съ ногъ, а затѣмъ, когда тотъ поднялся, размахнулся вторично. Павелъ отшатнулся. Движенія урядника уже потеряли отчетливость, и онъ сшибъ руку объ стѣну. Это его обозлило. Онъ приказалъ: „Скрой глаза, опусти руки!“ Это, очевидно, — во избѣжаніе „сопротивленія при исполненіи обязанностей“... Увели опять въ третью комнату. Здѣсь били сначала нагайками, но черенки у всѣхъ трехъ нагаекъ изломались. Тогда стали бить кулаками, ногами и какимъ-то желѣзнымъ пруткомъ. Урядникъ приставлялъ къ груди револьверъ. Павелъ три раза терялъ сознаніе; три раза его выволакивали и обмывали... И это видѣли всѣ присутствовавшіе у Шестерининыхъ. Подъ окнами собирался народъ. Стражники отгоняли... Павелъ всетаки не повинился. Вышелъ онъ изъ этой передѣлки безъ образа человѣческаго, весь въ крови и съ выбитыми зубами.

Принялись за Василія Еткаренкова.

Василій—старше двухъ предыдущихъ. У него уже четверо дѣтей. Это—блондинъ, съ широкимъ, умнымъ лицомъ; выраженіе — подавленное, печальное... Во время разсказа порой смолкаетъ, опускаетъ голову, чтобы подавить подступающія къ горлу рыданія...

Когда его привелъ десятникъ къ Шестерининымъ, усталые стражники лежали на кровати, отдыхали отъ работы. Урядникъ его спросилъ, потомъ ударилъ. Но стражники, преодолѣвъ усталость, поднялись съ кровати и говорятъ:

— Нечего съ нёмъ болтаться. Веди прямо въ заднюю комнату.

Здѣсь сразу его повалили, раздѣли и начали сѣчь нагайками. Потомъ опять сказали: „Нечего его обрывками сѣчь. Давай такъ“. И стали бить „такъ“. Пинали кулаками, сапогами: урядникъ вскочилъ на него и топнулъ. Тогда стражникъ Борисовъ говоритъ:

— Эхъ, ты не умѣешь.

Самъ вскочилъ на лежачаго и топнулъ два раза. Урядникъ—сердитый да легкій. Стражникъ—тяжелый, грузный.

Василій потерялъ сознаніе.

Его тоже выволакивали три раза, обливали водой и принимались опять. Въ четвертый разъ урядникъ билъ одинъ. Сначала ударилъ желѣзнымъ прутомъ по головѣ, потомъ приставлялъ къ груди револьверъ. Наконецъ, выхватилъ шашку, размахнулся. Помѣщеніе, повидимому, тѣсновато; урядникъ саблей расшибъ икону, послѣ чего вбѣжалъ одинъ изъ стражниковъ и отнялъ шашку.

Урядникъ послѣ этого вышелъ, дыша „какъ запаленая лошадь“, и тоже легъ на кровать, подложивъ подъ спину подушки. И здѣсь произошло заключительное „служебное дѣйствіе“. Гай Владиміровичъ Ивановъ чувствовалъ, повидимому, нѣкоторую неудовлетворенность: повинился одинъ Григорій, да и то неполно. Остальные выдержали истязаніе (мѣстные жители говорятъ: „исчезаніе“), а между тѣмъ начальство уже выбилось изъ силъ. Гай Владиміровичъ лежалъ на постели „и тяжело дыхалъ,—уморился“. Но сердце у него все горѣло на упорщиковъ. Поэтому онъ приказалъ подвести Павла и Василія къ своей постели. Когда ихъ подводили, онъ, полулежа на подушкахъ, пиналъ ихъ ногой. „Шибанетъ ногой подъ грудь, потомъ кричитъ: „Подходи, подходи опять! Ведите ихъ!“ Стражники подводятъ, а онъ подниметъ ногу, опять нацѣливается, куда ударить, чтобы побольнѣе“...

IV.

Ночью, подъ утро, истерзанныхъ, истоптанныхъ, избитыхъ повезли въ Чубаровку. Кто попадался навстрѣчу этому ночному поѣзду, тѣ со страхомъ сворачивали съ дороги и крестились, оглядываясь на эти сани, въ которыхъ виднѣлась темная груда людей, высились полицейскія папахи и неслись стоны.

„Пришлось подыматься на гору, — разсказывалъ мнѣ подводчикъ Григорій Варламовъ Поповъ. — Я говорю: „Пожалуйста, ребята, сойдите маленько: не встащитъ вѣдь лошаденка моя. Устала“. Стражники тотчасъ сошли, а ребята говорятъ: „Извини, дядя Григорій, — не сойти намъ. Избиты очень“. А Василій Еткаренковъ говоритъ: „Вотъ таперь уже, товарищъ, я чую: не жилецъ я. До лѣта не дотяну. Бить-то били, да еще ногами встапутъ, да прыжкомъ. Нутренности отбили вовсе“. И заплакалъ“.

Въ Чубаровкѣ истязатели подвели итоги. Они оказались

неутѣшительны. Вѣдь надо будетъ доставить „обвиняемыхъ“ къ слѣдователю. Кромѣ откровеній клубка и ножницъ, да оговора пьянаго Кожина, у нихъ было только вымученное сознаніе Григорія Чикалова. Вдобавокъ въ числѣ арестованныхъ и избитыхъ у нихъ былъ Абрамъ Коноплянкинъ, — *только свидѣтель!* Пришлось нѣсколько оформить это дѣло. Принялись опять за Григорія, и, конечно, онъ скоро показалъ, что Абрамъ воровалъ съ нимъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, уже въ Чубаровкѣ этотъ свидѣтель для „законности“ сталъ тоже воромъ. Затѣмъ у Григорія стали требовать, чтобы онъ указалъ, куда дѣвалось шестерининское добро. Этого, конечно, Григорій не могъ сказать даже и подъ кулаками, такъ какъ не обладалъ даромъ ясновидѣнія. Чтобы имѣть хотя временный отдыхъ отъ истязаній, онъ началъ путать: показалъ сначала, что „добро“ скрылъ Андрей Архиповъ Чикаловъ (зять избитаго уже Павла). Андрея арестовали и привезли въ Чубаровку, но оговоръ оказался явно-невѣроятнымъ и Григорій отъ него отказался. Его, конечно, стали опять бить. Тогда онъ повелъ всѣхъ въ оврагъ, заставлялъ въ разныхъ мѣстахъ рыть землю, но, конечно, ничего не находилось. Чтобы стучить его отъ такой лживости, ему стали рвать ротъ: „Засунетъ въ ротъ два пальца и рветъ на стороны“. Григорій показалъ, что „добро“—въ деревнѣ Дубровкѣ, у Лаврентія Хохлова. Отправились въ Дубровку, къ Лаврентію. „Давай сюда ворованное добро“. Такъ какъ Лаврентій отказался, то его тоже принялись бить. Но тутъ...

Въ первый еще разъ во всей этой исторіи нашелся, наконецъ, человѣкъ съ нѣкоторымъ гражданскимъ сознаніемъ, который рѣшился стать противъ оффиціально-полицейскаго разбоя. Дубровскій староста надѣлъ свою цѣпь и рѣшительно заявилъ, что онъ не дозволитъ бить своихъ односельцевъ.

— Подводу дадимъ. Можете арестовать. А бить не позволяю.

Истязатели отступили передъ этимъ заявленіемъ и увезли всѣхъ въ Трескино, гдѣ живетъ приставъ.

Зовутъ этого старосту Степанъ Николаевъ Кузнецовъ

V.

Мой невеселый разсказъ и безъ того затянулся. Поэтому я опускаю нѣкоторыя черты, которыми, съ своей стороны, сочли нужнымъ дополнить „картину дознанія“ трескинскій урядникъ и самъ г. приставъ (обратившіе почему-то особенное вниманіе на Абрама Коноплянкина)... Достаточно сказать, что г. приставъ нашелъ, повидимому, „все въ порядкѣ“ и что те-

перь уже можно препроводить „преступниковъ“ для формальнаго слѣдствія. Такъ, какъ были, избитыхъ и изувѣченныхъ, ихъ доставили сначала къ уѣздному члену, а затѣмъ къ судебному слѣдователю въ г. Сердобскъ.

Я, конечно, не знаю, насколько часто г. судебному слѣдователю приходилось получать отъ приставовъ для дальнѣйшаго производства полицейскія дознанія, подготовленныя такъ образцово. Во всякомъ случаѣ, относительно этихъ четырехъ человѣкъ было единственное, правда, очень выразительное доказательство ихъ вины: всѣ они были жестоко избиты. Григорій Чикаловъ тотчасъ же отказался отъ всѣхъ вымученныхъ оговоровъ. Это, конечно, опять огорчило урядника.

— Какъ же ты самъ сознался?

Но Григорій, осмѣлѣвшій въ присутствіи слѣдователя, отвѣтилъ:

— Дай-ка я тебя начну бить, да топтать, да отливать водой. Небось и ты признаешься. Кулаки—не пироги. Тутъ не пожалѣешь и родного отца.

Затѣмъ „обвиняемые“ сослались на десятки свидѣтелей. Слѣдователь отпустилъ всѣхъ четырехъ съ миромъ, посовѣтовавъ на побои подать жалобу прокурору...

VI.

Мой разсказъ конченъ. Но читатель, быть можетъ, не посѣтуетъ, если я дополню его еще нѣкоторыми „чертами нравовъ“.

Какъ отнеслась ко всему этому крестьянская среда? Домъ Шестерининыхъ находится въ деревнѣ, не въ глухомъ лѣсу. Всѣ знали, что тамъ происходитъ. Наконецъ, у истязуемыхъ есть родители, родственники, сосѣди...

Прежде всего о родныхъ. Жена Григорія Чикалова приносила рубаху, плакала, просила допустить ее къ мужу. Ее прогнали... Одинъ изъ отцовъ, человѣкъ храбрый, явился на мѣсто. Урядникъ прежде всего избилъ его, чтобы онъ не заступался за преступниковъ. Но всетаки онъ остался сидѣть въ передней комнатѣ съ подводчиками. Въ одинъ изъ перерывовъ, когда истязатели подкрѣплялись и отдыхали, а истязуемые умывались, онъ скромно подсѣлъ къ стражнику (вѣроятно, Борисову), и между ними произошелъ слѣдующій любопытный разговоръ:

Отецъ. Эхъ, господа. Напрасно вы это, право напрасно дѣлаете исчезаніе. Не виновны эти ребята.

Стражникъ. Какъ! Ты это можешь ручаться?

Отецъ. Могу поручиться за свово сына вполнѣ.

Стражникъ. Ну, когда такъ, — доставай двѣсти рублей, клади за руки. И я тоже положу. Я тебѣ говорю: къ утру я у твоего сына вымучу, что онъ признается. Тогда пропали твои деньги. А не вымучу, — твое счастье. Бери мои двѣсти рублей.

Отецъ, конечно, отказался отъ такого поощренія стражницкаго усердія. „То-то вотъ и есть!“ — сказалъ стражникъ и отправился въ заднюю комнату продолжать свое дѣло.

Извѣстія о томъ, что дѣлается у Шестерининыхъ, конечно, разнеслись по деревнѣ. По избамъ не спали. Бабы плакали. Подходили къ дому Шестерининыхъ, прислушивались съ ужасомъ къ стонамъ, глядѣли на плотно занавѣшенныя окна „задней комнаты“. Но „престижъ полицейской власти“ поднятъ теперь такъ высоко, что населеніе давно перестало отличать въ его дѣйствіяхъ „исполненіе обязанности“ отъ самаго гнуснаго злодѣйства. Поэтому, вмѣсто „сопротивленія“, мужики только жались кругомъ дома, шарахаясь въ темноту, когда открывалась наружная дверь...

Должно быть, расходившіеся стражники и урядникъ дѣйствительно внушали ужасъ. Подводчикъ Григорій Хохловъ, котораго позвали, чтобы везти арестованныхъ въ Чубаровку, вошелъ къ Шестерининымъ какъ разъ въ ту минуту, когда урядникъ кричалъ: „Веди сюда Григорія!“ Онъ разумѣлъ Григорія Чикалова, но такъ какъ подводчикъ—тоже Григорій, то онъ подумалъ, что это зовутъ на истязаніе его, и въ ужасѣ кинулся, ища какого-нибудь убѣжища, чтобы спрятаться. Вотъ — истинное торжество сильной власти, прочная основа „успокоенія“!

Ночью, когда, наконецъ, арестованныхъ увезли, бабы шестерининской семьи принялись за уборку избы, гдѣ полицейскіе пили водку и лили человѣческую кровь. Крови было много на полу, на стѣнахъ задней комнаты. „Барана зарѣжешь,—столько крови не будетъ“,—говорилъ мнѣ одинъ очевидецъ. Крестьяне упорно говорятъ, что въ избу прежде всего пустили собакъ, которыя вылизывали кровь. Но человѣческая кровь смывается нелегко: послѣ собакъ шестерининскія бабы долго еще мыли и скоблили, но, говорятъ, не отмыли и не отскоблили и до сихъ поръ...

На утро страшныя вѣсти подняли всю деревню. 15-го ноября, въ понедѣльникъ, когда урядникъ былъ у Шестерининыхъ, ему сообщили, что собрались „старики“ и требуютъ его на сходъ. Сходъ дѣйствительно гудѣлъ, обсуждая событія страшной ночи. Всѣмъ уже было извѣстно, что ни одинъ изъ истязуемыхъ не могъ принимать участія въ кражѣ: въ

деревнѣ не скроешь. Нашлись люди, видѣвшіе каждаго изъ заподозрѣнныхъ, а больше всѣхъ пострадавшій Василій Еткаренковъ гулялъ на свадьбѣ въ сосѣдней деревнѣ Зыбинѣ, гдѣ мужики составили объ этомъ бумагу съ 22-мя подписями.

Урядникъ сначала на сходъ не пошелъ. Его звали два раза. На третій разъ сходъ послалъ уже старосту, того самаго двоюроднаго брата Шестеринина, который сидѣлъ за столомъ и пилъ водку, когда истязали его односельцевъ. Приказъ „міра“ былъ такъ рѣшителенъ, что староста, робѣвшій прежде передъ своимъ богатымъ родственникомъ и урядникомъ, теперь оробѣлъ передъ міромъ и пошелъ. Урядникъ, наконецъ, явился на сходъ.

Сначала онъ тоже нѣсколько растерялся, почувствовалъ, что перехватилъ черезъ край и что мужичій міръ всколыхнулся.

Спустя мѣсяцъ послѣ происшествія Павелъ Яковлевъ Глуховъ, солидный и строгій мужикъ, „ходившій въ волостныхъ судьяхъ“ и самъ не склонный, повидимому, „давать потачку“, разсказывалъ мнѣ о томъ, что было, и въ его голосѣ еще слышалось глубокое волненіе.

— Я у себя на печи заснуть не могъ. Думалъ, эти ребята къ утру кончатся. „Исчезаніе“ было страшное... Кажется, если бы у меня тройку лошадей свели,—я бы не согласился на этакое дѣло... Богъ съ ними. А тутъ надъ неповинными чего сдѣлали!..

Міръ приступилъ къ уряднику:

— Вотъ, г. урядникъ, мы васъ пригласили. Отвѣчайте міру: какое вы имѣете полное право лить христіанскую кровь? Вѣдь это страшное дѣло,—такое „исчезаніе“. Если ихъ подозрѣваете, можете арестовать, представить по начальству, куда слѣдуетъ: а вы у Шестеринина допрашиваете? Это вамъ—канцелярія? Гдѣ такіе законы?

Урядникъ сталъ отрицать истязаніе. Но тутъ, среди бѣлаго дня и на міру престижъ власти упалъ. Одинъ за другимъ выступали свидѣтели: десятскіе, подводчики, понятые, которыхъ онъ пригласилъ вчера послѣ перваго сознанія Чикалова. Всѣ говорили открыто, съ волненіемъ и негодованіемъ. Положеніе становилось непріятно.

Но... сходъ говорилъ всетаки торжественно и сравнительно спокойно, спрашивая о законахъ и правѣ, а тутъ, какъ извѣстно, сильная власть чувствуетъ себя довольно свободно. Урядникъ ободрился и въ свою очередь перешелъ въ нападеніе.

— Это дѣло не ваше! Какое вы имѣете полное право вмѣ-

шиваться въ дѣйствіе полиціи? Указы знаете? Я васъ всѣхъ сошлю, потому что я исполняю службу. Вы еще не имѣете полнаго права требовать меня на сходъ... За это отвѣтите строго...

Послѣ этого урядникъ ушелъ...

VII.

Таково теперь положеніе въ Кромщинѣ. О потерпѣвшихъ говорятъ, что они уже не работники. Особенно пострадалъ Василій Еткаренковъ. Настоящій богатырь по сложенію, теперь онъ больше лежитъ на печи, стонетъ и часто плачетъ. На утѣшеніе моего родственника: „Ну, Василій, поправишься, вмѣстѣ на охоту пойдемъ“, онъ понурилъ голову и сказалъ глухо:

— Нѣтъ ужъ, С. А., не охотникъ я больше. Грудь болитъ, разломило всего. У сердца сосетъ и вотъ тутъ будто вода колышется. Все у меня отбили. Съ полой водой уйду и я, вѣрно, со свѣту бѣлаго.

Шестерининымъ, особенно бабамъ, нѣтъ проходу. Ихъ стыдятъ, при ихъ появленіи кричатъ: „Кровопивное семейство!“ и спрашиваютъ, какъ у нихъ собаки человѣчью кровь лизали.

Урядникъ, говорятъ, удаленъ, но, кажется, по другому дѣлу. Вообще же деревенскіе Шерлоки Холмсы не унываютъ. Кажется, они считаютъ истязаніе при всякомъ дознаніи необходимой прерогативой своей службы.

— Въ Алемасовѣ изъ-за самовара я одному вовсе ротъ разорвалъ,—говоритъ будто бы въ поученіе мужикамъ одинъ изъ этихъ стражниковъ.—Ничего. Не виноватъ передъ своимъ начальствомъ остался. Потому—служба.

— И вѣрно,—ничего имъ не будетъ!—говорилъ мнѣ какъ-то мѣстный мужикъ, сверкая глазами.—Мы, господинъ, народъ темный. Закону для мужика на этомъ свѣтѣ нѣту, и доступать его мы не умѣемъ. У насъ такъ: терпимъ-терпимъ, а то уже, когда сердце закипитъ,—за оглоблю!

— И опять виноваты остаемся,—вздохнулъ другой.

На этотъ разъ, положимъ, сдѣлана попытка „доступить своего закону“: отцы истязуемыхъ 7-го или 8-го декабря подали жалобы прокурору въ Саратовѣ, но вѣры „въ законъ и для мужика“ у возмущеннаго населенія, правду сказать, какъ-то мало. Больше двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ кромщинскіе псы лизали человѣчью кровь. Больше полутора мѣсяцевъ, какъ подана жалоба. Но никто не торопится разслѣдовать это вопіющее дѣло. Установившаяся практика смотритъ на такія „происшествія“ не какъ на преступленіе и вопіющее злодѣйство, а лишь какъ на маловажный служебный проступокъ... Нѣсколько излишнее усердіе, нимало не нарушающее деревенскаго „успокоенія“...

1911 г.

Истязательская оргія.

Въ № „Рѣчи“ отъ 16-го декабря, въ статьѣ г-на Базилевича была обрисованы „порядки“, царящіе въ псковской каторжной тюрьмѣ. То, что отчасти описалъ г. Базилевичъ, глухо доносилось и ранѣе изъ-за мрачныхъ стѣнъ этой тюрьмы, и наконецъ, ужасающій режимъ разразился „естественными“ послѣдствіями: сто пять человѣкъ объявили голодовку, а начальство приняло противъ этого акта отчаянія свои обычныя мѣры. Прежде всего трое зачинщиковъ подвергнуты поркѣ.

Теперь предо мною номера двухъ мѣстныхъ газетъ: „Псковской Жизни“, газеты прогрессивнаго направленія, и „Правды“, органа мѣстныхъ „націоналистовъ“. Вотъ что пишутъ въ этихъ газетахъ, представляющихъ два противоположныя теченія псковской общественной мысли и зависящихъ всецѣло отъ дискреціонной власти мѣстной администраціи.

„Псковская Жизнь“ сообщаетъ лишь факты. Статья ея начинается словами: „Нами получено письмо изъ каторжной тюрьмы“...

Въ письмѣ — потрясающія дополненія, варіанты и иллюстраціи къ тому, что оглашено въ „Рѣчи“. Точнѣе называются имена, подробнѣе излагаются событія: предатель, нарочно посаженный начальникомъ тюрьмы въ камеру, чтобы раздражать ее и провоцировать какіе-нибудь эксцессы, называется Плохой. Душевно-больной, котораго тотъ же начальникъ лѣчилъ собственными средствами, нарочно удерживая его въ той же камерѣ, гдѣ онъ считалъ себя окруженнымъ врагами, — Клементьевъ. Несчастный, въ концѣ концовъ, покончилъ самоубійствомъ, но по однимъ лишь показаніямъ бѣднаго маніака, подстрекаемаго провокаторомъ, перепорото розгами 8 человѣкъ... Врачи констатировали острое помѣшательство Клементьева...

Заключенный Николай Ивановъ отказался въ Пасху принять „красное яичко“ изъ рукъ, которыя запятнаны такими „христіанскими“ дѣлами. На всякій безпристрастный взглядъ,

заключенный Ивановъ проявилъ только болѣе искреннее и правдивое отношеніе къ трогательному пасхальному обычаю, чѣмъ его начальникъ. Въ Пасху его не пороли, но затѣмъ... его высѣкли уже за то, что онъ „не смотрѣлъ въ глаза своему начальству“...

Кромѣ того, старшій надзиратель Брюминъ, явившись къ Иванову въ одиночку съ двумя другими надзирателями, набросились на него и стали избивать, при чемъ одинъ изъ нихъ держалъ за ноги, другой давилъ горло, а Брюминъ билъ шашкой, пока вся постель не была залита кровью... Это говоритъ заключенный... Но онъ ссылается на свидѣтеля. И этотъ свидѣтель—тюремный священникъ Колиберскій.

Въ нашемъ распоряженіи есть еще много другихъ фактовъ, подобныхъ этимъ и даже болѣе ужасныхъ. Но — пока развѣ не достаточно и того, что огласили мѣстныя газеты?

По каторжной анкетѣ, приводимой г. Базилевичемъ, по разнымъ причинамъ, вродѣ указанныхъ выше, 130-ти заключеннымъ было дано 5.625 ударовъ розгами.

Пять тысячъ шестьсотъ двадцать пять!..

Жаловаться?.. Въ той же псковской газетѣ сообщается, что заключенные жаловались... Это былъ героизмъ: они излагали свои жалобы самому г. Хрулеву, и тутъ же стоялъ начальникъ тюрьмы. Г. Хрулевъ человѣкъ гуманный. Газета приводитъ двѣ его чрезвычайно благодушныя фразы, которыя, повидимому, должны были бы утѣшить и тѣхъ 8 человѣкъ, которыхъ пороли изъ психіатрическихъ соображеній, для пользы бѣднаго маніака, и того Николая Иванова, котораго въ глухомъ казематѣ три человѣка (!?) душили за горло и заливали кровью. Первымъ г. Хрулевъ сказалъ: „Дѣло прошлое, надо простить!“ Второму: „Это было давно, надо забыть!“ *)...

О, я, конечно, понимаю: это г. Хрулевъ только поддерживалъ престижъ власти. Можетъ быть... вѣроятно... скажемъ даже, навѣрное, наединѣ съ г. Черленіовскимъ г. Хрулевъ такъ же гуманно и мягко сказалъ свое „надо простить“ и истязателю... Онъ только не принялъ въ соображеніе, что есть вещи, которыя не покрываются простымъ благодушіемъ. У него просили справедливости, а не прекраснодушія. А отказъ въ такой справедливости доводитъ до крайняго отчаянія.

И вотъ, послѣ „ревизіи“ г-на Хрулева, 105 человѣкъ рѣшаются голодать, а тюремный начальникъ напутствуетъ ихъ... розгами... Жестокость всегда цинична!

*) „Псковская Жизнь“, 3 дек., № 521.

Таковы извѣстія псковской прогрессивной газеты. Въ Псковѣ есть еще газета монархистовъ „Правда“. Передо мной номеръ 82-й этого націоналистическаго органа (отъ 14 декабря). Тутъ есть статья: „Россія, Америка и евреи“, есть нападки на елецкихъ „кадетъ“, „втершихся въ городскую думу“, вообще все, что можно обычно встрѣтить въ органахъ этого рода. Но есть также статья о тюремныхъ патронатахъ и затѣмъ, будто обведенная траурной рамкой, бросается въ глаза замѣтка: „По поводу порядковъ въ нашей каторжной тюрьмѣ“.

„Когда появилась въ „Псковской Жизни“ первая замѣтка о порядкахъ, установленныхъ г. Черленіовскимъ въ мѣстной каторжной тюрьмѣ, — пишетъ сотрудникъ газеты, подписавшійся буквою И.,—мы ожидали, что по поводу изложенныхъ въ ней нѣкоторыхъ фактовъ послѣдуетъ, если не опроверженіе, то какое-либо разъясненіе изъ офиціальныхъ сферъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣткѣ сдѣланы были прямыя ссылки на личность главнаго начальника тюремнаго управленія и на его отношеніе къ обнаруженнымъ ревизіей тюрьмы нѣкоторымъ непорядкамъ...

„Ни разъясненій, ни тѣмъ болѣе опроверженій не послѣдовало... что даетъ намъ извѣстное право заключить, что большая часть данныхъ, приведенныхъ въ письмѣ арестанта, соотвѣтствуетъ дѣйствительности... Въ настоящее время новымъ подтвержденіемъ служатъ факты, оглашенные „Жизнію“ отъ 13 декабря“.

Отсюда газета заключаетъ, что начальникъ псковской тюрьмы, прибѣгая къ описаннымъ карательнымъ и репрессивнымъ мѣрамъ, „далеко перешелъ за предѣлы разумной и неизбѣжной строгости“...

До сихъ поръ газета держится условно въ предѣлахъ сообщенія „Псковской Жизни“. Но дальше она говоритъ прямо отъ себя, что, по ея мнѣнію, г. Черленіовскій „...вполнѣ заслуживаетъ обращенныя къ нему не только со столбцовъ мѣстной печати, но и со стороны всѣхъ, знакомыхъ съ его тюремной дѣятельностью частныхъ лицъ обвиненія въ жестокости и полной безсердечности“ *)...

Не принадлежа къ категоріи лицъ, „которыя желали бы обратить наши тюрьмы въ богадѣльни“, авторъ статьи находитъ, однако, что „начальникъ тюрьмы все же долженъ смотрѣть на находящагося въ его вѣдѣніи заключеннаго... какъ на человѣка, а не какъ на бездушную, обреченную на безыс-

*) Курсивъ всюду мой. В. К.

ходныя страданія тварь, по отношенію къ которой допустимы всякія насилія и, что еще хуже,—издѣвательства". Поэтому,— заканчивается замѣтка,—

„...Мы объявляемъ себя всецѣло солидарными со взглядами, излагаемыми по поводу дѣятельности г. Черленіовскаго въ мѣстныхъ газетахъ, и раздѣляемъ выражаемое ими чувство искренняго возмущенія" *).

Итакъ, весь Псковъ зналъ о томъ, что жестокость тюремной администраціи давно вышла за предѣлы „разумной строгости", что въ тюрьмѣ съ заключенными обращаются не какъ съ людьми, а какъ „съ тварями". Ужасы псковскаго застѣнка, просачиваясь сквозь его стѣны, возбуждали въ городѣ осужденіе и негодованіе...

Не значитъ ли это, что мѣра истязательства переполнена. Эти ужасы вышли уже за предѣлы крайнихъ политическихъ разнорѣчій, даже крайнихъ политическихъ страстей. Это мучительство и эти страданія заставляютъ смолкнуть политику, апеллируя ко всякому сердцу, въ которомъ еще не вполнѣ заглохло человѣческое чувство, вызывая движеніе сочувствія и жалости даже къ политическимъ врагамъ, чувство гнѣва и отвращенія къ такимъ союзникамъ...

Теперь Псковъ является ареной захватывающей и потрясающей трагедіи. 15-го декабря въ „Псковской Жизни" писали, что „голодовка въ тюрьмѣ продолжается. Нѣкоторые изъ голодающихъ проявляютъ большую слабость... Тюрьму посѣтилъ жандармскій офицеръ г. Злобинъ"... Этотъ ужасъ продолжаетъ, значитъ, висѣть надъ городомъ, объединяя общество въ одномъ чувствѣ. Но что можетъ сдѣлать общество? Растерянная администрація предоставляетъ мѣстной прессѣ кидать свои страшныя обвиненія... А въ это время 105 человѣкъ пытаются умереть, а тюремная администрація, быть можетъ, опять розгами стремится возбудить въ нихъ охоту къ жизни.

Верхотурье, Вятка, Пермь, Вологда, Зерентуй... Теперь Псковъ! Что это за ужасная „автономія истязательства" за этими каторжными стѣнами!..

1911 г.

---

*) „Правда", 14 декабря 1911 г., № 82.

О „Россіи“ и о революціи.

(Полемическая замѣтка).

Въ „Россіи“ (№ 1872) въ связи съ псковскими событіями появилась статья, озаглавленная: „Прокламаціонная литература“. Оффиціозному органу угодно было поставить меня въ центрѣ этой ужасной литературы и еще болѣе ужасной революціонной интриги.

Г. Короленко, по словамъ „Россіи“, заявляетъ будто бы, что въ основу своего выступленія онъ кладетъ „рядъ документовъ“... „Онъ забылъ, однако, прибавить, что все, имъ разсказываемое, является буквальнымъ воспроизведеніемъ революціонной (?!) прокламаціи, озаглавленной „ко всѣмъ соціалистическимъ партіямъ въ Россіи и за границей отъ политическихъ арестантовъ псковскаго централа“. Такимъ образомъ,—продолжаетъ авторъ статьи,—„предъ нами еще одна попытка отстоять революціонныя задачи“...

Начну съ того, что Короленко совершенно опредѣленно указалъ печатные источники (а не „документы“), которые положены въ основу замѣтки „Истязательская оргія“. Это, во-первыхъ, статья г-на Базилевича въ „Рѣчи“. Это, во-вторыхъ, мѣстная прогрессивная газета „Псковская Жизнь“ и это, въ-третьихъ, мѣстная же правая націоналистическаи газета „Правда“. Ни одна изъ этихъ замѣтокъ не составляетъ не только буквальнаго, но и никакого воспроизведенія „прокламаціи“. Въ „Псковской Жизни“ была помѣщена не прокламація, а просто „письмо изъ тюрьмы“. Псковская „Правда“ его перепечатала, прибавивъ отъ себя, что, по ея мнѣнію, г. Черленіовскій „вполнѣ заслуживаетъ обращенныя къ нему... со стороны всѣхъ знакомыхъ съ его тюремной дѣятельностью частныхъ лицъ обвиненія въ жестокости и полной безсердечности“, что псковская администрація смотритъ на арестанта не какъ на человѣка, а какъ на „бездушную тварь, обреченную на безысходныя страданія и — что еще хуже — издѣвательства“.

И это „все (!?) буквальное воспроизведеніе революціонной прокламаціи“? „Россія“, очевидно... заблуждается: это просто свидѣтельское показаніе правой газеты, утверждающей, что тюремныя жестокости вызываютъ негодованіе въ обществѣ, независимо отъ „правыхъ“ или „лѣвыхъ“ убѣжденій. Рѣчь идетъ о самомъ элементарномъ безчеловѣчіи... Это крикъ возмущенія, и „оффиціозу“ было бы небезполезно научиться, наконецъ, отличать такіе крики отъ революціонныхъ призывовъ.

Однако, разъ уже „Россія“ упомянула о „прокламаціи“, которую яко-бы я воспроизвелъ буквально, то и мнѣ приходится обратиться къ этому документу. Въ ней политическіе заключенные говорятъ о томъ, что „оторванные отъ родной стихіи революціонной борьбы“,—они нѣкоторое время пытались еще бороться за свои человѣческія права. Порой, „платя жизнію“, имъ удавалось, по ихъ словамъ, „приводить въ замѣшательство своихъ враговъ, не находившихъ „законныхъ“ основаній (sic) для своихъ дѣйствій“. Послѣ суда они очутились передъ перспективой „законной“ порки въ центральныхъ тюрьмахъ, подъ давленіемъ, во-первыхъ, „каторжнаго“ закона, во-вторыхъ,—еще болѣе отягчающихъ его временныхъ правилъ, и въ-третьихъ, — личнаго усмотрѣнія тюремщиковъ. Изолированные не только отъ внѣшняго міра, но и другъ отъ друга, они „теперь думали только объ одномъ: объ устраненіи всякихъ съ своей стороны поводовъ для примѣненія розогъ“.

„За все время существованія псковскаго централа съ декабря 1908 г., — говорятъ они,—не было сдѣлано ни одной попытки къ побѣгу, ни подготовки къ нему. Ни разу не было ни частныхъ, ни общихъ безпорядковъ... ни даже попытокъ къ таковымъ“... А, между тѣмъ, по количеству наказанныхъ розгами псковская тюрьма, по ихъ мнѣнію (можетъ быть, и ошибочному) занимаетъ едва ли не первое мѣсто. Чувствуя приближеніе назрѣвающей катастрофы, авторы просятъ по возможности сдѣлать извѣстнымъ ихъ заявленіе и перечисляютъ разные случаи безпричинныхъ наказаній, которыхъ мы здѣсь воспроизводить теперь не станемъ.

Такъ вотъ это и есть „революція“?..

Люди, присужденные уже къ тяжкимъ наказаніямъ, заявляютъ, что они мечтаютъ уже только о томъ, чтобы ихъ не пороли... На разныхъ конгрессахъ по тюрьмовѣдѣнію наши оффиціальные представители говорятъ много хорошихъ словъ и развиваютъ много правильныхъ теорій. Но есть одна общепризнанная аксіома: мѣру наказанія за то, что сдѣлано до суда, опредѣляетъ только судъ. Тюремное начальство полу-

частъ отъ суда людей, приговоренныхъ къ столькимъ-то годамъ. И только. Позвольте тюремщикамъ и съ своей стороны усиливать мѣру наказанія изъ политическихъ видовъ, допустите въ тюрьму борьбу не съ поведеніемъ арестантовъ, а съ убѣжденіями людей,—и вы получите именно то, что теперь происходитъ въ Россіи во многихъ мѣстахъ: тюремную жестокость, ростущую, какъ лавина. Всякая жестокость, не сдержанная во-время, всегда имѣетъ тенденцію рости, какъ лавина...

И вотъ, возставать противъ этого—значитъ затѣвать „революціонную“ интригу?!.

Мнѣ вспоминается слѣдующій случай. Я былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда мой знакомый, совсѣмъ юноша, спросилъ меня:

— Ты знаешь, что такое революція?.. И соціализмъ?..

— А что?

— Вотъ, прочитай.—И онъ подалъ мнѣ номеръ „Голоса“, съ корреспонденціей, кажется, изъ Екатеринослава. Разсказывалось о засѣданіи съѣзда мировыхъ судей. Мѣщанинъ-портной искалъ долгъ съ вице-губернатора. Когда съѣздъ постановилъ съ его превосходительства деньги взыскать, къ очевидному торжеству истца-мѣщанина, — то одинъ изъ членовъ съѣзда, старый почетный мировой судья изъ „послѣдышей“, демонстративно поднялся съ мѣста, заявивъ, что онъ этого постановленія не подпишетъ и дальше участвовать въ разборѣ дѣлъ „съ революціонерами и соціалистами“ не станетъ.

Это смѣшно. Но это и знаменательно. Тогда это была струя уходящая, теперь это струя вновь водворяющаяся. „Только при господствѣ революціи мѣщане-портные и вообще простые люди могутъ разсчитывать на справедливое удовлетвореніе своихъ исковъ къ гг. вице-губернаторамъ“...—вотъ вѣдь что въ сущности говоритъ екатеринославскій „послѣдышъ“...— Только революціонеры могутъ возставать противъ безцѣльныхъ жестокостей, „превосходящихъ всякую мѣру разумной строгости“... Такъ хочетъ насъ увѣрить оффиціозная „Россія“ своими киваніями на революціонныя прокламаціи, мечтающія только... объ „избѣжаніи розогъ“...

Иначе сказать: существующій строй и свобода вице-губернаторовъ отъ оплаты счетовъ портного... существующій строй и жестокости въ тюрьмахъ—неразлучны?..

Къ такимъ выводамъ приводитъ иной разъ излишество охранительнаго усердія...

На первый взглядъ это можетъ показаться своего рода

„программой“ и даже довольно удобной. Мечтали о республикѣ,—пусть теперь помечтаютъ о простомъ человѣческомъ обращеніи, безъ розогъ... Задачи „революціи“ съужены и отогнаны отъ настоящей политики въ область элементарнѣйшихъ вопросовъ.

Да... Но за то, посмотрите, какъ расширяется количество „революціонеровъ“. Воспроизведеніемъ революціонныхъ прокламацій приходится признавать уже статьи правой газеты, „раздѣляющей негодованіе противъ истязаній“. Вотъ и г. Панчулидзевъ со своими саратовскими единомышленниками недавно разоблачилъ на судѣ (г-на Панчулидзева судили за „клевету“) истязательскіе подвиги саратовской полиціи и излишнюю терпимость къ нимъ саратовской губернской власти. Г. Панчулидзевъ, сколько намъ извѣстно, — ультра-правый. Однако, спросите теперь саратовскую администрацію: пожалуй, окажется, что съ ея точки зрѣнія г. Панчулидзевъ—тайный революціонеръ, расшатывающій основы власти разоблаченіемъ того, что для власти удобнѣе скрывать.

Мы позволимъ себѣ обратить сыскное вниманіе „Россіи“ еще на одинъ документъ революціоннаго характера. Исходитъ онъ отъ... генерала Мищенко.

Имя генерала Мищенко—очень извѣстно.

Я не считаю себя компетентнымъ въ оцѣнкѣ чисто военныхъ явленій, но и для профана ясно, что среди неудачъ, преступленій и несчастій, составляющихъ, въ совокупности, исторію прошлой войны, ген. Мищенко вынесъ репутацію мужественнаго человѣка и талантливаго военачальника. А на гражданскомъ поприщѣ еще не успѣлъ заявить себя такъ ярко, какъ нѣкоторые другіе генералы, далеко не столь счастливо воевавшіе въ Манчжуріи...

Теперь ген. Мищенко состоитъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ Донской области и недавно произвелъ осмотръ тюремъ. Онъ нашелъ, кромѣ всякихъ другихъ непорядковъ, также и непорядки „режима“: грубое обращеніе, побои, отсутствіе врачебной помощи и т. д. Но особенно интересно, что генералъ Мищенко, среди этихъ злоупотребленій, отмѣчаетъ еще одно: „предъявленіе несоотвѣтствующихъ требованій по отношенію къ политическимъ заключеннымъ, сопровождающееся несоразмѣрнымъ наказаніемъ“ *).

Теперь припомните, что въ ужасной прокламаціи, которую открыла „Россія“,—подъ всѣми печатными протестами по поводу Пскова, — есть какъ разъ и это: отъ политическихъ

*) Цит. изъ „Нижег. Листка“ отъ 19 сент. 1911 г., № 255.

арестантовъ требуютъ воинской выправки, и на привѣтствіе „здорово“, они обязаны отвѣчать: „здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе“. Когда они отвѣчали вѣжливо, но иначе,— ихъ жестоко пороли...

Что же: генералъ ли Мищенко заимствовалъ цѣликомъ свое мнѣніе о такомъ образѣ дѣйствій изъ „революціонной прокламаціи“? Или, наоборотъ, прокламація почерпнула это изъ приказа генерала, считающаго, что даже „политическаго“ врага можно побѣдить, но не слѣдуетъ унижать, истязать и преслѣдовать за убѣжденія; что каторга есть мѣсто суроваго наказанія по закону, но не безпредѣльныхъ униженій и издѣвательства по усмотрѣнію тюремщиковъ.

А „Россія“ находитъ, что такія мнѣнія можно заимствовать только изъ революціонныхъ прокламацій?

Я могъ бы ограничить этимъ мой отвѣтъ на инсинуаціи оффиціоза по поводу псковской исторіи. Но я вынужденъ еще просить мѣста для нѣсколькихъ словъ по личному вопросу.

Господину изъ „Россіи“, скрывшему свою фамилію подъ загадочной буквой Б.,—угодно по поводу псковской исторіи вспомнить исторію филоновскую. Онъ говоритъ:

„Извѣстный писатель Короленко, соблазненный успѣхомъ, который выпалъ на его долю въ дѣлѣ совѣтника полтавскаго губернскаго правленія Филонова, убитаго революціоннымъ подпольемъ, сейчасъ же (?) послѣ статьи г. Короленко... и т. д.“.

„Россія“ повторяетъ уже въ третій разъ эту низкую клевету, которой одно время были полны десятки „правыхъ“ газетъ... Въ самый день похоронъ Филонова, когда я былъ еще въ Полтавѣ,—раздавали на улицахъ мѣстную газету съ „посмертнымъ письмомъ Филонова писателю Короленко“... Я не жаловался тогда, что это „подстрекательство“ противъ меня. Я только доказалъ въ свое время и установилъ оффиціально, что это письмо есть самый безстыдный и завѣдомый подлогъ, что въ немъ нѣтъ не только ни слова правды, но и ни одного слова, написаннаго Филоновымъ... А затѣмъ, судебное разслѣдованіе доказало, что, наоборотъ, все, что я написалъ въ своемъ открытомъ письмѣ, была правда, и ее только подтвердили показанія свидѣтелей: полицейскихъ, священниковъ и даже участниковъ экспедиціи, казачьихъ офицеровъ и урядниковъ. Подтвердило ее и постановленіе суда...

Теперь оффиціозъ продолжаетъ пользоваться этой низкой и давно гласно опровергнутой ложью, начавшейся съ подлога. Съ тѣхъ поръ, какъ она опровергнута и оглашена *),—она

*) См. мою брошюру „Сорочинская трагедія“

стала *ложью завѣдомой*. Но для „россійской оффиціозной газеты“ и это орудіе достаточно чисто. Правда, они дѣлаютъ это съ похвальной осторожностью: бережно держась у самыхъ предѣловъ законно квалифицируемой клеветы,—они извиваются и шипятъ въ сумеречной области ползучихъ инсинуацій, намековъ и „злословія“... Выскажитесь, господа, нѣсколько точнѣе и опредѣленнѣе, тогда я не откажусь еще разъ поднять передъ обществомъ все это дѣло. И еще разъ докажу, что, если во всемъ этомъ мрачномъ клубкѣ, начавшемся административными арестами послѣ манифеста, продолжавшемся буйствомъ толпы, загипнотизированной неизвѣстнымъ агитаторомъ, и закончившемся еще болѣе мрачными массовыми истязаніями сотенъ людей, стоявшихъ на колѣняхъ въ снѣгу... Если былъ среди этого ужаса голосъ, напоминавшій о законѣ, равномъ для мужика и чиновника, указывавшій, хотя и безъ успѣха, единственный законный выходъ; если былъ человѣкъ, пытавшійся стать между револьверомъ террориста и безнаказанностью вопіющаго беззаконія,—то это былъ только мой голосъ, и это былъ только я, столь усердно оклеветываемый вами, господа оффиціозные писатели—нижеподписавшійся В. Г. Короленко.

24 декабря
1911 г.

Ликвидація псковской голодовки.

Псковская тюремная голодовка ликвидирована. Какъ? Объ этомъ разные источники даютъ различныя свѣдѣнія. „Россія“ утверждаетъ, будто ничего въ режимѣ псковской тюрьмы не измѣнилось. Мы не хотимъ этому вѣрить, хотя наше время пріучило насъ къ пессимизму. Мы думаемъ всетаки, хотимъ думать, по крайней мѣрѣ, что голодовка полуторыхъ сотъ человѣкъ, доведенныхъ до отчаянія, и единодушное разоблаченіе въ печати режима, „далеко перешедшаго за предѣлы разумной строгости“ (выраженіе правой мѣстной газеты),— не могли не оказать хоть нѣкотораго вліянія. Голодовка продолжалась 4 дня, въ ней принимали участіе сначала 170, подъ конецъ 140 человѣкъ. Голодающіе сильно ослабѣли, одинъ, голодавшій въ карцерѣ, пытался повѣситься, но былъ во-время замѣченъ... И за всѣмъ этимъ съ напряженіемъ слѣдилъ весь городъ. Тюремныя стѣны какъ бы раскрылись, обнаруживая годами таившіяся за ними драмы. Нѣтъ, что бы ни говорила „Россія“, мы вѣримъ псковичамъ, которые утверждаютъ, что привычные рефлексы г-на Черленіовскаго, пытавшагося вначалѣ,—точно автоматическая машинка для сѣченія,—воздѣйствовать на голодающихъ розгами, кѣмъ-то были всетаки остановлены на-ходу и заведены на другой ладъ. Надолго ли или на время, но режимъ псковской тюрьмы не могъ не измѣниться, потому что есть вещи, на которыя указать гласно—значитъ осудить ихъ.

Мѣстная администрація съ ликвидаціей голодовки тоже вышла изъ періода временной растерянности. Но если привычные рефлексы тюремщиковъ при неожиданномъ „раскрытіи тюремныхъ стѣнъ“ оказались временно парализованными, поднятыя руки застыли въ воздухѣ и свистъ розогъ, „перешедшій всякую мѣру разумной строгости“, прекратился,—то, наоборотъ, привычно-административные рефлексы губернскихъ властей вступили въ обычное дѣйствіе. „Псковская Жизнь“ уже оштрафована на 300 рублей. Тяжеловѣсное, но едва ли

убѣдительное опроверженіе заднимъ числомъ! Мы позволяемъ себѣ думать, что самое скромное судебное разслѣдованіе оглашенныхъ газетами фактовъ могло бы быть гораздо убѣдительнѣе самаго громкаго штрафа...

Но... у насъ это теперь не въ модѣ. Законъ,—„это такъ бездушно“, и потому законъ въ такихъ случаяхъ окончательно молчитъ, предоставляя такимъ дѣламъ ликвидироваться своеобразными чисто-россійскими путями. Ну, вотъ и этотъ эпизодъ ликвидированъ столь благополучно, что нельзя даже разобрать, измѣнилось что-нибудь, или ничего не измѣнилось. А вѣдь могло получиться и иначе. Говорилъ ли г. Хрулевъ „надо забыть“, „надо простить“, какъ это было напечатано въ газетахъ, или не говорилъ,—во всякомъ случаѣ г. Черленіовскій не пожелалъ „простить“ и измѣнить привычный образъ дѣйствій, а они не могли забыть того, что продолжалось. Свыше полуторыхъ сотъ человѣкъ принялись голодать, г. Черленіовскій принялся сѣчь „зачинщиковъ“. До чего бы это могло дойти, если бы не газета... Газета „раскрыла стѣны“, и все ликвидировано. И даже бездушный законъ ни мало не потревоженъ: никто какъ будто не требуетъ его вмѣшательства... Все разыгралось именно въ духѣ приписанныхъ г-ну Хрулеву словъ.

За что же было карать газету?

1911 г.

КЪ ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ.

Домъ № 13.

(Очеркъ).

I.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ спустя два мѣсяца послѣ погрома *), но его отголоски были еще свѣжи и рѣзко отдавались по всей Россіи. Въ Кишиневѣ полиція принимала самыя строгія мѣры. Но слѣды погрома изгладить было трудно: даже на большихъ улицахъ виднѣлось еще много разбитыхъ дверей и оконъ. На окраинахъ города этихъ слѣдовъ было еще больше...

Настроеніе было напряженное, тяжелое... Газеты принесли извѣстіе, что въ Петербургѣ еврей Дашевскій ударилъ ножомъ г-на Крушевана и, что было еще страшнѣе, — другой еврей, врачъ, хотѣлъ подать раненому первую помощь. Г-нъ Крушеванъ въ ужасѣ отказался отъ помощи и писалъ, что „душа Дашевскаго принадлежитъ ему"; вмѣстѣ съ г-мъ Комаровымъ онъ требовалъ для Дашевскаго смертной казни на томъ основаніи, что онъ, г-нъ Крушеванъ, не простой человѣкъ, а человѣкъ государственной идеи. А дня два или три спустя, уже во время пребыванія моего въ Кишиневѣ, три неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка кинулись на шедшаго изъ училища еврейскаго юношу, и одинъ изъ нихъ ткнулъ его въ бокъ кинжаломъ; кинжалъ былъ направленъ гораздо искуснѣе, чѣмъ у Дашевскаго, и только книга, которая была у юнаго еврея подъ застегнутымъ пиджакомъ, ослабила ударъ, но не избавила его отъ раны. Еврейскій юноша, мирно шедшій изъ училища, не былъ, разумѣется, „человѣкомъ государственной идеи", и потому о происшествіи (по крайней мѣрѣ за все

*) Писано въ 1903 году.

время моего пребыванія) не только г-нъ Комаровъ и г-нъ Крушеванъ, но и мѣстная газета „Бессарабецъ“ не говорили ни одного слова, только евреи передавали объ этомъ съ весьма понятной тревогой.

Говорили, между прочимъ, будто этотъ ударъ, нанесенный школьнику, есть отвѣтъ на покушеніе Дашевскаго. Какъ это ни нелѣпо, но все же похоже на правду. Впрочемъ, „все (теперь) похоже на правду“, все можетъ случиться въ Кишиневѣ, гдѣ самый воздухъ еще весь насыщенъ дикой враждой и ненавистью. Жизнь города какъ бы притихла. Постройки пріостановились: евреи охвачены страхомъ и неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ.

II.

Въ такіе дни я пріѣхалъ въ Кишиневъ и, стараясь разъяснить себѣ страшную и загадочную драму, которая здѣсь разыгралась такъ недавно, бродилъ по городу, по предмѣстьямъ, по улицамъ и базарамъ, заговаривая о происшедшемъ съ евреями и христіанами.

Я, конечно, не имѣю претензіи разъяснить здѣсь сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ этотъ потрясающій эпизодъ, этотъ изумительный процессъ быстраго, почти внезапнаго исчезновенія всѣхъ культурныхъ задержекъ, изъ-подъ которыхъ неожиданно прорывается почти доисторическое звѣрство. Нѣтъ ничего тайнаго, что бы не стало явнымъ. Очень можетъ быть, что и всѣ пружины этого преступнаго дѣла когда-нибудь выступятъ наружу, и все оно станетъ понятно, какъ механизмъ разобранныхъ часовъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что и затѣмъ останется еще нѣкоторый остатокъ, который трудно будетъ свести на тѣ или другія обстоятельства даннаго мѣста и даннаго времени. И это будетъ вѣчно волнующій вопросъ о томъ, какимъ образомъ человѣкъ обыкновенный, средній, иногда, можетъ быть, недурной человѣкъ, съ которымъ порой пріятно вести дѣло въ обычное время, вдругъ превращается въ дикаго звѣря, въ цѣлую толпу дикихъ звѣрей.

Нужно много времени и труда, нужно очень широкое, внимательное изученіе, чтобы просто возстановить картину во всей ея полнотѣ. Для этого у меня нѣтъ возможности, да можетъ быть, для этого еще не наступило время. Хотѣлось бы думать, что судъ сдѣлаетъ это, хотя есть основаніе опасаться, что и судъ этого не сдѣлаетъ... Но мнѣ хочется всетаки подѣлиться съ читателемъ хоть блѣднымъ отраженіемъ этого ужаса, которымъ пахнуло на меня отъ моего короткаго пре-

бываніи въ Кишиневѣ, спустя два мѣсяца послѣ погрома. Для этого я попытаюсь возстановить, по возможности точно и спокойно, одинъ эпизодъ. Это будетъ исторія знаменитаго нынѣ въ Кишиневѣ *дома № 13.*

III.

Домъ № 13 расположенъ въ 4-мъ участкѣ города Кишинева, въ переулкѣ, который носитъ названіе „Азіятскаго", въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ соединяется съ Ставрійскимъ переулкомъ. Впрочемъ, названія этихъ узкихъ, кривыхъ и запутанныхъ улицъ и переулковъ даже кишиневцы знаютъ довольно плохо, и еврей извозчикъ (здѣсь очень много извозчиковъ евреевъ, и среди нихъ тоже были раненые и убитые) сначала не понялъ, куда намъ надо. Тогда мой спутникъ, который больше успѣлъ оріентироваться среди мѣстныхъ достопримѣчательностей, связанныхъ съ погромомъ,—пояснилъ:

— Домъ тринадцатый... Гдѣ убивали...

— А... знаю,—сказалъ извозчикъ, мотнувъ головой, и хлестнулъ свою лошадь, тощую, какъ и онъ самъ, и, какъ онъ, невзрачную и унылую. Лица его мнѣ не было видно, но я слышалъ, какъ онъ бормоталъ что-то въ бороду. Мнѣ казалось, что я разслышалъ слова: „Нисензонъ" и „Стекольщикъ".

Нисензонъ и Стекольщикъ—это еще недавно были живые люди. Теперь это только звуки, воплощающіе ужасъ недавняго погрома.

Ѣхали мы долго и, миновавъ людныя широкія и сравнительно культурныя улицы новаго города, долго вертѣлись по узкимъ, кривымъ, очень своеобразнымъ переулкамъ стараго Кишинева, гдѣ камень, черепица и известка глушатъ тощія деревца, ростущія тоже изъ камня, и гдѣ, кажется, носятся еще тѣни какихъ-то старыхъ исторій временъ боярства, а можетъ быть, и турецкихъ набѣговъ. Дома здѣсь малы, много каменныхъ стѣнъ, какъ бы маскирующихъ входы во дворы; кое-гдѣ сохранились узкія окна, точно бойницы.

Наконецъ, по одному изъ такихъ переулковъ мы спустились къ искомому дому. Невысокій, крытый, какъ всѣ кишиневскіе дома, черепицей, онъ стоитъ на углу, въ сосѣдствѣ съ небольшой площадью, какъ бы выдаваясь въ нее тупымъ мысомъ. Кругомъ виднѣются убогіе домики подъ черепицей, значительно меньше и невзрачнѣе. Но между тѣмъ, какъ всѣ они производятъ впечатлѣніе жилыхъ, домъ № 13 похожъ на мертвеца: онъ зіяетъ на улицу пустыми окнами съ исковерканными и выбитыми рамами, съ дверьми, заколоченными кое-какъ досками и разными обломками... Нужно отдать спра-

ведливость кишиневской полиціи,—хотя она не особенно противилась погрому, но теперь принимаетъ энергичныя мѣры, понуждая евреевъ къ скорѣйшему приведенію въ порядокъ разрушенныхъ и поврежденныхъ зданій. Но надъ хозяиномъ дома № 13 она уже не имѣетъ никакой власти...

Дворъ еще носитъ выразительные слѣды разгрома: весь онъ усѣянъ пухомъ, обломками мебели, осколками разбитыхъ оконъ и посуды и обрывками одежды. Достаточно взглянуть на все это, чтобы представить себѣ картину дикаго ожесточенія: мебель изломана на мелкія щепки, посуда растоптана ногами, одежда изодрана въ клочья: въ одномъ мѣстѣ еще валяется оторванный рукавъ, въ другомъ—обрывокъ дѣтской кофточки. Рамы съ оконъ сорваны, двери разбиты, кое-гдѣ выломанные косяки висятъ въ черныхъ впадинахъ оконъ, точно перебитыя руки.

Въ лѣвомъ углу двора, подъ навѣсомъ, у входа въ одну изъ квартиръ, еще виднѣется ясно большое бурое пятно, въ которомъ не трудно узнать засохшую кровь. Она тоже смѣшана съ обломками стекла, съ кусками кирпича, известкой и пухомъ.

IV.

— Здѣсь убивали Гриншпуна...—сказалъ кто-то около насъ страннымъ глухимъ голосомъ.

Когда мы входили въ этотъ дворъ, все было здѣсь мертво и пусто. Теперь рядомъ съ нами стояла дѣвочка лѣтъ 10—12. Впрочемъ, это казалось по росту и фигурѣ. По выраженію лица можно было дать гораздо больше, глаза глядѣли не по дѣтски... Этотъ ребенокъ *видѣлъ все*, что здѣсь дѣлалось еще такъ недавно. Для нея вся эта картина разрушенія на молчаливомъ дворѣ подъ знойными лучами солнца была полна незабываемаго ужаса. Послѣ этого она ложилась много разъ спать, просыпалась, вставала, дѣлала все, что дѣлала и прежде, и, значитъ „успокоилась“. Но ужасъ, который долженъ былъ исказить это дѣтское лицо, весь не исчезъ. Онъ оставилъ по себѣ постоянный осадокъ въ видѣ недѣтскаго выраженія въ глазахъ и какой-то застывшей судороги въ лицѣ. Голосъ у нея былъ какъ бы придушенный, а рѣчь ея было тяжело слушать: звуки этой рѣчи выходили съ усиліемъ, какъ у автомата, и, становясь рядомъ, образовали механически слова, не производившія впечатлѣнія живой рѣчи.

— Онъ вотъ тутъ... бѣжалъ...—говорила она, тяжело переводя дыханіе, показывая рукой по направленію къ навѣсу и лужѣ крови.

— Кто это? Стекольщикъ?—спросилъ мой спутникъ.

— Да-а... Стекольщикъ. Онъ бѣжалъ сюда... и онъ упалъ вотъ здѣсь... и тутъ они его убивали...

Съ невольнымъ ощущеніемъ дрожи мы отошли отъ этого пятна, въ которомъ кровь перемѣшалась съ известкой, грязью и пухомъ.

Въ домѣ все было разрушено съ такимъ же стараніемъ, какъ и во дворѣ: сорваны обои, выломаны двери, разломаны печи, стѣны пробивались насквозь. Эта чрезвычайная тщательность дикаго разрушенія породила въ городѣ разсказъ, будто передъ погромомъ одинъ изъ полуинтеллигентныхъ и довольно вліятельныхъ „антисемитовъ“ заготовилъ цѣлую партію ломовъ съ крючками, розданную погромщикамъ и отобранную затѣмъ обратно особыми „агентами“.

Не могу сказать, сколько тутъ правды, но въ самомъ слухѣ не мало характерности. Какъ бы то ни было, трудно представить, что еще недавно въ развалинѣ, которую мы разсматриваемъ, текла обычная мирная жизнь.

Домъ № 13 состоялъ изъ семи квартиръ, въ которыхъ, по обыкновенію, скученно и тѣсно жило восемь еврейскихъ семей, всего около 45 человѣкъ (съ дѣтьми). Хозяинъ его былъ Мовша Маклинъ, комиссіонеръ и владѣлецъ скромной лавки въ городѣ. На всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, т. е. въ качествѣ домовладѣльца, комиссіонера и лавочника онъ получалъ 1500 рублей въ годъ. Среди остальныхъ обитателей дома онъ, конечно, долженъ былъ считаться богачемъ и счастливцемъ. Самъ онъ, впрочемъ, въ домѣ № 13 не жилъ, но одну изъ квартиръ занимала дочь его съ мужемъ и дѣтьми.

Одинъ изъ видныхъ жильцовъ былъ мелкій лавочникъ, Навтула Серебрянникъ. Лавка его была въ самомъ углу. Теперь ее можно узнать по обломкамъ деревянныхъ ларей, составлявшихъ прилавокъ и валяющихся на грязномъ полу среди ободранныхъ стѣнъ.

Затѣмъ въ домѣ жили еще: приказчикъ галантерейной лавки Берлацкій, съ женой и четырьмя дѣтьми. Онъ зарабатывалъ 48 руб. въ мѣсяцъ. Нисензонъ, человѣкъ лѣтъ 46, былъ бухгалтеромъ, т. е. ставилъ бухгалтерскія книги и заводилъ денежную отчетность. Эту, отчасти ученую, профессію онъ выполнялъ сдѣльно, вырабатывая рублей 25—30 въ мѣсяцъ. Мовша Паскаръ служилъ приказчикомъ, получалъ рублей 35. У него была жена Ита и двое дѣтей. Ицекъ Гервицъ былъ служителемъ больницы, но въ послѣднее время, кажется, бѣдствовалъ, оставшись безъ мѣста. Мовша Туркеницъ имѣлъ столярную мастерскую, въ которой держалъ трехъ

рабочихъ, а Бася Барабашъ торговала мясомъ. Наконецъ, стекольщикъ Гриншпунъ ежедневно отправлялся съ оконными стеклами и возвращался вечеромъ домой со своимъ заработкомъ.

Цифры взяты изъ показаній потерпѣвшихъ и ихъ родственниковъ. Изъ нихъ видно, какими богачами былъ населенъ домъ № 13. Между тѣмъ, показанія, данныя при заявленіи убытковъ, можно скорѣе заподозрить въ преувеличеніяхъ, чѣмъ въ утайкѣ...

Такъ мирно и тихо жилъ этотъ домъ до 6-го апрѣля. Нисензонъ ходилъ по лавкамъ и „ставилъ въ нихъ бухгалтерію“, Берлацкій и Мовша Паскаръ продавали товары въ чужихъ лавкахъ, Навтула Серебрянникъ отпускалъ сосѣдямъ евреямъ, молдаванамъ и русскимъ свѣчи, мыло, спички, керосинъ, дешевый ситецъ и дешевыя конфекты, Ицекъ Гервицъ искалъ мѣста, а стекольщикъ Гриншпунъ вставлялъ разбитыя стекла... И никто не предчувствовалъ того, что должно было случиться.

6-го апрѣля, въ первый день величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ, въ городѣ начались погромы. Вѣсти о нихъ, конечно, распространились по всему Кишиневу, и легко представить, какіе часы пережили жильцы тѣсно набитаго евреями дома № 13 при разсказахъ о томъ, что происходитъ въ городѣ и какъ относится къ этому православное общество и начальство. Впрочемъ, говорили, что происходитъ это потому, что губернаторъ ждетъ какого-то „приказа“. Ночью приказъ долженъ придти непремѣнно, и значитъ—утромъ все будетъ спокойно.

Къ вечеру безпорядки сами собой затихли, и ночь прошла въ страхѣ, но безъ погромовъ.

V.

То, что произошло на слѣдующее утро, бывшіе жильцы № 13 и ихъ сосѣди описываютъ слѣдующимъ образомъ:

Около 10 часовъ утра появился городовой „бляха № 148“, человѣкъ хорошо, конечно, извѣстный въ данной мѣстности, который, очевидно, заботясь о судьбѣ евреевъ, громко совѣтовалъ всѣмъ имъ спрятаться въ квартиры и не выходить на улицу. Евреи, конечно, исполнили этотъ совѣтъ, и тѣсныя еврейскія квартирки наполнились испуганными жильцами. Двери, ворота и ставни были заперты, и вся площадь около Азіятскаго переулка замерла въ пугливомъ ожиданіи.

Я имѣю основаніе думать, что эта картина: запертыя ставни, опустѣвшія улицы и пугливое ожиданіе того, что должно случиться, является характерной для предмѣстій Кишинева въ

началѣ второго дня погрома. Я имѣлъ печальную возможность видѣть и говорить съ однимъ изъ потерпѣвшихъ въ другомъ мѣстѣ. Это нѣкто Мееръ Зельманъ Вейсманъ. До погрома онъ былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Во время погрома кто-то изъ „христіанъ" счелъ нужнымъ выбить ему и другой. На мой вопросъ, знаетъ ли онъ, кто это сдѣлалъ,—онъ отвѣтилъ совершенно безстрастно, что точно этого не знаетъ, но „одинъ мальчикъ", сынъ сосѣда, хвастался, что это сдѣлалъ именно онъ, посредствомъ желѣзной гири, привязанной на веревку.

Этотъ Зельманъ жилъ около бойни на Магалѣ (предмѣстьи). Совершенно такъ же, какъ и жильцы дома № 13, въ этомъ предмѣстьи всѣ слышали съ большой тревогой о томъ, что происходило въ городѣ, такъ же ждали приказа, который придетъ въ ночь и не допуститъ дальнѣйшихъ безпорядковъ. И такъ же на слѣдующее утро въ предмѣстье, еще не испытавшее погрома и только ожидавшее со страхомъ и недоумѣніемъ,—изъ города явился мѣстный же городовой, состоявшій около бойни. Его тотчасъ же окружили жители предмѣстья—молдаване, сосѣди евреевъ. Мееръ Вейсманъ не слышалъ, что имъ говорилъ городовой. Я не предполагаю, что городовой говорилъ что-либо дурное или прямо подстрекающее, я думаю, что онъ только не чувствовалъ себя оффиціальнымъ лицомъ и говорилъ, какъ съ добрыми сосѣдями, одну чистую правду. А правда состояла въ томъ, что онъ вернулся на свой постъ безъ всякихъ спеціальныхъ приказовъ и въ городѣ видѣлъ, какъ погромъ идетъ съ усиливающейся жестокостью въ присутствіи войскъ и полиціи. Изъ этого сообщенія молдаване, жившіе около бойни, сдѣлали свои выводы. Они стали держать совѣтъ, который исходилъ изъ общаго положенія, что имъ, живущимъ около боенъ, очевидно, нужно дѣлать то же, что дѣлаютъ въ другихъ мѣстахъ города. Изъ этого совѣщанія Вейсманъ передаетъ одну подробность. Вопросъ шелъ о двухъ братьяхъ, евреяхъ: толпа рѣшила, что одного изъ нихъ можно „оставить"...

Затѣмъ евреи стали прятаться, гдѣ кто могъ. Меера Вейсмана съ семьей скрылъ у себя добрый человѣкъ, сосѣдъ-молдаванинъ, но жена его пришла съ улицы и сказала, что толпа грозитъ за это расправиться и съ ними. Тогда,—говорилъ Мееръ Вейсманъ,—„мы стали бѣгать". Ему пришлось потерять много времени для того, чтобы пристроить хоть маленькихъ дѣтей въ семьѣ одного зажиточнаго соотечественника, принявшаго христіанство. Его дочери принимали малютокъ, но отецъ три раза выбрасывалъ ихъ обратно черезъ

заборъ. Пришлось скрываться вмѣстѣ съ дѣтьми; Мееръ Вейсманъ бѣжалъ на салотопный дворъ. Черезъ нѣкоторое время, „туда пришли молдаване съ дрючками и стали бить“. Больше ничего онъ не помнитъ... Хотя исторія Вейсмана составляетъ нѣкоторое отступленіе отъ прямой нити моего повѣствованія о домѣ № 13, но я хочу досказать ее. Когда онъ очнулся въ больницѣ, то первый вопросъ его былъ о семьѣ и о дочери.

— Ита! Гдѣ моя Ита?

— Я здѣсь, — отвѣтила Ита, стоявшая у постели. Но больной заметался сильнѣе и позвалъ опять:

— Ита, Ита, гдѣ же ты?..

Когда она наклонилась къ нему и опять повторила, что она здѣсь, — Мееръ Вейсманъ, не понимая еще, что случилось, сталъ шарить въ воздухѣ руками и жаловаться, что не видитъ дочери.

Онъ ее не видѣлъ потому, что „христіанскій мальчикъ“ выбилъ ему гирей другой глазъ, вѣроятно, для симметріи. Впрочемъ, многіе думаютъ, что Мееръ Вейсманъ „самъ виноватъ“ и уже „съ избыткомъ вознагражденъ“ за то, что никогда не можетъ увидѣть любимую дочь... Что же касается христіанскаго мальчика, совершившаго надъ евреемъ операцію съ гирей, то онъ, конечно, не заслуживаетъ словъ укоризны. Онъ скорѣе является „жертвой“...

Что-жъ, можетъ быть, это и правда. Войти въ жизнь съ такимъ дѣломъ на совѣсти... Какой ужасъ, если христіанскій мальчикъ пойметъ, что онъ сдѣлалъ. Если же не пойметъ, то онъ, дѣйствительно, жертва, еще болѣе несчастная. Только... дѣйствительно ли это Мееръ Вейсманъ повиненъ въ этой жертвѣ?

VI.

Совершенно такъ же, какъ около боенъ, начиналась, повидимому, трагедія дома № 13. Городовой „бляха № 148“ такъ же, какъ его сослуживецъ, вернулся утромъ изъ города, гдѣ, вѣроятно, ждалъ ясныхъ и точныхъ приказаній, такъ же не получилъ ихъ, такъ же явился въ свой кварталъ и такъ же не могъ дать другого совѣта, кромѣ:—Эй жиды, прячьтесь по домамъ и сидите тихо! — И такъ же, какъ около бойни, въ числѣ громилъ явились сосѣди изъ окрестныхъ улицъ и переулковъ.

Городовой „бляха № 148“, отдавъ свое благожелательное распоряженіе, сѣлъ на тумбу, такъ какъ ему явно больше ничего не оставалось дѣлать, и, говорятъ, просидѣлъ здѣсь

все время въ качествѣ незамѣнимой натуры для какого-нибудь скульптора, который бы желалъ изваять эмблему величайшаго изъ христіанскихъ праздниковъ въ городѣ Кишиневѣ.

А рядомъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого философа—трагедія еврейскихъ лачугъ развертывалась во всемъ своемъ стихійномъ ужасѣ. Толпа явилась около 11 часовъ, въ сопровожденіи двухъ патрулей, которые, къ сожалѣнію, тоже не имѣли никакихъ приказаній. Она состояла человѣкъ изъ пятидесяти или шестидесяти, и въ ней легко можно было замѣтить добрыхъ сосѣдей съ молдаванскими фамиліями. Говорятъ, они прежде всего подступили къ винной лавкѣ, съ хозяиномъ которой, впрочемъ, поступили довольно благодушно. Ему сказали: „Дай тридцать рублей, а то убьемъ“. Онъ далъ тридцать рублей и остался живъ, — конечно, спрятавшись куда было можно, чтобы всетаки не быть на виду и не искушать снисходительность дикой толпы... Послѣдняя же приступила къ погрому. Площадь въ нѣсколько минутъ покрылась стекломъ, обломками мебели и пухомъ.

Вскорѣ, однако, всѣ почувствовали, что самое главное должно произойти около дома Мошки Маклина.

Почему,—сказать трудно. Былъ ли дѣйствительно у этихъ громилъ какой-нибудь планъ, руководила ли ими какая-то тайная организація, какъ объ этомъ многіе говорятъ въ городѣ, или ярость толпы—этотъ слѣпой призракъ съ закрытыми глазами, устремляющійся впередъ съ чисто стихійной безсознательностью,—это вопросъ, который, можетъ быть, разрѣшитъ (а можетъ быть, и не разрѣшитъ) предстоящее судебное разбирательство. Какъ бы ни было, въ домѣ № 13 къ грохоту камней, треску стѣнъ и звону стеколъ вскорѣ должны были бы присоединиться крики убійства и смерти...

Налѣво отъ воротъ, въ углу, около котораго сохранилась лужа крови до сихъ поръ, есть нѣсколько небольшихъ деревянныхъ сараевъ. Въ одинъ изъ нихъ спрятались отъ толпы громилъ стекольщикъ Гриншпунъ, его жена съ двумя дѣтьми, Ита Паскаръ тоже съ двумя дѣтьми и еще дѣвочка 14 лѣтъ, служанка. Изнутри сарай не запирался, и, вообще, всѣ эти сараи напоминаютъ карточные ящики. Преимущество ихъ было только то, что въ нихъ нечего было ломать и грабить, и евреи разсчитывали, что здѣсь они будутъ не на виду. О защитѣ нечего было и думать: въ домѣ было только восемь мужчинъ; городовой № 148, не получивъ никакихъ приказаній, сидѣлъ на тумбѣ, а два патруля стояли въ переулкахъ выше и ниже разрушеннаго дома. А въ толпѣ уже соверши-

лось загадочное нарастаніе стихійнаго процесса, при которомъ изъ-подъ тонкаго налета христіанской культуры прорываются вспышки животнаго звѣрства. Разгромъ былъ въ разгарѣ: окна были выбиты, рамы сорваны, печи разрушены, мебель и посуда обращены въ осколки. Листки изъ священныхъ книгъ валялись на землѣ, горы пуху лежали во дворѣ и кругомъ дома, пухъ носился по воздуху и устилалъ деревья, какъ иней. Среди этого безумнаго ада изъ грохота, звона, дикаго гоготанія, смѣха и воплей ужаса,—въ громилахъ просыпалась уже жажда крови. Они безчинствовали слишкомъ долго, чтобы остаться людьми.

Прежде всего кинулись въ сарай. Здѣсь былъ только одинъ мужчина: стекольщикъ Гриншпунъ. Сосѣдъ съ молдаванской фамиліей, котораго вдова Гриншпуна называла по имени, какъ хорошаго знакомаго, первый ударилъ стекольщика ножомъ въ шею... Несчастный кинулся изъ сарая, но его схватили, поволокли подъ навѣсъ и здѣсь докончили дубинами именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь сохранилось кровяное пятно.

На вопросъ,—дѣйствительно ли вдова убитаго знаетъ убійцу и не ошибается, что это былъ не захожій разбойникъ, не албанецъ изъ Турціи и не бѣглый каторжникъ изъ тюрьмы, еврейка сказала съ убѣжденіемъ:

— Я его держала ребенкомъ на свои руки. Дай Богъ такъ жить, какъ хорошіе были знакомые.

Этотъ „хорошій знакомый“ и нанесъ первый ударъ ножомъ въ домѣ № 13. Послѣ этого положеніе опредѣлилось: первый предсмертный стонъ стекольщика,—и евреямъ, а быть можетъ и самой толпѣ стало ясно, чего отъ нея слѣдуетъ ожидать дальше. Евреи заметались, „какъ мыши въ ловушкѣ“, — выраженіе одного изъ кишиневскихъ „христіанъ“, веселаго человѣка, который и въ подобныхъ эпизодахъ находилъ поводы для веселья...

Нѣкоторые изъ нихъ кинулись на чердакъ... Въ томъ самомъ навѣсѣ, подъ которымъ былъ убитъ Гриншпунъ, есть вверху темное отверстіе, представляющее ходъ на чердакъ. Ходъ тѣсный и неудобный. Первый кинулся туда Берлацкій съ дочерью, за ними послѣдовалъ домохозяинъ Маклинъ. Маклинъ, какъ было уже сказано, не жилъ въ этомъ домѣ. Но здѣсь жила его дочь и, обезпокоенный ея судьбой, онъ явился на мѣсто трагедіи. Дочери онъ не засталъ. Она уже ранѣе уѣхала въ городъ съ дѣтьми... Теперь ему приходилось спасаться самому.

Всѣ трое проникли на чердакъ безпрепятственно. Изъ этого

слѣдуетъ, конечно, заключить, что далеко не вся толпа была проникнута жаждой крови, иначе несомнѣнно ихъ бы не допустили скрыться въ этомъ темномъ отверстіи, куда приходилось пролѣзать съ трудомъ, на виду у погромщиковъ, находившихся на дворѣ. Они скрылись,—значитъ ихъ допустили скрыться люди, которые считали для себя удовольствіемъ (или обязанностью) громить имущество, но не убивать людей. Однако, вскорѣ за бѣглецами кинулись на чердакъ и убійцы...

Чердакъ дома № 13—мрачное, полутемное помѣщеніе, загроможденное балками, боровами трубъ и подпорками крыши. Несчастные бѣглецы, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ (домъ расположенъ покоемъ), увидѣли всетаки, что здѣсь, въ полутьмѣ чердака, душнаго и тѣснаго, имъ не скрыться. Слыша сзади крики погони, они въ отчаяніи стали ломать крышу.

Два черныхъ отверстія съ разметанными вокругъ черепицами еще видны на крышѣ дома № 13 въ то время, когда я пишу эти строки. У одного изъ нихъ лежалъ во время нашего посѣщенія синій желѣзный умывальный тазъ. Нужно было много отчаянія, чтобы въ нѣсколько минутъ смертельной опасности голыми руками пробить это отверстіе. Но это имъ удалось: они хотѣли во что бы то ни стало взобраться наверхъ. Тамъ былъ опять свѣтъ солнца, кругомъ стояли дома, были люди, толпа людей, городовой бляха № 148, патрули... Это былъ всетаки день, свѣтъ солнца, и люди... И они проломали въ крышѣ два отверстія. Первымъ пролѣзъ въ одно изъ нихъ Мовша Маклинъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ „маленькій и легкій“ (характеристика одного изъ очевидцевъ). Берлацкому же предстояло сначала подсадить дочь Хайку. Затѣмъ, когда онъ полѣзъ самъ, то одинъ изъ преслѣдователей былъ уже тутъ и схватилъ его за ногу.

И вотъ, на глазахъ у всей толпы началась отчаянная борьба. Дочь тащила отца кверху, снизу его держалъ одинъ изъ преслѣдователей. Борьба, конечно, была не равная, и, разумѣется, Берлацкому не увидѣть бы еще разъ солнечнаго свѣта... Но тутъ Хайка Берлацкая перестала тянуть отца и, наклонившись къ отверстію, *попросила* громилу отпустить его.

Онъ отпустилъ...

Пусть этому человѣку отпустится часть его вины за то, что хотя на одно короткое мгновеніе, среди этой тьмы изступленнаго звѣрства, онъ допустилъ въ свою душу лучъ человѣческой жалости, что страхъ дочери-еврейки за жизнь еврея-отца всетаки проникъ въ его омраченную душу... Онъ отпустилъ жида.

Что онъ сдѣлалъ послѣ этого? Можетъ быть ушелъ съ побоища, устыженный и прозрѣвшій, внявъ голосу Бога, который, какъ объ этомъ говорятъ всѣ религіи, проявляется въ любви и братствѣ, а не въ убійствѣ беззащитныхъ... А можетъ быть онъ очнулся отъ мгновеннаго порыва и „раскаялся“, но не въ порывѣ звѣрства, а въ движеніи человѣческой жалости къ убиваемымъ евреямъ, какъ это мы видѣли и на другихъ примѣрахъ.

Какъ бы то ни было, а три жертвы оказались на поверхности крыши. Еще разъ они увидѣли свѣтъ Божій: и площадь, и дома, и сосѣдей, и синее небо, и солнце, и городового бляха № 148 на тумбѣ, и патрулей, ждавшихъ приказа, и можетъ быть еще того священника, который, руководимый христіанскимъ сознаніемъ, пытался одинъ и безоружный подойти къ разсвирѣпѣвшей толпѣ громилъ.

Этотъ священникъ случайно проходилъ по площади, и евреи, которые смотрѣли съ сосѣднихъ домовъ на то, что творилось въ домѣ № 13, стяли просить, чтобы онъ заступился. Имени священника я, къ сожалѣнію, не знаю. Повидимому, это былъ добрый человѣкъ, который не думалъ, что есть на „святой Руси“ или гдѣ бы то ни было такой народъ, который заслужилъ, чтобы его людей убивали за какіе-то огульные грѣхи, какъ дикихъ звѣрей. Не думалъ онъ, очевидно, и того, что могутъ быть на Руси люди, которые имѣютъ право убивать толпой беззащитныхъ евреевъ, не стыдясь свѣта и солнца. Непосредственное первое, самое правильное побужденіе заставило его подойти къ толпѣ съ словомъ христіанскаго увѣщанія. Но громилы погрозили ему, и... онъ отступилъ. Это, очевидно, былъ простой добрый человѣкъ, но не герой христіанскаго долга. Но хочется думать, что, по крайней мѣрѣ, онъ не стыдится своей попытки и своего перваго побужденія.

Въ эту ли самую минуту или въ другую произошелъ этотъ эпизодъ, во всякомъ случаѣ, три жертвы очутились на крышѣ, среди города, среди сотенъ людей, — безъ всякой защиты. Вслѣдъ за ними въ тѣ же отверстія показались убійцы.

Они стали бѣгать кругомъ по крышѣ, перебѣгая то въ сторону двора, то появляясь надъ улицей. А за ними бѣгали громилы. Берлацкаго перваго ранилъ тотъ же сосѣдъ, который нанесъ ударъ Гриншпуну. А одинъ изъ громилъ кидалъ подъ ноги бѣгавшихъ синій умывальный тазъ, который лежалъ на крышѣ еще два мѣсяца спустя послѣ погрома... Тазъ ударялся о крышу и звенѣлъ. И, вѣроятно, толпа смѣялась...

Наконецъ, всѣхъ троихъ кинули съ крыши. Хайка попала

въ гору пуха во дворѣ и осталась жива. Раненые Маклинъ и Берлацкій ушиблись при паденіи, а затѣмъ подлая толпа охочихъ палачей добила ихъ дрючками и со смѣхомъ закидала горой пуха... Потомъ на это мѣсто вылили нѣсколько бочекъ вина, и несчастныя жертвы (о Маклинѣ говорятъ положительно, что онъ нѣсколько часовъ былъ еще живъ) задыхались въ этой грязной лужѣ изъ уличной пыли, вина и пуха.

VII.

Послѣднимъ убили Нисензона. Онъ съ женой спрятался въ погребѣ, но, услышавъ крики убиваемыхъ и понявъ, что въ домъ № 13 уже вошло убійство и смерть, они выбѣжали на улицу. Нисензонъ успѣлъ убѣжать во дворъ напротивъ и могъ бы спастись, но за его женой погнались громилы. Онъ кинулся къ ней и сталъ ее звать. Это обратило на него вниманіе. Жену оставили и погнались за мужемъ; онъ успѣлъ добѣжать до дома № 7 по Азіятскому переулку. Здѣсь его настигли и убили. При этомъ называютъ двѣ фамиліи, одна съ окончаніемъ польскимъ, другая молдаванская. Передъ Пасхой шли дожди, въ ямахъ и по сторонамъ улицъ еще стояли лужи. Нисензонъ упалъ въ одну изъ такихъ лужъ, и здѣсь убійцы, смѣясь, „полоскали“ жида въ грязи, какъ полощутъ и выкручиваютъ стираемую тряпку.

Послѣ этого толпа какъ бы удовлетворилась и уже только громила дома, но не убивала. Евреи изъ ближайшихъ домовъ вышли, чтобы посмотрѣть несчастнаго Нисензона. Онъ былъ еще живъ, очнулся и попросилъ воды. Руки и ноги у него были переломаны... Они вытащили его изъ лужи, дали воды и стали отмывать отъ грязи. Въ это время кто-то изъ громилъ оглянулся и крикнулъ своимъ. Евреи скрылись. Нисензонъ остался одинъ. Тогда опять тотъ же человѣкъ, который убилъ Гриншпуна и первый ранилъ Берлацкаго, ударилъ несчастнаго ломомъ по головѣ и покончилъ его страданія...

Затѣмъ толпа продолжала работать дальше. Площадь была загромождена обломками мебели, обрывками всякаго старья и выломанными рамами до такой степени, что проходить по ней было очень трудно. Одна еврейка разсказывала мнѣ, что ей нужно было пробраться на другой конецъ, гдѣ остались ея дѣти; на рукахъ у нея былъ грудной ребенокъ, и она напрасно дважды пыталась пройти. Наконецъ, знакомый христіанинъ взялъ у нея ребенка, и только тогда она кое-какъ прошла черезъ эти безпорядочныя баррикады...

Въ пять часовъ этого дня стало извѣстно, что „приказъ“,

котораго съ такой надеждой евреи ждали съ перваго дня, наконецъ полученъ....

Въ часъ или полтора во всемъ городѣ водворилось спокойствіе. Для этого не нужно было ни кровопролитія, ни выстрѣла. Нужна была только опредѣленность.

А теперь нужны будутъ годы, чтобы хоть сколько-нибудь изгладить подлое воспоминаніе о случившемся, такимъ грязно-кровавымъ пятномъ легшее на „совѣсть кишиневскихъ христіанъ“...

И не только на совѣсть тѣхъ, которые убивали сами, но и тѣхъ, которые подстрекали къ этому человѣконенавистничествомъ и гнусною ложью, которые смотрѣли и смѣялись, которые находятъ, что виноваты не убійцы, а убиваемые, которые находятъ, что могутъ существовать огульная безотвѣтственность и огульное безправіе...

Я чувствую, какъ мало я даю читателю въ этой замѣткѣ. Но мнѣ хотѣлось всетаки выдѣлить хоть одинъ эпизодъ изъ того спутаннаго и обезличеннаго хаоса, который называется „погромомъ“, и хоть на одномъ конкретномъ примѣрѣ показать, что̀ это было „въ натурѣ“. Для этого я пользовался живыми впечатлѣніями очевидцевъ, переданными отчасти мнѣ лично, частью же моему спутнику, который помогъ мнѣ возстановить черта за чертой эту картину. Правда, это основано на показаніяхъ евреевъ, но нѣтъ основанія сомнѣваться въ ихъ достовѣрности. Фактъ несомнѣненъ: въ домѣ № 13 убивали толпой беззащитныхъ людей, убивали долго, среди людного города, точно въ темномъ лѣсу. Трупы на лицо... А затѣмъ,—не все ли равно евреямъ, какъ именно ихъ убивали? Для чего имъ выдумывать подробности?..

Мораль ясна для всякаго, въ комъ живо человѣческое чувство... Но во многихъ ли оно живо?..

Этотъ тяжелый вопросъ встаетъ невольно, когда увидишь то, что мнѣ пришлось увидѣть въ Кишиневѣ.

VIII.

А впрочемъ... Подавленный этимъ ужасающимъ матеріаломъ, я кончалъ свои безпорядочные наброски, когда прочиталъ въ газетахъ о смерти нотаріуса Писаржевскаго. Имя этого человѣка было у всѣхъ на устахъ въ то время, когда я былъ въ Кишиневѣ. Молодой, красивый, богатый, вращавшійся въ „лучшемъ обществѣ“, онъ искалъ еще новыхъ впечатлѣній. Десятки людей говорили мнѣ о томъ, что Писаржевскій, несомнѣнно, лично участвовалъ въ погромѣ, поощряя громилъ. Говорили такъ же много о томъ, какія сильныя

средства пускались въ ходъ, чтобы затушевать это вопіющее дѣло и скрыть прямое участіе въ погромѣ кишиневскаго свѣтскаго льва. Хотѣлось бы думать, что не все вѣрно, что разсказывали по этому поводу, но и то, что вѣрно, составило бы очень подходящее прибавленіе къ странной исторіи кишиневскаго погрома...

Эти усилія не удались. Истина была слишкомъ очевидна, и въ газетахъ появилось извѣстіе о привлеченіи Писаржевскаго къ дѣлу.

Послѣ этого онъ продолжалъ прежній образъ жизни: вращался въ свѣтѣ, кутилъ, игралъ въ карты. Въ роковую ночь ему очень везло въ игрѣ, онъ былъ очень веселъ, а на зарѣ ушелъ въ садъ, написалъ на скамьѣ: „здѣсь умеръ нотаріусъ Писаржевскій“,—и застрѣлился.

Въ газетныхъ комментаріяхъ сообщаютъ, что онъ былъ наслѣдственный алкоголикъ, что его угнетала перспектива суда, что ему не удались какія-то любовныя комбинаціи...

Все ли это?.. Теперь фактъ уже совершился, печальная расплата закончена... Мнѣ кажется, я не унижу памяти несчастнаго человѣка, если предположу, что въ томъ счетѣ, итогъ котораго самъ онъ вывелъ на скамейкѣ, могли участвовать еще нѣкоторыя цифры. Что на зарѣ его послѣдняго дня передъ нимъ встало также сознаніе того, что̀ сдѣлалъ онъ, интеллигентный человѣкъ,—по отношенію къ евреямъ, которыхъ убивали христіане, и по отношенію къ христіанамъ, которые убивали евреевъ.

Впрочемъ, все это, конечно, только предположенія и, быть можетъ, даже слишкомъ оптимистическія. Несомнѣнную, хотя далеко не неожиданную истину высказалъ мнѣ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ одинъ простой человѣкъ, извозчикъ, родомъ, впрочемъ, изъ Россіи. Когда мы разговорились съ нимъ о погромѣ и его послѣдствіяхъ, онъ сообщилъ мнѣ, что недавно возилъ по городу знакомаго садовладѣльца. Садовладѣлецъ пріѣхалъ, чтобы, по обыкновенію, занять денегъ для найма лѣтнихъ рабочихъ. Но евреи, все еще неувѣренные въ завтрашнемъ днѣ, закрыли кредитъ. Садовладѣльцу по неволѣ пришлось обратиться, вмѣсто ростовщиковъ евреевъ, къ ростовщикамъ православнымъ. „А уже это, господинъ, я вамъ скажу, дѣло извѣстное, — закончилъ онъ тономъ глубокаго убѣжденія:—когда жидъ спущалъ одну шкуру, то свой теперь ростовщикъ три шкуры спуститъ“.

Этотъ мотивъ очень замѣтенъ теперь въ городѣ... И среди людей, завѣдомо сочувствовавшихъ погрому и разжигавшихъ въ толпѣ темные предразсудки, племенную ненависть и дикіе

инстинкты грабежа и убійства, мѣстные люди могутъ указать весьма извѣстныхъ ростовщиковъ, которые теперь дождались своего праздника...

Я не имѣлъ въ виду создавать проекты рѣшенія еврейскаго вопроса. Но если бы я былъ одинъ изъ тѣхъ еврейскихъ милліонеровъ, которые заняты этимъ вопросомъ, я бы, признаюсь, не устоялъ противъ соблазна произвести одинъ соціальный опытъ: я бы переселилъ, чего бы это ни стоило, если не всѣхъ, то огромное большинство евреевъ изъ мѣста погрома. Я вернулъ бы богачу его богатство и сдѣлалъ бы бѣдняка зажиточнымъ человѣкомъ подъ условіемъ немедленнаго переселенія. И когда изъ-подъ снятаго такимъ образомъ пласта еврейскаго капитала выступилъ бы въ данномъ мѣстѣ свой отечественный и даже патріотическій капиталъ безъ примѣси и безъ усложняющихъ обстоятельствъ, когда г. Крушевану не на кого было бы взводить мрачныя небылицы о ритуальныхъ убійствахъ, а ростовщики и скупщики щеголяли бы не въ еврейской одеждѣ,—тогда, надо думать, стало бы ясно, въ чемъ тутъ дѣло и можно ли рѣшать эти вопросы погромами и убійствомъ „бухгалтеровъ“ Нисензоновъ, несчастныхъ стекольщиковъ Гриншпуновъ, извозчиковъ евреевъ, добывающихъ свой горькій хлѣбъ трудомъ такимъ же тяжкимъ, какъ и трудъ ихъ христіанскихъ собратьевъ...

И дѣйствительно ли гнетъ ростовщика легче, если онъ не носитъ еврейскую одежду и называетъ себя христіаниномъ?..

1903 г.

„Декларація“ В. С. Соловьева.

(Къ исторіи европейскаго вопроса въ русской печати).

Въ октябрѣ 1890 года я получилъ отъ покойнаго Владиміра Сергѣевича Соловьева (изъ Москвы) письмо, въ которомъ говорилось между прочимъ:

„Посылаю вамъ прилагаемое заявленіе литераторовъ и ученыхъ съ просьбой подписать его, считаю лишнимъ распространяться о томъ, насколько подпись (эта) необходима *). Уѣзжая на дняхъ въ Петербургъ, покорнѣйше прошу подписанное вами заявленіе прислать мнѣ туда по слѣдующему адресу: Европейская гостиница на Михайловской улицѣ. Съ совершеннымъ почтеніемъ, готовый къ услугамъ Владиміръ Соловьевъ“.

Самое заявленіе, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ, — составленное Соловьевымъ, кѣмъ-то подписанное и затѣмъ опять кое-гдѣ поправленное рукой Соловьева, — состояло въ слѣдующемъ:

„Въ виду систематическихъ и постоянно возрастающихъ нападеній и оскорбленій, которымъ подвергается еврейство въ русской печати, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ нужнымъ заявить:

„1) Признавая, что требованія правды и человѣколюбія одинаково примѣнимы ко всѣмъ людямъ, мы не можемъ допустить, чтобы принадлежность къ еврейской народности и Моисееву закону составляла сама по себѣ что-нибудь предосудительное (чѣмъ, конечно, не предрѣшается вопросъ о желательности привлеченія евреевъ къ христіанству чисто духовными средствами) и чтобы относительно евреевъ не имѣлъ силы тотъ общій принципъ справедливости, по которому евреи, неся равныя съ прочимъ населеніемъ обязанности, должны имѣть таковыя же права.

---

*) Пропускаю нѣсколько фразъ. В. К.

„2) Если бы даже и было вѣрно, что тысячелѣтнія жестокія преслѣдованія еврейства и тѣ ненормальныя условія, въ которыя оно было поставлено, породили извѣстныя нежелательныя явленія въ еврейской жизни, то это не можетъ служить основаніемъ для продолженія такихъ преслѣдованій и для увѣковѣченія такого ненормальнаго положенія, а напротивъ, должно пробуждать насъ къ большей снисходительности относительно евреевъ и къ заботамъ объ исцѣленіи тѣхъ язвъ, которыя нанесены еврейству нашими предками.

„3) Усиленное возбужденіе національной и религіозной вражды, столь противной духу истиннаго христіанства, подавляя чувства справедливости и человѣколюбія, въ корнѣ развращаетъ общество и можетъ привести его къ нравственному одичанію, особенно при нынѣ уже замѣтномъ упадкѣ гуманныхъ чувствъ и при слабости юридическаго начала въ нашей жизни.

„На основаніи всего этого, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаемъ антисемитическое движеніе въ печати, перешедшее къ намъ изъ Германіи, какъ безнравственное по существу и крайне опасное для будущности Россіи“.

Въ то время, когда это заявленіе попало ко мнѣ, подъ нимъ подписались уже слѣдующія лица: Л. Н. Толстой, профессоръ Герье, проф. Виноградовъ, проф. Тимирязевъ, проф. Янжулъ, проф. А. Н. Веселовскій, В. А. Гольцевъ, Безобразовъ, професоръ Ф. Фортунатовъ, С. Фортунатовъ, В. С. Соловьевъ, проф. Всев. Миллеръ, проф. А. И. Чупровъ, П. Н. Милюковъ, Сизовъ, Гамбаровъ, Щепкинъ, Г. А. Джаншіевъ, Р. Р. Минцловъ, С. А. Муромцевъ, проф. Столѣтовъ, профессоръ гр. Камаровскій, проф. Гротъ.

Я охотно присоединилъ свою подпись и поблагодарилъ Соловьева за память обо мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Кое-какія детали редакціи вызывали меня на нѣкоторыя замѣчанія, но изъ-за оттѣнковъ я не считалъ нужнымъ отклоняться отъ дѣла. Такъ же, очевидно, смотрѣлъ и В. С. Соловьевъ. Относительно одной поправки, сдѣланной его рукой (германское происхожденіе русскаго антисемитизма), онъ сообщилъ мнѣ, что вписалъ это по требованію нѣкоторыхъ изъ подписавшихъ, считая эту вставку излишней, но и не желая затягивать дѣло спорами о редакціи.

Моя подпись была далеко не послѣдняя. Соловьевъ очень горячо, даже страстно относился къ этому литературному предпріятію, стараясь соединить подъ заявленіемъ видныя имена литературы и науки, независимо отъ нѣкоторыхъ различій во взглядахъ по другимъ вопросамъ. На его краткую формулу

должны были прежде всего отозваться люди, для которыхъ религіозная и національная терпимость составляетъ органическую часть общаго строя убѣжденій. Къ людямъ же, съ которыми онъ былъ близокъ другой стороной своего очень сложнаго умственнаго склада, онъ обращалъ аргументацію чисто-христіанской морали, въ которой было много силы и подкупающаго обаянія. Въ *своемъ* христіанствѣ онъ не шелъ на компромиссы. Для него христіанство было источникомъ абсолютной морали. Изъ этого источника онъ извлекъ и формулу по еврейскому вопросу, отличавшуюся необыкновенной ясностью и простотой. Онъ говорилъ: „Если евреи — наши враги, поступайте съ ними по заповѣди: любите враговъ вашихъ. Если же они не враги (а онъ именно думалъ, что не враги), тогда незачѣмъ ихъ преслѣдовать“. Многіе догматическіе взгляды Соловьева окутаны густыми, иной разъ почти непроницаемыми метафизическими туманами. Но когда онъ спускался съ этихъ туманныхъ высотъ, чтобы прилагать тѣ или другія основныя формулы христіанства къ текущей жизни, онъ былъ иной разъ великолѣпенъ по отчетливой ясности мысли и по умѣнію найти для нея простую и сжатую формулу. Такова и аргументація его по еврейскому вопросу. Слушая ее, люди, претендующіе на обладаніе искренней христіанской вѣрой, должны были или соглашаться съ его выводомъ, или признать, что христіанство есть лишь отвлеченная доктрина, неприложимая къ широкимъ явленіямъ современной жизни, которая должна уступать передъ антихристіанскими призывами къ ненависти и мщенію. А это съ точки зрѣнія искренно вѣрующаго человѣка есть кощунство. Такимъ образомъ, къ формулѣ чистаго либерализма по данному вопросу именно Соловьевъ способенъ былъ пріобщить широкій кругъ людей, далеко, быть можетъ, не либеральныхъ въ точномъ значеніи этого слова, но чуткихъ къ логикѣ искренней вѣры, которая слышалась въ либеральной формулировкѣ Соловьева.

Въ январѣ 1891 года я получилъ отъ него другое письмо по тому же предмету. Въ немъ между прочимъ говорилось: „Одинъ мой пріятель печатаетъ книжку по еврейскому вопросу и просилъ меня освѣдомиться у васъ, разрѣшите ли вы ему печатать то ваше письмо, которое вы мнѣ прислали при вашей подписи подъ извѣстнымъ вамъ литературнымъ заявленіемъ... Судьба этого послѣдняго вамъ, вѣроятно, извѣстна“. Въ концѣ письма сообщалось, что наше заявленіе напечатано не въ Россіи, а за границей...

„Судьба“ заявленія мнѣ еще тогда извѣстна не была, и, только пріѣхавъ въ Петербургъ, я узналъ, въ чемъ дѣло. А

дѣло было въ томъ, что, пока Соловьевъ хлопоталъ и собиралъ подписи, толки объ его затѣѣ широко распространились въ литературной средѣ. Дошли они между прочимъ и до извѣстнаго публициста ретроградного лагеря, г. Иловайскаго, который сейчасъ же и ударилъ по этому поводу въ набатъ. Тревогу подхватила по всей линіи антисемитская и ретроградная пресса. Къ сожалѣнію, я не могу въ настоящее время привести здѣсь лучшіе перлы этой односторонней полемики, хотя это могло бы быть любопытно. Самая, впрочемъ, выдающаяся черта ея состояла въ томъ, что эти господа обрушились не на высказанное мнѣніе, а на самое намѣреніе его высказать. Въ тонѣ Марата въ „Другѣ Народа“ или Гебера въ „Père Duchesne“ гг. Иловайскіе провозглашали отечество въ опасности и взывали къ консуламъ, даже не называя опредѣленно именъ, а только неопредѣленно зловѣщими чертами рисуя надвигающуюся „крамолу“.

Шумная трескотня возымѣла обычное дѣйствіе. Послѣдовалъ циркуляръ главнаго управленія, и затѣянная В. С. Соловьевымъ декларація въ то время въ Россіи такъ и не появилась.

Какъ настоящая „крамола“, она была напечатана за границей (одновременно въ Парижѣ и Вѣнѣ). Для европейцевъ, разумѣется, заявленіе русскими писателями признанныхъ культурнымъ міромъ аксіомъ могло имѣть значеніе развѣ въ качествѣ курьезной иллюстраціи русскихъ цензурныхъ порядковъ. Но для насъ даже и теперь есть нѣчто поучительное въ этомъ маленькомъ эпизодѣ. Употребляя столь героическія усилія, чтобы задушить попытку Соловьева въ зародышѣ, тогдашній антисемитизмъ какъ бы отдавалъ своимъ противникамъ нѣкоторую дань страха и уваженія. Признавалось, что самый фактъ категорическаго заявленія передовой группы русскихъ писателей можетъ нанести чувствительный ударъ антисемитизму, поддерживаемому правительствомъ...

Теперь это уже tempi passati. Правда, передовая русская печать *сказала*, пожалуй, все, что слѣдовало сказать по данному вопросу. Зато и антисемитизмъ *сдѣлалъ* чуть не все, чего не слѣдовало дѣлать, отбросивъ въ сторону всякіе счеты съ „высшими началами“ и христіанской, и всякой другой морали.

1909 г.

Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ.

I.

Въ исторіи ритуальной легенды на протяженіи вѣковъ характеристична одна особенность: она возникаетъ стихійно, спорадически, точно своего рода суевѣрная эпидемія. Всего быстрѣе и легче отъ нея воспламеняется темная масса, реагирующая погромами. Порой, при помощи пытокъ и другихъ пріемовъ инквизиціоннаго процесса, добываются подтверждающіе ее судебные приговоры. Но каждый разъ, какъ къ ней подходятъ съ компетентнымъ изслѣдованіемъ, въ условіяхъ, обезпечивающихъ безпристрастіе, она разлетается, какъ туманные призраки вальпургіевой ночи при свѣтѣ зари. Истина раскрывается,—порой слишкомъ поздно для массоваго легковѣрія... „Тогда наиболѣе разумныхъ и справедливыхъ людей христіанскаго міра охватываетъ негодованіе и стыдъ“.

Историческими памятниками такого настроенія осталась цѣлая литература папскихъ буллъ и грамотъ свѣтскихъ властителей, „которые клеймили злое суевѣріе и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованію убійствъ вѣроисповѣдное значеніе“.

Это—фактъ несомнѣнный, исторически установленный и очень знаменательный. Исторія сохранила десятки такихъ буллъ, эдиктовъ и указовъ, и почти каждый разъ они вызывались точнымъ разслѣдованіемъ кровавыхъ случаевъ, гдѣ евреи гибли невинными жертвами темнаго предразсудка. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ очень выразительны.

Такъ, папа Иннокентій IV въ буллѣ къ епископу Віенны (Vienne) отъ 18 августа 1247 года излагаетъ подробно жалобы евреевъ на то, что „нѣкоторые духовные и свѣтскіе князья, чтобы не по праву присвоить себѣ ихъ имущество, выдумываютъ противъ нихъ безбожныя обвиненія... Хотя св. Писаніе запрещаетъ имъ въ Пасху дотрогиваться до

умершаго, ихъ ложно обвиняютъ, будто именно въ Пасху они дѣлятъ между собой сердце убитаго мальчика. И злонамѣренно имъ приписываютъ убійство, если гдѣ-нибудь находятъ трупъ".—„Мы не желаемъ,—гласитъ папскій приговоръ,—чтобы упомянутыхъ евреевъ несправедливо мучили (injuste vexari)—и потому повелѣваемъ вамъ, чтобы вы... не терпѣли, чтобы евреевъ и дальше оскорбляли безъ причинъ по этому или другимъ поводамъ". Папа Григорій X (1271—1276), Николай V (1447—1455), Павелъ III, Климентъ XIII (1758—1769), Климентъ XIV (1769—1774) повторяли буллу „Sicut Judaei", прибавляя еще болѣе категорическія запрещенія. „Чтобы легче возбудить ненависть христіанъ къ евреямъ,—писалъ папа Николай V,—нѣкоторые позволяютъ себѣ ложно утверждать и убѣждать христіанъ, будто евреи не могутъ справлять... нѣкоторыхъ праздниковъ безъ печени и сердца христіанъ... Этимъ неизмѣннымъ нашимъ опредѣленіемъ мы запрещаемъ навсегда и самымъ строгимъ образомъ... всѣмъ вѣрующимъ во Христа, самимъ или черезъ другихъ, открыто или тайно, посредственно или непосредственно предпринимать что-либо подобное противъ евреевъ вообще или противъ отдѣльнаго еврея".

Во второй половинѣ XVIII вѣка, по просьбѣ польскихъ евреевъ, вопросъ былъ подвергнутъ тщательному и продолжительному разслѣдованію при папскомъ престолѣ, и въ 1760 году кардиналъ Корсини писалъ отъ имени папы Климента XIII папскому нунцію въ Варшавѣ: „Имъ (евреямъ) дѣлаютъ величайшую несправедливость, если чернь обвиняетъ ихъ въ убійствахъ, основываясь на ложномъ мнѣніи, будто они для своихъ пасхальныхъ опрѣсноковъ имѣютъ надобность въ христіанской крови" (Хвольсонъ). При тщательномъ изслѣдованіи этого предмета, папа признаетъ, что обвиненіе „не имѣетъ никакихъ доказательствъ, достаточно ясныхъ и вѣрныхъ".

Кардиналъ Лоренцо Ганганелли, впослѣдствіи папа Климентъ XIV, будучи еще членомъ св. коллегіи въ Римѣ, занимался этимъ вопросомъ и впослѣдствіи (уже въ качествѣ папы) подчеркнулъ особенно, *„что ни одинъ папа не признавалъ справедливымъ обвиненіе въ употребленіи крови"*.

Можно также привести не менѣе краснорѣчивыя заявленія свѣтскихъ правителей. Въ этомъ смыслѣ особенно выразительные результаты дало разслѣдованіе, предпринятое императоромъ Фридрихомъ II (Гогенштауфеномъ) въ 1235 году. Оно было вызвано кровавыми происшествіями въ городѣ Фульдѣ. Здѣсь, во время прохода черезъ городъ отряда крестоносцевъ, найдены убитыми 5 христіанскихъ мальчиковъ. Тотчасъ же

поднялось традиціонное обвиненіе, и еврейская часть населенія подверглась настоящему разгрому, начавшемуся, по обычаямъ того времени, пыткой, вынудившей у подозрѣваемыхъ сознаніе.

Событіе произвело огромное впечатлѣніе, и Фридрихъ, занятый въ то время другими болѣе важными дѣлами, счелъ, однако, необходимымъ выяснить вопросъ основательно и всесторонне.

„Пусть знаютъ,—гласила затѣмъ императорская грамота,— пусть знаютъ всѣ живущіе теперь и будущія поколѣнія. По поводу убійства нѣсколькихъ мальчиковъ въ Фульдѣ противъ живущихъ тамъ евреевъ было высказано тяжкое обвиненіе, и вслѣдствіе того же печальнаго случая противъ остальныхъ евреевъ повсюду въ Германіи общественное мнѣніе было возбуждено, хотя явныхъ признаковъ того, въ чемъ ихъ обвиняли, и не было обнаружено. Поэтому мы, чтобы выяснить правду о вышеупомянутомъ обвиненіи, рѣшили созвать къ себѣ отовсюду и разспросить многихъ князей, знатныхъ и благородныхъ людей государства, а также аббатовъ и духовныхъ лицъ“. Въ это собраніе были приглашены также тѣ, „которые раньше были евреями и затѣмъ обратились въ христіанскую вѣру; они, какъ противники ихъ, ничего не утаятъ изъ того, что знаютъ противъ нихъ... И хотя мы, по совѣсти, на основаніи многихъ писаній, съ которыми ознакомилось наше величество, считали достаточно доказанной невинность вышеупомянутыхъ евреевъ, но всетаки для успокоенія какъ необразованнаго народа, такъ и чувства справедливости, мы, съ единогласнаго одобренія князей, знатныхъ и благородныхъ людей, аббатовъ и духовныхъ лицъ, отправили чрезвычайныхъ посланниковъ ко всѣмъ властителямъ Запада, которые затѣмъ прислали намъ изъ различныхъ государствъ много крещеныхъ евреевъ, свѣдущихъ въ еврейскомъ законѣ“... Послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ отзывовъ эта авторитетная комиссія высказала мнѣніе, которое императоръ и излагаетъ въ заключеніи: „Поэтому мы, съ одобренія князей, объявили евреевъ вышеупомянутаго мѣстечка вполнѣ оправданными отъ приписываемаго имъ преступленія, а остальныхъ евреевъ Германіи отъ такого тяжелаго обвиненія“.

Для жителей мѣстечка Фульда королевская грамота явилась слишкомъ поздно. Легенда обрушилась на нихъ всею своею тяжестью: во время разгрома было убито крестоносцами болѣе 40 человѣкъ. Императорскій указъ только возстановилъ правду и стремился оградить другихъ евреевъ Германіи отъ общаго возбужденія.

Воспоминанія о трагедіи въ Фульдѣ, повидимому, долго сохраняли свою волнующую свѣжесть, и вслѣдъ за Фридрихомъ Гогенштауфеномъ, противникомъ и борцомъ противъ свѣтской власти папъ, о ней говорилъ и папа Иннокентій IV (въ 1253 г.): „Такъ какъ въ Фульдѣ и многихъ другихъ мѣстахъ многихъ евреевъ убивали изъ-за подобныхъ подозрѣній, то мы запрещаемъ“ и т. д. Около этого же времени и, можетъ быть, въ связи съ отголосками фульдской трагедіи король богемскій Оттокаръ II (въ 1254 году) издалъ распоряженіе, въ которомъ „согласно опредѣленій папы и именемъ св. отца“ настрого воспретилъ обвинять впредь живущихъ въ государствѣ евреевъ въ томъ, что они употребляютъ христіанскую кровь... Если же,—говорится далѣе,—христіанинъ обвиняетъ еврея въ убійствѣ христіанскаго ребенка, и еврей будетъ уличенъ, то онъ долженъ быть наказанъ, — но *„только данный еврей и только установленнымъ въ законѣ за это преступленіе наказаніемъ“*.

Въ сосѣдней съ нами Польшѣ цѣлый рядъ королей боролся съ насиліями и фанатизмомъ, порождаемыми лживой легендой. Болеславъ, герцогъ Калишскій, Гнѣзненскій и Великопольскій, первый внесъ въ польское законодательство постановленія относительно евреевъ короля Оттокара богемскаго. За нимъ слѣдовали короли Казиміръ III, Казиміръ IV и еще одиннадцать польскихъ государей *).

Мы далеко не исчерпали этихъ историческихъ актовъ, въ которыхъ такъ ясно сказалась реакція здраваго смысла и христіанской совѣсти противъ злобы и темнаго фанатизма, разсѣиваемыхъ приверженцами лживой легенды. Общее ихъ значеніе совершенно точно характеризовано словами воззванія: духовные и свѣтскіе правители Запада дѣйствительно клей-

---

*) Всѣ эти цитаты за исключеніемъ одной, отмѣченной именемъ Хвольсона, мы беремъ изъ недавно появившейся въ русскомъ переводѣ книги „Кровь въ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ человѣчества“. Авторъ Г. Л. Штракъ, докторъ философіи и богословія, профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ. Къ свѣдѣнію антисемитовъ онъ сообщаетъ въ предисловіи къ 4-му изданію своего ученаго труда, что всѣ предки его—чисто „христіанско-германскаго происхожденія, а мужчины были по большей части духовными лицами и учителями“.

Штракъ является сильнымъ противникомъ ритуальной легенды и цѣль своей борьбы объясняетъ тѣмъ, что „Іисусъ хочетъ не лжи, а истины, не ненависти, а любви“... „Пусть моя борьба съ ложью,—прибавляетъ нѣмецкій богословъ,—хоть въ малой мѣрѣ способствуетъ миру и чистому богопознанію на землѣ“. Русскій переводъ изданъ подъ редакціей И. Д. Андреева, проф. церковнаго права въ петербургскомъ университетѣ. Изданіе этой превосходной книги является особенно кстати въ наше пепетово-погромное время.

мили злую выдумку и разъ навсегда запрещали придавать разслѣдованіямъ убійствъ вѣроисповѣдное значеніе...

У насъ, въ Россіи, актъ того же характера былъ изданъ въ царствованіе императора Александра I-го. 6 марта 1817 года гродненскому губернатору, а также губернаторамъ другихъ губерній, гдѣ тогда было дозволено пребываніе евреямъ,—былъ разосланъ слѣдующій циркуляръ главноуправляющаго церковными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, кн. Александра Голицына:

„По неосновательному подозрѣнію на евреевъ, будто они употребляютъ въ опрѣснокахъ христіанскую кровь, неоднократно во время польскаго управленія были дѣланы на нихъ извѣты въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей; но производившіяся слѣдствія доносовъ сихъ не оправдывали. Бывшій король польскій Сигизмундъ Августъ, по таковымъ бездоказательнымъ извѣтамъ на евреевъ, грамотами своими 1564 г., августа 9-го и 1566 г., мая 20 дня, запретилъ обвинять евреевъ безъ всякаго основанія въ употребленіи христіанской крови, зная изъ священнаго писанія, что евреи въ оной не нуждаются. Въ послѣднее же время, именно въ 1763 году, марта 21 дня, папскій нунцій по дѣлу евреевъ писалъ: и въ недавнее время римскій престолъ изслѣдовалъ всѣ основанія, на которыхъ утверждается мнѣніе, что евреи имѣютъ надобность въ человѣческой крови для дѣланія своихъ опрѣсноковъ, но не нашелъ довольно ясныхъ доказательствъ, которыя достаточны были бы къ подтвержденію сего предразсудка противъ евреевъ, такъ, чтобы можно было, въ силу оныхъ, объявить ихъ виновными... и потому не призналъ правильнымъ въ подобныхъ объясненіяхъ утверждать на семъ основаніи сужденія.

„По поводу оказывающихся и нынѣ въ нѣкоторыхъ, отъ Польши къ Россіи присоединенныхъ губерніяхъ извѣтовъ на евреевъ объ умерщвленіи ими христіанскихъ дѣтей, яко-бы для той же надобности, его императорское величество, пріемля во вниманіе, что таковые извѣты и прежде неоднократно опровергаемы были безпристрастными слѣдствіями и королевскими грамотами, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ: объявить всѣмъ гг. управляющимъ губерніями монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что яко-бы они имѣютъ нужду въ христіанской крови; но если бы гдѣ случилось смертоубійство, и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ *предубѣжденія однако-жъ, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови*, то было бы произво-

димо слѣдствіе на законномъ основаніи, по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, *наравнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ исповѣданій*, которые уличились бы въ преступленіи дѣтоубійства".

Нельзя, конечно, сказать, чтобы изложеніе князя Голицына вполнѣ удовлетворяло требованіямъ точнаго кодификаціоннаго стиля. Бумага его напоминаетъ мозаичный слѣпокъ изъ тѣхъ историческихъ актовъ, на которые онъ ссылается, и это подало поводъ нашимъ современнымъ приверженцамъ и распространителямъ легенды утверждать, что указъ запрещаетъ только обвинять евреевъ въ ритуальныхъ убійствахъ *безъ всякихъ къ тому основаній*.

Объясненіе чрезвычайно характеристичное. Если бы это было такъ, то и это было бы очень выразительно: значитъ, судебныя обвиненія евреевъ „безъ всякихъ къ тому основаній" и съ нарушеніемъ элементарныхъ требованій правосудія составляли такое широко распространенное и часто повторяющееся явленіе, что для борьбы съ ними приходилось издавать особыя высочайшія повелѣнія, буллы и эдикты, напоминающія, что нельзя казнить людей безъ всякихъ доказательствъ вины.

Фактически это близко къ истинѣ,—но все же достаточно внимательно прочесть циркуляръ кн. Голицына, чтобы понять его основную мысль. Прежде всего излагаемый имъ актъ верховной власти ставится въ прямую связь съ такими же грамотами папъ и польскихъ королей. На протяженіи всего текста мнѣніе объ употребленіи („яко-бы") христіанской крови признается „предубѣжденіемъ" и „предразсудкомъ". Трижды указывается, что безпристрастныя слѣдствія этихъ обвиненій никогда не подтверждали, и, наконецъ, совершенно опредѣленно ставится то же требованіе, которое взято польскими королями изъ статута Оттокара II: запрещается обвинять евреевъ въ употребленіи христіанской крови. Можно обвинять и наказывать только даннаго еврея и только установленнымъ въ законѣ для всѣхъ за данное преступленіе наказаніемъ (Оттокаръ II). Обвиненія евреевъ должны производиться безъ предупрежденія, что они сдѣлали сіе для употребленія христіанской крови, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій (Александръ I).

Дальше я приведу авторитетныя квалификаціи высочайшаго повелѣнія 1817 года именно въ этомъ его значеніи. Здѣсь остановлюсь только на нѣкоторыхъ указаніяхъ, исходящихъ изъ лагеря горячихъ приверженцевъ „легенды", которыя вносятъ въ мрачную тему легкій оттѣнокъ непосредственнаго комизма.

Газета „Земщина“, органъ одного изъ самыхъ темныхъ черносотенныхъ толковъ, 26 іюня текущаго года разослала своимъ немногочисленнымъ читателямъ и постаралась распространить широко за ихъ предѣлами длинный списокъ ритуальныхъ убійствъ, яко-бы совершенныхъ евреями въ теченіи вѣковъ. Это собраніе всѣхъ указаній и басенъ этого рода, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, безъ малѣйшей попытки критики и сопоставленія съ другими источниками, кромѣ ученыхъ трудовъ вродѣ книги пресловутаго и давно разоблаченнаго Лютостанскаго. Нехитрая работа является, по словамъ газеты, результатомъ изысканій молодого ученаго, не пожелавшаго, къ сожалѣнію, обнаружить свое славное имя. Газета громко и многократно взываетъ къ противникамъ, чтобы они опровергли хоть одно (!) изъ этихъ указаній, самымъ забавнымъ образомъ не замѣчая, что такія опроверженія сдѣланы гораздо ранѣе, чѣмъ эти мрачныя исторіи попали въ кругъ научныхъ изысканій ея „ученаго друга“.

Одна изъ исторій, означенная въ спискѣ номеромъ 18-мъ, гласитъ буквально:

„№ 18. Годъ 1236. Мѣсто убійства: *Фульда* (!). Жертвы: 5 мальчиковъ. Мальчики убиты для полученія крови. Императоръ Фридрихъ II, сдѣлавъ дознаніе, „не нашелъ никакихъ точныхъ данныхъ“ объ употребленіи крови. Получивъ отъ жидовъ крупную сумму, онъ успокоилъ возникшее волненіе. Послѣ дополнительнаго слѣдствія (?) онъ, однако, по сообщенію лѣтописца, убѣдился въ вѣрности взведенныхъ на евреевъ обвиненій. Евреи казнены. Погромъ. Rupert. Павликовскій. Современный лѣтописецъ Альбертъ Страсбургскій“.

Читатель узнаетъ то самое дѣло, по поводу котораго блестящій Гогенштауфенъ созывалъ и князей, и прелатовъ, и аббатовъ, и благородныхъ рыцарей, слалъ посольства ко всѣмъ государямъ, прося прислать экспертовъ, и послѣ тщательнаго обсужденія гласно издалъ свой указъ: „Пусть знаютъ всѣ живущіе теперь и будущія поколѣнія“... И вотъ, достаточно противопоставить этому гласному широко-государственному акту авторитетъ г-на Павликовскаго, г-на Лютостанскаго и темнаго лѣтописца,—и вопросъ рѣшенъ. Знаменитый императоръ, придавшій такой блескъ императорской коронѣ,—просто подкупленъ жидами, и легенда вновь годна къ употребленію. Подкуплены, точно какой-нибудь околоточный западнаго края, — и императоръ, и знатные чины, и князья, и прелаты, и папа Климентъ IV, тоже признавшій погромъ въ Фульдѣ неправеднымъ убійствомъ невинныхъ, и

послѣдовавшій примѣру папы Оттокаръ II богемскій... Всѣ подкуплены, и фульдскій погромъ обращается изъ опроверженія ритуальныхъ убійствъ, какимъ онъ гласно объявленъ къ свѣдѣнію всѣхъ живущихъ теперь и будущихъ поколѣній,— въ доказательство существованія кроваваго ритуала...

Въ этомъ же ученомъ трудѣ подъ № 144 излагается эпизодъ, имѣвшій большое значеніе для исторіи вопроса въ Россіи. „Мѣсто дѣйствія—Гродно. Жертва: дѣвочка Маріанна Адамовичева... Слѣдствіе указало на евреевъ, но до окончанія его евреямъ удалось, выставивъ дѣло, какъ польскую противъ нихъ интригу..., исходатайствовать Высочайшій указъ 28-го февраля 1817 года (6 марта) „о запрещеніи обвинять евреевъ по предразсудку въ подобныхъ преступленіяхъ“.

Такъ просто объяснено происхожденіе указа императора Александра I. А вотъ и случай яко-бы судебнаго его истолкованія.

„№ 152. Мѣсто дѣйствія—Минская губернія. „Еврей Орко купилъ у матери дѣвочку 12 лѣтъ, нанесъ ей рану въ високъ, изъ которой выпустилъ кровь (замѣчательный пріемъ для обезкровленія тѣла. В. К.). Фактъ былъ констатированъ. Еврей Орко осужденъ судомъ за убійство, но не присужденъ къ наказанію въ виду запрещенія Высоч. указомъ 1817 года поднимать подобныя дѣла“ (ссылка на высокій авторитетъ Лютостанскаго!).

Итакъ: не смотря на запрещеніе „поднимать“ такія дѣла,— дѣло всетаки было поднято. Когда же „по доказательствамъ, до самаго происшествія относящимся“, убійство установлено, то виновный отпущенъ съ миромъ!

Нужно ли опровергать это наивное бормотаніе нашихъ obscurorum virorum (темныхъ людей). Впрочемъ, „Новое Время“ иронически приписываетъ стремленіе къ такому именно истолкованію закона ученымъ и писателямъ лѣваго лагеря, а также депутатамъ, подписавшимъ воззваніе.

Между тѣмъ, смыслъ всѣхъ актовъ этого рода совершенно ясенъ:

Когда возникаетъ обвиненіе въ убійствѣ, — оно касается даннаго отдѣльнаго лица и его прямыхъ сообщниковъ. Оно индивидуально.

Совершенно другое—въ случаяхъ, когда убійству придается ритуальный характеръ. Здѣсь за индивидуальнымъ убійцей всегда предполагаются его моральные сообщники и подстрекатели, *для которыхъ* это дѣлается. Обвиненіе страшно расширяетъ свои предѣлы, захватывая цѣлое племя или значительную часть его, исповѣдующую данное вѣроученіе. Вотъ

это второе обвиненіе, коллективное, массовое, племенное, вѣроисповѣдное, и объявлялось такъ уже много разъ вреднымъ предразсудкомъ, который будитъ дурныя и темныя страсти и мѣшаетъ настоящему правосудію раскрыть истину. Нельзя, конечно, предвидѣть, какія еще формы въ будущемъ могутъ принимать индивидуальныя извращенія и проявленія злой воли среди евреевъ, какъ и среди другихъ націй. Область такихъ проявленій безконечна; безчисленное множество индивидуальныхъ преступленій дремлютъ еще въ видѣ мрачныхъ возможностей въ нѣдрахъ будущаго, и множество преступниковъ еще не родились на свѣтъ. Но есть одинъ подсудимый, который родился давно, котораго много разъ обвиняли и котораго давно реабилитировала исторія. Этотъ подсудимый — еврейскій народъ, обвиняемый въ употребленіи христіанской крови. Движенія индивидуальной воли предусмотрѣть нельзя; но характеръ вѣрованій цѣлаго народа, соотвѣтствіе этимъ вѣрованіямъ того или другого вѣроисповѣднаго явленія, достовѣрность постоянно возникающей и столько разъ опровергнутой легенды,—все это вопросы широкаго значенія, поддающіеся точному изслѣдованію, не нуждающіеся все въ новой и новой постановкѣ. Исторія сотнями авторитетныхъ голосовъ уже произвела это изслѣдованіе, и еврейскій народъ ею оправданъ.

Вотъ то значеніе, которое имѣли папскія буллы и королевскіе указы. Это и только это имѣлъ въ виду и Высочайшій актъ 6-го марта 1817 года, повелѣвавшій судить индивидуальныя преступленія евреевъ, не привлекая каждый разъ на скамью подсудимыхъ цѣлое племя.

II.

Этотъ указъ былъ нарушенъ въ царствованіе того же государя въ знаменательномъ Велижскомъ дѣлѣ, которое исторія занесетъ на свои страницы, какъ примѣръ наиболѣе яркаго проявленія мрачнаго предразсудка въ новыя времена и наиболѣе осязательнаго его опроверженія.

Я не стану воспроизводить всѣхъ подробностей этого дѣла, отсылая читателя къ печатнымъ источникамъ *), и ограничусь наиболѣе характерными чертами.

22-го апрѣля 1822 года, въ первый день христіанской

*) „Архивъ графовъ Мордвиновыхъ“ съ предисловіемъ и примѣчаніями В. А. Бильбасова, т. VIII, стр. 407—497, и брошюра Ю. И. Гессена: „Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма“. Спб. 1905 г. Я имѣлъ случай въ самое послѣднее время видѣть также подлинное дѣло въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.

Пасхи, ушелъ изъ дому и не возвратился малолѣтній сынъ солдата Емельянова, Ѳедоръ Емельяновъ. 2-го мая тѣло его было найдено за городомъ на кочкѣ со слѣдами задушенія и мучительныхъ истязаній.

Этому событію предшествовало слѣдующее сверхъестественное явленіе: 12-лѣтняя дѣвочка Еремѣева, прослывшая въ простомъ народѣ предсказательницею, за мѣсяцъ до похищенія мальчика Емельянова разгласила, что въ ночь на Благовѣщеніе она видѣла, во снѣ ли или въ безпамятствѣ, или въ иномъ какомъ-либо представленіи, того не знаетъ, старика въ священнической епитрахили, ведущаго за руку въ стихарѣ архистратига Михаила, который водилъ ее по разнымъ мѣстамъ. Въ семъ путешествіи увидѣла она младенца, на котораго изъ цвѣтовъ шипѣла змѣя; на вопросъ о немъ Еремѣевой старикъ сказалъ, что онъ назначенъ страдальцемъ Господнимъ въ гор. Велижѣ. Въ другой разъ, уже въ ночь на 22 апрѣля, тотъ же старикъ опять явился къ Еремѣевой, вывелъ ее за руку къ воротамъ и, показывая рукою на Велижъ, надъ которымъ, будто отъ пожара, разливалось пламя, повторилъ предсказаніе и указалъ даже домъ, гдѣ должно произойти убійство.

Предсказаніе сбылось: мальчикъ пропалъ безъ вѣсти въ первый день Пасхи. „На другой день послѣ сего происшествія крестьянка Терентьева, женщина, неизвѣстная родителямъ похищеннаго мальчика, явилась къ нимъ въ домъ и посредствомъ ворожбы обнаружила мѣсто укрывательства ихъ сына, указавъ прямо на домъ еврейки Мирки, на рыночной площади. На слѣдующіе дни Еремѣева и Терентьева согласно объясняли опасное положеніе мальчика въ мѣстѣ его заключенія и упрекали родителей въ равнодушіи къ судьбѣ ихъ сына“.

Впослѣдствіи департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта посмотрѣлъ на это „чудо“ очень прозаически и съ большой трезвостью.

„Таковыя явленія, — говорится въ заключеніи департамента, — (велижская слѣдственная) комиссія, поставляя въ заглавіе своихъ общихъ доказательствъ, для вящшаго убѣжденія указуетъ на день Благовѣщенія. Но департаментъ усматриваетъ, что обстоятельства сіи ясно обнаруживаютъ *замыселъ обвиненія евреевъ, заблаговременно обдуманный*. Ибо, если бы Терентьева... имѣла чистое намѣреніе обнаружить угрожавшихъ ему (мальчику) убійцъ, то она должна была, не теряя времени въ безполезныхъ разглашеніяхъ, объявить о семъ правительству. Самая дѣвочка Еремѣева, по возрасту

своему не долженствовавшая бы участвовать въ семъ замыслѣ, употреблена въ ономъ для вѣрнѣйшаго успѣха, какъ извѣстная въ народѣ предсказательница. Близкія сношенія ея съ Терентьевою, не смотря на взаимныя отрицанія, не подлежатъ сомнѣнію“ *).

По мнѣнію департамента, если бы слѣдственныя власти обратили должное вниманіе на этихъ лицъ, знавшихъ заранѣе (почти) за мѣсяцъ (!) о предстоящемъ преступленіи и производившихъ объ этомъ „разглашенія“ въ народѣ, если бы онѣ постарались сразу же обнаружить и ихъ внушителей, то это могло бы повести къ раскрытію важныхъ обстоятельствъ и, вѣроятно, обнаружило бы настоящихъ преступниковъ. Но и слѣдственная комиссія, и затѣмъ, особенно, генералъ-губернаторъ Хованскій приняли разглашенія Терентьевой и Еремѣевой за настоящее чудо, и этотъ элементъ чудеснаго Хованскій проводитъ черезъ все дѣло, примѣшивая его къ выступленіямъ уличенныхъ впослѣдствіи лжесвидѣтелей. Терентьева и Еремѣева много разъ мѣняли свои показанія, но и это не лишало ихъ довѣрія въ глазахъ властей. Изслѣдованіе сразу же направилось въ одну сторону, поддержанное мрачнымъ предубѣжденіемъ и „сильной рукой“ Хованскаго.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ усилія, установить виновность евреевъ „по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся“, не удавалось, и дѣло въ первой инстанціи было прекращено.

Г. Замысловскій, одинъ изъ защитниковъ въ Государственной Думѣ запроса по дѣлу Ющинскаго, пытался использовать также и Велижское дѣло въ цѣляхъ оживленія стараго суевѣрія. По его словамъ, конечно, мѣстныя власти были подкуплены, „и настоящее разслѣдованіе началось только тогда, когда, спустя значительное время послѣ преступленія, Государь Императоръ проѣзжалъ черезъ Велижъ и христіанскія женщины успѣли подать ему челобитную... И вотъ тогда началось разслѣдованіе въ настоящемъ масштабѣ“ *).

Фактически это отчасти вѣрно. Дѣйствительно, послѣ проѣзда Государя дѣло получило направленіе въ исключительномъ порядкѣ, велось не „наравнѣ съ людьми всѣхъ прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи дѣтоубійства“, а съ допущеніемъ предубѣжденія,—„что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови“.

---

*) „Архивъ гр. Мордвиновыхъ“, т. VIII, стр. 479—480. Подлинное дѣло Архива Госуд. Совѣта, кн. 127. г. 1834, л. д. 252—3—4.

**) Стеногр. отчетъ Госуд. Думы III созыва, Сессія V, засѣд. XVII, стр. 1136.

Г. Замысловскій, имѣющій доступъ къ подлиннымъ дѣламъ Архива Государственнаго Совѣта, не пожелалъ только ознакомить членовъ „высокаго собранія“ съ двумя очень, однако, интересными черточками этого эпизода. Прежде всего — въ качествѣ матери, умоляющей государя о правосудіи, выступила... все та же крестьянка Терентьева, которая, „дабы достигнуть возобновленія дѣла, судебнымъ порядкомъ уже законченнаго, по коему евреи были оправданы, —ложно приняла на себя имя матери убитаго солдатскаго сына“ *). Эта „облыжная“ мать и стала опять центромъ обвиненія. Это была „женщина, преданная пьянству“. Съ нею шли объ руку „Максимова, тоже поведенія нетрезваго, и шляхтянка Козловская, евреямъ мало извѣстная“. **). Для Государственнаго Совѣта представлялось несомнѣннымъ, что онѣ дѣйствовали не по собственному почину: „обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣжденіе и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ, во всѣхъ движеніяхъ дѣла обнаруживающимся“ ***).

Г. Замысловскій не пожелалъ также подѣлиться съ депутатами своими свѣдѣніями о томъ, какіе результаты дало это „настоящее разслѣдованіе“, возобновленное въ исключительномъ порядкѣ.

Между тѣмъ, они-то и интересны для занимающаго насъ вопроса.

Дѣло велось 8 лѣтъ. Изъ одного обвиненія выросло семь. Сорокъ два человѣка томились въ тюрьмахъ подъ тяжестью ужаснаго извѣта, который распространился на всѣхъ евреевъ, вызвавъ волненіе среди христіанъ и тревогу въ еврейскихъ массахъ всего западнаго края. Весь слѣдственный матеріалъ переданъ затѣмъ для сужденія въ сенатъ, судившій евреевъ *заочно*, безъ выслушанія ихъ возраженій. Тутъ онъ вызвалъ недоумѣніе и колебаніе. Сенатъ уже склонялся къ осужденію, когда гр. В. Н. Панинъ, подвергшій этотъ матеріалъ тщательному анализу,—внесъ докладъ, который опять поколебалъ увѣренность значительнаго числа сенаторовъ въ виновности евреевъ... И, наконецъ, дѣло поступило для окончательнаго рѣшенія въ Государственный Совѣтъ.

Здѣсь оно попало въ руки знаменитаго адмирала Мордвинова.

---

*) „Архивъ гр. Мордв.“, т. VIII, стр. 481. Подлинное дѣло, № 127, стр. 256 (обор.).

**) Л. дѣла 256, об.

***) Архивъ, т. VIII, стр. 491. Листъ подл. дѣла 274.

„Русскій лордъ“, истый дворянинъ, даже, пожалуй, крѣпостникъ по убѣжденіямъ, въ то же время приверженецъ идей Бентама, блестяще образованный, смѣлый, умный, независимый, всегда стоявшій на стражѣ закона,—онъ въ свое время вызывалъ удивленіе въ образованномъ русскомъ обществѣ. Современный поэтъ въ одѣ, посвященной Мордвинову, говорилъ:

Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерины славныхъ дней,
Средь сонма избранныхъ мужей
Въ совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ...

Панинъ въ сенатѣ, Мордвиновъ въ Государственномъ Совѣтѣ,—это значило, что противъ темнаго суевѣрія встали два государственныхъ человѣка совершенно различнаго, даже противоположнаго типа.

Мордвиновъ явился докладчикомъ, и ему не стоило много труда — вскрыть истинную подкладку инквизиціоннаго процесса. Превосходнымъ языкомъ, точнымъ, яснымъ и сильнымъ, онъ излагаетъ ходъ всего дѣла, разбирая всѣ улики съ точки зрѣнія закона и здраваго смысла.

Перечисливъ нѣкоторые историческіе акты, которые мы приводили выше, и указавъ, что „римскій престолъ, изслѣдовавшій уже всѣ основанія, на коихъ утверждается сіе мнѣніе (о ритуальныхъ убійствахъ), въ 1763 году торжественно призналъ обвиненіе евреевъ несправедливымъ слѣдствіемъ одного предубѣжденія“, — протоколъ гражданскаго департамента продолжаетъ: *въ семъ же духѣ дѣйствовало и россійское правительство въ 1817 году* (слѣдуетъ цитата изъ Высочайшаго повелѣнія Александра I). Затѣмъ приводятся нѣкоторыя возникавшія до того времени дѣла и доказывается неосновательность обвиненій. Гражданскій департаментъ единогласно принялъ слѣдующее *мнѣніе:*

1) По внимательномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ многосложнаго и запутаннаго велижскаго дѣла, гражданскій департаментъ находитъ, что показанія доказчицъ Терентьевой, Максимовой и Козловской, наполненныя противорѣчіями, вымыслами и несообразностями съ обстоятельствами дѣла и съ здравымъ смысломъ, не могутъ быть приняты судебнымъ доказательствомъ... и что вообще мнѣніе объ употребленіи евреями христіанской крови есть слѣдъ одного предубѣжденія, и древними, и новѣйшими фактами опровергнутаго. Въ семъ убѣжденіи гражданскій департаментъ полагаетъ:

1) Евреевъ подсудимыхъ... какъ ничѣмъ не уличенныхъ немедленно освободить.

2) Запечатанныя еврейскія школы (синагоги) въ Велижѣ открыть, дозволивъ въ оныхъ служеніе.

3) Участь означенныхъ подсудимыхъ, претерпѣвшихъ тюремное заключеніе въ продолженіи 8 лѣтъ... подвергнуть монаршему воззрѣнію съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству въ вознагражденіе освободить ихъ на 8 лѣтъ отъ платежа казенныхъ повинностей.

4) Крестьянку Терентьеву, солдатку Максимову и шляхтянку Козловскую, хотя и слѣдовало бы за недоказанный доносъ и за ложно принятое на себя участіе въ важныхъ преступленіяхъ, наказавъ первыхъ двухъ кнутомъ, а послѣднюю лишеніемъ шляхетства, сослать всѣхъ въ Сибирь, въ каторжную работу, но по уваженію, что онѣ вовлечены въ сіи дѣйствія, какъ по всѣмъ соображеніямъ заключить должно, — постороннимъ вліяніемъ... — сослать всѣхъ въ Сибирь на поселеніе.

5) Крестьянскую дѣвку Еремѣеву, сильно подозрѣваемую въ тайныхъ сношеніяхъ съ Терентьевой и Максимовой и притомъ разглашавшую себя въ простомъ народѣ предсказательницей,—по уваженію, что она въ поступки сіи вовлечена во время малолѣтства,—сослать въ монастырь на исправленіе.

6) Крестьянокъ Меланію Желнову и солдатку Агафью Демидову, какъ ни въ чемъ неповинныхъ, освободить.

И наконецъ:

7) Дабы положить конецъ предубѣжденію объ употребленіи евреями христіанской крови... и отвратить возрожденіе дѣлъ, подобныхъ велижскому производству,—повсемѣстно подтвердить, чтобы Высочайшее повелѣніе... отъ 6 марта 1817 года исполняемо было во всей силѣ.

Общее собраніе согласилось въ принципѣ съ гражданскимъ департаментомъ, что „сіе мрачное и чуждое понятіямъ нашего вѣка предубѣжденіе“... „не доказано достовѣрными событіями, ни подтверждено когда-либо судебнымъ слѣдствіемъ въ строгомъ юридическомъ смыслѣ“ *) и приняло всѣ заключительные пункты, предложенные департаментомъ (за исключеніемъ освобожденія потерпѣвшихъ отъ податей). Но на Высочайшее утвержденіе эти пункты были внесены не въ одинъ пріемъ. 18 января 1836 г. императоръ утвердилъ резолюцію объ освобожденіи оправданныхъ евреевъ, а также

*) Листъ дѣла 237.

Келиновой и Демидовой... и о ссылкѣ въ Сибирь лжесвидѣтельницъ. Затѣмъ повелѣно открыть еврейскія синагоги въ гор. Велижѣ.

Но съ мнѣніемъ о необходимости подтвердить Высочайшее повелѣніе отъ 6 марта 1817 г. Николай Павловичъ не согласился, сославшись на отсутствіе у него „внутренняго убѣжденія, чтобы убійство евреями произведено не было“... „Не думая отнюдь,—заключаетъ Государь свою отмѣтку,—чтобы обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю, чтобы среди ихъ не могли быть столь же ужасные суевѣры, какъ и между насъ, христіанъ“.

Дѣйствіе указа отъ 6 марта 1817 года фактически прекратилось...

III.

Нужно ли возобновлять его, и можно ли такимъ способомъ бороться съ вреднымъ „предубѣжденіемъ“?

Десятки папскихъ буллъ... одиннадцать королевскихъ указовъ... Уже самая необходимость этихъ повтореній показываетъ ясно, что указы этого рода дѣйствовали слабо. Одинъ король издаетъ эдиктъ, другой терпитъ его нарушеніе. А у насъ тотъ самый императоръ, который, послѣ разслѣдованія возмутительнаго дѣла, издаетъ запретительное повелѣніе, — тамъ направляетъ новое дѣло исключительнымъ порядкомъ, подъ впечатлѣніемъ комедіи съ подставной матерью и мистическаго зарева, облекающаго возникновеніе дѣла.

Съ того дня, какъ крестьянская дѣвка Еремѣева предсказала въ гор. Велижѣ предстоящее убійство несчастнаго мальчика Емельянова и какъ онъ затѣмъ былъ дѣйствительно найденъ въ окрестностяхъ города задушеннымъ и исколотымъ,—прошло почти цѣлое столѣтіе.

И вотъ въ Кіевѣ, на окраинѣ города, у какой-то пещеры находятъ опять тѣло мальчика Ющинскаго. И опять коллективный обвиняемый, еврейскій народъ, призывается къ отвѣту вмѣстѣ съ арестованнымъ по этому дѣлу Бейлисомъ.

Нападая на подписавшихъ „воззваніе“, „Новое Время“, всегда усердно распространявшее старую ритуальную легенду, говоритъ между прочимъ:

„Самое вѣское слово скажетъ судъ, и не надо мѣшать ему ни погромщикамъ, ни еврейскимъ и еврействующимъ публицистамъ лѣвой печати“.

Такъ ли это?

Газета г-на Суворина хорошо знаетъ, что это не такъ. Отрицательный вердиктъ суда всегда имѣетъ значеніе только ограниченное: такіе-то велижскіе евреи не виновны... Или: Бейлисъ не виновенъ... А легенда продолжаетъ существовать, питаясь нерѣдко даже тѣми дѣлами, по которымъ послѣдовало судебное опроверженіе.

И вообще, „ждутъ ли спокойно“ судебнаго рѣшенія само „Новое Время“ и его союзники? Ждалъ ли его г. Меньшиковъ, когда усердно печаталъ въ газетѣ фантастическія измышленія г-на Савенки о мнимыхъ результатахъ кіевскаго слѣдствія?

Нѣтъ, они этого не ждали. Они никогда не ждутъ приговоровъ суда и всегда торопятся поскорѣе использовать темную молву въ цѣляхъ самой низменной агитаціи, — подхватывая въ толпѣ дикіе слухи и швыряя ихъ опять въ ту же толпу раздутыми, преувеличенными, подкрѣпленными авторитетомъ печатнаго слова... Темные слухи питаютъ газетную агитацію. Газета питаетъ темное волненіе толпы.

Такъ бывало уже много разъ. По поводу памятнаго убійства мальчика въ Дубоссарахъ, Крушевановская газета въ теченіи цѣлыхъ недѣль передъ Пасхой развертывала передъ населеніемъ ужасающія подробности истязаній несчастнаго мальчика цѣлой толпой изувѣровъ-евреевъ.

Все это тоже выдавалось за результаты слѣдствія, и все это была самая гнусная и вполнѣ сознательная ложь отъ начала и до конца. Судъ впослѣдствіи опровергъ эти выдумки... Да! Но между появленіемъ агитаціонной лжи и судебнымъ рѣшеніемъ легла кровавая кишиневская Пасха, полная ужасовъ, крови и позора.

„Новому Времени“ и это должно быть хорошо извѣстно, такъ какъ и оно, не „дожидаясь спокойно“ судебнаго приговора, торопливо печатало на своихъ страницахъ телеграммы, корреспонденціи и замѣтки изъ Кишинева, полныя кровавыхъ выдумокъ.

Ждутъ ли и теперь „спокойно“ судебнаго рѣшенія по дѣлу Бейлиса приверженцы и распространители легенды?

Черносотенная пресса кипитъ погромной агитаціей. Лѣтомъ, какъ писали въ газетахъ,—изъ разныхъ мѣстъ Петербургской губ. стали приходить сообщенія о появленіи какого-то таинственнаго автомобиля. Огромный, окрашенный въ коричневый цвѣтъ, онъ наводилъ страхъ на сельскихъ обывателей. 3 іюля, задрапированный какой-то матеріей, онъ промчался съ страшной силой по улицамъ Луги, и всюду съ автомобиля разбрасывались листки объ „іудейскихъ звѣрствахъ“... Въ

Кіевѣ черносотенное общество „Двуглавый Орелъ“ распространяло листокъ, призывающій къ погромамъ. Студентъ Голубевъ, видный членъ кіевскаго союза русскаго народа,— издалъ брошюру „Отрокъ-мученикъ Андрей Ющинскій“, и, наконецъ, агитаторы попытались объявить сборъ на храмъ, посвященный памяти „отрока-мученика, евреями убіеннаго“... Если бы это удалось, то даже церковь они превратили бы въ очагъ темной ненависти и погромныхъ страстей. Въ газетахъ было сообщено удивительное извѣстіе, будто губернаторъ Гирсъ созывалъ къ себѣ представителей кіевскихъ монархическихъ организацій и любезно знакомилъ ихъ съ ходомъ предварительнаго слѣдствія, которое должно храниться въ тайнѣ по закону. Извѣстіе это было съ явнымъ удовольствіемъ сообщено „Новымъ Временемъ“... Г. губернаторъ, вѣроятно, упустилъ изъ виду, что послѣ такой любезности,— всѣ заявленія, исходящія отъ его собесѣдниковъ, пріобрѣтаютъ характеръ нѣкоторой оффиціозности.

Наконецъ, агитація вползла на каѳедру Государственной Думы. За подписью многихъ правыхъ депутатовъ внесенъ запросъ, въ которомъ доказывается существованіе „обрядоваго употребленія крови“. По содержанію это заявленіе сильно напоминаетъ работу „молодого ученаго“ изъ „Земщины“ и листки, разбросанные таинственнымъ автомобилемъ. Достоинство сообщаемыхъ въ запросѣ историческихъ матеріаловъ и добросовѣстность составителей достаточно характеризуются слѣдующимъ небольшимъ эпизодомъ. Велижское дѣло изображается въ запросѣ признаннымъ ритуальнымъ убійствомъ, „совершеннымъ изъ религіознаго изувѣрства“, чего (яко-бы) „не отвергалъ и Государственный Совѣтъ, куда это дѣло восходило для окончательнаго рѣшенія“ (!!).

Такъ свободно гг. интерпелянты обобщили приведенное нами судебное рѣшеніе высшаго въ государствѣ учрежденія... А г. Замысловскій заявляетъ, не обинуясь, что со времени проѣзда черезъ Велижъ государя Александра I-го „разслѣдованіе началось въ настоящемъ масштабѣ“, т.-е. раскрыло ритуальное убійство. И, наконецъ, г. Марковъ II оглашаетъ залъ россійскаго представительнаго собранія поистинѣ звѣринымъ рыканіемъ. Онъ рисуетъ передъ депутатами лубочную картину „играющихъ въ садикѣ дѣтей“, къ которымъ (среди бѣлаго дня!) „подкрадывается жидовскій рѣзникъ съ длиннымъ кривымъ ножомъ и, похитивъ рѣзвящагося на солнышкѣ ребенка,—тащитъ къ себѣ въ подвалъ“. Это аляповато и крайне глупо: лѣвые депутаты хохотали... Тогда ораторъ сталъ грозить погромомъ... „И это будетъ не погромъ еврей-

скихъ перинъ, а всѣхъ евреевъ начисто перебьютъ!"—восклицаетъ онъ съ тѣмъ же грубымъ паѳосомъ *).

Судъ!

Да, судъ одинъ изъ лучшихъ остатковъ эпохи реформъ и, можетъ быть, дольше, чѣмъ на всѣхъ другихъ учрежденіяхъ, на немъ еще свѣтились отблески этой прогрессивной эпохи... Это были своего рода лучи заката на горныхъ вершинахъ, когда низы жизни затягивались уже густыми сумерками реакціи. Но ко времени нашей „конституціи" и эти отблески значительно померкли. Сначала, въ самыхъ низахъ жизни, институтъ земскихъ начальниковъ поглотилъ мировую юстицію. Потомъ рядомъ „новеллъ" ослаблялась независимость судейской совѣсти и, наконецъ, туманы реакціи стали заволакивать верховно-судебное учрежденіе—сенатъ.

Нельзя сомнѣваться, что и теперь еще есть много судей, помнящихъ лучшія традиціи, но все же въ правосудіи пробиты значительныя бреши. И средневѣковое суевѣріе, со всѣми пріемами инквизиціоннаго процесса, водворяется все сильнѣе.

Вотъ настоящая атмосфера для дикаго и вреднаго „предубѣжденія", которому, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, высказанному 90 лѣтъ назадъ, „при настоящемъ состояніи просвѣщенія не долженствовало бы входить въ кругъ судебнаго разсмотрѣнія".

Правые депутаты мотивируютъ свой второй запросъ незаконными арестами, которые производила въ связи съ дѣломъ Ющинскаго полиція разныхъ родовъ и ранговъ. Если бы это не служило только предлогомъ для мрачной агитаціи,—этому можно было бы сочувствовать. Дѣйствительно, надъ тѣломъ несчастнаго загубленнаго мальчика сразу же водворилась какая-то оргія полицейскаго беззаконія. Роль слѣдователя, котораго законъ предполагаетъ независимымъ руководителемъ слѣдствія, совершенно стушевалась: одинъ сыскной приставъ составилъ себѣ одну „теорію", — и онъ свободно хватаетъ, кого считаетъ нужнымъ. Другой держится другого мнѣнія,— и не менѣе свободно арестуетъ родителей убитаго. Полковникъ Кулябко направляетъ свои проницательные взгляды на Бейлиса,—и тотчасъ же арестуетъ Бейлиса...

Недавно въ гор. Таращѣ, Кіевской губерніи, тоже былъ созданъ своеобразный „ритуальный процессъ". Присяжные, среди которыхъ было 11 мужиковъ, послѣ 2-хъ-минутнаго

---

*) См. стеногр. отчеты Госуд. Думы. Сессія IV, засѣд. 29 апр., стр. 3114 и 3146, Сессія V, 7 ноября 1911 г., стр. 1436.

совѣщанія оправдали обвинявшуюся еврейку Хапу Спекторъ. Оказалось, по словамъ газетъ, что слѣдователь не видѣлъ никакихъ основаній для возбужденія мрачно шутовского обвиненія, возникшаго изъ-за сплетенъ о двухъ гусяхъ, но долженъ былъ *подчиниться прямому предписанію прокурора*... И когда постановленіе о преданіи суду состоялось, газеты извѣстнаго лагеря трубили о новомъ „доказательствѣ“ еврейскаго изувѣрства. Когда же мужики-присяжные дали урокъ прокуратурѣ, тѣ же газеты не обмолвились объ оправдательномъ приговорѣ ни словомъ.

Они использовали только досудебную почву, созданную давленіемъ прокуратуры на совѣсть слѣдователя...

Да, нужны, конечно, не запрещенія „поднимать такія дѣла“. Нуженъ только настоящій судъ, равный для всѣхъ, не взирающій ни на лица, ни на національности. Нужно, чтобы разслѣдованіе производилось „по доказательствамъ, къ самому дѣлу относящимся“, и равно для людей всѣхъ исповѣданій...

Только тогда разсѣются эти средневѣковые туманы, и правосудіе не будетъ орудіемъ колдовскихъ шабашей и мрачныхъ средневѣковыхъ сказокъ.

1909 г.

О погромныхъ дѣлахъ.

(Предисловіе къ собранію рѣчей по дѣламъ о еврейскихъ погромахъ).

Картина, которая въ разнообразныхъ подробностяхъ развертывается передъ читателемъ въ этой книгѣ,—чрезвычайно характерна и поучительна. Вдуматься въ нее необходимо всякому, кто любитъ родину и интересуется ея судьбами. Понять ее—значитъ понять очень многое въ наши знаменательные дни, когда русская жизнь стоитъ передъ обновленіемъ.

Залъ суда... Просторный, высокій и свѣтлый, или наоборотъ, тѣсный и затхлый, смотря по мѣсту дѣйствія и обстоятельствамъ. За столомъ, на которомъ стоитъ зерцало съ квинтъ-эссенціей закона, какъ его понималъ великій преобразователь Россіи, — сидятъ судьи. Въ восьмидесятыхъ годахъ — это были члены окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями или военные судьи въ эполетахъ; въ послѣдніе годы—это члены особыхъ присутствій судебныхъ палатъ съ сословными представителями или, наконецъ, гг. сенаторы, разсматривающіе дѣла въ послѣдней инстанціи...

Направо отъ судейскаго стола — обвинитель. Налѣво, за рѣшеткой, окруженная стражей — толпа обвиняемыхъ, толпа разнообразная, разносословная, разночинная и разнолицая. Всѣ эти люди обвиняются въ грабежахъ, въ уничтоженіи чужого имущества, въ насиліяхъ или въ убійствахъ, мрачная жестокость которыхъ почти заставляетъ терять вѣру въ человѣческую природу.

Рядомъ съ ними — защитники, назначенные отъ суда или выступающіе по добровольному соглашенію съ подсудимыми. Ряды этой защиты далеко не однообразны и не солидарны. Здѣсь есть люди, скромно и честно исполняющіе свою задачу, старающіеся облегчить участь подсудимыхъ, но воздерживающіеся отъ изъявленія сочувствія ихъ ужасному дѣлу, а порой рѣзко отгораживающіеся отъ подозрѣнія въ такомъ

сочувствіи. Ряды эти не блещутъ крупными именами, стяжавшими извѣстность внѣ погромныхъ дѣлъ, но порой на этой скамьѣ являются всетаки и болѣе характерныя, рѣзко окрашенныя фигуры, вродѣ г. Булацеля, г. Шмакова и др. Тогда отсутствіе солидарности въ рядахъ защиты доходитъ порой (какъ въ дѣлѣ о симферопольскомъ погромѣ) до того, что защитники по назначенію „одинъ за другимъ просятъ судъ о сложеніи съ нихъ обязанностей, такъ какъ точки зрѣнія у нихъ съ г. Булацелемъ будутъ различныя“ (а въ одномъ случаѣ отъ услугъ г. Булацеля отказывается даже подсудимый). Иногда эта скамья гремитъ рѣчами, не чуждыми темперамента и своеобразнаго паѳоса. Ненависть къ освободительному движенію, тяготѣніе къ „вѣковымъ устоямъ“ и реакціи—таковы черты „идеологіи“, которой проникнуты рѣчи наиболѣе яркихъ защитниковъ. Надъ ихъ скамьей вѣетъ порой мало скрываемымъ сочувствіемъ не только къ положенію подсудимыхъ, но нерѣдко и къ ихъ дѣлу.

Особое мѣсто занимаетъ многочисленная группа адвокатовъ, представителей потерпѣвшихъ. Эта группа состоитъ изъ евреевъ и русскихъ. Достаточно назвать имена П. А. Андреевскаго, А. С. Заруднаго, Н. П. Карабчевскаго, Н. К. Муравьева, Н. Д. Соколова, кн. А. И. Урусова, М. М. Винавера, О. О. Грузенберга, Л. А. Куперника и др., чтобы увидѣть, на какой сторонѣ стоятъ въ этихъ процессахъ лучшія силы русской адвокатуры... Разнородная по національному составу, эта группа объединена полной солидарностью во взглядахъ на свои задачи. Отвращеніе къ національной травлѣ, принципіальная защита равноправности, снисхожденіе къ статистамъ погромныхъ трагедій, т. е. къ „погромной толпѣ“ и нескрываемое сочувствіе къ общимъ тенденціямъ освободительнаго движенія—таковы характерныя черты, объединяющія эту группу, гдѣ бы она ни выступала въ лицѣ наиболѣе извѣстныхъ или самыхъ скромныхъ своихъ представителей.

Эта книга не есть полная исторія погромовъ, хотя бы только тѣхъ, которые въ ней пройдутъ передъ глазами читателей. Здѣсь нѣтъ ни обвинительныхъ актовъ, ни подробныхъ судебныхъ отчетовъ. Исторія однихъ послѣднихъ лѣтъ такъ богата этими позорными вспышками вѣковой тьмы и звѣрства, что для подробнаго свода хотя бы сухихъ отчетовъ понадобились бы цѣлые фоліанты. Въ настоящей книгѣ читателю предлагаются только „рѣчи“ съ самымъ краткимъ изложеніемъ поводовъ для ихъ произнесенія. Такимъ образомъ читатель какъ бы приглашается въ изображенномъ выше судебномъ ансамблѣ занять мѣсто на скамьѣ гражданскихъ

истцовъ, съ этого пункта разсматривать все происходящее и вмѣстѣ съ представителями потерпѣвшей отъ погромовъ стороны переживать разные эпизоды судебной драмы.

Это, быть можетъ, односторонне. Но самыя дѣла такъ ярки, смыслъ ихъ такъ элементарно простъ и ясенъ, что сколько нибудь безпристрастному и неослѣпленному человѣконенавистничествомъ читателю едва ли грозитъ опасность заблудиться. Хотя въ этой книгѣ почти однѣ только рѣчи,—но и въ нихъ ясно отразились черты ужасающей погромной трагедіи. Тѣхъ клочковъ, которые попадутъ въ наше поле зрѣнія, совершенно достаточно, чтобы оцѣнить ея внутреннее значеніе и ея характеръ. Но, быть можетъ, главное значеніе книги—въ ясной постановкѣ принципіальныхъ началъ права и закона, которыя выставляются лучшими представителями русской адвокатуры навстрѣчу кликамъ человѣконенавистничества, племенной вражды и одичанія.

Бросимъ же съ этой скамьи, на которой сидятъ „представители потерпѣвшей стороны“, общій взглядъ на эпопею погромныхъ дѣлъ и борьбы за попираемое право.

Первое мѣсто въ панорамѣ принадлежитъ, конечно, подсудимымъ, такъ какъ именно для нихъ создана эта судебная рамка.

Что же это за люди, обвиняемые въ томъ, что они нападали на сосѣдей, громили ихъ имущество, грабили и убивали?

Въ очень многихъ погромахъ ясно сказывается работа самыхъ нижнихъ слоевъ городского общества, его подонковъ, озлобленныхъ, извращенныхъ и почти нечеловѣчески жестокихъ. Отчего бы ни происходило ихъ хроническое и часто безпредметное озлобленіе и чѣмъ бы оно ни объяснялось, — легко представить себѣ, что вполнѣ сформировавшійся и прочно отложившійся „на днѣ“ городской жизни,—это типъ, неспособный внушить симпатіи. „Меркурія и его пріятеля Максима всѣ боятся въ мѣстечкѣ (и не въ погромное время),—говоритъ кн. А. И. Урусовъ (погромъ въ мѣстечкѣ Окнѣ).—Одинъ крикъ: Меркурій и Максимъ дѣйствуютъ — вызываетъ ужасъ“. Что же сказать, когда эти Меркуріи и Максимы безпрепятственно кидаются на евреевъ и даютъ тонъ. Тогда озвѣренію и жестокости нѣтъ предѣловъ. Это какой-то кошмаръ. Вотъ, напримѣръ, фигура какого-то Демьяновича въ бѣлостокскомъ погромѣ: „онъ бралъ булыжникъ и съ размаху мозжилъ головы уже кончавшимся жертвамъ“. А вотъ Беззубикъ, его достойный товарищъ, почему-то ускользнувшій отъ суда и даже явившійся, чтобы свидѣтельствовать

въ пользу Демьяновича: „сутулая фигура съ желтымъ лицомъ, съ каплями пота на лбу, съ стеклянными, полными ужаса глазами“ (рѣчь Л. А. Хоментовскаго). Свидѣтели устанавливаютъ, что онъ „работалъ“ вмѣстѣ съ Демьяновичемъ. Вотъ двое хулигановъ, забѣгающихъ въ Симферополѣ въ лавку къ Маріи Желѣзнякъ, чтобы обмыть руки, запятнанныя человѣческой кровью. Когда г-жа Желѣзнякъ (христіанка) выноситъ имъ икону, одинъ изъ нихъ хватаетъ ее окровавленными руками и хочетъ бросить на полъ (рѣчь г. Лейбзона). Совершенно понятна роль этихъ „героевъ“, дающихъ тонъ погромной толпѣ, а также кошмарный ужасъ еврейской массы, отдаваемой на жертву людямъ такихъ инстинктовъ. Нужно сказать, однако, что въ массѣ подсудимыхъ бывшихъ людей хотя и немало, но все же меньше, чѣмъ можно ожидать по описаніямъ самыхъ погромовъ. И это понятно: день погрома—день ихъ разгула и безнаказанности, своего рода праздникъ, когда они пользуются просторомъ и свободой дѣйствій. Онъ миновалъ, и они легче, чѣмъ другіе участники, скрываются туда, гдѣ ихъ нелегко разыскать. Слѣды ихъ короткаго разгула остались въ видѣ размозженныхъ череповъ, выбитыхъ глазъ, гвоздей, вбитыхъ въ головы. Но тѣхъ, кто это сдѣлалъ, указать трудно. Да не всегда ихъ и разыскиваютъ особенно усердно.

Основной фонъ на скамьѣ подсудимыхъ даютъ не эти „герои“ погромовъ, а погромная „чернь“, толпа. Тутъ есть крестьяне, „недавно еще честные люди, а нынѣ ждущіе приговора, обвиняющаго ихъ въ грабежахъ и убійствахъ“ (рѣчь М. Б. Ратнера, по трояновскому погрому). Въ Балтѣ исправникъ „приглашаетъ отъ 300 до 500 благонадежныхъ крестьянъ для противодѣйствія мѣщанамъ“; но, по „какому-то недоразумѣнію“, они присоединились къ горожанамъ, да вдобавокъ разграбили еще еврейскую колонію Абазовку (рѣчь кн. А. И. Урусова). Убиваютъ они рѣже, чаще грабятъ и увозятъ награбленное въ свои деревни. Особенно много во всѣхъ погромныхъ дѣлахъ—мѣщанъ. Можно даже сказать, что погромы специфически мѣщанское преступленіе. При этомъ, кидаясь на недавнихъ добрыхъ знакомыхъ и сосѣдей, съ которыми долго жили въ ладу, — они тоже проявляютъ порой страшную жестокость. Мѣщанинъ и домовладѣлецъ Климъ Ижикевичъ въ Балтѣ врывается въ домъ сосѣда-еврея и ударомъ по головѣ, какимъ онъ оглушаетъ на бойнѣ быковъ, сваливаетъ старика на полъ. Рейзя Финкельманъ, знавшая Ижикевича болѣе 5 лѣтъ, кидается къ нему съ мольбою: „Климъ! Что ты дѣлаешь... Вѣдь мы знакомые,

Климъ!"—„Я сегодня не Климъ",—отвѣчаетъ Ижикевичъ и нѣсколькими ударами расколачиваетъ старику черепъ (рѣчь кн. Урусова). Такіе „сосѣдскіе" мотивы встрѣчались также въ Кишиневѣ и другихъ мѣстахъ, и фигура Ижикевича является типичной для этого мѣщанскаго озвѣрѣнія... Вчера онъ былъ Климъ и добрый сосѣдъ. Сегодня онъ палачъ и убійца...

Есть въ этой коллекціи мѣщане старообрядцы (погромъ въ Красиловкѣ, Кіевской губерніи). Есть домовладѣльцы и купцы. Иной разъ эти послѣдніе принимаютъ непосредственное участіе въ черной работѣ погромовъ, но это рѣдко. По большей части они только подготовляютъ почву для другихъ, а сами стараются (довольно успѣшно) остаться въ сторонѣ. „Принимали ли они активное участіе въ самомъ погромѣ или нѣтъ—неизвѣстно,—такъ характеризуетъ роль почтенныхъ погромщиковъ-коммерсантовъ Л. А. Куперникъ (дѣло о красиловскомъ погромѣ). Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ, — это все равно. Но главное — они подстрекали. Они подговариваютъ, *нанимаютъ* людей, чтобы совершить погромъ, они дѣйствуютъ убѣжденіемъ, „угощеніями". Они читаютъ газеты и проводятъ въ массу изувѣрскія „идеи" юдофобской печати. Такова общая характеристика этой группы. А вотъ изъ рѣчи Н. П. Карабчевскаго (погромъ еврейской колоніи въ Нагартовѣ и Березнеговатомъ) выхваченная живьемъ типичная фигура: это Лазарь Веремѣевъ, лавочникъ изъ посада Березнеговатаго. Подбадривая громилъ, онъ имѣетъ опредѣленную экономическую цѣль: отстранить конкурренцію, и значитъ это—особый способъ экономической борьбы. „Экономическая теорія" Веремѣева не лишена смѣлаго полета мысли и воображенія. Онъ желалъ бы, повидимому, немногаго: онъ желалъ бы только одного, чтобы на земномъ шарѣ была лишь одна лавка и чтобы эта лавка принадлежала Лазарю Веремѣеву... Сообразно этому взгляду и этимъ, въ сущности, „мирнымъ цѣлямъ упраздненія конкурренціи" и самое поведеніе Веремѣева не лишено нѣкоторыхъ культурныхъ пріемовъ: утромъ онъ подбадриваетъ парней словами: „Бейте жидовъ! Что вы говѣете? Въ Николаевѣ давно разговѣлись"; днемъ подпаиваетъ ихъ водкой, а въ ночи, когда толпа вошла во вкусъ и совершенно разнуздалась, онъ ищетъ свидѣтелей и лицемѣрно вздыхаетъ передъ нами: „ахъ, что только дѣлаютъ!"...

Въ 1882 году Веремѣевъ не только посаженъ на скамью подсудимыхъ, но и приговоренъ въ арестантскія роты. Позже его тактика была бы успѣшнѣе: въ послѣднихъ процессахъ

представители потерпѣвшихъ напрасно требуютъ гг. Веремѣевыхъ къ отвѣту: роль ихъ выясняется очень точно, но судебная репрессія ихъ не настигаетъ. Кишиневскіе, симферопольскіе и кіевскіе Веремѣевы фигурируютъ въ судебной залѣ только въ качествѣ свидѣтелей противъ потерпѣвшихъ.

Затѣмъ—въ нѣкоторыхъ процессахъ, правда, изрѣдка на скамьѣ подсудимыхъ являются мелкіе чиновники и низшіе полицейскіе. Въ одномъ случаѣ скамья эта украшена цѣлой группой полицейскихъ чиновъ, начиная съ городовыхъ и кончая кварт. надзирателемъ и помощникомъ пристава. Роль ихъ въ симферопольскомъ погромѣ запечатлѣна судебнымъ приговоромъ и очень картинно обрисована въ рѣчи пом. прис. пов. Лейбзона. „По саду носится опьяненный не то виномъ, не то кровью околоточный надзиратель Ермоленко... Онъ стрѣляетъ въ упоръ у буфета въ лежащую глухонѣмую Толчинскую, онъ шлетъ пулю въ догонку убѣгающему Дубинскому, онъ поспѣваетъ внизу, у Салгира, ударить шашкой двухъ дѣвицъ и нанести рану убѣгающему Спиро... А у входа въ садъ стоитъ величественный и спокойный пом. пристава Чупринко, который рубитъ шашкой евреевъ, пытающихся прорваться черезъ ворота на улицу. Разъ только Чупринко обнаруживаетъ джентльмэнство, соотвѣтствующее его наружности: когда Рылина съ мужемъ бѣжитъ къ выходу, Чупринко кричитъ громиламъ: „жида—по головѣ, а жидовку—по спинѣ“. Это значитъ, что Чупринко пожалѣлъ женщину“.

На сценѣ Ермоленко держится скромно, „стараясь избѣгать взоровъ публики“. Очевидно, „опьяненіе“ погрома прошло. Чупринко и здѣсь держится, наоборотъ, полнымъ „джентльмэномъ“, съ спокойнымъ упорствомъ отрицая вопреки очевидности свои подвиги *).

Въ послѣдніе годы на этой скамьѣ появилась особая категорія подсудимыхъ, обвиняемыхъ по той же ст. 269[1]. Характеристику этой статьи и ея исторію въ погромныхъ процессахъ читатель найдетъ въ нѣсколькихъ рѣчахъ **). Всѣмъ извѣстно,—говоритъ напр. М. В. Беренштамъ (въ дѣлѣ о житомірскомъ погромѣ), что 269[1] ст. явилась прямымъ послѣдствіемъ тѣхъ анти-еврейскихъ погромовъ, которые разыгрались въ началѣ 80-хъ годовъ на югѣ Россіи: въ Кіевѣ, Одессѣ, Елисаветградѣ и др. городахъ. Тогда-то создался законъ, направленный противъ громилъ въ защиту евреевъ. Вы помните,

*) Ермоленко приговоренъ на 3 года и 6 мѣсяцевъ. Чупринко на $1^1/_2$ года арест. ротъ.

**) Подобнѣе другихъ останавливаются на ней М. В. Беренштамъ и А. Д. Марголинъ (житомірскій и кролевецкій погромы)

господа судьи, показаніе, данное на слѣдствіи офицеромъ, явившимся на Павликовку съ ротой солдатъ. Сначала онъ направилъ штыки въ сторону евреевъ, но, убѣдившись въ ихъ спокойномъ состояніи, повернулъ роту въ сторону христіанъ". Нѣчто подобное, только въ обратномъ смыслѣ, произошло, по мнѣнію М. В. Беренштама, съ 269[1] статьей. „Ея скорпіоны были первоначально направлены противъ погромщиковъ, теперь черезъ 20 лѣтъ они направляются противъ евреевъ въ лицѣ еврейской самообороны"...

Дѣйствительно, на скамьѣ подсудимыхъ въ послѣдніе годы рядомъ съ громилами сидятъ уже евреи, по большей части юноши, виновные въ томъ, что они подъ вліяніемъ извѣстій о полномъ бездѣйствіи (какъ въ Кишиневѣ), а иногда и несомнѣнномъ содѣйствіи властей (какъ въ Симферополѣ),— вооружались для защиты и, дѣйствительно, защищались противъ погромщиковъ. Анализируя дальше это „новое явленіе", М. В. Беренштамъ обращаетъ вниманіе на то, что, какъ это стало совершенно ясно, никакого антихристіанскаго погрома въ Житомірѣ, напримѣръ, не было: на 16 еврейскихъ труповъ приходится одинъ христіанскій (о гибели студента Блинова, убитаго громилами, ораторъ считаетъ лучшимъ не упоминать), многіе евреи стали нищими, тогда какъ ни одинъ христіанинъ не сталъ бѣднѣе, чѣмъ былъ до погрома; слухи о бомбахъ подъ костеломъ остались слухами, въ то время, какъ еврейскія синагоги разгромлены... Евреи, какъ масса, какъ толпа, какъ скопище, ничего въ Житомірѣ не сдѣлали... „Они не подставляли покорно свои головы подъ удары дубинъ и топоровъ, а защищались или пытались защищаться". И только въ дальнѣйшей рѣчи того же оратора, а также въ другихъ—развивается точка зрѣнія защитниковъ потерпѣвшей стороны на самооборону, какъ на естественную реакцію разгромляемыхъ противъ активныхъ нападеній погромщиковъ и пассивнаго положенія властей. Съ этой точки зрѣнія самооборона лишена признаковъ племенной вражды или революціонныхъ цѣлей. „Убитые, легши трупами въ больницы, прекратили погромъ",—говоритъ полицейскій свидѣтель Курбатовъ, который заявилъ на судѣ, что измѣнилъ свой прежній взглядъ на самооборону. Наконецъ, слѣдуетъ указать на случай, когда такъ называемая еврейская „самооборона" сливается съ христіанской „обороной", образуя для водворенія порядка общую временную милицію (такъ, въ Кролевцѣ, если не ошибаюсь, даже по даннымъ обвинительнаго акта, погромъ (на четвертый день!) „былъ прекращенъ полиціей совмѣстно съ образовавшейся изъ горожанъ милиціей").

Если не типичнымъ, то во всякомъ случаѣ чрезвычайно характернымъ представителемъ этой группы подсудимыхъ-евреевъ, обвиняемыхъ въ томъ, что они „изъ племенной вражды“ рѣшались защищать оружіемъ свою жизнь и имущество, является (въ дѣлѣ о житомірскомъ погромѣ) фигура стараго еврея Броварника). Объ его „преступленіи“ разсказалъ одинъ изъ подсудимыхъ, христіанинъ. Когда разсказчикъ въ субботу вечеромъ подошелъ къ его дому,—Броварникъ въ одномъ бѣльѣ (старикъ уже спалъ) выскочилъ изъ дверей и сталъ стрѣлять изъ револьвера. „Сопоставьте,—говоритъ М. В. Беренштамъ,—эти мелочи:—спалъ... въ одномъ бѣльѣ... около собственнаго дома... выстрѣлы въ сторону того, кто нынѣ обвиняется въ погромѣ... припомните, что выстрѣлы его никому не причинили вреда“. Гдѣ тутъ въ самомъ дѣлѣ признаки 269[1] статьи и организаціи скопища изъ племенной ненависти. Безъ сомнѣнія, въ самообороне участвовали не одни Броварники, и не всѣ ея выстрѣлы оставались столь же безвредными для нападающихъ. Но уже то, что этотъ „жалкій старый ломовой извозчикъ“, всю жизнь не разгибавшій спины въ тяжкомъ трудѣ“ и рѣшившійся защищать семерыхъ дѣтей отъ нападенія погромщиковъ, тоже посаженъ на скамью подсудимыхъ, является несомнѣнно знаменательной чертой этой судебной эпопеи. Она показываетъ, съ какой широтой примѣнялась ст. 269[1] къ защищавшимся евреямъ.

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ подсудимыхъ. Нужно ли говорить о потерпѣвшихъ? Стало уже общимъ мѣстомъ, что погромы настигаютъ по общему правилу бѣдноту. „Кто является, главнымъ образомъ, пострадавшими?—спрашиваетъ П. А. Андреевскій (погромъ въ Карповичахъ).—Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это круглые бѣдняки, которые сами влачили жалкое существованіе и едва находили средства избавить себя отъ голодной смерти. Это именно та масса евреевъ мастеровыхъ и евреевъ мелкихъ торговцевъ, которая кишитъ въ грязи еврейскихъ мѣстечекъ и неистово плодится, не смотря на вѣчную угрозу голодной смерти“... „Какой вредъ могъ приносить христіанамъ вотъ этотъ портной,—продолжаетъ тотъ же ораторъ,—который существовалъ своимъ трудомъ и котораго единственное достояніе, пріобрѣтенное имъ посредствомъ столькихъ лишеній—швейная машина—на глазахъ его разбита въ мелкіе кусочки, а съ нимъ самимъ поступили, какъ съ собакой, бросая въ него кольями и дрючками, когда онъ отдавалъ все грабителямъ и просилъ только пощадить его и малолѣтнихъ дѣтей“. Это говорилось въ 1882 году и съ тѣхъ поръ осталось основной чертой потерпѣвшей отъ погромовъ

еврейской массы. И нынѣ, конечно, разсказъ объ этихъ звѣрствахъ, разыгравшихся на жалкихъ чердакахъ и въ жалкихъ подвалахъ, „не можетъ не тронуть всякаго, въ комъ бьется человѣческое сердце, и не вселить полнаго отвращенія къ тому, что творится на нашихъ глазахъ въ послѣдніе годы“ (рѣчь П. А. Андреевскаго).

Я не задаюсь, разумѣется, цѣлью исчерпать въ этихъ краткихъ указаніяхъ все содержаніе этой книги. Внимательный читатель шагъ за шагомъ можетъ прослѣдить по ней главные мотивы погромныхъ драмъ, ихъ причины, поводы, возникновеніе, слухи и часто провокаторскія дѣйствія, имъ предшествующія, характеръ самихъ погромовъ, роль пассивную или активную, которую принимаютъ въ нихъ въ томъ или другомъ направленіи разные элементы общества и власти: администрація, полиція, войска. Здѣсь же мнѣ придется остановиться не на той борьбѣ, которая происходила на улицахъ, а на той, которая, въ качествѣ эпилоговъ погромныхъ трагедій, разыгрывалась въ залахъ судебныхъ установленій...

Чего требовала защита потерпѣвшей стороны, и какъ эти требованія удовлетворялись?

Въ огромномъ большинствѣ рѣчей представители гражданскаго иска отстраняютъ, прежде всего, вопросъ, который въ обычныхъ гражданскихъ процессахъ играетъ главную роль: вознагражденіе за убытки отодвигается рѣшительно на задній планъ. „Не для того пришли мы сюда,—говорилъ Л. Я. Айзенштейнъ (въ симфероп. процессѣ),—чтобы требовать отъ этихъ людей уплаты за пролитую кровь. Среди насъ нѣтъ Шейлоковъ! И если бы вашъ приговоръ касался только нашихъ исковъ... мы отъ имени нашихъ довѣрителей сказали бы по адресу обвиняемыхъ то, что сказала раззоренная и обездоленная старушка Горфинъ: „Богъ съ ними! Пусть Богъ имъ воздастъ“. Этотъ мотивъ повторяется почти всѣми защитниками и почти во всѣхъ процессахъ. За рѣдкими исключеніями,—иски прощаются или сводятся на минимумъ *), тѣмъ болѣе, что и взысканіе съ этой погромной бѣдноты почти безнадежно, а болѣе видные дѣятели не попадаютъ на скамью подсудимыхъ.

Разумѣется, гражданскіе защитники не могутъ примириться съ оправданіемъ виновныхъ. Идея о безнаказанности погромовъ витаетъ надъ всѣми этими кровавыми событіями. На лицахъ подсудимыхъ гражд. защитникъ Айзенштейнъ (Симферополь) даже въ залѣ суда видитъ вопросъ: „Что же пре-

*) Въ одномъ случаѣ размѣръ исковъ сведенъ до одного рубля.

ступнаго въ еврейскомъ погромѣ? Что безнравственнаго въ убійствѣ евреевъ? Особенно, если это дѣлалось, какъ думаетъ и г. тов. прокурора, въ защиту Бога и царя". Разъѣять это ужасное кровавое недоразумѣніе—одна изъ вѣрныхъ задачъ суда. „Я прошу,—говоритъ защитникъ Головчинеръ (трояновскій погр.), чтобы сидящіе на этой скамьѣ люди не вышли отсюда съ патентомъ патріотовъ"... „Нужно, чтобы они знали, что пролитая кровь лежитъ пятномъ на ихъ совѣсти"..., „что завѣты Бога и Христа, что велѣнія законовъ и морали относятся и къ евреямъ". Въ сознаніи подсудимыхъ,—говоритъ М. Б. Ратнеръ (Житоміръ),—прочно засѣла мысль о безнаказанности еврейскихъ погромовъ и о какой-то связи, существующей между погромными звѣрствами съ одной и патріотическими подвигами съ другой стороны. Является поэтому необходимость расторгнуть эту связь. Защитникъ надѣется, что въ судебномъ приговорѣ подсудимые прочтутъ, „что нельзя грабить и убивать даже евреевъ и даже тогда, когда полиція даетъ на это свое благосклонное разрѣшеніе".

Съ этой точки зрѣнія полное оправданіе даже тѣхъ, кто является лишь темнымъ орудіемъ въ рукахъ болѣе сознательныхъ подстрекателей, истинныхъ интеллектуальныхъ виновниковъ,—было бы опасно и для общества, и для идеи правосудія. Но „менѣе всего защитники потерпѣвшихъ стремятся къ строгимъ приговорамъ" и отягченію участи погромныхъ статистовъ. Еще въ 1882 году, когда и власти, и суды смотрѣли на погромныя дѣла гораздо серьезнѣе и строже, чѣмъ въ послѣдніе годы,—стоя передъ военнымъ судомъ, грозившимъ погромщикамъ каторгой и смертной казнью,—представитель гражд. иска кн. А. И. Урусовъ такъ опредѣлялъ свою задачу:

„Не жаждой мести, не внушеніями злобы, не усердіемъ наемника и не ограниченностью фанатика должна быть проникнута рѣчь гражданскаго защитника. Служа прежде всего правосудію и закону, защитникъ потерпѣвшихъ не можетъ упустить изъ виду *общихъ причинъ* того преступленія, которое подлежитъ вашему суду. Чувство человѣческой солидарности связываетъ насъ какъ съ потерпѣвшими, такъ и съ виновными. И во имя этой солидарности, этого братства я позволю себѣ обратиться къ вамъ, гг. судьи, съ просьбой, въ которой вы, быть можетъ, мнѣ не откажете. Просьба эта: будете милосердны" (рѣчь А. И. Урусова въ военномъ судѣ по дѣлу о погромѣ въ Албановкѣ).

И этотъ мотивъ остается почти неизмѣннымъ на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи погромныхъ процессовъ, даже тогда,

когда погромы почти стихійно разростались, а репрессія тоже какъ бы стихійно слабѣла. „Мы не заинтересованы въ жестокомъ приговорѣ,—говоритъ М. Б. Ратнеръ въ трояновскомъ процессѣ.—Мы не взываемъ къ чувству мести. Эти люди, на которыхъ тяготѣли вѣка предразсудковъ, были лишь мертвымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ“... „Если значитъ что-нибудь предъ вами слово потерпѣвшихъ,—заявляетъ Н. К. Муравьевъ (погромъ въ Ярцевѣ),—оно будетъ за смягченіе наказанія“. И т. д., и. т. д.

Итакъ,—не взысканіе убытковъ и не отягченіе репрессій. Что же является цѣлью представителей потерпѣвшихъ? „Въ борьбѣ за правду, въ борьбѣ за право,—отвѣчаетъ А. Д. Марголинъ *),—нельзя уступать ни пяди. Гражданскій искъ въ уголовномъ процессѣ,—это позиція. Пусть конечная цѣль иска (формально) *найти* то, чего *ищешь*, т. е. получить матеріальное вознагражденіе. Но для того, чтобы найти, необходимо и закономъ дозволено *искать*. И мы пользуемся этимъ правомъ, мы ищемъ. Въ настоящемъ процессѣ эти поиски являются не средствомъ, а *цѣлью*. И мы пришли сюда не для полученія исполнительныхъ листовъ, мы не собираемся описывать домашній скарбъ подсудимыхъ. Но мы желаемъ возстановить во всей наготѣ, во всей правдѣ потрясающую картину погрома, мы желаемъ доказать, что насъ громили, увѣчили, оскорбляли безъ всякаго съ нашей стороны повода, по той лишь причинѣ, что мы—евреи“.

Во всякомъ уголовномъ процессѣ,—говоритъ П. А. Андреевскій,—всегда есть двѣ стороны: потерпѣвшій и обвиняемый. Всякій судъ своимъ рѣшеніемъ въ сущности произноситъ приговоръ надъ обѣими сторонами, ибо каждымъ процессомъ выясняется, такъ сказать, нравственная личность обѣихъ сторонъ **). И вотъ почему—„въ тогахъ гражданскихъ истцовъ въ судъ явились въ сущности защитники потерпѣвшихъ“ (Марголинъ).

Эта постановка защиты потерпѣвшихъ выводитъ ее изъ обычной прозаической сферы „гражданскаго иска“ и поднимаетъ на высоту важнаго, почти рокового общественнаго вопроса. Нигдѣ уже, быть можетъ, ни въ одной странѣ, гдѣ укоренились прочно элементы правового порядка,—такого значенія погромные процессы пріобрѣсти не могли бы. Всюду судъ разсматривалъ бы вопросъ совершенно внѣ національныхъ рамокъ, независимо отъ того, чье имущество разгромлено

---

*) Дѣло о погромѣ въ Черкассахъ.

**) Погромъ въ Карповичахъ 1882 г. Кіевскій воен.-окруж. судъ.

и въ чью голову преступная рука вогнала желѣзный гвоздь. „Подъ эгидой закона должны находить убѣжище всѣ люди, всѣ граждане безъ различія племени, націи, религіи, сословія, класса и политической партіи. Многоразличны классификаціи людей, *но одинъ и всеобъемлющъ законъ*—въ этомъ его авторитетъ и могущество. Насколько объективенъ и равенъ законъ, настолько же объективно должно быть и его примѣненіе. И только тѣ приговоры пролагаютъ въ нашей спутанной, омраченной тяжкими событіями жизни свѣтлый, примиряющій путь, по которому шествуетъ безпристрастная Ѳемида, не различающая ни эллина, ни іудея". Эти одушевленныя слова—въ сущности полный юридическій трюизмъ, котораго вы не услышите уже ни въ Англіи, ни въ Германіи, потому что тамъ повторять его давно уже нѣтъ надобности. У насъ въ погромныхъ процессахъ это пунктъ спора, около котораго вскипаетъ борьба мнѣній и страстей, и въ послѣдніе годы, особенно, мнѣніе о необходимости одной мѣрки для „эллина и іудея" въ устахъ короннаго представителя правосудія звучитъ такой пріятной неожиданностью, что составители настоящей книги сочли нужнымъ среди рѣчей „защитниковъ потерпѣвшихъ" помѣстить цѣликомъ и рѣчь обвинителя, прок. С. М. Пенскаго, изъ которой мы заимствовали цитированныя слова *).

Въ другихъ случаяхъ вопросъ о томъ, что такое погромъ—преступленіе или патріотическій подвигъ,—рѣшается не такъ просто даже оффиціальными представителями правосудія, а въ средѣ защитниковъ подсудимыхъ самая постановка этого вопроса вызываетъ порой волненіе и шумъ. „Не думаете ли вы,—возбужденно спрашивалъ С. Е. Кальмановичъ во время кіевскаго процесса,—что мы пришли сюда для того, чтобы доказывать виновность вотъ этихъ подсудимыхъ... Нѣтъ, мы пришли сюда, чтобы опровергать тѣ клеветы, которыя возводятся на всю народность... Пытаются доказать, что гнусные поступки грабителей и разбойниковъ являются патріотическимъ подвигомъ"...

Сухой лаконическій отчетъ отмѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ „волненіе среди подсудимыхъ и защитниковъ". Г. Шмаковъ кричитъ:—„Вы поосторожнѣй выражайтесь!"—Не пугайте меня, г. Шмаковъ, я васъ не боюсь,—отвѣчаетъ Кальмановичъ...

Изъ отчета не видно, что вызвало такое волненіе: то ли, что г. Кальмановичъ назвалъ погромы „гнусными поступками грабителей и разбойниковъ", или то, что онъ приписываетъ

*) Харьковскій окруж. судъ. Дѣло о погромѣ 1905 г

защитѣ взглядъ на эти поступки, какъ на „патріотическій подвигъ“. Несомнѣнно, однако, что эта точка зрѣнія, такъ рѣзко подчеркнутая г. Кальмановичемъ, проходитъ красною нитью во многихъ рѣчахъ защиты въ погромныхъ процессахъ послѣднихъ годовъ.

Другимъ мотивомъ, придающимъ этимъ процессамъ захватывающее драматическое движеніе, является стремленіе защиты потерпѣвшихъ (отмѣченное еще въ рѣчи кн. А. И. Урусова) выяснить съ своей точки зрѣнія *общія причины*, обусловливающія эпидемію погромовъ, а также—вовлечь въ сферу судебной репрессіи ихъ зачинщиковъ, вдохновителей, интеллектуальныхъ виновниковъ, организаторовъ и, наконецъ, попустителей. Погромные процессы,—говоритъ одинъ изъ гражданскихъ истцовъ, — напоминаютъ, по выраженію древняго мудреца,—паутину, страшную только для мелкихъ мухъ, но которую крупные шмели легко прорываютъ *). Вотъ почему на скамьѣ подсудимыхъ околоточный надзиратель Ермоленко и помощникъ пристава Чупринко представляютъ высшую ступень чиновной іерархіи... Защита потерпѣвшихъ стремится уловить и выяснить прежде всего истинную роль попустительства и бездѣйствія, которыми вѣетъ отъ всѣхъ погромовъ и которыя выступаютъ во всѣхъ процессахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ опереться на оффиціальное признаніе такого бездѣйствія, которое, напримѣръ, въ кишиневскомъ процессѣ констатировано и въ оффиціально оглашенномъ сообщеніи министра внутреннихъ дѣлъ, и въ приговорѣ суда. М. М. Винаверъ (въ сенатѣ), опираясь на эти оффиціальныя данныя и на объясненіе самого губернатора,—рисуетъ во весь ростъ фигуру генерала Ф. Раабена, просидѣвшаго у телефона первые дни погрома и тормозившаго попытки военныхъ властей. На третій день онъ, наконецъ, передалъ власть генералу Бекману, и—погромъ прекращенъ въ 2 часа. Не менѣе ясна роль кишиневскаго же вице-губернатора Устругова. Въ качествѣ цензора онъ допустилъ, вопреки прямому закону, оглашеніе данныхъ судебнаго слѣдствія по знаменательному дубоссарскому дѣлу, при чемъ въ теченіи недѣли „Бессарабецъ“ изображалъ подробности небывалаго ритуальнаго убійства, которое волновало толпу и подготовляло къ погромамъ. Г. Уструговъ не могъ не знать, что законъ воспрещаетъ оглашеніе предварительнаго дознанія, и въ этомъ случаѣ „данныя“ были вдобавокъ завѣдомо ложны и имѣли явною цѣлью возбудить погромные инстинкты. Когда же по-

*) Симферопольскій процессъ. Рѣчь Л. Я. Айзенштейна

громъ разразился, то генералъ фонъ-Раабенъ „заперся у себя, слушалъ рапорты о погромѣ и ждалъ“. Вице-губернаторъ Уструговъ самолично стоялъ на улицѣ, созерцалъ погромъ и „тоже ждалъ“. Истецъ Фишманъ показалъ, что „при разгромѣ его лавки присутствовали всѣ представители всѣхъ четырехъ ступеней кишиневской администраціи: вице-губернаторъ, полицеймейстеръ, приставъ и помощникъ пристава“. „И это заявленіе Фишмана,—прибавляетъ М. М. Винаверъ,—нынѣ подтверждено приговоромъ уголовнаго суда“. Когда представителямъ администраціи приходится передъ лицомъ суда объяснять причины этого бездѣйствія, то порой въ атмосферу, насыщенную глубокимъ и мрачнымъ трагизмомъ, врывается струя чисто-комическая. Такъ приставъ Войцеховичъ (въ дѣлѣ о кролевецкомъ погромѣ) говоритъ, что „на четвертый день приняты были *рѣшительныя мѣры*, и погромъ прекратился“. Защитникъ потерпѣвшихъ А. Д. Марголинъ интересуется вопросомъ, почему „рѣшительныя мѣры“ не были приняты раньше. Свидѣтель отвѣчаетъ наивно, что только на четвертый день *догадались* воспользоваться пожарными лошадьми, а „верхомъ на лошадяхъ уже возможно было прекратить погромъ“. Между тѣмъ, въ бѣлостокскомъ процессѣ полковникъ Штриттеръ на вопросъ о томъ, какъ могло случиться, что въ пяти шагахъ отъ коннаго отряда драгунъ громилы (Демьяновичъ съ своими достойными сподвижниками) безпрепятственно убивали людей,—отвѣтилъ, что драгуны *не могли оставить лошадей* (рѣчь М. Б. Ратнера по дѣлу о погромѣ на бѣлостокскомъ вокзалѣ)!.. Иногда гг. губернаторы въ рѣшительныя минуты облекались таинственными нимбами и вѣщали вродѣ древнихъ оракуловъ. Такъ въ началѣ житомірскаго погрома поручикъ Матерно проситъ у губернатора позволенія разогнать громилъ нагайками и... получаетъ отказъ. Когда же помощникъ пристава Добровольскій является за руководящими приказаніями,—то „г. губернаторъ рекомендовалъ ему принять *благоразумныя* мѣры“. —Какія?—съ понятнымъ отчаяніемъ спрашиваетъ подчиненный. „Губернаторъ повернулся спиной и захлопнулъ дверь“.

Въ Симферополѣ роль губернатора г. Волкова очень ярко вырисовывается на судебномъ слѣдствіи. Цѣлый день въ городѣ свирѣпствовалъ погромъ съ грабежами и ужасающими убійствами, подъ звуки народнаго гимна. „И только на другой день губернаторъ Волковъ рѣшается заявить, что правительство не нуждается въ защитѣ громилъ. Еще наканунѣ (18 октября) онъ колебался по этому вопросу... Весьма вѣжливо, никого не арестуя, *проситъ* убійцъ разойтись. И

знаете ли почему? Потому что *музыка устала*, та самая музыка, которая играла народный гимнъ... даже во время убійствъ у самыхъ дверей его превосходительства. Еще болѣе замѣчательно,—продолжаетъ защитникъ,—дальнѣйшее поведеніе г-на Волкова, на глазахъ котораго совершаются убійства на площади между синагогой и 1-мъ полицейскимъ участкомъ...“

Предсѣдатель: Прошу васъ не касаться личности Волкова.

Защитникъ подчиняется и переходитъ къ дѣйствіямъ симферопольскаго полицеймейстера Кузьменка. „Довольно,—говоритъ этотъ полицеймейстеръ громиламъ, но не въ началѣ каждаго погромнаго дѣйствія, а по его окончаніи. Объ образѣ дѣйствій этого чиновника разсказываютъ очень интересныя вещи даже свидѣтели полицейскіе. Онъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, заготовляетъ дубины. „Вмѣстѣ съ гражданскимъ полковникомъ Загоскинымъ онъ сбиваетъ евреевъ съ толку... гонитъ ихъ изъ 1-й полицейской части, наслаждаясь убійствами евреевъ у самыхъ парадныхъ дверей этого учрежденія. А передъ вечеромъ 18 октября Кузьменко говоритъ громиламъ: „Спасибо, братцы“,—какъ будто рѣчь идетъ о законченномъ смотрѣ или парадѣ“.

Предсѣдатель: Прошу васъ больше не говорить о Кузьменкѣ.

Айзенштейнъ: Хорошо, я подчиняюсь. Но въ такомъ случаѣ мнѣ нельзя будетъ говорить и о бывшемъ гражданскомъ полковникѣ Загоскинѣ.

Предсѣдатель: Конечно. Какое отношеніе это имѣетъ къ гражданскимъ искамъ?

Уже въ этомъ діалогѣ, въ формѣ еще сравнительно мягкой, опредѣлились отношеніе суда къ гражданскимъ истцамъ и та задача, которую въ восьмидесятыхъ годахъ не только формулировали, но и выполняли передъ судомъ защитники потерпѣвшихъ кн. А. И. Урусовъ и П. А. Андреевскій: всестороннее выясненіе причинъ, вызывающихъ погромныя вспышки и содѣйствующихъ имъ—снималось съ очереди. Задачи „иска“ вводились въ узкіе предѣлы взысканія убытковъ, поле зрѣнія суда болѣе и болѣе ограничивается. „Для насъ важно доказать, что погромъ былъ организованъ,—восклицаетъ въ Кіевѣ г. Кальмановичъ,—дайте же намъ возможность доказать это. Если говорятъ, что евреи оскорбили Государя, — то выслушайте же и наше опроверженіе этого“... Окружный судъ не соглашается. Онъ постановляетъ вызвать новыхъ свидѣтелей по требованію г. Шмакова и отказываетъ въ вызовѣ свидѣтелей другой стороны...

Правда, положеніе суда трагично, какъ трагична и самая русская жизнь... Защитники потерпѣвшихъ пытаются на судѣ схватить нить, которая несомнѣнно протянулась далеко за предѣлы судебной залы... За рядами болѣе или менѣе характерныхъ, болѣе или менѣе безцвѣтныхъ фигуръ погромныхъ статистовъ въ туманной перспективѣ виднѣются фигуры и болѣе сознательныя, и болѣе значительныя. Въ судебный залъ врываются отголоски разоблаченій, которыя съ каѳедры первой Государственной Думы облетѣли весь цивилизованный міръ, всюду вызывая негодующее изумленіе...

Поэтому понятно, что около этого мотива судебная драма достигаетъ наибольшаго напряженія. Суду приходится дѣлать усилія, чтобы локализировать разоблаченія скрытыхъ погромныхъ пружинъ. Предсѣдатели требуютъ, чтобы представители гражданскаго иска не касались роли лицъ, не привлеченныхъ къ суду, чтобы они не говорили объ общихъ причинахъ, чтобы они не касались общихъ условій, вызывающихъ погромы... Идя послѣдовательно этой дорогой, судъ вводитъ разсмотрѣніе дѣлъ въ болѣе и болѣе узкую сферу, замыкаетъ ихъ въ своего рода „черту осѣдлости“. Въ кишиневскомъ, гомельскомъ, бѣлостокскомъ, кіевскомъ процессахъ это достигаетъ апогея. Запрещается, напримѣръ, касаться дѣйствій, происходившихъ за извѣстной чертой: городская черта въ Гомелѣ, площадь у вокзала въ Бѣлостокѣ, не ранѣе и не позже такого-то числа... Все за этими предѣлами рѣшительно устраняется.

Тогда напряженная атмосфера разряжается наконецъ открытымъ конфликтомъ. Въ отчетахъ о процессахъ 80-хъ годовъ читатель встрѣтитъ еще случаи, когда прокуроръ-обвинитель и гражданскій истецъ шли рука объ руку, какъ солидарныя стороны. Послѣ 1905 года мы видимъ, какъ, наоборотъ, дороги короннаго суда, обвинителя и гражданскихъ истцовъ все болѣе и болѣе расходятся, происходитъ рядъ столкновеній, предсѣдатели порой, въ виду чрезвычайной трудности положенія и самой задачи, теряютъ самообладаніе, и напряженіе разрѣшается коллективными отказами представителей потерпѣвшей стороны отъ исполненія своихъ обязанностей. Защитники потерпѣвшихъ оставляютъ залы засѣданій...

Здѣсь я не стану цитировать этихъ заявленій, отсылая читателей къ подлинникамъ, которые онъ найдетъ въ этой книгѣ. При всей сдержанности ихъ формы, при всей корректности ихъ юридическаго стиля—все внутреннее значеніе этого эпилога судебной драмы и весь ея паѳосъ чувствуются ясно. Комментаріи могли бы только ослабить впечатлѣніе.

Повторяю: я далеко не исчерпалъ въ этомъ небольшомъ обобщающемъ очеркѣ содержанія приводимыхъ въ этой книгѣ рѣчей, и мнѣ остается еще разъ рекомендовать ихъ вниманію читателей. Въ заключеніе позволю себѣ указать только еще одну черту этой эпопеи. Въ рядахъ „защиты потерпѣвшихъ" солидарно выступали адвокаты русскіе и евреи. Во время самыхъ погромовъ кровь русскаго Блинова, убитаго въ Житомірѣ, Кравцова и Бердникова (раненыхъ въ Харьковѣ) и еще многихъ и многихъ другихъ—была пролита на защиту избиваемыхъ... „Мы скорбимъ, — говоритъ Н. К. Заболотный во время симферопольскаго процесса, — что въ этой тяжбѣ, гдѣ такъ часто упоминается всуе имя русскаго народа, насъ не судитъ *русскій судъ присяжныхъ*, судъ русской общественной совѣсти".—„*Я, какъ русскій*,—говоритъ прис. пов. Хоментовскій (бѣлостокскій погромъ),—пережилъ въ этомъ процессѣ такія впечатлѣнія стыда и отвращенія, которыя заставили меня густо краснѣть за своихъ соплеменниковъ, занимающихъ скамью подсудимыхъ, и за нѣкоторыхъ свидѣтелей, которымъ мѣсто рядомъ съ ними"... „Сначала, — говорилъ кн. А. И. Урусовъ въ 1882 г., — нѣкоторые, не видавшіе лично погромовъ, утѣшали себя мыслью, будто эта „расправа" имѣетъ какой-то возвышенный и безкорыстный характеръ". Но вскорѣ, по словамъ этого русскаго защитника потерпѣвшихъ, не осталось мѣста такимъ иллюзіямъ. И, дѣйствительно, прозрѣніе касается порой даже самихъ подсудимыхъ. Такъ группа рабочихъ, которая произвела погромъ евреевъ въ Ярцевѣ, явилась на судъ съ раскаяніемъ и заявленіемъ, что они узнали (въ тюрьмѣ!), какъ глубоко несправедливо и позорно было ихъ нападеніе на евреевъ, которыхъ теперь они считаютъ братьями... Кое-гдѣ читатель и въ „рѣчахъ" встрѣтитъ указанія на благоразумныя усилія тѣхъ или другихъ лицъ, въ томъ числѣ, конечно, и властей — полицейскихъ и военныхъ — заступиться за избиваемыхъ, не допустить или прекратить начавшіеся погромы. Въ дѣйствительности ихъ, конечно, было еще больше, и попытки эти, конечно, бывали и успѣшны. Но тамъ, гдѣ погромы уже разыгрались,—не онѣ, къ сожалѣнію, опредѣляли общій тонъ событій.

Въ рѣчи И. П. Лебединскаго (симферопол. процессъ) мы встрѣтили характерную черту, которая запечатлѣлась въ его памяти изъ свидѣтельскихъ показаній. Среди убитыхъ, искромсанныхъ, оскверненныхъ тѣлъ лежали люди, притворившіеся мертвыми, и среди нихъ врачъ Зусмановичъ замѣтилъ *мальчика съ черными глазами*.

Другой свидѣтель установилъ, что въ толпѣ, бѣжавшей съ бульвара и принимавшей участіе въ убійствѣ Ефетовича, были также мальчики-подростки... русскіе.—„Великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель,—продолжаетъ защитникъ,—замѣтилъ, что наша жизнь почти всецѣло окрашивается впечатлѣніями дѣтства. Если такъ,—печально пройдетъ жизнь мальчика съ черными глазами... Печально и будущее этихъ „русскихъ подростковъ“.

А вѣдь они—и ихъ много—ростутъ. И съ ними ростетъ будущее нашей страны. Можно разно смотрѣть на государственныя формы, можно соглашаться или не соглашаться съ защитниками потерпѣвшихъ въ опредѣленіи сложныхъ причинъ погромовъ, можно разно оцѣнивать роль и значеніе національнаго вопроса. Но достаточно быть только неослѣпленнымъ и безпристрастнымъ, чтобы почувствовать, что передъ всѣми, кто не забылъ еще простыхъ и ясныхъ завѣтовъ любви и братства,—стоитъ та самая задача, которую по мѣрѣ силъ стремились выполнить рука объ руку адвокаты евреи и русскіе въ погромныхъ процессахъ. Эта задача — защитить хоть въ будущемъ и этого еврейскаго мальчика съ черными глазами отъ ужаса лежать, притворяясь мертвымъ, среди искромсанныхъ тѣлъ его близкихъ, и этихъ русскихъ подростковъ — отъ ужаса одичанія и озвѣрѣнія.

1908 г.

На Лукьяновкѣ.

(Во время дѣла Бейлиса).

I.

Вагонъ трамвая доставилъ насъ къ церкви св. Ѳеодора на Дорогожицкой, откуда мы пошли по узкимъ, своеобразнымъ улицамъ. Кіевъ вообще стоитъ въ разныхъ плоскостяхъ, но здѣсь, на окраинахъ, эта топографическая особенность становится необыкновенно причудлива. Я теперь понимаю частыя извѣстія, попадающіяся въ газетахъ о приключеніяхъ кіевскихъ бандитовъ, отстрѣливающихся такъ удачно въ этихъ глинищахъ и оврагахъ отъ преслѣдующей ихъ полиціи.

Мы приближаемся къ Лукьяновкѣ, къ знаменитой отнынѣ усадьбѣ Зайцева. Какой-то низкорослый сутулый человѣкъ медлительно подметаетъ улицу передъ домомъ. Фигура показалась мнѣ характерной: „потомственный“ мѣщанинъ стараго города. Мы подходимъ къ нему, отрываемъ его отъ полезнаго занятія, спрашиваемъ дорогу и кстати освѣдомляемся о томъ, какого онъ лично мнѣнія объ убійствѣ Ющинскаго. Онъ кладетъ метлу на лѣвую руку, показываетъ, какъ намъ выйти на Половецкую улицу, и затѣмъ, принимаясь опять за метлу, отвѣчаетъ равнодушно:

— Ну-у... что тутъ... Никто тутъ на Бейлиса не думаетъ... Были такіе, что сдѣлали и безъ жидовъ...

Я пытаюсь спросить о ритуальныхъ убійствахъ вообще, но его этотъ вопросъ, видимо, не интересуетъ. Онъ бормочетъ что-то, и вокругъ него опять начинаетъ клубиться подметаемая пыль...

Этотъ мало сообщительный человѣкъ сразу взялъ ноту, ко-

торая впослѣдствіи являлась господствующей въ отзывахъ другихъ обывателей. Есть люди, которые непремѣнно добиваются рѣшить вопросъ въ корнѣ: можетъ это быть, чтобы евреи вытачивали кровь изъ христіанскихъ дѣтей, или этого никогда не бываетъ? Для сѣраго обывателя въ данномъ случаѣ вопросъ стоитъ не такъ: онъ беретъ только данный фактъ и только въ данныхъ предѣлахъ. Погибъ мальчикъ. Кто-то убилъ, безжалостно и жестоко. Говорятъ, это сдѣлали евреи, потому что имъ нужна будто бы христіанская кровь для мацы. Богъ его знаетъ, — нужна ли? Но въ данномъ случаѣ работали другіе...

Я еще нѣсколько разъ останавливался, спрашивалъ о дорогѣ и задавалъ вопросы. Чѣмъ ближе къ самому мѣсту страшной драмы, тѣмъ эта увѣренность обывателя звучитъ опредѣленнѣе.

Газеты отмѣчали, что во время судебнаго осмотра усадьбы Зайцева по адресу Бейлиса раздавались со стороны сосѣдей голоса привѣта и участія... На судѣ иные тоже кланяются Бейлису.

II.

Мы на углу Верхней-Юрковской и Половецкой. Второй отъ угла двухъэтажный деревянный домикъ. Въ нижнемъ этажѣ надъ дверью вывѣска — „монополія“.

Здѣсь, въ верхнемъ этажѣ, жили супруги Чеберяковы. Онъ мелкій почтовый чиновникъ, безвольный и безличный. Она — особа съ очень ярко выраженной индивидуальностью. У нихъ было трое дѣтей: мальчикъ Женя и двѣ дочери. Одѣвала она ихъ, особенно дѣвочекъ, довольно чисто, „держала, какъ барышень“. Старалась завести знакомства съ сосѣдями, приглашала ихъ къ себѣ, обѣщая интересное общество профессоровъ и врачей. Теперь, если есть что-нибудь въ этомъ дѣлѣ установленное вполнѣ прочно, то это тотъ фактъ, что мнимые профессора и врачи были профессіональные воры. Въ квартирѣ г-жи Чеберяковой былъ извѣстный полиціи воровской притонъ, и сама она осуждена за кражу.

Внизу живетъ сидѣлица монополіи, г. Малицкая. Она утверждаетъ, что въ мартѣ, около дня убійства Ющинскаго, слышала у себя надъ головой сначала дѣтскіе шаги, какъ будто вбѣжалъ ребенокъ. Потомъ шаги взрослыхъ, потомъ дѣтскіе заглушенные стоны и возню. Что-то тащили, и одно время эта возня имѣла такой характеръ, „какъ будто дѣлали мѣрное танцовальное па“. Потомъ что-то пронесли, все стихло. И въ квартирѣ, по показанію другихъ свидѣтелей, нѣкоторое время

царилъ будто бы темный ужасъ. Боялась чего-то Чеберякова, безотчетно пугались гости, приглашенные къ ней ночевать.

Во время судебнаго осмотра здѣсь дѣлали опытъ: вверху стучали и воспроизводили дѣтскіе крики. Внизу слушали.

— Я ничего не слышу, — сказалъ кто-то изъ обвинителей Бейлиса (и, значитъ, защитниковъ Чеберяковой). Но тотчасъ же раздались голоса:

— Слышно, слышно... Совершенно ясно.

Итакъ, по одной версіи, убійство произошло въ этомъ домѣ. Но эта версія не признана оффиціально, къ слѣдствію ни хозяйка квартиры, ни „врачи и профессора", посѣщавшіе Чеберякову, не привлекались...

Противъ дома стоитъ кучка любопытныхъ посѣтителей и какой-то мѣстный житель объясняетъ имъ значеніе этой двухъэтажной коробки въ дѣлѣ, интересующемъ всю Россію.

III.

Мы идемъ за уголъ, по Половецкой... Направо большая прорѣха въ заборѣ и невдалекѣ отъ забора хибарка. Она имѣетъ видъ какой-то опущенности и убогости. Ходъ изъ нея на Нагорную — очевидно для удобства — въ эту прорѣху, замѣняющую калитку. Вообще здѣсь щели, прорѣхи и лазы разнаго рода — дѣло обычное.

Въ хибаркѣ живутъ супруги Шаховскіе. Ихъ профессія — зажигать фонари. Это люди бѣдные и опустившіеся: Шаховскую рѣдко видѣли трезвой. Мужъ ея тоже, выражаясь по старинному, „непрестанно обращается въ пьянствѣ". Кромѣ общей съ женой профессіи фонарщика, — онъ имѣетъ еще другую: ловитъ щегловъ и продаетъ ихъ; какъ всѣ люди этого типа, онъ склоненъ къ созерцанію. Въ житейскихъ разговорахъ, повидимому, довольно безтолковъ. Часто отлучается изъ дома, и зажиганіе фонарей достается на долю жены. Когда Шаховская выходитъ вечеромъ съ лѣстницей на плечахъ, то ея нетвердая походка привлекаетъ ироническое вниманіе мальчишекъ, которые порой ходятъ за ней и благодушно оказываютъ помощь.

По странной ироніи судьбы, этой парѣ, далеко неустойчиво держащейся на собственныхъ ногахъ, довелось служить одной изъ важнѣйшихъ опоръ обвиненія: мужъ и жена первые сболтнули о Бейлисѣ...

Минуемъ усадьбу Шаховскихъ и идемъ дальше. Навстрѣчу безпечной походкой школьниковъ, гуляющихъ въ праздникъ, идутъ двое мальчиковъ-подростковъ. Одинъ въ гимназической шинели. Оба въ такомъ возрастѣ, что легко могли быть то-

варищами Ющинскаго. Мы заговариваемъ, и юноши охотно останавливаются и даже поворачиваютъ съ нами.

Улица дѣлаетъ уголъ и ныряетъ между двухъ откосовъ. Направо къ откосу, отдѣляющему улицу отъ усадьбы Зайцева, лѣпится очень высокій, но очевидно и очень непрочный заборъ, придающій улицѣ мрачный и характерный видъ... Онъ устроенъ странно, какъ бы въ два яруса, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ немъ виднѣются такія же недавнія, какъ и заборъ, заплаты.

— Хотите посмотрѣть „мялья"?—спрашиваетъ нашъ чичероне и указываетъ на щели въ заборѣ. Мы охотно подходимъ и заглядываемъ въ эти щели: о „мялахъ" много говорили въ судѣ.

Въ щель виденъ дворъ кирпичнаго завода, навѣсы, клади кирпича. Невдалекѣ виднѣется вертикальный столбъ, на столбѣ длинный горизонтальный шестъ. Тутъ разводили глину и мяли ее. Для этого къ горизонтальному шесту запрягали лошадь, а внизу прикрѣпляли тяжелыя колеса (кажется, отъ старыхъ лафетовъ). Лошадь шла по наружному кругу, колеса подъ шестомъ бѣгали внутри и мѣсили глину.

Когда не было работы, и цистерна оставалась пуста, — это была отличная карусель... Ребята разгоняли горизонтальный шестъ и вскакивали на него. Это бывало очень весело. Порой выходилъ кто-нибудь изъ завода и прогонялъ веселую стаю...

— Вы тоже катались?—спросилъ я у гимназиста.

— Сколько разъ!

— Зачѣмъ же васъ гоняли оттуда? Кому это вредило?

— Понятное дѣло,—говоритъ онъ тономъ мальчика, начинающаго чувствовать себя взрослымъ,—кирпичи портили.

— Гонялъ Бейлисъ?

— Ничего подобнаго. Когда же ему было самому гонять? На это есть сторожа!

Этому вопросу,—кто гонялъ? гонялъ ли Бейлисъ?—судъ посвятилъ много времени и тонкихъ обслѣдованій. Сами дѣти и большинство свидѣтелей утверждали, что Бейлисъ не гонялъ. Шаховскіе, наоборотъ, первые заявили, что гонялъ. Это послужило исходнымъ пунктомъ обвинительнаго силлогизма: если Бейлисъ гонялъ, то могъ и догнать... Если могъ догнать, то могъ и схватить. Если могъ схватить, то могъ и унести, а дальше, конечно, могъ и выточить кровь. Ну, а могъ,—значитъ и сдѣлалъ.

Первые указали на эти возможности супруги Шаховскіе. Сначала они сказали, что по дѣлу ничего не знаютъ. Потомъ припомнили, что имъ говорила старуха Волкивна, будто она видѣла, какъ за двумя мальчиками гнался человѣкъ съ черной бородой. Потомъ человѣкъ съ черной бородой опредѣлился: это былъ Бейлисъ...

Волкивна—женщина тоже пьяная. Выходитъ, такимъ образомъ, что двое хронически пьяныхъ людей ссылаются на третьяго, тоже нетрезваго... Вдобавокъ Шаховскіе часто мѣняли показанія, а Волкивна не подтвердила ссылки. Она подходила, разговаривала, но о Бейлисѣ ничего не говорилось.

При разговорѣ присутствовало третье лицо — мальчишка, привлеченный, вѣроятно, обычнымъ ироническимъ любопытствомъ къ особамъ, не вполнѣ твердымъ на ногахъ. Его разыскали и спросили. Онъ, дѣйствительно, стоялъ около женщинъ и слушалъ. Но о Бейлисѣ Волкивна ничего не говорила. У слѣдователя и на судѣ супруги Шаховскіе взяли странную ноту. На вопросъ: было ли то-то, они отвѣчаютъ: „Было".—А можетъ и не было?—„Не было". Побившись съ ними нѣкоторое время, слѣдователь г. Фененко, въ рукахъ котораго это дѣло имѣло еще видъ настоящей, а не „ритуальной" слѣдственной процедуры,—махнулъ рукой, не считая возможнымъ арестовать Бейлиса на такомъ шаткомъ основаніи. Г. Машкевичъ, преемникъ г. Фененко, нашелъ, что „для ритуальнаго дѣла" это сойдетъ. И когда вдобавокъ къ Шаховскимъ присоединилась еще семья Чеберяковъ, дѣло окончательно опредѣлилось въ слѣдующемъ видѣ.

Около мяла дѣти щебечутъ, какъ стая птицъ. Бейлису какъ разъ нуженъ младенецъ для мацы. Онъ выходитъ изъ конторы, оглядывается. Цѣлая стайка дѣтей (лѣтъ по 10-ти) катается на мялѣ... Долго ли схватить одного? Бейлисъ кидается, какъ коршунъ, дѣти разлетаются подобно воробьямъ, но онъ продолжаетъ гнаться за двумя. Одинъ изъ нихъ, Женя Чеберякъ, убѣгаетъ, другой, Андрюша Ющинскій, попадаетъ ему въ руки. Вотъ и отлично. Среди бѣлаго дня, при рабочихъ, которые возятъ глину *), Бейлисъ спокойно тащитъ мальчика къ пустой печкѣ, какъ хозяйка несетъ пойманнаго цыпленка: дѣло, очевидно, къ спѣху.

Возможно ли привлеченіе, арестъ и судъ на основаніи обвиненія, исходящаго изъ такихъ предпосылокъ? Г-нъ Фененко отъ нихъ отказывается. Г-нъ Машкевичъ ихъ принимаетъ. Бейлиса арестуютъ.

Мы живемъ въ странныя времена. Недавно, въ связи съ тѣмъ же дѣломъ Бейлиса, въ Государственной Думѣ депутатъ Марковъ живописалъ слѣдующую яркую картину. Дѣти въ яркій солнечный день играютъ въ садикѣ, не чуя бѣды... Но вотъ къ нимъ (среди бѣлаго дня!) уже „подкрадывается еврейскій рѣзникъ съ кривымъ ножомъ (!) и, намѣтивъ рѣзвящагося на солнышкѣ ребенка, тащитъ къ себѣ въ подвалъ".

*) Установлено документально.

Большинство депутатовъ хохотали. Тогда „ораторъ“ сталъ прямо грозить погромомъ. И это, конечно, было единственное мѣсто рѣчи, въ которомъ звучало хотя нѣкоторое правдоподобіе.

Картина, изображенная г. Марковымъ, стала чѣмъ-то вродѣ эпиграфа къ дѣлу, торжественно разбирающемуся теперь на глазахъ у всей Россіи: г. Машкевичъ опять вызвалъ Шаховскихъ, опять получилъ отъ нихъ (кажется, въ одинъ день) три противорѣчивыхъ отвѣта. Показанія Шаховскихъ были подкрѣплены не менѣе достовѣрными показаніями, исходящими изъ дома Чеберякъ. И это главное, что имѣется о Бейлисѣ по этому дѣлу! Остальное касается цадиковъ, хасидовъ, страшныхъ рѣзниковъ съ кривыми ножами, которые сторожатъ „играющихъ на мялѣ дѣтей“, и тому подобныхъ мотивовъ въ чисто марковскомъ вкусѣ... Цѣлыя засѣданія проходятъ даже безъ упоминанія имени Бейлиса...

IV.

Тонъ былъ данъ. Изъ двухъ мѣстъ, о которыхъ говорили въ связи съ дѣломъ Бейлиса, вниманіе правосудія повернулось рѣшительно въ сторону усадьбы Зайцева. Двухъэтажный домъ на Юрковской взятъ подъ защиту, и сомнѣваться въ его благонадежности стало прямо опасно. Въ показаніяхъ Шаховского одинъ только разъ на судѣ мелькнуло что-то новое. На вопросъ, почему онъ не хочетъ сказать правды, онъ отвѣтилъ угрюмо:

— Всякому жизнь мила... Меня уже били...

— Кто, кто васъ билъ?—встрепенулись гражданскіе истцы.— Васъ били евреи?..

— Нѣтъ, не евреи...

Господа Мищукъ и Красовскій посильнѣе Шаховского. И, однако, стоило имъ только повернуть испытующій взглядъ къ двухъэтажному дому, на который указывала молва Лукьяновки, и они потерпѣли полное крушеніе. Опасно было сомнѣваться въ невинности „врачей и профессоровъ“, посѣщавшихъ Чеберякову... Когда я былъ въ судѣ, — я видѣлъ г-на Красовскаго уже въ штатскомъ платьѣ и въ очень щекотливомъ положеніи: господа „обвинители“ настойчиво, упорно и не особенно тонко старались внушить присяжнымъ, что онъ не просто бывшій полицейскій, а мрачный злодѣй, отравившій при помощи пирожнаго дѣтей Чеберяковой...

Въ ритуальномъ дѣлѣ можно, очевидно, такъ „свободно“ обращаться со свидѣтелями, ничѣмъ въ сущности не опороченными.

За то надъ домомъ, гдѣ жила семья Чеберяковыхъ, на глазахъ у Лукьяновки какъ будто рѣетъ нѣкое невидимое па-

тріотическое знамя... Въ судѣ происходятъ приблизительно слѣдующіе интересные діалоги:

— Скажите, свидѣтель, вы, не правда ли, 12 марта были заняты?

— Да, былъ занятъ,— отвѣчаетъ свидѣтель, приведенный подъ конвоемъ.

— Вы въ то время взламывали магазинъ Адамовича?

— Да, взламывалъ...

— И у васъ не оставалось времени для другихъ дѣлъ?..

— Не оставалось... былъ занятъ...

Конечно, нельзя утверждать положительно, что вполнѣ правильны всѣ подробности о подозрительномъ топотѣ, о „танцовальныхъ па“ надъ головой Малицкой, о паническомъ ужасѣ Дьяконовыхъ, о томъ, наконецъ, что убійство произведено именно данными лицами при участіи Чеберяковой... Все это могло бы быть установлено или отвергнуто только судомъ... Нельзя, однако, не считать чрезвычайно своеобразнымъ положеніе, при которомъ приходится защищать отъ судебнаго вниманія тяжко заподозрѣнныхъ лицъ при помощи такихъ экстраординарныхъ аргументовъ...

На Лукьяновкѣ тоже чувствуется это заштемпелеванное отношеніе къ посѣтителямъ и жильцамъ двухъэтажнаго дома на Юрковской...

Пока мы смотримъ въ щели забора, — къ намъ по Половецкой подходятъ одинъ за другимъ новые любопытные. Сегодня воскресенье. Пріѣзжаютъ изъ города... Наша кучка становится все больше. Подходятъ, смотрятъ въ щели и молчатъ. Что-то, очевидно, мѣшаетъ общему простому и довѣрчивому разговору. Я нарочно не начинаю, чтобы услышать непосредственное мнѣніе. Они молчатъ, потому что не знаютъ другъ друга, а предметъ, очевидно, считается щекотливымъ.

Такъ шло до тѣхъ поръ, пока не подошелъ къ нашей компаніи человѣкъ въ длинномъ пальто и котелкѣ, полу-мѣщанскаго, полу-чиновничьяго типа. Это былъ, очевидно, человѣкъ экспансивный, подвижной и не робкій. Въ нашу молчаливую компанію онъ врѣзался, какъ большой шмель въ стайку мухъ, прошелъ къ забору, посмотрѣлъ въ щель и, повернувшись, сказалъ:

— Ну, только я прямо говорю: тутъ жиды столько же работали, какъ и я.

V.

Это сразу разрѣшило настроеніе, и дальше мы пошли вмѣстѣ, громко разговаривая, дѣлясь впечатлѣніями и жестикулируя.

— Вы знали Ющинскаго?—спросилъ я у гимназиста и его спутника.

— А какъ же! Пріятели были. И Женю Чеберякъ, и Валю, и Люду... Вонъ тамъ, направо,—гофманская печь, куда Бейлисъ, будто бы, потащилъ Андрюшу!

— Да, среди бѣлаго дня... — замѣчаетъ кто-то изъ старшихъ...—Что-жъ онъ думалъ: другіе дѣти не скажутъ?

— Конечно.

Вообще, мнѣніе дѣтей ярко и опредѣленно. Это было замѣтно и на судѣ. Ни одинъ изъ свидѣтелей-ребятъ не далъ показаній противъ Бейлиса. Ни одинъ не повторилъ, будто Бейлисъ гонялъ ихъ съ мяла и поймалъ Андрюшу. На судѣ былъ такой эпизодъ. Какой-то бутузъ говоритъ противъ г-жи Чеберякъ. Г-жа Чеберякъ женщина цыганскаго типа, съ жгучими черными глазами. На очной ставкѣ она потребовала, чтобы мальчикъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Пусть онъ смотритъ мнѣ въ глаза... Пусть смотритъ въ глаза,—говорила она настойчиво и страстно. Но дѣтскіе глаза свободно устремились въ ея лицо, и мальчикъ сказалъ просто:

— Я васъ не боюсь...

Мнѣ разсказывали еще другой случай: вызвана дѣвочка. Предсѣдатель спрашиваетъ, знаетъ ли она Бейлиса? Дѣвочка нѣсколько смущена и растеряна. Она ищетъ глазами и вдругъ встрѣчается съ взглядомъ Бейлиса. Лица обоихъ освѣщаются улыбками добрыхъ знакомыхъ. Дѣвочка кланяется „страшному“ Бейлису, который гонялъ съ „мяла“ и ловилъ дѣтей на мацу. Ни прокуроръ, ни гражданскіе истцы не задерживаютъ эту явно для нихъ безнадежную свидѣтельницу.

Да, дѣти рѣшительно за Бейлиса...

Есть, впрочемъ, смутныя показанія, — и то запоздалыя и загробныя,—о Бейлисѣ и о томъ, что онъ гнался за Ющинскимъ. Это сказалъ Женя Чеберякъ, и это показаніе суду доставилъ г. Голубевъ, извѣстный дѣятель „Двуглаваго Орла“. То же говорила на судѣ Люда Чеберякъ подъ взглядами матери. Она сама не видала. Ей говорила покойная сестра Валя...

Передъ смертью сына г-жа Чеберякъ наклонялась надъ нимъ, цѣловала его и умоляла:

— Скажи, что твоя мама тутъ не при чемъ...

Но мальчикъ отвернулся къ стѣнѣ и сказалъ только:

— Ахъ, мама, оставь...

Я не знаю теперь въ Россіи женщины несчастнѣе г-жи Чеберякъ. И она проявляетъ изумительное самообладаніе... Во всякомъ случаѣ, это фактъ изъ дѣла неустранимый: дѣти за Бейлиса.

VI.

Мы огибаемъ заборы зайцевской усадьбы, проходимъ мимо усадьбы Марра и подымаемся на пустырь, поросшій лѣсомъ.

Это усадьба Бернера и „Загоровщина“, куда такъ влекло Андрюшу вмѣсто училища. И, дѣйствительно, трудно представить себѣ мѣсто, болѣе привлекательное для дѣтей. Гора широкимъ склономъ спускается къ Кирилловской улицѣ. Внизу, за ней, точно на планѣ, лежитъ чей-то кирпичный заводъ; видны навѣсы, высокія трубы и „мяла“. За заводомъ — широкая синяя даль, подернутая легкой дымкой, луга, излучины Почайны и далеко, на самомъ горизонтѣ, прерывистая лента Днѣпра. Луговой и днѣпровскій вѣтеръ налетаетъ сюда широкими, ласковыми взмахами.

Это мѣстечко видѣло и Андрюшу Ющинскаго, и Женю, и дѣвочекъ Чеберякъ, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Андрюша убитъ, Женя и Валя умерли отъ дизентеріи...

— Сколько разъ мы тутъ играли! — говоритъ гимназистъ подъ вліяніемъ нахлынувшихъ воспоминаній.

— Андрюша былъ хорошій товарищъ?—спрашиваю я.

— Очень хорошій. Бывало, играемъ съ нимъ въ солдатики, или во что другое, — всегда все возвратитъ, никогда ничего не утащитъ.

Меня нѣсколько удивила мѣрка нравственности въ этой молодой компаніи, и я спросилъ невольно:

— А Женя Чеберякъ?

— Женя таскалъ... И потомъ станетъ спорить: „мое“.

— А очень способный былъ!.. Пушки умѣлъ отливать! Сдѣлаетъ въ пескѣ форму, растопитъ олово и выльетъ пушку... Ей-Богу! Все умѣлъ сдѣлать...

— Но былъ вспыльчивый. Чуть что,—сейчасъ драться.

— Бывало, пристанетъ: давай, поборемся. Я говорю: уходи къ чорту...—Нѣтъ, давай! Ну, я его разъ такъ стиснулъ, что онъ только запищалъ.

Юноша расправляетъ плечи, какъ будто съ удовольствіемъ вспоминая о расправѣ съ задорнымъ товарищемъ и забывая, что этого товарища уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Ну, а дочери Чеберяковой?—спрашиваю я...

— Дѣвочки ничего... Хорошо себя держали...

— Вы съ ними тоже играли?

— А какъ же, очень часто...

Другой улыбается улыбкой взрослаго надъ недавнимъ дѣтствомъ и говоритъ:

— Даже ухаживали немного... Дѣвочки были хорошія.

Здѣсь, на Загоровщинѣ, разыгрался и эпизодъ съ прутиками... Нѣкоторые свидѣтели показываютъ, что Андрюша и Женя вырѣзали по прутику. Прутикъ Андрюши оказался лучше, и Женя заявилъ на него претензію. Андрюша не отдалъ. Женя погрозилъ: — „Я скажу твоей матери, что ты не учишься, а ходишь сюда".

И у Андрюши сорвались роковыя слова:

— А я скажу, что у васъ въ квартирѣ притонъ воровъ...

Сказалъ и очевидно забылъ, и опять прибѣжалъ вмѣсто школы на Лукьяновку... Но злопамятный Женя не забылъ и передалъ матери, конечно, не думая о страшныхъ послѣдствіяхъ этого для товарища. Можетъ быть, во всемъ ужасномъ объемѣ не думала и Чеберякова... Но въ это время въ „работѣ" компаніи часто стали случаться неудачи: Чеберякову разъ, другой, третій арестовали, дѣлали обыски, нашли краденыя вещи, таскали по участкамъ... А законы этой среды въ такихъ случаяхъ ужасны...

И вотъ, Малицкая утверждаетъ, что она слышала наверху возню и топотъ, и сдавленный дѣтскій крикъ...

Гипотезы въ этомъ родѣ невольно возникаютъ на лукьяновской почвѣ между заводомъ Зайцева и двухъэтажнымъ домомъ на Юрковской улицѣ...

— Для изслѣдованія вы изволили взять шесть образчиковъ глины,—спрашиваетъ на судѣ одинъ изъ защитниковъ у эксперта г. Туфанова. — И всѣ шесть съ завода Бейлиса?

— Да.

— И тожества ни въ одномъ не оказалось... А со двора Чеберяковыхъ глину брали?

— Нѣтъ, не брали...

— А! Не брали,—подчеркиваетъ защита.

Этого мотива невозможно устранить изъ этого поистинѣ страннаго дѣла... Все оно пресыщено такими вопросами и сомнѣніями...

Среди разговоровъ мы минуемъ большой глинистый курганъ, поросшій травой... Въ немъ виднѣется пещера.

— Нѣтъ,—это еще не та...

Та оказывается въ нѣсколькихъ шагахъ дальше, тамъ, гдѣ начинается склонъ къ Кирилловской улицѣ и приднѣпровскимъ лугамъ. Холмикъ разрытъ... Видна обнаженная глина. Два дерева выросли на вершинѣ холма, соединенныя корнями. Подъ этими корнями зіяетъ темный ходъ, довольно круто, корридоромъ уходящій вглубь. Въ концѣ этотъ корридоръ пересѣченъ узкимъ и короткимъ ходомъ накрестъ, какъ дѣлаютъ обыкно-

венно кладоискатели... Въ одномъ изъ концовъ этого креста и нашли прислоненнымъ въ темномъ углу тѣло несчастнаго Андрюши Ющинскаго... Первая опознала его Чеберякова...

— Въ пещерѣ темно, а она опознала по шитой рубашкѣ,— иронически замѣчаетъ одинъ изъ юношей... Но это уже можетъ быть бытовая легенда Лукьяновки.

VII.

Назадъ мы возвращались болѣе краткимъ путемъ, наискось съ горки, на Нагорную улицу. Влѣво уходила Половецкая улица съ ея высокимъ заборомъ и глинистымъ откосомъ. Коегдѣ, утопая въ этомъ мрачномъ и пустынномъ проѣздѣ, виднѣются фонари, которые зажигали Шаховскіе. Страшно, должно быть, здѣсь въ темныя весеннія ночи даже при свѣтѣ этихъ фонариковъ. И воображеніе невольно рисуетъ такую мрачную ночь и вѣтеръ, свистящій на Загоровщинѣ въ голыхъ деревьяхъ, и темныя фигуры людей, несущихъ таинственную ношу...

Кто же, кто сдѣлалъ это ужасное дѣло?

На горку, точно на богомолье, идутъ однѣ за другими кучки людей. Поднимаются двумя рядами дѣвочки школьницы, идутъ горожане, чиновники, торговцы, мѣщане... Вотъ мы встрѣчаемся съ одной кучкой, громко и возбужденно обсуждающей что-то. Они спрашиваютъ у насъ дорогу къ пещерѣ.

— Ну, вотъ, господа,—говорю я безъ дальнихъ приступовъ,— вы кіевляне. Скажите же, что вы думаете объ этомъ дѣлѣ?

— То-то, что вотъ... милостивый государь,—говоритъ одинъ возбужденно.—Не знаемъ, что и думать. Еще недавно казалось намъ одно... Ну, теперь выходитъ совершенно наоборотъ...

Компанія, очевидно, до извѣстной степени черносотенная, но и для добросовѣстной черносотенной массы истина становится все болѣе очевидной. На одной сторонѣ чувствуется живая, бытовая правда. Свѣтитъ солнце, играютъ дѣти, рѣжутъ прутики, ссорятся, жалуются другъ на друга, но дѣтски грозятъ... Двухъэтажное зданіе на Верхней Юрковской улицѣ кидаетъ тоже совершенно реальную тѣнь на мирную картину. Его посѣщаютъ люди вполнѣ опредѣленнаго склада и профессіи, близость съ которыми для дѣтей всегда опасна. Здѣсь изобрѣтаются планы воровства, ночныхъ набѣговъ и разгромовъ...

На другой сторонѣ фантастическій бульварный романъ, безъ всякой прочной связи съ бытовой обстановкой и реальной жизнью.

— Какъ вы думаете, — спросилъ я у своего спутника, интеллигентнаго кіевскаго жителя, — кому слѣдовало бы судить несчастнаго Бейлиса?

— Я поручилъ бы судить его лукьяновцамъ, — отвѣтилъ онъ.

Черезъ полчаса вагонъ несъ насъ по улицамъ современнаго Кіева, съ красивыми домами, вывѣсками, газетами и электричествомъ. А въ душѣ стояло ощущеніе XVI-го столѣтія.

1913 г.

Бейлисъ и мултанцы.

I.

Въ засѣданіи кіевскаго суда 18 октября, между другими интересными разговорами, вызванными психіатрической экспертизой, произошелъ и разговоръ о памятномъ мултанскомъ дѣлѣ. Г. прокуроръ спросилъ у проф. Бехтерева: „Не приходилось ли ему въ судебной патологіи встрѣчать указаній на человѣческія жертвоприношенія вотяковъ въ мултанскомъ дѣлѣ". По самой формѣ вопроса выходило, что таковое жертвоприношеніе было въ дѣйствительности и должно бы быть занесено въ учебники судебной патологіи. По этому поводу г. Грузенбергъ попросилъ предсѣдателя удостовѣрить, что мултанцы были оправданы судомъ. На это г. Замысловскій съ своей стороны замѣтилъ совершенно справедливо:

— А я заявляю, что оправдательный приговоръ послѣдовалъ послѣ двухъ обвиненій...

Упоминаніе о мултанскомъ дѣлѣ по поводу дѣла Бейлиса было совершенно естественно: по существу обвиненія родственны. До такой степени родственны, что обвинитель вотяковъ началъ свою первую рѣчь съ категорическаго заявленія: „Извѣстно, что евреи употребляютъ христіанскую кровь для пасхальныхъ опрѣсноковъ". А обвинители Бейлиса заявляютъ:

— Извѣстно и должно бы быть занесено въ учебники, что мултанскіе вотяки принесли въ жертву человѣка.

Мнѣ кажется, однако, что со стороны обвинителей это шагъ нѣсколько неосторожный. Вѣдь если для насъ, обывателей, публицистовъ, партикулярныхъ людей, истина далеко не всегда „есть результатъ судоговоренія" (выраженіе Щедрина), то для прокурора въ засѣданіи суда судебный приговоръ, прошедшій всѣ инстанціи, долженъ бы, кажется, имѣть значеніе нѣсколько большее, чѣмъ, напримѣръ, экспертиза г. Пранайтиса. И едва ли такимъ приговорамъ дозволительно придавать въ глазахъ присяжныхъ значеніе, прямо противоположное ихъ буквальному смыслу.

Обвинители, во время оживленнаго обмѣна мнѣній съ защитой, сослались, кажется, на книгу Штрака. Хотя книга эта („Кровь въ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ человѣчества") очень почтенная, и едва ли обвинители Бейлиса съ такой же готовностью примутъ всѣ остальные ея тезисы,—но все же намъ кажется, что приговоръ русскаго суда для оффиціальныхъ представителей правосудія компетентнѣе даже цитаты изъ этой книги.

Вообще съ этой цитатой произошла исторія довольно забавная. Она показываетъ, до какой степени трудна борьба съ предразсудками и съ какой легкостью, разъ уничтоженные, они оживаютъ въ умахъ людей, предрасположенныхъ къ этой психіатрической инфекціи.

Мултанскихъ вотяковъ обвиняли въ томъ, что они въ неурожайный годъ рѣшились умилостивить „злого Бога Курбона" принесеніемъ въ жертву „двуногаго". Первыя свѣдѣнія объ этомъ новомъ божествѣ доставилъ обвиненію одинъ изъ урядниковъ. Если не ошибаюсь, фамилія этого ритуальнаго эксперта-этнографа—Соковниковъ. Къ просвѣщенной экспертизѣ этого урядника обвиненіе отнеслось съ трогательнымъ довѣріемъ, и свирѣпый Курбонъ водворился въ обвинительный актъ. За принесеніе ему человѣческой жертвы не только судили, но и осудили дважды семь человѣкъ...

Между тѣмъ, на дѣло обратила вниманіе печать, ученые этнографы и судебная медицина. Отъ этого прежде всего пострадалъ знаменитый Курбонъ. Оказалось (съ такими господами это случается частенько), что сей Курбонъ — просто самозванецъ и никакимъ, даже номинальнымъ бытіемъ на семъ свѣтѣ не пользуется. Самое слово „Курбонъ" значитъ только молитва или мѣсто моленія (сравни мусульманское Курбанъ-Байрамъ). По этой причинѣ даже обвинитель вынужденъ былъ отказаться отъ этого продукта урядницкой этнографіи, и бѣдный Курбонъ подвергся позорному изгнанію изъ дѣла. Въ своемъ отечествѣ онъ пересталъ пользоваться вниманіемъ даже въ глазахъ тогдашнихъ ритуалистовъ.

Но лукавый силенъ. Въ промежуткѣ между возникновеніемъ дѣла и окончательнымъ оправданіемъ вотяковъ хитрый Курбонъ успѣлъ пробраться за границу.

Образъ этого оригинальнаго вотскаго демона и вся картина принесенія ему фантастической жертвы поразила воображеніе иностранцевъ, какъ яркій бульварный романъ, подтвержденный авторитетомъ русскаго суда! Иностранцы пріютили изгнанника. О „свирѣпомъ духѣ" заговорили даже въ лондонскомъ антропологическомъ обществѣ, гдѣ онъ именовался „The evil spirit Courbane". Даже послѣ того, какъ выяснилась совер-

шенная неосновательность обвиненія, и вотяки были окончательно оправданы,—проходимецъ все еще путешествовалъ за границей, втихомолку пробираясь даже на страницы ученыхъ трудовъ. Такъ, онъ проникъ и въ прекрасную книгу Штрака, гдѣ и пріютился въ нѣсколькихъ строчкахъ (стр. 37 — 38). Съ переводомъ этой книги на русскій языкъ Курбонъ опять вернулся на родину. А такъ какъ извѣстно, что назначеніе злыхъ духовъ сѣять заблужденія и содѣйствовать всячески искаженію истины, то здѣсь, при содѣйствіи г. прокурора, онъ внезапно вынырнулъ въ залѣ кіевскаго окружнаго суда, въ удобной для себя атмосферѣ, между экспертизой проф. Сикорскаго и ритуальными разсказами патера Пранайтиса. Эта духовная особа находитъ, какъ извѣстно, что, „устранивъ чудесное, мы ничего не можемъ понять въ этомъ дѣлѣ“. Ну, вотъ—Курбонъ и оказался тотчасъ же къ услугамъ кіевскаго правосудія для болѣе яснаго пониманія дѣла Бейлиса.

II.

Какъ бы то ни было, бѣдные мултанцы рѣшительно ускользнули съ поля зрѣнія не только проф. Сикорскаго, которое вообще фантастично и туманно, но и проф. Бехтерева, который то, что есть въ его области, — видитъ съ полною ясностью. На страницы учебниковъ „судебной патологіи“ попадаютъ только преступники, а мултанцы оправданы при такихъ условіяхъ, что сомнѣваться въ правильности оправдательнаго приговора невозможно. Мултанскіе вотяки — не еврейскіе „банкиры“ и не „капиталисты“, о которыхъ говорилъ г. Сикорскій; они не имѣютъ претензій вліять на міровые денежные рынки и не держатъ „въ своихъ рукахъ всѣ правительства“. Они только бѣдные земледѣльцы, которымъ довелось попасть въ руки властей, одержимыхъ неодолимымъ желаніемъ раскрыть во что бы то ни стало ритуальное преступленіе.

Но если бѣдные вотяки не годятся такимъ образомъ въ объекты судебной психологіи, то это не значитъ всетаки, что и все мултанское дѣло не является поучительнымъ. Во всякомъ процессѣ неизбѣжно есть двѣ стороны: одна—обвиняемые, другая—обвинители. Обвиняемые мултанцы въ объекты криминальныхъ наблюденій не годятся. Они не преступники. Остаются, значитъ, гг. обвинители.

Это, кажется, ясно. Г. Замысловскій справедливо и весьма кстати замѣтилъ, что всетаки мултанцы были дважды осуждены. Въ данныхъ обстоятельствахъ, это значитъ, что дважды удалось добиться у присяжныхъ обвиненія невинныхъ людей.

А это уже эпизодъ несомнѣнно судебно-психіатрическій,

указывающій на серьезное въ данномъ случаѣ заболѣваніе самаго правосудія, отчасти близкій къ криминалу.

Съ этой точки зрѣнія мултанское дѣло поучительно въ высочайшей степени, и я радъ, что могу этими фактическими поясненіями дополнить упоминанія о немъ гг. обвинителей Бейлиса. При томъ и симптомы заболѣванія констатированы точно и ясно частью даже въ сенатскихъ рѣшеніяхъ. Я позволю себѣ поэтому привести здѣсь нѣкоторыя характерныя черты изъ скорбнаго листа, какъ онъ гласитъ по мултанскому дѣлу.

Болѣзнь начинается съ чрезвычайной воспріимчивости къ темнымъ толкамъ, зарождающимся въ самыхъ непросвѣщенныхъ слояхъ общества. Легковѣріе достигаетъ такой степени, что судебные дѣятели съ высшимъ образованіемъ принимаютъ на вѣру экспертизу урядниковъ, и слово, означающее молитву, кощунственно превращаютъ въ судебныхъ актахъ въ темнаго и злого духа.

Дальнѣйшій ходъ болѣзни сопровождается нѣкоторыми проявленіями жестокости и склонностью къ извращенію законныхъ пріемовъ слѣдствія. Въ дѣлѣ установлено оффиціально, что полиція (дѣйствіями которой энергично руководилъ товарищъ прокурора) производила насилія надъ свидѣтелями, запугивала ихъ и даже вынуждала свидѣтелей-христіанъ къ кощунственной присягѣ надъ дугой и чучеломъ медвѣдя (тоже результатъ урядницкой этнографіи!).

Еще дальше проявляется удивительное ослѣпленіе слѣдственныхъ и полицейскихъ властей, мѣшавшее имъ видѣть настоящихъ преступниковъ, и странная благосклонность къ свидѣтелямъ уголовнаго типа. Въ мултанскомъ дѣлѣ это дошло до уничтоженія слѣдовъ преступленія, вслѣдствіе чего преступники фигурировали на судѣ въ роли „благонадежныхъ свидѣтелей“.

Затѣмъ обнаруживается неодолимое тяготѣніе къ глухимъ угламъ и присяжнымъ самаго сѣраго состава. Не смотря на прямыя требованія сената, судьи всѣ три раза вдвигали разбирательство въ предѣлы того же глухого края, гдѣ присяжные почти сплошь состояли изъ крестьянъ (проявляется своего рода интеллекто-боязнь).

Во время самаго разбирательства замѣчается, во-первыхъ, непомѣрное вліяніе на судъ прокуратуры (особенно подчеркнуто сенатомъ), и во-вторыхъ, предпочтеніе обвинительныхъ показаній передъ противоположными. Эта болѣзненная склонность проявилась въ формѣ очень сильной и чрезвычайно упорной: воспользовавшись тѣмъ, что темные вотяки пропустили семидневный срокъ, сарапульскій судъ отказалъ въ вызовѣ всѣхъ свидѣтелей защиты. Сенатъ пытался дважды вернуть судей къ здоровымъ взглядамъ на права подсудимыхъ, но усилія

остались тщетны. Всѣ три разбирательства (даже то, когда мултанцы оправданы) прошли безъ единаго свидѣтеля защиты...

Если прибавить, что во время самаго разбирательства защитѣ пришлось вскрыть, въ присутствіи присяжныхъ засѣдателей, четыре *подлога въ обвинительномъ актѣ* и *одинъ подложный планъ*, приложенный къ дѣлу оффиціально, — то тяжелая картина „ритуальной“ болѣзни суда предстанетъ въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Послѣдствія отмѣчены г. Замысловскимъ: это было двукратное обвиненіе невинныхъ!

Таковы судебно-патологическія данныя, которыя установлены точно въ мултанскомъ дѣлѣ, призываемомъ нынѣ обвиненіемъ, какъ вспомогательный матеріалъ въ дѣлѣ Бейлиса. Отсюда, надѣюсь, ясно, что симптомы болѣзни, подлежащей внесенію въ учебники судебной патологіи, коренились въ данномъ случаѣ не въ каннибализмѣ среды, а въ серьезномъ уклоненіи правосудія отъ здороваго органическаго состоянія. Не знаю, какъ квалифицируетъ эту болѣзнь судебная медицина. Мнѣ кажется, однако, что для нея очень подходило бы названіе mania ritualis.

Болѣзнь не новая. Были вѣка, когда она съ страшною силой охватывала цѣлые мѣстности и народы. Подъ вліяніемъ такого именно психо-юридическаго настроенія—сотнями возникали въ средневѣковой Европѣ процессы еретиковъ, колдуновъ и вѣдьмъ. Это былъ уже настоящій и очень тяжелый психозъ, длившійся вѣка. Приговоры постановлялись по всѣмъ правиламъ тогдашней юриспруденціи, и въ одной Германіи въ теченіи XVI и XVII столѣтій сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ. Изувѣрскіе суды считали признаніе, добытое пытками, доказательствомъ „болѣе очевиднымъ, чѣмъ сама истина“. На кострахъ гибли иной разъ „вѣдьмы“, обвиненныя въ умерщвленіи дѣтей, которыя оказывались живы и невредимы (какъ это нынѣ то и дѣло случается съ дѣтьми, которыхъ яко-бы убиваютъ евреи). Психическая зараза достигала такой интенсивности, что доносы поступали отъ мужей на женъ, отъ братьевъ на сестеръ. И наконецъ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ судей, авторъ книги „Daemonolatria“, Ремигій, дошелъ до такого изступленія, что вообразилъ себя одержимымъ, донесъ на самого себя и далъ себя сжечь на кострѣ.

Время было жестокое и полное суровой, хотя и темной искренности. Разумѣется, въ наши просвѣщенные дни нельзя опасаться, что это патологическое состояніе можетъ принять такія ужасныя, самоистребительныя формы, опасныя для господина товарища прокурора и гг. частныхъ обвинителей. Нельзя, однако, отрицать, что и въ формахъ менѣе острыхъ, обращенныхъ лишь на третьихъ лицъ,—такая болѣзнь способна навести на самыя тревожныя размышленія.

1913 г.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И РЕЦЕНЗІИ.

И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе".

(Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія *).

„Это былъ какой-то всепоглощающій, ничѣмъ непобѣдимый сонъ, истинное подобіе смерти. Все мертво, только изъ всѣхъ угловъ несется разнообразное храпѣнье на всѣ тоны и лады.

„Изрѣдка кто-нибудь вдругъ подниметъ со сна голову, посмотритъ безсмысленно, съ удивленіемъ, на обѣ стороны и перевернется на другой бокъ или, не открывая глазъ, плюнетъ спросонья и, почавкавъ губами или проворчавъ что-то подъ носъ себѣ,—опять заснетъ.

„А другой быстро, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, вскочитъ обѣими ногами съ своего ложа, какъ будто боясь потерять драгоцѣнныя минуты, схватитъ кружку съ квасомъ и, подувъ на плавающихъ тамъ мухъ такъ, чтобы ихъ отнесло къ другому краю,—отчего мухи, до тѣхъ поръ неподвижныя, сильно начинаютъ шевелиться, въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія,—промочитъ горло и потомъ падетъ опять на постель, какъ подстрѣленный".

Я не буду продолжать этихъ выписокъ. Всякій русскій читатель хорошо помнитъ эту изумительную картину сна, отъ которой вѣетъ настоящимъ соннымъ кошмаромъ, которая угнетаетъ воображеніе, опутываетъ умъ какими-то частыми, клейкими, вяжущими нитями, гипнотизируетъ и подавляетъ волю. Читаешь и чувствуешь, что личные мускулы сжимаются, подходитъ невольная судорожная зѣвота...

Знаменательна при этомъ небольшая деталь: мухи въ кувшинѣ съ квасомъ. Онѣ уже заснули мертвымъ сномъ въ медленно убивающей тепловато-кислой гущѣ... Кто-то спросонья подулъ на нихъ и... онѣ начинаютъ шевелить ножками „въ надеждѣ на улучшеніе своего положенія". Напрасно: тотъ, кто на время привелъ въ движеніе убивающую ихъ среду,—сдѣлалъ это лишь спросонья, и опять его могучій храпъ носится надъ ихъ полусонной агоніей...

*) Эта статья предназначалась въ I томъ, вмѣстѣ съ другими статьями того же характера. По случайнымъ причинамъ—она помѣщается здѣсь.

Гончаровъ былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ реалистовъ гоголевской школы, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его творчествѣ часто прорывался символизмъ. Порой намѣренный и потому не особенно удачный, порой художественно-безсознательный, какъ въ этой детали. Эта картина мушиной агоніи поразительно оттѣняетъ все изображеніе: является представленіе о чемъ-то еще живомъ, способномъ летать, но уже умирающемъ въ атмосферѣ неподвижнаго зноя и кошмарнаго сна. „А ребенокъ все наблюдалъ и наблюдалъ“... И вы чувствуете, что дѣтская душа тоже безпомощно бьется, пытаясь взлетѣть надъ этимъ царствомъ сна, но тонкія нити уже опутываютъ липкою сѣтью дѣтскую душу... Это—исторія и Обломова, и Адуева, и Райскаго... Это, наконецъ, символическая картина всего дореформеннаго (и отчасти и пореформеннаго) русскаго строя. Обломовка—его геніальная иллюстрація, навѣки засосанный ею Обломовъ—его типическій продуктъ, Гончаровъ—его пѣвецъ, изобразитель и сатирикъ.

Гончаровъ признавалъ, что Добролюбовъ вѣрно объяснилъ ему значеніе его собственнаго творчества. „Обломовъ“—страшная сатира. Но Гончаровъ, изображая ее, не чувствовалъ себя сатирикомъ. Для сознательной сатиры нуженъ паѳосъ или хоть лиризмъ отрицанія, ненависти, смѣха. У Гончарова для всей описываемой имъ жизни была только симпатія и любовь... „Можетъ быть,—пишетъ онъ („Лучше поздно, чѣмъ никогда“),—мои лица кажутся другимъ не такими, какъ я понималъ ихъ... потому еще, что въ нихъ сквозитъ много близкаго и родного автору, и замѣтно пробивается кровная любовь къ нимъ“.

Гончаровъ скромничалъ: онъ долженъ былъ бы хорошо знать, что большинство выведенныхъ имъ лицъ отличаются поразительной рельефностью. Онъ приписываетъ это своей любви къ изображаемому быту и говоритъ далѣе о томъ, что такая любовь къ изображаемому необходима всякому художнику. Въ примѣръ онъ приводитъ, между прочимъ, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина. Но Гоголь, консерваторъ и крѣпостникъ въ холодной мысли, чувствовалъ пламенную ненависть къ порокамъ тогдашней Россіи. Онъ сознательно высмѣивалъ ихъ въ лицѣ своихъ героевъ. Тургеневъ еще болѣе сознательно отрицалъ уже крѣпостное право, отдавая свои мягкія симпатіи угнетенной сторонѣ. Щедринъ прямо ненавидѣлъ Пошехонье съ его Головлевыми...

У Гончарова другое: онъ любитъ именно то самое, что огромный талантъ могъ ему изобразить съ такой безсознательно сатирической силой. Гончаровъ много разъ повторялъ,

что самъ чувствуетъ себя Обломовымъ. Конечно, относительно человѣка, написавшаго между прочимъ „Фрегатъ Палладу“ (для чего пришлось сдѣлать кругосвѣтное путешествіе на парусномъ суднѣ) и давшаго столько превосходныхъ произведеній,—это нужно понимать съ большими ограниченіями. Но психологически это всетаки вѣрно. Онъ, конечно, мысленно отрицалъ „обломовщину“, но внутренно любилъ ее безсознательной глубокой любовью. При всемъ ужасѣ, который во всякомъ живомъ человѣкѣ возбуждаетъ картина обломовскаго сна,—откуда-то изъ глубины души незамѣтно просачивается баюкающая струйка, лѣниво ласкающая, тихо манящая:—Эхъ, попасть бы вотъ этакъ же... И такая же безсознательная враждебность къ слишкомъ рѣзкимъ звукамъ, нарушающимъ тяжелое благодушіе этого „покоя, близкаго къ смерти“.

Послѣобѣденный сонъ въ Обломовкѣ—это поэзія дѣтства самого Гончарова. Правда, онъ происходилъ не изъ дворянской семьи, а изъ городской, купеческой. Но біографы отмѣчаютъ, что домъ Гончаровыхъ былъ точная копія обломовской барской усадьбы, а городъ, гдѣ онъ находился—Симбирскъ.

Симбирскъ—приволжскій городъ, пристань, но изъ всѣхъ приволжскихъ городовъ это самый тихій, сонный и застойный. Всякій, ѣхавшій хотя бы въ качествѣ туриста по Волгѣ, навѣрное побывалъ въ Нижнемъ, Казани, Самарѣ, Саратовѣ... Просто изъ любопытства, потому что во время продолжительной стоянки парохода тамъ что-то сверкаетъ, гремитъ, переливается и манитъ незнакомой и бойкой жизнью. Симбирскъ спрятался за гору. Къ нему очень трудно взобраться по огромному и трудному взвозу (изображенному въ „Обрывѣ“), и самъ онъ какъ будто недоброжелательно и угрюмо желаетъ, чтобы этотъ безпокойный пароходъ съ толпой суетящихся людей отвалилъ поскорѣе, оставивъ его въ спокойной дремотѣ. Если всетаки вы преодолѣете и трудности въѣзда, и какое-то ощущеніе равнодушія и даже нерасположенія, вѣющаго съ этихъ крутыхъ склоновъ, то найдете приблизительно то же, что описывалъ Гончаровъ: „По пріѣздѣ домой по окончаніи университетскаго курса, меня обдало той же „обломовщиной“, какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя. Тѣ же большею частью деревянные дома и домишки, съ мезонинами, съ садиками, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, безконечные заборы... та же пустота и безмолвіе на улицахъ... Такъ и хочется заснуть самому“... Не смотря на то, что внизу льется бойкая жизнь ве-

ликой рѣки, городъ будто залитъ сонной одурью степи. Въ послѣдніе годы мы знали много о жизни другихъ городовъ и губерній, особенно приволжскихъ. Тамъ всетаки вскипала какая-то борьба, порой заявлялъ о себѣ земскій либерализмъ, потомъ брала верхъ реакція, бурлили двѣ-три газеты... Ничего подобнаго мы не слышимъ о Симбирскѣ, и даже первая газета, если не ошибаемся, явилась тамъ очень недавно... Въ этомъ сонномъ городѣ вамъ укажутъ, близъ Киндяковской рощи, бывшую Гончаровскую усадьбу, послужившую моделью для Обломовки, и обрывъ, подъ которымъ раздавались зловѣщіе выстрѣлы Марка Волохова, предвѣщая новую полосу русской жизни.

Тутъ запали въ душу Гончарова основные элементы его художественнаго творчества. Съ инстинктомъ крупнаго художника, онъ, сынъ купца, почувствовалъ, что настоящая родина его дарованія—не купеческая лавка, не бойкая пристань, а тихая патріархальная дворянская усадьба, проникнутая насквозь старыми завѣтами дореформеннаго строя. Въ нее онъ перенесъ и свои художественныя интуиціи, и великую способность изображенія, и... свои глубокія симпатіи...

Правда, онъ не былъ ни крѣпостникомъ, ни ретроградомъ по убѣжденію: въ своихъ романахъ онъ касается многихъ „переходныхъ мотивовъ“ тогдашней эпохи, а въ своихъ автобіографическихъ статьяхъ вполнѣ благожелательно отзывается о реформахъ Александра II. Но его дѣятельные Штольцы и Тушины фигуры довольно блѣдныя и всегда второстепенныя. Онъ ихъ одобряетъ,—да; но довольно къ нимъ равнодушенъ. Внутреннимъ свѣтомъ его симпатій и любви освѣщены другіе персонажи: бабушка изъ „Обрыва“, Викентьевъ, Марѳинька, Вѣра, даже... Обломовъ. Обломова онъ тоскливо жалѣетъ, но невольно чувствуется, что весь строй бабушкинаго царства ему глубоко, органически симпатиченъ, а фигура бабушки выростаетъ мѣстами въ полумистическое олицетвореніе Россіи. Рисуетъ онъ ихъ съ художественной правдой, превращающей то и дѣло панегирикъ въ сатиру, но все же симпатіи его распредѣлены довольно ясно: старозавѣтной бабушкѣ—любовное обожаніе и преклоненіе; прогрессивнымъ персонажамъ — дань полуобязательнаго уваженія; мечтательнымъ Райскимъ—снисходительное пренебреженіе, не лишенное оттѣнка симпатіи. Марку Волохову — глубокое органическое отвращеніе и ненависть.

II.

Позволю себѣ остановиться на одномъ своемъ юношескомъ воспоминаніи.

Помню, при чтеніи „Обрыва“, меня, тогда гимназиста, съ душой, уже смутно откликавшейся на „новыя вѣянія“ въ литературѣ и жизни, поразила одна черточка, брошенная Гончаровымъ вскользь и какъ бы мимоходомъ. Относится она къ бабушкѣ и ея Малиновскому царству. Когда заболѣвала Марѳинька, Вѣра или хоть Райскій,—бабушка тревожится, зоветъ врача, сама придумываетъ всевозможныя средства. Когда болѣзнь посѣщаетъ людскую,—бабушка тоже проявляетъ заботы (она человѣкъ очень добрый), но часто это кончается тѣмъ, что больную отправляютъ къ Меланхолихѣ,—бабѣ лѣкаркѣ, „къ которой отправляли дворовыхъ и другихъ простыхъ людей на вылѣчку“. „Бывало, говоритъ Гончаровъ, послѣ ея лѣченія иного скоробитъ на весь вѣкъ въ три погибели, или другой перестанетъ говорить своимъ голосомъ, а только кряхтитъ потомъ всю жизнь; кто-нибудь воротится отъ ней безъ глаза или безъ челюсти, но все же боль проходила, и мужикъ или баба работали опять. Этого было довольно и больнымъ, и лѣкаркѣ, *а помѣщику и подавно*“ *).

Гончаровъ несомнѣнно огромный художникъ, и даже второстепенные мазки его кисти трепещутъ правдой, порой совершенно неожиданно для автора. Въ приведенномъ эпизодѣ бабушка вся, съ ея личной добротой и съ чертами ея среды. Помню рѣзкое впечатлѣніе, которое на меня въ тогдашнемъ моемъ критическомъ настроеніи произвела эта Меланхолиха съ ея пріемами, удовлетворявшими всѣхъ, „а помѣщиковъ и подавно“. Помѣщиковъ... въ томъ числѣ и бабушку... Гончаровская бабушка внушала мнѣ лично невольную симпатію, пока я глядѣлъ на нее съ барской половины, глазами Марѳиньки... Отсюда бабушка—ангелъ. Добрая она и въ людской... Но вотъ приходятъ Базаровы и Марки Волоховы и устанавливаютъ новую точку зрѣнія. Они судятъ общественныя отношенія и возлагаютъ на людей отвѣтственность за эти отношенія. И съ этой новой точки зрѣнія на крѣпостныхъ бабушекъ ложится вина даже за „доброту“ крѣпостной Россіи. Гончаровъ относится къ прошлому благодушно: онъ чувствовалъ и умѣлъ показать личную, психологическую такъ сказать доброту бабушекъ. Мы видѣли въ самомъ рабовладѣльческомъ порядкѣ злодѣйство и не прощали его даже лучшимъ изъ бабушекъ. Это была нѣкоторая односторонность. Но она противуполагалась другой односторонности и въ об-

---

*) Приношу благодарность незнакомой читательницѣ, внесшей нѣкоторыя поправки въ мои цитаты, сдѣланныя въ первоначальной редакціи этой статьи,—на память и несовсѣмъ точно.

щемъ эта новая точка зрѣнія несла новую правду человѣческихъ отношеній...

Я, конечно, тогда не думалъ объ всемъ этомъ въ такой связности и послѣдовательности, но все же, вспоминаю, что я рѣзко ощущалъ весь этотъ запутанный узелокъ нравственныхъ противорѣчій, изъ котораго вытекало для тогдашняго поколѣнія очень многое. Въ нихъ и была сила Марка Волохова, т. е. того, кто чудился Гончарову за этой фигурой. И мнѣ было обидно не за Марка Волохова (я тогда не зналъ еще людей этого рода), а за ту смутно предчувствуемую „радикально“ рѣзкую правду, которую Гончаровъ покрывалъ этимъ несомнѣнно враждебнымъ олицетвореніемъ. Въ воздухѣ носилась нравственная потребность новыхъ широкихъ оцѣнокъ. Малиновскій строй бабушкинаго царства символизировалъ для Гончарова Россію. Для насъ выступала потребность переоцѣнки этого бабушкинаго строя съ совершенно новой точки зрѣнія. И было ясно, что эта переоцѣнка не можетъ остановиться такъ же благоразумно, какъ это дѣлали гончаровскіе Тушины и Волковы, у предѣловъ „свыше предначертанныхъ реформъ“. Критика уже задѣла въ бабушкиномъ царствѣ не только то, что сама бабушка благосклонно готова была признать ошибочнымъ: она переносила вопросъ въ другую плоскость, она заставляла смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія *чужой*, не допускающей никакого примиренія, съ точки зрѣнія, которая ангела-бабушку превращала чуть не въ зловѣщаго демона, а демоновъ отрицанія, Волоховыхъ, дѣлала въ глазахъ Марѳинекъ ангелами... Въ своей статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ Гончаровъ пытается поставить вопросъ о томъ, какъ могла Вѣра полюбить Марка, и оставляетъ его неразрѣшеннымъ. Онъ и не могъ рѣшить его сознаніемъ. Но, какъ художникъ, онъ сдѣлалъ много для его рѣшенія. Его Волоховъ — не живой образъ, но его Вѣра жива. На мой взглядъ она понятнѣе, живѣе, индивидуальнѣе тургеневской Елены: въ ней ярче чувствуется то, что переживало тогдашнее „молодое“ поколѣніе (поколѣніе нынѣшнихъ бабушекъ), когда передъ нимъ впервые сверкнулъ опьяняющій зовъ новой, совершенно новой правды, идущей на смѣну основамъ бабушкиной мудрости. Кто сказалъ А, тотъ долженъ говорить дальше до Z. Тогдашнее поколѣніе начало эту новую азбуку. Наше ее еще не договорило.

III.

Съ Марка Волохова началось рѣзкое охлажденіе къ Гончарову не только въ такъ называемомъ „молодомъ поколѣніи“, но и въ прогрессивномъ обществѣ вообще. А нельзя забы-

вать, что русское общество было тогда прогрессивно въ цѣломъ...

Это охлажденіе Гончаровъ чувствовалъ очень болѣзненно. Въ статьѣ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ онъ пытается оправдать своего Волохова (какъ художественный образъ, конечно) и защититься отъ упрека, что въ Волоховѣ онъ окарикатурилъ „молодое поколѣніе“. Но защита показала только, какъ далеко ушелъ онъ отъ пониманія и этого „молодого поколѣнія“, и особенной психологіи „пореформеннаго“ русскаго общества. Дореформенную Русь онъ понималъ и любилъ, любилъ съ ея Малиновками и Обломовками. Къ пореформенной, суетливой и тревожной, онъ былъ чисто по обломовски равнодушенъ и скоро совсѣмъ потерялъ ее изъ виду.

„Меня крайне удивляло,—писалъ онъ,—какъ молодое поколѣніе могло принять Волохова на свой счетъ, кромѣ развѣ самихъ Волоховыхъ... Волоховъ будто бы новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформъ—и туда уложило всѣ силы!.. Поколѣніе, которое—прежнюю, автоматическую военную массу—энергически помогло вождю ея преобразовать въ современную осмысленную и грозную силу. Поколѣніе, которое переполняетъ школы, жадно учится, познаетъ, изобрѣтаетъ, творитъ во всѣхъ отрасляхъ... Поколѣніе молодыхъ умовъ и дарованій... сослужившее огромную службу Россіи, угадывая, объясняя и проводя въ массу идеи, виды и цѣли великаго преобразователя... И все это Волоховы? Кому могла придти такая мысль?“

Протестъ горячій и, повидимому, совершенно искренній, но въ немъ есть одно крупное недоразумѣніе. Гончаровъ признаетъ, что Волоховъ—фигура рѣзко отрицательная, но не хочетъ, чтобы ее обобщали. „Въ первоначальномъ планѣ „Обрыва“,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—на мѣсто этого рѣзкаго типа, тогда еще не существовавшаго, у меня былъ предположенъ сосланный по *неблагонадежности* подъ присмотръ полиціи, выключенный изъ службы, изъ школы либералъ за грубость, за неповиновеніе начальству... Но, какъ романъ развивался со временемъ, то и лица принимали черты и духъ времени событій. И вотъ, Волоховъ уже радикалъ и кандидатъ въ демагоги, отъ праздной теоріи безусловнаго отрицанія готовъ перейти къ дѣйствію—и перешелъ бы, если бы у насъ могла демагогія выразиться ярче, т. е. если бы у насъ была возможна широкая пропаганда коммунизма, интернаціональная подземная работа и т. п.“.

Итакъ, Гончаровъ говоритъ „молодому поколѣнію“: что вы, Богъ съ вами! Вѣдь я это не о васъ. Я о тѣхъ грубіянахъ,

которыхъ исключаютъ со службы, которыхъ ссылаютъ. А развѣ васъ исключаютъ, развѣ васъ ссылаютъ, васъ, помогающихъ правительству въ его благихъ начинаніяхъ, васъ, отлично проходящихъ разнаго вида благонадежныя поприща? И какъ бы для того, чтобы не оставить сомнѣнія, кого именно онъ разумѣетъ подъ Маркомъ Волоховымъ, онъ прибавляетъ въ выноскѣ:

„Къ несчастію все это (т. е. массовое появленіе Волоховыхъ) оказалось возможнымъ и у насъ, какъ это подтвердилось съ тѣхъ поръ, т. е. съ 1875 года, когда были написаны эти строки“.

Съ начала 1870-хъ годовъ, какъ всѣмъ извѣстно, молодежь была охвачена стремленьемъ „въ народъ“, т. е. массовой попыткой перерѣшить всѣ вопросы „бабушкинаго“ благоустройства“ съ новой точки зрѣнія, которую она считала точкой зрѣнія самого народа...

И Гончаровъ наивно полагалъ, что, хваля умѣренныхъ Тушиныхъ и благонравныхъ Викентьевыхъ, обзывая Волоховыми все, охваченное молодыми утопіями и хронически-русскимъ протестантствомъ,—онъ дѣлаетъ шагъ къ примиренью съ „молодымъ поколѣніемъ“... Или хотя бы съ тѣми, кто представлялъ „молодое поколѣніе“ въ его время, а теперь (т. е. когда онъ писалъ „Лучше поздно“) уже остепенился и благополучно слился съ бытовымъ строемъ „пореформенной Россіи“.

Казалось бы, почему бы и нѣтъ? Почему бы, по крайней мѣрѣ, масса общества не могла простить Гончарову его Волохова, во имя его признанія реформъ, которыми само оно, повидимому, удовлетворилось, которыя,—какъ можно было бы думать,—приняло и признало? Когда-нибудь историкъ, быть можетъ, остановится въ недоумѣніи передъ этимъ фактомъ, но теперь мы еще понимаемъ его. Характерная черта нѣсколькихъ пореформенныхъ десятилѣтій состоитъ въ рѣзкой неудовлетворенности: молодежь въ рядѣ смѣнявшихъ другъ друга поколѣній была охвачена рѣзко антиправительственнымъ настроеніемъ, выразившимся въ непрерывныхъ студенческихъ безпорядкахъ и движеніи къ народу, въ отказѣ отъ привилегій и традицій... Среднее образованное общество сочувствовало молодежи, а не правительству.

Какъ бы ни относиться къ этому явленію,—одобрять или порицать его, объяснять неопредѣленностью классовой структуры или незаконченностью великихъ реформъ, или чѣмъ-нибудь другимъ,—но фактъ общеизвѣстенъ: русское общество второй половины XIX вѣка было настроено сплошь оппозиціонно. У него не было своей прочной идеологіи, которую

оно могло бы противопоставить утопической идеологіи своей молодежи. На основаніи своего житейскаго опыта „отцы“ отрицали утопическія построенія, но въ области общественной этики они конфузились и отступали передъ дѣтьми.

Еще одно воспоминаніе изъ временъ моей молодости. Комиссія по изслѣдованію важнаго политическаго преступленія допрашиваетъ въ Москвѣ юношу-студента, арестованнаго по этому дѣлу. Молодой человѣкъ среди показаній жалуется, что его держатъ въ очень нездоровомъ помѣщеніи...

— Это въ какой части?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ комиссіи, товарищъ прокурора.

— Въ Басманной,—отвѣчаетъ молодой человѣкъ.

Лицо товарища прокурора оживляется.

— А въ какой камерѣ?

— Въ двѣнадцатой.

Глаза у солиднаго чиновника зажигаются молодымъ огнемъ.

— Представьте,—говоритъ онъ живо:—столько-то лѣтъ тому назадъ я сидѣлъ въ той же камерѣ...

Теперь, можетъ быть, это было бы уже не такъ, но тогда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, допросы еще прерывались такими разговорами, и къ воспоминаніямъ товарища прокурора еще два или три члена важной комиссіи присоединили и свои воспоминанія того же рода... И хотя эта минута поэтическихъ воспоминаній должна была смѣниться прозаическимъ продолженіемъ допроса, но все же между юношей, безпечно отвѣчавшимъ на слѣдственные пункты, и слѣдователями протянулись какія-то нити взаимной симпатіи. То, что для него было довольно горестнымъ настоящимъ, для нихъ являлось поэзіей молодости. И можно сказать, что для цѣлаго ряда поколѣній русской интеллигенціи самыя яркія воспоминанія юности связываются непремѣнно съ мотивами этого рода: обыскъ, арестъ, ссылка... Молодыя мечты о переустройствѣ общества и... казематъ.

Западно-европейскій юноша мечтаетъ о томъ времени, когда онъ будетъ прокуроромъ, фабрикантомъ, купцомъ. Русскій прокуроръ посылаетъ меланхолическій сочувственный вздохъ тому времени, когда самъ онъ сидѣлъ въ казематѣ... Не оттого ли это, что мечты западно-европейскаго юноши скромнѣе, но жизнь всетаки даетъ просторъ хотя бы скромной борьбѣ за идеалы. У насъ же она безпощадно расправляется со всякой идеологіей, требуя безповоротнаго и неприкрытаго компромисса. Повторяется адуевская трагедія („Обыкновенная исторія“) въ гораздо болѣе драматической формѣ, и сотни тысячъ людей, подъ давленіемъ грубой необходимости, ми-

рятся съ дѣйствительностью фактически, но принимаютъ ее безъ энтузіазма и уваженія. Они только тянутъ безрадостную лямку, то и дѣло кидая взгляды назадъ, къ своей юности, съ ея безумными утопіями и поэзіей борьбы въ единственной формѣ, какую допускала дѣйствительность „пореформенной Россіи". И вотъ почему русское общество такъ долго не прощало художнику посягательства на „молодое поколѣніе". Не на то или другое поколѣніе молодежи,—ихъ вѣдь прошло уже такъ много, съ такими различными настроеніями,—а на молодежь вообще, на самую молодость съ ея „неразумными утопіями", ея непримиримостью и содроганьемъ передъ компромиссами. Это вѣдь долго былъ единственный островокъ живого русскаго идеализма...

Такъ это было въ Россіи очень долго, можно сказать, вплоть до нашего времени, когда эти мотивы потонули въ дыму и вихрѣ неожиданно налетѣвшихъ событій.

IV.

Я чувствую, что статья моя разрослась, а тема, къ которой она привела, неисчерпаема. Поэтому мнѣ приходится пока поставить точку. Я хотѣлъ указать лишь главные моменты гончаровской жизненной драмы, основной мотивъ трагическаго охлажденія русскаго общества къ одному изъ крупнѣйшихъ своихъ художниковъ.

Фактъ этой ссоры и этого охлажденія несомнѣненъ. Гончаровъ ушелъ отъ литературы обиженный, оскорбленный, и замкнулся, какъ онъ часто выражался, въ свой „обломовскій уголъ". Недавно одинъ изъ критиковъ „Новаго Времени" (г. Перцовъ) указалъ,—и пожалуй, вѣрно,—что Гончарова гораздо меньше „ругали", чѣмъ Тургенева. Да, но это лишь потому, что въ то время, которое помнитъ г. Перцовъ, о Гончаровѣ вообще говорили мало. Тургеневъ раздражалъ, какъ собесѣдникъ, порой больно задѣвавшій самыя живыя струны тогдашнихъ настроеній. Къ нему относились страстно, бурно порицали, и такъ же бурно выражали ему любовь и уваженіе. У него была ссора, но было и удовлетвореніе тріумфа. Онъ понималъ, и его тоже понимали.

А въ это время Гончаровъ тихо, прямо съ обломовскимъ трагизмомъ, задолго до физической смерти, ушелъ въ свою Обломовку, которая называлась службой по цензурному вѣдомству. Въ этомъ вѣдомствѣ въ свое время перебывало много писателей. Но между тѣмъ, какъ С. Т. Аксаковъ, напримѣръ, всетаки боролся за литературу, цензору Никитенку литература дѣйствительно кое-чѣмъ обязана,—Гончаровъ былъ са-

мымъ исполнительнымъ и робкимъ чиновникомъ. О немъ Щербина (впослѣдствіи тоже цензоръ!) писалъ:

О, ты, что принялъ имя Слова,
Мы просимъ твоего покрова:
Избави насъ отъ похвалы
Позорной „Сѣверной Пчелы“
И отъ цензуры... Гончарова!]

Это ли не Обломовщина для славнаго писателя? Понятно, почему на него не обрушивались такъ страстно, какъ на Тургенева. Его давно признали классикомъ, прежнія его произведенія читали, но самого его давно поставили на полку и ничего отъ него не ждали и не требовали...

Но, какъ классику, ему, несомнѣнно, обезпечено прочное мѣсто въ русской литературѣ. Огромный и правдивый талантъ его обогатилъ наше воображеніе безсмертными типами, выходящими далеко изъ рамокъ его времени, захватывающими глубже и шире, чѣмъ его трагическая ссора, хотя бы и съ нѣсколькими поколѣніями.

Волоховъ и все, что съ нимъ связано, забудется, какъ забудется гоголевская „Переписка“, а надъ старымъ раздраженьемъ и старыми спорами будутъ долго выситься созданныя имъ фигуры. И надъ всѣми другими фигура Обломова, которую любящая правда художника превратила въ предостереженіе и въ сатиру на все, что было такъ кровно дорого самому художнику...

1912 г.

Я. Канторовичъ.—Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ.

(Юридическая библіотека, № 9). Изданіе Я. Канторовича. Спб. 1896.

Въ работѣ г. Канторовича нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, но она касается одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ европейской исторіи. „Съ конца XIV до второй половины XVIII в., въ теченіи почти четырехъ столѣтій, во всѣхъ странахъ Европы не переставали пылать костры, раздуваемые невѣжествомъ, фанатизмомъ и суевѣріемъ, и сотни тысячъ невинныхъ людей, послѣ страшныхъ мученій пытки, обрекались на смерть по обвиненію въ связи съ дьяволомъ и въ разныхъ чудовищныхъ преступленіяхъ колдовства. Всего сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ потухли костры, на

которыхъ сожигались жертвы суевѣрія, осужденныя по всѣмъ правиламъ судопроизводства, на основаніи постановленій уголовнаго законодательства, „во имя Бога, короля и правосудія“. Впрочемъ, костры, потухшіе сто лѣтъ назадъ, были далеко еще не послѣдними. Преслѣдованіе колдовства въ Испаніи продолжалось еще въ началѣ XIX столѣтія, а въ католической Мексикѣ 20 августа 1877 года пять женщинъ обвинены въ колдовствѣ по всѣмъ правиламъ судопроизводства—и всѣ сожжены на одномъ кострѣ“ (стр. 160).

Это было какое-то повальное безуміе, охватившее Европу и державшее ее четыре вѣка подъ давленіемъ кошмара, вышедшаго изъ самыхъ мрачныхъ закоулковъ схоластики, фанатизма и религіозной нетерпимости. Основанное на вѣрѣ въ сатану, это безуміе сначала совершенно извратило здравыя основы процесса, а затѣмъ само питалось бредомъ и сказками, которыя вырывались подъ пыткой у обезумѣвшихъ жертвъ. Все это записывалось, сводилось вмѣстѣ, служило темой для спеціальныхъ сочиненій, которыя послѣ въ свою очередь давали руководящіе пріемы для допросовъ пытаемыхъ. Вѣра въ сатану укоренялась все больше, демонологія становилась чуть не наукой. Дьявольская іерархія была изучена съ полной подробностью. „Одинъ изъ демонологовъ, Jean Weier, насчитываетъ въ дьявольской арміи 72 тысячи князей, графовъ и маркизовъ и 7.405.928 простыхъ чертенятъ“ (2).

Въ 1489 году, съ благословенія папы и одобренія кельнскаго теологическаго факультета издана въ Кельнѣ книга Malleus maleficarum (Молотъ вѣдьмъ), ставшая вскорѣ авторитетомъ для свѣтскихъ судовъ. Она написана инквизиторомъ Яковомъ Шпренгеромъ, въ сотрудничествѣ съ другимъ инквизиторомъ Кремеромъ, и представляетъ настоящій бредъ, въ которомъ самыя дикія басни и самые чудовищные вымыслы о колдовствѣ и вѣдьмахъ санкціонируются ссылками на тексты Священнаго Писанія, на тезисы авторитетовъ теологіи и подтверждаются фактами изъ кровавой практики самихъ авторовъ. Книга начинается текстомъ папской буллы и имѣетъ во главѣ тезисъ: „Haeresis est maxima opera maleficarum non credere *),—такимъ образомъ, всякій сомнѣвающійся въ наличности колдовства и въ существованіи вѣдьмъ—объявлялся впередъ страшнѣйшимъ изъ еретиковъ, заслуживающимъ костра. Право и религія, юриспруденція и инквизиція соединяются вмѣстѣ. Процессы о вѣдьмахъ наполняютъ

*) Величайшая ересь—не вѣрить въ колдовство.

четыре столѣтія, число жертвъ доходитъ до невѣроятныхъ цифръ. Въ теченіи только XVI и XVII столѣтій въ одной Германіи было сожжено свыше ста тысячъ вѣдьмъ, а по всей Европѣ за періодъ XIV—XVII вв. насчитывается свыше милліона жертвъ! Нѣкоторые насчитываютъ ихъ до 4, даже до 9 милліоновъ.

Подъ вліяніемъ пытокъ, казней, костровъ, мрачное настроеніе охватывало общество, фигура сатаны получала осязательную реальность, настоящее безуміе охватывало массы, всѣ проявленія истеріи и нервныхъ разстройствъ изливались въ готовыя формы. Порой мужья доносили на женъ, матери на дѣтей, пытка подтверждала всякій доносъ, изувѣрскіе суды считали признаніе „болѣе очевиднымъ, чѣмъ сама очевидность“, и потому на кострахъ гибли не разъ вѣдьмы, обвиненныя въ умерщвленіи дѣтей, которыя, однако, оказывались живы и невредимы. Зараза достигала такихъ предѣловъ, что одинъ изъ наиболѣе жестокихъ судей, Remy или Remigius, авторъ книги „Daemonolatria“, сжегшій въ теченіи своей 15-лѣтней практики свыше 900 вѣдьмъ, — въ концѣ своей жизни вообразилъ и себя одержимымъ сатаной и далъ себя сжечь на кострѣ (16). Около 1484 г. повальная истерія охватила монахинь одного монастыря,—онѣ мяукали, лаяли, катались по землѣ. Послѣ напрасныхъ попытокъ изгнать дьявола—всѣ монахини были сожжены. Въ княжествѣ Нейссе въ теченіи 9 лѣтъ сожжено болѣе тысячи вѣдьмъ; въ томъ числѣ были дѣти въ возрастѣ отъ 2 — 4 лѣтъ. Въ Швеціи, въ одномъ селеніи, у дѣтей появились судороги, сопровождавшіяся обморочнымъ состояніемъ. Наряжена комиссія, которая добилась отъ дѣтей признанія, что вѣдьмы таскаютъ ихъ съ собою на шабашъ. На шабашѣ сатана часто бьетъ вѣдьмъ и дѣтей, иногда же, напротивъ, очень милостивъ, играетъ на арфѣ, любитъ, когда онъ боленъ, чтобы вѣдьмы пускали ему кровь, а разъ даже умеръ на короткое время. Въ результатѣ присуждены къ смерти 84 женщины и 15 дѣтей, изъ остальныхъ 56 дѣтей биты плетьми (118)... Въ нѣкоторыхъ деревняхъ трирскаго епископства всѣ мѣстныя женщины подпали обвиненію въ колдовствѣ, такъ что въ одной деревнѣ осталась въ живыхъ всего одна женщина (103)!

Мрачная картина, способная внушить самое безнадежное представленіе о свойствахъ человѣческой природы, прорывается кое-гдѣ свѣтлыми примѣрами мужественной мысли, возстававшей противъ общаго безумія и изувѣрства, не смотря на всю опасность борьбы. Корнелій Агриппа Нетесгеймскій

въ 1531 году, Іоганнъ Вейеръ изъ Мозеля въ 1523, Адамъ Таннеръ изъ Инсбрука въ 1626,—раздѣляя общую вѣру въ реальность колдовскихъ явленій — подвергали анализу достовѣрность судебныхъ процессовъ и протестовали во имя человѣчности противъ жестокости пытокъ и казней. „Къ вамъ, судьи, обращаюсь я и спрашиваю, — писалъ въ 1631 году благородный Фридрихъ фонъ-Шпе, посѣдѣвшій преждевременно отъ самаго вида страданій невинно казненныхъ,— зачѣмъ вы такъ тщательно ищете повсюду вѣдьмъ и колдуновъ? Я вамъ укажу, гдѣ они находятся. Возьмите перваго капуцинскаго монаха, перваго іезуита, перваго священника, подвергните его пыткѣ, и онъ признается, онъ непремѣнно признается... Возьмите прелатовъ, кардиналовъ, возьмите самаго папу! Они признаются, увѣряю васъ, они признаются!“...

Вторая часть очерка г. Канторовича пытается нарисовать картину вѣдовства и колдовства на Руси. Несомнѣнно, что у насъ это явленіе не имѣло ни той интенсивности, ни того глубоко мрачнаго характера, какими оно отмѣчено въ исторіи Зап. Европы. Однако, невѣрно и утвержденіе автора, будто у насъ никакихъ „религіозныхъ или иныхъ причинъ для преслѣдованія колдовства не было“, а процессы этого рода имѣли лишь чисто гражданскій характеръ (вознагражденіе за нанесенные вѣдовствомъ убытки). „Въ допетровскій періодъ погибло подъ пытками не мало людей, благодаря выкликаніямъ кликушъ“,—говоритъ самъ авторъ на стр. 185, — въ указахъ царя Ѳедора Алексѣевича учителямъ магіи и чернокнижія полагается сожженіе, въ артикулахъ воинскаго устава Петра Великаго говорится объ идолопоклонникѣ, чернокнижцѣ, ружья заговорителѣ, — что таковой „весьма сожженъ быть имѣетъ“. Все это указываетъ, что и у насъ въ народныхъ воззрѣніяхъ, въ церковныхъ и свѣтскихъ уставахъ была почва для того же явленія и только по разнымъ историческимъ условіямъ оно не развилось въ ту повальную болѣзнь изувѣрства и безумія, которая охватила феодально-католическую Европу. Вообще, эта вторая часть книги составлена слишкомъ поверхностно и неполно, что не мѣшаетъ, однако, рекомендовать настоящее изданіе, какъ интересный и полезный очеркъ одного изъ самыхъ поучительныхъ заблужденій, въ какое впадало человѣчество.

1896 г.

Житейскій задачникъ для дѣтей.—Мандрыки.

Сумы. 1896.

На заглавномъ листкѣ этой книги поставленъ 1895 годъ, на обложкѣ уже 1896, прислана она намъ для отзыва въ 1897. Цензурой книга разрѣшена въ Кіевѣ, печатана въ Сумахъ, подъ предисловіемъ подписано: М. Мандрыка. Гор. Каменецъ-Подольскъ. Все это можетъ поставить въ нѣкоторое затрудненіе библіографовъ, въ случаѣ, если бы имя г. Мандрыки когда-нибудь пріобрѣло безсмертіе. Но насъ въ гораздо большей степени угнетаетъ вопросъ, повидимому, совсѣмъ къ дѣлу не идущій, а именно, — кто такой этотъ г. Мандрыка: просто г. Мандрыка, или Мандрыка педагогъ, Мандрыка инспекторъ, наконецъ (чего уже совсѣмъ Боже упаси!)—даже директоръ народныхъ училищъ? Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе три-четыре года печатныя упражненія нѣсколькихъ гг. директоровъ пріобрѣли всероссійскую извѣстность. Мы помнимъ „руководства для учителей“ и „руководства для учениковъ“, которыя доставили авторамъ славу, а фельетонистамъ и ихъ читателямъ много веселыхъ минутъ. Но насъ при этомъ всегда угнеталъ вопросъ: а что доставляютъ они, напримѣръ, учителямъ, которые „обязаны“ почитать труды своего начальства, подъ серьезнымъ опасеніемъ прослыть „неблагонадежными и вольнодумцами“.

Вотъ и теперь передъ нами—„житейскій задачникъ“. Подпись: М. Мандрыка — и ничего больше. Хорошо, если такъ! Но что, если о своемъ оффиціальномъ титулѣ г-нъ Мандрыка умолчалъ изъ скромности, или просто не желая смѣшиваться съ толпой своихъ сослуживцевъ, извѣстность которыхъ его нѣсколько конфузитъ?..

Впрочемъ, не будемъ думать о человѣкѣ дурно и примемъ г-на Мандрыку за то, за что онъ себя выдаетъ. Пусть онъ будетъ просто г. Мандрыка, живущій въ Каменецъ-Подольскѣ и предающійся на досугѣ игрѣ ума съ педагогической окраской. Тогда и мы можемъ бесѣдовать съ г. Мандрыкой болѣе или менѣе благодушно. Это, разумѣется, не помѣшаетъ намъ сказать откровенно, что его „Житейскій задачникъ“ есть книга въ высокой степени вздорная и ни къ чему не нужная. Если вѣрить предисловію, авторъ желалъ „дать дѣтямъ упражненіе, которое развивало бы *на ряду съ ариѳметическими задачами* (sic) изобрѣтательность, находчивость и подготовило бы ихъ къ рѣшенію вопросовъ, поставляемыхъ житейскими обстоятельствами“. Но ариѳметическій элементъ

въ книжкѣ отсутствуетъ совершенно. житейскій способенъ вызвать только улыбку (при сказанномъ выше условіи—т. е. что г. Мандрыка просто только г. Мандрыка и ничего больше!). „Было два бѣдныхъ братца, и у нихъ былъ только одинъ тулупъ и одна пара сапогъ. Настала зима. Стали мальчики ссориться и драться изъ-за тулупа и сапогъ. Какъ можно было ихъ помирить, чтобы оба были довольны?“ Ну, вотъ вамъ, читатель, первая задача г. Мандрыки. Какъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать этихъ мальчиковъ *довольными?* Подарить имъ еще одинъ тулупъ и еще одну пару сапогъ? Нѣтъ, г. Мандрыка даетъ другое рѣшеніе: „Назначить очередь, можно было употребить жребій“. Буквально! Жребій вмѣсто сапогъ, таково „житейское рѣшеніе“, и мальчики довольны.

Г. Мандрыка скроменъ. Онъ назначаетъ свой задачникъ для дѣтей. Но, въ сущности, дѣтямъ порой можетъ крѣпко достаться отъ взрослыхъ за исполненіе совѣтовъ г. Мандрыки. Вотъ напр. „высоко на яблонѣ висѣло яблоко. Пришла маленькая дѣвочка и задумала достать яблоко. Что она могла сдѣлать, чтобы достать его?“ Это задача 12. Рѣшеніе: „*сбить* длинной палкой или стряхнуть; если длинной палки нѣтъ, связать короткія и прочее“. Въ pendant къ этой, такъ и просится другая задача: садовникъ увидѣлъ, что дѣти палками сбиваютъ яблоки и дѣлаютъ еще „прочее“, не менѣе вредное для деревьевъ. Дѣти объяснили садовнику, что это ихъ научилъ г. Мандрыка. Что сдѣлаетъ садовникъ съ г. Мандрыкой? Неправда ли, вопросъ очень интересный уже не для однихъ дѣтей, но и для самого г-на Мандрыки.

Вообще, не однихъ дѣтей имѣлъ въ виду авторъ, составляя свой „житейскій задачникъ“, но всѣ возрасты, всѣ званія и всѣ роды жизни. Вы мальчикъ, и вамъ взбрело въ голову непремѣнно кидать съ чердака яички такъ, чтобы они не разбились. Г. Мандрыка васъ научитъ. Но вотъ вы не мальчикъ, а служанка. Вы „принесли въ кухню изъ лавки 4 булки и увидѣли, что уже кипитъ самоваръ; вы хотите разомъ внести въ комнату самоваръ, подставку для него, булки и чайникъ. При этомъ самоваръ большой. Какъ это сдѣлать?“ (задача 52). И тутъ г. Мандрыка даетъ вамъ гибельный совѣтъ: „взять подставку подъ мышку, булки въ платочкѣ повѣсить на руку, самоваръ съ чайникомъ нести въ рукахъ“. Конечно, при этомъ у васъ подставка выскользнетъ изъ-подъ мышки (самоваръ большой!), вы обваритесь кипяткомъ, разобьете чайникъ и просыплете булки. Тогда въ оправданіе передъ хозяевами сошлитесь на г-на Мандрыку и укажите рѣшеніе задачи на стр. 36. Пусть **вѣдаются съ авторомъ.**

Но вотъ, вы не горничная, а прислужникъ въ кухмистерской и хотите (задача 58, отд. I) „нести *въ одной рукѣ* двѣ полныя тарелки супу“. Лучше бы отказаться отъ опаснаго предпріятія, но, если вамъ интересно, то послушайтесь опять гибельнаго совѣта: возьмите дощечку, поставьте на нее полныя тарелки и держите одной рукой: хозяинъ или гости, которыхъ вы обварите супомъ, пусть опять вѣдаются съ г. Мандрыкой въ гор. Каменецъ-Подольскѣ.

Вы мужикъ, у васъ лошадь съ норовомъ, — она дѣлаетъ все наоборотъ. Разъ вы хотѣли ее вести на паромъ и тянули за поводъ, она не идетъ. Что вы могли бы сдѣлать, чтобы ввести лошадь на паромъ (задача 11, отд. II)? Вы догадываетесь и, не заглядывая даже въ рѣшеніе, тянете лошадь за хвостъ. Она, конечно, лягаетъ и выбиваетъ вамъ нѣсколько зубовъ. Вы опять съ претензіей къ г-ну Мандрыкѣ. Извините-съ! Онъ человѣкъ хитрый и, предвидя возможность печальныхъ послѣдствій, совсѣмъ не далъ рѣшенія этой задачи. Догадывайтесь сами. За хвостъ-то, конечно, за хвостъ. Иначе невозможно, но за послѣдствія, какъ себѣ хотите, г. Мандрыка не отвѣчаетъ.

Далѣе—вы отецъ семейства и „подъ вечеръ вышли навстрѣчу своему семейству, которое должно было возвращаться изъ дальней части города“. При этомъ улицы идутъ какъ-то такъ безсмысленно, что вы ничего не понимаете и, слѣдуя совѣтамъ г. Мандрыки, расходитесь съ семьей и, чего добраго, встрѣчаете на бульварѣ непріятное для отца семейства приключеніе.

Вы—журавль (да, да, — задача 40), устраивающій свое гнѣздо на болотѣ, покрытомъ травой и кустарникомъ. Вы маленькій червякъ, ползающій по большому арбузу,—и въ этихъ „житейскихъ обстоятельствахъ“ г. Мандрыка не оставляетъ васъ своими совѣтами.

Но вотъ, вы прошли весь курсъ: въ дѣтствѣ кидали съ чердаковъ яички и сбивали палками яблоки съ деревьевъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ роняли самовары и обваривали гостей горячимъ супомъ. Разумѣется, васъ аттестуютъ дурно, и г. Мандрыка предвидитъ, что вы не кончите добромъ. И дѣйствительно,—вы арестантъ (увы! задача 100, послѣдняго III-го отдѣла!). У васъ надѣты на рукахъ кандалы и вамъ „надо переодѣть (т. е. перемѣнить) рубаху“. Положеніе ваше трудно, но г-нъ Мандрыка не оставитъ васъ въ горѣ. Онъ васъ научитъ, какъ снять рубаху, не скидая кандаловъ. Правда, онъ не можетъ не чувствовать, что въ значительной степени повиненъ въ вашей печальной карьерѣ, но все же...

добрый онъ, право, этотъ г. Мандрыка! Мы охотно готовы признать это, только... ахъ, г. Мандрыка: устраните наши мрачныя подозрѣнія. Скажите правду: вы не директоръ народныхъ училищъ? По вашему задачнику не учатъ и не учатся подчиненные вамъ несчастливцы?.. Ради Бога, г-на Мандрыка!..

1897 г.

Кузька—Мордовскій богъ.

(Повѣсть изъ исторіи (!) Мордовскаго народа). К... — Нижній-Новгородъ, типогр. губ. правленія. 1898.

Въ книгѣ покойнаго А. С. Гацискаго „Люди нижегородскаго Поволжья“, среди различнаго ранга военныхъ и штатскихъ персонъ, заслужившихъ право хотя бы мѣстнаго безсмертія, значится странное имя „Кузьки-бога“, съ скромнымъ прибавленіемъ „мордвинъ“. Покойный изслѣдователь не успѣлъ дать намъ біографію этого мордвина, а между тѣмъ это личность дѣйствительно чрезвычайно интересная, около которой на мѣстѣ создалась легенда, которая, наконецъ, вызвала цѣлую, хотя и не обширную литературу.

Еще совсѣмъ недавно, когда въ печати обсуждалось извѣстное мултанское дѣло, „Новое Время“ въ приложеніи къ № 7160, подъ заглавіемъ „Терюханское идолище“ (!) напечатало въ извлеченіи исторію Кузьмы, въ томъ видѣ, какъ она появилась въ 1866 году въ „Отеч. Запискахъ“. Газета совершенно серьезно, въ качествѣ этнографическаго матеріала, сообщала изумительнѣйшія похожденія какого-то геніальнаго мордвоскаго Рокамболя, цѣлой сѣтью адскихъ обмановъ увлекшаго мордву-терюханъ въ сѣти своего „лжеученія“, доходившаго до того, что самъ Кузьма былъ признанъ богомъ. Отсюда и названіе „Кузька-богъ“.

Неизвѣстный авторъ, скрывшій свою фамилію подъ буквой К., разсказывалъ въ „Отеч. Запискахъ“ годъ за годомъ и день за днемъ біографію своего героя. Разсказъ этотъ ведется дубовымъ языкомъ, изложеніе сразу обличаетъ человѣка совершенно бездарнаго. Между тѣмъ, вся исторія представляетъ цѣлую цѣпь фантастическихъ происшествій. Воспитанный подъ вліяніемъ какого-то коварнаго раскольника („по всей вѣроятности изъ секты „душителей“ (!) — прибавляетъ авторъ), молодой мордвинъ, способный и грамотный, быстро

вырабатывается въ сознательнаго религіознаго шарлатана. Послѣ неудачной любовной исторіи въ Нижнемъ, разсказанной опять съ необычайными подробностями (какъ будто авторъ самъ присутствовалъ при любовныхъ объясненіяхъ въ качествѣ невидимки) — Кузьма возвращается къ своему племени и начинаетъ адскую интригу: коварство его доходитъ до того, какъ онъ посредствомъ самодѣльнаго волшебнаго фонаря производитъ явленіе ангеловъ и т. д. Все племя вскорѣ обратилось въ его послѣдователей.

Тогда Кузьма, по рецепту всѣхъ шаблонныхъ героевъ этого рода, окружаетъ себя богатствомъ, роскошью и, конечно, развратомъ. Слѣдуетъ совершенно невѣроятный и очень грубо сляпанный авторомъ романъ нѣкоего бѣднаго, но добродѣтельнаго мордвина Пахома съ красавицей Евфросиньей. Кузьма разлучаетъ любовниковъ и беретъ красавицу Евфросинью въ свой гаремъ. Добродѣтельный Пахомъ изъ мести доноситъ на него и указываетъ его притонъ въ лѣсныхъ трущобахъ. Но хитрый Кузьма отводитъ слѣды, планъ поимки не удается, и доносчикъ приносится въ жертву разъяренному „Кузькѣ-богу“.

Черезъ нѣкоторое время такая же участь постигаетъ и исправника, рѣшившагося арестовать Кузьму. Это приключеніе по аляповатости и неуклюжести вымысла можетъ соперничать развѣ съ самыми грубыми произведеніями лубочной литературы. Исправникъ ѣдетъ во главѣ отряда въ коляскѣ. На пути въ лѣсу встрѣчаются завалы. Внезапно, будто чудомъ, завалы устраняются съ дороги, исправникъ проѣзжаетъ, но за нимъ тотчасъ же воздвигается преграда, отдѣляющая его отъ его арміи. Затѣмъ лошади несутся среди двухъ стѣнъ густого лѣса, трепещущій исправникъ слышитъ дикіе крики озвѣрѣлой мордвы, и его, наконецъ, привязываютъ на полянѣ къ двумъ согнутымъ дубамъ. Мгновеніе, канаты перерубаются, деревья выпрямляются, кровь невиннаго исправника обагряетъ окрестности...

Не удивительно ли, что столь невѣроятная мазня могла найти мѣсто въ печати и при томъ въ серьезной газетѣ? И однако — нашла, и статья „Нов. Времени“ пошла гулять подъ заманчивымъ заглавіемъ („Терюханское идолище“), и ее перепечатывали десятки газетъ, въ доказательство свирѣпости язычниковъ-инородцевъ, и, конечно, въ доказательство также возможности человѣческаго жертвоприношенія въ Мултанѣ.

Нужно ли говорить, что все это смѣшной и весьма неискусный вымыселъ? Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ была помѣщена прекрасно составленная *на основаніи подлиннаго*

дѣла замѣтка В. И. Снѣжневскаго, въ которой все это излагается гораздо проще и, конечно, гораздо интереснѣе. Кузьма — дѣйствительно существовавшее лицо, неграмотный крестьянинъ Нижегородской губ., крѣпостной графини Сенъ-При, изъ терюшевской мордвы. Г. Снѣжневскій разсказываетъ печальную исторію крещенія этого племени, въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда Дмитрій Сѣченовъ въ 2 года окрестилъ до 34 тыс. человѣкъ. При этомъ мордву, нерѣдко связанныхъ, опускали въ купель и тутъ насильно надѣвали кресты (Соловьевъ, Исторія, XII, стр. 28). Таковы были свѣжія еще воспоминанія, окружавшія дѣтство и юность Кузьмы. Однако, время брало свое. Кроткіе образы христіанства, — говоритъ г. Снѣжневскій, — Св. Дѣва, Христосъ, ангелы, пророкъ Давидъ, — все это еще ранѣе понемногу проникало въ воображеніе народа, хотя мечтательно и смутно. Но, быть можетъ, именно потому, что эти образы были слишкомъ ужъ далеки отъ „сѣченовской“ дѣйствительности, — темный мордвинъ слилъ ихъ со своими мечтами о сѣдой старинѣ. Получилась странная аберрація: христіанскіе и ветхозавѣтные образы стали для мордвина „старыми богами“, къ которымъ онъ апеллировалъ противъ „новой вѣры“ и въ честь которыхъ задумалъ возстановить старые обряды (моленія на полянахъ въ лѣсу, послѣ чего царь и начальники надѣнутъ бѣлыя мордовскія одежды — и наступитъ общее блаженство).

Мы не станемъ излагать здѣсь подробности этой наивной и трогательной исторіи, своего рода исторіи Іоанны д'Аркъ въ лицѣ неграмотнаго мечтателя мордвина, отсылая интересующихся къ статьѣ г-на Снѣжневскаго. Разумѣется, Кузьму арестовали, допрашивали, били плетьми и сослали въ 1810 году въ Сибирь. Изъ подлиннаго дѣла выясняется, однако, съ совершенной ясностью физіономія искренняго и кроткаго мечтателя, ни въ одной чертѣ не совпадающая съ свирѣпой мазней неизвѣстнаго автора „повѣсти“. Исправникъ не только не потерпѣлъ при этомъ никакихъ непріятностей, но взялъ Кузьму прямо съ одного изъ многолюдныхъ моленій, которыя, кстати сказать, происходили явно, въ присутствіи множества русскихъ сосѣдей, нерѣдко даже духовенства. Императоръ Александръ I, ознакомившись съ дѣломъ Кузьмы, отмѣнилъ наказаніе плетьми для участниковъ, но было уже поздно: приговоръ былъ уже приведенъ въ исполненіе.

Всякое суевѣріе имѣетъ двѣ стороны, и въ данномъ случаѣ это видно особенно ясно: „Мы имѣли случай убѣдиться, — пишетъ въ своей замѣткѣ г. Снѣжневскій, — что разсказъ г. К. о „Кузькѣ-богѣ“ (который, скажемъ кстати, никогда себя

богомъ не называлъ) проникъ въ мѣстную крестьянскую среду, и теперь, если вы станете искать устныхъ преданій на мѣстѣ дѣйствія Кузьмы, мордовскаго пророка, то отъ русскихъ сосѣдей мордвы услышите о книжкѣ, „въ которой все это написано". И вамъ передадутъ всѣ невѣроятные эпизоды изъ разсказа „Кузька-богъ". Это одинъ изъ случаевъ, когда письменность, *вслѣдствіе предразсудка въ культурной средѣ*, не закрѣпила, не сохранила преданія, а только исказила его и опошлила".

Теперь эти искаженія повторены распространенными газетами въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ. И вѣдь, вотъ какъ живуча всякая пошлость: не смотря на то, что подлинная исторія Кузьмы еще такъ недавно изложена въ статьѣ г. Снѣжневскаго, что въ мѣстной газетѣ („Нижегор. Лист.", № 56, 1896 г.) она опять возстановлена господиномъ А. С. по поводу статьи „Нов. Вр." о Терюханскомъ идолищѣ, — въ томъ же Нижнемъ-Новгородѣ — нелѣпая лубочная „повѣсть" появляется въ новомъ отдѣльномъ изданіи, при чемъ на задней оберткѣ стыдливо пріютилось слѣдующее надписаніе: „Съ требованіемъ книги слѣдуетъ обращаться въ Нижній-Новгородъ... къ надворному совѣтнику Мих. Як. Г." (на книгѣ имя и фамилія проставлены полностью). Мы понимаемъ надворнаго совѣтника М. Я. Г. Онъ вознамѣрился получать за „повѣсть" неизвѣстнаго автора по 1 р. съ пересылкою и для этого, подобно извѣстному герою Успенскаго, объявляетъ: „деньги объ это мѣсто". Хочется думать, что г-ну М. Я. Г. хоть немного стыдно за свою, теперь уже *завѣдомо* дрянную книжную аферу. Въ уваженіе этого предполагаемаго нами чувства, мы выставляемъ только иниціалы почтеннаго надворнаго совѣтника, прикрывая фиговымъ листикомъ наготу его вожделѣній *)...

1898 г.

Танъ.—Чукотскіе разсказы.

Спб. 1900.

На востокъ отъ Колымы, вдоль береговъ Ледовитаго океана на многія тысячи верстъ раскинулась суровая страна, населенная полудикими героями этихъ разсказовъ. Отношенія чукчей къ Россіи очень своеобразны,—въ сводѣ законовъ они названы „не совершенно-подданными". Въ одномъ изъ раз-

*) Издатель прислалъ письмо въ редакцію „Русск. Бог.", въ которомъ заявляетъ, что онъ далъ лишь свое имя. Фактическимъ издателемъ является самъ авторъ. (Позднѣйшее примѣчаніе Б. К.).

сказовъ г. Тана („У Григорьихи") чукча-сказочникъ передаетъ отголоски преданія о маіорѣ Павлуцкомъ, извѣстномъ усмирителѣ башкиръ, который сдѣлалъ послѣднюю попытку полнаго подчиненія чукчей. Въ этой легендѣ Павлуцкій называется почему-то Якунинымъ. „Пришелъ Якунинъ, огнивный Тангъ (русскій), одѣтый желѣзомъ, худо убивающій... Кого поймаетъ, худо убиваетъ: мужчинъ, повернувъ внизъ головой, разрубаетъ топоромъ по промежности, женщинъ раскалываетъ пополамъ, какъ рыбу для сушенія". Во время похода этого „худо убивающаго" человѣка противъ чукчей, богатырь Эыргинъ вызываетъ его на бой и побѣждаетъ. „Съ тѣхъ поръ прекратилось жестокое убиваніе на этой землѣ", — закончилъ разсказчикъ. Чукчи перебили весь отрядъ Павлуцкаго. „Только двухъ таньговъ, бѣдныхъ работниковъ, оставили въ живыхъ. Самыхъ бѣдныхъ, вѣчно обижаемыхъ, которыхъ всю жизнь плохо кормили,—тѣхъ оставили живыми" и отослали въ качествѣ вѣстниковъ. Эта легенда довольно точно передаетъ эпизодъ, извѣстный въ исторіи, если не считать фамиліи Якунина, — повидимому заимствованной устнымъ преданіемъ у какого-нибудь казацкаго предводителя, „худо убивавшаго", подобно Павлуцкому *). Какъ бы то ни было, походъ Павлуцкаго былъ, кажется, послѣдней попыткой этого рода, попыткой, правда, совершенно безцѣльной и ненужной. Не столько эпическое мужество чукотскихъ Эыргиновъ, сколько стихійныя препятствія—малая населенность страны, суровая неподатливость природы, огромныя разстоянія — все это ставитъ пока неодолимыя преграды „полному покоренію" суроваго племени. Государственная власть, христіанская религія, правовыя нормы закона совершенно безсильны надъ этими безконечными равнинами. Ихъ первобытная жизнь считается только съ непосредственными велѣніями „духовъ" безпощадной сѣверной природы.

Природа эта ужасна. Ужасна и жизнь подъ ея властію. До сихъ поръ мы знали объ ней лишь то, что можетъ дать сухая этнографія и коллекціи музеевъ. Но вотъ, случайности послѣднихъ десятилѣтій закинули туда „Веипа" („пишущаго человѣка"), который къ тщательности изслѣдованій этнографа прибавилъ черты наблюденія художественнаго. Въ теченіи цѣлыхъ годовъ г. Танъ ѣздилъ на нартахъ, запряженныхъ собаками, по этимъ бѣлымъ равнинамъ, входилъ въ зане-

*) Въ одной малораспространенной брошюрѣ миссіонера свящ. Аргентова герой такой же легенды называется ближе къ дѣйствительности „Полючка".

сенные снѣгомъ чумы, жилъ въ нихъ одною жизнью съ ихъ обитателями, наблюдалъ эту жизнь во всевозможныхъ ея проявленіяхъ. Въ результатѣ — рядъ картинъ, самая своеобразность которыхъ, проникающая однимъ тономъ всѣ подробности, ручается за ихъ полную правдивость. Трудно „выдумать“ то, что даетъ намъ авторъ въ своихъ безыскусственныхъ разсказахъ.

Лучшій изъ нихъ—„На Каменномъ мысу“. Онъ начинается съ описанія продолжительной мятели, когда стремительные порывы вихря, вонзаясь въ поверхность ледяного „убоя“, отрывали отъ нея мелкія, какъ сухая пыль, льдинки и наполняли ими воздухъ,—и рисуетъ будничную жизнь въ двухъ чукотскихъ шатрахъ, пріютившихся подъ выступомъ каменнаго мыса, на берегу океана. Мы не станемъ передавать содержаніе разсказа, отсылая читателя къ самой книгѣ. Отмѣтимъ лишь главную черту, которая является основной и господствующей во всѣхъ очеркахъ г. Тана. Это непосредственная власть природы, одухотворенной и воплощаемой до степени полнаго реализма. Въ шатрахъ, вздрагивающихъ подъ дыханіемъ бури, продолжающейся цѣлую недѣлю, водворяется страхъ: буря грозитъ гибелью, — собаки перестаютъ ѣсть и лежатъ въ предчувствіи смерти. Выходя изъ шатра, обитатели связываются веревкой, чтобы буря не отвела въ сторону. Еще нѣсколько дней, и въ поселкѣ не останется живого дыханія. Тогда гость, чаунецъ, пріѣхавшій для торга, требуетъ у хозяевъ, чтобы они остановили вѣтеръ. „Хотя бы кто-нибудь пошаманилъ на встрѣчу вѣтру, — говоритъ онъ.—У насъ въ нашей землѣ мы бы не дали ему такъ безумствовать“. Одинъ изъ жителей шатра соглашается. Въ шатрѣ гасятъ свѣтъ. „Въ пологѣ стало темно, какъ въ гробу, но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный звукъ шаманской колотушки раздавался, какъ набатъ. Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы: подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гагарой, завывалъ въ унисонъ вьюгѣ, бушевавшей на дворѣ... Но духи бури, пролетавшей мимо, не обращали вниманія на призывъ, не хотѣли задержаться на минуту, откликнуться“... Тогда шаманъ переходитъ къ напѣвамъ и заклинаніямъ.

— Э-ге-ге-ге-ей! Гей! Гей,—протянулъ Уквунъ. — Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій!..

„Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго эха. Она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями. Изъ-подъ ногъ

ея брызжетъ алый огонь. Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій — дай отвѣтъ.

„Скажи, скажи, скажи! Кто разгребаетъ огромной лопатой снѣгъ на краю пустыни, чтобы ослѣпить глаза всякой живой твари?.. Скажи!“

Долгое время буря неслась мимо, не давая отвѣта. Но вотъ, наконецъ, порывъ вѣтра вдругъ какъ будто закружился надъ верхушкой шатра. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ измѣнилъ направленіе и сталъ спускаться внизъ, проникнувъ сквозь плотную наружную оболочку и приближаясь къ пологу: духи рѣшились не сопротивляться болѣе и дать отвѣтъ... Люди, сидѣвшіе въ пологу, слышали все яснѣе исполинскіе вздохи вихря, похожіе на шипѣніе огромныхъ мѣховъ. Черезъ минуту вихрь ворвался въ пологъ, пронизалъ его съ верхняго лѣваго угла до праваго нижняго, во второй разъ пробивъ толстую мѣховую оболочку, ушелъ въ глубину и потонулъ въ отдаленныхъ нѣдрахъ земной утробы.

„Люди, сидѣвшіе въ пологу, однако, не ощутили ни малѣйшаго вѣянія свѣжаго воздуха. Настоящій, реальный вѣтеръ остался снаружи, а въ пологъ явился его *увырытъ* *), который весь исчерпывался звуками. Порывъ вихря, промчавшійся сквозь пологъ, былъ потокомъ визгливыхъ воплей и задыхающагося воя, который, прокатившись мимо, опустился куда-то вглубь и исчезъ такъ же быстро, какъ возникъ“.

Еще нѣсколько усилій—и „въ сторонѣ полога, противоположной Уквуну, послышался необыкновенный звукъ, похожій на икоту. Янта (молодая дѣвушка) вздрогнула и прижалась къ своему жениху, такъ какъ звукъ раздался прямо надъ ея головой“. Духъ вошелъ въ шатеръ и, пока надъ равниной несутся по прежнему снѣжные вихри,—въ шатрѣ всѣ слышатъ слова одного изъ нихъ, задержаннаго силой заклинаній.

Но духъ, вызванный Уквуномъ, ничтожнымъ и слабымъ, тоже ничтоженъ и не можетъ сказать ничего значительнаго. Онъ сообщаетъ лишь то, что всѣмъ извѣстно, и слишкомъ наивно отстаиваетъ интересы самого Уквуна.

— Пустое, — вдругъ сказалъ старшій хозяинъ Кителькутъ, — это керецкій духъ, не чукотскій.

Тогда, неожиданно для всѣхъ,—къ голосу стараго Уквуна присоединяется вдругъ молодой голосъ Нувата, сына Кителькута. Нуватъ, не смотря на свои молодые годы, былъ лучшимъ промышленникомъ между охотниками тундры. Но съ

---

*) Душа — собственно движущее начало, проникающее всѣ предметы одушевленные и неодушевленные.

годъ назадъ съ Нуватомъ что-то приключилось. Во время осенней охоты, онъ долго не являлся домой, а когда пришелъ,—добычи съ нимъ не было. Онъ пролежалъ въ пологѣ сутки, не принимая пищи и не отвѣчая на вопросы. Догадывались, что онъ вдругъ услыхалъ въ природѣ или въ своей душѣ смутный, но властный голосъ „внѣшняго духа", который призвалъ его къ таинственному служенію. „Юноши, которые впослѣдствіи должны сдѣлаться великими шаманами, на поворотѣ половой зрѣлости иногда слышатъ такой голосъ или встрѣчаютъ знакъ, ничтожный и непонятный для непосвященныхъ, внезапно открывающій имъ глаза на ихъ призваніе. Сѣрая чайка, пролетѣвшая три раза мимо, камень странной формы, попавшійся подъ ноги...—въ состояніи произвести полный переворотъ въ настроеніи человѣка, обреченнаго *вдохновенію*".

Первые же звуки голоса Нувата заставляютъ смолкнуть бѣднаго Уквуна. Молодой обреченный вдохновенію шаманъ, родъ поэта и ясновидящаго, обладаетъ способностію „летать на бубнѣ", т. е. впадать въ своего рода гипнотическій трансъ, во время котораго его душа облетаетъ вселенную...

„Голова летающаго въ темнотѣ,—поетъ онъ,—моя голова. Его руки—мои руки. Его ноги—мои ноги. Тѣло его я присвоилъ себѣ, а мое тѣло стало старымъ пнемъ и упало на стрѣлку мыса... Души мои летаютъ въ разныя стороны и обозрѣваютъ все сущее..."

Голосъ его внезапно оборвался, послышалось легкое храпѣніе и шуршаніе бубна. Молодой шаманъ лежалъ въ обморокѣ.

Мы нарочно съ такой подробностію остановились на этой картинѣ потому, что,—помимо своихъ описательныхъ достоинствъ,—она характеризуетъ манеру г. Тана. Какъ этнографъ, онъ необыкновенно внимательный наблюдатель и, не смотря на изсушающее порой обиліе этнографическихъ комментаріевъ, его описанія художественно пластичны. Вы сами какъ будто слышите и вой мятели, и стукъ бубна, и шорохи въ темномъ шатрѣ. Но, когда авторъ развертываетъ передъ вами эту картину, гдѣ, какъ въ зернѣ, дремлютъ зачатки поэтическаго вдохновенія, еще не отдѣлившагося отъ культа непосредственной природы, вы ждете, кромѣ этихъ яркихъ описаній, еще чего-то. Еще какого-то штриха, какого-то проникновенія, которое дорисуетъ передъ вами самую сущность явленія.

Что же такое это шаманство? У Уквуна—наивное шарлатанство? Въ другихъ описаніяхъ шаманскихъ обрядовъ авторъ упоминаетъ объ искусствѣ чревовѣщанія, которымъ пользуются шаманы, а порой „голосъ духа" прямо такой же хриплый, какъ у шамана. Но онъ не пытается отдѣлить долю сознательнаго шарлатанства отъ искренняго самовнушенія. Психологіи про-

цесса онъ не затрогиваетъ даже въ цитированномъ разсказѣ, который ведется не отъ лица автора и гдѣ его воображеніе не стѣснено предѣлами непосредственнаго описанія съ натуры. Въ лицѣ его Нувата мы имѣемъ попытку художественнаго возсозданія типа. Нуватъ— искренній „обреченный“, фигура трагическая, повинующаяся велѣніямъ свыше, слышащая невидимые голоса не дѣшняго міра. И вотъ, во время своего гипнотическаго сна онъ *дѣйствительно* видитъ будущее, видитъ кровь на столбахъ своего шатра и предсказываетъ мрачную трагедію, которая разыгрывается подъ Каменнымъ мысомъ. Въ другомъ описаніи авторъ вскользь упоминаетъ о томъ, что эти явленія сильно напоминаютъ спиритическіе сеансы. И всетаки между прямымъ ясновидѣніемъ нѣсколько идеализированнаго Нувата и наивными чревовѣщаніями Уквуна, Тылювіи и другихъ обыкновенныхъ шамановъ мы не имѣемъ никакого мостика. Такъ какъ, по словамъ автора, всякій глава семьи—шаманъ, и во всякомъ шатрѣ есть бубенъ, то, очевидно, тайны этого процесса всѣмъ извѣстны и вполнѣ популярны. Но тогда почему, напр., чаунецъ, самъ заклинающій своихъ духовъ, вѣритъ реальности „голосовъ“, вызванныхъ чревовѣщаніемъ Уквуна, хотя и презираетъ его духовъ? Очевидно, и въ обычномъ, вульгарномъ шаманствѣ есть какая-то доза самовнушенія и весь процессъ лежитъ въ какомъ-то психологическомъ туманѣ, гдѣ доля наивнаго обмана и самообмана неотдѣлима отъ искренняго трепета души, объятой гипнозомъ мрачной природы. Г. Танъ ни какъ этнографъ, ни какъ художникъ ни разу не ставитъ прямо и не пытается разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ съ чрезвычайной добросовѣстностію и искусствомъ, а порой и съ утомительными подробностями и повтореніями рисуетъ внѣшніе признаки явленій. Въ общемъ—мы получаемъ колоритную и своеобразную картину, въ которой чувствуемъ живыя особенности, но этнографъ слишкомъ связываетъ художника, и въ читателѣ остается нѣкоторая неудовлетворенность.

Мы не хотѣли бы, чтобы послѣднее замѣчаніе было принято въ преувеличенномъ значеніи. Всетаки книга г. Тана — интересная книга и, главное, она вноситъ своеобразную ноту въ наше представленіе объ этой жизни за предѣлами культуры. Въ очеркахъ, представляющихъ снимки съ натуры, гдѣ разсказъ ведется отъ перваго лица, вы встрѣтите фигуры, разговоры, черты, поражающія своей неожиданной оригинальностью. Вотъ хладнокровный разсказъ о томъ, какъ старому Катыку надоѣло смотрѣть на солнце и дѣти его задушили. „Что же, если самъ проситъ,—развѣ откажутъ? Жена держала

его голову на колѣняхъ, сыновья тянули веревку“ („На Каменномъ мысу“). Вотъ ясновидящій Нуватъ, которому голоса приказываютъ убить сосѣдей, не защитившихъ его отца. Онъ убиваетъ всѣхъ, стариковъ и дѣтей,—и потомъ воспрещаетъ преслѣдовать самого убійцу отца. Довольно крови. Вотъ пастухъ Эуннекай, который говоритъ встрѣчному медвѣдю: „Старикъ, пожалѣй меня, пощади меня, я никогда не говорилъ о тебѣ дурно, не трогалъ никого изъ твоего рода“... Въ этомъ хромомъ Эуннекаѣ, забитомъ, запуганномъ и людьми, и келями (злые духи), живетъ въ зародышѣ художникъ, и на бѣлыхъ снѣгахъ онъ оставляетъ узоры изъ цвѣтныхъ камней, которые для этой цѣли таскаетъ за пазухой своей кукашки. Вотъ Тылювія, мужчина, обращенный велѣніями духовъ въ женщину. Онъ остался физически мужчиной, но выданъ замужъ за Ятиргина, носитъ женское платье, исполняетъ всѣ обязанности жены и всѣ женскія работы и на разспросы Венна, пишущаго человѣка, стыдливо потупляетъ глаза и закрываетъ, съ застѣнчивостью шестнадцатилѣтней дѣвушки, грубое, мужское лицо съ пробившимися уже усами...

Чукчи, ламуты, шаманы, дѣвушки, казакъ Васька, одичавшій и почти не отличающійся отъ чукчей, мертвое стойбище, гдѣ среди мертвецовъ, пораженныхъ заразой, рождается ребенокъ и остается жить вмѣстѣ съ матерью, которую одну пощадилъ духъ смерти,—русскій чукча, случайный отпрыскъ русскаго племени, ведущій жизнь чукчей—все это оригинально, неожиданно, странно и, не смотря на нѣкоторую сухость, длинноты, повторенія и излишнюю фотографичность снимковъ,—запечатлѣвается въ памяти и даетъ правдивую картину своеобразнаго, невѣдомаго быта. Пусть въ произведеніяхъ г. Тана этнографъ порой слишкомъ связываетъ художника. Но за то художникъ оживляетъ этнографическія описанія, которыя и сами по себѣ были бы интересны.

1900 г.

А. Серафимовичъ.—Очерки и разсказы.

Книга I. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901.

Г. Серафимовичъ не новичекъ въ литературѣ. Если не ошибаемся, уже около 10 лѣтъ назадъ появились въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ его разсказы „На плотахъ“ и „Въ тундрѣ“, въ которыхъ изображались картины нашего сѣвера. Прекрасный языкъ, образный, сжатый и сильный, яркія,

свѣжія описанія и набросанныя эскизно и бѣгло, но всетаки живыя фигуры,—все это не прошло незамѣченнымъ для тѣхъ, кто читалъ эти очерки. Къ сожалѣнію, послѣ этого г. Серафимовичъ появлялся въ литературѣ рѣдко, и разсказы его, небольшіе и отдѣленные другъ отъ друга значительными промежутками времени, не суммировались въ памяти широкой читающей публики. Теперь они выходятъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Въ настоящемъ выпускѣ мы находимъ 8 разсказовъ. Въ первомъ изъ нихъ („На плотахъ") полудикарь Кузьма гонитъ плоты внизъ по небольшой сѣверной рѣчкѣ. Передъ читателемъ проходитъ рядъ картинъ сѣверной природы. „Тихо. Побѣлѣвшая ночь недвижно дремлетъ надъ водной ширью, надъ потопленными лѣсами... Бѣлые туманы безжизненно висятъ надъ самой водой дымчатыми пятнами, отражаясь въ зеркальной глади призрачными очертаніями..." Потомъ идутъ „берега высокіе, рѣчка легла въ неширокое русло, вешнія воды рвутся въ узкомъ мѣстѣ. Плитка (плотъ) бѣжитъ, что карбасъ подъ парусами". Среди этихъ картинъ, набросанныхъ сжато и красиво, одинокая фигура Кузьмы борется съ сотнями многообразныхъ опасностей. То мель, то подводный пень, то вѣтеръ, который грозитъ разметать плитку, а тогда—зимой голодная смерть... А то опять люди, чужіе плоты на пути. Кузьма смотритъ одинаково и на рѣку, и на коряги, и на людей. Рискуя надорваться, онъ стаскиваетъ воротомъ плотъ, засѣвшій на корягу, рискуя быть избитымъ до смерти, прорывается сквозь чужіе плоты... Это еще человѣкъ внѣобщественный, не имѣющій понятія „о правахъ и обязанностяхъ". Изъ „правленія", гдѣ его судятъ, онъ спасается бѣгствомъ, караванъ чужихъ плотовъ прорываетъ ударомъ, а передъ бурей, гдѣ его физическая сила—нуль, просто напивается до потери сознанія...

Не смотря на всю эскизность рисунка, въ этой фигурѣ, оживляющей пустынные пейзажи г-на Серафимовича,—читатель съ нѣкоторой грустью чувствуетъ непосредственную жизненную правду и—увы!—не только „мѣстную" правду: въ чертахъ этого наивнаго сына дикаго сѣвера чувствуется нѣчто болѣе широкое — и близкое... Въ слѣдующемъ очеркѣ сѣверный пейзажъ занимаетъ почти половину, но даже эта неумѣренность описаній не утомляетъ читателя, такъ ярки эти картины своеобразной природы. Вторая половина разсказа изображаетъ трагическое столкновеніе „закона" съ дикой непосредственностью сына тундры, самоѣдскаго богача, убившаго старую жену „за ненадобностью", а отчасти даже

изъ уваженія къ начальству, которое молодая новая жена съумѣетъ принять и угостить лучше, чѣмъ слабая и глупая старуха. Безъ сомнѣнія, нехорошо убивать женъ и хорошо, что законъ этого не допускаетъ. Но... чувствуется всетаки, что, будь на мѣстѣ лица, отъ имени котораго ведется разсказъ, другое начальство, болѣе „милостивое“ и болѣе склонное къ аргументаціи богатаго Ламбея, — все кончилось бы благополучно, въ полной гармоніи съ мѣстными правами. И опять проглядываетъ что-то стихійно-трагическое въ этомъ маленькомъ уголовномъ эпизодѣ. На непосредственно дикую расправу дикаря, считающаго себя даже правымъ, цивилизація отвѣчаетъ тюрьмой, что для самоѣда равно смертной казни. И цивилизація тоже и въ еще большей степени права. Но развѣ не въ этомъ сущность „трагическаго“? Слѣдователь, пріѣхавшій за Ламбеемъ, почти убѣгаетъ на своихъ саняхъ отъ чума, гдѣ всѣ оплакиваютъ трагически и неожиданно гибнущаго хозяина... „Темный конусъ чума, курясь легкимъ дымкомъ, быстро отбѣгаетъ къ самому краю равнины. Сначала онъ превращается въ маленькій игрушечный чумъ, потомъ въ пятнышко, потомъ въ точку и — исчезаетъ на горизонтѣ...“

Наше краткое изложеніе первыхъ двухъ очерковъ г-на Серафимовича даетъ нѣкоторое понятіе объ его манерѣ. Въ остальныхъ разсказахъ дѣйствіе происходитъ уже не на сѣверѣ, но въ каждомъ присутствуютъ тѣ же черты: живыя и яркія описанія и нѣкоторая эскизность въ обрисовкѣ фигуръ. Это—какъ будто акварельные наброски, сдѣланные на ходу умѣлой и талантливой рукой наблюдателя, который едва ли самъ и особенно тщательно выбиралъ предметы наблюденій, и ужъ во всякомъ случаѣ не останавливался надъ ними подолгу.

Тутъ есть и фигура безногаго моряка на фонѣ красивой „марины“ („Прогулка“), и суровыя картины зимней ловли азовскихъ рыбаковъ („Месть“), и картинки казачьяго отряда на походѣ, и очень хорошее описаніе тяжелой работы рудокоповъ во тьмѣ подземелій („Подъ землей“)...

Отмѣтка на обложкѣ („Томъ I-й“) позволяетъ ждать продолженія.

1901 г.

А. И. Скребицкій.—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ

(съ чертежами въ текстѣ и 5-ю таблицами).

Книга г-на Скребицкаго представляетъ замѣчательный трудъ, какъ по количеству заключающихся въ ней свѣдѣній, такъ и по ихъ глубинѣ и содержательности. Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ исторію своей двадцатилѣтней работы. Наканунѣ открытія военныхъ дѣйствій противъ Турціи, въ іюлѣ 1877 года возникло главное попечительство о семействахъ воиновъ, отправившихся на войну. Вслѣдъ затѣмъ стали образовываться мѣстныя отдѣленія въ провинціи. Въ кругъ задачъ этого учрежденія входило, между прочимъ, попеченіе о нижнихъ чинахъ, потерявшихъ на войнѣ зрѣніе. Исходя изъ положенія, что всѣ ослѣпшіе на войнѣ потеряли зрѣніе *отъ военныхъ дѣйствій*,—попечительство обратилось (послѣ войны) къ военному министерству съ просьбой сообщить свѣдѣнія о количествѣ такихъ раненыхъ и ихъ мѣстѣ жительства. Свѣдѣнія получились неполныя, но затѣмъ другими путями удалось собрать данныя о 1295 ослѣпшихъ солдатахъ. Въ Петербургѣ было открыто небольшое убѣжище на 12 человѣкъ, съ которымъ г. Скребицкій имѣлъ случай ознакомиться въ качествѣ врача. Осмотръ глазъ и нѣсколько удачныхъ операцій, произведенныхъ имъ въ этомъ убѣжищѣ,—убѣдили попечительство въ томъ, что не всѣ больные окончательно потеряли зрѣніе, и что для многихъ, считающихся безнадежно слѣпыми, возможна еще медицинская помощь. Въ виду этого попечительство, по предложенію автора разбираемаго труда,—поручило ему лѣтомъ 1879 и 1880 годовъ отправиться въ мѣстности, въ которыхъ находилось наибольшее количество ослѣпшихъ солдатъ. Въ результатѣ этихъ двухъ поѣздокъ авторъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что не болѣе 5% изъ нихъ лишилось зрѣнія отъ вражескаго оружія. Остальные оказались жертвами недуговъ, главнымъ образомъ заразнаго свойства, вынесенныхъ ими съ родины. Густыя толпы страдавшихъ глазами и слѣпыхъ не солдатъ, прибывавшія къ сборнымъ пунктамъ по первому слуху о прибытіи глазного врача,—подтверждали этотъ выводъ. Такимъ образомъ, печальный горизонтъ неожиданно и страшно расширялся передъ взглядомъ чуткаго и внимательнаго наблюдателя: вмѣсто ослѣпшихъ отъ турецкаго оружія передъ нимъ раскрывалась бѣдствующая и слѣпотствующая Русь, въ горѣ которой, говоря словами г-на Скребицкаго, „оказыва-

лись виновными не турки, а наши внутренніе враги: невѣжество, бѣдность, врачебная безпомощность населенія". Сознаніе этой истины явилось точкой отправленія всей послѣдующей общественной дѣятельности автора, посвятившаго свое время и силы изученію размѣровъ бѣдствія и средствъ борьбы съ нимъ. Своимъ печальнымъ открытіемъ онъ поспѣшилъ подѣлиться съ главнымъ попечительствомъ и довести о немъ до всеобщаго свѣдѣнія, не подозрѣвая, что это дастъ впослѣдствіи сигналъ къ многолѣтней борьбѣ, въ концѣ которой явилось, впрочемъ, два результата: во-первыхъ, выясненіе полной справедливости первоначальныхъ заявленій автора, и во-вторыхъ—прекрасная книга, дающая замѣчательно полную картину современнаго состоянія вопроса и всего того, что можетъ выдвинуть культурное человѣчество для борьбы съ страшнымъ бѣдствіемъ слѣпоты.

Въ 1881 году главное попечительство перестало существовать, и капиталы его были переданы „Попечительству о слѣпыхъ". Учрежденіе это очень скоро оказалось обладателемъ значительныхъ средствъ. Прежде всего, по иниціативѣ г-жи Эллисъ, было испрошено разрѣшеніе св. синода на открытіе повсемѣстнаго и ежегоднаго сбора въ недѣлю о слѣпомъ. Разрѣшеніе послѣдовало, и съ тѣхъ поръ притокъ пожертвованій былъ обезпеченъ навсегда. Заслуга дальнѣйшей организаціи сборовъ принадлежитъ К. К. Гроту, обратившемуся (по прежнимъ своимъ служебнымъ отношеніямъ къ акцизному вѣдомству) ко всѣмъ управляющимъ съ просьбой принять на себя организацію церковно-кружечнаго сбора. Впослѣдствіи лица того же вѣдомства приняли на себя и другія обязанности по устройству и завѣдыванію вновь возникающими учрежденіями. Общее же завѣдываніе сосредоточено въ Петербургѣ (совѣтъ и общее собраніе). При этомъ сначала всѣ пожертвованія направлялись въ Петербургъ, въ центральную кассу, и даже въ Москвѣ только съ 1889 года сборы ея остаются цѣликомъ на ея мѣстныя нужды. Такимъ образомъ, петербургское попечительство оказалось въ положеніи исключительно благопріятномъ: въ его распоряженіи сосредоточились значительныя средства и дѣятельная помощь почти цѣлаго вѣдомства.

Въ первыхъ шагахъ попечительства принималъ участіе и авторъ разбираемаго труда. Вскорѣ, однако, ихъ пути разошлись. Г. Скребицкій относился къ своей задачей съ неподкупной строгостью честнаго изслѣдователя, а въ петербургскомъ попечительствѣ (средства котораго еще усилились рѣдкимъ въ исторіи филантропическихъ учрежденій даромъ импе-

ратора Александра III почти въ $1^1/_2$ милліона) вскорѣ водворились пріемы и порядки, по поводу которыхъ авторъ вспоминаетъ объ извѣстномъ произведеніи Григоровича „Акробаты благотворительности“. Первое, если не ошибаемся, разногласіе возникло уже по основному вопросу — о размѣрахъ бѣдствія. А. И. Скребицкій, еще въ 1879 г., послѣ первой поѣздки своей, предвидѣлъ, „что у насъ зарождается новый вопросъ общественнаго значенія“, и потому принялъ всѣ мѣры для ознакомленія съ его положеніемъ у насъ и за границей. На одномъ изъ конгрессовъ по этому предмету въ Амстердамѣ онъ сдѣлалъ сообщеніе о томъ, „въ какомъ соотношеніи находятся въ Россіи учрежденія для призрѣнія слѣпыхъ къ ихъ числу“. Выводы автора оказались очень неутѣшительными. Не выписывая подробно ни цифръ, на которыхъ основывается авторъ, ни его аргументаціи, — приведемъ только заключеніе: Несмотря на неодинаковую степень достовѣрности источниковъ, всѣ они сходятся въ одномъ: *числа, представляемыя ими, доходятъ до крайнихъ предѣловъ, которыхъ когда-либо достигала статистика слѣпоты*“ (курсивъ автора; стр. 645).

Это заключеніе, высказанное на амстердамскомъ конгрессѣ, тотчасъ же вызвало цѣлый походъ противъ автора въ Россіи. Первымъ, по странной игрѣ судьбы, выступилъ противъ г-на Скребицкаго г-нъ Адеркасъ, дѣлопроизводитель совѣта попечительства и редакторъ издаваемаго попечительствомъ журнала „Русскій Слѣпецъ“. Командируемый на различные съѣзды въ Россіи и за границей, г. Адеркасъ, повидимому, считалъ своей главной задачей доказательство мысли, что въ нашемъ отечествѣ въ отношеніи слѣпоты все обстоитъ довольно благополучно, а тѣ размѣры бѣдствія, которые существуютъ, успѣшно побѣждаются наличными размѣрами помощи. Одинъ изъ его докладовъ носилъ даже краснорѣчивое заглавіе: „О взлетѣ (Ueber den Aufschwung) образованія слѣпыхъ въ Россіи“. Смыслъ докладовъ г-на Скребицкаго былъ какъ разъ обратный: по его мнѣнію, количество слѣпыхъ въ нашемъ отечествѣ, связанное съ общимъ низкимъ уровнемъ благосостоянія, огромно, а мѣры борьбы младенчески недостаточны. Сообщеніе г-на Адеркаса является апоѳеозомъ дѣятельности совѣта попечительства, г-нъ Скребицкій находилъ, что пока намъ „кичиться еще нечѣмъ“, тѣмъ болѣе, что „80-лѣтній застой въ этой области, не смотря на первый толчекъ, данный образованію слѣпыхъ императоромъ Александромъ I въ 1807 году — не былъ тайной за границей, а то, что было сдѣлано въ то время попечительствомъ, являлось лишь каплей въ океанѣ

несчастія". Г-нъ Скребицкій утверждалъ и утверждаетъ, что „у насъ нѣтъ соотвѣтствія между числомъ учрежденій для слѣпыхъ и ихъ количествомъ" (стр. 648) и что намъ, русскимъ, въ дѣлѣ призрѣнія слѣпыхъ „приходится пока завидовать иностранцамъ и поучаться у нихъ", а не хвалиться на конгрессахъ достигнутыми уже результатами. Это подало поводъ къ полемическимъ и обличительнымъ докладамъ г-на Адеркаса по начальству, такъ же, какъ и откровенное заявленіе д-ра Скребицкаго „о крайнемъ недостаткѣ у насъ спеціально подготовленныхъ педагогическихъ силъ". Справедливость этого заявленія черезъ три года подтвердилъ, впрочемъ, К. К. Гротъ, а справедливость главныхъ положеній д-ра Скребицкаго теперь должна быть признана стоящей внѣ спора. Но до тѣхъ поръ д-ру Скребицкому пришлось выдержать много нападеній не только въ спеціальной, но и въ общей печати. Въ книгѣ г-на Скребицкаго (стр. 646, 653 и мн. др.) приведены довольно характерные эпизоды этой борьбы, длившейся много лѣтъ, борьбы, въ которой на одной сторонѣ было псевдопатріотическое самодовольство и формула „все благополучно", а на другой—честный пессимизмъ въ настоящемъ и упорная работа для будущаго.

Мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности прореферировать въ краткой рецензіи богатое содержаніе книги г-на Скребицкаго. Намъ было бы непріятно, если бы читатель на основаніи сказаннаго выше составилъ о ней представленіе, какъ о произведеніи по преимуществу обличительномъ и полемическомъ. Совсѣмъ нѣтъ. Мы привели изложенную выше исторію возникновенія и продолженія работы г-на Скребицкаго лишь потому, что это живая личная драма не одного г-на Скребицкаго, но и многихъ честныхъ изслѣдователей-работниковъ въ нашемъ отечествѣ. Не всѣмъ только удается выйти изъ этой борьбы съ такими результатами. Книга г-на Скребицкаго, повторяемъ,—это настоящая гора труда, съ которой онъ можетъ теперь спокойно оглянуться на пройденный путь: всѣ эти остановки, борьба, нападенія противниковъ—съ этой высоты должны казаться и кажутся сравнительно ничтожными этапами на пройденномъ пути. Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ спокойно, среди другихъ эпизодовъ изъ исторіи вопроса, и весь предметъ спора теперь лежитъ передъ читателемъ въ его естественныхъ перспективахъ. Г-нъ Скребицкій изучилъ предметъ во всѣхъ его деталяхъ, и его книга является, по нашему мнѣнію, исчерпывающей энциклопедіей вопроса о слѣпотѣ, объ ея связи съ общими условіями жизни страны, о средствахъ борьбы съ ужаснымъ бѣдствіемъ. Можно, вѣ-

роятно, оспаривать тѣ или другія частныя положенія автора, но нельзя не признать, что его книга должна стать настольнымъ руководствомъ для всякаго, интересующагося не только даннымъ вопросомъ, но и вообще постановкой учрежденій этого рода въ нашемъ отечествѣ и за границей. Какъ общественная сторона вопроса, такъ и послѣднія мелочи педагогической и филантропической техники изложены у г-на Скребицкаго съ чрезвычайной полнотой и обстоятельностью. Читатель найдетъ здѣсь научное изложеніе вопросовъ по психологіи слѣпыхъ, прирожденныхъ или связанныхъ съ слѣпотой особенностей ихъ душевнаго склада, взгляды на задачи ихъ воспитанія, подробнѣйшія свѣдѣнія о существующихъ системахъ преподаванія и призрѣнія и т. д., и т. д.,—вплоть до разныхъ системъ шрифта и приспособленій для чтенія и письма слѣпыхъ. Вся книга г-на Скребицкаго проникнута тѣмъ истинно просвѣщеннымъ уваженіемъ къ работѣ, уже сдѣланной въ этой области тружениками болѣе культурныхъ странъ,—которое, съ одной стороны, избавляетъ отъ легковѣсной псевдо-патріотической кичливости, съ другой — даетъ силы для дѣйствительно плодотворной работы.

Отнынѣ никто, интересующійся совокупностью вопросовъ общественной филантропіи, не можетъ обойтись безъ знакомства съ капитальнымъ трудомъ г-на Скребицкаго, и намъ остается только пожелать, чтобы книга привлекла къ себѣ все то вниманіе, какого она заслуживаетъ,—и прежде всего, конечно, вниманіе нашей періодической печати.

1903 г.

В. П. Буренинъ.—Театръ.

(Томъ первый. Спб. 1904).

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ этой книги—человѣкъ съ литературнымъ дарованіемъ. Но что такое, собственно, литературное дарованіе? Это есть способность легко и свободно придавать литературную форму своимъ мыслямъ, чувствамъ и настроеніямъ, независимо еще отъ ихъ содержанія. Случается очень часто, что люди съ глубокимъ содержаніемъ надѣлены этой способностью лишь въ слабой степени, и тогда они мучительно ищутъ своей формы. И бываетъ наоборотъ: нерѣдко собственно литературныя способности даны судьбой людямъ съ очень незначительнымъ содержаніемъ. Тогда форма ищетъ для себя содержанія, по большей части, разумѣется, чужого.

Г. Буренинъ чрезвычайно легко „владѣетъ перомъ“. Ему одинаково свободно даются и стихи, и проза, и въ своихъ фельетонахъ, доставившихъ ему своеобразную извѣстность, онъ мѣшаетъ и то, и другое. Но если бы кто-нибудь задался цѣлью отыскать въ этой огромной (количественно) работѣ какую-нибудь руководящую нить, попытался бы опредѣлить,— за что собственно г. Буренинъ воюетъ въ литературѣ въ теченіи трехъ десятковъ лѣтъ, — то такой изыскатель оказался бы въ чрезвычайномъ затрудненіи. Въ концѣ концовъ пришлось бы признать, что г. Буренинъ ратуетъ всегда за... г. Буренина и самое большее еще — за газету, въ которой работаетъ г. Буренинъ и которая сама стоитъ лишь за себя, ставя паруса по волѣ господствующихъ вѣтровъ... Въ молодости г. Буренинъ исполнялъ свою задачу довольно весело, иной разъ не безъ остроумія пересмѣивая своихъ противниковъ и отыскивая смѣшныя стороны въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, тѣмъ легче, что всѣ они были ему одинаково чужды. Съ теченіемъ времени онъ перешелъ къ сплошнымъ ругательствамъ, выдѣлявшимся уже не остроуміемъ, а беззастѣнчивой грубостью. На разстояніи цѣлыхъ фельетоновъ онъ замѣнялъ прежній веселый шаржъ простымъ кривляніемъ, коверкая отъ чьего-нибудь имени русскій языкъ и заставляя злополучныхъ наборщиковъ набирать „шкажалъ“ вмѣсто „сказалъ“, или „прифшкакивать“ вмѣсто „привскакивать“. Повидимому, есть еще немало людей, которымъ это кажется забавнымъ и остроумнымъ. Несомнѣнно, однако, что съ литературной точки зрѣнія это была элементарнѣйшая пошлость, совершенно недостойная уважающей себя печати... Вообще, если бы понадобилось охарактеризовать выдающуюся черту литературной дѣятельности г. Буренина, то пришлось бы сказать кратко: г. Буренинъ всю свою жизнь ругался. Въ молодости ругался порой не безъ остроумія, въ старости—съ какой-то угрюмою злобой, порой переходящей въ неистовство...

Впрочемъ, мы не будемъ болѣе останавливаться на этомъ предметѣ, во-первыхъ, потому, что предметъ это въ деталяхъ довольно неопрятный, а во-вторыхъ, еще и потому, что, собственно, разбираемая книга давала бы къ этому лишь косвенный поводъ.

„Театръ“ г. Буренина представляетъ въ его литературной работѣ нѣкоторое пріятное исключеніе. Здѣсь онъ является въ совершенно приличномъ видѣ, какъ будто и ему самому опротивѣло, наконецъ, „шкаживать“ и „прившкакивать“, ругаться и производить литературные дебоши.

Однако, какъ извѣстно, исключенія только подтверждаютъ правило: за содержаніемъ своихъ приличныхъ произведеній г. Буренину такъ же приходится отправляться въ люди, какъ и за содержаніемъ своей „сатиры“. Его сатира — шаржъ и пародія. Его „театръ“—переводы и пересказы. Изъ шести пьесъ разбираемой книги, только одна принадлежитъ самому г. Буренину. Это—„Забава Путятишна“. Содержаніе ея заимствовано изъ былинъ, при чемъ г. Буренину принадлежитъ довольно ловкая сценическая компановка былиннаго сюжета, красивые стихи и разные изящные, на французскій ладъ, разговоры былинныхъ персонажей. Все это, разумѣется, такъ же далеко отъ суровой поэзіи былиннаго эпоса, какъ виньетка на конфектной коробкѣ Эйнема далека отъ васнецовскихъ богатырей. Почему-то при чтеніи этой „Забавы Буренишны“ намъ представлялись все время не кіевскій дворъ, не Ставры, Добрыни и Ильи Муромцы,—а обстановка какого-нибудь домашняго аристократическаго спектакля. „Княжна Зизи была превосходной Забавой, а почтенный князь NN., съ его величавой наружностью, далъ образцоваго Илью Муромца. Молодой баронъ X. былъ превосходенъ въ роли заѣзжаго венецейскаго рыцаря, а милые Коко и Вово (изъ „Плодовъ просвѣщенія“) не портили ролей Чурилы и Алеши Поповича“. Одна черта этой „комедіи“ г. Буренина привлекла наше вниманіе: въ послѣднихъ дѣйствіяхъ на сцену выступаютъ „кабацкія голи“. Они вмѣстѣ съ Ильей совершаютъ на сценѣ разные великіе подвиги и за это князь (Красное солнышко) сажаетъ ихъ вмѣстѣ съ венецейскими рыцарями и прочими благородными персонажами за свой „княженецкій столъ“. При этомъ голи, чтобы потѣшить князя, затягиваютъ пѣсню:

Какъ у насъ у голей-голюшки
Ничего нѣтъ, кромѣ волюшки.
Хоръ: Ой, жги, жги, говори!
Ничего нѣтъ, кромѣ волюшки.
Армяки на насъ дырявые,
Да въ насъ, голяхъ, души правыя...

И хоръ опять подтверждаетъ: „ой, жги, жги, говори! Да въ васъ, голяхъ, души правыя“...

Признаемся, при этомъ намъ стало немного страшно за благополучное окончаніе аристократическаго спектакля. Вѣдь „голи“,—думалось намъ,—это „босяки“ того времени. И тотчасъ же изъ-за г. Буренина, приличнаго сочинителя красивыхъ стиховъ, въ нашемъ воображеніи вырисовалась угрюмая физіономія „неприличнаго“ Буренина, Буренина-критика съ его, многимъ еще памятными, грубѣйшими ругательствами

по адресу г. Горькаго за его голей-босяковъ, у которыхъ, къ великому гнѣву критика, тоже „ничего нѣтъ, кромѣ волюшки“ и порой всетаки оказываются „души правыя“. Ну, да разумѣется — это дѣло другое: г. Горькій пишетъ то, что дѣйствительно думаетъ о людяхъ и о жизни, а вѣдь „голи“ г. Буренина это только переодѣтые въ извѣстномъ „стилѣ“ Вово и Коко.

Вообще, не слѣдуетъ только брать „въ сурьезъ“ разныя мнѣнія г. Буренина,—и все. право, выходитъ очень мило. Кто, напримѣръ, не помнитъ извѣстной полемики, когда г. Буренинъ доказывалъ, что пора стихотворныхъ переводовъ и даже самыхъ стиховъ миновала и что даже чужіе иностранные стихи лучше переводятся своей прозой. При этомъ покойный Надсонъ отстаивалъ противоположное мнѣніе. Г. Буренинъ-критикъ ругался тогда такъ отвратительно, какъ никогда не ругался ранѣе. Можно было думать, что мнѣніе о преимуществѣ прозаической передачи и негодности стиховъ и есть то „святая святыхъ“, для защиты котораго г. Буренинъ выѣхалъ во всеоружіи на литературную арену...

Но вотъ въ „театрѣ“ г. Буренина мы находимъ стихотворную драму „Ожерелье Афродиты“ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сюжетъ и нѣкоторыя сцены взяты *изъ романа* „Aphrodite“ P. Louys“. Итакъ, г. Буренинъ, ставящій внѣ законовъ литературнаго приличія всякаго, кто защищаетъ переводъ стихами иностранныхъ *стиховъ*,—самъ занимается переложеніемъ въ стихи „сюжета и нѣкоторыхъ сценъ“ иностраннаго *прозаическаго* романа. Но и это противорѣчіе разрѣшается довольно благополучно однимъ соображеніемъ: охота же принимать серьезно тѣ или другія „мнѣнія“ г. Буренина! Тогда нужно было обругать Надсона и другихъ поэтовъ, и г. Буренинъ высказалъ одно мнѣніе. А теперь собственная склонность къ стихотворной формѣ ищетъ подходящаго чужого содержанія и находитъ его въ прозаическомъ романѣ P. Louys'a. Все совершенно понятно и просто.

Кромѣ упомянутыхъ уже пьесъ, въ книгѣ есть еще переводъ „Потонувшаго колокола“, „Женщина съ кинжаломъ“ (Шнитцлера) и двѣ „Старыя комедіи любви“. Подзаголовокъ къ этимъ послѣднимъ пьесамъ гласитъ, что онѣ взяты „изъ Victor Mistifiguerros el Rojo“. Мы незнакомы съ испанской литературой и, признаемся, подумали, что этотъ Викторъ Мистифигеросъ легко можетъ оказаться Викторомъ Буренинымъ или хоть Алексисомъ Жасминовымъ, и что, такимъ образомъ, здѣсь мы всетаки встрѣтимся съ оригинальнымъ творчествомъ. Но тотчасъ же разочаровались: одна комедія

(„Мадонна Беатриче“) опять заимствована изъ Боккаччіо, а другая („Фьяметта“) носитъ помѣтку: „Orlando furioso“, пѣснь XXVIII...

Такимъ образомъ, выходитъ, что г. Викторъ Буренинъ заимствуетъ на этотъ разъ у Виктора Мистифигероса, заимствующаго, въ свою очередь, у Боккаччіо и Аріоста. Впрочемъ, если бы этотъ Мистифигеросъ оказался дѣйствительно мистификаціей, если бы даже у Боккаччіо и Аріосто не оказалось ничего подобнаго,—то и тогда обѣ пьесы г. Буренина не могли бы считаться оригинальными: это опять переложеніе въ хорошіе стихи игривыхъ анекдотовъ въ испанско-итальянскомъ стилѣ, за которые кому-нибудь другому ой какъ досталось бы отъ г. Буренина-критика; онъ вѣдь любитъ иной разъ прикинуться блюстителемъ строжайшей нравственности...

Намъ не хотѣлось бы раздражать г. Буренина этимъ правдивымъ отзывомъ. Не хотѣлось бы, во-первыхъ, потому, что раздраженный г. Буренинъ представляетъ зрѣлище далеко не эстетическое, часто даже прямо оскорбительное для человѣческаго достоинства... А во-вторыхъ, еще и потому, что „театръ“ г. Буренина нравится намъ гораздо болѣе, чѣмъ его „Мертвыя ноги“ и т. п. „произведенія“. Поэтому не въ укоръ, а лишь въ нѣкое назиданіе позволимъ себѣ привести еще одно соображеніе. Въ драмѣ „Ожерелье Афродиты“ главная героиня, Геро—гетера и *галилеянка*. И, къ удивленію, г. Буренинъ не останавливается на этотъ разъ передъ тѣмъ, что характеру еврейки приданы авторомъ (Louys'омъ) черты значительной глубины и возвышенности. Она не вѣритъ ни въ себя, ни въ любовь художника Олимпія. Чтобы повѣрить,—она заставляетъ Олимпія, рискуя жизнью, похитить ожерелье со статуи Афродиты. Когда онъ это сдѣлалъ, она беретъ на себя его вину и умираетъ, счастливая и просвѣтленная. Въ патетической сценѣ этой смерти, она „склоняется на грудь къ Олимпію и говоритъ постепенно замирающимъ голосомъ“:

Мой возлюбленный мой, братъ...
Ночь сошла... Въ покоѣ
Дремлетъ мой зеленый садъ,
И струится ароматъ
Нарда и алоэ...
Я цвѣтами убрала
Одръ благоуханный...
Я курильницы зажгла... и т. д.

Намъ хотѣлось бы, чтобы г. Буренинъ представилъ себѣ болѣе или менѣе живо, что какой-нибудь „критикъ“, обла-

дающій беззастѣнчивымъ стилемъ и склонностью къ передразниванію, вродѣ г. Алексиса Жасминова, — принимается „раздѣлывать“ это произведеніе ну хоть слѣдующимъ образомъ!

Мой вожлюбленный, мой братъ...
Ночь шашла... въ пакоѣ
Шпитъ ушъ мой желеный шадъ...

Бррр... Не правда ли, какая гадость?.. А между тѣмъ — вѣдь это пріемъ, который долженъ быть хорошо знакомъ г. Буренину изъ собственной его многолѣтней практики.

Ну, такъ вотъ: можемъ пожелать г. Буренину, стихотворцу-переводчику, почаще и подольше разлучаться съ г. Буренинымъ-критикомъ и съ г. Алексисомъ Жасминовымъ и углубляться въ тьму вѣковъ (къ персонажамъ, съ которыми онъ еще не успѣлъ разссориться), чтобы перелагать хотя бы чужіе приличные сюжеты въ свои хорошіе стихи. „Театръ“ г. Буренина есть несомнѣнно литература... Къ тому же, хоть на время этихъ экскурсій въ нижнемъ этажѣ „Новаго Времени“ стало бы, пожалуй, нѣсколько опрятнѣе...

1904 г.

Н. Тимковскій.—Повѣсти и разсказы.

(Т. I. Изданіе 2-е. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1904.)

Среди группы беллетристовъ, выступившихъ въ послѣднее десятилѣтіе, г. Тимковскій занимаетъ особое мѣсто. Нельзя сказать, чтобы его литературная физіономія выдѣлялась особенной яркостью: въ его манерѣ нѣтъ ничего „оригинальнаго“, но за то у него нѣтъ и того оригинальничанія, которое такъ часто стремится выдать себя за „новизну“. Голосъ его не покрываетъ другихъ въ общемъ хорѣ, но за то въ немъ нѣтъ и тѣхъ скрипучихъ нотъ, которыя часто способны выдѣлить иного пѣвца, далеко не на пользу общаго ансамбля. Г. Тимковскій говоритъ вещи не особенно новыя, не дѣлаетъ открытій; но то, что онъ говоритъ, — интересно, умно и по большей части нужно. Читая его разсказы, вы чувствуете, что имѣете дѣло съ умнымъ собесѣдникомъ, думающимъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ стоитъ подумать.

Два разсказа занимаютъ первое мѣсто по объему и, пожалуй, по назначенію, въ первомъ томѣ разсказовъ г. Тимковскаго. Одинъ изъ нихъ „Малыя дѣла и большіе вопросы“ знакомъ многимъ читателямъ „Русскаго Богатства“, такъ

какъ былъ напечатанъ въ нашемъ журналѣ. Но такъ какъ это было давно, то мы позволимъ себѣ напомнить его основной мотивъ. Студентъ Лукинъ, сотрудникъ городского попечительства о бѣдныхъ, посѣщаетъ жилища столичной бѣдноты, съ цѣлью опредѣлить степень нужды и размѣры необходимой помощи. Студенту Лукину очень нравится дѣятельность попечительствъ: „передъ нимъ рисовалась свѣтлая огромная зала, гдѣ собралось столько дѣльныхъ, энергичныхъ людей, гдѣ говорилось такъ много умнаго и дѣльнаго; лица молодежи, подрумяненныя морозомъ, казались ему всѣ сплошь такими красивыми и выразительными... Ужъ одно то хорошо, думалъ Лукинъ, что всѣ собрались дѣлать дѣло... никто не заносился за предѣлы своихъ ближайшихъ задачъ, не докапывался ни до какихъ корней... все было просто, дѣльно, практично. Поминутно раздавалось: „семнадцать старухъ...“ „ежемѣсячное пособіе въ размѣрѣ трехъ рублей“ и т. д. Настроеніе Лукина намъ близко и понятно: „съ одной стороны, онъ уже разувѣрился въ пользѣ широкихъ задачъ и крупныхъ вопросовъ, на которые онъ истратилъ такъ много душевнаго жара и умственныхъ усилій... тысячу разъ онъ спрашивалъ себя: когда же, наконецъ, мы перейдемъ отъ словъ къ дѣлу“... Въ „попечительствѣ“ люди именно перешли отъ словъ зъ дѣлу. „Но, съ другой стороны, сидя на засѣданіи и внимательно слушая разговоры о тюфякахъ для богадѣлокъ,—онъ смутно чувствовалъ, что ему здѣсь чего-то не хватаетъ: хотѣлось той электрической искры, которая, бывало, вдругъ пробѣжитъ по всей толпѣ молодежи и какъ будто удесятеритъ въ каждомъ жизнь, силы, отвагу...“

Настроеніе Лукина, какъ видите, есть настроеніе средняго думающаго и чувствующаго русскаго человѣка, поставленнаго между стремленіемъ къ живой широкой дѣятельности, поднимающей и захватывающей, и „маленькими дѣлами“, между общими формулами и ничѣмъ съ ними не связанной практикой. Нужны ли „маленькія дѣла“? Да, несомнѣнно. „Большіе вопросы“ останутся отвлеченными и мертвыми, если ихъ рѣшеніе не стремится въ конечномъ результатѣ облечься въ плоть этихъ житейскихъ мелочей, которыя разнесутъ ихъ по всѣмъ артеріямъ будничной жизни. Истинно велико только то, что способно рано или поздно, круто или постепенно, войти въ жизнь, чтобы перестраивать ея самыя мелкія детали по какому-то великому и новому плану. Но трагедія нашей русской жизни состоитъ въ разобщенности общихъ формулъ и жизненныхъ деталей, она состоитъ именно въ томъ, что наши формулы только безплодно волнуютъ кровь, а наши

„мелкія дѣла“ разобщены отъ великихъ вопросовъ и потому совсѣмъ неспособны ни волновать, ни подымать, ни возбуждать активныя силы... И выходитъ та двусторонняя тоска, которая то гонитъ студента Лукина отъ теоретическихъ разговоровъ, „поднимающихъ, какъ электрическая искра“, и остающихся безъ примѣненія къ практикѣ „трехрублевыхъ пособій“ и улучшенія тюфяковъ, то зоветъ его обратно къ „вопросамъ“...

Сказать, что г. Тимковскій разрѣшаетъ эту трагическую коллизію, значило бы сказать неправду. Но онъ ведетъ читателя вмѣстѣ со своимъ Лукинымъ, въ подвалы и жилища тѣхъ, самыхъ людей, для которыхъ назначены и тюфяки, и „пособія“, и передъ читателемъ лишній разъ, облеченный въ живые образы—встаетъ и самый вопросъ, и жалкое значеніе палліативовъ, можетъ быть нужныхъ, можетъ быть всетаки полезныхъ, но тѣмъ сильнѣе апеллирующихъ къ „великимъ вопросамъ“. Лица, которыхъ выводитъ г-нъ Тимковскій, выхвачены изъ дѣйствительности, не прикрашены, не идеализированы. Это настоящіе люди, порой жалкіе, порой смѣшные, иной разъ не лишенные своеобразной логики, которая судитъ наши „малыя дѣла“ со своей собственной точки зрѣнія великой нужды и великаго горя. И тѣмъ живѣе тотъ вопль, который невольно вырывается у читателя, какъ и у героя г-на Тимковскаго: „Но вѣдь надо же что-нибудь дѣлать, чтобы остановить это проклятое колесо“...

Другой значительный разсказъ разбираемаго сборника—„Сергѣй Шумовъ“—дастъ намъ исторію душевнаго кризиса юноши-гимназиста. Здѣсь очень много деталей изъ жизни въ гимназическомъ пансіонѣ. Передъ читателемъ проходятъ типическія фигуры учениковъ, надзирателей, учителей, учебной администраціи, и это сближаетъ разсказъ съ нѣкоторыми очерками изъ этой области, привлекающими вниманіе общества въ послѣдніе годы въ связи съ вопросами учебной реформы. Но свою задачу г. Тимковскій поставилъ въ условія болѣе сложныя, чѣмъ большинство авторовъ: его Шумовъ переживаетъ также и тяжелую семейную драму, впечатлѣнія которой проходятъ для него въ рамкахъ гимназической жизни. И нужно сказать, что это и умно, и правдиво. Шумовъ является не только „ученикомъ“, но и живымъ, многосторонне чувствующимъ человѣкомъ. Ему тяжело и внѣ школы; уже впечатлѣнія семьи ложатся бременемъ на юную душу. Но отъ этого сухой формализмъ школы, не чувствующей этого надлома, не считающейся съ нимъ и безпощадной къ надломленному молодому существованію, выступаетъ еще рельеф-

нѣе. Можетъ быть, эту тему можно было развить нѣсколько болѣе сжато. Нужно, однако, сказать, что множество деталей, которыми усѣянъ, а иногда и нѣсколько отягченъ разсказъ, набросаны правдиво, а порой и прямо мастерски, и юная толпа живетъ передъ вами своею характерной жизнью. Уже этихъ двухъ разсказовъ было бы достаточно, чтобы сдѣлать книгу г-на Тимковскаго замѣтнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, и намъ остается только пожелать ей заслуженнаго успѣха.

1904 г.

Станиславъ Пшибышевскій.—Homo Sapiens.

Романъ въ 3-хъ частяхъ. Перев. М. Н. Семенова. Обложка работы Н. Ѳеофилактова. Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ“, 1904.

Романъ г-на Пшибышевскаго начинается со встрѣчи двухъ пріятелей Фалька и Микиты. Оба—сверхъ-человѣки; Микита немножко, Фалькъ окончательно. Фалькъ сверхъ-романистъ, Микита—сверхъ-живописецъ. Фалькъ пытается изобразить то, чего еще не было: „не было страданія, которое выше страданія, не было наслажденія, которое переходитъ въ страданіе, не было цѣлаго ряда новыхъ понятій“ (стр. 8)... Не трудно видѣть, что въ этой формулѣ почтеннаго сверхъ-романиста банальность смѣшалась съ нелѣпостью. „Наслажденіе, переходящее въ страданіе“ — избитѣйшая и извѣстнѣйшая вещь, отмѣченная въ учебникахъ физіологіи, а страданіе, которое выше страданія—напыщенная безсмыслица. Сверхъ-живописецъ Микита высказываетъ свое credo не менѣе удачно. Онъ очень хвалитъ романъ Фалька, но на вопросъ автора: „Такъ тебѣ серьезно понравилось?“—описываетъ въ воздухѣ широкій кругъ.—„Ты пріобрѣлъ новый жестъ“,—говоритъ ему Фалькъ. А „пріобрѣсти новый жестъ“ это оказывается очень важно:

— „Теперь, знаешь ли, ужъ нѣтъ никакой возможности выражаться словами. Всѣ эти (какія?) тонкости, неуловимые оттѣнки могутъ быть переданы только жестами“,—отвѣчаетъ Микита. Казалось бы, это жестокое осужденіе романа г-на Фалька: вѣдь не могъ же онъ написать его жестами, а не словами, но Фалькъ соглашается съ этимъ, а Микита развиваетъ свою идею дальше:

— „Вотъ, напримѣръ, большая линія, понимаешь ли, большой размахъ, движеніе, горячій подводный потокъ. Это лишь немногіе понимаютъ... Былъ я какъ-то у одного скульптора—ты увидишь у меня его работы — я ползалъ на колѣняхъ передъ этимъ человѣкомъ. Говорю ему: это превосходно. Что такое? Объясняю. Ахъ, вотъ что вы думаете. Тутъ онъ описалъ въ воздухѣ неизмѣримо могучую линію. Этотъ понималъ!“

Микита тоже понимаетъ. — „Ну, теперь я имъ покажу, — говоритъ онъ. — О! моя голова трещитъ отъ всевозможныхъ плановъ. Имѣй я тысячу рукъ, тысячу новыхъ линій могъ бы я тебѣ показать, — и тогда бы ты меня понялъ“ (стр. 11). Недурной рецептъ для популяризаціи художественныхъ произведеній. Публика хохотала надъ картинами Микиты, но это, вѣроятно, оттого, что она видѣла только картины, а не жесты... Что̀, если бы примѣнить этотъ пріемъ популяризаціи на нѣкоторыхъ выставкахъ новѣйшихъ художниковъ: передъ каждой картиной геніальный жестикуляторъ!.. Успѣхъ можно бы считать обезпеченнымъ...

А пока книгоиздательство „Скорпіона“ пытается облегчить намъ отчасти задачу пониманія геніальныхъ твореній Микиты: на обложкѣ оно помѣщаетъ рисунокъ г-на Н. Ѳеофилактова: въ красной рамкѣ картинка перомъ; черныя деревья, черная трава, на переднемъ планѣ по дѣтски нарисованная долговязая дѣвица съ невѣроятно длинными руками, а за ней унылая физіономія неизвѣстнаго брюнета. Еще какія-то двѣ дѣвицы идутъ, обнявшись, на заднемъ планѣ, а при внимательномъ взглядѣ можно усмотрѣть и третью: она лежитъ въ кустахъ, сложивъ ручки на животикѣ. Общій фонъ черный, но дорожка въ лѣсу окрашена сурикомъ. Вѣроятно, есть символическій смыслъ и въ томъ, что сурикомъ окрашены еще листья кустовъ и... волосы долговязой дѣвицы. Это замѣчательное произведеніе г-на Н. Ѳеофилактова особо оговорено на обложкѣ книги и, кромѣ того, перепечатано въ одномъ изъ номеровъ журнала „Вѣсы“. Изъ этого мы должны заключить, что это не простая пачкотня, а нѣчто „символизирующее“. Не картина, а жестъ, намекъ на геніальныя творенія Микиты.

По какому-то недоразумѣнію романъ г-на Пшибышевскаго выдерживаетъ у насъ второе изданіе. Трудно представить себѣ произведеніе болѣе вымученное, надуманное, претенціозное и безвкусное. Тотъ же скульпторъ, который описалъ въ воздухѣ „неизмѣримо могучую линію“, сказалъ какъ-то Микитѣ: „Смотрите: вотъ пять пальцевъ, которые можно видѣть и ося-

зать, но тутъ-то и заключается самая суть“ (стр. 11)... И такъ на протяженіи всей книги: герои дѣлаютъ видъ, что они что-то глубокомысленно разглядываютъ между пальцами, что у нихъ „десять міровъ проходятъ передъ глазами“ (стр. 13)... „Случалось тебѣ видѣть крикъ неба? Нѣтъ? Такъ знай же, я видѣлъ, какъ небо кричало“ (ib.)... „Я поднимался, поднимался, я выросъ до неба, такъ что могъ о солнце закурить папиросу“... Имъ нуженъ „мозгъ, въ которомъ завязался узелъ, святой узелъ (?!) всѣхъ воспріятій; мозгъ, въ которомъ линія становится тономъ, великое событіе — жестомъ“ (27). Они не хотятъ знать „ни смѣшной логики, ни вашего сознанія, ни атавистическихъ полумѣръ полового подбора (?!)“ (27).

А между тѣмъ, когда вся эта сверхъ-премудрость принимаетъ сколько-нибудь осязательныя формы, выходитъ простая банальность довольно-таки дурнаго вкуса. Микита увѣренъ, что онъ написалъ уже „все человѣчество и еще нѣчто больше: то, что лежитъ за человѣкомъ“ (46), но когда онъ излагаетъ одинъ изъ своихъ „геніальныхъ“ замысловъ въ сколько-нибудь осязательной формѣ, то выходитъ вотъ что: „въ серединѣ картины должна быть женщина обольстительная, заманчивая, а со всѣхъ сторонъ—снизу, сверху—тянущіяся къ ней тысячи рукъ. Тысячи рукъ *дико кричатъ*, съ остервенѣніемъ спорятъ о ней. Худыя, нервныя руки художниковъ, толстыя, мясистыя, съ большими перстнями руки биржевиковъ, тысячи другихъ рукъ — цѣлая оргія жаждущихъ, алчныхъ рукъ...“ (95). Разумѣется, необходимо, во-первыхъ, чтобы руки „дико кричали“, а во-вторыхъ, чтобы у красавицы волосы были... ну, хоть суриковаго цвѣта, какъ на картинкѣ г-на Ѳеофилактова,—чтобы придать этому банальному сюжету хоть черточку „оригинальности“ и „новизны“...

То же несчастіе преслѣдуетъ и Фалька. По словамъ автора, онъ пишетъ гдѣ-то замѣчательныя вещи и говоритъ много „хорошихъ остротъ“, но на долю читателя достаются лишь напыщенные пустяки и плохія остроты. Есть, напр., сцена, въ которой Фалькъ завоевываетъ сердце одной набожной дворянской дѣвицы необыкновенною силой своей діалектики и своихъ изумительныхъ познаній. Рѣчь идетъ о прусской политикѣ въ польскихъ провинціяхъ. Фалькъ находитъ самымъ важнымъ, что политика раздробленія и продажи польско-дворянскихъ имѣній нѣмецкимъ колонистамъ уничтожаетъ потребительную силу страны. Колонисты, по его мнѣнію, „ничего не потребляютъ, потому что все необходимое производятъ сами. Итакъ, кто же будетъ потреблять?..“ (205).

Авторъ предусмотрительно обставляетъ своего сверхъ-мудреца такими сверхъ-глупцами, что ни одинъ не находитъ возраженія, въ томъ числѣ редакторъ газеты. Между тѣмъ, вся эта побѣдоносная рѣчь есть только самая плохонькая передовица самой невѣжественной газетки. Думать, что замѣна одного раззорившагося помѣщика цѣлой сѣтью крестьянскихъ дворовъ ослабляетъ потребительную силу страны, могутъ только сверхъ-экономисты г-на Пшибышевскаго...

Столь же сокрушительно нападеніе этого демона діалектики на папу и его энциклику.—„Такъ какъ я самъ католикъ,—говоритъ онъ,—то мнѣ очень больно, что церковная политика такъ некрасива... и подъ флагомъ вѣры, надежды, любви прикрываетъ слишкомъ земные интересы...“ Всѣ присутствующіе—увѣряетъ авторъ—переглядывались. Они не знали, что на это сказать. Это было *неслыханно смѣло сказано* въ присутствіи церковнослужителя. Глаза всѣхъ обращались поперемѣнно то на Фалька, то на ксендза. „*Ксендзъ былъ совершенно блѣденъ*“ (207). Чтобы оцѣнить эту „неслыханную смѣлость“, нужно сказать, что разговоръ происходилъ не передъ судилищемъ святой инквизиціи, а за обѣденнымъ столомъ, въ провинціальномъ обществѣ, преклоняющемся передъ Фалькомъ.

Этотъ эпизодъ характеренъ для всего произведенія г-на Пшибышевскаго: и въ глубокомысліе, и въ оригинальность, и въ смѣлость его героевъ, отрицающихъ „и логику, и сознаніе“, приходится вѣрить на слово самимъ героямъ и автору. Но когда все это является въ натурѣ, то неслыханная смѣлость принимаетъ комическіе размѣры мелкой безтактности бывшаго гимназиста, который „дерзитъ“ своему недавнему законоучителю, а глубина мысли не превышаетъ глубины чайнаго стакана.

„Да, это былъ замѣчательный человѣкъ,—говоритъ Фалькъ объ одномъ изъ своихъ товарищей (стр. 233):—намъ задали сочиненіе на тему: какъ чествуются герои послѣ смерти? Знаете, что онъ написалъ? Что было бы наилучшей почестью для героя?“

Да, знаете ли въ самомъ дѣлѣ, читатель, что написалъ этотъ „замѣчательный человѣкъ“? — „Онъ написалъ: наивысшей почестью для героя... было бы то, чтобы какой-нибудь пастухъ вырылъ скелетъ этого героя, сдѣлалъ дудку изъ пустыхъ костей и на ней игралъ бы хвалу ему...“ (стр. 233). Замѣчательно! И неужто это можетъ казаться геніальнымъ не однимъ гимназистамъ приблизительно третьяго-четвертаго классовъ?..

Однако—въ чемъ же фабула романа? „Нѣтъ, нѣтъ, не избитая тема о веснѣ, любви и женщинѣ!.. Я требую великихъ, плодотворныхъ идей, которыя вызовутъ новый половой подборъ“ (25). Такъ восклицаетъ Фалькъ, излагая свое художественное credo. Но авторъ — увы! — даетъ только исторію нѣсколькихъ адюльтеровъ своего героя. Фалькъ проявляетъ свое сверхъ-человѣчество, во-первыхъ, тѣмъ, что отбиваетъ невѣсту у злополучнаго Микиты, который по этой причинѣ убиваетъ себя. Фалькъ находитъ оправданіе: вѣдь онъ настоящій сверхъ-человѣкъ, а Микита — такъ себѣ, неполный. Во-вторыхъ, Иза и Фалькъ были предназначены другъ другу отъ вѣка. Когда они встрѣтились въ первый разъ, Фальку показалось, что Иза окружена таинственной пеленой, сквозь которую свѣтятся ея глаза. „Словно проблескъ могучаго свѣта пробиваетъ себѣ путь сквозь тяжелый туманъ“ (15).

Авторъ много разъ возвращается къ этой пеленѣ. Повидимому, это психологическое открытіе г-на Пшибышевскаго: если есть пелена,—значитъ любовь настоящая. И Фалькъ забываетъ свою дружбу къ Микитѣ, а г. Пшибышевскій заполняетъ цѣлыя томительныя страницы разными глубокомысленностями. „Въ теченіи какого-нибудь часа эта женщина огромною сѣтью корней опутала его душу... Все тѣснѣе и тѣснѣе сжимались петли этой сѣти, и онъ отчетливо чувствовалъ, какъ въ душѣ его боролись два человѣка: одинъ хладнокровно и ясно старался направлять его волю, другой неожиданно бросалъ въ его мозгъ мысли, которыя уничтожали сознательнаго человѣка“... „Ohé, les psychologues, — объясните мнѣ это съ помощью всѣхъ вашихъ психологическихъ законовъ“,— восклицаетъ Фалькъ (или авторъ: ихъ очень трудно различить вслѣдствіе нарочито сумбурнаго склада рѣчи).

Такова вся эта „новая психологія любви“, повторяющая въ уродливыхъ формахъ старыя банальности. „Не видѣлъ ея, ибо она была въ немъ“ (54). „Не слышалъ музыки, музыка была въ немъ; вся вселенная звучала и ликовала въ немъ, визжала въ страстномъ желаніи“ (ib.)... „Склонялась къ нему все ближе (рѣчь идетъ о танцѣ), головы ихъ соприкасались, онъ чувствовалъ, какъ отдавалась ему, какъ опускалась въ его сердце, въ горячее ложе крови его сердца“ (54).

Это, очевидно, новая „терминологія любви“! „Когда вчера я васъ увидѣлъ, я зналъ васъ уже давно... сегодня я знаю васъ уже сто лѣтъ“ (60). „Я не зналъ, что такое судьба. Теперь я это знаю... вы, странный прообразъ моей души, вы—идея, которую я видѣлъ уже когда-то раньше, въ другомъ бытіи, вы—вся тайна моего искусства“ (66)...

Это—новая психологія. Старенькое „сродство душъ“, еще „въ другомъ бытіи“ предназначенныхъ другъ другу!.. Отъ этой новизны несетъ наивной сентиментальностью нашихъ бабушекъ, запахомъ пудры и истлѣвшими фижмами.

Кромѣ одной, *настоящей* любви съ неленой, почтенный сверхъ-человѣкъ позволяетъ себѣ нѣсколько ненастоящихъ. Онъ женится на Изѣ, но вторая часть романа застаетъ его въ самомъ настойчивомъ ухаживаніи за Маритъ, наивною дѣвицею изъ хорошаго дворянскаго семейства, воспитанной въ монастырѣ. При видѣ ея Фалькъ, любящій только свою жену, „почувствовалъ въ себѣ тихій шопотъ пола“. Въ это время онъ, какъ говорятъ малороссы, уже изрядно „подтонтался“, потому что и въ періодъ ухаживанія за Изой чувствовалъ большую слабость къ коньяку. Но бѣдная Маритъ принимаетъ его похмѣлье за міровую скорбь, а его выходки противъ ксендза за демонизмъ и великій мятежъ духа. Сверхъ-человѣкъ пользуется этимъ: онъ клянется въ вѣчной любви и грозитъ, что сопьется и погубитъ свой великій талантъ, если Маритъ „не откажется отъ своихъ предразсудковъ“. Когда она уступаетъ обольщенію, онъ грубо кидаетъ ее, и она топится, а авторъ вмѣстѣ съ Фалькомъ предается глубокомысленнымъ психологическимъ соображеніямъ: „Тутъ съ самаго начала дѣйствовало половое впечатлѣніе, дремавшее гдѣ-то въ глубинѣ безсознательнаго и проснувшееся только „съ появленіемъ Маритъ“ (69).

Вотъ что называется „объяснить“ тайны и создать новый половой подборъ! Кромѣ того, Фалькъ видѣлъ, какъ „изъ черной тучи брызнулъ красноватый снопъ, распался на семь молній и убилъ голубку“. Онъ и самъ долженъ „распасться на тысячу молній, убить еще тысячу голубокъ, тысячу кроликовъ... потому что онъ — не онъ, а сверхъ-человѣкъ... потому что этого хотятъ его инстинкты“ (247). И, дѣйствительно, въ третьей части оказывается, что, кромѣ Изы и Маритъ, сверхъ-человѣкъ успѣлъ обзавестись еще Ольгой и Яниной.

Кажется, однако, что тысячи голубокъ онъ уже не убьетъ, хотя бы потому, что отъ коньяку, невоздержанности и предыдущихъ сверхъ-человѣческихъ подвиговъ онъ уже совершенно износился, и авторъ съ какой-то наивной добросовѣстностью повѣствуетъ объ этомъ: уже на стр. 76 Фалька удаляютъ изъ кабака „за неприличное поведеніе“. На стр. 89 онъ „ржалъ отъ хохота, качался на кушеткѣ и вдругъ конвульсивно зарыдалъ“. На стр. 121 „его мозгъ началъ вертѣться вокругъ самого себя и все быстрѣе и быстрѣе опу-

скался, описывая круги, въ бездонную пропасть пола“ (!). На стр. 148 онъ „выпилъ всю бутылку коньяку“ и очень испугался лампы... На стр. 153 онъ пилъ очень много портера, „какъ вообще умѣемъ пить только мы, европейцы“ (!) и т. д., и т. д. Неудивительно, что подъ конецъ сверхъчеловѣческій организмъ совершенно расшатанъ; у Фалька дрожатъ руки, и безъ портера или коньяку онъ уже не можетъ одерживать побѣды надъ голубками...

Что же это? — спроситъ читатель: — очевидно, сатира на всѣхъ этихъ сверхъ-человѣковъ и ихъ новыя психологіи любви? Въ томъ-то и дѣло, что не сатира и не объективное изображеніе, а что-то въ родѣ апологіи. Г. Пшибышевскій относится къ своимъ кривляющимся героямъ совершенно такъ, какъ относились въ 40-хъ годахъ авторы плохихъ повѣстей къ разочарованнымъ „демонамъ“ изъ гусаръ, побѣждавшимъ уѣздныхъ простушекъ. Правильное отношеніе къ этимъ полупьянымъ и безвольнымъ сверхъ-человѣкамъ—здоровый смѣхъ, водевиль, веселая комедія или полупрезрительная жалость. Но авторъ беретъ тонъ чисто трагическій, съ громомъ, молніей, „безднами пола“... Подъ конецъ романа являются еще, неизвѣстно зачѣмъ, анархисты, террористы, заговорщики, происходятъ сцены самоубійствъ, и все вмѣстѣ сливается въ головокружительный кавардакъ, въ которомъ теряются послѣднія крупицы здраваго человѣческаго чувства и смысла...

Въ общемъ вся эта книга поистинѣ не книга, а жесть, только, если можно такъ выразиться, „жестъ лицомъ“, въ просторѣчіи называемый гримасой. Гримасничаютъ герои, гримасничаетъ авторъ, гримасничаетъ переводчикъ, для „оригинальности языка“ переполнившій переводъ невѣроятными германизмами и полонизмами, гримасничаютъ издатели, снабдившіе книгу „обложкой работы Н. Ѳеофилактова“... И все-таки часть публики ищетъ еще чего-то въ этомъ старомъ хламѣ, выдающемъ себя за новое искусство, и слушая психологическія откровенія вродѣ: „онъ сидитъ надъ собою и чѣмъ-то вродѣ сверхъ-мозга констатируетъ, что въ его обыкновенномъ мозгу что-то (!) происходитъ“ (229),—восклицаетъ вмѣстѣ съ бѣдной, сбитой съ толку Маритъ: „Эрикъ, ты дивный, великій человѣкъ“.

Для литературы это, конечно, ничто: прошелеститъ и исчезнетъ; но все же это не лишено нѣкотораго интереса, какъ иллюстрація эпидемическаго извращенія литературныхъ вкусовъ, которое временами охватываетъ нѣкоторыя части мятущагося „культурнаго“ общества.

1904 г.

Красинскій.—Иридіонъ.

Съ польскаго перев. А. Уманьскій. Спб. 1904. Изд. Товарищества „Знаніе“.

Покойнаго польскаго поэта Красинскаго, автора „Небожественной Комедіи“, читающая публика внѣ Польши знаетъ мало. Теперь товарищество „Знаніе“ издаетъ переводъ „Иридіона“ — произведенія, даже въ Польшѣ менѣе извѣстнаго, чѣмъ „Небожественная Комедія“. Нужно сказать, что время для популяризаціи Красинскаго у насъ выбрано удачно: такъ называемый символизмъ—теперь модное теченіе, а Красинскаго въ значительной степени можно причислить къ символистамъ. Нужно, однако, оговориться: это символизмъ особаго рода, во многомъ отличающійся отъ того, что извѣстно подъ этимъ именемъ въ настоящее время, и скорѣе напоминающій пріемы байроновскаго Манфреда или гетевскаго Фауста (второй части). Авторъ избираетъ условную форму для того, чтобы схематически представить широкія категоріи человѣческой жизни или исторіи. Такъ, Гете сводитъ Фауста и Елену, чтобы символизировать эпоху возрожденія, оплодотвореніе оживающей классической культуры живыми силами средневѣковой варварской Европы.

Нельзя сказать, чтобы этотъ образъ Гете, условный и схематичный, производилъ особенно сильное художественно эстетическое впечатлѣніе. Гете перегрузилъ вторую часть своего Фауста огромной эрудиціей и виртуозностью стихотворца за счетъ творческаго воображенія. Конечно, тутъ играла значительную роль старость. Но и вообще этотъ пріемъ, по самой сущности, несетъ съ собой первородный грѣхъ явной условности, и нужно много воодушевленія и подъема, чтобы заставить читателя примириться съ тѣмъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ непосредственнымъ образомъ, а съ нѣкоторыми категоріями, которыя этотъ образъ долженъ символизировать, часто за счетъ собственной правдоподобности. Отсюда ясно, что символическія произведенія могутъ быть сильны лишь возвышенностью и глубиной тѣхъ отвлеченныхъ категорій, которыя они имѣютъ въ виду. Такова сила байроновскаго Манфреда. Пусть мы должны при этомъ забыть, что облака, напримѣръ, не обладаютъ членораздѣльною рѣчью, но мы всетаки испытываемъ волненія мысли и чувства, читая пламенные монологи, выражающіе наши собственные вопросы, которые мы, смутно и неоформленно, тоже предлагали въ тотъ или другой періодъ своей жизни неодушевленной природѣ—и волнамъ, и

вѣтру, и тьмѣ, и тучамъ... И иной разъ испытывали иллюзію нѣкоторыхъ отвѣтовъ... Вся сила законнаго символизма — въ широтѣ, ясности и величіи того, что онъ символизируетъ, будь это порывы сомнѣній и отчаянья пытливаго духа, порывы вѣры и любви, или патріотическаго одушевленія и патріотической печали. Такой символизмъ существуетъ давно, и его произведенія не оправдываютъ, а лишь обличаютъ мелкотравчатый символизмъ нашихъ дней, въ которомъ условность образа прикрываетъ лишь мглу и неясность плоской и маленькой мысли. Мы хорошо знаемъ, что говорилъ Манфредъ своимъ современникамъ не реальными, но пламенными образами и тирадами. Форма была условна, мысль ясна, жизненна и глубока.

Красинскій въ своемъ „Иридіонѣ“ беретъ темой любовь къ порабощенной родинѣ и чувство „патріотической“ ненависти къ побѣдителямъ. Вся поэма проникнута психологіей мести. Поэту нужно было раздвинуть рамки картины такъ широко, чтобы онѣ охватили цѣлые историческіе періоды, и для этого онъ прибѣгаетъ къ символическому пріему Гете. Грекъ Амфилохъ Гермесъ вступаетъ въ союзъ съ дѣвственной жрицей Одина Гримгильдой, дочерью кимврскаго князя. Отъ этого союза рождаются сынъ Иридіонъ и дочь Эльзиноя, которымъ отецъ (классическая Греція) и мать (порабощенный варварскій міръ) завѣщаютъ ненависть и месть къ Риму Геліогабаловъ и Нероновъ и освобожденіе народовъ отъ римскаго ярма. Орудіе мести порабощенныхъ — предательство и хитрость. Во имя своей высокой цѣли Иридіонъ дѣлаетъ сестру любовницей Геліогабала, а самъ становится его довѣреннымъ. Въ то же время онъ вступаетъ въ союзъ съ прогрессивными элементами Рима (Александръ Северъ), съ одной стороны, и преслѣдуемыми христіанами—съ другой. Но его цѣли не совпадаютъ съ стремленіями союзниковъ, и потому онъ обманываетъ ихъ: въ мечтахъ фанатизированнаго наслѣдственнаго мстителя виднѣется Римъ, обращенный въ развалины, и борозды плуга на мѣстѣ Капитолія... Происходитъ возмущеніе варваровъ, гладіаторовъ и легіонеровъ. Геліогабалъ свергнутъ, но и замыселъ Иридіона не удается: христіане, которыхъ онъ привлекъ было именемъ воинствующаго Христа, въ послѣднюю минуту оставляютъ его во имя Христа смиреннаго, легіоны Александра Севера, свергнувшіе Геліогабала, справляются съ разнузданными ордами варваровъ, которыхъ Иридіонъ бросилъ на Римъ, — и столица міра остается неколебимой и прочной, какъ скала среди разбушевавшагося прибоя: еще надолго, на цѣлые вѣка, Риму суждено быть владыкой міра,

если не властью цезаря, то именемъ Христа и его „намѣстниковъ“.

Такова основная канва, на которой Красинскій, романтикъ, символистъ и сынъ своей родины, вышилъ поэтическіе узоры своей поэмы. Эти образы, впрочемъ, онъ усложнилъ еще нѣкоторыми сторонними мотивами, характерными для настроенія того періода польской литературы. Въ поэмѣ выступаетъ еще Массинисса, нѣкій отвѣчный старецъ, символизирующій начало демонизма, возмущенія и зла. Онъ покровительствуетъ и Амфилоху (отцу Иридіона), и самому Иридіону. Его цѣль— борьба съ Христомъ, и по его совѣту Иридіонъ совращаетъ святую христіанскую дѣву Корнелію для земной любви и мести. Въ концѣ концовъ, Массинисса послѣ пораженія возставшихъ усыпляетъ Иридіона сномъ вѣковъ, обѣщая дать ему нѣкогда зрѣлище разрушеннаго Рима, но въ эпилогѣ мы узнаемъ всетаки, что Иридіонъ не станетъ жертвой духа зла и отрицанія, потому что его ненависть истекала изъ любви къ порабощенной родинѣ.

Образъ Массиниссы довольно туманенъ, но еще блѣднѣе и анемичнѣе образы христіанъ (это, впрочемъ, кажется, общая участь большинства произведеній, пытающихся изобразить „святость“). Въ мистическомъ снѣ Иридіона, обвѣянномъ субъективными видѣніями самого автора, чувствуется какое-то ощущеніе метампсихоза, характерное для польской поэзіи того періода (извѣстно, напр., что поэтъ Словацкій серьезно воображалъ себя перевоплощеннымъ Казиміромъ Великимъ). Демонизмъ Красинскаго въ значительной мѣрѣ пасуетъ передъ вліяніемъ католицизма, хотя для своего времени это было всетаки произведеніе почти революціонное. Теперь въ этихъ символахъ уже многое выдохлось, а главное—націонализмъ, которымъ проникнута вся поэма, теряетъ свою острую эмоціональную силу... Тѣмъ не менѣе, произведеніе польскаго поэта можетъ и теперь еще служить укоромъ блѣдному и худосочному современному символизму, съ его безформенными намеками „на то, чего не вѣдаетъ никто“.

Переводъ въ общемъ правиленъ и мѣстами передаетъ подлинникъ. Къ сожалѣнію, однако, онъ слишкомъ дословенъ и несвободенъ отъ полонизмовъ. Во всякомъ случаѣ, хотя и трудно предсказать „Иридіону“ особенно широкій кругъ читателей, но все же въ этомъ изданіи русская литература пріобрѣтаетъ одно изъ характерныхъ и значительныхъ произведеній родственнаго польскаго духа.

1914 г.

Георгій Чулковъ.—„Тайга“.

Драма. Издательство „Оры“. С.-Петербургъ. 1907.

„Тайга“! Прежде всего,—что такое тайга? Читатель, даже не бывавшій въ Сибири, знаетъ, что тайгою называютъ по мѣстному лѣсъ, а такъ какъ въ Сибири лѣса преимущественно лиственничные, то значитъ тайга есть сибирскій лиственничный лѣсъ. Дѣло какъ будто просто, для г. Георгія Чулкова даже слишкомъ просто. Поэтому, при „переоцѣнкѣ“ ясныхъ понятій съ декадентской точки зрѣнія, онъ считаетъ нужнымъ дать тайгѣ свои собственныя „новыя опредѣленія“. Въ его драмѣ нѣкто Юрій, недавній житель „тайги“, спрашиваетъ у доктора, живущаго „въ тайгѣ“ 13 лѣтъ: „Скажите, докторъ, что собственно значитъ слово тайга? Этотъ густой лѣсъ, что раскинулся вокругъ?“ И докторъ отвѣчаетъ:—„Нѣтъ, тайгой называется и лѣсъ, и земля вмѣстѣ“. *Юрій* (полагаю, съ недоумѣніемъ). „И лѣсъ, и земля вмѣстѣ?“ *Докторъ*. „Да; и лѣсъ, и земля, и при томъ въ ихъ священной пустынности“,

Мало вразумительно и едва ли правильно, но кто докажетъ, что правильность и вразумительность—нужны для всякихъ опредѣленій? Вѣдь вотъ и слово металлъ даетъ понятіе, какъ будто довольно ясное. Но въ этомъ простомъ видѣ оно совсѣмъ не интересно. А скажите его особеннымъ образомъ, да еще прибавьте къ нему „жупелъ“,—и замоскворѣцкія купчихи, по свидѣтельству Островскаго,—станутъ впадать въ истерику. Это значитъ, что къ простому понятію прибавлено „настроеніе“, столь интенсивное, что для нервныхъ замоскворѣцкихъ дамъ оно становится даже нестерпимымъ... Повидимому, и тайга даетъ г. Чулкову „настроеніе“ лишь тогда, когда она является не тѣмъ, что она есть въ дѣйствительности, а только съ прибавленіемъ къ ней „земли въ священной пустынности“ и разныхъ небывалыхъ жупеловъ.

По счастливой случайности, это маловразумительное опредѣленіе мы можемъ дополнить еще нѣкоторыми чертами, заимствованными у того же автора. Одновременно съ „драмой“ г. Чулкова мы прочитали его поэтическое произведеніе, напечатанное въ газетѣ „Товарищъ“ (№ 249) и озаглавленное „Въ тайгѣ“. Изъ него мы узнаемъ, что г. Чулковъ „сквозь чащу-дрему тайги вечерней съ невѣрнымъ сердцемъ бродилъ во снѣ“... Во время этой интересной прогулки, по „таежному, *нѣжному* и страшному пути“, „хранимый словомъ напѣвно-ярымъ“, поэтъ сдѣлалъ нѣсколько открытій, даже, можно сказать, откровеній, чрезвычайно интересныхъ не только для

географовъ, но и для исконныхъ сибиряковъ, всю жизнь проводящихъ въ тайгѣ. А именно, онъ узналъ, что

... тамъ въ глубинахъ, забытыхъ Богомъ,
Гдѣ клектъ орлиный заглохъ въ глуши,
И звѣрь сердитый съ *могучимъ рогомъ*
Мохъ черный топчетъ въ ночной тиши...
... Тамъ *лебедь бѣлый* въ сѣдомъ туманѣ
Поетъ о смерти, зоветъ, зоветъ,
И я несмѣло, во снѣ-обманѣ
Пою, какъ лебедь, *зеркальность водъ*...

Если оставить въ сторонѣ самаго поэта, который, очевидно, составляетъ въ тайгѣ явленіе совершенно исключительное и случайное — вѣроятно, даже никогда небывалое,—то все же окажется, что въ той тайгѣ, которую „позвалъ“ г. Чулковъ въ своемъ видѣніи, водятся, во-первыхъ, носороги, во вторыхъ, зимой на озерахъ сохраняется „зеркальность водъ“ и, въ-третьихъ, на этой зеркальности поютъ лебеди...

Въ этой-то интересной тайгѣ происходитъ нѣкое таинственное „дѣйство“ между проживающими тамъ людьми, столь же экзотическаго происхожденія, какъ таежные носороги и лебеди. Это, во-первыхъ, Юрій, личность безъ опредѣленной физіономіи, къ коему пріѣзжаетъ невѣста („сестра Любовь“). Она, конечно, не просто пріѣзжаетъ, а таинственно слѣдуетъ къ жениху, и всѣ чувствуютъ задолго ея приближеніе (точь въ точь, какъ „Intruse“ Метерлинка). Волосы у ней „темно-червоннаго“ цвѣта. Ничѣмъ больше не замѣчательна. Впрочемъ, дѣлаетъ видъ, что знаетъ о „тайгѣ“ какой-то секретъ. На вопросъ, что именно,—отвѣчаетъ: „она сгоритъ на солнцѣ вмѣстѣ съ землей“. Должно быть, читала популярныя статейки по космографіи и геологіи. Затѣмъ—докторъ. Онъ матеріалистъ, играетъ на скрипкѣ, при чемъ во время игры держится въ самомъ темномъ углу (точь въ точь какъ „Нѣкто въ сѣромъ“ у Леонида Андреева). Кромѣ того, онъ шаманитъ съ якутами. Какъ мыслитель и врачъ, занятъ вопросомъ: слѣдуетъ ли уничтожать лихорадку. Выводъ—не слѣдуетъ: „сейчасъ лихорадка сѣрая и скучная, ее нужно сдѣлать золотой. Пусть она соперничаетъ съ солнцемъ“ (стр. 33). Влюбчивъ. Когда къ Юрію пріѣзжаетъ его невѣста, — докторъ сразу какъ будто слегка обалдѣваетъ и ни съ того, ни съ сего обращается къ ней съ заявленіемъ: „Ваши волосы, какъ осенніе листья. Или нѣтъ... нѣтъ! Какъ волокнистыя червленыя облака“... Женатъ на якуткѣ Сулусъ, но готовъ, повидимому, предпочесть ей „сестру Любовь“, тѣмъ болѣе, что Юрій, насколько можно догадываться по намекамъ автора, въ свою очередь начинаетъ безнадежно влюбляться... въ „тайгу“. Въ концѣ концовъ

докторъ застрѣливаетъ свою жену-якутку, по причинамъ необъясненнымъ и таинственнымъ. Положимъ, авторъ намекаетъ какъ будто, что ему-то, г. Георгію Чулкову, причины сего преступленія не безъ извѣстны. Виновна, дескать, въ подстрекательствѣ на женоубійство никто иной, какъ... опять-таки „Тайга“, которая къ тому же „сама женщина, быть можетъ, даже она единственная настоящая женщина“ (стр. 20). Смутно намѣчается слѣдующая уголовная гипотеза: „Тайга“ влюбилась въ доктора и потребовала убійства соперницы, очевидно, еще не зная, что почтенный эскулапъ заглядывается уже на „червленые волосы“ сестры Любови и начинаетъ продѣлывать передъ ней разныя декадентскія штучки, вродѣ игры на скрипицѣ „въ самомъ темномъ углу“...

Едва ли, однако, какой бы то ни было судъ, даже военно-полевой,—придалъ бы значеніе этимъ извѣтамъ г. Георгія Чулкова. „Помилуйте, — сказалъ бы навѣрное защитникъ невинно-обвиняемой Тайги,—развѣ можно вѣрить наблюденіямъ гг. декадентовъ вообще, а г. Георгія Чулкова въ частности? Какой г. Чулковъ свидѣтель,—объ этомъ вы можете судить хотя бы изъ газеты „Товарищъ“, въ коей онъ всенародно утверждаетъ, будто, бывая въ гостяхъ у „единственной настоящей женщины“ Тайги, встрѣчалъ у нея носороговъ (или единороговъ?) и лебедей, „поющихъ на зеркальности водъ“, при томъ еще зимою, когда воды, какъ извѣстно, замерзаютъ?! Вы скажете, что всѣ эти несообразности онъ могъ видѣть во снѣ. Но тогда, гг. судьи, — можно ли полагаться на слово человѣка, который не только видитъ ни съ чѣмъ несообразные сны, но и оглашаетъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе посредствомъ печати? Не очевидно ли вамъ, что г. Чулковъ никогда у моей кліентки не бывалъ, и что его показанія объ ея причастности къ этому дѣлу такъ же облыжны, какъ показанія о носорогахъ и лебедяхъ. Ни въ какого доктора она не влюблялась (да едва ли и существуютъ такіе доктора), а значитъ—не было причины къ подстрекательству на убійство почтенной докторши. И если есть здѣсь какое бы то ни было преступленіе, то развѣ — издѣвательство надъ здравымъ смысломъ бѣднаго россійскаго читателя“.

На страницѣ 30-й „драмы“ есть небольшой діалогъ, который представляется какъ бы символическимъ и характернымъ. Юрій спрашиваетъ у своей невѣсты, „сестры Любови“: „Вѣдь ты ѣхала одна?“ Сестра Любовь отвѣчаетъ: „Да, *я и тайга*“. Выходитъ какъ будто, что и тайга г-на Георгія Чулкова тоже ѣхала... Вѣроятно, тѣмъ же способомъ, какъ ѣдутъ андроны?

1907 г.

„Сѣверные сборники".

Издательство „Шиповникъ". Кн. V. 1908 г.

Въ эту (пятую) книгу „Сѣверныхъ сборниковъ" вошли произведенія трехъ скандинавскихъ авторовъ: Карла Іонаса Лове Альмквиста, Августа Стриндберга и Яльмара Сёдерберга, въ переводѣ г. Ю. Балтрушайтиса. Г. Балтрушайтисъ—поэтъ декадентскаго толка. Впрочемъ, очень можетъ статься, что мы и ошибаемся: въ этой терминологіи теперь разбираться очень трудно. Гораздо безопаснѣе сказать, что г. Балтрушайтисъ—модернистъ. Это тоже не вполнѣ опредѣленно, но если прибавить анти-реалистъ, то, кажется, это будетъ самая устойчивая точка на пересѣченіи этихъ „зыблющихся линій", которыя своей трудно уловимой сѣтью составляютъ туманное пятно модернистскихъ „настроеній".

Итакъ, посмотримъ на сборникъ г-на Балтрушайтиса (онъ весь заполненъ его переводами) съ этой точки зрѣнія. Разсказу Карла Іонаса Лове Альмквиста переводчикъ предпосылаетъ критическій набросокъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, что Альмквиста (родившагося въ 1793 и умершаго въ 1861 году) гетеборгскій профессоръ Сюльванъ, не колеблясь, называетъ геніемъ, а соотечественница его, г-жа Элленъ Кэй — „самымъ современнымъ поэтомъ Швеціи". „Своимъ внутреннимъ складомъ и общимъ духомъ своего міросозерцанія,—прибавляетъ къ этому переводчикъ уже отъ себя,—Альмквистъ на нѣсколько десятковъ лѣтъ опередилъ свое время..." „Поражаешься современности его изысканныхъ образовъ, буквальному совпаденію отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ страницъ съ тѣмъ, что теперь проповѣдывается, какъ самая послѣдняя мудрость дня".

Итакъ, у насъ есть случай на „старомъ поэтѣ" постараться уловить, что же собственно составляетъ модернистскую мудрость послѣдняго дня, отличающую ее отъ реализма, которая на старомъ фонѣ должна засверкать для насъ тѣмъ яснѣе. Разсказъ Альмквиста называется „Мельница въ Шельпурѣ". Ведется онъ отъ лица какого-то знакомаго автора, „молодого и веселаго человѣка, крѣпкаго и высокаго роста", который совершилъ пѣшкомъ путешествіе по Упланду и Руслагену и оставилъ письменный разсказъ о своихъ впечатлѣніяхъ. Начинается этотъ разсказъ просто и живо. Разсказчикъ довольно красиво описываетъ природу, впечатлѣнія простора, свободы и молодости. На одной изъ дорогъ онъ встрѣчаетъ молодую крестьянскую дѣвушку, спускающую тяжелый возъ по кру-

тому спуску. Онъ помогаетъ ей, вступаетъ въ разговоръ и провожаетъ ее до мельницы. Отъ разсказа вѣетъ природой и подлинными впечатлѣніями. Фигура крестьянской дѣвушки набросана красиво и бойко, какъ эскизъ талантливаго живописца въ дорожномъ альбомѣ. Если бы дальше послѣдовалъ ночлегъ на мельницѣ съ какой-нибудь характерной „бытовой“ картиной, потомъ утро, прощаніе и дальнѣйшій путь, мы имѣли бы нѣчто вродѣ эпизода изъ „Записокъ охотника“, т. е. нѣчто художественно-реальное. Но что же тутъ, однако, было бы „совпадающаго съ послѣдней мудростью“ модернизма?

А вотъ погодите. Дѣло въ томъ, что разсказчикъ не заканчиваетъ такъ просто. Онъ не заходитъ на мельницу, а идетъ дальше. Но невѣдомая сила невольно влечетъ его опять къ мельницѣ и, въ концѣ концовъ, повинуясь мистическому притяженію, онъ приходилъ туда вечеромъ. Входитъ. На мельницѣ темно. Слышны два голоса. Они звучатъ злодѣйствомъ, и, дѣйствительно, оказывается, что это крестьянинъ Карлсонъ сговаривается съ мельникомъ погубить нѣкоего невиннаго Матсона, а съ нимъ и Бритту (встрѣченную разсказчикомъ дѣвушку). Сама она спитъ теперь на мѣшкахъ Матсона надъ самымъ колесомъ. Разсказчикъ въ темнотѣ пробирается туда и снимаетъ спящую дѣвушку съ опаснаго мѣста какъ разъ во-время: Карлсонъ входитъ наверхъ и съ адскимъ хохотомъ толкаетъ мѣшокъ подъ колесо. Бритта продолжаетъ спать страннымъ сномъ: разсказчикъ не можетъ разбудить ее, но за то въ бреду сна разсказываетъ ему всѣ тайныя пружины злодѣйства Карлсона, который, оказывается, отравилъ родную сестру, а теперь хочетъ обвинить въ ея смерти Матсона. Тутъ начинается уже нѣчто, какъ говорили въ старину, „несодѣянное“: разсказчикъ надѣваетъ на голову юбку Бритты, которая перешла къ ней отъ отравленной хозяйки, становится на лѣстницу и произноситъ длинный монологъ, разоблачая злодѣяніе Карлсона. Авторъ увѣряетъ насъ, будто, видя (во тьмѣ!) юбку сестры, Карлсонъ принимаетъ „крѣпкаго мужчину, высокаго роста“ за тѣнь отравленной, и оба негодяя вѣрятъ подлинности монолога. При этомъ нѣкоторыя разоблаченія привидѣнія ссорятъ злодѣевъ, и они вступаютъ въ драку. На драку собирается народъ. Бритта, значитъ, уже въ безопасности. Разсказчикъ уходитъ.

Ахъ, если бы хоть здѣсь скандинавскій „геній“ закончилъ эту цѣпь лубочныхъ ужасовъ. Но онъ не кончаетъ. Онъ бредетъ надъ бурнымъ потокомъ въ лѣсу и видитъ, что на другой сторонѣ потока злодѣй Карлсонъ влечетъ связанную Бритту

и требуетъ у нея, чтобы она или обѣщала дать нужныя ему показанія въ судѣ, или приготовилась погибнуть мучительною смертью (онъ собирается распилить ее на лѣсопилкѣ, какъ бревно). Разсказчикъ кидается на помощь, хочетъ перебѣжать черезъ бурный потокъ по настилкѣ лѣсопильной мельницы. Настилка рушится подъ его ногами. Трескъ, хаосъ падающихъ досокъ, и герой... вы думаете, падаетъ въ воду? Нѣтъ. По странной случайности (не любо, читатель, можете не слушать) онъ оказывается стоящимъ на единственномъ столбѣ посреди потока, какъ нѣкая статуя на пьедесталѣ. Въ это время злодѣй уже привязалъ Бритту къ бревну и пустилъ подъ пилу лѣсопилки, а самъ, мечась зачѣмъ-то по мельницѣ, какъ угорѣлый, попадаетъ въ колесо и погибаетъ. Положеніе: герой стоитъ на столбѣ посреди потока, пила уже задѣваетъ тѣло Бритты. Помощи ни откуда. Но... недаромъ, по словамъ г. Балтрушайтиса, „Альмквистъ тяготѣетъ ко всему, въ чемъ неисповѣдимымъ образомъ кроется роковая тайна“... На сей разъ безвыходное положеніе разрѣшается нѣкоей таинственной птицей. Она пролетаетъ мимо, задѣваетъ за что-то крыломъ, роняетъ щепку въ шестерню,—ужасная пила остановлена. А за симъ и столпникъ прыгаетъ благополучно со столба... Давно бы такъ...

Мы нарочно такъ подробно привели запутанное содержаніе разсказа, такъ какъ оно кажется намъ характернымъ: въ недурную, чисто „реальную“ рамку вставляется совершенно аляповатый, ни съ чѣмъ несообразный вымыселъ, лишенный воображенія и вкуса, передъ которымъ „приключенія“ эмаровскихъ романовъ—верхъ художественности и правдоподобія, и г. Балтрушайтисъ, самъ модернистъ,—выдаетъ намъ это за „совпаденіе съ самой послѣдней мудростью дня“. На здоровье, господа! Старый реализмъ охотно уступитъ вамъ эту замѣчательную мудрость.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли Альмквистъ „геній“ въ остальныхъ своихъ произведеніяхъ, но Августъ Стриндбергъ—писатель, намъ давно извѣстный, не геній, но человѣкъ несомнѣнно талантливый. Въ сборникѣ есть два его разсказа („Высшая цѣль“ и „Легенда о С.-Готардѣ“), въ которыхъ побужденія людей доступны оцѣнкѣ здраваго смысла и отъ которыхъ вѣетъ и поэзіей, и самой „реальной“ правдой. Но Стриндбергъ, по нѣкоему странному капризу, любитъ порой заигрывать съ модернизмомъ, т. е. пишетъ разсказы, къ которымъ приложима обычная для модернизма критическая формула: „Смысла, конечно, нѣтъ. Но есть, знаете ли, *что-то*“. Это „что-то“ въ разсказѣ „Соната призраковъ“ можетъ нор-

мально настроенному человѣку доставить нѣсколько поистинѣ веселыхъ минутъ. Есть въ этой сонатѣ нѣкій ужасно коварный „Старикъ“, великій каналья и злодѣй. Онъ всѣхъ опуталъ своими сѣтями и уже собирается насладиться полнымъ торжествомъ своихъ адскихъ интригъ, для чего собираетъ всѣ свои жертвы въ одно мѣсто и начинаетъ передъ ними хвастать своею ловкостью. Но тутъ одна изъ жертвъ, сумасшедшая старуха, которая воображала себя попугаемъ и кричала „курр-ру“, внезапно пріобрѣтаетъ даръ слова, произноситъ дрянному старикашкѣ длинную и ядовитую отповѣдь и въ заключеніе приказываетъ ему (увѣряемъ васъ,—мы не выдумываемъ) идти въ гардеробный шкафъ и тамъ повѣситься. Старикашка сконфузился до такой степени, что... покорно лѣзетъ въ шкафъ и вѣшается, къ удовольствію, надо думать, всей почтенной компаніи, при чемъ, изъ приличія или для „символа“, старушенція-попугай велитъ лакею заставить дверь ширмою, „ширмой смерти“. Послѣ этого раздается пѣсня нѣкоего студента, изъ коей читатель узнаетъ, что „Благъ, кто доброе свершаетъ“ и „Всѣмъ дается по дѣяніямъ“. Какъ видите, „мудрость послѣдняго дня“ недалеко ушла отъ мудрости старыхъ прописей.

Любителямъ веселаго чтенія можемъ порекомендовать и послѣднее дѣйствіе „сонаты“, гдѣ сначала студентъ и дѣвица (фрекенъ) объясняются въ любви и увѣрены въ своемъ счастьи, пока не является на сцену роковая кухарка,—разумѣй символъ кухарки, которая „вывариваетъ мясо, а намъ даетъ одни волокна и воду, а бульонъ выпиваетъ сама; когда же бываетъ жаркое, то она сперва вывариваетъ сокъ, поѣдаетъ соусъ и даже (о, ужасъ!) выпиваетъ подливку!“ Ея злодѣйства наводятъ на влюбленныхъ такое уныніе, что они начинаютъ вспоминать другія несовершенства міра, и кончается это тѣмъ, что фрекенъ зоветъ Бенгтсона (лакея) и говоритъ: „Ширмы, скорѣе. Я умираю“ (мы опять не выдумываемъ: безъ ширмы герои сонаты никакъ не рѣшаются умереть). Лакей, понятно,—человѣкъ служащій... Онъ приноситъ ширмы, фрекенъ уходитъ умирать... Послѣ сего студентъ опять преподаетъ „мудрость послѣдняго дня“ изъ старой прописи: „Въ томъ, что въ жизни ты содѣлалъ въ гнѣвѣ, кайся безъ гордыни“... И подыгрываетъ на арфѣ...

Такова эта маленькая и, право, довольно веселая шалость талантливаго скандинава. И почему бы нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Если ужъ такой ловкій старикашка позволилъ себѣ „внушить“, что ему необходимо повѣситься въ гардеробномъ шкафу, то неужели такъ трудно внушить и читателю, что это не просто

веселая шалость, а „трагическая соната“, въ которой, за отсутствіемъ простого смысла, есть таинственное и важное „что-то“...

Эти двѣ вещицы — разсказъ о чудесахъ въ рѣшетѣ Альмквиста и соната Стриндберга — служатъ, повидимому, оправданіемъ для г. Балтрушайтиса въ глазахъ модернистскихъ товарищей. Оправданіемъ въ томъ, что остальные разсказы, имъ переведенные, просто художественны и не расходятся съ здравымъ смысломъ. Особенно хороши небольшіе разсказы Седерберга, дѣйствительно напоминающіе простоту и задушевность нашего Чехова.

1908 г.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ „ИСКАТЕЛЯ“ *).

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ идти.

Некрасовъ.

I.

Это было въ 186* году. Въ то время ***ская желѣзная дорога только что была окончена. Недавно еще промчался по ней пробный поѣздъ, и вслѣдъ за нимъ, оглашая могучимъ свистомъ окрестности, гремя и сверкая, мчались новые вагоны, и клубы дыма и пара стлались далеко сзади, охватывая кусты и деревья и теряясь въ молодой зелени листьевъ. Весна еще только разгоралась. Яркое южное солнце давно уже согнало послѣдніе остатки снѣга, но въ воздухѣ все еще вѣяло молодой неустановившейся теплынью, въ которой нѣтъ-нѣтъ да и пробьется острая свѣжая струйка.

Земля вздыхала полной грудью. Лѣса, которыхъ такъ много въ этой мѣстности, стояли на горизонтѣ, закутанные въ мягкую сизоватую синеву, а вблизи съ здоровой чернотой стволовъ уже смѣшивалась молодая зелень и въ воздухѣ носился запахъ распустившихся почекъ. Межъ раздавшихся въ обѣ стороны деревьевъ блестѣла прозрачная рѣчка и, точно рѣзвясь, извивалась между размытыми далеко глинистыми берегами, на которыхъ виднѣлись еще поймы наноснаго ила, торчали по обрывамъ обнаженные корни, валялись черныя корчаги,—слѣды весенняго разгула рѣчки.

И желѣзная дорога, съ ея шумомъ и свистомъ, не портила

*) Этотъ первый мой разсказъ, появившійся въ 1879 году и даже не подписанный моимъ полнымъ именемъ, я не имѣлъ въ виду помѣщать въ собраніе своихъ сочиненій. Но мнѣ говорятъ компетентные люди, что онъ упоминается въ біографіяхъ и, кромѣ того, съ нимъ связанъ небольшой эпизодъ изъ воспоминаній о Щедринѣ (см. мою статью о Н. К. Михайловскомъ, т. 2-й). Въ виду этого читатели вправѣ искать его въ полномъ собраніи и отсутствіе его сочтутъ, быть можетъ, пробѣломъ. Для избѣжанія этого, помѣщаю въ концѣ изданія это слишкомъ еще незрѣлое первое мое произведеніе безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій. *В. К.*

этого впечатлѣнія. Эта молодая жизнь была такъ свѣжа и бодра, что могла примѣниться къ чему угодно. Все она охватывала своими могучими волнами. Свѣжія насыпи, не успѣвшія сгнить новыя шпалы, полотно, заново посыпанное щебнемъ съ красноватымъ пескомъ,—все гармонировало съ общей картиной.

Нѣсколько разъ въ день гудитъ въ лѣсу звочкій свистокъ, прокатится надъ рѣчкой, отдастся въ далекихъ погружающихся уже въ вечернюю дремоту чащахъ... И вотъ выныряетъ изъ лѣсу чудовище—локомотивъ и все ростетъ, выростаетъ... Вырвутся бѣлые клубы пара и, прохваченные свѣжестью наступающаго вечера, опадаютъ, ползутъ, ныряютъ между деревьями, и зеленѣющія вѣтви, точно играя съ ними, ловятъ ихъ, прячутъ, закутываютъ своими объятіями, и они таютъ, скрываются между листвой, исчезаютъ...

А поѣздъ въѣхалъ на новенькій мостикъ, сверкнулъ въ прозрачной рѣкѣ надъ свѣтлымъ отраженіемъ живыхъ еще свай, громыхнулъ, загудѣлъ и опять понесся съ пыхтѣніемъ и свистомъ по извивающейся дорогѣ... И вотъ онъ уменьшается, таетъ... Только рельсы, точно живые, говорятъ и рокочутъ все тише и тише, постепенно смолкая... Вотъ еще разъ слабо сверкнули окна вагоновъ и рычаги локомотива, еще свистокъ—уже издали, и темная змѣя, извиваясь, вползаетъ въ темную чащу... Лѣсъ раздается,—еще мгновеніе, и надъ нимъ носится только бѣлый дымокъ, въ которомъ играютъ лучи весенняго заката.

А вокругъ все опять тихо. Опять невозмутимо бѣжитъ рѣчка и сдержанно плещутъ ея струйки... Туманъ носится въ легкомъ сумракѣ надъ полями, между пятнами лѣса, закутывая все отъ наступающей ночной прохлады, и только поближе видна еще яркая зелень молодой травки, да рой мошекъ звенитъ, точно вечерняя молитва... Вокругъ торжественная тишь. Ночь опускается на землю, на небѣ проглядываютъ звѣзды, на западѣ рѣетъ еще отсвѣтъ заката, а на потемнѣвшемъ, закутанномъ въ сумракъ востокѣ зарисовывается луна...

II.

Я жилъ въ этой благословенной мѣстности. Я былъ молодъ и свободенъ, какъ вѣтеръ. Правда, я носилъ званіе студента к—скаго университета, но узы студента, если ихъ вообще можно было назвать тогда узами, меня не особенно тяготили. Для экзаменовъ труда надо было немного, и я справлялся съ ними отлично. Профессора, знавшіе меня поближе, были мною очень недовольны, но я, признаться, смѣялся надъ этимъ недовольствомъ. Нельзя сказать, чтобы я не работалъ вовсе. Напротивъ, случалось работать, и работать сильно, упорно;

но это не было систематическое факультетское „ученіе“. Я занимался всѣмъ, что̀ меня интересовало, а интересовало меня очень многое,—„слишкомъ многое“, говаривали ученые мужи... Поэзія и статистика, цифры и риѳмы, „мечты и звуки“ и вивисекція—все это уживалось во мнѣ въ удивительномъ согласіи и гармоніи. Стихотворенія проливали свой мягкій свѣтъ на цифры, цифры, съ дружеской солидностью, подтверждали неуловимыя истины стихотвореній. Да, мною были недовольны ученые мужи, но я былъ доволенъ собою, своей работой. Числясь офиціально на „естественномъ“ факультетѣ, я изучалъ политическую экономію и статистику, писалъ лирическія стихотворенія, съ увлеченіемъ возился съ микроскопомъ, поглощалъ историческія монографіи. Однако, если меня и считали идеалистомъ-теоретикомъ, неспособнымъ къ практическому труду, то это была ошибка. Мнѣ случалось брать на себя исполненіе чисто-практическихъ работъ, и я отлично справлялся съ ними. Чѣмъ труднѣе была работа, чѣмъ болѣе въ ней было спутанныхъ частностей, требовавшихъ сноровки, умѣнія приспособиться, тѣмъ съ бо̀льшимъ увлеченіемъ я брался за нее. Я изучалъ, обобщалъ, подводилъ къ одному знаменателю, приводилъ въ систему, реформировалъ, творилъ, овладѣвалъ предметомъ. Я влагалъ въ трудъ всю свою душу. Но когда путаница разъяснялась, все приходило въ порядокъ, изъ хаоса получалась форма, колея, рутина, когда дѣло, въ свою очередь, стремилось овладѣть мною,—я сторонился отъ него, какъ и отъ факультета. Что хотите,—я былъ, по своему, правъ. У меня были планы, стремленія, хотя и не вполнѣ еще опредѣлившіяся, но искреннія, сильныя, и они шли въ разрѣзъ съ *этой* практикой...

III.

Я гостилъ на хуторѣ, въ семействѣ товарища, если только словомъ „гостить“ можно охарактеризовать пребываніе въ пустомъ домѣ, изъ котораго выѣхали хозяева, оставивъ его въ полное мое распоряженіе. Меня просили только не сжечь его, да по возможности оставить въ цѣлости оконныя стекла, которыя вставлять въ деревнѣ очень неудобно, — въ остальномъ я былъ полный хозяинъ. У меня былъ компаньонъ и товарищъ, старый слуга хозяевъ—Якубъ, съ которымъ мы были большіе пріятели. Старинная винтовка Якуба, да небольшая сумма денегъ, полученная мною за два мѣсяца кропотливой бухгалтерской работы, служили единственнымъ источникомъ удовлетворенія нашихъ незатѣйливыхъ потребностей, и съ этими средствами мы съ Якубомъ жили въ оставлен-

номъ хуторѣ полными дикарями. Днемъ я бродилъ по полямъ, рисуя, собирая коллекціи,—Якубъ, какъ Агасферъ, неутомимо шатался по лѣсамъ и болотамъ, и гулкое эхо разносило по окрестностямъ отголоски мѣткихъ выстрѣловъ старой винтовки. Вечеромъ мы сходились къ нашему домишку; кто приходилъ ранѣе, тотъ раскладывалъ невдалекѣ, подъ деревьями, надъ рѣчкой, костеръ, на которомъ мы готовили незатѣйливый ужинъ. Спали мы тутъ же, у костра, на открытомъ воздухѣ...

Личность моего компаньона была довольно замѣчательна. Мое знакомство съ нимъ началось давно: еще мальчишкой я пріѣзжалъ по временамъ изъ гимназіи въ хуторъ къ товарищу на цѣлыя недѣли, и въ это время мы познакомились съ Якубомъ. Я часто сопровождалъ его въ безконечныхъ экскурсіяхъ, и онъ, обыкновенно нелюдимый, не имѣлъ ничего противъ моей навязчивости. Напротивъ, часто онъ разыскивалъ меня гдѣ-нибудь подъ деревомъ, въ саду, или на сѣновалѣ, приносилъ съ собою мои ботфорты и шапку и лаконически приговаривалъ:

— Пойдешь, что ли?

И я съ удовольствіемъ соглашался. Онъ указывалъ мнѣ хорошія охотничьи стоянки, порой водилъ въ мѣста, которыя ему казались почему-либо интересными, говорилъ вообще мало, но, повидимому, слушалъ очень охотно все, что̀ я болталъ ему въ дорогѣ. По временамъ онъ смѣялся короткимъ утробнымъ смѣхомъ, при чемъ концы его опущенныхъ внизъ сѣдыхъ усовъ какъ-то очень характерно сближались,—но никогда онъ не мотивировалъ этихъ припадковъ веселости, и, признаться, они часто приводили меня въ недоумѣніе. Я не могъ понять, почему онъ смѣется въ данное время, чѣмъ вызывался этотъ смѣхъ. Казалось, его настроеніе управлялось какими-то внутренними законами и нисколько не зависѣло отъ того, что̀ другіе считали смѣшнымъ, веселымъ или грустнымъ.

Кажется, я былъ единственнымъ, сколько запомню, человѣкомъ, общества котораго Якубъ какъ бы искалъ. Къ остальнымъ онъ относился индифферентно. Правда, его, собственно, нельзя было назвать угрюмымъ мизантропомъ; если вглядѣться въ его лицо, оно никогда не было мрачно или желчно. Въ людской, куда онъ являлся по временамъ, точно на бивакъ, надъ нимъ иногда посмѣивались, шутили; нерѣдко, при болѣе или менѣе удачной шуткѣ, его усы сдвигались, и изъ-подъ ихъ густой щетины просвѣчивало нѣчто среднее между гримасой и улыбкой, въ общемъ довольно добродушное; но онъ никогда не огрызался, не отвѣчалъ, даже просто не вступалъ въ разговоры, продолжая, какъ ни въ чемъ не бывало,

чистить ружье, зашивать принадлежности костюма, вообще справлять свои нужды.

Съ годами онъ становился все молчаливѣе. Мой товарищъ и его домашніе, оставляя меня съ Якубомъ, предупреждали, что Якубъ совсѣмъ разучился говорить и что мнѣ не добиться отъ него ни слова. Когда, возвратясь съ охоты, Якубъ засталъ меня въ первый разъ послѣ моего пріѣзда,—онъ только взглянулъ на меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей какъ-то внимательно и съ любопытствомъ; но этотъ взглядъ, брошенный изъ людской въ отворенную дверь комнаты, въ которой я бесѣдовалъ съ моими знакомыми, былъ единственнымъ признакомъ вниманія, которымъ онъ меня удостоилъ. Онъ даже не вошелъ въ комнату, и я самъ вышелъ къ нему, чтобы поздороваться.

Впрочемъ, наша жизнь вдвоемъ быстро наладилась и вошла въ колею. Оказалось, что предупрежденія Рожанскихъ (фамилія моихъ хозяевъ) были совершенно напрасны. Намъ обоимъ вовсе не было скучно вдвоемъ. Правда, по цѣлымъ днямъ мы бывали врозь и вели жизнь молчаливыхъ созерцателей; зато по вечерамъ, у костра, мы пользовались всѣми преимуществами общественности.

Собственно, и тутъ мы говорили немного, и постороннему зрителю наши бесѣды показались бы въ высшей степени странными и просто непонятными. Въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ самихъ, какъ и въ ихъ обстановкѣ, было много своеобразнаго. Представьте весеннюю ночь среди благодатной ***ской природы. Синее глубокое небо... широко раскинутыя поля утопаютъ въ сизомъ туманѣ, пронизанномъ насквозь лучами луннаго свѣта. Въ этомъ фантастическомъ золотистомъ полусвѣтѣ тонутъ луга и лѣса: гдѣ-то изъ-подъ него пробивается тихое журчаніе рѣчки; стѣны усадьбы, поближе, сверкаютъ золотистымъ, яркимъ, рѣжущимъ отсвѣтомъ, на фонѣ стараго сада, и тутъ же, нѣсколько въ сторонѣ, подъ кучей деревьевъ — нашъ бивакъ. Костеръ пылаетъ красноватымъ пламенемъ, трещитъ сухой валежникъ, языки огня перебираются все выше, освѣщая низко нависшія вѣтви деревьевъ, верхушки которыхъ тонутъ въ дыму. Мы съ Якубомъ лежимъ тутъ же, на сѣнѣ, въ ожиданіи ужина, который варится у костра, въ котелкѣ. У Якуба вспыхиваетъ между усами короткая „люлька".

Что касается до самыхъ разговоровъ, то они были очень немногословны и, на первый взглядъ, очень несистематичны; это были собственно, какіе-то обрывки мнѣній, вскользь брошенныя короткіе вопросы, часто остававшіеся безъ отвѣта, или такіе же короткіе отвѣты. Тѣмъ не менѣе, для меня эти безпорядочныя бесѣды были полны живого интереса. Дѣло въ

томъ, что теперь я не могъ уже, какъ нѣкогда, удовлетвориться только ролью единственнаго активнаго собесѣдника; то, что прежде удивляло меня въ Якубѣ и казалось неразрѣшимымъ,—я старался теперь разрѣшить, мнѣ хотѣлось разгадать этого человѣка, такъ равнодушно относившагося ко всему міру; мнѣ хотѣлось знать, что значатъ его непонятныя, короткія замѣчанія, чему онъ смѣется, отыскать законъ, управлявшій своеобразными процессами этихъ странныхъ рѣчей, прочитать мысль, вѣчно свѣтившуюся въ этомъ невозмутимомъ взглядѣ. Вначалѣ это было трудно. Процессы, совершавшіеся въ этой сѣдой головѣ, казалось, подчинялись какимъ-то совершенно особымъ законамъ, и не было никакой возможности направить ихъ на торную дорогу „логическаго" мышленія, „правильныхъ" построеній. Онъ никогда не говорилъ хоть сколько-нибудь округленными періодами, никогда не примѣнялся къ слушателю, и если вы начинали закидывать его округленными фразами, если вы обнаруживали попытку свернуть его на вашу дорогу, навязать ему вашу систему,—онъ какъ-то вдругъ съеживался, кидалъ на васъ испытующіе, точно подозрительные взгляды, исполненные, вмѣстѣ съ тѣмъ, какого-то страннаго философскаго превосходства, а тѣ процессы, которые вы разсчитывали „направить", шли тѣмъ же роковымъ, стихійнымъ путемъ.

Замѣтивъ это, я старался дѣйствовать крайне осторожно; я, по возможности, ограничивался короткимъ заявленіемъ своего мнѣнія и осторожными вопросами; затѣмъ, довольствуясь полученными полуотвѣтами, я старался дополнить ихъ наблюденіемъ. Оказалось, что я попалъ на настоящій путь. Мало-по-малу я все болѣе убѣждался, что безсвязныя, повидимому, сентенціи Якуба были, въ сущности, лишь частью своеобразныхъ, но стройныхъ и закономѣрныхъ процессовъ мысли, которымъ капризная судьба предоставила являться въ видѣ звуковъ, тогда какъ остальныя части тѣхъ же процессовъ, часто самыя существенныя въ логическомъ отношеніи, оставались въ умѣ старика. Пріучаясь все болѣе и болѣе къ этой манерѣ, я привыкъ дополнять недосказанное осторожнымъ высматриваніемъ выраженія лица, порой короткимъ, точно вскользь кинутымъ вопросомъ. На этой почвѣ у насъ начался живой обмѣнъ мыслей, и я убѣдился даже, что то, что вначалѣ казалось мнѣ непобѣдимою умственною косностью, было лишь своеобразною живою силой. Мнѣ приходилось указывать Якубу новые для него факты, — особенно интересовалъ его микроскопъ,—и я видѣлъ, что онъ очень воспріимчивъ къ этимъ фактамъ и способенъ къ ихъ переработкѣ. При этомъ я воз-

держивался отъ всякихъ объясненій и выводовъ; въ крайнемъ случаѣ, когда данныхъ для группировки было недостаточно, я приводилъ другіе, извѣстные мнѣ по книгамъ, и только изрѣдка частью высказывалъ мое собственное мнѣніе.

Какъ видите, мнѣ было нескучно съ Якубомъ. Въ свою очередь онъ тоже всматривался и какъ бы изучалъ меня. Онъ былъ чрезвычайно наблюдателенъ, и часто я чувствовалъ на себѣ его пристальный взглядъ. Въ то время я жилъ очень полною жизнью. Въ деревню я пріѣхалъ, собственно, чтобы разобраться на свободѣ съ массой впечатлѣній, стремленій и порывовъ, чтобы углубиться въ себя и рѣшить одинъ личный вопросъ. И вотъ разбираться-то мнѣ пришлось на глазахъ у этого страннаго философа-наблюдателя.

Въ одинъ изъ описанныхъ выше вечеровъ мы, по обыкновенію, расположились съ Якубомъ у костра. Старикъ на этотъ разъ былъ, очевидно, чѣмъ-то сильно занятъ. Его неразлучная люлька медленно вспыхивала, шипя, и опять погасала, густые клубы махорочнаго дыма вевивались въ воздухѣ, а онъ все молчалъ, не вмѣшиваясь даже въ мои хлопоты по ужину. По временамъ онъ что-то невнятно ворчалъ: изъ этого ворчанія, прерываемаго ожесточенными плевками въ сторону, мнѣ удалось только раза два разслышать: „отъ бисова баба!..“, „отъ то!..“ и тому подобныя совершенно для меня непонятныя восклицанія.

Однако, какъ и всегда, я не торопился съ разъясненіемъ. Размѣшавъ въ котелкѣ, я вынулъ свой кисетъ и сталъ свертывать папиросу. Изъ двухъ-трехъ взглядовъ, которые, какъ я замѣтилъ, были направлены на меня изъ-подъ сѣдыхъ бровей Якуба, съ выраженіемъ не то любопытства, не то недовольства, точно онъ подозрѣвалъ и меня въ соучастіи съ „бисовой бабой“—я угадалъ, что дѣло касалось, между прочимъ, меня: стало быть Якубъ выскажется, только раньше ему надо было, очевидно, что-то обдумать.

Наконецъ, старикъ вытряхнулъ свою трубку о ноготь большого пальца и, засовывая ее въ карманъ, кинулъ въ мою сторону:

— Вамъ можно жениться?

Я былъ озадаченъ, однако не выразилъ своего удивленія и равнодушно отвѣтилъ:

— Да, ужъ болѣе года я имѣю право жениться...

Якубъ вскинулъ на меня глазами и продолжалъ такъ же равнодушно:

— Что-жъ, женитесь: грошей много—своя будетъ воля...

Мое удивленіе росло. Что это ему взбрело въ голову сватать, да и кого же?

— На комъ?—спросилъ я.

Этотъ короткій вопросъ сильно не понравился Якубу. Онъ желчно плюнулъ и опять полѣзъ въ карманъ за только что оставленной трубкой.

— На комъ, на комъ!.. Эхъ, спрашиваютъ тоже! Ну, на бабѣ... Не все ли равно?.. Тамъ разобралъ бы послѣ... На комъ!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на старика. Его лицо выражало сильное неудовольствіе. Неужели онъ могъ серьезно выражать мнѣніе, что, молъ, „не все ли равно“? Нѣтъ, мнѣ показалось, что за этимъ скрывается нѣчто другое.

— Ну, на Сорокаихѣ. Знаете вѣдь вы—вдова есть такая... Говоритъ—онъ меня видалъ. „Грошей, говоритъ, у меня не мало“. Пѣсню тоже пѣла: „Чи въ мене не біле личко, чи не чорни брови?..“ Тьфу!..

Я чуть не расхохотался. Якубъ, сильно раздосадованный, наклонился къ огню, чтобы закурить свою трубку.

— Ну?—спросилъ онъ затѣмъ, точно торопясь развязаться съ этимъ вопросомъ.

— Что ну?—спросилъ я въ свою очередь, желая подразнить старика.

Мнѣ было немного досадно, что онъ могъ обратиться ко мнѣ съ этимъ предложеніемъ. За кого же онъ меня принимаетъ? Сорокаеву я дѣйствительно видѣлъ раза два; это была вдова, обладательница хутора, молодая, богатая, полная, бойкая и неглупая. Она держала себя независимо, и это предложеніе, сдѣланное черезъ Якуба, это циничное указаніе на „гроши“ и „биле личко“ — были для нея очень характерны.

Люлька Якуба заскрипѣла и вспыхнула, и на его освѣщенномъ лицѣ я, къ величайшему удивленію, замѣтилъ вдругъ одну изъ его добродушнѣйшихъ гримасъ. Концы сѣдыхъ усовъ замѣтно шевелились.

— Эге! — сказалъ онъ. — Не хочешь, бачу — не хочешь!.. Отъ!..—Онъ вдругъ поперхнулся, точно отъ подступа внутренняго смѣха.—Отъ глупая баба! Говорилъ я: не женится... Куда!..

Я тоже засмѣялся.

— Съ чего вы взяли сватать меня?.. А Сорокаевой скажите—пусть „передъ батька не лізе въ пекло“, пусть дожидается, пока за ней съ ея грошами будутъ свататься сами.

— Эге, эге!—подтвердилъ Якубъ:—говорилъ!.. Отъ-то баба! „Семена“ *), говоритъ, знаешь? Ну, такъ завтра скажешь, а то... Отъ и скажу завтра. Н-ну, баба!

*) Малороссійская пѣсня, изображающая могущество денегъ въ дѣлѣ „сватанія“.

Якубъ, очевидно, повеселѣлъ отъ перспективы завтрашняго объясненія. Онъ привсталъ, заглянулъ въ котелокъ и, помѣшавъ въ немъ, снялъ его съ огня. Мы поужинали.

Затѣмъ, послѣ ужина, Якубъ, расположившись лицомъ къ синему небу, долго бормоталъ что-то и ухмылялся. Я тоже благодушествовалъ, пуская клубы дыма къ звѣздному своду. Наконецъ, когда я сталъ уже погружаться въ дремоту, мнѣ вдругъ послышался голосъ Якуба:

— Значитъ, вамъ грошей не надо?

— Не надо,—отвѣтилъ я сквозь дремоту.

— Г-мъ, такъ... — лукаво произнесъ старикъ, и изъ его люльки послышалось долгое сосредоточенное хрипѣніе перегорѣвшаго „тютюна“.

IV.

Каково было объясненіе Якуба съ предпріимчивой вдовой— мнѣ неизвѣстно. На слѣдующій же вечеръ насъ съ Якубомъ заняла другая тема. Когда я подошелъ къ нашему биваку, костеръ давно уже былъ разведенъ, не смотря на сравнительно раннее время, и Якубъ, безъ свитки, вообще по домашнему, какъ видно, давно уже возился съ ужиномъ. Когда я подошелъ, онъ посмотрѣлъ на меня исподлобья и опять обратился къ костру. Я перемѣнилъ свои охотничьи сапоги на легкіе и прилегъ тоже близъ костра на сѣно.

— Письмо къ вамъ,—сказалъ Якубъ.

— Письмо?—живо спросилъ я.—Отъ кого?

— Не знаю...

Онъ равнодушно протянулъ руку къ костру, вынулъ оттуда пальцами горячій уголекъ и положилъ его къ себѣ въ „люльку“.

— Кто же привезъ?

— Варехинскій человѣкъ привезъ...

— Значитъ, отъ стараго Варехи...

Якубъ вскинулъ глазами и опять многозначительно произнесъ:

— Не знаю...

Я покраснѣлъ.

— Дайте письмо.

Якубъ полѣзъ въ карманъ и, вынувъ оттуда порядочно измятый небольшой изящный конвертецъ, подалъ его мнѣ.

Подавая, онъ повертѣлъ его въ своихъ грубыхъ рукахъ. Я слѣдилъ взглядомъ за этой маленькой вещицей въ его заскорузлыхъ пальцахъ, и онъ, повидимому, подмѣтилъ мои тревожные взгляды. Концы его усовъ стали шевелиться.

На конвертѣ кругленькимъ изящнымъ женскимъ почеркомъ было написано: „Борису Гавриловичу Дубравѣ“.

Я хотѣлъ уже было сломать печать, когда изъ костра послышалось шипѣніе висѣвшаго надъ нимъ котелка, извѣщавшее, что ужинъ готовъ.

— А ужинать-то раньше не будете?—спросилъ Якубъ съ невозмутимѣйшимъ равнодушіемъ, вынимая котелокъ изъ огня.

Старый варваръ! Онъ догадывался, что мнѣ не до ужина... Тѣмъ не менѣе, я отложилъ письмо и по возможности равнодушно принялся за трапезу. Старикъ ѣлъ съ аппетитомъ, кидая по временамъ въ мою сторону совершенно равнодушные взгляды. Я несъ мой крестъ, хотя нельзя сказать, чтобы особенно терпѣливо. Проглотивъ нѣсколько горячихъ, какъ пламя, картофелинъ, я счелъ свою задачу оконченной и вновь обратился къ письму.

Мнѣ было ужасно досадно и неловко распечатывать и читать его подъ внимательными взглядами Якуба. А онъ, растянувшись тутъ же въ весьма непринужденной позѣ, неторопливо продолжалъ свой ужинъ и такъ же неуклонно наблюдалъ каждое мое движеніе.

Я вооружился стоицизмомъ. Сдѣлавъ по возможности равнодушную физіономію, я сломалъ печать и, нѣсколько отвернувшись отъ Якуба, будто для того, чтобы поудобнѣе расположиться въ отношеніи свѣта, принялся наконецъ читать цидулку.

Письмо было недлинно. Пишущая обращалась ко мнѣ отъ имени „папаши“. Папаша удивлялся, что я, такъ долго уже находясь по сосѣдству съ С*** (сосѣдній уѣздный городъ) и даже бывая нѣсколько разъ, какъ онъ узналъ, въ самомъ городѣ, не заглянулъ къ нему. Конечно, у меня могли быть для этого болѣе или менѣе основательныя причины; однако, „папаша“ полагалъ, что никакія причины не могутъ быть достаточно основательны, чтобы не посѣщать такъ долго стараго друга моего отца, да и лично моего друга также. Теперь „папаша“ обращается къ моему великодушію. Онъ сообщаетъ, что ему необходима моя помощь, какъ и въ прошломъ году, и полагаетъ, что хоть это соображеніе вызоветъ меня изъ моего отшельничества. Пишущая въ концѣ добавляла отъ себя, что, конечно, она не считаетъ особенно вѣскими свои собственные доводы, однако, она вполнѣ раздѣляетъ взглядъ „папаши“ на несправедливость моихъ дѣйствій, и если ужъ, кромѣ дѣлъ, ничто не въ состояніи заманить меня въ С***, то „будемъ благодарны хотя бы дѣламъ“. Этимъ упрекомъ кончалось письмо. Подъ нимъ стояла короткая подпись: „Соня“.

... Отсвѣтъ отъ неровно игравшаго пламени перебѣгалъ по бѣленькому листочку все слабѣе и слабѣе. Костеръ потрескивалъ и потухалъ, а я все смотрѣлъ, хотя и не читая, на эту маленькую страничку, на это словечко въ концѣ. Я забылъ о пристальныхъ взглядахъ Якуба, забылъ обо всемъ окружающемъ и погрузился въ свои мысли.

Милая дѣвушка! Какая кроткая укоризна звучала для меня въ этихъ немногихъ заключительныхъ строчкахъ, какъ ясно я видѣлъ ея милое личико, омраченное грустью... И какъ я грубъ, жестокъ, несправедливъ! Что̀ она думаетъ? Чему она можетъ приписать мой дикій поистинѣ образъ дѣйствій?.. Въ правѣ ли я поступать подобнымъ образомъ?..

Вареха, отецъ Сони, былъ помѣщикъ, изъ тѣхъ немногихъ, которые отлично съумѣли примѣниться къ новымъ условіямъ, ворвавшимся въ жизнь вмѣстѣ съ реформой. Умный, практическій, смѣтливый, онъ не роптал, не дѣлалъ оппозиціи, но и не произносилъ жалкихъ словъ. Онъ просто принялъ дѣло, какъ оно есть, и сталъ „примѣняться". И дѣло пошло отлично. Его хозяйство удачно выдержало кризисъ и помаленьку, но твердо пошло на новый ладъ. Въ то время, когда другіе бросились хищнически реализировать остатки и большею частью безнадежно пускали ихъ прахомъ или тратили ихъ на самыя юмористическія затѣи на тему раціональнаго хозяйства, онъ тоже взялся за нововведенія—твердо, осторожно. Вскорѣ, разсчитавъ предварительно всѣ шансы, онъ завелъ небольшой заводецъ, который оправдалъ его ожиданія. Самъ онъ, по коммерческимъ соображеніямъ, поселился въ городѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ имѣнія, завелъ тутъ свой магазинъ, и вообще сталъ вполнѣ „промышленнымъ" человѣкомъ.

Онъ былъ товарищемъ и другомъ моего давно умершаго отца. Я бывалъ еще въ дѣтствѣ въ имѣніи стараго Варехи, и мы были большіе пріятели съ Соней. Потомъ, въ одну изъ своихъ побывокъ у Рожанскихъ, я, между прочимъ, заѣхалъ и къ Варехѣ. Старикъ принялъ меня очень радушно, какъ сына своего стараго пріятеля, но вскорѣ между нами завязались и непосредственно близкія отношенія. Въ это время онъ только еще прилаживалъ свой заводецъ, хлопоталъ, суетился. Главное его затрудненіе, величайшій источникъ непріятностей, сопряженныхъ съ новымъ дѣломъ, заключался въ томъ, что онъ совершенно не довѣрялъ нанятымъ техникамъ, а самъ плохо смыслилъ сущность производства. Онъ окружилъ себя книгами, по цѣлымъ днямъ читалъ, волновался противорѣчіями, сомнѣвался, надѣялся, вновь впадалъ въ отчаяніе и вновь оживалъ. Вотъ тутъ-то я могъ оказать

ему кое-какую помощь. Я порядочно зналъ химію. У старика была заведена небольшая лабораторія, и мы пустили ее въ ходъ. Я дѣлалъ анализы, свѣрялъ получаемые результаты съ спеціальными техническими сочиненіями; правда, намъ приходилось встрѣчать множество затрудненій, усложненій, противорѣчій, особенно сначала, но въ концѣ концовъ мы сдѣлали нѣсколько практическихъ выводовъ. Это обстоятельство въ значительной мѣрѣ способствовало скрѣпленію узъ, соединявшихъ меня съ старикомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ химическіе процессы, совершавшіеся въ моихъ ретортахъ и мысляхъ, имѣли нѣкоторое совершенно особое вліяніе и на другую сторону моихъ отношеній къ варехинскому семейству. Соня очень интересовалась нашими „производствами“: я разъяснялъ ей сущность химическихъ явленій и хотя, правду сказать, не очень былъ доволенъ, какъ учитель, успѣхами ученицы въ этой области знанія, зато вниманіе, съ какимъ смотрѣли на меня ея голубые ласковые глазки, не оставляло желать ничего лучшаго.

Вскорѣ отношенія наши установились какъ-то такъ, что мы стали отлично „понимать“ другъ друга безъ объясненій (я говорю, конечно, не о химіи). Я научился читать въ этихъ ласковыхъ глазкахъ, я вслушивался въ ея тихую мелодичную рѣчь; она съ большимъ вниманіемъ выслушивала мои мечты и восторги, и намъ обоимъ было недурно. Это было нѣчто вродѣ тихаго, здороваго, юнаго сна, въ знойный лѣтній день, на зеленой прохладной травѣ, подъ густымъ пологомъ лѣса. Синее, безконечно глубокое небо, свѣтлыя, бѣгущія какъ призраки облака, этотъ зной вокругъ, кромѣ зеленаго шатра, это сознаніе здоровой и молодой дремлющей силы... Нужно,— чувствуешь возможность сразу подняться съ бодрой, неразслабленной энергіей. А покамѣстъ листья шепчутъ такъ сладко, такъ завлекающе таинственно, и по небу плывутъ эти тучки, одна за другой, причудливыя, красивыя, легкія...

Старикъ Вареха по временамъ взглядывалъ на насъ съ лукавой, чуть-чуть замѣтной улыбкой. Добрякъ зналъ, что у меня за душой ничего, кромѣ молодости и силы,—но онъ, хотя и былъ очень практиченъ, понималъ практичность по своему.

Итакъ, все, казалось, шло хорошо, такъ хорошо, что... я испугался. Хороши были глазки, тихія рѣчи, хороша тѣнь и прохлада, и небо и тучки, однако, тамъ, за этимъ раемъ, гдѣ и безпокойно и жарко, было нѣчто, манившее меня очень сильно... Я сталъ побаиваться улыбокъ стараго Варехи. Подошла осень, и я уѣхалъ изъ С*** и окунулся съ головой въ

безпокойную, богатую впечатлѣніями жизнь к—скаго студента. Правда, воспоминанія объ укромномъ уголкѣ часто вставали во всей своей прелести, и я ждалъ лѣта. Между тѣмъ, я все болѣе и болѣе опредѣлялся.

Теперь, когда я вновь поселился въ окрестностяхъ С***, я уже началъ понимать довольно ясно, что въ жизни бываютъ странныя противорѣчія. Мои личныя стремленія раздвоились, и я, какъ сказочный герой, стоялъ на распутьи... Двѣ дороги разстилались передо мною... Одна... вела въ уѣздный городъ С***, ***ской губ., прямо къ воротамъ бѣленькаго домика, съ привѣтливо глядѣвшими свѣтлыми окнами, уставленными геранью и розами. Изъ-за цвѣтовъ мелькало молодое, привѣтливое личико. Другая... другая была длинна, очень длинна,— конца я не видѣлъ... Но какъ неудержимо тянула она своей невѣдомой далью, заманчивой неизвѣстностью, съ ея борьбой и опасностями, съ запросами энергіи, чуткости, силы...

Нѣсколько разъ я заказывалъ черезъ Якуба въ деревнѣ возокъ или верховую крестьянскую лошадь. Я наряжался тогда въ самый блистательный костюмъ, добывалъ изъ чемодана самый щегольской галстукъ, вообще приводилъ Якуба въ совершенное недоумѣніе необычнымъ сіяніемъ и блескомъ. Все готово. Лошадь приведена. Якубъ пытливо посматриваетъ съ философски наблюдательнымъ видомъ на мои сборы. Но я всякій разъ отсылалъ лошадь обратно, быстро переодѣвался, надѣвалъ свои смазные сапожищи, бралъ ружье и удалялся въ лѣсъ или въ поле и бродилъ тамъ по болотамъ до устали, до изнеможенія. Такимъ образомъ я прожилъ на хуторѣ около шести недѣль и еще не былъ ни разу у Варехи...

V.

Костеръ потухъ. На небѣ стоялъ полный мѣсяцъ, звѣзды мерцали яркимъ, какъ будто все разгоравшимся свѣтомъ. Лѣсъ тихо и ровно шумѣлъ на фонѣ этой чудной весенней ночи.

Въ головѣ у меня шумѣло, сердце стучало напряженно и сильно. Опредѣленной мысли не было. Я боялся думать въ эту страстную весеннюю ночь, боялся поставить для рѣшенія вопросъ, такъ какъ шансы двухъ боровшихся во мнѣ рѣшеній въ эту ночь, я это чувствовалъ—были неравны. Я смотрѣлъ вверхъ на золотомъ сіявшія звѣзды, на тихо плывшія тучки... Мало-по-малу я сталъ забываться...

Вдругъ сзади меня прозвучалъ какъ-то рѣзко голосъ Якуба:

— А на варехинской панночкѣ вы женитесь?

Я вздрогнулъ. Проклятый старикъ сразу вспугнулъ насту-

павшую дремоту, и я понялъ, что мнѣ не уснуть уже въ эту ночь. Я обернулся. Угли костра слегка тлѣли, по нимъ пробѣгали огненныя змѣйки. Якубъ полулежалъ, опершись подбородкомъ на руки, повидимому, давно уже въ этомъ положеніи,—и смотрѣлъ на меня.

— Съ чего вы это? — спросилъ я неохотно.—Да и не отдастъ старый Вареха,—добавилъ я затѣмъ совершенно некстати...

— От-дастъ,—сказалъ Якубъ съ разстановкой.—Вотъ что, продолжалъ онъ серьезно:—ты не мудруй... говорю, не мудруй. Пожалѣть не пришлось бы.

— Эхъ, старикъ, и тутъ пожалѣть можно.

— Можно... — задумчиво проговорилъ онъ. — А есть и которые хорошо живутъ, умѣютъ любить. Вотъ Голуби...

— Голуби?..—спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да,—сказалъ Якубъ:—помѣщики есть такіе—Голубевы, да ихъ „Голубями“ зовутъ. Очень ужъ любятся, такъ вотъ и прозвали... И усадьбу ихъ „Голубятней“ зовутъ. Хорошо живутъ... Только...

— Что же? — спросилъ я машинально, хотя, признаться, мнѣ было не до разспросовъ о „Голубяхъ“.

— Эхъ! Мудритъ она тоже... хорошая она... а трудно... Эхъ, не мудруй, право, не мудруй,—смотри, трудно!..

Въ голосѣ его слышалась какая-то задушевная, непривычно мягкая нота. Я вскочилъ на ноги. Нѣтъ, мнѣ не уснуть больше!..

— Куда? За лошадью?—спросилъ Якубъ.—Обожди; рано.

Онъ взглянулъ вверхъ на луну.

— Два часа, куда въ такую пору людей подымать, успѣешь.

Но я шелъ не за лошадью.

— На Чортово болото пойду, на тягу, — проговорилъ я съ усиліемъ.

Затѣмъ я надѣлъ сапоги, взялъ ружье и пошелъ черезъ мостикъ въ поле.

Движеніе мало доставило мнѣ облегченія. Луна стояла высоко. Весенняя ночь разгоралась, и ея страстное дыханіе захватывало меня чуднымъ, опьяняющимъ потокомъ. Кровь бушевала. Въ воздухѣ носилось что-то чарующее. Я почти безсознательно прошелъ черезъ рощу и вышелъ на большую почтовую дорогу. Она подымалась нѣсколько вверхъ, прорѣзая холмы. Съ одного изъ нихъ далеко видна была вся окрестность. Я взошелъ на его вершину.

Синяя, съ золотыми просвѣтами, глубокая, чарующая южная ночь лежала, широко раскинувшись, надъ полями, надъ до-

рогой, надъ лѣсомъ. Все вокругъ было тихо, но въ этой тишинѣ слышалось не спокойствіе сна. Нѣтъ... какой-то сосредоточенной страстью дышала эта ночь и точно сдерживала дыханіе. Шоссе, слегка сверкая и искрясь отсвѣтомъ луннаго сіянія въ мелкомъ щебнѣ, тонуло въ золотистомъ туманѣ, теряясь въ подернутой сизою пеленою далекой рощѣ. За рощей чуть-чуть вырисовывались очертанія высокой колокольни, и только крестъ ея сверкалъ переливами золотого сіянія. Это была колокольня с—скаго собора, и тамъ же, за этой рощей, погруженный въ синеватую мглу, виднѣлся мнѣ маленькій спящій городокъ — бѣлѣющія стѣны скромныхъ домиковъ. И вотъ одинъ изъ нихъ, милый, привѣтливый домикъ, окна съ цвѣтами, и за однимъ изъ этихъ оконъ, въ угловой комнаткѣ, въ эту самую минуту, она, моя Соня, грезитъ во снѣ.

И отказаться отъ нея!.. Добровольно отказаться отъ счастья, отъ этой улыбки, отъ этой привѣтливой, родной, милой души!.. Отказаться, лишиться, отдать, быть можетъ, другому... Безуміе!..

Я стоялъ на холмѣ, смотрѣлъ на колокольню, и яркіе картины и образы проносились въ эту чудную ночь въ моемъ разгоряченномъ мозгу. Долго ли это продолжалось, не знаю...

Я снялъ шляпу и отеръ рукою горячій лобъ. Прохладный вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо. Я оглянулся вокругъ.

Звѣзды начинали блѣднѣть. На востокѣ, влѣво отъ колокольни, прокрадывались уже лучи еще далекаго солнца. Очертанія лѣса, закрывавшаго С***, выдѣлялись все рѣзче, свѣжѣе.

Внизу, въ долинѣ, въ скученныхъ темныхъ домишкахъ деревеньки зажигались огни. Залаяли собаки. Скрипнули гдѣ-то невидимыя глазу ворота, и донеслось понуканіе выводимыхъ изъ конюшни лошадокъ.

Огоньки въ окнахъ деревни замелькали чаще и чаще. Возбужденная мысль измѣнила направленіе. Я смотрѣлъ въ долину, на ютившіяся въ предутреннемъ мракѣ темныя хаты. Казалось, я вижу ясно все, что творится внутри этихъ бѣдныхъ, хорошо мнѣ знакомыхъ лачугъ. Вотъ зажигаетъ лучину старуха, приходившая вчера къ Якубу за лѣкарствомъ. Тамъ, у нея, въ темномъ углу мечется больная дѣвушка-внучка. Вотъ мелькнулъ огонекъ и въ подпертой со всѣхъ сторонъ полуразвалившейся избенкѣ солдатки, а вотъ освѣтилъ онъ и оконце моего пріятеля Босого, захудалаго горемыки. Вотъ выѣзжаетъ изъ воротъ деревенскаго кулака работникъ Микита, а тамъ въ концѣ деревни, у выѣзда скрипятъ ворота клуни.

Тамъ бѣдняга „прыймакъ“ *) отправляется на постылую работу, въ постылой, зажиточной, но гордой семьѣ...

Спасибо трезвому, свѣтлому утру. Я еще разъ взглянулъ въ сторону колокольни. Влѣво отъ нея, съ востока, свѣтъ разливался дальше и дальше. Острая крыша рѣзко чернѣла на посвѣтлѣвшемъ небѣ; роща рисовалась также рѣзкою, свѣжею тѣнью. Большая дорога уже не сверкала. Роса сѣла на камни, длинная вереница телеграфныхъ столбовъ выступала довольно ясно. Утренняя свѣжесть прохватила насквозь еще недавно дышавшую нѣгой и страстью природу. Передъ зарей подымался вѣтеръ. Телеграфныя проволоки затянули свою протяжную монотонную пѣсню. Конецъ шоссе ясно обрывался у начала рощи.

Нѣтъ, не это моя дорога. Утро принесло съ собою рѣшеніе.

Я сошелъ съ холма и пошелъ по шоссе, въ направленіи къ рѣчкѣ. Тамъ я сошелъ внизъ и умылся въ холодной водѣ. Затѣмъ я бодро зашагалъ къ Чортову болоту, на тягу...

VI.

„На ловца и звѣрь бѣжитъ“,—говоритъ пословица, но я былъ ловецъ плохой, и на меня набѣжала дичь, которой я вовсе и не искалъ. Часовъ въ девять утра, порядочно усталый послѣ ночи, проведенной безъ сна, я забрался въ густую чащу, гдѣ, по моимъ разсчетамъ, никто не могъ меня потревожить, и тамъ, положивъ сумку подъ голову, заснулъ подъ шопотъ свѣсившейся листвы густого орѣшника. Не знаю, какъ долго я спалъ, но, должно быть, порядочно долго,—когда былъ разбуженъ близкимъ разговоромъ. Раскрывъ глаза, я увидѣлъ слѣдующую картину. Невдалекѣ отъ меня, на небольшой лѣсной полянѣ, у ея края, сквозь листья и вѣтви орѣшника мелькало синее платье. Молоденькая дама взбиралась на старый, сгнившій пень, торчавшій наклонно, и, опираясь одной рукой на руку стоявшаго за нею мужчины, другою тянулась за кучкой молодыхъ орѣховъ. Лица ея спутника не было видно за ея стройной фигуркой; изъ-за мохнатаго пнища виднѣлись только его ноги, въ щегольскихъ лакированныхъ сапогахъ (охота бродить по лѣсу точно по паркету,—мелькнуло у меня въ головѣ).

— Говорятъ тебѣ, еще зелены,—произнесъ мужской голосъ.

Дама хотѣла что-то отвѣтить, но въ это время бѣлка, притаившаяся на ближней вѣткѣ и вспугнутая приближеніемъ

---

*) Прыймаками называютъ въ Малороссіи бобылей, которые, женясь, не берутъ жену къ себѣ, а сами идутъ жить въ семью жены.

маленькой ручки, прыгнула черезъ голову дамы на противоположное дерево. Дама вскрикнула и засмѣялась почти въ одно время, потеряла равновѣсіе и упала на руки своего спутника.

Молодой и красивый мужчина, очевидно, нисколько не растерялся отъ неожиданности. Напротивъ, онъ очень ловко подхватилъ ее и, пользуясь случаемъ, сталъ осыпать поцѣлуями прекрасное, смѣющееся личико съ видомъ человѣка, которому хорошо знакомо это пріятное времяпровожденіе.

— „Голубки", — мгновенно мелькнула у меня догадка. „Умѣютъ любиться",—вспомнились слова Якуба.

— Пусти, что ты дѣлаешь?—говорила дама.—Пусти, Серега, какъ ты смѣешь? Пусти, закричу!..

Но Серега, очевидно, вышелъ изъ повиновенія и, что называется, закусилъ удила...

— Кричи...—сказалъ онъ, неохотно отрываясь отъ своего занятія, чтобы произнести нѣсколько словъ:—что-жъ, кричи, мѣсто глухое, никто не услышитъ...

Мнѣ показалось, что я не имѣю права скрываться долѣе. Мое положеніе и то ужъ стало довольно глупо, но я не очень затруднялся, когда приходилось выпутываться изъ „неловкихъ" положеній. Къ тому же я зашелъ сюда раньше и считалъ себя нѣкоторымъ образомъ хозяиномъ этого мѣста.

Я поднялся, раздвинулъ кусты и вышелъ изъ чащи.

Дама вскрикнула и, вырвавшись изъ объятій своего спутника, тотчасъ же опять прильнула къ нему. Онъ обернулся ко мнѣ гнѣвный, почти свирѣпый. Я спокойно распутывалъ ремень отъ ружья, зацѣпившійся за сухую вѣтку. Это было очень кстати, чтобы дать пройти первой, самой неловкой минутѣ. Когда я кончилъ и повернулся къ нимъ, онъ смотрѣлъ все такъ же свирѣпо, но дама уже оправилась и съ какимъ-то дѣтски-лукавымъ любопытствомъ посматривала то на меня, то на своего сердитаго спутника.

— Извините,—сказалъ я, невольно улыбаясь при взглядѣ на ея почти дѣтское личико:—я, право, заснулъ здѣсь гораздо раньше вашего прихода, и не я виною, если вы разбудили меня...

— Милостивый государь!—вспыхнулъ „Голубь".

— Тише, тише, Серега, — вмѣшалась дама.—Ты съ твоей горячностью бываешь иногда совершенный дуракъ. Подумай: вѣдь онъ пришелъ сюда раньше, и мы разбудили его... Имѣемъ ли право прогонять его? Скажи: имѣемъ? Да и вы тоже, слышите—въ вашемъ удаленіи никто не нуждается,—сказала она сердито. — Ступайте, ложитесь себѣ подъ ваше дерево и спите!..

Я удивленно взглянулъ на нее и чуть не расхохотался при видѣ супруга, который вдругъ потерялъ свой свирѣпый видъ и только чинно, солидно смотрѣлъ на меня, точно ожидая, что я вотъ-вотъ сейчасъ сниму сумку и ружье и, повинуясь ея приказу, смиренно полѣзу въ кусты.

— Благодарю васъ,—сказалъ я:—я выспался.

— Да?..—проговорила она въ раздумьи.—Въ самомъ дѣлѣ, чего это я, вѣдь это глупо!

Вдругъ она взглянула на разочарованную мину супруга и опять залилась своимъ звонкимъ серебристымъ хохотомъ.

— Посмотрите, посмотрите на него,—вѣдь онъ подумалъ, что вы послушаетесь, ей-Богу, думалъ, что вы послушаетесь... И вѣдь онъ бы послушался непремѣнно, не правда ли?..

Послѣднюю фразу она произнесла уже какъ-то гнѣвно, и въ голосѣ ея дрогнула нотка раздраженія, слегка смягчаемаго, впрочемъ, тономъ сомнѣнія и полувопроса.

„Ну, „Голубокъ", держись,—подумалъ я при этомъ.—Съумѣешь ли ты, полно, любить ее? Кажется, умѣнія, обнаруженнаго сегодня, тутъ недостаточно. Потребуются, пожалуй, и другіе рессурсы".

— Ну, такъ какъ вы уже выспались, то дайте руку, да дайте же руку!.. Мы пойдемъ вмѣстѣ, и Серега во всю дорогу не скажетъ вамъ ни одной грубости. Постойте, да можетъ вамъ не по пути?

Мнѣ было по пути. Я взялъ ее подъ руку, и мы стали выбираться изъ чащи.

VII.

Нѣкоторое время мы шли молча. Я помогалъ ей перебираться черезъ валежникъ или чрезъ ручейки. „Серега" бережно раздвигалъ передъ нами вѣтви, кидая на меня при этомъ мрачные взгляды. Наконецъ, мы выбрались изъ чащи и пошли по широкой просѣкѣ. Тутъ она вдругъ кинула мою руку, отстранилась и внимательно оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Постойте,—сказала она:—да это вы живете съ Якубомъ на хуторѣ у Рожанскихъ?

— Да, это я.

Она опять взяла меня за руку, и мы пошли дальше. Супругъ, видимо, сталъ еще мрачнѣе.

— У васъ есть микроскопъ?.. Вы собираете коллекціи?.. Вы занимаетесь ботаникой?—закидала она меня вопросами.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Вы занимаетесь естественными науками?.. Вы, вѣрно, студентъ?..

— Да...

— Можетъ быть, медикъ?..—живо спросила она.

— Нѣтъ, не медикъ, но я дѣйствительно занимаюсь естественными науками,—я на „естественномъ факультетѣ“.

Она взглянула на меня какъ-то робко и точно присмирѣла.

— Послушайте,—начала она послѣ нѣкотораго молчанія:— у меня есть къ вамъ просьба... Вы ее исполните?

— Думаю, что исполню.

— Вы очень добры... Видите ли, мнѣ, право, совѣстно, да вѣдь вамъ, можетъ, нетрудно... Мнѣ нужно выучиться ботаникѣ, и вообще—естественной исторіи и...

— Нужно?.. — скептически мрачно проворчалъ супругъ. — Ужасно нужно!..

Отъ этого слова по ней вдругъ пробѣжала точно электрическая искра. Она вздрогнула и обернулась къ нему съ выраженіемъ какого-то испуга, даже отчаянія въ лицѣ.

— Ты опять, Серега? Вѣдь я говорила тебѣ, говорила! Неужели ты не понимаешь, Боже мой, Боже!

Серега смолкъ, а она тяжело облокотилась мнѣ на руку. Опять сотню шаговъ мы прошли молча.

— Послушайте,—заговорила она еще смиреннѣе, и въ голосѣ ея звучали ноты какой-то мольбы, такъ что мнѣ стало совѣстно: что могъ я сдѣлать для нея такого, что стоило бы такой просьбы:—послушайте, вы можетъ подумали, что это я такъ... что я забавляюсь. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ нужно, очень нужно, необходимо. Это очень серьезно, и я буду учиться...

Я изъявилъ полнѣйшую готовность. Конечно, я не могу обѣщать многаго, такъ какъ я и самъ только учусь, но кое въ чемъ, безъ сомнѣнія, принесу ей пользу.

— Да, вы согласны?.. — весело сказала она и вся опять оживилась.—Какъ я вамъ благодарна, вы не повѣрите, какъ благодарна! Вы придете къ намъ?.. Когда же мы начнемъ?.. Завтра?.. Нѣтъ, завтра нельзя. Да, нельзя,—мы уѣдемъ... Ахъ, Боже, нельзя ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли. Вы здѣсь будете долго? Мѣсяцъ, два? Два мѣсяца! Прекрасно! Времени еще много. Впрочемъ, я ничего еще не знаю.

— Слишкомъ достаточно, чтобы возиться съ больными бабами,—опять желчно вмѣшался супругъ, и опять все оживленіе ея исчезло, опять я почувствовалъ, какъ она вздрогнула и на лицѣ ея испугъ виднѣлся еще глубже.

„Экая дубина!“ — подумалъ я и, въ свою очередь, посмотрѣлъ на супруга, кажется, очень недружелюбно. Наши взгляды встрѣтились.

Мы вышли изъ опушки, и за рѣчкой показался бѣленькій

домикъ, окруженный высокими тополями. Это была усадьба „Голубковъ“. Когда мы подошли къ мостику, я сталъ прощаться.

— Черезъ двѣ недѣли?—спросила она меня какъ-то грустно.

— Да, черезъ двѣ недѣли, въ понедѣльникъ,—отвѣтилъ я ей твердо, сжимая ея руку и посмотрѣвъ ей въ глаза.—Непремѣнно.

Она опять оживилась и искренно отвѣтила на мое пожатіе. Я холодно поклонился супругу и пошелъ своею дорогой.

Дойдя до опушки, я обернулся. „Голуби“ шли по аллеѣ изъ тополей. Онъ велъ ее подъ руку, наклонялся къ ней и говорилъ ей что-то любовно и ласково, а она по временамъ подымала голову и точно всматривалась въ лицо своего спутника. Я былъ далеко, но мнѣ казалось—я вижу при этомъ выраженіе ея дѣтски-прекраснаго личика.

VIII.

Мнѣ пришлось встрѣтиться съ „Голубкой“ ранѣе назначеннаго срока. Въ пятницу, т.-е. дня черезъ три послѣ первой встрѣчи, я собрался въ городъ, находившійся верстахъ въ десяти отъ хутора,—за новыми журналами. Кромѣ этой цѣли, у меня была и другая: Якубъ принесъ откуда-то небольшой клочекъ бумаги, на которомъ выписаны были кой-какія лѣкарства, и подалъ мнѣ его, когда я уже садился въ нанятую у крестьянина двуколку,—съ просьбой закупить въ городской аптекѣ поименованныя въ бумажкѣ лѣкарства. Въ окрестностяхъ явилась сильная лихорадка, и было нѣсколько дѣтей, больныхъ оспой.

Въ городѣ я нѣсколько запоздалъ, и, когда я выѣхалъ на пыльную дорогу за городской заставой, солнце уже садилось. Съ юга надвигалась темная туча, и по временамъ подымался свѣжій вечерній вѣтеръ, рѣзкой струей разгонявшій остатки духоты довольно жаркаго дня. Я гналъ свою лошаденку, чтобы доѣхать, по возможности, засвѣтло и до начала грозы. Однако, маленькая мужицкая рабочая лошадь помахивала только обдерганнымъ хвостомъ на мои удары и понуканія, а двуколка попрежнему тихо подвигалась по пыльной дорогѣ. Туча надвигалась. Вечерѣло замѣтно.

Я потерялъ надежду избѣгнуть грозы и вытащилъ изъ сидѣнья захваченный изъ дому про всякій случай плэдъ. Завернувшись въ него, я философски отдался на волю отлично знавшей дорогу къ стойлу клячонки и даже не правилъ вожжами. Тихія, темнѣвшія по-малу поля, лѣса, застланные дымкою начавшагося невдалекѣ дождя, закатъ, надвигавшаяся

туча и тихое, монотонное шуршаніе колесъ да постукиваніе копытъ лошаденки—все это навѣвало на меня какую-то сонную мечтательность, и я не замѣтилъ, какъ моя двуколка очутилась въ лѣсу, переѣхала мостикъ и поплелась далѣе по узкой лѣсной дорожкѣ съ нависшими мохнатыми вѣтвями. Становилось порядочно темно: дождь закапалъ крупными каплями, все чаще и чаще, наконецъ разразился ливнемъ. Я еще плотнѣе закутался въ плэдъ. Сырость и холодъ проникали подъ одежду.

Вдругъ, на поворотѣ лѣсной дороги, мнѣ показалось, что кто-то зоветъ меня. Я оглянулся, но никого не замѣтилъ. Дождь шумѣлъ по листьямъ, по бокамъ дороги было совершенно темно. Однако, я остановилъ своего буцефала и сталъ прислушиваться. Да, меня звали.

— Послушайте!.. Какъ ваше имя,—ну, вы, студентъ!.. Подите сюда, сюда, направо... Здѣсь!..

Я оглянулся на голосъ и, вглядѣвшись пристальнѣе, увидѣлъ вправо отъ дороги, подъ большимъ деревомъ, на невысокомъ холмикѣ какую-то бѣлѣвшую фигуру. Мнѣ показалось, что я узналъ этотъ голосъ. Оставивъ лошадь на дорогѣ, я перескочилъ черезъ наполнившуюся водой придорожную канавку и подбѣжалъ къ дереву. Это была „Голубка“.

— Боже мой! Что̀ вы здѣсь дѣлаете въ такую погоду? Вдобавокъ вы одѣты такъ легко.

Она вся промокла. На ней не было пальто, на головѣ была накинута легкая косынночка; она была безъ калошъ, и легкія ботинки тонули во влажной мшистой почвѣ. Она озябла, и ея прекрасное лицо носило слѣды какого-то испуга.

— Ну, слава Богу,—сказала она, засмѣявшись:—попался хоть студентъ на выручку... Я думала, придется ночевать подъ этимъ противнымъ деревомъ. Свезите меня домой.

Я снялъ съ себя плэдъ и накинулъ на нее. Затѣмъ, не спрашивая позволенія, я поднялъ ее на руки, перенесъ черезъ канаву и усадилъ въ двуколку.

— Что это значитъ?—спросилъ я ее опять.—Что вы дѣлали въ такую погоду, вечеромъ... Впрочемъ, извините мнѣ этотъ невольный вопросъ,—главное, доставить васъ домой...

Я хлестнулъ лошаденку, и она зашлепала по лужамъ.

— Что же... Я вамъ скажу пожалуй... — сказала она, кутаясь плотнѣе въ мой плэдъ. — Ахъ, какъ хорошо, тепло... Мокро только,—я вся промокла... Какъ вы думаете, я заболѣю?.. — спросила она вдругъ какъ-то тревожно и грустно прибавила: — Да, мнѣ кажется, я заболѣю... Смотрите, пожалуйста, не говорите ему ничего о нашей встрѣчѣ... Лучше не знать ему...

— Какъ не знать? Вѣдь, я думаю, онъ насъ увидитъ.

— Ахъ, нѣтъ... Его нѣтъ дома, да, на всякій случай, мы пріѣдемъ со стороны лѣса, къ садовой калиткѣ... Видите, — прибавила она живо: — я вовсе не думала, что гроза будетъ такъ сильна; при томъ же я права, я совершенно права, а онъ не правъ... Какъ вы посмотрите на это: онъ не хотѣлъ пускать меня въ деревню... тутъ есть больная, я къ ней хожу часто, и онъ ничего не говорилъ ранѣе. А теперь тамъ дѣвочка заболѣла оспой... Такъ онъ боится... Боже мой!.. Да, онъ не боялся другихъ болѣзней, а оспа безобразитъ... Понимаете?.. Что же это такое?..

Она была въ ужасномъ волненіи. Я плотнѣе закрылъ ее пледомъ и погналъ лѣнивую клячу.

— Имѣлъ ли онъ право запрещать мнѣ, скажите, какъ вы думаете,—вѣдь онъ не имѣлъ права?.. Да нѣтъ, я и сама знаю, что нѣтъ! И меня это возмущаетъ... Ну вотъ, я и сказала, что пойду, а онъ спряталъ пальто и калоши... Слышите? Что же это, насиліе! Онъ и не подозрѣвалъ, что это насиліе, и поѣхалъ въ городъ, какъ ни въ чемъ не бывало; а я вотъ и пошла безъ пальто и безъ калошъ... Вѣдь я права, не правда ли?..

— Ну да, я права, — отвѣтила она сама себѣ:—но мнѣ жаль, очень жаль его... если я заболѣю... Слушайте, вѣдь вы понимаете, что ему не слѣдуетъ говорить ничего... Понимаете, да?..

— Да, я понимаю это,—сказалъ я ей,—но зачѣмъ непремѣнно ожидать болѣзни. Будьте бодрѣе,—все пройдетъ. Вонъ видны уже тополи вашего хутора. Пріѣдете,—сейчасъ ложитесь въ постель, да закройтесь хорошенько. Надѣюсь, въ понедѣльникъ застану васъ здоровой...

— Въ понедѣльникъ?.. Да, да! Вы не забыли... А мы вѣдь не уѣхали, можетъ, послѣзавтра уѣдемъ, но все равно—къ тому воскресенью воротимся...

Я остановилъ телѣжку у узкой садовой калитки, высадилъ „Голубку“ и проводилъ ее до дверей ея дома. Заглянувъ въ окно, она обернулась ко мнѣ съ довольной улыбкой и сказала: „нѣтъ его, — не пріѣхалъ!“ Затѣмъ она пожала мнѣ руку, улыбнулась на прощанье и вошла въ домикъ. Я тоже отправился домой.

IX.

Природа шутитъ иногда очень скверныя шутки.

Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, утромъ, выходя съ ружьемъ изъ лѣсу, я увидѣлъ издали на дорогѣ, пересѣкавшей чугунку, процессію. Попъ въ парчевой ризѣ, сверкавшей на

солнцѣ, шелъ, помахивая кадиломъ, густой басъ дьякона раскатывался въ жаркомъ воздухѣ, вѣтеръ игралъ старыми хоругвями, кадильный дымъ синими струйками таялъ въ солнечномъ свѣтѣ, смѣшивая запахъ ладона съ ароматомъ полевыхъ цвѣтовъ. Конецъ процессіи терялся за пригоркомъ, сквозь который прорѣзалась чугунка, а на вершинѣ этого пригорка я увидѣлъ мрачную, неподвижную фигуру Якуба. Я подошелъ къ нему, чтобы взглянуть сверху, кого хоронятъ. Когда я приблизился, старикъ повернулся ко мнѣ. По лицу его катилась слеза.

— Кого хоронятъ?—спросилъ я тихо.

Онъ живо схватилъ мою руку и указалъ мнѣ внизъ. Прямо противъ меня, слегка покачиваясь на плечахъ носильщиковъ, усыпанный живыми цвѣтами, подвигался бѣлый гробъ, и въ немъ, все залитое лучами яркаго солнца—молодое прекрасное женское лицо...

— „Голубка“,—прошепталъ Якубъ.

Я зашатался. Въ глазахъ у меня потемнѣло... Я хотѣлъ броситься, разогнать эту процессію, прогнать попа, разбить гробъ.

Мужа за гробомъ не было.

— И мужъ-то пропалъ со вчерашняго дня,—неизвѣстно гдѣ находится,—донесся ко мнѣ жалостный старушечій голосъ, сквозь жгучее чувство, сжавшее мнѣ сердце, давившее мозгъ.

X.

На лѣса и поля спустился вечеръ, и опять лѣтняя ночь укутала землю: звѣзды блестятъ и мерцаютъ, плещется рѣчка, лѣсъ шумитъ и колышется, и бѣжитъ по полю вѣтеръ, волнуя высокія травы... А тамъ, за низкой оградой, подъ тѣнью ивъ и березокъ, могилка...

Въ тотъ вечеръ мы съ Якубомъ молча сидѣли у костра, и на душѣ у насъ была, кажется, одна тяжелая дума. Я ничего не сознавалъ, ни одна опредѣленная мысль не выдѣлялась ясно изъ темнаго хаоса какихъ-то смутныхъ обрывковъ мыслей, представленій. Эта молодая погибшая жизнь все во мнѣ спутала, перемѣшала, сбила. Старикъ былъ также мраченъ и молча смотрѣлъ на огонь.

Вдругъ изъ этого хаоса, точно молнія, прорѣзалась мысль: „а мужъ?“ Я вздрогнулъ и вскочилъ на ноги. Якубъ вскинулъ на меня глазами.

— Мужъ, гдѣ мужъ? — вскричалъ я, точно онъ могъ мнѣ отвѣтить.

— Гдѣ? Вѣдь ты слышалъ,—пропалъ...

— Надо искать, найти его, во что бы то ни стало!..

— Когда вспомнилъ, — сказалъ Якубъ сумрачно:—гдѣ теперь найдешь его... Ищутъ, — добавилъ онъ, — да врядъ ли найдутъ. Смотри вонъ...

Я оглянулся. Между деревьями замелькали огни. Нѣсколько человѣкъ съ фонарями приближались къ намъ.

— Здравствуйте, — сказали они, приблизившись и разглядѣвъ насъ.

— Здравствуйте и вы,—лаконически отвѣтилъ Якубъ.

— Нѣтъ нашего барина, слыхали? — сказалъ одинъ.

— Слыхали, — былъ отвѣтъ.

— Мы было увидѣли свѣтъ — обрадовались; не онъ ли, думаемъ... Да нѣтъ... Не знаемъ ужъ, гдѣ и искать...

— Гдѣ?—сказалъ Якубъ мрачно. —Извѣстно гдѣ, — гдѣ барыня, тамъ и баринъ...

— На могилѣ? Нѣтъ, были ужъ.

— На могилѣ?.. Зачѣмъ? Въ могилѣ не она, — серьезно сказалъ Якубъ,—а ея тѣло...

— Такъ,—подтвердили пришедшіе.

Они сняли шапки и перекрестились.

— Нѣтъ, видно, нечего искать, — сказалъ старшій изъ нихъ,—не найти... Такая, видно, ужъ имъ горемычнымъ судьба вышла...

— Эхъ, жалко,—сказалъ голосъ помоложе.

— Жалко,—подтвердилъ Якубъ...—Ничего не подѣлаешь...

— Видно вправду нѣтъ его живого,—да и пистолетъ пропалъ съ нимъ вмѣстѣ изъ комнаты.

— Пистолетъ?— спросилъ я, встрепенувшись.

— Да, револьверъ.

— Нигдѣ не слышно было выстрѣла,—онъ живъ!..

Мысль поразила всѣхъ, только Якубъ пожалъ плечами.

— Вотъ рѣчка, — мотнулъ онъ головой въ ея сторону,—а въ лѣсу деревьевъ много.

Всѣ опять смолкли. Рѣчка тихо плескалась невдалекѣ, подъ густымъ покровомъ ночи, а лѣсъ шумѣлъ таинственно и глухо...

— Прощайте,—сказалъ старшій изъ искавшихъ.

— Прощайте и вы.

— Нѣтъ, постойте, — сказалъ я. — Нельзя же такъ, неужели бросить? Можетъ, онъ живъ еще... Послушайте, пойдемте, поищемъ еще!..

— Поищемъ, можетъ живъ,—сказалъ голосъ помоложе.

— Не вѣрю я,—сказалъ Якубъ.

— Не вѣрю,—подтвердилъ старикъ слуга.

— Живъ, можетъ...,—сказалъ тотъ же молодой голосъ.

Я схватилъ говорившаго за руку.

— Пойдемте, пойдемъ мы съ вами.

— Пойдемъ.

Я наскоро накинулъ пальто, и мы двинулись. Якубъ и старикъ молча смотрѣли на насъ, но не сказали ни слова.

Перейдя мостикъ, кое-какъ перекинутый черезъ рѣчку, мы углубились въ чащу. Высокія сосны таинственно шумѣли вершинами; кой-гдѣ сквозь листву прорѣзывались блѣдные лучи мѣсяца, выхватывая изъ мрака куски стволовъ, мохнатыя вѣтви, точно протянутыя руки, качавшіяся надъ темной бездной. Но временамъ вѣтеръ подымался сильнѣе, и тогда по всему лѣсу, по терявшимся во мракѣ вершинамъ, пробѣгалъ вздохъ, — глубокій, протяжный вздохъ лѣса...

Свѣтъ фонарей освѣщалъ предметы на близкомъ разстояніи довольно ясно. Мы смотрѣли подъ кусты, заглядывали въ лощины, со страхомъ посматривали на вѣтви... Но никого не было видно въ сумрачно-молчаливыхъ чащахъ. Мнѣ пришла въ голову мысль.

— Послушайте, — сказалъ я своему спутнику. — Свѣтъ не много помогаетъ намъ, а между тѣмъ, завидѣвъ огонь, онъ можетъ скрыться нарочно. Надо задуть фонари.

Малому, очевидно, было не по себѣ, но онъ согласился со мною. Мы погасили огни и остались во мракѣ...

Часа три уже искали мы, и все напрасно. Луна зашла, лѣсъ погрузился въ безпросвѣтную тьму. Было нѣсколько жутко, но я напалъ на новую мысль.

— Послушайте, — обратился я опять къ товарищу моихъ поисковъ.—Мы напрасно ходимъ вдвоемъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Что увидятъ двое, то легко разглядѣть и одному... Разойдемся,—мы тогда больше исходимъ.

Онъ колебался. Я взялъ его за руку.

— Послушайте, вѣдь онъ живъ,—неужели же мы не найдемъ его?

— Хорошо,—сказалъ онъ,—правда! Прощайте же...

Мы разстались.

Я пошелъ направо, онъ — налѣво.

Долго еще бродилъ я по лѣсу, со страхомъ прислушиваясь, не услышу ли гдѣ голоса, шаговъ. По временамъ мнѣ казалось, что я слышу ихъ. Порою до напряженнаго слуха доносились изъ таинственной чащи точно рыданія, стоны. Но я шелъ на эти звуки, и все опять было пусто и тихо, только по вершинамъ сосенъ шелъ все тотъ же таинственный шорохъ, да гдѣ-то въ далекой деревнѣ вскрикивалъ чуткій пѣтухъ. Была полночь.

Солнце давно уже стояло на небѣ, когда я, усталый, безъ надежды, вернулся къ нашей хаткѣ. Якубъ не спалъ уже, но, встрѣтивъ меня, не сказалъ ни слова, только посмотрѣлъ на меня мягче, чѣмъ обыкновенно; на крыльцѣ, подъ навѣсомъ, я увидѣлъ заботливо приготовленную постель изъ свѣжаго сѣна, съ чистымъ бѣльемъ и одѣяломъ. Я бросился туда, не раздѣваясь. Сквозь полудремоту слышалъ я, какъ Якубъ крестилъ меня и заботливо укрывалъ одѣяломъ...

Я погрузился въ глубокій, тяжелый сонъ...

XI.

Спалъ я, должно быть, долго.

Во снѣ мы часто бываемъ умнѣе, чѣмъ наяву. Подавленный впечатлѣніями мозгъ, теряясь среди мелкихъ фактовъ, спутанный часто невѣрнымъ чисто логическимъ выводомъ,—во снѣ отдыхаетъ, освобождается отъ этихъ давленій; его отправленія очищаются, представленіе все болѣе господствуетъ надъ логическимъ мышленіемъ, непосредственное ощущеніе—образъ вырисовывается на тусклой поверхности взбаламученной мысли.

То же случилось теперь со мною. Я вскочилъ на ноги, какъ ошпаренный. Мнѣ приснилась лужайка, гдѣ я встрѣтилъ въ первый разъ „Голубковъ", и на этой лужайкѣ я видѣлъ во снѣ его вмѣстѣ съ нею.

Боже, какъ я не догадался ранѣе! Да, онъ тамъ „съ нею"! Онъ не шелъ за гробомъ, не могъ быть на могилѣ. Онъ тамъ! Это была ихъ послѣдняя прогулка.

— Якубъ!—вскрикнулъ я. — Якубъ!

Но Якуба не было. Его винтовка висѣла въ комнатѣ, на стѣнѣ, значитъ, онъ ушелъ не на охоту. Я еще позвалъ его, но онъ не откликнулся.

А спалъ я, очевидно, очень долго. Въ которомъ часу я заснулъ — не знаю, но вотъ уже солнце опять садится за синѣющіе лѣса, и вечерняя прохлада ясно ощущается въ воздухѣ.

Я наскоро умылся и, еще разъ громко кликнувъ Якуба, который опять не явился, побѣжалъ въ лѣсъ, по направленію къ лужайкѣ. Туда надо было пройти верстъ пять, и я торопился, чтобы добѣжать туда до ночи.

На югѣ сумерки падаютъ быстро. Тьма точно льется сверху цѣлыми массами, и, кажется, видишь, какъ вдругъ, на глазахъ, она приливаетъ, сгущается...

Мнѣ оставалось еще версты три, когда на вершинахъ деревьевъ потухали послѣдніе лучи заходившаго солнца...

Въ лѣсу мракъ совсѣмъ уже сгустился, когда я добѣжалъ до мѣста, гдѣ кончалась лѣсная тропинка и гдѣ приходилось сворачивать въ чащу орѣшника. Тутъ я остановился немного, чтобы перевести духъ. Сердце у меня сильно билось, въ вискахъ стучало,—давешній сонъ не особенно подкрѣпилъ меня, и я чувствовалъ еще сильную усталость послѣ прошедшей ночи.

Я былъ увѣренъ, что найду его тамъ,—но живъ ли онъ? Я ясно представлялъ себѣ, что долженъ онъ былъ перечувствовать на этомъ мѣстѣ. Впрочемъ, выстрѣла не было...

Когда изнеможеніе нѣсколько прошло, и сердце перестало такъ порывисто биться,—я опять рванулся въ чащу; сухой валежникъ затрещалъ у меня подъ ногами, и этотъ рѣзкій, сухой трескъ образумилъ меня. Я вспомнилъ, что надо дѣйствовать осторожно,—почему?—я себѣ ясно не отдавалъ въ этомъ отчета: я могъ испугать его, или... Во мнѣ бродило какое-то неясное представленіе...

Какъ бы то ни было, я пошелъ тихо, осторожно раздвигая вѣтви и почти не производя шума.

Вотъ болотце, мимо котораго мы шли съ „Голубкой"—я и онъ рядомъ, а она подъ руку со мною. Надъ болотомъ стояли сизые столбы пара, они выдѣлялись изъ затѣненнаго мѣста своими верхушками, и въ нихъ игралъ уже синеватый свѣтъ подымавшагося мѣсяца. Ночь будетъ лунная, свѣтлая...

Вотъ темная, полузаросшая тропинка между нависшими вѣтвями густого орѣшника, вотъ небольшая лужайка, а тамъ, за нею, еще рядъ кустовъ и другая лужайка, та самая...

У меня сжалось сердце. Еще двѣ недѣли назадъ она была здѣсь, живая и веселая, а теперь я ищу его одного, быть можетъ тоже мертваго...

Сумерки сгущались все болѣе и болѣе. Чащи чернѣли, мрачныя и таинственныя, и только на лужайкахъ было свѣтлѣе отъ луны.

Я остановился... Мнѣ почудились какіе-то звуки... Я сталъ прислушиваться, но сердце у меня билось такъ сильно, что вначалѣ я не могъ ничего разобрать. Но вотъ, вотъ... яснѣе и яснѣе сквозь журчаніе лѣсного источника и шопотъ деревьевъ доносятся какіе-то звуки, чуждые голосу лѣса,—звуки, похожіе на голосъ человѣка. Я тихонько наклонился къ ручью и, зачерпнувъ ладонью воды, смочилъ горячій лобъ. Сдѣлавъ это, я опять прислушался.

Нѣтъ, я не ошибся. Да, это человѣческій голосъ... Человѣческіе шаги по временамъ раздавались тоже... Походка была порывистая и неровная.

Я призвалъ все мое самообладаніе. Наклонившись къ ручью и еще разъ омочивъ голову, я выпрямился и почувствовалъ себя бодрѣе. Силою воли я успокоилъ расходившіеся нервы,— я чувствовалъ, что мнѣ нужны вся моя сила и самообладаніе... И они у меня явились.

Осторожно, едва раздвигая кусты, двинулся я сквозь послѣднюю преграду. Вотъ дерево, подъ которымъ я спалъ въ памятный день. Я хотѣлъ здѣсь остановиться, но лунные лучи ударяли прямо сюда, и на полянку мнѣ пришлось бы смотрѣть противъ свѣта. Удобнѣе было помѣститься на затѣненной сторонѣ лужайки.

Съ прежними предосторожностями обогнулъ я опушку и подошелъ очень близко къ старому пню, на которомъ стояла тогда „Голубка". Я разсчиталъ, что онъ долженъ быть именно здѣсь, и не ошибся.

Да, онъ былъ тутъ. У подножья стараго ствола я увидѣлъ темную склоненную фигуру... Онъ точно стоялъ на колѣняхъ, положивъ голову на руки, лежавшія на мохнатомъ пнищѣ. Онъ, казалось, молился, плакалъ или спалъ...

XII.

Итакъ, цѣль достигнута... Вотъ онъ, котораго я искалъ такъ долго и такъ безуспѣшно; вотъ онъ — въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Что же дальше?

Онъ шевельнулся; одна рука его свѣсилась и вышла изъ тѣни. Въ этой блѣдной рукѣ, освѣщенной лучами яркаго мѣсяца, что-то сверкнуло синеватымъ матовымъ блескомъ... Револьверъ...

Положеніе усложнялось. Я облокотился о ближайшій орѣховый стволъ и сталъ обдумывать, какъ вдругъ, въ сторонѣ большого дерева, подъ которымъ я тогда спалъ, послышался шумъ. Какая-то большая птица взмахнула крыльями и шарахнулась вонъ изъ кустовъ. Я взглянулъ туда и тотчасъ же перевелъ глаза на него. Онъ стоялъ на полянѣ, оборотившись въ ту сторону...

Его одежда была въ безпорядкѣ, волосы растрепаны; въ правой рукѣ, которая была судорожно сжата, онъ держалъ револьверъ. Сознавалъ ли онъ, что было у него въ этой рукѣ?..

Я старался разглядѣть выраженіе его лица, но оно было въ тѣни... Вотъ онъ повернулся; яркіе лучи мѣсяца освѣтили его черты: онѣ были блѣдны, выраженіе лица было совершенно то же, съ какимъ онъ повернулся въ тотъ день ко мнѣ, когда я вышелъ изъ чащи.

Я ясно разслышалъ слова:

— Милостивый государь...

Тотъ же голосъ, то же сердитое выраженіе. Я понялъ, и дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. Онъ или въ горячкѣ, или помѣшанъ. Онъ, очевидно, находился подъ вліяніемъ того эпизода,—соотвѣтствующая обстановка внушила ему эти воспоминанія. Только теперь въ интонаціи голоса вражда слышалась глубже, непримиримѣе, точно вся горечь пережитыхъ двухъ сутокъ вылилась въ этомъ чувствѣ.

Я сознавалъ, что если онъ замѣтитъ меня — мнѣ грозитъ страшная опасность; но всѣ мои чувства сосредоточились въ наблюденіи, и за себя мнѣ не было страшно.

Онъ ждалъ... Все было тихо. Я слышалъ, какъ билось мое сердце...

— Никого,—послышался его голосъ, и онъ опять подошелъ къ старому стволу.—Его нѣтъ, никого нѣтъ... Глушь... никто не услышитъ...

Странное, тоскливое чувство сжало мнѣ сердце. Я увидѣлъ, какъ этотъ безумецъ, говоря что-то, вѣроятно, повторяя тѣ же слова, крѣпко сжималъ объятія, точно лаская въ нихъ... призракъ.

Былъ ли онъ счастливъ? Не знаю, — голосъ его былъ глухъ и звучалъ какъ-то неестественно, дико, точно голосъ автомата...

Я замѣтилъ, что въ рукѣ у него ничего уже не было.

Осмотрѣвшись внимательно, я увидѣлъ невдалекѣ отъ него въ густой травѣ револьверъ... Если мнѣ удастся взять его незамѣтно,—онъ будетъ спасенъ.

Трудно. Но вотъ онъ вздрогнулъ, оглянулся какъ-то испуганно, дико и черезъ мгновеніе опять опустился, какъ прежде, свѣсивъ голову на руки. Я замѣтилъ, что лѣвая рука его автоматически сжималась и разжималась, точно искала. Онъ инстинктивно чувствовалъ отсутствіе чего-то, къ чему привыкло его осязаніе.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ стихъ совершенно, только рука все еще по временамъ шевелилась, сжимаясь и разжимаясь...

Я рѣшился. Тихонько, безъ шума, вышелъ я изъ засады, подошелъ къ нему, поднялъ револьверъ и такъ же тихо возвратился на прежнее мѣсто. Затѣмъ я сунулъ револьверъ въ кусты. Онъ спасенъ...

Въ рукахъ у него не было оружія, и теперь онъ былъ въ моей власти. Правда, и теперь у меня не было опредѣленнаго плана, но я могъ выжидать. Я силенъ и могу помѣшать всякой попыткѣ съ его стороны, а тамъ насъ могутъ найти. Наконецъ, онъ ослабѣетъ ранѣе меня.

Итакъ, оставалось лишь ждать. Я выбралъ мѣсто поудобнѣе и присѣлъ подъ дерево, облокотившись на мшистомъ мягкомъ стволѣ.

Такимъ образомъ потянулись часы, долгіе, безконечные. Я не сводилъ глазъ съ темной фигуры и, казалось, не спалъ ни на одну минуту. По крайней мѣрѣ я не помню ни малѣйшаго перерыва въ моихъ наблюденіяхъ. Тотъ же клочекъ синяго неба съ нѣсколькими яркими звѣздочками, темные силуэты качавшихся вѣтокъ, листья съ золотыми отъ луннаго свѣта краями, тихій шопотъ деревьевъ и темная фигура у стараго пнища... Вдругъ я почувствовалъ непріятное ощущеніе, какое приходилось испытывать въ дѣтствѣ, просыпаясь подъ впечатлѣніемъ невыученнаго урока. Впрочемъ, повторяю, я не сознавалъ пробужденія,—я только напрягалъ свое зрѣніе, вглядѣлся...

У стараго пня никого уже не было.

XIII.

Итакъ, я упустилъ его. Опять бродитъ одинъ, въ таинственной чащѣ, гдѣ онъ можетъ встрѣтиться только со смертью. И быть можетъ — онъ уже встрѣтилъ ее. Онъ былъ тутъ, въ рукахъ у меня, и я проспалъ... проспалъ жизнь человѣка!..

Гдѣ теперь искать? Вокругъ стояла опять та же чаща, въ которой мы бродили вчера, безъ путеводной нити, безъ надежды... Опять тотъ же мракъ и тотъ же грустно таинственный шорохъ деревьевъ... Гдѣ онъ?..

Я сталъ прислушиваться. Вотъ они, голоса ночи и лѣса!.. На фонѣ общаго шума великановъ ближняго сосноваго бора выдѣляется журчаніе лѣсного ручья; вотъ свистъ крыльевъ поднявшихся съ лѣсного озера птицъ; вотъ осина, дрожа отъ предутренняго холода, шепчетъ что-то тревожно и печально и быстро, а высокій могучій дубъ, поднявшійся надъ мелкими деревцами навстрѣчу близкому разсвѣту, издаетъ низкіе важные звуки, точно посылая успокоеніе въ темныя, объятыя ужасомъ чащи.

И затѣмъ—все тихо. Темно въ лѣсу, холодъ прохватываетъ сумрачныя дубравы, неясно обозначаются кой-гдѣ столбы болотныхъ тумановъ...

А надъ лѣсомъ мигаютъ, блѣднѣя, звѣзды. Легкія тучки поднялись и заходили. Да, разсвѣтъ близко...

Вдругъ издалека чуть слышно донесся протяжный окликъ. То Якубъ бродилъ по лѣсу и звалъ меня по имени.

Дальше, дальше. Чуткое ухо ловитъ звуки яснѣе, опредѣ-

леннѣе, далѣе. Я охватывалъ слухомъ все большій и большій районъ. Вотъ издалека несется лай собаки. Это за лѣсомъ, за рѣчкой, въ деревнѣ. Крикъ пѣтуха... Вотъ въ другой сторонѣ тяжелый, неопредѣленный шумъ... Утренній поѣздъ.

Что это? Въ томъ же направленіи, но ближе, еще звуки. Это шаги... раздвигаются вѣтви. Или это обманъ?.. Нѣтъ, вотъ хрустнула вѣтка подъ наступившей ногой, другая...

Это онъ!..

Издали опять донесся окликъ Якуба, но я уже бѣжалъ въ противоположную сторону.

XIV.

Я пустился вдогонку. Вѣтви хлестали меня по лицу, валежникъ путался подъ ногами. Въ иныхъ мѣстахъ приходилось переходить черезъ болотца и ручьи, но я не обращалъ на это вниманія. Къ тому же охотничьи сапоги меня выручали. По временамъ я останавливался, чтобы прислушаться. Шаги то стихали, то слышались яснѣе. Онъ былъ близокъ къ выходу изъ лѣса, и тутъ полянки перемежались съ густымъ кустарникомъ. Въ томъ направленіи была дорога, пролегавшая широкою просѣкой, но онъ шелъ прямо, ломая и раздвигая кусты.

Между тѣмъ въ лѣсу совершенно стемнѣло. Луна, которая золотила незадолго верхушки деревьевъ, закатилась, и передъ наступленіемъ утра мракъ еще разъ закуталъ спящую землю...

Я бѣжалъ быстро. Онъ былъ довольно далеко, и къ тому же теперь не приходилось принимать прежнихъ предосторожностей. Внѣ этой поляны—я не думалъ, чтобы онъ могъ ждать моего появленія или даже слышать мои шаги. Здѣсь ничто не напоминало ему обо мнѣ, и для него, вѣроятно, не существовало никого и ничего. Здѣсь онъ былъ одинъ съ подавляющимъ горемъ.

Конецъ лѣса. Шаги его давно уже стихли, и я сейчасъ, вѣроятно, увижу его въ полѣ. Темно. Звѣзды мерцаютъ, но не свѣтятъ. На горизонтѣ вырисовывается темный силуэтъ другого лѣса и на немъ выдѣляются, точно два глаза, два фонаря бѣгущаго поѣзда. Тяжелый шумъ нарушаетъ тишину отходящей ночи...

Вся природа спала глубокимъ предутреннимъ сномъ. Не было слышно ни лая собаки, ни крика пѣтуха. Надъ лощинами волновалась легкая дымка тумановъ, точно пологомъ одѣвшая землю. И только это двуглазое чудовище, не знавшее ни сна, ни утомленія, мѣрно, безостановочно, ровно, громыхая по рельсамъ, неслось впередъ и впередъ...

Быть-можетъ, это результатъ событій той ночи, но я и до сихъ поръ не могу избавиться отъ какого-то смутнаго, но очень сильнаго чувства, при видѣ ночного и особенно утренняго поѣзда. Этотъ ровный, безстрастный бѣгъ, это движеніе среди сна всей природы и эти два угрожающіе глаза наводятъ на меня чувство почти суевѣрнаго страха.

Но вотъ шумъ сталъ вдругъ какъ-то ровнѣе и тише. Поѣздъ вышелъ изъ просѣки, гдѣ его грохотъ, отражаясь отъ стѣнъ густого лѣса, гулко разносился среди спокойнаго воздуха ночи. Теперь онъ почти безшумно катится по рельсамъ. все выростаетъ темная громада. Длинная. темная лента, изгибаясь на поворотахъ, тянется за локомотивомъ.

Гдѣ же онъ? Вотъ вдали высокая фигура. Онъ идетъ прямо въ направленіи къ желѣзной дорогѣ, которая въ этомъ мѣстѣ прорѣзываетъ холмикъ. На этомъ-то холмикѣ стоялъ я съ Якубомъ, когда хоронили „Голубку". Нѣсколько влѣво былъ мостикъ, по которому пролегала конная дорога. Черезъ этотъ же мостикъ приходились итти въ усадьбу „Голубей". Туда ли идетъ онъ?

Я остановился съ цѣлью выждать, куда онъ направится. Если онъ поворотитъ влѣво, къ мостику черезъ рѣку, значитъ. онъ идетъ къ себѣ; тогда я перейду въ бродъ неглубокую рѣчку и пойду ему на перерѣзъ. Я разбужу его людей раньше, чѣмъ онъ будетъ дома. Тогда онъ спасенъ.

Вотъ онъ уже близко отъ холмика. Темная фигура двигалась ровно и быстро. Справа еще быстрѣе и такъ же ровно двигался поѣздъ.

У меня вдругъ мелькнула мысль, отъ которой я вздрогнулъ. Этотъ безумный человѣкъ и это бездушное чудовище такъ близко другъ отъ друга.

Но нѣтъ, поѣздъ шелъ быстрѣе человѣка. Вотъ онъ уже у мостика, вотъ онъ врѣзался въ холмикъ. Черная полоса все короче и короче, все исчезаетъ, а чудовищная голова пялитъ огненные глаза уже съ другой стороны холма. Человѣкъ только еще у подножія.

Онъ стоялъ на гребнѣ возвышенія, и его темный силуэтъ рисовался на синевѣ ночного неба, а поѣздъ мчался далѣе.

Я помню, что онъ повернулся къ поѣзду и, точно инстинктивно, двинулся нѣсколько шаговъ вслѣдъ за нимъ. Но поѣздъ по прежнему неудержимо мчался по рельсамъ. Только теперь онъ глядѣлъ уже однимъ глазомъ... Другой глазъ чудовища былъ точно прищуренъ...

Человѣкъ остановился. Въ это мгновеніе на близкомъ возвышенномъ горизонтѣ, съ востока, на второмъ пути, быстро

и неожиданно, безъ шума, безъ свистка, даже безъ пара въ трубѣ локомотива, вдругъ вынырнулъ новый поѣздъ. Чудовище, казалось, остановилось на секунду на возвышеніи и оглянуло оттуда огненными глазами разстилавшуюся подъ нимъ широкую потемнѣвшую равнину. И вотъ они движутся другъ противъ друга, одинъ все уменьшаясь, другой — выростая. Вотъ они близко... Встрѣча... Въ ночномъ воздухѣ пронеслось громыханіе, лязгъ цѣпей и свистки. Звуки отражались отъ стѣнокъ, и эхо отчетливо, ясно и грозно кинуло ихъ въ безмолвную тишь притаившейся ночи. Нѣсколько мгновеній, и шумъ опять сталъ ровнѣе и тише. Казалось, это былъ короткій разговоръ двухъ чудовищъ на ихъ своеобразномъ желѣзномъ нарѣчіи.

Теперь одинъ исчезаетъ, и пылающій глазъ его тускнѣетъ и меркнетъ... Вотъ онъ сверкнулъ на горизонтѣ и скрылся... Другой выростаетъ, и оба глаза его разгораются ярче...

Я понялъ, да, именно *понялъ* это безмолвное *тріо* и тотчасъ же взглянулъ на вершину холма.

Человѣка тамъ не было.

Я кинулся со всѣхъ ногъ по направленію къ желѣзной дорогѣ. Поѣздъ съ бѣшеной быстротой мчался по рельсамъ, но я былъ ближе. Я не чувствовалъ усталости, даже усилія. Казалось, земля сама кидалась подъ ноги, а въ ушахъ между тѣмъ раздавался, заполняя воздухъ, покрывая всѣ остальныя ощущенія, рѣзкій свистъ набѣгавшаго локомотива.

Вотъ я на возвышеніи. Слѣва, невдалекѣ, набѣгалъ поѣздъ. На полотнѣ дороги, лицомъ къ поѣзду, стоялъ человѣкъ. Человѣкъ и поѣздъ глядѣли другъ на друга. Оглушающій свистъ все шире и шире разливался необъятными волнами среди притаившей дыханіе ночи. Для меня все окружающее исчезло. Ночь замерла. Звѣзды померкли и потонули... Были только неудержимо мчавшаяся громада, человѣкъ на рельсахъ и я...

Нѣтъ, такъ нельзя. Необходимо раздвинуть эту тѣсную рамку, сжавшую мозгъ, надо думать... и вотъ, страшнымъ усиліемъ воли мнѣ удалось освободиться изъ этихъ тисковъ.

Теперь я опять вижу, сознаю, могу взвѣшивать, думать. *Онъ* стоялъ шагахъ въ десяти отъ меня; поѣздъ былъ саженяхъ въ тридцати, и это разстояніе исчезало неимовѣрно быстро. Свѣтъ фонаря ложился красной полоской вдоль полотна дороги; онъ становился все ярче, и тѣнь человѣка выступала все опредѣленнѣе, рѣзче. Сквозь раскаты свистка проступалъ все слышнѣе тяжелый грохотъ и гулъ. Машина точно торопилась: ея клокотаніе слышалось ближе и ближе, рычаги стучали все быстрѣе и чаще. Земля начала вздрагивать толчками глубже и глубже.

Въ двѣ-три секунды я былъ внизу. Быстро обѣжавъ кучи наложеннаго вдоль дороги щебня, я взбѣжалъ на полотно дороги и бросился впередъ, къ *нему*, а сзади за мною гналась машина...

Въ то мгновеніе, какъ я прикоснулся къ нему, по мнѣ точно пробѣжала электрическая искра. Поѣздъ сзади набѣгалъ все такъ же неудержимо быстро... Спереди на меня былъ устремленъ въ упоръ недоумѣвающій взглядъ автомата-безумца... Удивленіе, точно мгновенное сознаніе, испугъ и затѣмъ проблескъ сознательной глубокой вражды...

— А, это вы!..

— Скорѣе, скорѣе!..

Земля колыхалась и вздрагивала подъ ногами испуганно, точно страдала. Безпокойное рокотаніе рельсовъ слилось въ одинъ отчаянный гулъ... Паръ вырывался изъ желѣзной груди локомотива гнѣвными и точно стонущими металлическими ударами. Казалось, онъ уже тутъ, надо мною... Пора.

Я схватилъ его за плечи, сжалъ ихъ такъ, что у него хрястнули кости, затѣмъ повернулъ его вправо, отдавилъ назадъ и тотчасъ самъ соскочилъ за нимъ и сталъ внѣ рельсовъ...

Въ то же мгновеніе сильная холодная струя разбитаго быстрымъ ударомъ воздуха опахнула меня всего... Свистокъ, слышавшійся ранѣе сзади, потомъ справа, раздался вдругъ слѣва и смолкъ... Мгновеніе тишины, грозное клокотаніе пара, громъ рычаговъ, удары поршня, тяжелый грохотъ. Локомотивъ промчался мимо... Теперь за моей спиной бѣжали вагоны...

Мягкіе бѣлые клубы пара, смѣшаннаго съ дымомъ, опустились на меня угарной влажной пеленой... Я слабѣлъ... Я забывалъ опасность, борьбу, машину и безумца, и если все такъ же крѣпко сжималъ его плечи, то это было скорѣе по инерціи. Мнѣ казалось, я тону, опускаюсь куда-то, окутанный мягкими бѣлыми волнами пара...

Но вотъ сквозь эту бѣлую пелену прорѣзалась сверкающая искра, другая... Она прорвалась, разступилась. Опять тотъ же ужасающій грохотъ, громыханіе, удары... Вдобавокъ, *онъ* напрягался у меня въ рукахъ. Въ его глазахъ, смотрѣвшихъ въ мои—я читалъ какое-то назрѣвавшее рѣшеніе. Я приготовился.

Онъ кинулся безумно впередъ. Я встрѣтилъ этотъ порывъ и отдавилъ его назадъ, на прежнее мѣсто. Однако, это было очень трудно. Мое положеніе было неустойчиво. Я не могъ отодвинуть ногу назадъ, изъ опасенія попасть подъ колеса.

Нога у меня скользнула вдоль шпалы... кожаный сапогъ звякнулъ по желѣзу болта, далѣе... опора — сучокъ... трескъ. Нога продолжаетъ скользить...

О, неужели!.. Нѣтъ, еще три-четыре секунды, и поѣздъ промчится. Я замеръ въ ожиданіи, нога скользила, казалось, въ какую-то пропасть и оттуда, все выростая, подымалась волна клокотавшей и быстро мчавшейся смерти...

Вдругъ непріятное, острое ощущеніе прорѣзало всѣ мои фибры. Это былъ звукъ... звукъ заводимаго тормаза. Жизнь или смерть зависѣли отъ секунды, а поѣздъ замедлялъ ходъ.

Итакъ... Торжественное, грозное мгновеніе — да, это было, конечно, мгновеніе, но оно выдѣлилось для меня часомъ, недѣлей—неопредѣленностью.

Я взглянулъ вверхъ, на небо. Оно было темно. Прямо надо мной плыло облако. Синева, точно прорываясь оттуда, лилась внизъ и, не достигая земли, рѣдѣла,—на горизонтѣ игралъ отсвѣтъ востока.

Смерть... Неужели смерть среди пробуждающейся природы!..

Еще трескъ, еще разъ лязгнуло желѣзо. Я окончательно потерялъ равновѣсіе. Въ первую секунду я какъ-то судорожно схватился за него, но вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ мелькнувшаго сознанія: одинъ, пусть лучше одинъ! — я толкнулъ его отъ себя...

Яркое сіяніе дня исчезло, замолкла пѣсня. Глубокая тоска охватила меня, сжала сердце. Если бы было время, я бы заплакалъ.

Холодный ударъ острой струи разбитаго воздуха опахнулъ меня, пронизалъ насквозь.

Затѣмъ я грохнулся на рельсы вслѣдъ за послѣднимъ вагономъ...

Это было странное состояніе полусознанія. Туча по прежнему стояла въ зенитѣ. Рельсы подъ мною рокотали все тише... тутъ же, подлѣ меня, на землѣ бился кто-то, слышались чьи-то рыданія. Я посмотрѣлъ влѣво. Прищуренный огненный глазъ пылалъ краснымъ пламенемъ, поѣздъ, хотя замедлившій ходъ, все еще мчался впередъ. Вагонъ уменьшался и таялъ въ предутренней мглѣ. Казалось, чудовище рвалось ко мнѣ, но какая-то роковая сила увлекала его все дальше и дальше.

Вдругъ надо мной точно изъ-подъ земли выросла и наклонилась громадная фигура Якуба. Я подался къ нему, но острая, рѣжущая боль въ лѣвой рукѣ заглушила во мнѣ всѣ ощущенія.

Точно въ туманѣ мелькнуло испуганное лицо старика. Рельсы пѣли свою стихавшую, убаюкивающую пѣсню. Фонарь мерцалъ потухавшею красноватою искоркой. Затѣмъ все подернулось какой-то дымкой, въ глазахъ потемнѣло...

Я лишился чувствъ...

XV.

. . . . . .

. . . . . Поѣздъ мчится на всѣхъ парахъ. Лязгаютъ цѣпи, свистъ, все тотъ же рѣжущій, безумный и бѣшеный свистъ звенящими раскатами хлещетъ воздухъ. Грузный, тяжелый, быстрый и страшный локомотивъ гудитъ, и искры сыплются отъ него въ обѣ стороны и тонутъ во мракѣ окружающей ночи. А тамъ, впереди, опять *онъ*... что-то темное виднѣется на пути. Человѣкъ. Опять?..

...Кто-то рвется впередъ. Блѣдныя слабыя руки протягиваются туда, блѣдное, искаженное ужасомъ личико. „Голубка" страдающая, чувствующая, живая.

„Брось!" — раздается вдругъ чей-то голосъ. А, это онъ! Вотъ онъ, здоровый и бодрый, тутъ, рядомъ съ нею... онъ держитъ ее, обнимаетъ. О, дубина! нашелъ время для поцѣлуевъ! Какъ онъ ее мучитъ. Да вѣдь онъ не понимаетъ.

Я чувствую, что на мою руку налегъ кто-то тяжело. Я чувствую, какъ неровно, тревожно, страдающе бьется около чье-то бѣдное сердце.

„Не понимаетъ! Господи! Не понимаетъ!.. Неужели, о, неужели не понимаетъ?.."

И чьи-то глубоко грустные глаза смотрятъ въ мои со страхомъ и съ тѣнью улетающей надежды.

„Что же это?.."

Что это? Что же сказать ей?.. Сама, да, сама пусть пойметъ. Ударъ... да, ударъ тяжелый. Впрочемъ... да вѣдь она умерла. Судьба... слѣпая... Однако, вѣдь она умѣетъ иногда рѣшать мудреныя задачи. Но все таки... глупо. Вѣдь вотъ онъ тутъ, здоровый и бодрый, а она...

...Гулъ растетъ, разливается. А?.. Что такое?.. Да, вѣдь онъ тамъ, все тамъ, а я теряю время!..

И опять стонущій голосъ и рвущаяся впередъ, точно въ отчаяніи, фигурка.

„Брось, — строго говоритъ онъ ей, — брось! Это не наше дѣло. Вотъ видишь — онъ пойдетъ". И надменная улыбка освѣщаетъ его довольное лицо, и сквозь равнодушіе просвѣчиваетъ на немъ вражда, глубокая, сильная.

„Посмотри, — онъ пойдетъ, ему терять нечего... вѣдь онъ отказался. А мы!.. Смотри, какъ хорошо. Тѣнь и прохлада, и жизнь, и любовь, вдвоемъ, только вдвоемъ. Нѣтъ никого, никого и не надо".

И онъ опять обнимаетъ ее, и надъ ними склоняются и шепчутъ вѣтви орѣшника... И я опять чувствую на рукѣ

милую тяжесть. и опять вижу это лицо, искаженное ужасомъ сознанія. Да!.. Вѣдь она умерла.

...А я пойду, да, я пойду. И опять будетъ то же—и грохотъ, и свистъ, и шипѣніе, и тормазъ. Ахъ, зачѣмъ этотъ тормазъ?

...Да, и острая боль, и безсиліе, и этотъ фонарь, мелькающій искрой во мракѣ, застилающемъ глаза, когда вся природа одѣвается свѣтомъ... И безпамятство, смерть.

Острая, жгучая боль, значитъ... правда?.. Все правда. Тамъ, за этимъ предѣломъ — день и сіяніе. Струится рѣчка, лѣсъ колышется такъ же, и тѣ же слышатся пѣсни... Дальше, тише, блѣднѣе... Значитъ, этотъ туманъ, эта тьма только на моихъ глазахъ, только въ мозгу или въ сердцѣ?.. О, какъ больно, какъ страшно больно!..

. . . . . .

...Глубокій вздохъ, который я сознавалъ, которымъ я наслаждался, — вздохъ облегченія вылетѣлъ изъ груди... Что это со мною?.. Гдѣ я?.. Открою глаза и увижу... Нѣтъ, глаза тяжело сомкнуты, ихъ не раскрыть... Да развѣ надо ихъ раскрывать? Нѣтъ... не надо... зачѣмъ?..

Грудь дышитъ глубоко, съ наслажденіемъ... Голова, правда, пылаетъ, точно залитая вся чьимъ-то жаркимъ дыханіемъ. Жаръ то спадаетъ, то опять подымается и льется по всему тѣлу, по всѣмъ жиламъ, по нервамъ. Какая-то истома тоже ростетъ, охватываетъ меня всего до боли, порой до безпамятства... А навстрѣчу, словно отъ руки, на которую опиралась „Голубка“, расходится такое же жгучее ощущеніе... Какіе-то пробѣлы, перерывы въ сознаніи...

Чу! Что это? Точно звонъ струны, колеблющійся, долгій, волнистые переливы... Или это пѣсня?.. Да, кажется, пѣсня, знакомый голосъ... Сердце бьется сильнѣе, голова пылаетъ... Истома ростетъ, напрягается. И какъ хорошо, но... какъ больно!.. Голова горитъ, точно въ огнѣ. И опять сознаніе улетаетъ... все тихо...

...А, это старикъ Якубъ. Да, это онъ!.. „Не мудруй, говорю, не мудруй, тяжело!“

...Тихая, сладкая тѣнь... Тяжесть спадаетъ... Въ глазахъ свѣтлѣе, точно въ закрытыя вѣки прорываются лучи яркаго солнца... Они льются сверху, въ эту лѣсную прогалину, сквозь которую виднѣется синее, синее небо. Какъ будто шепчутъ листья, склоняясь надо мной къ самому лицу, близко, близко къ глазамъ... Что они шепчутъ?.. Какой смыслъ этихъ рѣчей, гдѣ въ нихъ чувство, гдѣ правда? Кто это дышитъ тутъ же, рядомъ, надо мною? Чья это рука?..

...Вѣтви сплетаются, спускаются ниже. Синій клочекъ неба уменьшается, исчезаетъ, зелень сдвигается сплошною стѣной... Вотъ она синяя небесная ширь разостлалась надъ зелеными верхушками лѣса. А вотъ конецъ убѣгающей тучи... Вотъ она летитъ, тамъ, вверху, и край ея сейчасъ же исчезнетъ у меня изъ глазъ... Но вѣдь она не пропадетъ?.. Нѣтъ, она понесется дальше... Вотъ большой городъ, вотъ деревушки виднѣются съ высоты этой тучи... Да, она не пропадетъ, она полетитъ далѣе, свободная, свѣтлая... только я ее не увижу... Эта зелень, яркая, широкая, прохладная, все закроетъ.

А, чье-то дыханіе опять!.. Горячая слеза жжетъ мнѣ щеку... Чье-то сердце бьется опять тутъ же... Я слабѣю, зеленый пологъ сдвигается плотнѣе... Это тюрьма, прохладная, зеленая, славная...

Кто-то наклоняется ближе... чьи-то волосы, мягкіе, легкіе, душистые, касаются моего лба...

Это невеликодушно... я не могу бороться, меня удержитъ слабая женская рука... О, какъ тяжело, какъ больно бороться...

. . . . . .

Я сдѣлалъ страшное усиліе и поднялся. Рѣзкая струя яркаго свѣта рѣзнула меня по глазамъ... Я въ комнатѣ у Рожанскихъ. Въ окна врываются лучи яркаго утренняго солнца... Противъ меня, на стулѣ, въ угрюмой задумчивости сидѣлъ Якубъ, сложивъ руки на колѣняхъ и низко наклонивъ голову. Рядомъ со мной, у моего изголовья, сидѣла Соня. Я замѣтилъ ея испуганный, недоумѣвающій взглядъ, ея лицо мелькнуло предо мной, и затѣмъ я вновь откинулся на подушку и вновь впалъ въ безсознательное состояніе.

XVI.

Глаза у меня открыты. Я сижу на постели, опираясь на высоко поднятую подушку. Мнѣ хорошо, спокойно.

На стѣнѣ мелькаютъ передъ моими глазами, суживаясь, расширяясь, свѣтлые кружки; это лучи заходящаго солнца прорываются сквозь зелень листвы у окошка... Въ комнатѣ тихо, мѣрно постукиваетъ маятникъ, да оса бьется въ стекло...

Давно ли я сижу такимъ образомъ, давно ли я слушаю это мѣрное постукиваніе и тревожное жужжаніе осы? Не знаю, но мнѣ хорошо.

Чьи-то шаги... Ко мнѣ входятъ въ дверь, которая находится сзади меня. Кто-то ступаетъ на цыпочкахъ, точно боясь разбудить или потревожить меня. Мнѣ лѣнь обернуться. Чья-то жесткая рука опускается мнѣ на лобъ... А, это Якубъ.

— Здравствуйте, Якубъ.

Якубъ заглядываетъ мнѣ въ лицо...

— Очнулся... ну, полежи смирно... будешь здоровъ...

Мнѣ смѣшно,—онъ говоритъ точно съ ребенкомъ.

— Она здѣсь?..

— Ну, ну! Полно,— говоритъ Якубъ и отворачивается:— не надо.

— Что не надо? Здѣсь она?

— Вы это про Варехинскую панночку? Такъ оставьте, послѣ...

— Зачѣмъ же послѣ?.. Странно! Вѣдь она здѣсь?..

— Тутъ, а я тебѣ вотъ что̀ скажу: ты не смѣйся, рано еще смѣяться-то тебѣ... боленъ ты, вотъ что̀... Ну, и сожмись, потерпи, будетъ когда и подумать... а то разлютуется она у тебя опять, горячка-то...

Мнѣ досадно.

— Нѣтъ, вотъ что, Якубъ... Я здоровъ, понимаешь, здоровъ я... Ну, встать я не могу—правда, а только здоровъ, хорошо мнѣ. А вотъ знать надо: тутъ ли она?

Якубъ посмотрѣлъ на меня пристально и потомъ, точно убѣдившись въ чемъ-то, отвѣтилъ:

— Тутъ... давно уже. Долго ты боленъ былъ, крѣпко, страхъ — крѣпко... Помрешь—думали... только это пустое. Я зналъ: не помретъ, выдержитъ, а трудно было...

— Ну, а панночка,—добавилъ онъ, взглянувъ на меня серьезнымъ, пристальнымъ взглядомъ,—давно тутъ, на другой день пріѣхала и все около тебя сидѣла, ходила...

Старикъ былъ необычайно разговорчивъ,—я это замѣтилъ и удивился. Впрочемъ, я понялъ тотчасъ же его настроеніе,— это онъ облегчался послѣ долгаго безпокойства и тревоги... Старый чудакъ, видно, меня таки любитъ...

— Значитъ...—сказалъ я и остановился...

— Было...—отвѣтилъ Якубъ серьезно...—Ишь ты какой...— добавилъ онъ:—надумчивый... крѣпко, видно, надумалъ.

— Слышала?—живо переспросилъ я опять.

— Было...

— Поняла?

— Гмъ... плакала... Руки заломитъ и сидитъ... Что это?— спроситъ у меня,—горячка?.. Эхъ, панночка, горячка-то горячка, а видно, на сердцѣ-то глубоко дума запала...

— Что, много я говорилъ, ясно?..

— Кому ясно, а кому — Богъ знаетъ... Вареха пріѣзжалъ тоже... домой звалъ. Не поѣхала, осталась.

— А. осталась... Что это?..

— Что!—сказалъ Якубъ, не глядя на меня...—Ждетъ...

— Значитъ не поняла, а впрочемъ... можетъ, не потому; думаетъ—нужно...

— Можетъ, — сказалъ Якубъ, но въ тонѣ его слышалось что-то скептическое.

Я задумался.

— Да, а что же тотъ... Голубевъ?..

На лицѣ старика мелькнуло выраженіе какого-то неудовольствія, точно пренебреженія...

— Что съ нимъ дѣлается?..

— Какъ это вы такъ говорите — что съ нимъ? Вѣдь онъ сумасшедшій, чуть не убился.

— То было, да прошло. Какъ это онъ въ первое-то время не убился, это точно, что странно... Ну, а теперь...

— Что теперь? Онъ ее очень любилъ!..

— Эхъ, себя любилъ, вотъ что!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на него... На лицѣ его выражалось сильное неудовольствіе. Онъ смотрѣлъ въ окно, и это выраженіе усилилось.

Подъ окномъ раздались шаги; двѣ тѣни промелькнули въ свѣтломъ четыреугольникѣ, на стѣнѣ. Одна — мужская, высокая, сильная; изъ-за нея виднѣлась склоненная маленькая головка...

Сначала эта картина не произвела на меня никакого впечатлѣнія, но я взглянулъ на Якуба, и глаза наши встрѣтились. Я понялъ, что выражалъ этотъ взглядъ, и что-то точно кольнуло меня...

Что-жъ, пожалуй, и вѣрно... Это въ порядкѣ вещей, и это мое ощущеніе — глупо... Впрочемъ, кажется, мнѣ скорѣе непріятно за „Голубку". Да, кажется, такъ...

Въ смежной комнатѣ послышались шаги. Они вошли въ нее черезъ двери, выходившія на балконъ, и повидимому направлялись ко мнѣ. Подойдя къ дверямъ моей комнаты, они остановились.

— Вы туда, къ своему больному?..

— Да,—послышался тихій отвѣтъ.

— Онъ поправляется очень тихо. Все еще безъ сознанія?..

— Да.

— Болѣзнь мѣшаетъ ему видѣть... Иначе онъ бы поправился въ два дня.

Легкій вздохъ послышался въ отвѣтъ.

— До свиданія, — сказалъ опять мужчина, — вы еще не уѣзжаете?..

— Н-не знаю... До свиданія...

Легкій скрипъ двери. Я былъ очень заинтересованъ этимъ

разговоромъ. Я смотрѣлъ на лицо Якуба и на этомъ лицѣ читалъ смыслъ слышанныхъ словъ. Не смотря на видимую несложность и обыденность, разговоръ этотъ казался мнѣ многозначащимъ. Старикъ мрачно смотрѣлъ въ землю...

Я не замѣтилъ, какъ вошла Соня,—вѣрнѣе, я и замѣтилъ, но моя мысль была занята предыдущимъ.

Когда она подошла къ постели, я повернулся къ ней и тутъ только созналъ, что это собственно наша первая встрѣча. Я протянулъ ей руку.

— Здравствуйте, Софья Григорьевна...

Она застѣнчиво подняла на меня глаза, взглянула какъ-то вопросительно, робко и покраснѣла.

— Вы очнулись!..

Она еще разъ вскинула на меня глаза и еще сильнѣе покраснѣла. Очевидно, этотъ моментъ, моментъ встрѣчи — застигъ ее врасплохъ. Она, вѣроятно, иначе представляла его себѣ. Я былъ спокоенъ; я зналъ, что тонъ, въ которомъ пойдетъ разговоръ, будетъ рѣшающимъ, зналъ—и каковъ будетъ этотъ тонъ. Я владѣлъ собою свободно и не видѣлъ причины для насилія надъ собою.

— Да, я очнулся. Я вамъ очень благодаренъ, Софья Григорьевна, за ваши заботы... Вамъ было много хлопотъ... Кажется, вамъ приходилось въ первое время возиться съ двумя....

Я говорилъ искренно, какъ хорошей и доброй знакомой.

Она опустила глаза. Минуту ея опущенное лицо, очевидно, горѣло. Можетъ быть, на глазахъ были слезы, но глазъ я не видѣлъ.

— Мнѣ не было... тяжело...—начала она послѣ минутнаго молчанія:—кромѣ того, Сергѣй Григорьевичъ оправился быстро. Докторъ сказалъ, что тамъ... опасности нѣтъ. Все это... вышло потому, что за нимъ не доглядѣли. Больше сутокъ въ лѣсу... безсонница... Ну, и при этомъ сильное горе... произвело временное... Какъ это?.. Ну да, временное помраченіе. Докторъ говоритъ, что у него счастливая организація, и что у такихъ натуръ... онъ употребилъ какое-то особенное слово... Да, психозъ... ну вотъ, психозъ у такихъ натуръ не страшенъ...

Она говорила это съ нѣкоторымъ напряженіемъ,—очевидно, это былъ для нея разговоръ о постороннихъ вещахъ, служащій только предлогомъ, который позволяетъ ходить вокругъ да около главнаго, существеннаго, но щекотливаго предмета.

— Какъ же онъ теперь?

— Груститъ очень сильно, но... спокойно.

На минуту водворилось молчаніе.

Якубъ поднялъ голову, взглянулъ на насъ обоихъ, — осо-

бенно пытливо остановились его глаза на мнѣ, — и затѣмъ вышелъ изъ комнаты. Мы остались вдвоемъ.

Я взглянулъ на нее. Ея головка была низко опущена; мнѣ виднѣлись только ея роскошные русые волосы, собранные въ косу и обернутые вокругъ головы. Руками она перебирала оборку моей подушки.

— Завтра,—заговорила она тихимъ, тихимъ голосомъ,—за мной пріѣдетъ папа... и мы съ тетей уѣдемъ.

Она подняла голову и опять остановила на мнѣ тотъ же робкій, спрашивающій взглядъ. Я чувствовалъ къ ней въ эту минуту какую-то нѣжность, точно къ ребенку...

Я взялъ ея маленькую ручку въ свои руки и заставилъ ее такимъ образомъ прямо взглянуть мнѣ въ лицо. Я готовился нанести ей послѣдній ударъ... и... въ эту минуту мнѣ хотѣлось, страстно хотѣлось видѣть ея взглядъ въ самое мгновеніе удара. Въ умѣ мелькало кое-что, какое-то неопредѣленное представленіе о томъ, какъ она должна встрѣтить его.

— Софья Григорьевна, я знаю, что я много болталъ въ бреду... Вамъ приходилось, быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ мнѣ... Правда?—сказалъ я, сжимая ея маленькую руку своими руками и не спуская глазъ съ ея лица...

— Нѣтъ, не то...

Я видѣлъ ея лицо, но глаза ея смотрѣли въ сторону, она точно уклонялась...

— Да... я... не все поняла.. Это былъ... только бредъ?..

Послѣдняя фраза была полувопросомъ.

Для меня все было кончено. Что-жъ?.. Надежда была и безъ того слишкомъ слаба...

— Да, бредъ, конечно, и я не знаю, насколько онъ былъ безсвязенъ. Однако... Видите ли, Софья Григорьевна,—я много думалъ ранѣе о васъ... да, о васъ и о себѣ... Въ бреду я, вѣроятно, продолжалъ эту же мысль...

— Боже мой...—сказала она, вынимая свою руку изъ моихъ...—я не удерживалъ:—Боже мой, но эта мысль... совсѣмъ... непонятна... Я поняла только, что вы...

Она замолчала.

— Что я... воздвигаю преграды, которыхъ для васъ не существуетъ. Вы это хотѣли сказать, Софья Григорьевна?..

— Боже мой!..—въ ея голосѣ звучали сдержанныя слезы:—да!

Я вздохнулъ. Разъяснять — напрасно. Что разъяснять?.. Словъ было много и раньше, а чувства... чувства теперь стали разнородны. Мы когда-то безъ словъ понимали другъ друга; теперь мы другъ друга не понимали. Это стало фактомъ...

Я задумался и ничего не отвѣтилъ. Она сидѣла, и опять ея рука безсознательно перебирала оборку подушки. Я былъ сильно утомленъ всей этой сценой. Мнѣ казалось, я слышу какую-то грустную, все удалявшуюся, тихую пѣсню.

Вдругъ среди этой чуткой тишины мнѣ послышался звукъ, короткій, тихій, едва уловимый... Я скорѣе созналъ, чѣмъ услышалъ упавшую ей на руку слезу. Я встрепенулся и заговорилъ, но заговорилъ уже совершенно другимъ голосомъ.

— Полноте, Софья Григорьевна, не плачьте. Это необходимо. Хорошо, что мы во-время замѣтили... ошибку... Ну да, это вѣрно: это была бы ошибка, ужасная ошибка, а въ такомъ дѣлѣ —вы вѣдь это знаете—ошибка—вопросъ жизни и смерти. Что, развѣ вы не видите, что это такъ, что это дѣйствительно была бы ошибка? Развѣ вы не сознаете, что есть цѣлая область чувствъ, въ которой мы другъ для друга — чужіе?..

Она, наконецъ, не выдержала, и ея головка припала къ подушкѣ.

— Чужіе!..—послышалось мнѣ.

— Да, Софья Григорьевна, чужіе, и намъ надо взглянуть въ глаза факту. Будьте же счастливы... по своему...

— А вы?—послышалось мнѣ глухо...

Это меня тронуло,—она думала въ эту минуту и обо мнѣ.

— А я? Вы очень добры, Софья Григорьевна,—вы подумали и обо мнѣ... Ну, а я,—добавилъ я шутливо,—я большой эгоистъ, вѣдь это я для своего счастья и дѣлаю... Ну полно, не плачьте же... Вы еще молоды, вѣдь вы еще очень молоды, и жизнь приберегла для васъ много подарковъ...

„Пустое мѣсто, вотъ еще одно пустое мѣсто, которое можно заткнуть...“—мелькнула горькая мысль...

XVII.

187... годъ.

„...Нашъ деревенскій человѣкъ, что былъ у тебя о веснѣ, сказывалъ, что ты надумалъ. Что-жъ? Должно быть, надумано у тебя это крѣпко. Пріѣзжай къ намъ, покажется — такъ и совсѣмъ оставайся, и съ товарищемъ... Я теперь на своемъ хозяйствѣ, да старъ, жены, дѣтей нѣтъ, а жили мы съ тобой душевно...“

Такъ кончалось письмо Якуба. Я задумался, однако, думалъ недолго. Да, это, кажется, дѣло подходящее, и если мнѣ раньше не приходило въ голову, то лишь потому, что я не зналъ, какъ измѣнились съ тѣхъ поръ обстоятельства. Рожанскихъ уже нѣтъ, Якубъ „на своемъ хозяйствѣ“. Посмотримъ.

Станція ***ской желѣзной дороги. У кассы давка. Къ платформѣ подходитъ пассажирскій поѣздъ. Мы съ товарищемъ стоимъ у кассы, ожидаемъ очереди.

— Эй! Посторонись, любезный...

Мимо насъ, грубо проталкиваясь, проходитъ высокій господинъ, подъ руку съ красивой дамой, — впереди бѣжитъ дѣвочка лѣтъ 8-ми.

Молодое лицо моего спутника искажается гнѣвомъ. Я беру его за руку. Господинъ прямо проходитъ къ кассѣ. Жандармъ, наблюдающій за очередью, почтительно сторонится. Публика ропщетъ.

Второй звонокъ. Мы выходимъ на платформу. Вагоны полны, народъ стоитъ, тѣснота, давка.

Мы проходимъ къ заднимъ вагонамъ. А вотъ одинъ, почти совершенно пустой.

— Впередъ, впередъ проходи!—покрикиваетъ кондукторъ, но мой спутникъ отстраняетъ его, и мы входимъ въ вагонъ.

Господинъ, котораго мы уже видѣли, выходитъ изъ вагона къ кондуктору. Тотъ пожимаетъ плечами и извиняется.

Свистокъ сберъ-кондуктора, звонкій гулъ машины. Тормазъ скрипитъ, визжитъ желѣзо рельсовъ, поѣздъ трогается. Я открываю окно.

Итакъ, читатель опять встрѣчаетъ меня на ***ской желѣзной дорогѣ. Если я нѣсколько измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились впервые, если въ волосахъ у меня кой-гдѣ пробивается ранняя просѣдь, то виноваты въ этомъ не столько пролетѣвшіе годы, сколько нѣкоторое отсутствіе того, что принято называть „благополучіемъ". Жизнь интеллигентнаго бродяги, „искателя", которому такъ ужъ на роду написано обрѣтать слишкомъ часто то, чего совсѣмъ не искалъ...

...А тамъ длинная дорога... Снѣжныя широкія равнины, дремучіе спокойные лѣса, бѣдныя деревни съ разметанными непогодою крышами... Бѣдный городишко нашего сѣвера, спящаго тихимъ сномъ, сквозь который такъ и чуется близкое пробужденіе къ жизни. Каково будетъ это пробужденіе? Ждать ли, желать ли его?..

. . . . . .

„И вотъ они опять, знакомыя мѣста!"

Поѣздъ бѣжитъ быстро. Мимо мелькаютъ и скрываются окрестности уѣзднаго города С***, давно знакомыя окрестности! Вотъ они близко, мѣста, гдѣ я встрѣчалъ грудью первый набѣгавшій на меня житейскій валъ, гдѣ я рѣшалъ практически первый житейскій вопросъ!..

Вотъ они—тѣ же поля, та же дорога, тѣ же лѣса, то при-

двигающіеся къ линіи дороги, то опять убѣгающіе далеко, на край горизонта... Только теперь надъ полями лежитъ осень. Только дорога постарѣла, осунулась, опустилась; шпалы сгнили, живыя сваи мостиковъ давно уже замѣнилъ ржавый чугунъ... Только лѣса порѣдѣли, отодвинулись отъ дороги, оставивъ вмѣсто себя печально торчащіе пни да широкія кладки рубленныхъ дровъ... Только помѣщичьи усадьбы еще болѣе насупились, и стало въ нихъ еще больше выбитыхъ оконъ, повалившихся заборовъ... Что же? Вездѣ время беретъ свое, все старѣетъ... Благо, что ничего я здѣсь не оставилъ, что нечего мнѣ жалѣть позади, благо, что я могу считать объективно морщины на лицѣ этой природы, которая была юна вмѣстѣ со мною!..

Я оглянулся на своего товарища. Онъ, повидимому, начиналъ дремать. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на это лицо, молодое, энергичное, умное.

Когда я вновь высунулся въ окно вагона, началъ накрапывать дождикъ; туманная пелена, которую осень широко раскинула надъ молчаливыми полями, сгущалась; по временамъ изъ нея точно выплывали очертанія деревушки, неясные силуэты лѣсовъ, но вскорѣ они опять тонули въ мокрой, слякотной мглѣ. Капли становились чаще и чаще... и вотъ, все исчезаетъ — остается только ровная безпросвѣтная мгла, и быстро летящая машина со стономъ, лязганьемъ, свистомъ врѣзывается въ нее все дальше и дальше...

Свистокъ протянулся, раздался сильнѣе и смолкъ. Спереди послышался такой же отвѣтный свистокъ, и въ туманѣ, на запасномъ пути, сталъ вырисовываться встрѣчный поѣздъ. Повидимому, онъ только тронулся со станціи, къ которой мы подъѣзжали. Онъ еще не разошелся, нашъ же замедлялъ ходъ. При встрѣчѣ я разглядѣлъ товарный поѣздъ, обращенный на этотъ разъ въ санитарный. Вагоны не были закрыты, и въ нихъ на соломѣ лежали раненые и больные, по нѣскольку человѣкъ въ каждомъ...

Мы двигались все тише и тише. Санитарный поѣздъ скрылся въ туманѣ, сзади, а впереди все яснѣе вырисовывалась платформа. Она стояла среди поля, а мимо пролегала большая дорога: недалеко былъ уѣздный городъ.

На платформѣ виднѣлись какія-то фигуры. Тутъ же стояла тройка лошадей, запряженныхъ въ просторный тарантасъ. Порой коренная позвякивала бубенцами и порывалась впередъ...

Поѣздъ со стономъ и скрипомъ остановился у платформы. Съ передняго вагона высаживалось помѣщичье семейство, съ цѣлою кучею вещей, съ нянькой, съ дѣтьми. Пока изъ ба-

гажнаго вагона вынимали вещи, я успѣлъ разглядѣть группу, которую замѣтилъ еще издали, на платформѣ.

Два солдата, одинъ съ перевязанной рукой и съ костылемъ, другой съ повязанной головой и, повидимому, очень слабый,— сидѣли подъ небольшимъ навѣсомъ, на скамейкѣ. Раненый былъ очень угрюмъ; онъ смотрѣлъ внизъ, протянувъ здоровую руку вдоль колѣна. Лица его товарища не было видно, такъ какъ онъ былъ закутанъ широкимъ пледомъ, но вся его фигура какъ-то болѣзненно, уныло опустилась. Тутъ же, рядомъ, подъ дождемъ, стояла дѣвушка, повидимому, студентка, „стриженая"; она всматривалась въ туманную даль, точно поджидая кого-то. На ней былъ надѣтъ легкій бурнусъ; стриженые волосы промокли: черезъ плечо была перекинута дорожная сумка. Повидимому, ея пледомъ былъ закутанъ больной.

Въ это время изъ сосѣдняго вагона выскочилъ молодой человѣкъ, тоже въ пледѣ и дорожныхъ высокихъ сапогахъ, и проворно взбѣжалъ на платформу.

— Зиновьева!—окликнулъ онъ студентку.

Та обернулась. Блѣдное исхудалое лицо носило слѣды какой-то грусти, даже тоски и раздраженія. Казалось, это выраженіе давно уже не сходило съ лица, стало привычнымъ. Въ голосѣ ея, когда она заговорила, послышалась какая-то скорбная нота, и пробивалось тоже раздраженіе.

— А, Ивановъ! Вотъ счастье-то! Есть у васъ деньги?

— Немного; впрочемъ, мнѣ всѣхъ не надо. Куда вы это?

— Въ Питеръ. Да вотъ заодно больныхъ дали провожать... Вотъ высадили, надо ихъ въ X.,—телеграмму дали, да никто не встрѣтилъ...

Студентъ вынулъ изъ кошелька деньги и передалъ ей.

— Будетъ?

— Будетъ, доѣду какъ-нибудь... Свои истратила. Больна была тифомъ; теперь не знаю еще, какъ въ академіи съ экзаменомъ... Ну, да чортъ съ нимъ... — сказала она со злобой.— Вотъ сдать больныхъ,—повѣрите, дальше и смотрѣть не хочется... А хороша тоже встрѣча!.. Ну, а вы-то куда же?

Студентъ наклонился къ ней и сказалъ что-то, чего я не разслышалъ.

— Да?—спросила она.—Куда же?

— Не знаю, хочу узнать, вотъ и ѣду. Слушайте, — добавилъ онъ съ участіемъ, — вѣдь вы очень нехороши; вы еще не совсѣмъ, видно, оправились.

— Да, нехороша? Будешь хороша, — на всякомъ шагу гадости... Да вотъ, полюбуйтесь.

Она указала на больныхъ, въ голосѣ ея звучали слезы...

Студентъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ и сжималъ ей руки. Мнѣ хотѣлось, чтобы она припала къ нему и заплакала,— было бы легче.

— Ну, спасибо за деньги,—сказала она, встрепенувшись,— выручили, не знала ужъ, какъ и доѣхать. Садитесь, однако, вамъ пора.

Молодой человѣкъ еще разъ крѣпко сжалъ ея руки и тихо сказалъ что-то. Потомъ онъ направился къ вагону.

Опять свистокъ, и машина опять тронулась. Между мною и платформой мгла все сгущалась, очертанія ея тонули въ туманѣ: фигуры подъ навѣсомъ исчезли, только одинокая фигура студентки виднѣлась у края платформы. Она все всматривалась въ туманную даль. Наконецъ, и она исчезла...

Поѣздъ былъ далеко, когда на дорогѣ, пролегающей параллельно чугункѣ, я увидѣлъ двѣ крестьянскія телѣги. Мокрыя лошаденки шлепали по грязи; на одной изъ телѣгъ сидѣлъ мужчина, вродѣ фельдшера, съ лицомъ, плотно закрытымъ отъ непогоды.

Я отошелъ отъ окна и сѣлъ на свое мѣсто.

...Платформа осталась уже далеко, далеко позади. Поѣздъ мчался на всѣхъ парахъ. Мой товарищъ спалъ безмятежнымъ сномъ, а я все сидѣлъ, и думы, одна за другой, страстныя, жгучія, неслись въ головѣ подъ тысячеголосый грохотъ машины.

И видѣлась мнѣ все та же платформа, и на ней одинокая фигура студентки. Она все такъ же смотрѣла въ туманную даль... Я ясно видѣлъ выраженіе ея лица, грустное, озлобленное, страдающее. Зачѣмъ?.. — поднимались въ головѣ вопросъ за вопросомъ.

Случайно взглядъ мой упалъ опять на лицо моего спутника. Здоровье, энергія, сила... ни тѣни раздвоенности, раздраженія, сомнѣній... А тамъ?..

И опять вставалъ, точно родной, оставленный сзади образъ... И не одинъ — цѣлыя вереницы такъ хорошо знакомыхъ, такихъ дорогихъ, симпатичныхъ мнѣ лицъ... И опять тотъ же вопросъ: зачѣмъ это, зачѣмъ?..

И я проходилъ его, этотъ искусъ, но онъ уже сзади. Теперь цѣль намѣчена ясно, симпатіи сознаны, путь виденъ далеко... Впередъ!..

Да, впередъ!.. Шаги будутъ тверды. Но тамъ, сзади, я не все покидалъ равнодушно...

И неужели нельзя облегчить этотъ тяжелый искусъ, нельзя найти слова, магическаго слова, которое было бы ясно сразу для всѣхъ, кто жаждетъ слышать, безъ возможности сомнѣній, рефлексовъ!

Нѣтъ, нельзя... Эту работу не возьмешь за другого, эти моменты надо пережить, перечувствовать, перестрадать самому. И вотъ они — молодые, способные, честные, ищутъ и бьются...

И вотъ это страдающее, грустное, озлобленное лицо студентки, на распутьи всматривающейся въ туманную даль... Чего она ждетъ?.. Она знаетъ сама, что—въ лучшемъ случаѣ—ей дождаться лишь того самаго фельдшера, который ѣхалъ въ телѣгѣ, съ лицомъ, закрытымъ отъ непогоды. Что же затѣмъ?..

XVIII.

...Дверь вагона отворилась; въ нее, вмѣстѣ съ струей сырого воздуха, ворвался шумъ грохотавшаго поѣзда,—вошелъ кондукторъ и за нимъ господинъ довольно высокаго роста, худощавый, съ добродушнымъ, но какъ будто умышленно и какъ-то привычно сдержаннымъ лицомъ. На такомъ лицѣ не узнаешь, когда его обладатель шутитъ, когда говоритъ серьезно. Онъ подошелъ къ сидѣвшимъ въ другомъ углу вагона пассажирамъ.

— А, вотъ и вы! Мнѣ сказали, что вы ѣдете съ этимъ поѣздомъ. Э, да и она тутъ, моя ученица! — сказалъ онъ, замѣтивъ дѣвочку. — Здравствуй, подростающее поколѣніе, здравствуй!

Дѣвочка привѣтливо потянулась къ нему. Она вышла изъ-за скамейки и серьезно протянула ему руку.

— Ты все смѣешься надо мной,—сказала она солидно.—А ты вотъ что скажи мнѣ: видѣлъ... тамъ... на платформѣ?..

— Кого?

— Раненыхъ.

— Видѣлъ, видѣлъ... Что-жъ, раненые — какъ есть, какъ быть надо, такіе они всегда бываютъ. А что на дождѣ-то ихъ заставили ждать,—это тоже часто бываетъ; только ужъ это бы, пожалуй, и не надо...

Дѣвочка слушала внимательно и, когда онъ кончилъ, сказала:

— А барышня, которая съ ними... кто это... зачѣмъ?

— Вотъ это вопросъ!.. Какъ вы находите, а? — обратился онъ къ дамѣ.—Какъ прикажете разрѣшить его? Впрочемъ, у меня, какъ у учителя, правило: не оставлять безъ отвѣта никакихъ вопросовъ. Итакъ, изволь, подростающее поколѣніе, изволь... Кто это?—Студентка. Зачѣмъ?..—Кто ее знаетъ? Люди такіе бываютъ: своего счастія у нихъ точно нѣтъ: все чужого горя ищутъ... Такъ ли объяснилъ я, мамаша?

— Непонятно,—сказала дама.

— И невѣрно! — рѣзко и какъ-то раздраженно добавилъ мужчина.—Да, невѣрно-съ!

— Гмъ, пожалуй, не совсѣмъ точно, — сказалъ учитель, — только вы-то въ чемъ же видите эту невѣрность?

— Въ идеализаціи, да-съ! Вы идеализируете, что у такого скептика и остроумца, какъ вы, даже странно. Не нашли счастья!.. Чужое горе!.. Эхъ, просто, съ позволенія сказать, „свинство“! Какъ не найти счастья? — оно въ самомъ себѣ, оно матеріалъ, способность... какъ это говорится?.. ну да, — „жизнедѣятельность“, сила!.. А ужъ случаи быть счастливымъ, практику, такъ сказать, доставляетъ жизнь. Жизнь — великій врачъ: она залѣчиваетъ всякое горе, она доставитъ все, что хотите, было бы чѣмъ заплатить ей. А вотъ когда платить нечѣмъ—ну, тогда на себя приходится пенять: это неспособность, безсиліе, а не ваша идеализація. Отказываются!.. Пустяки! А если и отказываются, значитъ легко, значитъ позывъ не силенъ, потребности слабы, аппетитъ испорченъ... „Мучные черви“—помните? Вотъ настоящее слово!

Я слушалъ съ интересомъ. Я давно уже узналъ говорившаго... да, это онъ—Сергѣй Григорьевичъ Голубевъ, такой же рослый, здоровый, румяный, какъ и нѣкогда; только вотъ говоритъ онъ что-то ужъ слишкомъ горячо и плавно... Видно, что и онъ думалъ на эту тему, думалъ часто и со злобой.

А эта дама?.. Да, это тоже она. Что-жъ! Во мнѣ не дрогнула ни одна жилка, сердце не забилось быстрѣе. Да, они—пара. Она, моя Соня, идетъ по житейской дорогѣ подъ руку съ этимъ щеголемъ и... такъ оно и надо. Они оба представляютъ олицетвореніе довольства, буржуазнаго, добродѣтельно-сытаго... Она была одѣта со вкусомъ, но въ мѣру. Бархатъ плотно охватывалъ стройныя формы. Ея черты—спокойныя черты красавицы-матроны — носили отпечатокъ сознанія „правильно“ устроенной, исполненной добродѣтели, но и пріятной жизни. Да, именно съ такимъ выраженіемъ слѣдуетъ идти по дорогѣ жизни, опираясь на руку Сергѣя Григорьевича Голубева!..

„Учитель“ слушалъ внимательно. Выраженіе сдержанности, которое я замѣтилъ на его лицѣ ранѣе, теперь виднѣлось особенно ясно.

— Было бы чѣмъ заплатить?—повторилъ онъ.—Пожалуй... Но вѣдь иногда не хватаетъ размѣнной монеты...

Потомъ, обратившись къ дѣвочкѣ, онъ спросилъ:

— Ты была въ Швейцаріи?.. Кажется, вѣдь вы были этимъ лѣтомъ за границей?

— Были.

— Видѣли тамъ... рѣка есть такая. Плыветъ это, плыветъ широко, красиво, ровно, да вдругъ въ одномъ мѣстѣ куда-то дѣвается,—нѣтъ ея. Такъ, нѣтъ рѣки, да и только...

— Нѣтъ, я этого не видѣла.

— Ну все равно, ты ужъ мнѣ повѣрь,—есть такая рѣка... подъ землю она уходитъ. Кажется—ея нѣтъ, а только она есть, и смотришь — послѣ выходитъ она въ другомъ мѣстѣ, такая свѣтлая, чистая, хорошая, лучше прежняго...

— Что же изъ этого?—спросилъ Сергѣй Григорьевичъ съ неудовольствіемъ.

— А ничего—для васъ... А вотъ она, когда станетъ понимать васъ,—можетъ, и про рѣку вспомнитъ,—сказалъ учитель.—Да, вотъ вы — цѣльный, на диво цѣльный человѣкъ... Такіе ужъ нынѣ рѣдки, пожалуй, не менѣе рѣдки, чѣмъ другіе, тоже цѣльные, только... на томъ берегу. Но какъ вы ни цѣльны, какъ ни обставили вы свой путь, но все же... вотъ она,—видите (онъ повернулъ къ нимъ дѣвочку, ласково гладя рукой ея головку)—вѣдь въ вашей жизни она еще тоже скажетъ свое слово...

Дама со страхомъ взглянула на говорившаго; на ея красивомъ лицѣ ясно пробился испугъ, точно отблескъ далекой грозы. Сергѣй Григорьевичъ скептически улыбнулся. Для него, очевидно, не было сомнѣнія.

И вотъ мнѣ вспомнилось прошлое... „О, Серега, ты бываешь иногда удивительно глупъ!..“—послышался голосъ „Голубки“. Что̀ было бы теперь, если бы... если бы не „роковая случайность“?

Быть можетъ, она стояла бы теперь тамъ, на платформѣ, всматриваясь въ сѣрую, туманную даль?.. Или объ ней шепталъ бы студентъ: „Куда? не знаю, вотъ и ѣду“... А каково было бы тогда выраженіе этого довольнаго, надменнаго лица?..

А что, если бы тогда, въ ту ночь, когда я смотрѣлъ съ кургана на колокольню города С*** — что̀ было бы, если бы я тогда „не отказался“? На чью руку опиралась бы теперь эта красивая дама?..

Но... все пошло по иному!.. Какъ хорошо, Сергѣй Григорьевичъ, что судьба убрала съ вашего пути „Голубку“! Вѣдь она бы тоже „отказалась“...

. . . . . .

Протяжный, долгій свистокъ возвѣщаетъ приближеніе полустанціи С***. Надо разбудить товарища. Прощайте же, случайные спутники, прощай, мое прошлое!

Поѣздъ остановился; мы съ товарищемъ вышли на платформу. Вечерѣло. Солнце садилось за лѣсъ, который теперь,

какъ и тогда, кольцомъ охватывалъ далекій горизонтъ. Дождь пересталъ. А вотъ на сѣромъ небѣ—широкій просвѣтъ, яркая, свѣжая синева... Туманъ, прохваченный вечернимъ холодкомъ, осѣдаетъ... Очертанія предметовъ становятся рѣзче, опредѣленнѣе... Поднимается вечерній вѣтеръ, который клочками выхватываетъ бѣлый паръ, пышущій изъ трубы локомотива... Въ долинѣ, въ окнахъ деревни вспыхиваютъ кое-гдѣ огоньки.

Мой спутникъ стоитъ рядомъ со мною. Онъ съ любопытствомъ осматриваетъ мѣстность...

Поѣздъ начинаетъ помаленьку трогаться дальше. Быстрѣе, быстрѣе... А вотъ по дорогѣ крестьянская телѣга. Она приближается къ намъ ближе и ближе... А! Я узнаю старика.

— Вотъ и вы,—говоритъ Якубъ, слѣзая. Мы крѣпко съ нимъ обнимаемся.—А это товарищъ твой? Здорово, здорово... Ну, что же! Въ часъ добрый, гдѣ ваши вещи?

Мы уложили свой необильный багажъ. Вечеръ свѣжій, прохладный, опускался все ниже; мой спутникъ возился съ телѣгой, прилаживая наши пожитки. Мы съ старикомъ стояли на платформѣ. Я смотрѣлъ на знакомыя окрестности. Впереди огоньки загорались въ синевѣ вечера одинъ за другимъ. Издали, слѣва, со стороны дальняго лѣса доносился замиравшій свистокъ машины... Казалось, это были послѣдніе отголоски прошедшаго. Дымокъ ходилъ еще надъ чернѣющей дальнею рощей... меньше, слабѣе... исчезъ.

Хорошее, трезвое чувство спокойствія, увѣренности охватило меня всего. Впереди было ясно.

Товарищъ, склоненный надъ телѣгой, поднялъ голову и улыбнулся. Ладно!

Мы усѣлись. Якубъ взобрался послѣдній.

— Ну, съ Богомъ, въ часъ добрый. Въ дорогу, хлопче, въ дорогу!..

1879 г.

Оглавленіе

IX тома.

стр.

Не страшное. Изъ записокъ репортера. Этюдъ . . . . . .
Птицы небесныя. Разсказъ. 48
Въ Крыму.
I. Емельянъ 83
II. Рыбалка Нечипоръ. 96
Ударъ Господень 111
Современныя картинки.
I. 2.500 часовъ 117
II. Разговоръ съ „землемѣромъ“ 120

Историческія замѣтки и воспоминанія.

Покушеніе на генерала Баранова въ 1890 году. Картинка изъ недавняго прошлаго 125
Легенда о царѣ и декабристѣ. Страничка изъ исторіи освобожденія. 137
Къ исторіи отжившихъ учрежденій. 1768—1771 гг. 168
Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII вѣка. Изъ балахонской старины 184
Русская пытка въ старину. Историческій очеркъ. 195

Изъ текущей жизни.

Въ успокоенной деревнѣ. Картинки подлинной дѣйствительности . . 217
Истязательская оргія 229
О „Россіи“ и о революціи. Политическая замѣтка 233
Ликвидація псковской голодовки 239

Къ еврейскому вопросу.

Домъ № 13. Очеркъ 241
„Декларація“ В. С. Соловьева. 257
Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ. 261
О погромныхъ дѣлахъ. Предисловіе къ собранію рѣчей по дѣламъ о еврейскихъ погромахъ 280
На Лукьяновкѣ. Во время дѣла Бейлиса. 298
Бейлисъ и мултанцы 310

Библіографическія замѣтки и рецензіи.

стр.
И. А. Гончаровъ и „молодое поколѣніе". Къ 100-лѣтней годовщинѣ рожденія 315
Я. Канторовичъ.—Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ. 325
Житейскій задачникъ для дѣтей.—Мандрыки 329
Кузька—мордовскій богъ 332
Танъ.—Чукотскіе разсказы 335
А. Серафимовичъ.—Очерки и разсказы. 341
А. И. Скребицкій.—Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на западѣ. 344
В. П. Буренинъ.—Театръ. 348
Н. Тимковскій.—Повѣсти и разсказы. 353
Станиславъ Пшибышевскій.—Homo sapiens. 356
Красинскій.—Иридіонъ 363
Георгій Чулковъ.—Тайга. 366
„Сѣверные сборники". 369

Эпизоды изъ жизни „искателя" 374

По независящимъ отъ автора и редакціи обстоятельствамъ, не включены въ „Полное собраніе сочиненій“ слѣдующія произведенія: „Черты военнаго правосудія“, „Дѣло Глускера“, „Бытовое явленіе“, „О свободѣ печати“ и „Судебная рѣчь В. Г. Короленко“.

Алфавитный указатель

сочиненій В. Г. Короленко,

	томъ.	стр.
Атъ-Даванъ	I	153
Безъ языка	IV	3
Бейлисъ и мултанцы .	IX	310
Библіографическія замѣтки и рецензіи .	IX	315
Богдановичъ (Ангелъ Ивановичъ Богдановичъ)	II	329
Божій городокъ . . .	VIII	289
Буренинъ, В. П. Театръ	IX	348
Бытовые очерки . . .	III	271
Возвращеніе генерала Куропаткина . . .	VI	380
Въ борьбѣ съ дьяволомъ	IV	200
Въ голодный годъ . .	V	3
Въ дурномъ обществѣ .	II	99
Въ Крыму.		
I. Емельянъ	IX	83
II. Рыбалка Нечипоръ.	IX	96
Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ	I	147
Въ облачный день . .	III	229
Въ подслѣдственномъ отдѣленіи. См. Яшка.		
Въ пустынныхъ мѣстахъ.		
I. Ветлуга	V	222
II. Свѣтлояръ . . .	V	240
III. Пріемышъ	V	255
IV. На сѣжѣ	V	263
V. По Керженцу. — „Городинка“ . .	V	268
VI. По Керженцу.—Въ Оленевскомъ скиту и у „единовѣрцевъ“ . . .	V	276
VII. Ночная буря. — Лѣсные люди .	V	291
VIII. На кордонѣ.—Лѣсная пустыня. — Волга!	V	309
Въ успокоенной деревнѣ	IX	217
Въ холерный годъ.		
I. Холерные порядки и безпорядки. . .	III	369
II. Карантинъ на девятифутовомъ рейдѣ.	III	397
Гаршинъ (Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ).	I	401
Генералъ Думбадзе, ялтинскій генералъ-губернаторъ	VI	393
Гончаровъ И. А. и молодое поколѣніе . .	IX	315
Господа дуэлянты . .	IV	285
„Государевы ямщики“.	I	207
Двѣ картины	V	318
9 января 1905 г. . .	VI	325
„Декларація“ В. С. Соловьева	IX	257
Домъ № 13	IX	241
„Драка въ домѣ“ . .	IV	225
Дѣло Жеденева . . .	VIII	339
Дѣти подземелья. См. Въ дурномъ обществѣ.		
Единство кабинета или тайны министерства внутреннихъ дѣлъ .	VI	374
Житейскій задачникъ для дѣтей. Мандрыки.	IX	329

	томъ.	стр.
Заботы добраго пастыря грѣшной паствѣ . .	VI	390
За иконой	III	170
Заставы	VIII	333
Знаменитость конца вѣка	V	329
Изъ текущей жизни .	VIII	298
„ „ „ .	IX	217
Искушеніе	VIII	3
Историческая справка .	VI	388
Историческія замѣтки и воспоминанія . . .	IX	125
Исторія моего современника	VII	3
Истязательская оргія .	IX	229
Іоллосъ (Григорій Борисовичъ Іоллосъ) . .	II	324
„Іомъ-Кипуръ". См. „Судный день".		
Канторовичъ, Я. Средневѣковые процессы о вѣдьмахъ	IX	325
Князь Мещерскій и покойные министры .	VI	310
Князь Мещерскій—прогрессистъ!	VI	321
Командировка. См. Чудная		
Красинскій. Иридіонъ. .	IX	363
„Крестъ и полумѣсяцъ"	VI	407
Кузька — мордовскій богъ	IX	332
Курскій проектъ устраненія желтой опасности	VI	307
Къ вопросу о прислугѣ	VIII	322
Къ вопросу о ритуальныхъ убійствахъ . .	IX	261
Къ еврейскому вопросу	IX	241
Къ исторіи отжившихъ учрежденій	IX	168
Легенда о царѣ и декабристѣ	IX	137
Ликвидація псковской голодовки	IX	239
Литераторъ-обыватель .	II	332
Литературный Фондъ .	V	414
„Лѣсъ шумитъ" . . .	II	154
Любители пыточной археологіи	VIII	366
Марусина заимка . .	II	18
Мгновеніе	IV	176
Метаморфоза „Гражданина"	VI	259
Михайловскій (Николай Константиновичъ Михайловскій)	II	283
Мое первое знакомство съ Диккенсомъ . . .	II	275
Морозъ	I	240
Морской штабъ „на мирномъ положеніи" . .	VI	347
Мултанское жертвоприношеніе.		
I. Къ отчету о мултанскомъ жертвоприношеніи . .	IV	361
II. Предисловіе къ отчету о мултанскомъ дѣлѣ . .	IV	368
III. Мултанское жертвоприношеніе . .	IV	378
IV. Мой отвѣтъ г-ну Крылову . . .	IV	403
V. Приносятся ли вотяками человѣческія жертвы? .	IV	406
VI. Рѣшеніе сената по мултанскому дѣлу	IV	412
VII. Библіографическая замѣтка	IV	421
VIII. Толки печати о мултанскомъ дѣлѣ	IV	425
IX. Живучесть предразсудковъ . .	IV	431
X. Изъ Вотскаго края	IV	450
На Волгѣ	III	263
Надъ лиманомъ.		
I. „Некрасовскій корень".	VI	3
II. „Искатели" . . .	VI	16
III.	VI	36
На заводѣ	VIII	161
На затменіи	III	213
На Лукьяновкѣ . . .	IX	298
Націонализмъ, гуманность, нагайка, война	VI	342
Наши „государственные люди" и новый гулльскій инцидентъ. . .	VI	366

	томъ.	стр.
Наши на Дунаѣ . . .	VI	38
Ненастоящій городъ . .	II	78
Необходимость	IV	185
Не страшное	IX	3
Нирвана	VI	123
Ночью	II	174
Нѣкоторыя проявленія полицейскаго всемогущества	VII	373
Нѣсколько мыслей о націонализмѣ	VI	287
Огоньки	II	98
Одинъ случай	VIII	377
О латинской благонадежности	VI	398
О погромныхъ дѣлахъ .	IX	280
О „Россіи" и о революціи	IX	233
О сборникахъ Товарищества „Знаніе" за 1903 г.	V	363
„О сложности жизни" .	V	340
О судѣ, о защитѣ и о печати	VIII	298
Отголоски политическихъ переворотовъ въ уѣздномъ городѣ XVIII в.	IX	184
Откровенныя изліянія кн. Мещерскаго . .	VI	317
Отошедшіе. См. Успенскій, Чернышевскій и Чеховъ.		
Очерки сибирскаго туриста. См. „Убивецъ".		
Павловскіе очерки . .	VIII	75
Парадоксъ	II	202
Переселеніе духоборовъ въ Америку	VI	270
Письма къ жителю городской окраины . .	VI	352
Письмо къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей"	VI	300
Покушеніе на генерала Баранова . . .	IX	125
По пути	VIII	263
Послѣдній лучъ . . .	I	262
Поэзія и проза въ комиссіи Д. Ѳ. Кобеко .	VI	337
Прискорбные случаи изъ области суда . . .	VIII	311
Пріемышъ. См. Въ Пустынныхъ мѣстахъ гл. III		
Прохоръ и студенты .	VIII	123
Процессъ редактора „Русскаго Богатства"	V	393
Птицы небесныя . . .	IX	48
Пшибышевскій, Станиславъ. Homo sapiens .	IX	356
Русская дуэль въ послѣдніе годы . . .	IV	255
Русская пытка въ старину	IX	195
Русскій взглядъ на дуэли и польское „коло" .	IV	296
Рѣка играетъ	III	144
Серафимовичъ, А. Очерки и разсказы . . .	IX	341
Скабичевскій и „освобожденіе отъ журналовъ"	V	358
Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды . . .	IV	132
Скребицкій, А. И. Воспитаніе и образованіе слѣпыхъ и ихъ призрѣніе на Западѣ . . .	IX	344
Слова министра. Дѣла губернаторовъ . . .	VIII	350
Случайныя замѣтки .	VI	259
Слѣпой музыкантъ . .	III	3
Смиренные	III	119
Современная самозванщина.		
I. Самозванцы духовнаго прозванія . .	III	273
II. Самозванцы гражданскаго вѣдомства	III	315
Современныя картинки.		
I. 2.500 часовъ . . .	IX	117
II. Разговоръ съ землемѣромъ.	IX	120
Соколинецъ	I	105
Сонъ Макара	I	3
Соня Мармеладова на лекціи г-жи Лухмановой	VI	302
Сорочинская трагедія .	VI	412
Старецъ Ѳедоръ Кузьмичъ	V	385
Старый звонарь . . .	III	139
Стереотипное въ жизни русскаго писателя .	V	411

	томъ.	стр.
Судный день („Іомъ-Кипуръ")	II	219
Съ двухъ сторонъ . .	VIII	34
Сѣверные сборники. .	IX	369
Танъ. Чукотскіе разсказы	IX	335
Тимковскій, Н. Повѣсти и разсказы	IX	353
Толки печати о приговорѣ по дѣлу г. Жеденева	VIII	346
Толстой, Левъ Николаевичъ	I	299
Трагедія великаго юмориста	II	365
Третій элементъ . . .	II	294
Турчинъ и мы. . . .	VI	91
Тѣни	IV	152
Убивецъ.	I	59
Ударъ Господень . . .	IX	111
Удивительная философія	V	407
У казаковъ	VI	130
Успенскій (О Глѣбѣ Ивановичѣ Успенскомъ) .	I	325
Фабрика смерти . . .	IV	215
Феодалы	I	271
Черепъ - Спиридовичъ Артуръ Ивановичъ .	VIII	358
Черкесъ	I	190
Чернышевскій (Воспоминанія о Чернышевскомъ)	I	356
Честь мундира и нравы военной среды.		
I. Два убійства. . .	IV	303
II. „Тѣнь Сморгунера". Къ дѣламъ ген. Ковалева и Е. Голицынскаго . .	IV	308
III. Продолженіе дѣла ген. Ковалева и д-ра Забусова .	IV	313
IV. Новая „Ковалевщина" въ Костромѣ	IV	316
V. Еще о дѣлѣ генерала Ковалева .	IV	319
VI. Трагедія Ковалева и взгляды военной среды . . .	IV	326
VII. Кто виноватъ? Нѣсколько словъ „Русскому Инвалиду"	IV	343
Чеховъ (Антонъ Павловичъ Чеховъ) . . .	I	388
Чудная	II	3
Чулковъ, Георгій. Тайга.	IX	366
Эпизоды	II	358
Эпизоды изъ жизни искателя	IX	374
Южаковъ (Сергѣй Николаевичъ Южаковъ)	II	311
Яшка	I	28

489682
LR
K8467
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Полное собраніе сочиненій.
v.9
[Translit: ~~Polnoe sobranie sochineny~~]
DATE.
NAME OF BORROWER.
University of Toronto
Library
DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

BINDING LIST OCT 13 1949